

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1992 ГОД

Основан в 1957 году
академиком
М.Н. ТИКОМИРОВЫМ

МОСКВА "НАУКА"
1994

ББК 63.2
А 87

8(п)

А-87

ЦИБЛ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ПУШКИНА
УЛ. ПУШКИНА, 10
119991, М.С.

87548

Ответственный редактор
академик Н.Н. ПОКРОВСКИЙ

Редакционная коллегия:

Ю.В. Андриюшайтите,
Н.А. Долдобанова (ответственный секретарь),
В.А. Дьяков, М.П. Ирошников, С.М. Каштанов,
А.А. Курносков, Б.Г. Литвак, А.С. Прокопенко,
В.А. Черных

Рецензенты:

академик *В. Л. Янин,*
доктор исторических наук *Ю.А. Тихонов*

Археографический ежегодник за 1992 год. – М.: Наука, 1994. –
А87 365 с.

ISBN 5-02-009797-7

"Археографический ежегодник за 1992 год" содержит статьи и материалы по проблемам археографии, источниковедения, архивоведения и специальных исторических дисциплин: об опыте факсимильных изданий источников в России и за рубежом, о документальных публикациях по истории трех революций в России, о противостоянии историков С.Ф. Платонова и М.Н. Покровского, об истории официального летописания в XVII в., об основании Валаамского монастыря. Обзорные статьи посвящены автографам Наполеона, его семьи и сподвижников из собрания ГИМ, личным фондам советских государственных и общественных деятелей в ЦМAM и др. Новые материалы освещают деятельность отечественных историков Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, М.В. Довнар-Запольского, Е.Ф. Шмурло, первого русского филограноведа И.П. Лаптева. Публикуются библиографии трудов С.М. Каштанова и С.О. Шмидта.

А 0502000000-300
042(02)-94 25-94, II полугодье

ББК 63.2

ISBN 5-02-009797-7

© Коллектив авторов, 1994
© Российская академия наук, 1994

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Б.Г. Литвак

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

Историографы, как правило, интересуются движением идей или концепций исторических исследований, редко вникая в вопросы методологии. Между тем, перефразируя известное изречение Маркса, можно сказать, что истинность той или иной интерпретации исторического события может быть подтверждена или поколеблена, если проверить правильность методологии исследования. Это очень важно именно для исторической науки, где практика как критерий истины действует только опосредованно, если действует вообще. Мы слишком долгое время питались иллюзией, что правильные методологические позиции автора уже автоматически гарантируют истинность его исследования. Пришло время избавиться от этих иллюзий. Нужно поднимать престиж профессионализма в исторической науке, особенно сейчас, когда история стала объектом особенной любви литераторов и публицистов, как правило не имеющих профессиональной подготовки. В этом отношении более чем своевременна книга И.Д. Ковальченко "Методы исторического исследования" (М., 1987). Одним из ее аспектов является вопрос о соотношении задач и методик отдельных источниковедческих дисциплин (этот термин представляется более удачным, чем специальные или вспомогательные исторические дисциплины) с задачами и методикой исторического исследования.

Ограничимся проблематикой соотношения археографии и исторического исследования. Выяснение этой проблемы в наши дни особенно актуально, так как в историческом сознании общества документальность выступает гарантом истины. Для исторической науки в наши дни, на мой взгляд, публикация источников должна быть выдвинута на приоритетную позицию. До сих пор, однако, при планировании документальных изданий действует остаточный принцип. Эта позиция наносит непоправимый вред развитию исторической науки. Почему? Можно, очевидно, ограничиться тривиальным ответом, что источники – хлеб исторической науки. Но я позволю себе более подробно остановиться на этом вопросе.

По-моему, сейчас историческая наука переживает момент, очень похожий на положение, которое в ней сложилось в первое послереволюционное десятилетие. Если Октябрьская революция разрушила концепционную основу исторической науки и молодая советская историческая наука должна была заново создавать марксистско-ленинскую концепцию русского исторического процесса (конечно, не на голом месте, ибо существовали наметки этой концепции в марксистской литературе дореволюционного времени), то в наши дни мы видим прогрессивный процесс значительного изменения установившихся стереотипов по ряду существенных проблем исторического развития в нашей стране, особенно советского

* © Б.Г. Литвак

периода. В этом смысле аналогия с 20-ми годами мне представляется оправданной. Но это, так сказать, субъективный фактор. Напрашивается аналогия и по существенному, объективному фактору.

Октябрьская революция раскрыла архивы царских учреждений, стимулировала волну мемуарной литературы, что резко увеличило возможность изучения целого ряда проблем новейшей истории России. Сейчас наблюдается тот же процесс; правда, раскрытие архивов идет куда медленнее притока мемуарной и эпистолярной литературы, а также притока той самой запретной литературы, которая освобождается из так называемого спецхрана. Все это должно стать объектом научного освоения. Коль скоро мы соглашаемся с аналогичностью ситуаций 20-х и 80-х годов (конечно же, с учетом уязвимости всяких аналогий), имеет смысл обратиться к опыту начальных шагов становления советской исторической науки с точки зрения того, как сочеталось археографическое освоение нового источникового материала с изучением отдельных процессов и явлений, ранее не бывших в поле зрения науки. Ограничусь знакомым сюжетом истории крестьянских движений XIX – начала XX в., почти не затронутым дореволюционной историографией.

Образованная в 1921 г. Ученая комиссия по исследованию истории труда в России начала целенаправленный поиск и описание документов, в том числе и по истории крестьянских движений, но не ставила задачи публикации документов. Такую задачу поставила научно-издательская коллегия Центрархива, которая разработала перспективный план публикации источников, включавший издание серии "Материалы по истории крестьянского движения в России в XIX и XX вв." Она готовилась под редакцией Б.Б. Веселовского, В.И. Пичеты и В.М. Фриче. Из них только Пичета был автором книги "История крестьянских волнений в России" (Минск, 1923. Ч. I), в которой он пытался заново осмыслить весьма скудный материал дореволюционной историографии о крестьянских движениях в XIX – начале XX в. Эта серия была начата сборником "Крестьянские движения 1902 года".

Не приходится удивляться тому, что осуществление задуманной серии началось как бы с конца. Из сообщения редакции видно, что подготавливались к печати "материалы по истории крестьянского движения, непосредственно предшествовавшие реформе 1861 г., а также по истории движения в XX в."¹, т.е. предполагалось в первую очередь издать документы периода капитализма, во многом актуально политического звучания, вскрывавшие предысторию трех русских революций. Конечно, рука исследователя еще не успела до этих документов дотронуться. Разумеется далее, что именно эти публикации формировали исследовательский "спрос" на неопубликованное, они были сигнализаторами поиска, определяя критерии формирования источниковой базы. Особенно для нас важен второй аспект.

В предисловии редакции сообщает, что публикуемые материалы взяты из "архива Сената и включают в себя лишь материалы судебного следствия и т.п., не полицейского характера. Последние едва ли представляют что-либо ценное, если судить по ссылкам, приводимым в этом сборнике на данные жандармского расследования"². В этом замечании – тонкое источниковедческое наблюдение. Даже современные историки не всегда улавливают разницу в достоверности фактов, изложенных в судебной документации и в документации жандармско-полицейской. Это наблюдение, конечно же, для исследователя, взявшего в руки сборник, не могло пройти бесследно. Иное дело, если бы сборник имел в качестве предшественника какие-то исследования вопросов (публицистика, отразившая

¹ Крестьянские движения 1902 года. М.; Пг., 1923. С. 3.

² Там же. На самом деле материал извлечен из фонда Министерства юстиции.

крестьянские выступления в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г., такой роли играть не могла). Но так как данная публикация начинала не только археографическую, но и историографическую традицию, то вся последующая литература строилась в основном на материале публикации, а привлечение нового материала шло в том направлении, которое было намечено ею, вплоть до появления нового сборника документов на эту же тему³. Сравнение этих двух сборников позволит нам высветить археографические позиции 20-х годов и их трансформацию в 60-е годы.

Автор предисловия сборника 1923 г. честно отмечает, что публикуемые материалы "не дают чего-либо существенно нового по сравнению с тем, что стало известно о них русскому обществу через посредство повременной печати и правительственных сообщений того времени"⁴, имея в виду внешнюю историю событий. Но для изучения глубинных причин и "психической атмосферы", продолжал автор, известно недостаточно, а публикуемые документы "представляют собой изобильный источник для поучительнейших сопоставлений и выводов"⁵. Это написано автором тогда, когда он еще не мог знать ленинского требования об историчности, отражающей совокупность фактов в их связи⁶.

Сборник содержит 21 документ, а с учетом приложений – 28 документов; сборник 1961 г. – 158. Составители второго сборника отмечают, что сборник 1923 г. включал документы только нескольких дел Министерства юстиции. "Поэтому указанный сборник далеко не полностью отражает причины и ход движения, ведения судебного следствия, суд и расправу над участниками движения и не содержит сведений о влиянии этого движения на крестьян других местностей. Подборка документов упомянутого сборника не дает также правильного отражения руководящей роли социал-демократических организаций и "Искры" в этом движении"⁷.

Мы видим, как различаются мотивировки целесообразности публикации в первом и втором сборниках. Если не обращать внимание на необоснованную категоричность в отрицании полноты освещения судебного следствия в первом сборнике, то в целом налицо новые критерии археографической ценности издания. Откуда они взялись? Если выдвинутые в сборнике 1923 г. критерии еще нельзя назвать продуктом историографического опыта (они целиком археографического происхождения), то во втором сборнике они уже прямой результат достижений историографии вопроса. Это прежде всего касается освещения деятельности социал-демократических организаций. В сборнике 1923 г. опубликованы четыре листовки – вещественные доказательства (по одной Харьковского и Полтавского комитетов РСДРП и две не атрибутированные), а также таблица "распространения преступных воззваний в пределах Полтавской губернии". Поскольку в ходе судебного разбирательства публикации "Искры" не фигурировали, они, естественно, не получили отражения в сборнике. Но историография вопроса развивалась, и после работ Л.И. Емелях, Г.М. Деренковского и С.О. Ктитарева⁸ позиции археографа изменились под их влиянием.

В первом случае мы имели фактически повидовую публикацию, во втором –

³ Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.: Сб. документов. Харьков, 1961.

⁴ Крестьянские движения 1902 года. С. 5.

⁵ Там же.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.

⁷ Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. С. III.

⁸ Емелях Л.И. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. // ИЗ. 1951. Т. 38; Деренковский Г.М. Ленинская "Искра" и крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губ. в 1902 г. // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. М., 1954. Вып. 2; Ктитарев С.О. Ленінська "Искра" і піднесення революційного руху на Україні. Київ, 1959.

хрестоматийно-тематическую, каждая часть которой (название разделов, дозировка в них документов и т.д.) выверена по достигнутой историографией концепции. Таким образом, выявляются отрицательные последствия этого историографического влияния, когда архивно-археографическая задача публикации – предоставление исследователю нового документального материала – все более подчиняется историографической "установке".

Между тем задача публикаторов, готовящих издание научного типа, не идентична задачам историка-исследователя, хотя она в конечном итоге служит той же цели. Публикация-"исследование" уместна и даже желательна в самом начале историографической традиции; в дальнейшем ее участие в историографическом процессе должно сводиться не к простому документальному иллюстрированию уже достигнутого историографией, а к высечиванию таких тайников документального наследия, которые еще не включены в научный оборот. Конечно, стремление публикаторов к наивозможнейшей полноте идеально, но осуществить полную публикацию источниковой базы для изучения даже такого четко очерченного события, как крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г., в сборнике 1961 г. не удалось; более того, мнимая реализация этого стремления привела к нелепой для научного издания практике перепечатки документов из вполне доступных изданий вплоть до перепечатки отрывка ленинской брошюры "К деревенской бедноте".

Оба сборника отражают два взгляда на соотношение археографии и исторического исследования. Если в первом случае археограф своей публикацией поставляет документы для исторического исследования, то во втором он создает "исследование в документах". Представляется, что первый взгляд, хотя и сложился в 20-е годы в условиях отсутствия историографической традиции, точно отражает специфику назначения документального издания, его отличие от исторического исследования. Второй же взгляд на публикацию как "исследование в документах" снимает специфику археографического труда, превращая документальное издание в простую иллюстрацию достигнутого историографией уровня исторического исследования, что делает такое издание практически бесполезным для изучения.

Если в 20-х и начале 30-х годов в археографической практике еще господствовал первый взгляд, что позволило появиться на свет публикации извлечений из всеподданнейших отчетов III отделения, отражающих крестьянское движение в 1827–1869 гг., публикации, давшей материал для десятков исследований по крестьянскому движению, то в дальнейшем принцип "новое для исследования" все чаще заменяется принципом "исследование в документах".

Этот незаметный и казавшийся вполне логичным переход в практике публикации коснулся и документации, отражающей историю Октябрьской революции. В 20-е годы только зарождалась историографическая традиция, и в этих условиях появились публикации "Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г." (М.; Л., 1927), "Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г." (М.; Л., 1927), "Протоколы центрального комитета РСДРП" (М., 1929) – материалы из истории партии, но наряду с ними выходили "Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний исполнительного комитета и бюро исполкома" (1925), "Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов". Стенографический отчет" (1927), "Стенографический отчет первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов" (1930), "Второй Всероссийский съезд Р. и С.Д." (1928) – все издания истпартов и Центрархива. Начиная со второй половины 30-х годов археографическая деятельность этих и других учреждений уже перешла на рельсы издания "исследования в документах".

В условиях хрущевской "оттепели" Д.А. Чугаев, возглавлявший известную 10-томную публикацию "Великая Октябрьская социалистическая революция", оценивая историю публикаций документов по Октябрю, пришел к выводу, что главный недостаток изданий 20-х годов "заключался в отсутствии показа союза рабочего класса и крестьянства и руководящей роли рабочего класса в революции. Не отражали они и общего нарастания кризиса в стране, создания предпосылок к свержению власти Временного правительства, изоляции масс от агентуры буржуазии – меньшевиков и эсеров"⁹. Эта критика с позиций понимания публикации как "исследования в документах". Характерно, что его же критика, и справедливая, изданий второй половины 30-х и 40-х годов исходит с таких же позиций. Он пишет: "...с конца 30-х годов документальные публикации состояли во многих случаях из извлечений, в публикуемых документах появилось много купюр, история приукрашивалась, замалчивались трудности и т.п. Одно-сторонний отбор документов для издания умалял действительные трудности классовой борьбы..." и т.д. Все это верно подмечено, но, прекрасно осознавая социально-политические причины перечисленных отрицательных явлений, автор еще не видит, что идентификация археографического издания с "исследованием в документах" как раз и создает самую благоприятную среду для утонченной, так сказать документальной, фальсификации исторического явления. Переписыванию по сталинскому сценарию истории Октября как раз и соответствовала форма документального издания "исследования в документах".

Но когда под влиянием решений XX съезда КПСС началось восстановление исторической правды в освещении такого судьбоносного для страны события, как Октябрьская революция, археографическая мысль не выдвинула альтернативной формы для археографического обеспечения этого пересмотра; считалось, что если будет обеспечена полная документация, представленная в привычной форме "исследование в документах", то цель будет достигнута. В десяти томах общесоюзной серии "Великая Октябрьская социалистическая революция", по данным Чугаева, было опубликовано новых или давно забытых из опубликованных в 20-е годы 2700 документов – существенное, не имевшее прецедентов приращение источниковой базы. Качественная характеристика этой документации, данная Чугаевым в его докладе "Впервые публикуемые документы по истории Великой Октябрьской социалистической революции", прочитанном на заседании Ученого совета Института истории в феврале 1964 г. (обратите внимание на дату), показывает ее непреходящую источниковую ценность, которая позволила пересмотреть или уточнить ряд узловых вопросов концептуального характера. Вместе с тем, если рассматривать это издание как издание научного типа, бросается в глаза: в нем помещено много документов, которые для исследователя создают только "информационный шум", но необходимы археографам, чтобы это "исследование в документах" соответствовало параметрам состояния историографии вопроса, т.е. не стимулируют процесс углубления концепции Октября в то время, когда вновь опубликованное ее значительно меняет.

Особенно наглядно проявились отрицательные последствия стремления издавать "исследование в документах" в местных сборниках. За пять лет (с 1957 по 1962 г.) в связи с юбилеем Октября было издано 139 документальных сборников, которые в большинстве случаев копировали тематические рубрики 10-томника, унифицируя особенности революции на местах, а главное, добиваясь полного освещения всех составных частей сложившейся концепции Октября, тем самым значительно усилили "информационный шум". Оправдывающим обстоятельством в данном случае является то, что эти издания, как правило, с самого начала

⁹ Чугаев Д.А. Археография и источниковедение. М., 1969. С. 17.

были задуманы как научно-популярные, но это не снимает вопроса о том, насколько 26 тыс. опубликованных документов действительно обогащали источниковую базу.

Мы видим, что естественное стремление к полноте как реакция на широкую практику умолчаний в публикациях 30–40-х годов при сохранении позиции "исследование в документах" привело к подмене научного понимания полноты как всестороннего освещения простым множеством (если много, то уже полно), т.е. к экстенсивному формированию источниковой базы, к валу, который имитировал развитие публикаторской деятельности (подобно тому как многотомные коллективные труды имитировали бурное развитие исторической науки, что особенно проявилось уже в застойные десятилетия середины 60-х – начала 80-х годов). Продуктом этого подхода стали многотомные серии по истории индустриализации и коллективизации, внешняя полнота которых скрывает существенные изъяны в источниковой базе, необходимой для изучения этапных событий в жизни страны. Поскольку это ясно, в том числе и для составителей серии, то не станем останавливаться на их анализе.

У внимательного читателя может возникнуть впечатление, что автор выступает против тематической публикации как вида научной публикации, потому что "исследование в документах", как правило, и есть тематическая публикация. Такое впечатление ошибочно: автор только отстаивает мысль, что историческое исследование по определенной теме и тематическая публикация – это два различных вида исторических сочинений со своей спецификой и своими задачами, абсолютно неадекватными; любое стремление сблизить их природу особенно противопоказано для публикации документов, и, наоборот, если бы мы могли себе позволить, чтобы историческое исследование имело документальное приложение, мы, безусловно, подняли бы профессиональный уровень исторического исследования. Ценность исторического исследования определяется степенью новизны и доказанностью концепции автора, освещающего определенный исторический сюжет. Ценность же тематической публикации научного типа определяется главным образом новизной фактов, содержащихся в публикуемых источниках, впервые вводимых в научный оборот. Единственное, за что публикатор отвечает, – это за реальное приращение источниковой базы по теме, но не за всесторонность ее освещения, если ряд ее сторон уже в историографии освещен. Новая интерпретация известных источников – дело исследователя, приведение в известность новых источников – дело археографа. Это вовсе не означает, что исследователь не может выполнять задачи археографа, и наоборот, но в каждом случае они выступают в определенном качестве и позициях.

Классическим примером тематической публикации научного типа является дружининская серия "Крестьянское движение в России в XIX – начале XX в.", которая ввела в научный оборот документальный корпус из 1865 документов, не считая обширной "хроники", содержащей перечень фактов крестьянского движения, вошедших в научный оборот к моменту подготовки каждого из восьми вышедших томов серии. Систематизация этого документального богатства проведена по нейтральным для концепции исторического исследования признакам: хронологическому и географическому. Документы не втиснуты в прокрустово ложе тематических рубрик, несущих концепционную нагрузку, что гарантирует доверие ко всей археографической работе составителей. Всю концепционную нагрузку несут предисловия, но их роль служебная. Именно поэтому всей серии как цельному археографическому труду обеспечена долгая жизнь. Классическим примером тематической публикации, созданной на началах "исследования в документах", является 22-томная публикация "Революция 1905–1907 гг. в России", которая отразила уровень историографии вопроса 50-х годов, т.е. момента ее создания, и поэтому сейчас интересна только как собрание, из которого можно

извлечь для изучения тот или иной документ, но не цельный корпус источников по теме, способный ответить на вопросы историографии наших дней.

Практика публикации "исследования в документах" способствовала окостенению исторических концепций и стала действенным средством борьбы со всяким, если можно так выразиться, историческим инакомыслием. Приведу только один пример. Как известно, "Исторический архив" был закрыт в 1962 г. Причиной закрытия стала публикация переписки К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко предреволюционного времени, которая разрушила сусальный образ творческой дружбы этих двух классиков русского и советского театра. Новые документы, позволявшие солидно аргументировать новый взгляд на их совместную деятельность, были квалифицированы как клевета на великих стариков. Волна писем-протестов "учеников", целая полоса в "Литгазете" со статьей ныне покойного Е. Суркова обвиняли публикаторов в "главном грехе": публикация-де колеблет установившиеся взгляды на сотрудничество Станиславского и Немировича-Данченко. За это журнал был закрыт.

Решение находилось в русле всех других мер, свидетельствовавших о начале отката от позиций XXII съезда КПСС; но автор приводит этот пример, чтобы показать, как извращалась в сознании людей, командовавших исторической наукой, сама цель археографической деятельности. Нашлись и теоретики, которые подвели "базу". Так, в учебных пособиях и программе по археографии полностью размыты сами понятия научной публикации и археографической деятельности. Функциональная публикация или обнародование актов, без которого современное общество не может обойтись, включаются в предмет археографии, в ее историю. Конечно, очень лестно сообщить студентам, что у истоков советской археографической деятельности стоял матрос-революционер Н. Маркин. Но обнародование секретных договоров воюющих сторон в бюллетенях Наркомата иностранных дел имело четко обозначенные политические цели, а с точки зрения археографических требований оно далеко от совершенства. Отождествление простого обнародования и научной публикации имеет далеко идущие последствия для научного уровня научной публикации – он падает, усиливается пренебрежение к методическим основам публикации, профессионализму публикаторов.

Так, например, серийная публикация "Внешняя политика России в XIX – начале XX в." – издание документов, которое, по оценке публикаторов, является научным, по своему археографическому оформлению недалеко ушло от сборников, обнародующих внешнеполитические акты советского правительства. Если специалист берет в руки любой сборник этой серии, видит под опубликованным документом легенду "печ. по арх.", то никакой авторитет комиссии, издающей эту серию, не поможет убедить его, что это научное издание.

Может быть, кому-то покажется замечание о легенде проявлением "археографического кретинизма", но это пренебрежение к требованиям, предъявляемым к научным публикациям, приводит и к более существенным изъянам, граничащим с прямой фальсификацией.

И здесь мы сталкиваемся с другой укоренившейся теорией в археографии – с вопросом о принципе партийности в археографии, да и в архивоведении вообще. И.Д. Ковальченко в упоминавшейся монографии этому вопросу посвящает отдельный раздел, и автор согласен с его положениями, так как там речь идет об истинном, а не спекулятивном понимании указанного принципа в историческом исследовании¹⁰. В связи с тем что в археографической практике утвердился подход к публикации как к "исследованию в документах", то и в теории археографии этот принцип прокламируется основополагающим для всех археографи-

¹⁰ Т.е. принципа открытого декларирования методологических позиций публикатора или исследователя.

ческих процедур. Это и привело к спекулятивному пониманию данного принципа, к политизации в самом худшем смысле целей научного издания, где следование политической конъюнктуре прикрывается принципом партийности, подобно тому как лакировочная беллетристика выдавалась за образец социалистического реализма.

Недостатка в примерах нет. Напомним об огромных усилиях, которые прикладывал А.М. Самсонов, чтобы был опубликован приказ № 227. Против публикации возражали именно с позиции ложно понятого принципа партийности. Именно в нарушении этого же принципа был обвинен В.И. Шунков – решением секретариата ЦК КПСС он получил взыскание за то, что в публикации документов о партизанском движении на Кубани в годы Великой Отечественной войны оказался документ, сообщающий о произошедшем несчастном случае: партизаны обстреляли и пустили под откос санитарный поезд с ранеными, приняв его за вражеский эшелон.

Подобный взгляд на принцип партийности получил теоретическое обоснование и, конечно же, пагубно сказывался на такой операции, как отбор документов к печати. Если так уж необходимо генерализировать применение принципа партийности, то автор полагает, что в научной публикации источников он будет выражаться во всемерном стремлении отразить правду прошлого независимо от того, кому она может служить. Советская теория археографии как раз более всего нажимала на принцип партийности при процедуре отбора документов, что, даже если этот принцип используется верно и не сводится к плоско понимаемым "интересам партии и государства", далеко не правомерно, так как редактирует прошлое в угоду марксистской теории, вряд ли нуждающейся в таком редактировании. "Рожки" партийности неминуемо вылезают при комментировании документов, в предисловиях, вообще во всех операциях, интерпретирующих информацию документов, но отбор, дозирующий "выгодную и невыгодную" информацию, является прямым извращением археографической этики.

В эти два рассмотренных коренных вопроса теория археографии должна внести полную ясность.

С.В. Чирков

ИЗ ИСТОРИИ ФАКСИМИЛЬНОГО ИЗДАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ В РОССИИ

(XIX – начало XX в.)*

Факсимильные издания и приемы их подготовки привлекают в последние годы все большее внимание в отечественной археографии. Этот до недавних пор несколько экзотический и малозначительный в общей массе публикаций способ издания распространяется все шире, охватывая новые виды памятников древней и новой письменности и печати. Немалое внимание факсимильному способу издания отведено в новых правилах издания исторических документов¹. Зарубежный опыт свидетельствует, что у этого способа имеются значительные перспективы развития. Отечественные факсимильные издания составляют в настоящее время солидную библиотеку, охватывают значительную часть русских письменных памятников, главным образом ранних эпох. Поэтому представляется важным рассмотреть основные вехи истории русских факсимильных изданий, выяснить, как проявлялись в этой истории закономерности развития археографии и как идеи и методы факсимильного издания повлияли на развитие отечественной археографии.

Историография данной проблемы существует не один десяток лет. Уже во второй половине XIX в. появились основательные труды крупнейшего русского филолога И.И. Срезневского по палеографии, где был дан обзор вышедших к тому времени факсимильных воспроизведений древнерусских и древнеславянских рукописей как материала для палеографических исследований². Подобный обзор, дополненный, естественно, указанием вновь вышедших изданий, содержится и в капитальной "Славянской кирилловской палеографии" Е.Ф. Карского³. Появившиеся в новейшее время курсы палеографии содержали лишь краткие сведения о факсимильных изданиях⁴.

В отличие от палеографов историки искусства обратились к теме истории факсимильной художественной репродукции только в последние десятилетия. Следует выделить здесь многочисленные статьи и книги М.И. Флекеля⁵, а также интересную монографию Г.И. Вздорнова об истории открытия и изучения древнерусской живописи⁶.

Книговедение со времени своего возникновения на рубеже XIX и XX вв.

* © С.В. Чирков

¹ См.: Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990. П. 12. С. 14–15.

² Срезневский И.И. Обзор материалов для изучения славянорусской палеографии // ЖМНП. 1867. № 1; Он же. Славяно-русская палеография XI–XIV вв.: Лекции, читанные в С.-Петербургском университете. СПб., 1885.

³ Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. М., 1979. Репринт.

⁴ Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1946; Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.

⁵ Флекель М. Искусство и полиграфия: (Факсимильные художественные репродукции). М., 1963; Он же. От Маркантонио Раймонди до Остроумовой-Лебедевой: Очерки по истории и технике репродукционной гравюры XVI–XX вв. М., 1987. См. список статей в последней книге. С. 9.

⁶ Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX в. М., 1986.

занималось историей графики и печатного дела, в той или иной мере затрагивая историю факсимилирования. Однако отдельные исследования этой истории практически не предпринимались; специалисты-кишеведы в изредка появляющихся публикациях признают свое отставание в этой области⁷.

За последние годы появилось внимание к теоретическим проблемам факсимильного издания со стороны социалистов-археографов. Эти проблемы обсуждались на двух научных заседаниях в 1979 г., на Тихомировских чтениях 1991 г.⁸ Но работы по истории факсимильного издания в настоящее время появляются крайне редко⁹.

Вопрос о происхождении русских факсимильных изданий, насколько известно, никогда не обсуждался в литературе. По-видимому, молчаливо предполагалось, что эта форма издания занесена к нам в составе другого научного историко-филологического инструментария из Западной Европы на рубеже XVIII и XIX вв. Действительно, западноевропейские факсимильные издания, осуществленные в научных целях, появились задолго до русских. Русские ученые в начале XIX в. ссылались на гравированные издания цельных письменных памятников, выпущенные в Англии, как на образец факсимиле¹⁰. Долго оставались, однако, в забвении отечественные издания XVII–XVIII вв., представлявшие несомненные факсимиле, но осуществленные не в научных, а в практических целях. Речь идет о так называемых цельногравированных изданиях разных типографий Киева, Москвы, Петербурга и других городов. В отличие от обычных изданий, текст которых набирался при помощи подвижных литер, текст и изображения каждого листа цельногравированного издания вырезались гравером на одной медной или деревянной доске, естественно, с определенного рукописного или печатного оригинала.

Изучавший историю русских гравированных книг С.А. Клепиков насчитывает с конца XVII по первую половину XIX в. свыше 60 названий таких книг, появившихся более чем в 350 изданиях. Первыми образцами цельногравированных изданий он считал не книги, а гравированные листы, напечатанные в 1626 г. в типографии Киево-Печерской лавры¹¹. Предшественниками русских цельногравированных изданий были западноевропейские блокбухи, распространившиеся почти одновременно с изобретением книгопечатания в XV в., а в более отдаленном плане – китайские ксилографы, существовавшие уже в X в.¹²

Возникает вопрос: насколько точно цельногравированное издание могло воспроизводить рукописный и рисованный подлинник, а также задавались ли граверы целью точного воспроизведения оригинала? По наблюдениям С.А. Клепикова над разными изданиями одного и того же произведения (обычно новое издание и соответственно новая гравировка осуществлялись после износа печатной фор-

⁷ См., например: Барыкин В.Е. Специфика факсимильных изданий и особенности их редакторской подготовки // Книга: Исследования и материалы. М., 1978. Сб. 37; Иванов Г.Н. О типизации факсимильных изданий и основных направлениях деятельности издательства "Книга" в области факсимильного воспроизведения памятников письменности // АЕ за 1979 г. М., 1981.

⁸ См.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981; Тихомировские чтения 1979 г. // АЕ 1979 г.; Тихомировские чтения 1991 г. // АЕ за 1991 г.

⁹ Доклады по данной тематике Т.А. Долгодровой, Р.Н. Клейменовой, А.А. Круминга, Ю.А. Лабынцева, С.В. Чиркова обсуждались на Федоровских чтениях в 1985–1986 гг. (см. хронику в сборниках "Книга"). См. также: Королев Г.И., Чирков С.В. Факсимильное издание исторических источников: Учеб. пособие. М., 1990.

¹⁰ Софинов П.Г. Из истории русской дореволюционной археографии: Краткий очерк. М., 1957. С. 76.

¹¹ Клепиков С.А. Русские гравированные книги XVII–XVIII вв. // Книга: Исследования и материалы. М., 1964. Сб. 9. С. 141–143.

¹² Вернадский В.И. Очерки по истории современного научного мировоззрения // Избр. тр. по истории науки. М., 1981. С. 89–91.

мы), устанавливается "наличие перегравировок, воспроизводивших оригинал с почти факсимильной точностью"¹³.

Еще более показательным исследованием одного из наиболее известных русских целногравированных изданий – Букваря Кариона Истомина, награвированного Леонтием Буниным в 1694 г.¹⁴ Уже в начале XX в. И.М. Тарабрин и А.А. Шемшурин сопоставили печатный текст Букваря с рукописями Кариона Истомина¹⁵. Новейшие исследования М.А. Алексеевой и Ж.Н. Ивановой показывают, что именно Карион Истомин, долгое время работавший на Печатном дворе и владевший несколькими типами письма, написал характерным для московской печати почерком, подражающим старопечатному шрифту и почти не имеющим индивидуальных особенностей, текст Букваря¹⁶. При этом подразумевается, что вмешательство Леонтия Бунина в характер начертания букв оригинала было настолько незначительным, что этим фактором можно пренебречь. Таким образом, по мнению исследователей, русские граверы XVII–XVIII вв. могли воспроизводить оригинал "с почти факсимильной точностью".

Технические предпосылки факсимилирования существовали на русской почве задолго до появления научных факсимильных изданий. Потребность же в точном воспроизведении письменных памятников также возникла раньше, чем появились эти издания, и даже предшествовала началу научного изучения древнерусских рукописей. Известно, что Петр I, узнав о существовании в Кёнигсберге Радзивилловского списка древней летописи, приказал в 1716 г. снять с него точную копию. Можно полагать, что идея преобразователя была вполне "факсимильной": он хотел иметь среди редкостей Кунсткамеры летопись с рисунками в том самом виде, как она выглядела в оригинале. Известно, однако, и то, что исполнители его приказания не поняли самого существа дела, вернее, поняли его на свой лад: рукопись была переписана обычной скорописью начала XVIII в., а миниатюры перерисованы с искажением древнерусской изобразительной системы¹⁷. Этот единственный факт весьма симптоматичен для XVIII в. с его рационалистическим настроением. Не только простые переписчики, но и ученые того времени, уделяя основное внимание содержательной стороне письменных памятников, склонны были к идее улучшения источника путем бесконтрольного, ориентированного на "здравый смысл" препарирования его текста.

В этих обстоятельствах интерес к своей внешней форме мог вызывать только редкий, необычайный памятник вроде летописи с рисунками. Однако с точки зрения строгой науки такой интерес к "диковинам" был даже предосудителен. Это подтверждается тем, что Радзивилловская летопись была в 1767 г. напечатана без рисунков. И.И. Срезневский в свое время упрекнул А.Л. Шлецера, издававшего в 1760-х годах Никоновскую летопись, в том, что он не приложил к изданию снимка с текста рукописи¹⁸. Но из крупнейшего произведения Шлецера "Нестор", появившегося уже в начале XIX в., видно, что этот знаменитый ученый и не намеревался заниматься изучением внешнего вида отдельных пись-

¹³ Клепиков С.А. Указ. соч. С. 143.

¹⁴ См.: Букварь составлен К. Истоминым, гравирован Л. Буниным, отпечатан в 1694 г. в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в ГПБ. Л., 1981.

¹⁵ Тарабрин И.М. Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916; Шемшурин А.А. О гравированном и рукописных лицевых букварях Кариона Истомина. М., 1917.

¹⁶ Алексеева М.А. Букварь Кариона Истомина – произведение графики конца XVII в. // Букварь сост. К. Истоминым...; Иванова Ж.Н. Автографы Кариона Истомина в списках первого русского иллюстрированного букваря // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987.

¹⁷ См.: Софинов П.Г. Указ. соч. С. 12; Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

¹⁸ Срезневский И.И. Обзор материалов... С. 82.

менных памятников. В соответствии с духом рационализма он призывал к составлению и изданию синтетических палеографических таблиц, а не образцов почерка реальных рукописей: "Когда же придет время, в которое русские вздумают составить славянскую дипломатику, славянскую палеографию... соберут в хронологическом порядке славянские азбуки и выгравировуют азбучную таблицу для каждого столетия особенно"¹⁹.

Таким образом, бурное развитие историко-филологической науки в России XVIII столетия ничего не дало для факсимильного издания памятников письменности и никак не использовало технический потенциал, накопленный в книгоиздательской сфере. Положение изменилось в первые годы XIX в. Начало этого столетия в России было отмечено ростом национального самосознания в связи с событиями Отечественной войны 1812 г. Обострившееся внимание общества к родной истории сказалось на отношении к остаткам старины, отражавшим жизнь страны и народа на протяжении многих веков²⁰. В этих остатках начинали видеть не только источники сведений, но и памятники, достойные патриотического поклонения и научного изучения во всей совокупности их свойств. Потребности такого изучения стимулировали и развитие специальных историко-филологических дисциплин: палеографии, эпиграфики, нумизматики и др. На этом раннем этапе своей истории указанные дисциплины переживали время выявления и накопления фактического материала, что делало особенно важным издание памятников²¹.

Толчок к усиленной разработке проблематики специальных историко-филологических дисциплин дало открытие в 1792 г. в Тамани знаменитой надписи на Тмутараканском камне²². Снимки с этой надписи, сделанные в последние годы XVIII в. (все они были различны), привели к длительной научной полемике. Наконец, в 1806 г. Тмутараканский камень, по выражению И.И. Срезневского, "дал повод к первому счастливому шагу нашему в палеографии". В своей работе о тмутараканской надписи, изданной в форме письма к А.И. Мусину-Пушкину, известный археолог А.Н. Оленин напечатал не только достоверный снимок с надписи, но и целый лист факсимильных снимков с древнерусских рукописей XI–XV вв., в числе которых были, в частности, Изборник Святослава 1076 г. и Лаврентьевская летопись 1377 г.²³ Снимки с этих памятников (всего по несколько строк текста) были изготовлены знающим и умелым художником, археографом и палеографом А.И. Ермолаевым²⁴. Даже в настоящее время они поражают своим высоким качеством. Печатная форма снимков – гравюра на меди, изображение букв наносилось на медную доску, по-видимому, вручную.

Ближайшие годы принесли новые плодотворные попытки осуществить факсимильное издание теперь уже отдельных небольших письменных памятников. В приложении к журналу "Вестник Европы", который редактировал М.Т. Каченовский (1811. Ч. I–IX), были помещены два воспроизведения новгородских грамот, гравированных в Гёттингене, а в 1818 г. (ч. CI) – репродукция Мстиславовой грамоты 1130 г., гравированная в две краски русским гравером А. Фроловым. В 1816 г. под наблюдением А.Н. Оленина его крепостной гравер М. Богучаров изготовил воспроизведение той же Мстиславовой грамоты.

¹⁹ Шлецер А.Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные... СПб., 1809. Ч. I. Гл. 1.

²⁰ Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 138–139.

²¹ Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984. С. 6–8.

²² Об истории открытия см.: Монгайт А.Л. Надпись на камне. М., 1969.

²³ Письмо к графу А.И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 г., с описанием картин, к нему приложенных. СПб., 1806.

²⁴ Об Оленине и Ермолаеве см.: Голубева О.Д. Хранители мудрости. М., 1988. С. 6–90, 196–214.

Оленин и Ермолаев, первыми начавшие дело издания древних рукописей факсимильным способом, были сторонниками "буквализма" в подходе к методам передачи текста источников. Факсимильное издание как нельзя более отвечало их стремлению "печатать слово в слово, сохраняя в... издании самую мелочную точность, особенно же в правописании и препинаниях"²⁵. Их оппонент, поборник научно-критических приемов передачи текста К.Ф. Калайдович, писал в 1814 г.: "Господа Оленин и Ермолаев, ежели хотят соблюсти всю точность (в пространнейшем смысле) в рукописи, то они должны будут издать Нестора точно так, как англичане по роскоши и прихотливости напечатали много древних своих памятников, то есть выгравировать. Но такое издание не есть ученое"²⁶.

Калайдовичу удалось верно подметить парадокс факсимильного издания, идеалом которого является точное воспроизведение внешнего вида, материальной формы письменного памятника. Между тем в научном издании памятник фигурирует только как обработанный, изученный и подготовленный к удобнейшему восприятию исследователя или читателя исторический источник. Как видно, потребности исторической науки чистое факсимиле удовлетворить не могло уже и в первой половине XIX в. Как будет показано далее, археографы искали и нашли выход из указанной парадоксальной ситуации. Но Калайдович упускал из виду еще одну немаловажную функцию факсимильного издания. Очень скоро ему пришлось по-иному взглянуть на вопрос о значении таких изданий для науки.

Уже в 1812 г., после освобождения Москвы от французов, стало известно о гибели знаменитой библиотеки А.И. Мусина-Пушкина и печальной судьбе, постигшей бесценный манускрипт, содержащий "Слово о полку Игореве". Печатное издание 1800 г. оказалось бесполезным для целей палеографического и кодикологического исследования, и вскоре Калайдович должен был тщательно расспросить Мусина-Пушкина о внешнем облике и составе пропавшей рукописи. Надо думать, ученый не раз горько пожалел, что у издателей памятника в 1800 г. не доставало "роскоши и прихотливости", чтобы отдать выгравировать хотя бы одну страницу бесценного манускрипта. Калайдович постарался учесть этот печальный опыт. Факсимильными снимками нескольких страниц подлинника снабжено уже появившееся в 1819 г. издание судебных – "Законы великого князя Иоанна Васильевича и внука его царя Иоанна Васильевича", подготовленное К.Ф. Калайдовичем вместе с П.М. Строевым, а затем и издание сочинений Кирилла Туровского, осуществленное одним Калайдовичем два года спустя.

В 20-х годах XIX в. факсимильные снимки становятся уже привычным атрибутом научного издания письменных памятников. Появились и граверы, специализировавшиеся на подобного рода работах. Один из них, А. Фролов, писал в 1822 г., что он "первый показал опыты делания факсимиле с рукописей и отпечатания их разными колерами, согласно с подлинником каковых рисунков много отпечатано им для знаменитых особ"²⁷. Надо, правда, отметить, что эти факсимильные снимки, как правило, носили характер иллюстраций к публикуемому тексту источника. Гравирование обходилось очень дорого. Тот же А. Фролов за два листа факсимиле, помещенных в издании "Софийского временника", получил 533 руб.²⁸

Можно полагать, что именно технической детерминантой, т.е. дороговизной гравирования, в известной мере было обусловлено появление изданий, выпол-

²⁵ Цит. по: Софинов П.Г. Указ. соч. С. 74.

²⁶ Там же. С. 76.

²⁷ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1896. Т. 2. (Ал. Фролов).

²⁸ Гарелин Н.Ф. Русское научное издательство в начале XIX в. (Румянцевская эпоха) // Русская книга XIX века. М., 1925. С. 48.

ненных наборным шрифтом с максимальным приближением к подлиннику. Другая, более существенная причина заключалась в возрастающей потребности науки, прежде всего языкознания, в публикациях источников. Для решения задач филологического исследования оказалась необходимой такая точность передачи текста, которая получила впоследствии название дипломатической. При издании в 1827 г. "Собрания словенских памятников вне России", подготовленного П.И. Кеппеном, для печатания текста древнейших памятников (Остромирова евангелия, Фрейзингенских отрывков) изготовили особый славянский шрифт, подражавший начертанию букв устава, с особыми знаками препинания и надстрочными. Текст набирался буква в букву и строка в строку. Получилось некоторое приближение к факсимильной передаче текста, так как заметно сократилась возможность его интерпретировать в ходе внесения в строку надстрочных и выносных букв, словоразделения и т.д. В то же время такой способ воспроизведения текста обходился все же дешевле, чем гравирование. Очевидно, теперь уже наметившаяся в науке потребность факсимилирования искала реального, т.е. доступного по затратам, технического осуществления.

Удешевить факсимильное издание обещало применение новой репродукционной техники – литографии. Изобретенная в конце XVIII в. в Германии техника печатания с литографского камня стала известна в России в 1803 г., однако первые литографические факсимильные репродукции с рукописей изготовлены в Германии не раньше 1808 г., а в России – в 1820-х годах²⁹. В 1833 г. русский художник, палеограф и изобретатель К.Я. Тромонин осуществил первый опыт репродукционной многокрасочной литографии (хромолитографии), основанной на цветоделении и печати с нескольких камней. Первой вышедшей в свет работой Тромонина в этой технике оказалась репродукция фрагмента древней рукописи – миниатюры из Изборника Святослава 1073 г., изображающей князя Святослава Ярославича с семьей.

Вооруженные новой техникой репродуцирования, археографы начинают шире применять факсимильное воспроизведение отдельных грамот, фрагментов рукописных книг. На первых порах, правда, резная гравюра еще соперничала с литографией. Наметились три направления факсимильных изданий. Первое – издание снимков с письменных памятников для нужд научного исследования. Такие снимки прилагаются к большинству изданий Московского общества истории и древностей российских, Петербургской археографической комиссии, Московского архива Министерства иностранных дел. Начинают помещать снимки и при описаниях рукописей, что позднее было признано совершенно необходимым³⁰.

Так, факсимиле отдельных фрагментов рукописей находятся в "Библиографических листах" П.И. Кеппена (1825–1826), в "Описании памятников славянской литературы, хранящихся в библиотеках Германии и Франции" С.М. Строева (1841). В спектре разнообразных изданий, снабженных факсимильными снимками, следует выделить такие, которые отвечали самым высоким критериям научной культуры своего времени и могут отвечать нашим запросам к научному факсимильному изданию. В 1827 г. вышла публикация Фрейзингенских статей или листков, подготовленная П.И. Кеппеном и А.Х. Востоковым. В ней есть и снимки всего памятника, и наборное издание текста, и комментарии, содержащие результаты обстоятельного исследования. Обратившийся к этой публикации читатель получал не только дубликат памятника, но и его прочтение, научную обработку, превращающую памятник в источник. Снимался основной парадокс факсимильного издания, которое наряду с памятникоохранительной функцией

²⁹ Коростин А.Ф. Русская литография XIX в. М., 1953. С. 5, 9.

³⁰ Срезневский И.И. Обзор материалов... С. 98–99.

теперь полноценно выполняло и научно-исследовательскую. Конечно, такое издание представляло для своего времени счастливое исключение.

Второе направление изданий, представленное весьма значительным числом образцов, – альбомы факсимильных снимков, которые постепенно утрачивают свое чисто научное значение и становятся учебными и справочными пособиями. Среди них выделялся высоким качеством печати сборник "Образцы славяно-русского древлеписания" М.П. Погодина (1840–1841). Снимки, выполненные Трономинным, некоторые из них полихромные, признавались в то время образцовыми. Получили известность "Палеографические снимки с грамот". И.П. Сахарова (1841), "Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма, изданный для воспитанников межевого ведомства" П.И. Иванова (1844). Известный архивист П.И. Иванов в начале 1840-х годов составил проект "Об издании палеографических снимков с древних документов" (текст проекта, размноженный литографским образом, сохранился в архиве³¹). Иванов считал, что "главнейшая польза от подобного издания может произойти для молодого поколения, воспитанников учебных заведений", и предлагал обширную "Программу к составлению Всеобщей славяно-русской палеографии и вообще всей письменности" в сопровождении "расчета по печатанию", из которого следовало, что издание литографским способом палеографического альбома в 100 снимков обойдется всего в 1000 руб. серебром.

Наконец, зарождается и третье направление факсимильного издания – публикация памятников для любителей, коллекционеров, в мемориальных целях. Это направление было тесно связано с развивавшимся представлением о древних рукописях как о памятниках старины, с ростом историзма в сознании различных слоев общества. В 1863 г. появилось первое литографированное воспроизведение крупной по объему древнерусской рукописи. Называлось оно "Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца" и было напечатано в литографии Троице-Сергиевой лавры. Издание носило скорее "сувенирный" характер со значительным церковно-дидактическим оттенком, хотя в предисловии и говорилось о цели "познакомить с сим памятником древнего искусства любителей священной древности и художников, изучающих наше древнее иконописание".

Миниатюры репродуцированного лицевого списка жития XVI в. были напечатаны монохромно; вероятно, в некоторой части тиража они раскрашивались от руки в подражание подлиннику. Такое раскрашивание обходилось в то время дешевле изготовления хромолитографии и не раз практиковалось при изготовлении "подносных" экземпляров факсимильных изданий. Сохранилось любопытное свидетельство, выданное Московским архивом Министерства иностранных дел полковнику Н.А. Медведеву "в том, что он по заказу архива раскрасил вполне удачно и совершенно согласно с рисунками, заключающимися в подлинной рукописи XVII столетия, несколько экземпляров альбома гравированных эскизов, приложенного к Книге об избрании на царство царя Михаила Федоровича, изданной в 1856 г. состоящую при архиве Комиссиею печатания государственных грамот и договоров"³².

Итак, следует признать, что применение литографии (буквы и рисунки рукописей обычно перерисовывались на литографский камень через прозрачную бумагу) увеличило и количество, и точность факсимильных изданий. Однако достигнутая степень исправности репродукций не удовлетворяла еще запросам ученых, изучавших палеографию, тем более историю искусства. О затруднениях, связанных с этой техникой, писал на основе собственного опыта И.И. Срез-

³¹ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8385.

³² Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

невский: "Не всегда, однако, можно перенести на прозрачную бумагу все, что есть в рукописи: иное не может видеть глаз иначе как при особом освещении и внимательном присматривании; в снимке это должно явиться рисованным от руки и, следовательно, с некоторыми отклонениями от подлинника... Когда все хорошо видно, при всей внимательности рисовальщика может он не уметь передать характера почерка, если сам он не опытный палеограф... Говорить ли наконец о том, сколько времени нужно для таких снимков: делая их сам для своего собрания, я знаю, что каждая строка потребует времени иногда более часу"³³. Известно, к каким печальным ошибкам вело применение литографии при некомпетентности гравера, готовящего печатную форму. Французское издание Реймского евангелия исказило славянский текст оригинала до неузнаваемости, так как гравер не знал языка памятника³⁴.

Понятно поэтому, что настоящий переворот в деле факсимильного издания письменных памятников должно было повлечь применение фотографии. Нелишне напомнить, что самое изобретение фотографии оказалось связанным с потребностями репродуцирования графического оригинала и книгопечатания: открытию первого фотографического процесса (дагерротипии) предшествовало изобретение Н. Ньепсом в 1820-х годах гелиографии в целях создания множительной техники, работающей посредством светогравирования³⁵. По мере усовершенствования фотографии ее стали применять для съемки памятников древности, в том числе и рукописей. Неподвижные памятники оказались благодарным объектом съемки, так как в те времена необходима была весьма длительная выдержка при экспонировании.

В начале 1850-х годов съемка памятников древности начинается в России. Ю.П. Львовым был изготовлен большой альбом фотографических снимков новгородских "древностей", в том числе и рукописных. Рукописи некоторых зарубежных хранилищ фотографировал В.И. Григорович. Но по справедливости гораздо большую известность получили труды П.И. Севастьянова, который собственноручно и с помощниками сфотографировал в 1857–1859 гг. множество славянских рукописей, находившихся в разных хранилищах России и за границей, а затем устроил выставки своих фотографий в Петербурге и Москве. Севастьянов снимал уже не отдельные страницы или отрывки рукописей, а последовательно, страницу за страницей, целые памятники.

Одним из первых таких полных воспроизведений стал снимок Зографского глаголического евангелия, сделанный на Афоне. Один из восхищенных посетителей выставки писал: "Теперь в этих снимках читаете вы все древнейшие рукописи по листам, точно так же, как в подлиннике, потому что он до того жив перед вашими глазами, что вы невольно и не один раз хватаетесь за бумагу, думая, не пергамен ли это, не загнулся ли угол, не налеплена ли печать"³⁶. Действительно, фотокопирование позволило не только многократно увеличить объем материала, но и обеспечивало объективную передачу внешнего вида рукописи, что порождало небывалую иллюзию подлинности. Фотография в отличие от перевода на прозрачную бумагу не подвергала оригинал порче. Впервые зашла речь об обмене разных хранилищ копиями рукописей и страховке таким образом ценнейших памятников от гибели.

Мало того, Севастьянов первым предложил размножать фотокопии рукописей путем литографирования (фотолитография получила применение в середине

³³ Срезневский И.И. Записка о фотографических снимках П.И. Севастьянова // Изв. ОРЯС. СПб., 1858. Т. 7. Стб. 368.

³⁴ См.: Жуковская Л.П. Реймское евангелие: История его изучения и текст. М., 1978.

³⁵ См.: Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии. М., 1987. С. 15.

³⁶ Труды П.И. Севастьянова // Рус. худож. листок. 1859. № 6. С. 20.

XIX в.) и тем сделать репродукции памятников доступными любому исследователю. Сохранился литографированный автограф Севастьянова, в котором говорится: "Я желаю, чтобы фотография сделала для манускриптов то же самое, что книгопечатание для наук, и чтобы манускрипты, воспроизведенные фотолитографически (способ в 10 раз дешевлеший против фотографии), могли достигать кабинетов ученых и специалистов самых недостаточных"³⁷. Сам он, к сожалению, не успел осуществить этого намерения.

Во второй половине XIX факсимильное издание русских рукописей с применением различной техники (фотолитографии, литографии и даже простого гравирования) значительно расширилось. Большую роль в этом сыграли такие научные организации, как Археологическая комиссия, Русское археологическое общество, Московское археологическое общество, Общество древнерусского искусства и др. Издательская деятельность велась в тех же направлениях, что и в предыдущем периоде, но с явным перевесом научного типа публикаций. Следует отметить изданный Археографической комиссией сборник "Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв." Текст всех грамот, найденных К.Э. Напьерским и вошедших в сборник, сопровождался факсимильными снимками (1857).

В 1860 г. Русское археографическое общество издало полный снимок "Сказания о Борисе и Глебе по рукописи XIV в.". Археографическая комиссия осуществила ряд фотолитографических изданий летописных памятников – Повести временных лет по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам, Синодального харатейного списка Новгородской Первой летописи, Кунгурской летописи, а также картографического источника – "Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г." (1871–1882). В этом наиболее авторитетном в России научном археографическом учреждении³⁸ постепенно выработывался стабильный тип научного факсимильного издания. Обязательными его элементами становятся научно-критическое воспроизведение репродуцированного текста и различные указатели. В целом же и состав и формы факсимильных изданий продолжали оставаться в то время весьма пестрыми.

Особое место среди научных учреждений, осуществлявших эти издания, занимает организованное в 1877 г. в Петербурге Общество любителей древней письменности³⁹. Возникшее по инициативе князя П.П. Вяземского, оно с самого начала заявило о себе как об элитарном кружке любителей старины. В числе его учредителей были А.А. Бобринский, Г.Г. Гагарин, А.А. Мордвинов, С.Г. Строганов, С.Д. Шереметев и другие представители знатных фамилий. Учредители обеспечивали вновь созданное общество денежными средствами, но и рядовые его члены обязаны были вносить по 200 руб. ежегодно⁴⁰. На эти деньги осуществлялась прежде всего издательская деятельность.

Одной из своих постоянных задач общество считало факсимильное издание русских лицевых рукописей. Исходя из общих консервативных устремлений "содействовать ослаблению возможности волновать умы измышляемыми теориями относительно интересов и стремлений русского народа", основатели общества ставили цель "ознакомить весь образованный мир с умственным развитием наших предков по всем отраслям знания, с их духовными, нравственными и политическими стремлениями в течение целых столетий". Для этого и решено

³⁷ РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 997.

³⁸ Валк С.Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 41.

³⁹ См. о нем: Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 46–47.

⁴⁰ Вздорнов Г.И. Указ. соч. С. 164.

было издавать славяно-русские письменные памятники "буква в букву, слово в слово, не вдаваясь ни в ученые исследования, ни в сличения рукописей, требующие нередко многолетней затраты времени". Выставляя на первый план идеологические задачи издания, деятели общества оговаривали и научное значение своего начинания: механическим воспроизведением рукописного материала общество "не только дает возможность наибольшему числу ученых воспользоваться редкою рукописью, но принесет пользу и специальным ученым, доставляя им удобство ознакомиться с большим количеством памятников и облегчая выбор предметов для ученых исследований"⁴¹.

На первых порах в деятельности Общества любителей древней письменности преобладали любительские и идеологические тенденции (П.П. Вяземский прямо подчеркивал, что общество состоит "исключительно из любителей", что должно было оградить его от "одностороннего направления и полемики"⁴²). Первым факсимильным изданием общества оказалось "Краткое описание 20 монастырей, обретающихся во святой горе Афонской, напечатанное в типографии Солунской в лето от Рождества Христова 1839 месяца февраля" – памятник не рукописный, а печатный, к тому же не древний, едва ли отразивший умственное развитие предков. Публикацию книги обусловили скорее нахождение ее в библиотеке Вяземского и, пожалуй, политическая ситуация войны с Турцией "за православие".

Однако вскоре в общество приходят крупные ученые, знатоки древнерусской письменности и искусства. В разные годы его активными членами были Ф.И. Буслаев, А.Е. Викторов, В.О. Ключевский, Н.П. Кондаков, Н.П. Лихачев, Х.М. Лойарев, Н.К. Никольский, Н.В. Покровский, А.А. Шахматов, В.Н. Щепкин и др. За 48 лет своего существования общество выпустило 135 томов "Изданий" и 190 томов "Памятников древней письменности". Ни одно другое государственное или общественное учреждение России не имело подобного размаха издания и изучения письменных памятников и такого систематического собрания своих трудов. В указанных сериях вышли десятки полных репродукций славянских и древнерусских рукописей, в том числе Изборник Святослава 1073 г., Радзивилловская летопись, Хроника Георгия Амартола, Жития Бориса и Глеба XV в., Христианская топография Козьмы Индикоплова и др.

Издания общества с годами совершенствовались как в научном, так и в техническом отношении. В их подготовке принимали участие крупнейшие специалисты. Если первые "номерные издания" выполнялись литографским способом с использованием перерисовки на прозрачную бумагу (в этом переписывании литографскими чернилами особенно усердно упражнялся Федор Елисеев), то со временем наметился переход к использованию фотомеханических способов издания. Так, в 1890 г. появилась в виде "корректирных экземпляров" литография Лицевой псалтыри 1397 г. Сравнение с новейшим изданием⁴³ показывает крайнее несовершенство ее исполнения, в особенности миниатюр: иногда даже черные фигуры на красном фоне оригинала получились в литографии белыми на темном фоне, видимо, по соображениям контрастности. Очевидно, такие эффекты возникли в результате работы ретушера.

Значительно превосходит по точности эти корректирные листы издание Радзивилловской летописи, выполненное фототипией (1902). Техника фототипии (печатания с покрытой желатином стеклянной фотографической пластины) была

⁴¹ Общество любителей древней письменности. СПб., 1877. С. 4–10.

⁴² Вяземский П.П. Записка о деятельности предполагаемого Общества любителей древней письменности. СПб., 1876. § 5.

⁴³ Киевская Псалтырь 1397 г. из Государственной Публичной библиотеки. М., 1978.

изобретена еще в 1867–1868 гг. И. Альбертом и Я. Гусником⁴⁴, но в России стала применяться только на рубеже веков. Она позволяет получать в оттиске столь тонкие детали, что, по словам Д.П. Эрастова, появляется желание разглядывать их с помощью лупы⁴⁵. Снабженное исследованием А.А. Шахматова издание Радзивилловской летописи стало одной из лучших публикаций общества. В целом вклад, внесенный Обществом любителей древней письменности в дело исследования и воспроизведения рукописных памятников, по справедливости высоко оценен в отечественной науке⁴⁶.

В 1877 г. П.П. Вяземский писал по поводу основания этого общества, как бы полемизируя с мнениями, высказывавшимися еще в начале XIX в.: "Настоящее предприятие многим, несомненно, покажется роскошной затеей, но роскошь в науке плодотворна, и покровительство роскоши необходимо" в целях "помощи русской умственной деятельности"⁴⁷. Можно вспомнить появившиеся во второй половине XIX в. частные научные инициативы, не получившие развития из-за недостатка средств и отсутствия "покровительства". Так, в начале 1860-х годов И.И. Срезневский задумал издавать периодический сборник по палеографии под названием "Древности русского письма", который должен был заключать в себе палеографическое описание отдельных памятников и их фотомеханические снимки. Доклад об этом Срезневский представил в Русское археологическое общество, но дальше плана дело не пошло⁴⁸. Ряд литографических снимков с древнерусских рукописей подготовил церковный ученый архимандрит Амфилохий. Из его переписки с И.И. Срезневским явствует, что в 1858–1869 гг. некоторые из этих снимков были напечатаны (Служебники Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского и т.п.), однако в крайне незначительном числе экземпляров и распространения не получили.

В первые годы XX в. факсимильное издание письменных памятников в России развивается на тех же организационных основах, что и в предыдущем периоде, но переживает технический расцвет. Фотомеханические способы репродуцирования получают в то время преобладание, причем наблюдается их усовершенствование. Так, с использованием цветodelения и трехкрасочной фототипии были напечатаны в формате оригинала листы подготовленного В.К. Клейном "Угличского следственного дела о смерти царевича Димитрия 15 мая 1591 г." (издание Московского археологического института, 1913). В 1912 г. для демонстрации на международной полиграфической выставке в Лейпциге московским Румянцевским музеем было издано факсимиле Архангельского евангелия 1092 г. Этот памятник напечатан трехцветной фотоцинкографией на бумаге, имитирующей пергамен, даже с вырезанными дырами, с муляжом старинного переплета. Впечатление подлинности, однако, быстро нарушается: даже при не слишком внимательном приглядывании к штрихам букв невооруженным глазом виден крупный растр.

В 1904 г. Московским обществом истории и древностей российских была напечатана фотоцинкография "Утвержденной грамоты об избрании на Московское государство М.Ф. Романова". Эта репродукция выполнена в огромном формате оригинала (90 × 70 см) на специально изготовленной бумаге "под XVII в." Археографы Петербурга меньше увлекались изданием факсимиле целых памятников,

⁴⁴ Скамони Г. Изобретения и технические успехи в области графических искусств. СПб., 1906.

⁴⁵ Эрастов Д.П. Факсимильное издание – косвенный путь повышения физической сохранности рукописных памятников // Проблемы научного описания рукописей... С. 65–66.

⁴⁶ Ср.: Вздорнов Г.И. Указ. соч. С. 164–168; Звегинцева О.В. Фототипические воспроизведения византийских и древнерусских лицевых рукописей // Книги. Архивы. Автографы: Обзоры, сообщ., публ. М., 1973. С. 210–212.

⁴⁷ Общество любителей древней письменности. С. 10.

⁴⁸ Срезневский В.И. Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского // Памяти И.И. Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 60.

зато у них вошло в обычай помещать факсимильные снимки документов и фрагментов рукописных книг в многочисленных в начале века "юбилейных изданиях". На изготовлении этих снимков специализировалась, в частности, издательская фирма "Голике и Вильборг", прославившаяся высоким качеством художественных репродукций. Появились и хорошо сделанные репринты печатных изданий, причем иногда репринты брошюр включались в книжный блок обычного издания.

С улучшением технического качества факсимилирования в начале XX в. возникла новая проблема: нужно ли создавать репродукцию, имитирующую внешний вид оригинала до степени иллюзии? Этот вопрос решался по-разному. Если археографы Общества истории и древностей российских включают репродукцию "Утвержденной грамоты" в книжный блок обычного вида, имеющий титульный лист, научное предисловие, выходные данные, то издатели Архангельского евангелия идут по пути создания иллюзии. Более плодотворным представляется путь научной формализации, так как нигде не оговоренные несовершенства и недостатки "иллюзорной" репродукции могут быть восприняты незнакомым с оригиналом читателем в качестве свойств этого оригинала.

Более чем столетняя история факсимильного издания памятников письменности в дореволюционной России не только накопила значительный объем материала, но и привела к разработке научных представлений и методических приемов, а также поставила ряд проблем перед последующей археографией.

ФАКСИМИЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗА РУБЕЖОМ*

Интересу людей к слову издревле свойственно стремление иметь его в авторском виде и воспроизвести без искажений. В колофонах к эпосу о Гильгамеше, например, написано: "Согласно древнему подлиннику списано и сверено". Стремление достичь тождества между оригиналом и его воспроизведением позднее было направлено и на внешнюю сторону документа. Уподобление воспроизведения воспроизводимому получило название факсимиле. История факсимиле в печатной книге по протяженности практически равна истории книгопечатания¹. Современное дело факсимилирования памятников культуры является стадией в истории факсимильных публикаций.

В настоящей статье автор рассматривает факсимильные издания, осуществленные за рубежом, преимущественно во второй половине нынешнего столетия, привлекая и более ранний опыт факсимилирования.

Факсимильные публикации занимают видное место в современной практике издания памятников культуры за рубежом². О большом интересе к факсимильным изданиям и о значении, им придаваемом, свидетельствует существование в прошлом и настоящем специальных организационных единиц. Уже в конце XIX в. возникла мысль о создании международного общества для издания ценнейших рукописей³. Проблемы факсимильных публикаций рассматривались на различных совещаниях. Ярким, теперь уже историческим примером является Международный конгресс по воспроизведению рукописей, монет и печатей в Льеже в 1905 г.⁴ Практикуются долгосрочные, нередко весьма обширные программы факсимильных изданий. Например, такая программа разработана совместно Сербской академией наук и искусств, Матицей сербской и Народной библиотекой Сербии⁵.

Результатом факсимилирования памятников является огромное количество публикаций, даже если иметь в виду только вторую половину нашего века. Поэтому упоминаемые далее публикации являются лишь немногими из возможных примерами факсимильных изданий. Правда, из-за отсутствия в московских библиотеках многих факсимильных публикаций нельзя использовать опыт издания некоторых крупных памятников, о выпуске которых имеются сведения.

По вопросам факсимильных изданий за рубежом существует специальная, не очень, правда, обширная литература. Кроме того, имеется немало отдельных высказываний о факсимильных публикациях в других тематических контекстах.

* © Г.И. Королев

¹ Сведения по истории факсимильного дела см.: Королев Г.И., Чирков С.В. Факсимильное издание исторических источников: Учеб. пособие. М., 1990. В этом пособии дана небольшая библиография по теме.

² См.: Там же.

³ Сведения и документы о предложениях О. Гартвига 1893–1895 гг. см.: A.W. Sijthoff's Unternehmen der Codices Graeci et Latini photographice depicti duce Bibliothecae universitatis Leidensis praefecto. Leiden, 1908.

⁴ Actes du Congrès international pour la reproduction des manuscrits, des monnaies et des sceaux, tenu à Liège, les 21, 22 et 23 août 1905. Bruxelles, 1905.

⁵ Богдановић Д. Археографски пројекат у Србији // Археографски прилози. 1981. Књ. 3.

Рекомендации по факсимилированию дают некоторые нормативно-методические разработки для публикаторов.

Современные иностранные справочники объясняют факсимиле как точное воспроизведение памятников средствами полиграфии, не считая ряда старых способов. Специальная литература относит к факсимиле еще и микрофильмы, микрофиши и диапозитивы⁶. Проблематики факсимиле касаются и некоторые толкования, принадлежащие к иному кругу вопросов. Часть англосаксонских авторов словом "факсимиле" с определением ("квазифаксимиле"⁷, "точное наборное факсимиле"⁸) обозначают воспроизведение типов шрифтов и орфографии печатных текстов путем современного набора, т.е. разновидности дипломатического воспроизведения. Румынский же филолог прямо трактует факсимиле как вид дипломатической передачи текста, отличающейся наибольшей точностью⁹. Однако гораздо характернее неотождествление дипломатического и факсимильного способов передачи текста.

В опыте иностранных факсимилистов и факсимилеологов можно выделить несколько сторон для изучения: понимание функции факсимильных изданий, применение тех или иных форм и способов издания, соотношение между факсимиле и другими способами воспроизведения памятников, информационный инструментарий факсимильных публикаций, специфика издания отдельных родов памятников, история факсимильных публикаций, техника факсимилирования.

На вопрос о том, зачем нужны факсимильные публикации, зарубежная литература дает довольно краткие ответы. В самом общем виде пишут, что факсимильные издания должны дать "точный облик" памятников. Другие ответы детализируют смысл и общественную функцию факсимильных публикаций. Так, считают, что конкретные издания показывают обществу достояние национальной культуры¹⁰. Факсимиле понимается как важное средство "консервации рукописного наследия" в деле охраны его от "превратностей истории и природных катастроф"¹¹. Действительно, благодаря факсимильному изданию сохранилась, например, так называемая Шарошпатацкая библия – важный памятник польского языка, рукопись которого погибла во время второй мировой войны. В факсимильном издании усматривается средство содействия физическому сохранению оригиналов в архивах и других собраниях, средство, приобретающее особое значение при нынешних тенденциях ограничивать выдачу оригиналов важных памятников¹².

⁶ Вопрос и микрофильмовых изданиях заслуживает отдельного изучения. Он возникал и на международных совещаниях вроде VI Международного конгресса архивов в 1968 г., на котором о микрофильмовых изданиях говорилось при обсуждении проблем расширения доступа к архивам. См.: *Archivum*. 1970. Vol. 18.

⁷ *Bowers F. Principles of bibliographical description*. Princeton, 1949. P. 138–139.

⁸ *Rules for the guidance of editors of the Society's reprints // The Malone Society 1908 collections part II / Repr. lithographically by V. Ridler*. Oxford, 1964.

⁹ *Drimba V. Ediție diplomatică și ediție critică // Memoriile secției de științe filologice, literatură și arte*. Ser. 4. 1986. T. 7. P. 92.

¹⁰ Серия факсимиле должна "прежде всего показать широту отечественной культуры по рукописям и печатным изданиям"; цель "Международного издательства старых книг" – "сокровища библиографического наследия Испании сделать доступными для учреждений, библиотек, исследователей, учителей и любителей подлинных ценностей испанской культурной традиции" – соответственно см.: *Urbánková E. Zamyšlení nad edicí "Cimelia Bohemica" // Ročenka Státní knihovny ČSR v Praze 1970*. [Pr., 1972]. S. 33; *Beati in Apocalipsis libri duodecim: Companion volume to the facsimile edition of the Codex Gerundensis*. [Madrid, 1975]. P. 11.

¹¹ *Danti A. Dokumentarno izdanje i kritičko izdanje // Međunarodni naučni skup "Tekstologija srednjovekovnih južnoslovenskih književnosti"*, 14–16. новембра 1977. Београд, 1981. С. 3, 4.

¹² *Crespo C. Las ediciones en microfilm de fuentes documentales para la historia de América // Documentación y archivos de la colonización española*. Madrid, 1980. T. 1: *La Rábida*, 8–12 de octubre de 1979. P. 83, 84; *Foulet A., Speer M.B. On editing old French texts*. Lawrence, 1979. P. 42.

Понятие о функциях факсимильных изданий конкретизируется в связи с проблемой адреса публикаций. Чаще всего факсимильные издания относят к области научных интересов¹³, т.е. к той области, в которой факсимиле, по одному из объяснений, служат для самостоятельного изучения памятника¹⁴. Из специалистов обычно имеют в виду историков, палеографов, историков языка и искусства, причем выделяют последние три категории профессионалов¹⁵. Микрофильмовые же публикации чаще адресуют историкам вообще. Впрочем, круг пользователей иной раз ограничивается лишь потому, что речь идет об отдельных областях исследования.

Возможности факсимиле оцениваются с разных сторон. Лингвист видит в факсимиле гарантию от возможных ошибок при критической передаче текста, особенно если в раскрытии произношения тех или иных букв имеются нерешенные проблемы¹⁶. Предпочтение факсимиле отдается и потому, что при нынешней технике факсимиле оказывается проще, в особенности по сравнению с дипломатической передачей текста, и надежнее набора, ибо избавляет от зависимости от прочтения и технической ограниченности печатен¹⁷. Трудности набора знаками некоторых письменностей также заставляют предпочесть факсимиле, например, при издании глаголических памятников глаголицей для специалистов и любителей этого письма¹⁸. Ценность факсимиле видят в воспроизведении большого числа деталей конкретного экземпляра памятника¹⁹. Недостатком же этого способа называется возможное, смотря по качеству экземпляра, невозпроизведение некоторых деталей письма и носителя²⁰.

За факсимиле признается функция контроля над точностью прочтения, а следовательно, и передачи текста другими способами и над переводом²¹. Констатация значительных различий между публикациями из-за разности прочтения текстов может быть поводом для напоминания о важности факсимильного издания старейших латинских грамот²². Идея контрольной функции факсимиле четко выражена в словах из конкретной публикации, в которой снимки даны "для проверки точности транслитерации" и "облегчения прямого контакта" пользователя с текстом²³.

¹³ Правила за публикуване на архивски документи // Методически кодекс. С., 1982. С. 639–640.

¹⁴ Filipović I. Načela naučno-kritičkog objavljivanja arhivskih dokumenata, 1526–1848 // Arhivski vjesnik. 1972. Knj. 15. S. 143.

¹⁵ Например: "большей частью для лингвистических, палеографических, текстологических и других научных исследований" (Правила...)

¹⁶ Onu L. Préoccupations modernes concernant l'édition des textes de la littérature roumaine des XVIe–XVIIIe siècles: Entre acribie philologique et évolution de l'héritage culturel // Revue des études sud-est européenne. 1982. N 2. P. 194, 195.

¹⁷ Gaskell P. Photographic reproduction versus quasi-facsimile transcription // The Library. 1952. N 2; *Da Silva Neto S.* Ensaios de filologia portuguesa. São Paulo, 1956. P. 297; *Loehr A.* Richtlinien für Editionen // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philol.-hist. Kl. 1956. Jg. 92. S. 327; *Kolár J.* Poznámky k edičnímu zpracování staročeských textů // Česká literatura. 1988. Č. 2. S. 110; etc.

¹⁸ Grabar B. O nekim problemima kritičkog izdavanja hrvatsko-glagoljskih tekstova // VIII. međunarodni slavistički kongres, Zagreb 3–9. IX. 1978; Ljubljana. Hfd. Prilozi. Zagreb, 1978.

¹⁹ Приведем лишь исторический, несколько курьезный, пример: издатель подделки – Краледворской рукописи – утверждал, что на фоторепродукции потертые места видны лучше, чем на оригинале. См.: *Rukopis Kralodvorský. Vydání fotografické/S úvodem, vysvětlujícím popisem a opraveným čtením od A.J. Vrtátka. Pr., 1862. S. 3.*

²⁰ См., например: *Bowers F.* Principles...

²¹ *Witkowski G.* Textkritik und Editionstechnik neuerer Schriftwerke: Ein methodologischer Versuch. Leipzig, 1924. S. 76; *Filipović I.* Op. cit. S. 162.

²² *Foerster H.* Vom Nutzen der Faksimiliewerke: Zur Herausgabe der Chartae Latinae Antiquiores durch A. Bruckner und R. Marichal // Archivalische Zeitschrift. 1957. Bd. 53.

²³ *Tetraevanghelul tipărit de Coresi, Braşov, 1560–1561: Comparat cu Evangheliarul lui Radu de la Măniceşti 1574 / Ed. alcătuită de F. Dimitrescu. Buc., 1963.*

Контрольная функция может осуществляться и с помощью факсимиле частей оригиналов. Но публикация частей памятников может иметь и самостоятельное значение. Существует немало изданий миниатюр из рукописей и книжных иллюстраций. Так, хорошо напечатанное издание рисунков крупного французского художника XV в. Жана Фуке к одной из рукописей "Больших французских хроник" есть полная публикация иллюстраций к данному экземпляру памятника²⁴. Самостоятельными являются издания водяных знаков²⁵ и некоторых других материалов, представляющих собой фрагменты памятников.

Частичная факсимильная публикация оригинала может быть и несамостоятельной.

Факсимиле фрагментов может служить средством исследования памятников, издаваемых критическим способом. Более всего это относится к изданию средневековых грамот и связано с их анализом в плане дипломатики. В дипломатике же изучение подлинности грамот и процесса их создания предполагает установление всех участников подготовки документа, принадлежности грамот к конкретной канцелярии. В этом случае факсимильные образцы почерков документируют и обосновывают атрибуцию документов. Обычно в издании даются образцы подлинных, по мнению публикатора, документов, но высказана и ценная мысль о пользе образцов поддельных, спорных и подозрительных документов²⁶. Средством доказательства подлинности документов факсимиле служили уже на заре дипломатики и имелись, в частности, в основополагающем труде Ж. Мабилона по дипломатике и палеографии (1681). Позднее А.Л. Муратори для своих "Итальянских историков" установил принцип – давать факсимильные образцы рукописей, чтобы "всякий мог легко удостовериться в древности" их²⁷, а в первой четверти XIX в. принцип факсимильных образцов в качестве материала для критики текста был принят для известного издания "Monumenta Germaniae historica".

В формулировке принципов издания грамот в составе этого собрания Т. Зиккель связал публикацию факсимильных образцов с потребностями в изучении почерков и подлинности документов²⁸. В дальнейшем помещение факсимильных образцов публикуемых грамот с целью документирования и обоснования приводимых доводов стало одним из принципов издания дипломатариев. Правда, этот принцип не всегда выдерживается²⁹.

Документационно-доказательной функцией факсимильные образцы обладают и в публикациях других, нежели средневековые грамоты, источников³⁰. Примечательно, что некоторые зарубежные филологи, главным образом из числа славяноведов, приняли предложение Б.В. Томашевским (в его труде "Писатель и книга") понятие "документальное издание", подразумевающее публикацию текстов дипломатическим или факсимильным способом³¹. Это понятие подчеркивает документационно-доказательную роль факсимиле вообще.

²⁴ Avril F., Goussier M.-T., Guenée. Les grandes chroniques de France: Reproduction integrale en fac-similé des miniatures de Fouquet: Manuscrit français 6465 de la Bibliothèque National de Paris. S.I., [1987].

²⁵ Из последних крупных изданий см.: Mareş Al. Filigranele hîuice întrebuintate în ţările române în secolul al XVI-lea. Buc., 1987.

²⁶ Pražák J. "Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae" – diskuse o svazku IV/2 // Archivní časopis. 1966. Č. 2. S. 108.

²⁷ Scriptores rerum Italicarum. Mediolani, 1723. T. 1.

²⁸ Sickel T. Programm und Instructionen der Diplomata-Abtheilung // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1876. Bd. 1. S. 473–474.

²⁹ Хорошие образцы дают публикации грамот по истории Словакии и Фландрии с соответственно 25 и 32 страницами примеров почерков и печатей, см: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Br., 1971. T. 1; De oorkonden der graven van Vlaanderen (1191–aanvang 1206). Brussel, 1964. Bd. 2.

³⁰ Комплекс из всех известных автографов автора как материала для изучения его произведения см.: Коларов М. Автография на Пасий Хилеидарски // Език и литература. 1983. Кн. 2.

³¹ См., например: Danti A. Op. cit.

Снимки избранных фрагментов в научном издании могут преследовать и цели иллюстрации. Ф. Мазэ (Бельгия) писал, что один или несколько снимков дают возможность "преодолеть расстояние, всегда отделяющее оригинальность и спонтанность ручной работы от нечеловеческой жесткости печатного произведения"³². С замечанием Мазэ перекликаются слова о том, что факсимильные образцы побуждают воображение читателя, выводят его за рамки лишь "холодно-аналитического" чтения³³. На иллюстрации, в том числе факсимильные, в публикации документов распространена³⁴ общая идея иллюстрации в научной книге как "главным образом фактического расширения текста"³⁵. Факсимильные образцы-иллюстрации в нефаксимильных публикациях служат и для того, чтобы показать общий характер документа или группы документов, например в таких случаях, как публикации регестов, когда образцы дают определенное представление о структуре документа и его стилистике³⁶. В одной из разработок факсимильные образцы по наибольшему числу используемых списков, а лучше по всем спискам, рекомендуются в качестве материала для "специального филологического исследования"³⁷, конечно, следовало бы добавить, ограниченное.

Не так уж редким случаем использования образцов является включение в факсимильную публикацию отдельных снимков, выполненных более точным способом факсимилирования вроде цветных снимков некоторых страниц оригинала в черно-белой публикации памятника³⁸.

Иностранная литература не часто касается эстетической функции факсимиле. Сошлось все же на Е. Затея (Польша), упоминающего о значении факсимиле в деле сохранения эстетической ценности (конкретной рукописи) для специалистов и "образованной" публики³⁹. Кстати, этот автор в известной мере противопоставил факсимиле критическому тексту, когда подчеркивал, что факсимиле воспроизводит ход работы автора над текстом: критическая публикация академического типа предполагает именно показ работы автора.

В конкретных публикациях факсимиле вполне могут иметь одновременно несколько значений, как то показывают сами публикации и толкования на их счет: представить спорные или в каком-либо отношении характерные важнейшие документы, доказать верность констатаций вставок, подделок и т.п., проиллюстрировать канцелярские формы документов, старую орфографию и т.д.⁴⁰; документировать почерки писцов, создать возможности для проверки основных выводов относительно графики, сообщенные в легендах, и проиллюстрировать соображения о графике, высказанные во введении⁴¹; сохранить памятник от гибели и сделать его доступным для изучения, приблизить его к современному

³² Masai F. Principles et conventions de l'édition diplomatique // Scriptorium. 1950. Fasc. 2. P. 189.

³³ Grieve H.E.P. Illustrations in the Record Publications // Archives. 1954. Vol. 2, N 11. P. 132.

³⁴ Ibid.

³⁵ Общую идею иллюстрации см.: James P. English Book Illustration, 1800–1900. L., 1947. P. 8.

³⁶ Об обязательности одной-двух страниц критического или факсимильного текста к групповому регесту см.: The Publication of Business Records // Archives. 1951. Vol. 1, N 6.

³⁷ Правила за критичка издања старих српских писца // Зборник Матице српске за књижевност и језик. 1974. Св. 1. С. 99.

³⁸ Kapetanić D. Kako pripremati izdanja djela novijih hrvatskih pisaca // Croatica: Prinosi proučavanju hrvatske književnosti. 1970. Sv. 1. S. 240.

³⁹ Zathay J. The Analysis and History of the Manuscript // Copernicus N. Complete Works. L.; Warsaw; Cracow, 1971. Vol. 1: The Manuscript of Nicholas Copernicus' "On the Revolutions" Facsimile. P. 1.

⁴⁰ A Magyar Országgyűlés Emlékek sorozat 1607–1790 közti részének szerkesztési és forrásközlési szabályzata // Századok. 1974. 2. sz. 456. old.

⁴¹ Šebánek J. Zásady vydání českého diplomatáře // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Řada historická (C). 1957. Č. 4. S. 20.

читателю и дать материал для музейных выставок⁴². Перечень комплексов значений, называемых в печати, можно было бы продолжить.

Традиция факсимильных публикаций связана с изданием справочников о рукописях. Примеры иллюстрированных факсимиле каталогов рукописей дает XIX в. С середины XX в. реализуется международная идея издания национальных каталогов атрибутированных рукописных книг латинского письма по XVI в. включительно, выдвинутая на Международном коллоквиуме по палеографии в 1953 г.⁴³ Такие каталоги, в которых факсимиле привязаны к описательным статьям⁴⁴, являются опорой для датировки, территориальной и писарской атрибуции почерков и недатированных рукописей в целом и палеографических исследований вообще.

Еще старше традиция издания факсимиле в виде палеографических альбомов, являющихся самостоятельными публикациями или частями более обширных работ по палеографии⁴⁵.

В научных исследованиях факсимиле могут служить не только простыми иллюстрациями, но и средством раскрытия части фактов словами и оценками создателей источников, быть средством доказательства. Более активную роль факсимиле играют в тех случаях, когда они связаны с описаниями и анализом соответствующих памятников и их частей. Так, в труде об образе Роланда в искусстве избранные, а в общей сложности многочисленные факсимиле рисунков из рукописей и печатных книг, витражей и других изображений привязаны к интерпретациям исследуемых памятников⁴⁶.

Кроме оригиналов рукописных и печатных экземпляров произведений, объектами факсимилирования являются старые публикации исторических источников. Такие факсимиле или репринты увеличивают суммарный тираж изданий, тем самым расширяя доступность публикаций. Например, перепечатка труда Г.А. Ильинского "Грамоты болгарских царей" 1911 г., правда без имеющихся в нем факсимиле документов, делают его доступнее зарубежным специалистам⁴⁷. Вопрос о репринтах старых публикаций следует решать с учетом суммы возможностей издания и переиздания источников. С этой точки зрения примечательно мнение о необходимости скорейшего репринтирования старых дипломатриев, которые "еще долго будут составлять основу" исследований и образуют базу будущих регестариев⁴⁸. Репринты особенно важны для приращения тиража и сохранения малотиражных старых публикаций, выходивших иной раз всего в нескольких десятках экземпляров. Если репринт не очень старой публикации только увеличивает ее общий тираж⁴⁹, то повторения старых изданий воспроизводят их уже и как памятники исторической науки и публикаторского искусства в колорите типографского исполнения, а также как памятники культуры определенного периода.

В ряде случаев факсимильные публикации представляют начальный этап в

⁴² *Kapetanić D.* Op. cit. S. 241.

⁴³ *Samaran C.* Le Comité international de paleographie: Réalisations et projets // *Journal des savants.* 1962. Janvier-juin; *Brayer E., Vernet M.-T.* Colloque international de paléographie, Paris, 28-30 avril 1953 // *Scriptorium.* 1953. N 2.

⁴⁴ Хороший пример: *Samaran C., Marichal R.* Catalogue des manuscrits en écriture latine portant des indications de date, de lieu ou de copiste. P., 1959 (изд. продол.).

⁴⁵ Вводный том, том факсимиле и том транскрипций см.: *Millares Carlo A., Mantecón J.I.* Album de paleografía hispanoamericana de los siglos XVI y XVII. México, 1955.

⁴⁶ *Lejeune R., Stiennon J.* La légende de Roland dans l'art du Moyen âge. Bruxelles, 1967.

⁴⁷ В лондонской серии перепечаток "Variorum Reprints", 1971.

⁴⁸ *Gąsiorowski A.* Potrzeby wydawnicze w zakresie polskich dokumentów średniowiecznych // *Studia Zródłoznawcze.* 1973. T.18. S. 121.

⁴⁹ Это можно сказать, например, о репринтировании в 1977 г. "Поэмы о моем Сиде", изданной в 1961 г. Р. Менедесом-Пидалем.

истории эдиционной работы над памятником или комплексом памятников. Так, задача издания всего комплекса коптских гностических рукописей из Верхнего Египта была реализована сначала в виде полной факсимильной публикации⁵⁰. Затем появились переводы всех книг в качестве предварения "главного научного труда – полного критического издания".

Случай с изданием коптских кодексов можно связать с проблемой соотношения факсимильного издания и публикацией другими способами передачи текста. В свою очередь, названная проблема имеет отношение к проблеме известной ограниченности каждого из способов. Ф. Мазэ, отвечая на собственный вопрос о том, достаточно ли факсимиле, если дипломатическое воспроизведение не заменяет критического издания, отвечал, что и фотография не передает некоторых деталей и даже может быть "совершенно обманчивой", если, например, публикуется "переписанный текст"⁵¹. Мазэ затронул сим суждением вопрос о распределении функций между способами передачи текста. По этому вопросу имеются и другие высказывания и немалое число примеров конкретных публикаций.

Иностранная литература зафиксировала ряд мнений о функциональном значении проблемы соотношения способов передачи текста между собой. В сочетании способов в одном и том же издании видят возможность расширить круг читателей⁵², и на этом основании высказывается чересчур категорическое суждение, что публиковать факсимиле без транскрипции вообще не следует⁵³. Мнения, что перевод или транскрипция к факсимиле желательны, лучше отражают ту реальность, что существуют разные потребности в факсимильном издании. Точно так же различны потребности в передаче текста другими способами наряду с факсимиле. Многое зависит от адресата и от качества оригинала. По замечанию Д. Капетанича (Югославия), некоторые недостатки оригинала, воспроизводимого факсимильно, можно преодолеть с помощью транскрипции⁵⁴.

Пожалуй, наиболее подробную классификацию случаев сочетания способов дает проект правил издания старопольских текстов, в котором для издания памятников разных эпох рекомендуются разные сочетания воспроизведений: для средневековых памятников – факсимиле, транскрипция и транслитерация, для памятников нового времени – факсимиле и транскрипция, а для учебного филологического издания – транслитерация и факсимиле⁵⁵. Рассматривая сами факсимильные публикации, замечаешь немалое разнообразие сочетания способов. Публикации одновременно факсимильным, дипломатическим и критическим способами или, как чаще пишут филологи, факсимильно, транслитерацией и транскрипцией не очень распространены⁵⁶. Чаще пользуются двумя способами, особенно факсимиле и критической передачей текста. Еще один вариант сочетания способов подачи памятника – факсимиле и перевод.

Так, "Законник Стефана Душана" издается в виде факсимиле, критического

⁵⁰ Сведения приводятся по: The Nag Hammadi library in English translated and introduced by members of the Coptic Gnostic library Project of the Institute of Antiquity and Christianity, Claremont, California. 3rd compl. rev. ed. with an afterword by D. Smith. Leiden etc., 1988.

⁵¹ Masai F. Op. cit. P. 179.

⁵² О том, что факсимиле, транслитерация и транскрипция вместе дают возможность всесторонне познакомиться с текстом любому ученому независимо от его специальности, см.: Górski K. Tekstologia i edytorstwo dzieł literackich. W-wa, 1975. S. 214.

⁵³ Onu L. Op. cit. P. 194.

⁵⁴ Kapetanić D. Op. cit. S. 241.

⁵⁵ Zasady wydawania tekstów staropolskich: Projekt. Wrocław, 1955.

⁵⁶ См. издание памятника языка: Bogurodzica / Oprac. J. Worofczak, wstęp językoznawczy E. Ostrowski, oprac. muzykologiczne H. Flicht. Wrocław etc., 1962.

текста и сербскохорватского и французского переводов⁵⁷. Сочетание факсимиле с переводом имеет особое значение при издании памятников на малоизвестных языках: перевод делает памятник доступным множеству специалистов, факсимиле выполняет остальные функции. Место перевода может занять регест⁵⁸.

В публикациях несколькими способами факсимиле может занимать место первоплановое или, наоборот, второплановое, а также может быть и равноправным с остальными способами. Т.е. в публикациях функция факсимиле варьирует. На некоторые функциональные вариации факсимиле указывает и теоретическо-методическая литература. А. Таноди (Аргентина) писал, что избранные снимки нужны для того, чтобы показывать "типичные почерки", структуру документов или ценность какого-либо документа, а факсимиле всех документов следует помещать в издания важных источников⁵⁹. Публикация текстов "по крайней мере" в виде факсимиле может быть поставлена в зависимость от их значения в составе целого комплекса издаваемых источников⁶⁰. Прибавление к факсимиле иного воспроизведения того же экземпляра иногда объясняется трудностью чтения текста на снимке.

Иностранная литература не занимается вопросом о влиянии наличия в публикации факсимиле на выбор иного способа воспроизведения того же экземпляра. С поставленным вопросом можно связать лишь отдельные высказывания по конкретным поводам, скажем, относительно того, нужно ли в наборном старославянском тексте сохранять выносные буквы, если памятник публикуется и в виде факсимиле⁶¹.

Факсимильные воспроизведения различаются по степени уподобления оригиналу. Автор настоящей статьи не видел публикаций на материале, имитирующем носитель оригинала. В принципе такое воспроизведение допускается "в исключительных случаях и для редких письменных памятников"⁶². Публикации показывают, что степень уподобления выполняет функциональную роль, а не только зависит от технических возможностей и вкусов издателей. Если акцент делается на сохранении экземпляра или издание предназначено искусствоведам, то воспроизведение скорее цветное, дающее более или менее полное представление о носителе. Публикации же ради почерка или текста чаще ограничиваются черно-белым факсимиле, причем фон для текста иногда выбеливается и носитель практически не воспроизводится⁶³.

Чаще же всего фотография дает представление о носителе, но в самых общих чертах. Образцы в критических изданиях (дипломатариях, например) и дополнительные материалы в цветных публикациях даются черно-белыми. Иногда цветные факсимиле выделяют избранные документы из совокупности публикуемых снимков. Например, в альбоме ста избранных документов по истории Франции, предназначенном школе, большая часть изображений представлена черно-белыми снимками, но имеются и цветные репродукции, а несколько документов воспроизведено в цвете на материале, имитирующем материал оригинала (см.

⁵⁷ Законик цара Стефана Душана. Београд, 1973 (изд. продол.).

⁵⁸ Цветкова Б. Проблеми при издаването на турски документи // Научни конференции по архивознание: С., 1973. Т. 1. Материали от националната конференция по издаването на документални извори, 26–27 октомври 1973 г.

⁵⁹ Tanoi A. Ediciones de documentos históricos // Normas para la transcripción y edición de documentos históricos. Córdoba, 1957. P. 69.

⁶⁰ Олтяну П. Проблеми транскрипции и издания славяно-румынских текстов // Текстология славянских литератур: Докл. конф., Л., 25–30 мая 1971 г. Л., 1973. С. 170.

⁶¹ Јовановић Т. [Рец.] // Архивски прилози. 1980. Бр. 2. С. 348.

⁶² Skýbová A. Reprodukce písemných památek // Uvod do studia dějepisu. Pr., 1983. Díl. 3. S. 158.

⁶³ См.: Privy Council Registers Preserved in the Public Record Office Reproduced in Facsimile. L., 1967; Kildes til belysning af Chr. V's matrikulering i Østifterne / Udg. af F.S. Pedersen. Odense, 1975.

факсимиле послания Жанны д'Арк жителям Реймса)⁶⁴. Упомянутые сочетания черно-белых и цветных фотографий в научных изданиях тоже относятся к случаям функциональной градации публикуемого материала.

Зарубежная практика факсимильных публикаций показывает изрядное разнообразие форм ввода памятников в общественный обиход. Это может быть самостоятельное воспроизведение отдельного, даже небольшого документа вроде письма⁶⁵. Многочисленны публикации отдельных списков отдельных произведений. Гораздо реже более примечательный случай – публикация произведения по совокупности списков. К таким изданиям принадлежит публикация законника Стефана Душана (примеч. 57). Публикаторы объясняют издание законника по всем рукописям тем, что каждая из них возникла в определенных условиях и предназначалась для определенной среды определенного времени. В данном случае концепция издания памятника права обнаруживает общность с толкованием разновременных редакций средневековых литературных памятников как фактически самостоятельных произведений. Впрочем, сказанное о публикации произведения по разным версиям в одном факсимильном издании относится не только к памятникам средневековья⁶⁶. Возможны отдельные факсимильные включения в издания в целом нефаксимильные. Так, по объяснению издателей, чтобы избежать трудностей набора и новых типографских ошибок, "Сербский словарь" Вука Караджича дан в виде репринта в собрании его сочинений⁶⁷.

Распространены различные формы соединения факсимилированных памятников в серии или "библиотеки". Такие долговременные издания, как "Избранные кодексы из Ватикана", грацкие "Избранные кодексы" или "Чешские достопамятности", состоят из воспроизведений памятников самого разного характера и происхождения⁶⁸. В "Избранных кодексах" из Граца помещаются факсимиле славянских рукописей, рукописей мая и т.п.

Еще одной формой факсимильных публикаций является сборник, который может представлять собой выборку по какому-либо признаку – авторскому⁶⁹, видовому⁷⁰ или другому, а может быть полной частью некоего архивного комплекса⁷¹. Имеются и факсимильные тематические сборники вроде нескольких сборников репринтированных статей из английских журналов по общей проблеме "Социальное сознание в викторианскую эпоху"⁷².

Особенно важны постановки вопроса о корпусах факсимиле и реальные факсимильные издания полных собраний источников. В таких изданиях более всего проявляется систематизм работы. В 1909 г. на съезде германских историков К. Лампрехт предложил создать фонд фотографий немецких документов по 1250 или 1270 г. и издать факсимиле всех таких документов до 1200 г. По возникшей в 1920-е годы международной идее в ряде стран осуществлены или

⁶⁴ Documents d'histoire de France. P., s. a.

⁶⁵ Nieznany list Adama Mickiewicza w 150 rocznicę pierwszego wydania "Poezyi Adama Mickiewicza". W-wa, 1972.

⁶⁶ См.: Репринт двух изданий одного произведения разных лет: Павлович Х. Грамматика славено-болгарска: Фототипно изд. С., 1985. Факсимиле рукописи и репринты двух изданий произведения см.: Mažuranić I. Smrt Smail-age Čengića. Zagreb, 1968.

⁶⁷ Караџић В. Српски рјечник (1818). Београд, [1966]. Составляет т. 2 издания "Сабрана дела Вука Караџића".

⁶⁸ Codices e Vaticanis selecti phototypice expressi. Romae, 1899 (изд. продол.); Codices selecti phototypice impressi. Graz, 1960; Cimelia Bohemica. Pr., 1967 (изд. продол.).

⁶⁹ Jiří Wolker. Soubor faksimilí z fondů literárního archívu Památníku národního písemnictví / K vyd. přípr. M. Vinařová. Pr., b.r.

⁷⁰ Facsimiles of english royal writs to A.D. 1100 presented to V.H. Galbraith / Ed. by T.A.M. Bishop, P. Chaplais. Oxford, 1957.

⁷¹ Privy Council registers... Ранее часть регистров издана наборным способом и на микрофильмах.

⁷² Состоит из сборников "Бедность", "Рабочий класс" и др.

осуществляются издания корпусов картографических источников по истории этих стран (*Monumenta cartographica...*). Ценный опыт и хорошие примеры для последования доставляют, например, корпус факсимиле каролингских грамот, хранящихся в собраниях Франции⁷³, и международный корпус латинских грамот, созданных до IX в.⁷⁴ Документы соответствующего периода и международного корпуса могут стать базой для последующего критического издания корпуса меровингских грамот, потребность в котором обнаружилась более 100 лет назад⁷⁵.

К корпусам близки, если и не являются в полной мере ими, некоторые систематические издания старых книг⁷⁶.

В виде факсимиле может быть издан комплекс основных документов из некоего большего корпуса источников вроде тома факсимиле подлинных грамот в составе предполагаемого корпуса старейших венгерских грамот⁷⁷ или факсимиле основных списков произведений в предлагаемом корпусе источников о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия⁷⁸.

Факсимильные корпуса имеют скорее универсальное значение, т.е. они должны служить интересам если не всех, то большинства категорий пользователей-специалистов. Серии, сборники и издания отдельных памятников могут преследовать и более узкие, профилированные цели – преимущественно для палеографов, текстологов⁷⁹ и т.п. Для распространения исторических значений издаются либо отдельные экземпляры памятников, либо небольшие сборники. Интересной формой являются комплекты факсимиле на свободных (несброшюрованных) листах, богатый опыт издания которых имеется в Чехословакии применительно к темам новейшей истории страны⁸⁰. На IX Международном конгрессе архивов обращалось внимание на популяризацию истории с помощью таких форм факсимильных изданий, как настенные календари и почтовые открытки⁸¹. Во французском труде по архивному делу говорится об издании диапозитивов документов для школы⁸². Многочисленную категорию факсимильных публикаций составляют всевозможные выставочные каталоги, в том числе такие, которые могут служить и для научной работы⁸³.

Осуществление факсимильными публикациями их функций зависит и от их информационного инструментария. Иноземная исследовательская литература мало касается проблем средств информации, сопровождающих факсимиле, если

⁷³ *Diplomata Karolorum: Recueil de reproductions en fac-similé des actes originaux des souverains carolingiens conservés dans les Archives et bibliothèques de France.* P.; Toulouse, 1936–1949.

⁷⁴ *Chartae Latinae antiquiores: Facsimile edition of the Latin charters prior to the ninth century.* Zürich etc., 1954. Об этом издании можно судить лишь по литературе. См. обзор: *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 1986. Н. 2. S. 642–644.

⁷⁵ Обзор меровингских документов в этом корпусе см.: *Wolfram H. Die neue Faksimile-Ausgabe der originalen Merowingerurkunden // Mitteilungen des Instituts für österreichischen Geschichtsforschung.* 1985. Н. 1; *Idem. Nachtrag zu der neue Faksimile-Ausgabe der originalen Merowingerurkunden // Ibid.* Н. 3–4.

⁷⁶ Более 200 названий книг последней четверти XVIII–XIX в. составляют репринтную коллекцию из собраний Библиотеки штата Южная Австралия "Australian facsimile editions".

⁷⁷ *Györfy Gy. Diplomata hungarica antiquissima 1000–1196 // Történelmi Szemle.* 1960. 4 sz. 530. old.

⁷⁸ *Николова С. Проблемът за пълното издание на Кирило-Методиевските извори // Кирило-Методиевски студии.* С., 1986.

⁷⁹ Палеографическая серия: *Umbrae codicum occidentaliū / Sub auspiciis Societatis codicum mediaevalium studiis promovendis.* Amsterdam, 1960. О задаче издания см.: *Bruckner A. Umbrae codicum occidentaliū // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte.* 1961. Н. 3.

⁸⁰ О таких публикациях по одной из тем см.: *Королев Г.И. Публикации источников в зарубежных социалистических странах Европы по истории Великого Октября // АЕ за 1987 г. М., 1988.*

⁸¹ *Berche C. L'utilisation des archives par le grand public // Archivum.* 1982. Vol. 29. P. 118.

⁸² *Manuel d'archivistique.* P., 1970. P. 690.

⁸³ *La Habana Vieja: Mapas y planos en las archivos de España. Castillo de la Fuerza, enero-marzo 1985, La Habana. [Madrid, 1985].*

не считать кратких замечаний вроде того, что аппарат публикации увеличивает пользу от издания. Впрочем, и среди кратких высказываний есть ценные мысли, как, например, замечание о том, что в аппарате к факсимиле особенно важно сообщить такие сведения о публикуемом материале, которые нельзя извлечь из самих воспроизведений⁸⁴ вроде помет, не получающихся на снимке⁸⁵. М. Стоянов (Болгария), сравнительно подробно останавливающийся на научно-справочном аппарате к факсимильному изданию, подчеркивает, что без аппарата такая публикация является лишь "размноженным снимком"⁸⁶.

Информационное обеспечение зарубежных факсимильных изданий весьма различно по объему и структуре – от предисловия или послесловия на неполную страницу как единственного, не считая титульного листа, информационного элемента, до комплекса информационных и исследовательских элементов, иной раз составляющих отдельный том. Разнообразие объемов и структур далеко не всегда обусловлено свойствами факсимилированного материала и назначением публикации. Вместе с тем в решении проблемы информационных средств факсимильных публикаций заметны некоторые общие тенденции. Аппарат научной факсимильной публикации тяготеет к тому, чтобы создать для пользователя, пользуясь словами издателей "Избранных кодексов" из Граца (в кратких пояснениях к томам серии), "точную и солидную базу для дальнейших изысканий", прежде всего в виде палеографическо-кодикологической характеристики экземпляра и изложения истории бытования рукописи.

Названные аспекты содержания аппарата не единственные. Остановимся немного на издании законника Стефана Душана (примеч. 57). В первом томе этой публикации помещено несколько вводных статей ко всему изданию и к содержащемуся в томе материалу. В общей сложности представляют памятник и его списки в историко-юридическом плане (законодательная деятельность и создание законника во времена Стефана Душана), излагают результаты атрибуции рукописей, классифицируют рукописи, сообщают об истории открытия, исследования и издания рукописей, описывают каждую рукопись. Имеется также исследование о языке, графике и орфографии. Французское резюме к каждому элементу исследования предназначено иностранному исследователю. Нелишние и таблица соотношений между статьями в списках, и толковый терминологический словарь, и указатель понятий и выражений. Такой аппарат ориентирован на историка права и языковеда, полезен и другим специалистам.

Палеографическо-кодикологическое описание доставляет сведения о почерках, материале для письма, водяных знаках, способах построения рукописи, сохранности и т.п. Это описание может характеризовать экземпляр в целом, но может быть и постраничным (полистным)⁸⁷. Третий аспект описания, связанный с двумя названными, образует данные по атрибуции и истории бытования рукописи ("истории рукописи" по распространенной за рубежом терминологии)⁸⁸.

Описания экземпляров редко затрагивают вопрос о степени уподобления факсимиле оригиналу, не считая того, что касается формата, наличия или отсут-

⁸⁴ Богдан Д.П. [Ответ на анкету] // Славянска филология: Материали за V Международен конгрес на слависти. С., 1963. Т. 2. С. 100.

⁸⁵ Karpetanić D. Op. cit. S. 242.

⁸⁶ Стоянов М. Фототипно преиздаване на стари ръкописи, книги и периодични издания // Изв. на Народна библиотека "Кирил и Методий". 1972. Кн. 12. С. 129.

⁸⁷ Постраничное описание см.: Codex Dresdensis Sachsische Landesbibliothek Dresden (Mscr. Dresd. R 310): Vollständige Faksimile-Ausgabe des Codex in Originalformat. Kommentar: H. Deckert. Zur Geschichte der Dresdner Maya-Handschrift. F. Anders. Die Dresdner Maya-Handschrift: Kodikologische Beschreibung. Graz, 1975. (Codices selecti...; Vol. 54).

⁸⁸ Подробные описания такого плана см.: Codex Dresdensis...; Codex Manesse: Die grosse Heidelberger Liederhandschrift. Kommentar zum Faksimile des Codex Palatinus Germanicus 848 der Universitätsbibliothek Heidelberg / Hrsrg. von W. Koschorreck, W. Werner. [Frankfurt a. M., 1981].

ствия ретуши. Тем примечательнее редкие случаи, когда такой вопрос рассматривается. В издании одной из рукописей мая (примеч. 87) проведено сравнение новейшего воспроизведения с прежними факсимиле, значительно подправленными. Еще любопытнее единственное известное описание процесса изготовления факсимиле во вводных исследовательских частях публикации, а именно в издании автографа сочинения Н. Коперника "Об обращении небесных тел". Самое интересное в этом описании – процентные показатели соответствия оригиналу воспроизведения тона и цвета⁸⁹.

В некоторых факсимильных изданиях, кроме описаний, помещены исследования, выполненные под одним или несколькими углами зрения. Академик И. Дуйчев публикацию болгарской царской грамоты снабдил палеографическим, дипломатическим и сфрагистическим разбором экземпляра, а также очерком болгарской дипломатики средневековых документов⁹⁰. С помощью очерка по дипломатике публикуемый документ помещен в контекст определенного времени и определенного делопроизводственного обычая. Хотя очерк в целом выходит за пределы обстоятельств, касающихся публикуемого документа, он оказывается элементом, не нарушающим общей логики издания, тем более что до него не было обобщения по болгарской средневековой дипломатике, к которому можно было бы отослать читателя.

Введение публикуемых памятников в системы широких исторических связей может быть достигнуто путем сравнения факсимилированных документов с другими документами (например, чешских грамот с грамотами из других частей Англии)⁹¹, сопоставления данных факсимилированного источника с данными других источников (как в издании рукописи Птолемеевой "Географии")⁹², анализа традиции иллюстрирования произведения в связи с публикацией лишь одного его списка (см. издание комментариев Беата к "Апокалипсису")⁹³.

Комментирование факсимилированных памятников зачастую заключается в обобщенных трактовках их качеств во введениях и статьях. Напротив, комментарии в форме примечаний к отдельным местам факсимиле в иностранных научных публикациях не так уж часты, особенно в текстологическом плане. То же самое можно сказать и об изданиях для широкого круга читателей. Вместе с тем комментарии к отдельным местам в некоторых публикациях принимают вид небольших статей. В упомянутом издании миниатюр Фуке в такой форме истолковывается и связывается с историческим контекстом каждая иллюстрация в отдельности. Эти комментарии образуют единый содержательный комплекс со статьями, в которых разбираются художественные качества рисунков и раскрывается история создания рукописи, и все вместе дает материал для суждения о точности отражения реалиев художником. Своего рода комментариями являются извлечения из текста хроники. Показанный характер комментариев и всего аппарата и высокое качество воспроизведения, как кажется, хорошо отвечают многоадресности публикации. Комментарии могут быть и описаниями рисунков, как в издании иллюстрированной рукописи Саксонского зеркала, в котором они образуют единство с костюмоведческой и оружеведческой исследовательскими статьями⁹⁴. Естественно, что есть и публикации с краткими пояснениями к содержанию.

Нечасты в факсимильных изданиях и указатели. Так, факсимиле большой ру-

⁸⁹ *Copernicus N.* Op. cit. P. 53.

⁹⁰ *Дуйчев И.* Рилската грамота на цар Иван Шишман от 1378 година. С., 1986.

⁹¹ *Facsimiles of Early Cheshire Charters / Selected and ed. by G. Barraclough.* Oxford, 1957.

⁹² *Mikulska-Strzelecka B.* Le manuscrit cracovien de la "Géographie" de Ptoleméeve. Varsovie, 1960.

⁹³ *Beati in Apocalipsin...*

⁹⁴ *Die Dresdner Bilderhandschrift des Sachsenspiegels / Hrsg. von K. von Amira.* Leipzig, 1925–1926. Bd. 2: Erläuterungen. Tl. 1, 2.

кописи вроде списков Ютского закона из серии "Датские средневековые кодексы"⁹⁵ не дополнено указателем, но есть и небольшие публикации с указателями⁹⁶. Очевидно, что существование указателей довольно мало зависит от содержания и объема факсимилированных памятников.

Информационный инструментарий иноземных факсимильных изданий может содержать описание и исследование под одним или несколькими углами зрения, а может ограничиться описанием экземпляра или даже одним титульным листом. Последнее относится главным образом к воспроизведениям старых книг. Соответственно довольно значительно варьируют возможности использования факсимильного издания. Эффективность факсимильной публикации зависит и от других факторов.

Иностраный материал показывает разнообразие критериев выбора экземпляра. Факсимилироваться может старейшая рукопись произведения. Хорошим примером издания факсимиле старейших рукописей является серия классических греческих и латинских памятников, начатая в конце XIX в.⁹⁷ Критерием может быть принадлежность экземпляра какому-то лицу. Так, "Малая сербская грамматика" В. Караджича репринтирована по экземпляру Я. Гримма⁹⁸, а так называемый Второй фолиант (второе издание в лист) сочинений В. Шекспира – по экземпляру Карла I в серии "Книги монархов Англии"⁹⁹. Выбор экземпляра может быть обусловлен и тем, что некоторые рукописи тем или иным способом уже были опубликованы. Упомянутая публикация списков Ютского закона представляет собой издание тех рукописей, которые еще вообще не издавались. Конечно, в дальнейшем могут быть факсимилированы и ранее изданные экземпляры (таких три из 16). В данном случае вопрос о выборе экземпляра имеет отношение к вопросу об очередности публикации источников. Для популярных изданий имеет значение критерий "зрелищности"¹⁰⁰. Значение могут иметь фиксация рукописью более совершенного текста произведения, степень физической сохранности экземпляра и другие качества памятника.

Не занимаясь в данной статье проблемами техники факсимилирования, сошлемся на толкования о ретуши в принципиальном плане: она трактуется как фактор, нарушающий "подлинность памятника"¹⁰¹, который должен быть преодолен благодаря контролю со стороны специалиста по главному профилю памятника¹⁰².

Отчасти технические причины, отчасти трактовки публикаторами способов подачи материала объясняют известное разнообразие внутренней организации факсимильного издания: факсимиле и наборный текст с аппаратом в разных книгах (томах), все части публикации в одном томе. Кроме того, факсимиле, перевод и аппарат могут составить отдельные выпуски. Различаются издания на сброшюрованных и несброшюрованных листах.

Функции факсимильных публикаций выявляются и в объектах воспроизве-

⁹⁵ *Corpus codicum danicorum Medii Aevi*. Hafniae, 1972. Vol. 9, 1973. Vol. 10.

⁹⁶ *Facsimiles of Cheshire Charters...*; Mikołaja Kopernika lokacja Ianów opuszczonych / Wyd. M. Biskup. Olsztyn, 1970.

⁹⁷ *Codices Graeci et Latini photographice depicti duce Scatone de Vries*. Lugduni Batavorum, 1897. См.: A.W. Sijthoff's Unternehmen...

⁹⁸ *Karadžić V.S. Kleine serbische Grammatik übersetzt und mit einer Vorrede von Jacob Grimm (1824)* / Neu hrsg. und eingel. von M. Mojašević, P. Rehder. München; Beograd, 1974.

⁹⁹ Цит по.: *Historic folio facsimiled* // *The Shakespeare Newsletter*. 1987. N 4. P. 46.

¹⁰⁰ *Manuel d'archivistique*. P. 689.

¹⁰¹ Такое соображение высказывает, например, публикатор. См.: *Добромириво евангелие: Кирилски споменик од XII век* / Прир. М. Алтбауер. Скопје, 1973. Т. I. С. XVII.

¹⁰² *Mayenowa M.R. O dokumentarność dokumentu: Z powodu fotooffsetowego wydania Andrzeja Frycza Modrzewskiego "O poprawie Rzeczypospolitej" w przekładzie Bazylika* // *Nauka Polska*. 1954. N 2.

дения. В факсимильном виде публикуются памятники практически всех родов всех исторических периодов¹⁰³, хотя более выделяется и даже нередко подчеркивается проблема издания старейших памятников, а также памятников, имеющих особое значение независимо от временной принадлежности. Главным критерием упомянутой серии греческих и латинских кодексов является то, что эти кодексы содержат старейшие и редчайшие записи знаменитейших произведений классической древности как важнейших памятников истории культуры, таких, как "Илиада" в рукописи V в., сочинения Тацита в рукописи IX в., греческий Ветхий завет в рукописи V в. и т.п.

В Великобритании, где еще во второй половине XIX в. появились многотомные факсимильные издания "национальных рукописей" Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии, в последнее время вышло цветное воспроизведение еще одного важного памятника английского средневековья – Книги страшного суда с переводом, картами и двумя томами указателей¹⁰⁴. В Чехословакии факсимильно издается весь комплекс документов "Архив Чешской короны" – старейшая часть Государственного центрального архива в Праге, – давно признанный наукой, а недавно и правом национальным памятником культуры¹⁰⁵. Невозможно далее перечислять факсимильные публикации памятников национальных культур, издаваемых по отдельности или комплексами.

Многие памятники издаются как создания выдающихся людей – либо как их автографы (завещание Наполеона I с относящимися к нему документами¹⁰⁶, недавно найденная рукопись второго тома политэкономического труда С. Марковича¹⁰⁷ и др.), либо как старые, особенно первые издания их произведений (вроде изданных в разное время первых четырех изданий в лист сочинений Шекспира). В факсимильном виде издаются и документы о жизни и деятельности выдающихся людей¹⁰⁸.

Факсимильно публикуются не только выдающиеся памятники и автографы выдающихся людей, но и рядовые документы. Микроформные издания архивных фондов по существу являются публикациями именно таких документов. Факсимиле документов повседневной деятельности, созданных в легко читаемом машинописном или типографском виде, избавляют от хлопот с набором и к тому же сохраняют известный колорит эпохи, присущий и делопроизводственным документам новейшего времени¹⁰⁹.

Примерно то же самое можно сказать и о многих репринтах старых книг. Репринтируются первые печатные книги, комплекты газет и журналов, сыгравших важную роль или просто ставших малодоступными, и даже отдельные номера газет и журналов, книги по определенной проблематике, книги, откликнувшиеся на события и явления своего времени, справочники и т.д. Есть репринты и

¹⁰³ О тенденциях в издании одной из категорий источников см.: *Киселева Л.И.* Факсимильные издания средневековых рукописей в Западной Европе // АЕ за 1979 г. М., 1981.

¹⁰⁴ По объявлению см.: *Journal of the Society of Archivists.* 1986. Vol. 8, N 1.

¹⁰⁵ По законодательству архивные материалы могут быть признаны памятниками культуры и национальными памятниками культуры. "Архив Чешской короны" (ед.хр. 2525) объявлен памятником национальной культуры в 1988 г. О названной публикации знаю лишь по литературе: *Hlaváček I.* *Archivum Coronae regni Bohemiae redivivum* // *Archivní časopis.* 1987. Č. 3.

¹⁰⁶ *Napoleon's Last Will and Testament: A Facsimile Edition of the Original Document, Together with its Codicils, Appended Inventories, Letters and Instructions, Preserved in the French National Archives / Commentaries by J.P. Babelon, S. d'Huart; Transl. from the French and introd. by A. de Jonge.* N.Y.; L., 1977. Вышли также французское и немецкое издания этого факсимиле.

¹⁰⁷ *Марковић С.* Начела народне економије или наука о народном благостању. Београд, 1975. Књ. 2. В 1978 г. репринтом издан т. 1.

¹⁰⁸ См., например: *August Bebel: Zum siebzigster Geburtstag, 29. Februar 1910: Reprint des Unikats aus dem Zentralen Parteiarhiv der SED.* В., 1989.

¹⁰⁹ Серию факсимильных тематических сборников таких документов издал Государственный центральный архив в Праге.

рядовых памятников. Важно, что совокупности репринтов расширяют доступ к источниковой базе исследования, необходимыми элементами которой являются не одни лишь выдающиеся произведения.

Различие между выдающимися и рядовыми памятниками означает существование проблемы их ценности как объектов факсимилирования, а также проблемы (перво)очередности факсимильных изданий. Эдиционная аксиология в общем еще мало разработана. Область факсимильных публикаций исключения не составляет, хотя проблема критериев отбора и выбора материала для факсимилирования существовала уже в XIX в. Ф. Ричль (Германия) в 1840 г. говорил о факсимильном издании полных греческих и латинских кодексов, которые впервые вводятся в оборот, имеют "очень трудное или испорченное письмо", являются единственными фиксациями произведения, "всегда составляют основу текста" произведения выдающегося писателя¹¹⁰. Современные толкования о выборе объектов для микрофильмовых изданий отчасти относятся к другим родам факсимиле: высокая культурная ценность, тематическое разнообразие и новизна материала, упорядоченность и завершенность комплексов (архивных фондов и т.п.) и хорошая сохранность оригиналов, дающая читаемое изображение¹¹¹, активность использования архивных фондов¹¹².

Проблема выбора объектов для факсимильного издания выступает и как вопрос о соотношении микроформного издания с публикациями другими способами. Публикации целых комплексов документов рассматриваются как своего рода предварительные (временные) издания по проблемам, которые только начали разрабатывать¹¹³, т.е. как этап в истории публикации источников по такой проблеме. По другим толкованиям классический, т.е. типографский, способ следует оставить для публикаций по проблемам, интересующим широкий круг исследователей, а микрофильмы использовать для издания источников для более узкого круга пользователей¹¹⁴. Для конкретных памятников имеют значение собственные, частные причины для их факсимильного издания¹¹⁵.

Сказанное относится преимущественно к научным факсимильным изданиям. Однако в современной практике многие факсимильные публикации обращены к широкому кругу любителей истории, во всяком случае к непрофессионалам-исследователям. В области популяризаторских и учебных изданий разнообразие форм и целей факсимилирования не столь велико, как среди научных публикаций. Для этой области не характерны издания отдельных рукописных памятников, и вполне обычны сборники, к которым можно отнести и многие палеографические альбомы, а также репрезентативные издания, если не специально факсимильные, то во многих случаях преимущественно таковые¹¹⁶. К популяризаторским изданиям принадлежат также библиофильские репринты, в основном и дающие отдельные публикации целых памятников за пределами интересов профессионалов-исследователей. Во Франции выпуск факсимиле с участием местных

¹¹⁰ Цит. по: A.W. Sijthoff's Unternehmen... S. 2-3.

¹¹¹ Crespo C. Op. cit. P. 86.

¹¹² Стојчевски Ѓ. Нови аспекти на публикувањето на архивската граѓа: (Микрофилмски публикации) // Македонски архивист. 1982. Бр. 1(12). С. 127.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ A Report to the President Containing a Proposal by the National Historical Publications Commission to Meet Existing and Anticipated Needs Over the Next ten Years Under a National Program for the Collection, Preservation, and Publication, or Dissemination by Other Means, of the Documentary Sources of American History. Wash., 1963. P. 33.

¹¹⁵ Например, выбор экземпляра объясняется, в частности, его тысячелетним юбилеем и принадлежностью миниатюр кисти первой известной по документам художницы (Beati in Apcalipsin... P. 12).

¹¹⁶ Хорошие образцы изданий, популяризирующих содержимое архивов. См.: Archivy ČSR. Pr., 1974; Archivy v Slovenskej socialistickej republike. Br., 1976.

архивистов понимается в широком контексте вовлеченности архивов в культурно-просветительную деятельность¹¹⁷.

Из затронутых выше аспектов деятельности по факсимильному изданию памятников автор настоящей статьи отметил бы опыт систематической работы, требующей специальной организации и долгосрочных программ, в том числе определения приоритетных для публикации памятников и групп памятников. Нелишне подчеркнуть и использование факсимиле для публикации рядовой документации. Чужеземный опыт шире, чем то, о чем сказано выше. Имеются труды по библиографированию факсимильных изданий. Частные аспекты факсимилирования специально затрагиваются спорадически, но есть возможность упомянуть о статье, в которой излагаются критерии установления различий между старыми факсимиле и печатными произведениями¹¹⁸. Важны опыты формулирования общих принципов факсимильной публикации. Несколько таких принципов называет Д. Капетанич (воспроизведение оригинала в натуральную величину, объяснение причин возможного изменения, восстановление нарушенного порядка страниц, описание повреждений и др.¹¹⁹, несколько таких же и других принципов упоминают рекомендации американской библиотечной конференции по факсимиле, а точнее, по репринтированию (обязательность воспроизведения чистых страниц, например)¹²⁰.

Выше речь шла главным образом о факсимильных изданиях письменных памятников. Но в факсимильном виде издаются и другие категории исторических источников. Некоторые из них публикуются по существу лишь факсимильно: географические карты, гербы и печати¹²¹, почтовые открытки¹²², водяные знаки¹²³. Было бы весьма желательно специально рассмотреть издания такого рода источников.

¹¹⁷ Manuel d'archivistique. P. 689–690.

¹¹⁸ *Rapport L. Fakes and Facsimiles: Problems of Identification // The American Archivist. 1979. N 1.*

¹¹⁹ *Kapetanić D. Op. cit. S. 120.*

¹²⁰ *Facsimile Editorial Standarts // The American Archivist. 1972. N 3–4.*

¹²¹ Некоторые ориентиры см.: *Королев Г.И. Печатные справочники и публикации источников по сфрагистике и геральдике за рубежом // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А.Л. Стаиславского: Тез. докл. и сообщ. М., 27 января–1 февраля 1991 г. М., 1991.*

¹²² Интересный пример см.: *O'Reilly P. La Nouvelle Calédonie au temps des cartes postales. P., 1973.*

¹²³ См. примеч. 25.

**ДОКЛАД С.Ф. ПЛАТОНОВА О Н.М. КАРАМЗИНЕ 1926 г.
И ПРОТИБОБОРСТВО ИСТОРИКОВ***

3 июня 1926 г., в день 100-летия со дня кончины Н.М. Карамзина, на расширенном заседании Археографической комиссии с докладом об Историографе выступил ее председатель академик С.Ф. Платонов. Текст доклада не был издан при жизни автора и обнаружен лишь недавно в фонде академика М.Н. Покровского (РЦХИДНИ. Ф. 147). Ознакомление с этим материалом, подготовленным для публикации в журнале "Отечественные архивы" (1993. № 2), и явилось поводом для написания статьи.

Публикация эта важна и в плане изучения отечественной историографии: для понимания вклада Карамзина в развитие исторической мысли и отношения к "Истории государства Российского" через 100-летие. Тогда, как выясняется, еще казалось актуальным наблюдение В.Г. Белинского 1843 г.: "Как всякий важный подвиг ума и деятельности, исторический труд Карамзина приобрел себе и безусловных, восторженных хвалителей и безусловных порицателей"¹.

Еще большее значение эта публикация имеет для изучения биографии Платонова и судьбы Археографической комиссии, для исследования общественного сознания интеллигенции 1920-х годов и политической атмосферы тех лет.

В обобщающих трудах и учебных пособиях по отечественной истории до XIX в. со второй половины 1930-х годов, после отказа от суждений, характерных для "школы М.Н. Покровского", особенно заметно обнаруживается воздействие взглядов именно Платонова, его "Лекций по русской истории". И знаменательно, что перепечаткой этой книги (по 10-му пересмотренному и исправленному изданию 1917 г.) начата издательством "Высшая школа" в 1993 г. серия "Историческое наследие". Издание предварено кратким историко-библиографическим очерком "Сергей Федорович Платонов", написанным А.Н. Фуксом. Переиздан в 1992 г. и "Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический", со вступительной статьей В.А. Колобкова "Академик С.Ф. Платонов и его учебник русской истории", где приведены и интересные отзывы методистов педагогики. Пришел к читателю уже и первый том Собрания сочинений С.Ф. Платонова в двух томах (СПб. 1993) со статьями В.И. Старцева и В.С. Брачева.

Однако, монографий о жизни и творчестве этого крупнейшего русского историка пока нет. С наибольшей полнотой охарактеризовано творчество Платонова пока лишь во второй главе монографии А.Н. Цамутали "Борьба направлений в русской историографии в период империализма (Л., 1986). Кандидатская диссертация В.А. Шарова "Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII в. в трудах С.Ф. Платонова", защищенная в МГИАИ в 1984 г., осталась ненапечатанной. Только сейчас в связи с подготовкой к печати описания документов архива С.Ф. Платонова становится возмож-

* © С.О. Шмидт

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 597.

ным углубленное изучение его творческой деятельности в советские годы. Ознакомление с материалами "дела" Платонова и других академиков началось совсем недавно. Первая статья о Платонове (В.С. Брачева)², опирающаяся и на архивную документацию, появилась лишь в начале 1993 г. Сейчас только начальный этап изучения и архива и творчества выдающегося историка и организатора науки и распространения научных знаний*

Определить же место доклада 1926 г. среди других сочинений Платонова, а тем более в ряду близких по времени памятников историографической (или общественной) мысли иного происхождения можно лишь по ознакомлении со всеми этими материалами, а также и деловой документацией учреждений и общественных организаций, к деятельности (или сфере интересов) которых Платонов был причастен. Однако, думается, что допустимо уже сейчас поделиться некоторыми соображениями в порядке постановки вопроса.

Прежде всего следует выяснить соотношение текста 1920-х годов с написанным Платоновым о Карамзине ранее – со "Словом" 1911 г. Оно было напечатано дважды: во втором издании "Статей по русской истории" (как первого тома сочинений Платонова), в 1912 г. под названием "Слово о Н.М. Карамзине", и во втором выпуске V тома издания "Остафьевский архив князей Вяземских" под заголовком "Н.М. Карамзин"²⁶; из этого издания имеется и отдельный оттиск. В основе статьи, как отмечено в примечании к сочинениям Платонова, "краткая речь", произнесенная "в собрании 18 июля 1911 г. по случаю открытия памятника Н.М. Карамзину в селе Остафьево"³.

Карамзин написал в Остафьево, подмосковном имении Вяземских (из рода которых была его вторая супруга, Екатерина Андреевна), первые восемь томов "Истории государства Российского" и значительную часть девятого тома, посвященного второй половине государственования Ивана Грозного. Потому-то на памятнике изображены восемь книг и одна неоконченная, в виде свитка. Такое объяснение находим в предисловии к книге Павла Сергеевича Шереметева (сына владельца имения)^{3а} "Карамзин в Остафьево, 1811–1911", изданной тиражом в 300 экземпляров Синодальной типографией в Москве в канун открытия памятника. Предисловие снимает и недоумение относительно выбора года для открытия памятника – ведь работа Историографа над томами "Истории" продолжалась до 1816 г., а изданы первые восемь в 1818 г.! Видимо, имело значение не только то, что в 1911 г. можно было зафиксировать 100-летие с того времени, когда Карамзин стал читать вслух законченные части своего труда, но «исполнилось ровно сто лет, как Карамзин написал свою знаменитую "Записку о древней и новой России"», т.е. обозначилась, по определению Платонова, третья фаза дея-

² Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов // ОИ 1993. № 1; См. также: Он же. Зарубежные поездки академика С.Ф. Платонова // Из истории российской эмиграции. СПб., 1992. Он же. 1917 год в освещении С.Ф. Платонова // Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. Вып. 2.

* Книга "Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова" (СПб., 1993) и Книга "Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Каталог". Вып. 1 (СПб., 1994 – составитель В.А. Колобков), так же как и подготовленная В.А. Колобковым с ценным комментарием публикация "М.А. Волошин. Письма С.Ф. Платонову" ("De Visu". № 5(6). С. 52–61), вышли в свет после сдачи в печать публикуемой статьи.

²⁶ На титульном листе книги 1913 г.: так датировано и предисловие к ней, подписанное супругами С. и Е. Шереметевыми 17 апреля 1913 г. Но на обложке отдельного оттиска дата 1912 г., хотя и отмечено, что «извлечено из 2-го выпуска V-го тома "Остафьевского архива"». В примечании к тексту, напечатанному в "Статьях по русской истории", также читаем: "Первоначально помещено" в томе Остафьевского архива. Видимо, выход в свет уже набранной в 1912 г. книги Остафьевского архива по каким-то причинам был задержан до весны следующего года.

³ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883–1912). СПб., 1912. С. 525.

^{3а} В советские годы П.С. Шереметев немало содействовал сохранению в Остафьево музея-усадыбы, был консультантом архивохранилищ, музеев, библиотек.

тельности Карамзина-историка, когда он "пользовался как специалист историческим материалом для критики современности"⁴.

В недавних трудах, основанных на изучении материалов личного фонда Шереметовых в РГАДА⁵, показано, что главный организатор (а по существу и инициатор) праздника по случаю открытия памятника Карамзину в Остафьево – граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918), женатый на дочери и наследнице князя Павла Петровича Вяземского Екатерине. И рассматривалось это как выполнение намерения еще П.П. Вяземского поставить памятник Историографу напротив окна кабинета, где тот трудился. С.Д. Шереметев был не только богатейшим высокопоставленным сановником, но и видным знатоком российской истории, автором серьезных научных трудов по этой тематике, председателем Археографической комиссии, Общества любителей древней письменности (основателем которого был П.П. Вяземский), Общества ревнителей русского исторического просвещения (выпускавшего продолжающееся издание "Старина и новизна").

Шереметевым была дорога "драгоценная для россиян память Николая Михайловича Карамзина" (слова Пушкина, посвятившего памяти Историографа "с благоговением и благодарностью" свою драму "Борис Годунов", "труд гением его вдохновенный"). Такое отношение Шереметевых обусловлено не только уважением к преданиям фамильной остафьевской старины. Оно унаследовано еще от современников Историографа. Существенно, однако, и то, что в формировании "высоких" представлений о Карамзине (слово "высокий" применительно к Карамзину опять-таки характерно для языка Пушкина) особую роль сыграли те, кто тоже в большей (как П.А. Вяземский) или меньшей степени (как Жуковский и Пушкин) были связаны с Остафьевым – всем им (как и сыну Петра Андреевича Вяземского Павлу) вскоре поставят памятники в Остафьево⁶.

Такое впечатление о Карамзине – писателе и историке, учителе жизни, высоко нравственном человеке, правдивом советнике государей передалось Тютчеву и тем младшим современникам, которые лично не могли быть знакомы с ним – Гоголю, Герцену, Гончарову, – перешло в учебную литературу⁷: особенно ясно прослеживается в трудах педагога и историка литературы Л.И. Поливанова, в частной гимназии которого учился П.С. Шереметев. "Чувство" Карамзина у Шереметевых сохранялось и в начале следующего XX столетия: они и тогда возвращались к мыслям Историографа. Знаменательны в этом плане слова С.Д. Шереметева в письме к мальчику-внуку. Обещая подарить ему 12-томную "Историю государства Российского", дед замечает: "Это лучшая наша история, написанная таким живым и художественным языком и так воодушевленно, что заставляет полюбить историю нашей Родины"⁸. Показательно и то, что в период событий "смуты" 1917 г. в семье Шереметевых, судя по дневниковым записям, читали вслух страницы "Истории" Карамзина (23 ноября, 2 и 11 декабря)⁹.

⁴ Неизданная статья С.Ф. Платонова / Подгот. к печ. А.Н. Артизов, Б.В. Левшин // ОА. 1993. № 2. С. 54.

⁵ Володина Т.Д. Памятник Карамзину в Остафьево: (По архивным данным) // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года. М., 1992. С. 177–183; Шохин Л.И. Архивные материалы С.Д. Шереметева об открытии памятника Н.М. Карамзину в Остафьево в 1911 году // Венок Карамзину. М., 1992. С. 100–112.

⁶ Остафьево / Сост. Н.К. Квятковская. М., 1990. С. 212–213.

⁷ Шмидт С.О. "История государства Российского" в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринт. изд. М., 1988. Кн. IV. С. 28–43; Он же. Пушкин и Карамзин // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года. С. 73–91; Он же. Н.М. Карамзин – историк // Венок Карамзину. С. 22–23.

⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3006. Л. 325–326.

⁹ Там же. Д. 5062. Л. 150, 159, 162. Сведениями из архива Шереметевых автор обязан Л.И. Шохину.

План торжества открытия памятника Карамзину С.Д. Шереметев продумал до деталей – кого пригласить (среди немногих приглашенных историков самым молодым был Б.Д. Греков), кому выступать и какое место занять за обеденным столом. Предусматривались речи двух ученых – наиболее эрудированного знатока источников российской историографии почтенного киевского профессора В.С. Иконникова (через два с половиной года его – на 73-м году жизни – изберут академиком) и петербургского профессора С.Ф. Платонова. Оба профессора хорошо знали друг друга – в 1899 г. Иконников выступал оппонентом докторской диссертации Платонова, защищенной в Киевском университете, и отзыв его был тогда же опубликован.

Из ученых более молодых поколений выбор Шереметева пал на Платонова, очевидно, не только потому, что Платонов был уже прославленным профессором (причем и исследователем, и лектором) и к тому же достаточно близким знакомым хозяина имения: тома Полного собрания русских летописей, вышедшие под редакцией ученого, издавались Археографической комиссией, и С.Д. Шереметев поместил статью "Дела Греческие" в сборнике статей 1911 г., имевшем обязывающее название: "Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели". Имело значение, видимо, и то, что Платонов – ученик К.Н. Бестужева-Рюмина, восхищавшийся его лекциями, приобщавшими к "поэзии умственного труда". В 1921 г. он поделится в печати воспоминаниями о лекциях, отметив, что Д.А. Градовский и К.Н. Бестужев-Рюмин "проникали в сердце и совесть, будили душу, заставляли искать идеала и моральных устоев" (и в то же время укажет, что, не принимая славянофильских убеждений Бестужева-Рюмина, останется рекомендовавшему его для подготовки к профессорскому званию академику "не своим человеком"); в 1922 г. он опубликует статью к 25-летию со дня кончины Бестужева-Рюмина, а в 1927 г. нарочно повторит приведенные выше слова о влиянии Бестужева-Рюмина и Градовского, в преподавании которых "был силен моральный элемент" в автобиографии¹⁰.

К.Н. Бестужев-Рюмин был близок с С.Д. Шереметевым, адресовал ему письма о российской истории Смутного времени (изданные уже посмертно в 1898 г.). Бестужев-Рюмин всегда помнил, что именно чтение в детстве "Истории государства Российского" возбудило у него интерес к истории, стало школой нравственного воспитания. И старался передать это сохранившееся на всю жизнь ощущение слушателям и читателям¹¹. Он деятельно участвовал в праздновании юбилея Карамзина в 1866 г. (100-летие со дня рождения), написал статью о Карамзине в Русском биографическом словаре (1897) – статью, оцененную Платоновым в 1920-е годы как "умнейшая и объективная"¹². Суждение Бестужева-Рюмина совпадали с представлениями Шереметевых в названной уже книге "Карамзин в Остафьево", эпитафии на титульном листе: слова Историографа о своем отношении к годам пребывания там и слова Бестужева-Рюмина: "У меня культ Карамзина".

Полагая, что выступающий первым Иконников охарактеризует Карамзина как ученого-историка, Платонов поставил перед собой задачу объяснить, почему так велико было воздействие "Истории" Карамзина на общественное сознание

¹⁰ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Пг., 1921. Кн. 2. С. 114–115; *Он же*. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Рус. ист. журн. Пг., 1922. Кн. 8. С. 225–228; Сергей Федорович Платонов: Автобиограф. академика С.Ф. Платонова, написанная для "Огонька" // Огонек. 1927. № 35. С. 10.

¹¹ К.Н. Бестужев-Рюмин: Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 206; См. также: *Шмурло Е.Ф.* Очерки жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, 1829–1897. Юрьев, 1899; *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М., 1990.

¹² ОА. 1993. № 2. С. 49.

современников, "главную причину" его "литературного успеха". И усматривал это в "гармонии национальных и общечеловеческих элементов в его творчестве" (цитата из письма С.Д. Шереметеву)¹³.

Вопреки мнению других ученых и публицистов рубежа XIX и XX вв. ("современному нам обычаю") «деятельность Карамзина, взятая в ее основных чертах, по убеждению Платонова, проникнута целостным единством устроения и не страдает противоречиями и внутренними несоответствиями. "Европеизм" Карамзина уживался мирно с его "патриотизмом"... В их гармоническом соединении заключалась самая суть мировоззрения» писателя, "она-то и дала... такой успех произведениям Карамзина среди современного ему общества". "В произведениях своих Карамзин вовсе упразднил вековое противоположение Руси и Европы как различных и непримиримых миров; он мыслил Россию как одну из Европейских стран и русский народ как одну из равнокачественных с прочими наций". Потому-то Карамзин и "обратился от литературных к историческим трудам. Изучение истории народа всегда признавалось лучшим средством народного самопознания"¹⁴.

Любопытно заметить, что, вспоминая о лекциях Бестужева-Рюмина, Платонов через 10 лет повторит схожую формулировку: "Мы жили в новой для нас области русской историографии как в каком-то ученом братстве, где все дышали одними общими учеными интересами и жаждою народного самосознания"¹⁵. Первое сильное впечатление от историка, произведенное на студента, намерившегося первоначально посвятить себя изучению филологии, Платонов в какой-то мере перенес и на того, кто был кумиром этого профессора – на Карамзина. Примечательно, что в недавнее время, с возвращением нашему читателю Карамзина-историка, писавшие об "Истории государства Российского" не раз возвращались и к "Слову" Платонова 1911 г.

Речь Платонова в день, который он сам назвал "светлым праздником русской культуры", имела значительный успех. Тем не менее перед напечатанием автор, очевидно, подверг текст "дальнейшей обработке". Об этом сообщают редактор "Остафьевского архива" П.Н. Шеффер и С.Д. Шереметев в письме к Шефферу: "его (Платонова. – С.Ш.) речь остафьевская с новыми дополнениями – верш совершенства"¹⁶. Возможно, что такое восприятие его выступления побудило Платонова в еще большей мере подчеркнуть особенно важные для него положения. Это можно проследить по авторским исправлениям, внесенным в первоначальный текст перед его напечатанием.

Автограф "Слова" 1911 г. сохранился и сейчас находится в РГАЛИ^{16а}. Заголовков "Н.М. Карамзин" как в издании Остафьевского архива. В тексте заметна редакторская правка – возможно, и первоначальная, в момент написания, и безусловно позднейшая (более мелким почерком и с небольшим отличием чернил).

Вставлены и существенного значения формулировки: так, вместо частично зачеркнутого первоначального текста: "Большинством забыт секрет успеха Карамзина" – появился новый: "Большинство, однако, не чтит и не обличает Карам-

¹³ Шохин Л.И. Указ. соч. С. 106.

¹⁴ Платонов С.Ф. Соч. СПб., 1911. Т. 1. С. 504–512.

¹⁵ Дела и дни. Кн. 2. С. 111.

¹⁶ Шохин Л.И. Указ. соч. С. 111.

^{16а} Этими сведениями автор обязан Н.С. Прохоренко. Рукопись поступила в архив из коллекции Литературного музея. На последнем – 17-м листе рукописи каллиграфическим почерком написано: "Получено от Академика, доктора русской истории Сергея Федоровича Платонова 8 января 1922 года – Каменноостровский пр., д. № 73/75, кв. 13 Петроград Влад. Федоров". Это адрес Платонова. А подпись, возможно, Владимира Аггеевича Федорова (1878 г. рожд.), экономиста и краеведа, на рубеже 1920–1930-х годов сотрудника Государственного института научной педагогики, затем члена Ленинградского областного бюро краеведения и Общества краеведов-марксистов. О нем см.: Научные работники Ленинграда: Справочник. Л., 1934. С. 367, 480.

зна, а плохо его помнит. Теперь потерял секрет успеха..." (Л. 4). Во фразе: "Мне кажется, что вопреки обычаю строить характеристику Карамзина на некоторой антитезе его чувств, взглядов и настроений" – изменено начало (что имеет принципиальный смысл), и в печатном тексте она начинается так: "Мне кажется, что можно не следовать современному нам обычаю..." (Л. 7). Уточнены формулировки и едва ли не важнейшего наблюдения на том же л. 7. Первоначальный текст («"Европеизм" Карамзина уживается мирно с его "патриотизмом". В их сочетании была суть мировоззрения нашего писателя, давшая такой успех произведениям среди современного ему общества») заметно расширен и стал читаться так: «"Европеизм" Карамзина уживался мирно с его "патриотизмом", и взаимная смена этих настроений совсем не бывала "переворотом" мирозерцания. В их гармоническом соединении заключалась самая суть мировоззрения нашего писателя; она-то и дала, нам кажется, такой успех произведениям Карамзина среди современного ему общества"¹⁷.

Готовясь к написанию "Слова", Платонов, естественно, обратился не только к сочинениям самого Карамзина, но и к литературе о его жизни и творчестве (на полях рукописи ссылки на литературу – фамилия автора, написанная сокращенно, и страница издания). И начинается "Слово" введением историографического характера. Но краткая речь в день "остафьевского торжества" (определение супругов Шереметевых)¹⁸ в "тесном кругу" публики, не занятой непосредственно изучением истории, побудила ученого быть лаконичным и не вступать в серьезную полемику с инакомыслящими. Он лишь отметил – в виде риторического вопроса – ссылаясь на книгу П.Н. Милюкова "Главные течения русской исторической мысли"¹⁹, что "Карамзин и в наше время может быть предметом не только исследования, но и обличения... за манерность и деланность чувств и слога в его трудах, за его политическое умонастроение, за то, наконец, что он как историк был прославлен несравненно больше, чем заслуживали его ученые приемы и теории" и с этим "приходится считаться в настоящее время"²⁰.

Наблюдений, а возможно, и подготовительных письменных материалов оказалось гораздо больше. И Платонов, узнав о высокой оценке Шереметевым его "Слова", в письме к Шефферу писал: "Эту тему надлежало бы развить в монографию. Сам я только тогда стал ясно представлять себе Карамзина, когда додумался до изложенных в речи мыслей. Карамзин открыл горизонт тем, кто был в темноте и сомнениях"²¹.

Однако в 1916 г., когда многие журналы и газеты откликнулись на юбилей Карамзина (150-летие со дня рождения и 100-летие со времени завершения работы над первыми томами его "Истории"), Платонов не выступал в печати. Вероятнее всего, он не выступал и с устным докладом. Во всяком случае об этом нет сведений ни в библиографии журнальных статей, ни среди газетных вырезок (статьи о Карамзине, сообщения о том, как отмечался юбилей) в собрании Шереметевых²². Можно предположить, что Платонов хотел предварительно ознакомиться с тем, что напишут об Историографии в эти дни (среди авторов статей были такие видные тогда ученые, как Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер,

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 406 (С.Ф. Платонова). Россыпь.

¹⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. М., 1913. Т. V, вып. 2. Предисл.

¹⁹ См.: Думова Н.Г. Либерал в России: Трагедия несовместимости: Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993. Ч. 1. С. 172–174; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992. С. 21.

²⁰ Платонов С.Ф. Соч. 1911. Т. 1. С. 505.

²¹ Шохин Л.И. Указ. соч. С. 111.

²² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5136. Л. 156–163.

И.А. Шляпкин). Думается, что более других созвучны взглядам Платонова оказались суждения его давнего друга Шляпкина, близкие, видимо, и к представлениям Шереметевых (тем более что в студенческие годы Шляпкин был учителем их детей, и Платонов в некрологе Шляпкина в 1918 г., вспоминая об этом, писал о "той высокой культурной среде, весь быт которой был проникнут литературными традициями"²³).

Публично выступить о Карамзине, причем именно как об историке, Платонов счел нужным в середине 1920-х годов. К тому времени многое изменилось и в общественно-политической жизни России, и в положении самого Платонова в среде историков. Поводом стал 100-летний юбилей со дня кончины Карамзина.

В этот день, 3 июня 1926 г., в помещении Археографической комиссии состоялось организованное совместно с Пушкинским Домом открытое заседание, на выставке "памяти историографа" были экспонированы портреты Карамзина и "близких ему по родству и дружбе лиц", автографы его произведений и писем, прижизненные издания сочинений, все издания "Истории государства Российского". Об этом узнаем из информации о работе экспозиционного отдела Пушкинского Дома в печатном годовом Отчете о деятельности Академии наук, составленном ее неперменным секретарем С.Ф. Ольденбургом. А в разделе отчета о деятельности Археографической комиссии (с апреля 1926 г. называлась Постоянной историко-археографической комиссией – ПИАК, – так как с ней слилась Постоянная историческая комиссия, основанная в 1903 г.) в числе докладов 1926 г. назван доклад Платонова "Карамзин-историк" и отмечено, что "особым многолюдством отличалось заседание, устроенное в день столетия годовщины со дня смерти Карамзина". Выставка упомянута и в предваряющей отчет речи академика С.Ф. Ольденбурга²⁴.

Опубликованная в журнале "Отечественные архивы" статья – это текст доклада перед открытием выставки. Можно предполагать, что доклад был сделан в устной форме (Платонов был мастером лекций!) и потому-то и назван в первой фразе "беседой". Хотя явно предназначался и для печати. Так это понял и переславший статью М.Н. Покровскому С.Г. Томсинский. В сопроводительной записке его читаем: «Посылаю Вам статью Платонова о Карамзине, которую он назначал для "Летописей зан[ятий] Арх[еографической] Ком[иссии]"²⁵. И ненапечатанные статьи в ближайшее время в редактируемом Платоновым издании тоже знаменательно и побуждает к размышлению о том, что стало тому помехой.

В середине 1920-х годов в ученом мире именно Платонов воспринимался как глава науки российской истории. В период же составления "Слова" 1911 г. положение было иное. Тогда в Петербурге имела место своеобразная ситуация. Если в Москве безусловным лидером московских историков признавался В.О. Ключевский, то в Петербурге было два лидера: в академической науке – академик А.С. Лаппо-Данилевский, в профессорской – С.Ф. Платонов. И между Платоновым и Лаппо-Данилевским и его окружением (к которому принадлежали академики М.А. Дьяконов, С.Ф. Ольденбург, А.А. Шахматов, член-корреспондент В.И. Срезневский и др.) были непростые отношения. В Петербурге это было настолько известно, что А.Е. Пресняков писал в вышедшей при жизни Платонова, в 1922 г., книжке о Лаппо-Данилевском, о "личном отчуждении" того от "дружеской среды, в которой центральным лицом был и оставался С.Ф. Пла-

²³ Платонов С.Ф. И.А. Шляпкин // Рус. ист. журн. 1918. № 5. С. 323–324; Плютто П.А. Дневник профессора И.А. Шляпкина // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 216–217.

²⁴ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 год. Л., 1927. Т. 1. С. 191, 316, Х1.

²⁵ АРАН. Ф. 1759. Оп. 5. Д. 63. Л. 31.

тонов", и что ему было "тягостно чрезмерное слияние и сплетение личной близости с деловым научным общением"²⁶.

Членом-корреспондентом Академии наук Платонов стал только в 1909 г. (а В.И. Срезневский, родившийся на семь лет позднее, в 1867 г., – уже в 1906 г.). В упомянутом сборнике 1911 г. в честь Платонова нет среди авторов академиков тех лет, хотя и открывают книгу стихотворения К.Р. – великого князя Константина Константиновича, бывшего тогда президентом Академии наук. Дневник великого князя, бывшего также попечителем Женского педагогического института, свидетельствует и о том, что Платонов, придерживавшийся таких же монархических взглядов, был для него почти домашним человеком в 1905–1906 гг., и о несходстве позиций Платонова и Ольденбурга в отношении политических событий тех лет^{26а}. Программу работы предполагавшегося международного конгресса историков в Петрограде в 1918 г. разрабатывал Лаппо-Данилевский; его утвердили и главой организационного комитета по подготовке конгресса²⁷. Академиком Платонова избрали лишь в 1920 г., когда Дьяконова и Лаппо-Данилевского уже не было в живых.

Платонов еще до революции отказался от административных обязанностей (сначала заведующего кафедрой университета, а в 1916 г. и директора Женского педагогического института). Однако изменение жизненных условий, необходимость постоянного заработка возвратили его к службе. "Переворот 1917 г., – писал ученый, – поставил меня снова в ряды повседневных работников"²⁸. Думается, что причиной возвращения к активной служебной деятельности были не только материальные обстоятельства – Платонову казалось, что он получит возможность новой и достаточно широкой научно-организационной работы. Именно Платонову было доверено сначала руководство архивами Петрограда и Археографической комиссией (первый избранный ее председатель с 31 декабря 1918 г.), а затем и академическими учреждениями – Библиотекой РАН, позднее и Пушкинским Домом. Он стал директором Археологического института (с 1918 г.), и председателем археологического отделения факультета общественных наук Петроградского университета (с 1923 г.). Таким образом, Платонов, еще до 1917 г. проявивший разносторонние дарования администратора в системе высшего образования, занял высокое положение организатора науки и в системе Академии наук.

Это новое положение Платонова предопределяло и основную тематику его выступления на объединенном заседании академических учреждений в 1926 г. и соответственно отличие от написанного им в 1911 г., хотя автор и использовал прежний текст: в рукописном автографе имеется даже вклейка (на л. 3) вырезанных печатных страниц (3–4 из оттиска статьи в "Остафьевском архиве") об оценке "Истории" Карамзина Ф.И. Буслаевым и другими учеными. На заседании памяти Историографа академику Платонову надлежало выступить с докладом широкого плана о Карамзине-историке (он и озаглавил этот доклад так же, как и Иконников в 1911 г. – "Карамзин-историк"), об исследовательском мастерстве его, источниковой базе "Истории государства Российского", о вкладе Карамзина в развитие науки истории и специальных исторических и филологических наук.

На правом поле рукописи ссылки (как и в рукописи "Слова" 1911 г., которой, как мы теперь знаем, не было уже на руках у автора) на использованную литературу (труды М.П. Погодина, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.С. Иконникова,

²⁶ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 26; Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 82–83.

^{26а} Из дневника Константина Романова // Красный архив. Т. 43, 44.

²⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Программа международного исторического конгресса в С.-Петербурге в 1918 г. СПб., 1913; Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 43.

²⁸ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов. С. 118–119.

П.Н. Милюкова), с сокращенным написанием фамилий и указанием страниц. И здесь Платонов показал себя убежденным противником суждений Милюкова и тех, кто присоединился к этому мнению в последующие годы. Он пишет о "предвзятой враждебности к Карамзину, какую страдает Милюков", давая Карамзину-историку "убийственную характеристику", о "каком-то малопонятном чувстве личного раздражения и враждебности против Историографа". Платонов подчеркивает "изошренную наблюдательность" Карамзина-исследователя, утверждая, что "Карамзин – превосходный исследователь, тщательно обработавший свой обширный материал"²⁹.

Однако основная направленность доклада была против М.Н. Покровского, в оценке научных достоинств труда Карамзина находившегося в полной зависимости от взглядов Милюкова, но внесшего в свои суждения о Карамзине еще и откровенный вульгарно-политический привкус. Покровский был тогда воинствующим лидером историков-марксистов, противопоставлявшим себя и своих последователей историкам "старой школы" и все более вытесняющим с "исторического фронта" так называемых буржуазных специалистов – слово "фронт", подразумевающее и линию разделения одних и других и тенденцию к наступлению, тогда было особенно в ходу в партийно-государственных постановлениях и публицистике, внедрялось в язык науки.

Для того чтобы разобраться в этом, следует иметь в виду и общественно-политическую позицию Платонова, его отношение к научному наследию, культурному наследию в целом и к тем современникам, которые в его глазах олицетворяют связь культуры прошлого и настоящего, т.е. к российской интеллигенции, а также представление академика о своем месте в этой среде и долге, налагаемом на него достигнутым положением, его понятия о правах личности и критериях самоуважения – ученого и гражданина. Показательно, что он счел необходимым публично заявить в 1921 г. (в воспоминаниях о студенческих годах) об "упрямстве" с каким "всегда противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво охраняя право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение"³⁰.

По своим политическим убеждениям Платонов был монархистом (и потому казался слишком правым кадетской профессуре из окружения Ольденбурга). Он писал об этом даже в записке, составленной в тюрьме в 1930 г.: "По своему воспитанию и в кругу моих исторических занятий я, естественно, жил монархическими взглядами", отметив, правда, что события 1905 г. и "безобразия последующих лет" уничтожили "уважение к династии" и побудили его думать, что "естественный выход для страны – конституционно-демократический строй"³¹. Но вполне понятно, что и при таком изменении взглядов провозглашенную Октябрьской революцией программу преобразований он не мог принять. Однако Платонов не стал участвовать в политической деятельности противостоящих ей партий и группировок, не перешел в стан эмиграции. Можно полагать, что его умонастроения были близки к отраженным тогда же в дневнике московского его коллеги Ю.В. Готье, которого именно Платоновы принимали в дни его командировок в Петроград особенно радушно.

В те дни Платонов видел долг свой в том, чтобы сберечь наше культурное наследие и приобщать к нему, дабы не прервались основы связи времен в жизни народа. Такого рода умонастроения были характерны для многих образованных интеллигентов первых послереволюционных лет; они питали, в частности,

²⁹ ОА. 1993. № 2. С. 51, 53.

³⁰ Дела и дни. Кн. 2. С. 114.

³¹ Исповедь узника ОГПУ: (Неизвестная рукопись академика С.Ф. Платонова) / Публ. В.С. Брачева // Вестн. РАН. 1992. № 9. С. 121.

работы по охране памятников истории и культуры и краеведение³², развернувшиеся в невиданных прежде масштабах.

Поэтому Платонов принял весьма деятельное участие в направляемой новой властью культурной работе, а привлекали его прежде всего к архивному строительству. Характерны его печатные высказывания 1918 г. Статью в начале года "О старых пословицах и поговорках" историк закончил словами: "В тяжкое время болезни и страданий народной души взор в прошлое может дать некоторое утешение. Кровью и потом орошена историческая дорога народа, борьба и лишения были его постоянным уделом, жертва и подвиг доставались ему в удел чаще, чем торжество и успех. Если не замерла в минувших бедах и испытаниях народная бодрость и сила, быть может, не умрет она и теперь в мраке нашей современности, в ужасах того распада, который сводит на нет плоды векового народного труда"³³. Но речь при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 г. Платонов начал так: "Общий процесс разрушения, в котором не намечается еще процесс созидания, как это ни странно, животворящим образом отразился на архивном деле"³⁴.

При этом Платонов не склонен был расставаться со сложившимися прежде понятиями о ценностях духовных и даже общественно-политических; сфера российской культуры – а значит, и творческой деятельности российской интеллигенции – оставалась для него прежней. И в те годы включала эмигрантскую среду (к которой принадлежала к тому же семья одной из его дочерей). Следовательно, и читательским кругом оставались все причастные к русскоязычной литературе – и в стране советов, и за рубежом, более того, все интересующиеся российской историей. Российские эмигранты справедливо полагали, что ученый рассчитывал и на их восприятие новых его трудов. П.Б. Струве – академик-эмигрант – прямо указывал в апреле 1922 г. в рецензии пражского журнала "Русская мысль" на книгу Платонова "Борис Годунов": "Роковая моральная аналогия мерзостей Смутного времени с мерзостями Великой революции неотразимо встает перед умом читателя замечательной книги С.Ф. Платонова; и мы не можем отделаться от мысли, что эта аналогия присутствовала в его уме"³⁵.

Для умонастроения Платонова и формы его внешнего выражения показательны не только труды, рассчитанные на сравнительно широкого читателя. Характерно в таком плане заседание Археографической комиссии 18(31) декабря 1918 г., когда почтили память С.Д. Шереметева и избрали С.Ф. Платонова председателем комиссии. Об этом хроникальное сообщение в издании 1923 г., там переданы и прощальные слова Шереметева: "Я умираю с глубокой верой в Россию. Она возродится", а покойного председателя комиссии и его сына по-прежнему титулуют графами³⁶. Впоследствии, в 1929–1931 гг., Платонову это припомнят, так же как и другим академикам, отметив, что политическая программа и резко отрицательное отношение к действительности формулировали тогда в "надгробных речах"³⁷. Действительно, в воспоминаниях и некрологах (посвящен-

³² См. об этом: *Шмидт С.О.* "Золотое десятилетие" советского краеведения // *Отечество: Краеведческий альманах*. М., 1990. Вып. 1. С. 16–17; *Он же.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 27–29.

³³ Журнал для всех. Пг., 1918 № 2/3. Стб. 208–209.

³⁴ Архивные курсы: Лекция, читанные в 1918 г. Пг., 1920. С. 3; *Шмидт С.О.* К истории архивного строительства в первые годы советской власти // *Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений*. Л., 1970. С. 30.

³⁵ Цит. по: *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов. М.; Л., 1931. С. 83.

³⁶ Летопись занятий Археографической комиссии. Пг., 1923. Вып. 31. С. 16–17.

³⁷ *Пионтковский С.А.* Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // *Историк-марксист*. 1939. № 18/19. С. 158–159.

ных академиком А.С. Лаппо-Данилевскому, Б.А. Тураеву, А.А. Шахматову и другим ученым), составленных сторонившимися откровенной политической публицистики, явственно заметны тревога за судьбы России, ее культуру и осуждение того, что наносило этому урон и приводило к невосполнимым утратам. Даже у С.Ф. Ольденбурга, так много сделавшего для укрепления взаимосвязи академической науки с советской властью (что нашло отражение в приписываемой Платону эпиграмме, начинающейся словами: "Академик Ольденград // Коммунистам лижет зад ...")³⁸.

В конце статьи Ольденбурга в сборнике памяти Лаппо-Данилевского, напечатанном по его же распоряжению как неперменного секретаря Академии наук, от июня 1920 г. читаем такие слова: "Дорогой друг, верь, что мы, твои друзья и товарищи в общей работе, чувствуем и верим, как ты; как ты, не взирая ни на что, мы будем продолжать твою-нашу работу, и я уверен, что тогда и те, кто теперь сомневается, поймут наконец, какой великий искус выдерживали и выдерживают русская наука и русский ученый, поймут и научатся уважать и ценить их, и не будет тогда тех ненужных бессмысленных жертв темноты и невежества, жертв лучшими жизнями страны, тех жертв, одною из которых явился ты"³⁹. Но Ольденбург, как и Платонов, верил "в великие светлые дни русского будущего", когда "будет светлую память об истинном русском ученом". Во имя этого будущего они продолжали с полной профессиональной самоотдачей неутомимо трудиться на поприще науки и культуры.

Показательны "личные впечатления" А.В. Луначарского, которые он формулирует "в ответ на секретное отношение Управления делами Совнаркома" о просьбе председателя Совнаркома В.И. Ленина "дать характеристики" некоторым известным деятелям культуры: "Академик Платонов – ума палата. Сейчас, кажется, избран в президенты Академии, замечательный историк правых убеждений. Несмотря на это, сразу стал работать с нами, сначала управлял архивом Наркомпроса, потом был привлечен Рязановым в качестве своего помощника по управлению архивами в Петрограде, а сейчас управляет ими более или менее единолично под общим контролем М.Н. Покровского. Держится в высшей степени лояльно и корректно..."⁴⁰ Документ датирован 9 марта 1921 г. И несоответствовавшие действительности слухи об избрании Платонова президентом академии – показатель того положения, которое приписывало ему тогда общественное мнение.

Эти слова наркома просвещения из секретного документа стали известны читателю лишь через 50 лет, а для широкого ознакомления была опубликована той же весной 1921 г. рецензия заместителя наркома Покровского на книгу Платонова "Борис Годунов" (в серии "Образы прошлого"). О том же, какое значение придается мнению Покровского, можно было узнать незадолго до того из газеты "Правда", напечатавшей 9 февраля 1921 г. статью Ленина "О работе Наркомпроса", где о Покровском было сказано, что он осуществляет руководство наркоматом не только как "заместитель наркома", но и "как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще"⁴¹. Статья была написана и в связи со спорами о задачах политехнического образования, которые очень волновали Н.К. Крупскую, бывшую членом

³⁸Перченко Ф.Ф. Академия наук на "великом переломе" // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 209.

³⁹Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Рус. ист. журн. Пг., 1920. Кн. 6. С. 180.

⁴⁰Литературное наследство. М., 1971. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский. С. 258.

⁴¹Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 324.

коллегии Наркомпроса (а ранее до весны 1918 г., и заместителем наркома, именно ее на этом посту сменил Покровский)⁴².

Можно полагать, что Крупская ознакомилась с текстом до публикации и определение роли Покровского в наркомате отражало и ее точку зрения. Это, думается, находит подтверждение в воспоминаниях Крупской на заседании памяти Покровского в 1932 г. По ее словам, Ленин "много раз говорил о том, какую крупную роль играет" Покровский в работе Наркомпроса. И когда писал о Наркомпросе и его задачах "после партийного совещания по вопросам народного образования" (в конце 1920 г.) не случайно именно так определил место Покровского в Наркомпросе: «Это слово "советник" чрезвычайно характерно, потому что мы – работники Наркомпроса – постоянно подкатывались к М.Н. со всякими вопросами: как сделать то или иное, как поставить вопрос». "Эта работа Покровского" не зафиксирована, но "наложила печать на всю работу Наркомпроса". Тем более что Покровский "фронт просвещения считал важнейшим участком революционного фронта"⁴³. В коллегии Наркомпроса Крупская и Покровский обычно солидаризировались – вряд ли без предварительного согласования с Крупской Покровский мог предложить Ленину в письме от 24 мая 1924 г. употребить на удешевление книг неиспользованные фонды Главполитпросвета⁴⁴. И потому допустимо полагать, что главным поводом решения ЦК партии в июне 1922 г. отстранить Покровского от должности первого замнаркома просвещения был этот альянс, казавшийся небезопасным И.В. Сталину, утвердившемуся в апреле 1922 г. в должности генерального секретаря ЦК. Мотивировка перемещения – необходимость сосредоточения его на научной деятельности, где "он никем не может быть заменен".

Покровский имел по этому поводу телефонный разговор со Сталиным, из которого усвоил, что функции первого замнаркома (который заведует Академическим центром и председательствует в Государственном ученом совете) не представлялись "достаточно ясно"⁴⁵. Думается, однако, что Покровский не столько убедил Сталина в том, что функции эти должен выполнять ученый по профессии, сколько Сталин убедился в тяжелой болезни Ленина (после того как его частично парализовало). Это привязывало Крупскую к Горкам и безусловно уменьшало возможность оказывать влияние на политику и самой Крупской и лиц ее окружения.

С трудами Платонова Покровский был хорошо знаком. Использовал их в главах о России второй половины XVI – начале XVII столетия, в первом и втором томах "Русской истории с древнейших времен", неоднократно цитировал их и охарактеризовал Платонова как "одного из осторожнейших в своих выводах русских историков"⁴⁶, а в написанной тоже до революции 1917 г. статье о Платонове в энциклопедическом словаре Гранат отмечал, что "он не только высоко ценится специалистами, но и один из самых читаемых русских историков наших дней"⁴⁷.

Рецензия на книгу Платонова "Борис Годунов" в журнале "Печать и революция" (кн. 3 за 1921 г.) начинается так: "Для того чтобы в наши дни, дни безумного бумажно-типографского кризиса, выпускать книгу о Борисе Годунове, необходимо одно из двух условий. Нужно, или чтобы книга содержала в себе новые факты, факты важные, бросающие на вопрос совершенно новый свет; или

⁴² Литературное наследство. Т. 80. С. 67.

⁴³ Цит. по: Вестн. Ком. акад. 1932. № 4/5. С. 64–65.

⁴⁴ См. об этом Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. М., 1982. Т. 12. С. 349.

⁴⁵ Чернобаев А.А. "Профессор с пикой", или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. С. 129–130.

⁴⁶ Покровский М.Н. Избр. произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 256.

⁴⁷ Энциклопедический словарь / Гранат. Т. 32. Стб. 322–323.

чтобы к фактам, уже известным в науке, автор подходил с совершенно новой *точкой зрения*" (выделено Покровским. – *С.Ш.*). И далее в развязном тоне Покровский старается убедить читателя в том, что «присяжный знаток Московской Руси... не знает – или находит нужным делать вид, что не знает, – даже печатного, притом напечатанного им самим (почему и приходится прибегать к непопулярному предположению, что маститый историк "делает вид")».

По Покровскому, читатель лишен некоторых сведений по истории Смутного времени, «зато начинает обогащаться сведениями по части кодекса приличий, обязательных для благовоспитанного историка. Нельзя ни под каким видом говорить о классовой борьбе, хотя бы вы о ней и знали... Эта "классобоязнь" задним числом доводит акад. Платонова до поступков поистине странных». Такой "своеобразный академический этикет" объясняется классовой принадлежностью Платонова, предопределяющей его исторические воззрения, ибо "для буржуазии признать, что историю делают не отдельные люди, а классы... – значит совершить классовое самоубийство". Буржуазные историки "наперерыв стремятся доказать, что историю всегда делали отдельные личности, на которых и лежит полная моральная ответственность за исторические события".

Здесь существенно важно заметить не только традиционно декларируемое сторонниками взглядов Покровского противостояние их и "буржуазных" принципов – политико-идеологических и философско-социологических, но и основ для моральной оценки: объявление действующей силой истории лишь народных масс-классов освобождало отдельных лиц от моральной ответственности, даже тех, кто направлял и идейно обосновывал действия масс. И Покровский, подтрунивая над представлением о "прямом долге исторической науки" (которыми руководствуются в своей научной и научно-просветительской работе историки), на самом деле и опасался того, что "лет через десять кто-нибудь из его (Платонова. – *С.Ш.*) учеников и последователей займется моральным уничтожением вождей теперешней революции". Как выяснилось, основания для подобного опасения действительно имелись: за рубежом об этом писали ученые еще при жизни Покровского (умер в 1932 г.); в советской стране такие утверждения стали повсеместными примерно через 55 лет после его кончины и кончины Платонова (умер в 1933 г.).

Критикуя Платонова, Покровский напоминает и о Карамзине: «...карамзинщина как раз и возрождается перед нами в его книжке. От Карамзина новейшие историки и индивидуалисты отличаются лишь настолько же, насколько псевдоклассицизм отличается от подлинного, античного классицизма: больше надуманности и искусственности, меньше свежести и непосредственности, зато бесконечно сложнее и утонченнее "аппарат"». И чтобы крепче ущемить ученого академика, констатируют, что «все эти "новые и очень ценные сведения" (слова автора книги. – *С.Ш.*) умещаются на восьми страницах, и в специальном журнале появление этих страниц можно было бы только приветствовать. Но издавать книгу в 10 печатных листов в 6000 экземпляров – роскошь. Завершается рецензия фразой, по существу отлучающей Платонова от "нашей" советской науки: "Буржуазия умеет издавать своих. Когда-то мы выучимся" ⁴⁸.

Покровский с решительностью и, не стесняясь в выражениях публично, выступал против тех историков, которых нельзя было признать марксистами – и ученых прошлых лет и современников. Лишь некоторые труды их, насыщенные фактологическим материалом, он полагал полезным использовать "для справок": посмертное издание "Методологии истории" Лаппо-Данилевского и особенно переиздание "Очерков общественного и государственного строя Древней Руси"

⁴⁸ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: Историогр. очерки, крит. статьи и заметки. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 87–93.

М.А. Дьяконова (1926). На первую книгу он откликнулся пространной рецензией, в основе которой доклад 1923 г.⁴⁹, вторую предварил предисловием, подчеркнув, что как "справочное" пособие, она "безусловно полезна, более того, необходима"⁵⁰. Особо выделил труд Н.П. Павлова-Сильванского "Феодализм в Древней Руси". К переизданию его Покровский написал в 1924 г. предисловие и постарался объяснить, почему "давно следовало перепечатать" книгу автора, который "никогда не был марксистом": "исследователь нанес глубокую рану историческому предрассудку, усердно культивировавшемуся царизмом и заразившему не одного почтенного писателя, с царизмом ничего общего не имеющего"⁵¹.

Книги же авторов, построения которых трудно использовать в "просветительски пропагандистских целях", признавались Покровским если не "вредными", то имеющими значение лишь для узкого круга ученых; и потому, по его мнению, такие труды если и допустимо печатать, то только ограниченными тиражами и в специальных изданиях или сопровождать комментариями соответствующей направленности, даже В.О. Ключевского, издание сочинений которого было монополизировано на пять лет правительственным постановлением еще в феврале 1918 г.⁵² Рецензия 1923 г. «О пятом томе "Истории" Ключевского» завершает такого рода суждение: "Непонятно, зачем эту архаическую книгу понадобилось печатать в 50 тыс. экземплярах. И уже если вообще ее печатать, то поручить редакцию следовало бы не Я.Л. Барскову, благоговеющему перед каждым словом покойного учителя, а какому-нибудь историку-марксисту, который снабдил бы ее соответствующими комментариями... с комментариями от книги не было бы по крайней мере прямого вреда. А теперь ее издание, конечно, очень на руку всем, кто мечтает о режиме Александра III как о пределе благополучия. Тут уже марксизмом и не пахнет! И глядишь, книжку начнут рекомендовать даже на наших рабфаках – рекомендуют же Корнилова"⁵³. Упоминание в таком обличительном тоне имени А.А. Корнилова, автора наиболее значительных в историографии трудов по истории России XIX в., близкого друга С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского, ранее видного кадета, конечно, тоже симптоматично.

В предисловии к публикации в журнале "Отечественные архивы" справедливо названа книжка 1923 г. "Борьба классов и русская историческая литература". Это лекции, читанные Покровским в петроградском Коммунистическом университете им. Зиновьева в мае того же 1923 г. Значительная часть слушателей не имела даже школьного образования. Ранее Покровский выступал в довольно схожем по составу слушателей Коммунистическом университете им. Свердлова в Москве (где, как он вспоминал в 1928 г., аудиторию "приходилось наспех накачивать марксизмом"⁵⁴).

Начиная лекционный курс, Покровский сообщил, что, хотя еще "вынуждены сохранить старые факультеты общественных наук", лишь "понемногу коммунизируя, я бы сказал свердловизируя и зиновьевизируя их снизу", первый курс фонов получит структуру и методы преподавания, подобные комуниверсите-

⁴⁹ Там же. С. 97–104 (перепеч. в кн.: *Покровский М.Н.* Избр. произведения. М., 1967. Кн. IV. С. 369–376).

⁵⁰ Там же. С. 109–110.

⁵¹ Там же. С. 105–109 (перепеч. в кн.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 575–577).

⁵² *Смирнов И.С.* Ленин и советская культура. М., 1960. С. 148.

⁵³ *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 58 (перепеч. в кн.: *Покровский М.Н.* Избр. произведения. Кн. IV. С. 266–271).

⁵⁴ Там же. С. 301.

там^{54а}. В лекциях Покровский и продемонстрировал пример "свердловизирования и зиновьевизирования" истории исторической мысли.

Объясняя своим совершенно неподготовленным слушателям, что такое идеология, Покровский в первую очередь называет "Историю государства Российского" и старается опровергнуть "ошибку" даже, многих очень авторитетных товарищей" (имеются в виду А.В. Луначарский и другие более объективно мыслящие ученые-коммунисты), рассуждающих так: "Это установлено к науке, это "факты" – и ссылающихся при этом на труды дореволюционных историков. Между тем, по мнению Покровского, это "вовсе не факты", а "отражение фактов... в зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью... в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом классовых". Ряд имен таких упоминаемых дореволюционных историков начинается имя Карамзина, а замыкает – имя Платонова. Более того, Покровский попытался внушить, что "История" Карамзина относится не к области науки, а "к чисто публицистическому периоду русской истории" и у Карамзина "политическая публицистика под видом объективной истории" приобретает "особенно... циничный характер". «Угол зрения, под которым Карамзин смотрел на историю», смысл его "философии истории"» – это "смысл того подхода, который нашли нужным Александр I, Аракчеев, вообще все тогдашнее правительство продиктовать Карамзину".

О построении, основном содержании, объеме многотомного труда не сказано ни слова. Покровский показывает образец установления общественно-политической направленности "Истории" Карамзина, опираясь не столько на текст ее, сколько на факты биографии и переписку автора, глумливо обыгрывая придворные связи Историографа и завершая раздел восклицанием: "Какая это типичная придворная история!" Сведя исторические взгляды Карамзина лишь к идее образования огромной империи и укрепления самодержавия, Покровский представил его крепостником, воинствующим националистом, слугой торгового капитала. Пытаясь объяснить взгляды Карамзина прямой зависимостью от политико-экономической конъюнктуры, Покровский, не стесняясь, откровенно сопоставлял ситуацию тех лет с современной ему советской действительностью, перенося "политику, опрокинутую в прошлое" при подходе и к истории исторической мысли: «Когда наш брат теперь напишет что-нибудь новое, – куда он идет? Он идет в Социалистическую академию и там читает или в дискуссионном клубе. Когда Карамзин написал главы "Истории", что он сделал? Он поехал... читать тому, для кого пишут. Писал Карамзин Александру и по его заказу, ему и нужно прочесть. Мы пишем для нашей коммунистической публики и ей читаем, а он поехал царю читать...»⁵⁵.

Можно полагать, что не без воздействия именно такого изображения Карамзина враждебные Покровскому эмигранты самого его называли "советским Карамзиным", отмечая "фракционно-прикладные цели" его исторических схем⁵⁶.

В 1920-е годы Покровский сосредоточил в своих руках идейно-политическое руководство в Наркомпросе и Государственном ученом совете при нем, руководство Коммунистической академией, Институтом красной профессуры, РАНИОН (Российской ассоциацией научно-исследовательских институтов общественных наук) и архивным ведомством, т.е. теми учреждениями, где еще сохранялась некоторая возможность работы для профессоров царского времени и их непосредственных учеников. Вынужденный мириться с системой такого

^{54а} Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923. С. 5. При переиздании лекций и в первом выпуске сборника сочинений Покровского "Историческая наука и борьба классов" (1933) и в Т. IV Избранных произведений Покровского (1967) это место оказалось опущенным.

⁵⁵ Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923. С. 8, 23–31.

⁵⁶ Вишняк М. Пятый год // Современные записки. Париж, 1930. Т. 44. С. 397, 398.

сотрудничества, Покровский тем не менее почитал необходимым нарочито подчеркивать принадлежность этих лиц к социальной категории буржуазных "спецов", враждебных интересам и идеологии трудящихся.

Общезвестно, что с первых же лет советской власти провозглашались лозунги привлечения к советскому строительству, даже к обороне государства от внешних врагов; "спецов" из среды господствовавших прежде классов и стремление нейтрализовать их в политической сфере⁵⁷. Однако если некоторые влиятельные правительственные деятели, со значительным стажем революционной работы (особенно А.В. Луначарский и Д.Б. Рязанов, а также Л.Б. Камнев, Н.А. Семашко, Н.Л. Мещеряков, В.Д. Бонч-Бруевич, С.И. Мицкевич, М.С. Ольминский, Н.И. Троцкая) и более молодые (Н.П. Горбунов, О.Ю. Шмидт), склонны были к расширению творческого сотрудничества с высококвалифицированной научной и художественной интеллигенцией⁵⁸, то Покровский и окружавшие его лица относились к этой тенденции с большой подозрительностью.

Покровский придерживался (или во всяком случае декларировал это) жесткой и самой примитивной схемы, действительно доходчивой для людей примитивного образования. В 1918 г. в тезисах доклада на съезде учителей "Интеллигенция и социалистическая революция" духовенство и чиновничество были охарактеризованы лишь как "остатки феодальной интеллигенции", т.е. не принимался во внимание факт формирования именно в новое время многочисленных слоев среднего и низшего чиновничества и духовенства. Интеллигенция же периода капитализма становится, по его утверждению, "антисоциалистической и в момент социальной революции неизбежно должна стать реакционной силой", а после революции интеллигенция "продолжает идти на поводу буржуазии, остается прикованной к ее трупу"⁵⁹.

Первоочередной задачей объявлялась подготовка "*красных учителей*" (выделено Покровским. – *С.Ш.*), и такого "хорошего учителя", мол, можно "подготовить в *три*, даже в *два* года, если не гнаться за отделкой деталей" (опять подчеркнуто Покровским. – *С.Ш.*), декларировал он в 1921 г. Объясняя, что "миросозерцание не есть что-нибудь потомственное и наследственное", Покровский в то же время нарочито подчеркивал, что носителями передового мировоззрения можно считать лишь тех выходцев из состоятельных слоев, кто еще до революции включился в революционную деятельность: "Мы, коммунисты-интеллигенты, большей частью выходцы из буржуазной среды, усвоили же марксизм в те годы, когда все было против него"⁶⁰ – тем самым оправдывалось по существу отлучение от службы в учреждениях культуры и науки по признаку социального происхождения.

Немарксистское обществоведение в отличие от наук точных и естественных Покровский не допускал возможным признать наукой – это провозглашалось в статье 1921 г. "Академический центр Наркомпроса" его руководителем⁶¹. А в статье "Наука в России за пять лет (1918–1923)", соответственно игнорировались какие-либо успехи "академической науки... в области обществоведения": "В области же общественных наук нам пришлось бы говорить почти исключительно о достижениях научных работников-коммунистов или коллективных трудах,

⁵⁷ Шмидт С.О. Привлечение интеллигенции к советскому строительству // Интеллигенция и революция, XX век. М., 1985. С. 164 (указана литература).

⁵⁸ И подобные деятели, если пользоваться терминологией дневника Ю.В. Готье, казались даже тем, кто желал "возрождения России в монархическом духе", "наименее приемлемыми лицами" (Готье Ю.В. Мои заметки // ВИ. 1993. № 5. С. 151, 152).

⁵⁹ Покровский М.Н. Избр. произведения. Кн. IV. С. 467–468.

⁶⁰ Там же. С. 470, 474, 475.

⁶¹ Там же. С. 476–477.

выполненных под надзором и руководством советских органов"⁶². Характерно и употребление в данном контексте слова "надзор".

Вообще процесс налаживания контактов с новой властью особенно болезненно происходил в среде ученых-гуманитариев. Показательно, что в группе высланных из страны в 1922 г. видных ученых заметное место занимали гуманитарии (философы, экономисты, историки). Имело значение также то, что настороженное недоброжелательство к людям мира гуманитарных научных знаний обуславливалось и примитивно-утилитарным подходом к непосредственно доступным результатам их творческой деятельности и недостаточно уважительным отношением к приемам научной работы гуманитариев со стороны ученых-естественников и техников. В ту пору бытовал рассказ об обмене колкостями в собрании Академии наук между ее вице-президентом математиком В.А. Стекловым (не считавшим Пушкинский Дом настоящим научным учреждением⁶³) и Платоновым, когда в ответ на замечание математика о том, что существуют науки естественные и противоестественные, академик-историк отпарировал репликой: "Нет, милостивый государь, общественные и противообщественные!" Даже если это и вымысел, показателен факт его распротирания, и то – что особенно важно в контексте данной статьи! – выразителем взглядов, самоутверждающих положение ученых-гуманитариев, представлен именно Платонов, авторитетнейший тогда историк и выдающийся организатор науки, человек властный и подчас резкой манеры поведения (он мог, разойдясь во мнениях на Общем собрании Академии наук с академиком Н.А. Котляревским, не подать ему затем руки⁶⁴). Платонов, думается, не только сознавал, какое место отведено ему в общественном мнении, но и гордился им.

Враждебная настроенность многих коммунистов – и что особенно существенно в Наркомпросе – "к специалистам своей области" препятствовала созданию "атмосферы товарищеского сотрудничества", к чему стремился Луначарский и о чем в марте 1921 г. писал в адресованном Ленину проекте директивы ЦК партии "всем членам партии, работающим в Наркомпросе"⁶⁵. Обнаруживалось и стремление использовать примитивные классовые инстинкты пришедших к власти или тянувшихся к ней малообразованных функционеров-"комиссаров" всех рангов. Более того, Покровский почитал нужным припугнуть "спецов", тем самым провоцируя к расправе с ними, когда печатно утверждал, что ни "им пальца в рот класть не следует, ни самим перед ними с разинутым ртом стоять нельзя. А дверь ЧК перед ними всегда должна быть гостеприимно открыта"⁶⁶. Ленин даже счел необходимым отметить (в записке Е.А. Преображенскому от 19 апреля 1921 г.), что в Наркомпросе «не умеют "ловить" своих спецов и, сердясь на себя, срывают сердце на всех зря. В этом ошибка Покровского»⁶⁷.

Во взаимоотношениях со "спецами"-историками у памятливого Покровского примешивались впечатления тех лет, когда он оказался по существу отторгнутым профессурой и Москвы, и Петербурга. Позднее сами профессора пытались объяснить, а следовательно, и оправдать это непривлекательными свойствами природы Покровского. Милюков писал о Покровском в 1933 г.: "Злобная, завистливая личность, уже в студенческие годы проявлявшая эти качества по отношению к своим более удачливым товарищам" – и ту же мысль повторил в 1937 г., вспоминая о совместной работе в семинаре П.Г. Виноградова в начале 1890-х годов: "Я думаю, здесь было заложено начало той мститель-

⁶²Там же. С. 493.

⁶³Переченок Ф.Ф. Указ. соч. С. 180.

⁶⁴Там же.

⁶⁵Литературное наследство. Т. 80. С. 261–262.

⁶⁶Покровский М.Н. Наши спецы в их собственном изображении // Красная новь. 1922. № 1(5). С. 154.

⁶⁷Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 155.

ной вражды к товарищам-историкам, которую он потом проявил, очутившись у власти"⁶⁸.

Даже если полагать, что Милюков переносит (быть может, и невольно) впечатления от взаимоотношений историков в 1920-е годы на период рубежа веков, да к тому же, возможно, и смещает даты (Покровский моложе его более чем на восемь лет), ясно, что в послереволюционные годы ужиться Покровскому и "спецам"-историкам было нелегко. И это несомненно мешало налаживанию достаточного длительного делового взаимодействия Покровского и с теми из них, кто был занят научно-методической и тем более административной работой в подведомственных Покровскому учреждениях архивной службы.

Вызывало настороженность ее официальных идеологов и стремление привлеченных к архивной работе ученых сосредоточиться на подготовке документальных публикаций традиционных видов исторических источников и исследовательского типа описаний архивных материалов.

Вероятно, следует учитывать и то, что Покровский ревниво, недоброжелательно относился к многообразной плодотворной и высоко ценимой за рубежом деятельности Д.Б. Рязанова, к его умению вовлечь в нее людей, далеких от планов социальных преобразований; и потому уже спецы, приближенные Рязановым тогда, когда он возглавлял архивное ведомство, казались более других подозрительными. При прямом вмешательстве помощников Покровского (из Москвы) проводились "чистки" аппарата Петроградского отделения Центрархива, а научные сотрудники были выведены из штата, так как "такой институт не предусмотрен положениями Центрархива".

Взаимоотношения руководства Центрархива с Платоновым складывались так, что его вынудили в мае 1923 г. подать в отставку с должности заведующего Петроградским отделением; вместе с ним ушел в отставку и А.Е. Пресняков. С середины 1920-х годов начался крайне опасный по своим последствиям конфликт между Центрархивом и возглавляемыми Платоновым академическими учреждениями, хранившими документальные материалы по отечественной истории нового времени и истории культуры⁶⁹. Теперь уже стало ясно, как пагубно это отразилось на развитии исторической науки и исторического образования, архивного дела и краеведения.

Для современников сочинения (особенно обобщающего типа) Платонова и Покровского олицетворяли противостоящие направления развития отечественной истории, представления о том, как следует изучать и излагать ее. Платонов выражал свои взгляды и в форме публичных лекций (а лекции в Доме ученых собирали тогда цвет петроградской интеллигенции) и докладов на открытых заседаниях научных обществ. Сообщал Платонов для годовых отчетов Академии наук и несомненно радующие автора сведения о переводе его курса истории на иностранные языки: английский (1925), немецкий (1927), французский (1929)⁷⁰. По его "Лекциям по русской истории" и основанному на них "Учебнику русской истории для средней школы" обучали и в эмиграции. Милюков так оценивает их в статье-некрологе: "Обе книги сделались классическими; этим они обязаны ясности стиля, сдержанности суждений и соответствием с общепринятыми в то же время требованиями от русского исторического учебника. Автор старается

⁶⁸ Милюков П. Два русских историка (С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер) // Современные записки. Париж, 1933. Т. 51. С. 312; Он же. Культура и жизнь: Величие и падение М.Н. Покровского: (Эпизод из истории науки в СССР) // Там же. Париж, 1937. Т. 65. С. 370.

⁶⁹ Брачев В.С. "Дело" академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 122–124; Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивист в тоталитарном обществе: Борьба за "чистоту" архивных кадров (1920–1930-е годы) // АО. 1993. № 5. С. 30–31.

⁷⁰ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 год. Л., 1927. Т. 1. С. 37–38; Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 год. Л., 1930. Т. 17 С. 53.

сохранить полную объективность"⁷¹. Ученики Покровского в юбилейные дни его 60-летия в 1928 г. подчеркивали устно и письменно то, что его сочинения изданы в переводах на иностранные языки. А сам Покровский утверждал, что скоро "немыслима будет никакая история, кроме марксистской"⁷². То же самое повторяли и те, кто относил себя тогда к "школе" Покровского. И эта линия настойчиво проводилась в руководимых Покровским учреждениях и общественных объединениях.

Это же характерно было и для партийной печати. В статье "М.Н. Покровский – историк России", напечатанной в журнале "Под знаменем марксизма" в 1924 г., Н.Л. Рубинштейн (одноименец и однофамилец знаменитого позднее историографа и историка России XVIII в.) провозглашал: «Теперь мало кто заглядывает в работы Ключевского, забыт Платонов, зато сегодняшний студент, рабфаковец хорошо знаком если не со всеми томами "Русской истории с древнейших времен", то во всяком случае с "Русской историей в самом сжатом очерке"»⁷³.

В середине 1920-х годов Покровский еще казался достаточно всемогущим на "историческом фронте", официально признавался единственным его лидером. Тем не менее Платонов решился вступить в публичный поединок с Покровским, противопоставив навязываемому им толкованию исторических явлений и подходу к историографическому наследию иные, восходящие к дореволюционным еще традициям.

Правда, следует допустить, что Платонов был осведомлен и о суждениях видных правительственных деятелей, имевших другую направленность. Более того, проживая вдали от московских коридоров власти, возможно, он рассчитывал на то, что подобное разумное мнение (или хотя бы должностное положение лиц, его высказывавших) имеет более серьезный вес, и ленинский призыв освоить культурное наследие относятся не только к техническим наукам и естествознанию. Во всяком случае именно такую мысль настойчиво проводил Луначарский в докладе 1925 г., посвященном годовщине со дня смерти Ленина: "Если мы в дальнейшем будем строить марксизм только на базе исследований, которые произвели ученые-марксисты, если бы мы сказали, что сейчас мы склонны отказаться от всяких социологических работ, статистических, этнографических, экономических, географических, исторических и т.д., которые могла дать буржуазная наука вне России и в России, мы, конечно, лишили бы себя необходимейших элементов нашего культурного строительства"⁷⁴.

Характерно, что в речи о Карамзине Платонов не назвал имени Покровского. Но вряд ли случайно из советских авторов упомянул лишь В.И. Пичету, пренебрежительно заметив, что он в отличие от Миллюкова "не опирается на непосредственное знакомство с трудами Карамзина"⁷⁵. Пичета, известный историк еще до 1917 г., деятельнее других сотрудничал с советской властью, был с 1921 г. ректором университета в Минске.

Возможно, имело значение в данном случае и то обстоятельство, что Пичета в рецензии (в журнале "Голос минувшего", № 1 за 1913 г.) на издание первого тома сочинений Платонова уязвил его, отметив, что в последней статье книги – "Священной памяти двенадцатый год" – ученый "не остается на почве науки". В 1931 г. Пичета, не избежавший ареста, писал Покровскому об отношении к нему

⁷¹ Миллюков П.Н. Два русских историка. С. 322.

⁷² Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Вып. 1. С. 8.

⁷³ Цит. по: Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 10.

⁷⁴ Луначарский А.В. Ленин и народное образование. М., 1960. С. 76–77; Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // ТМГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 14.

⁷⁵ ОА. 1993. № 2. С. 49.

историков Москвы и Ленинграда: "от меня отворачивались" и относились "ко мне отрицательно за мою склонность к марксизму и преданность советской власти"⁷⁶.

Речь о Карамзине 1926 г. есть основание рассматривать во взаимосвязи с изданной в том же году книгой Платонова "Петр Великий. Личность и деятельность". Обнаруживается сходство и поводов к написанию (юбилейная дата) и основной тенденции – противостоят новой точке зрения (неосновательной, по мнению автора, но все шире распространяющейся) и в то же время закрепить в сознании уважение к достигнутому уже прежде выводам науки. Близки даже стилистические приемы изложения.

Характерны уже начальные фразы: «Для того чтобы писать эту книжку, я беру перо в те самые дни, когда исполняется двести лет с момента последней болезни и смерти Петра Великого. За это долгое время в различных поколениях русских людей не один раз менялось представление о личности Петра и слагались весьма разнообразные оценки его деятельности. Удивительно, однако, что в наши годы, когда историческая наука достигла уже некоторых точных и бесспорных выводов в изучении так называемых петровских преобразований, в русской беллетристике с полной свободой от науки прежний "образ великого преобразователя" обратился в грубую пасквильную карикатуру, и таким образом длительная добросовестная работа многих ученых-исследователей оказалась оплавленной в полном пренебрежении».

Примеры – "последние достижения нашего беллетристического творчества" – небольшие сочинения А.Н. Толстого и Б.А. Пильняка. Приводя длинную цитату – характеристику Петра I из рассказа Пильняка, ученый в сноске замечает: "Фраза – целиком из Ключевского", чуть далее в другой сноске пишет о пересказе книги К. Валишевского. Имя Покровского и здесь не названо. Однако более или менее знакомый с новейшей исторической литературой читатель сразу поймет, что именно из его трудов восприняты отвергаемые Платоновым суждения о Петре I.

И завершает Платонов рассуждениями, опять-таки побуждающими вспомнить современное состояние не столько исторической беллетристики, сколько исторической науки: "Русские ученые много трудились над изучением самого Петра Великого и его времени и много спорили о том, что казалось спорным, искали новых материалов для освещения того, что представлялось неясным. Они, казалось, вправе были надеяться, что результаты их общей работы будут усвоены обществом, для которого они работали. И вдруг – А. Толстой и Б. Пильняк?.."

А в самом конце первой главы-предисловия Платонов напоминает о словах Шлёцера, предварявших его труд о Несторовой летописи. Наблюдая за "падением" в последние годы науки российской истории, ее "раковый ход", Шлёцер с раздражением писал о самом себе: «Тут экс-профессор русской истории потерял все терпение, с которым он лет десять смотрел издали на этот плачевный упадок и написал эту книгу...» Не равняя себя с знаменитым Шлёцером, однако, вспомнил эти строки, когда ознакомился с новоявленным Петром новых русских писателей и почувствовал, как эти строки мне близки. Как Шлёцер, я готов сказать: "Вот экс-профессор русской истории потерял все терпение, с которым смотрел на этот плачевный упадок и написал эту книгу". Быть может, она отразит в себе более точно и справедливо те черты, к каким пришла наука в своей работе над Петром Великим»⁷⁷. Тут уже откровенный намек и на период времени (десять лет) упадка той науки, которую признавал Платонов, и на

⁷⁶Мне же они совершенно не нужны": Семь писем из личного фонда академика М.Н. Покровского / Публ. А.В. Есиной // Вестн. РАН. 1992. № 6. С. 114.

⁷⁷Платонов С.Ф. Петр Великий: Личность и деятельность. Л., 1926. С. 3, 6, 7, 8, 9, 17–18.

изменение его собственного положения: Милюков писал позднее, что Платонову еще до ареста "было запрещено чтение лекций в университете, а его учебники были изъяты из библиотек"⁷⁸. Он действительно как профессор преимущественное внимание уделял проблематике источниковедения⁷⁹.

В.С. Брачев справедливо отмечал, что, характеризуя Петра I как "неподкупного и сурово-честного работника на пользу общую", Платонов выступал против "официальной линии", и "это был вызов". И потому цензура хотела воспрепятствовать изданию книги. Платонов апеллировал к Президенту Академии наук 23 июня 1925 г., и конфликт после переговоров С.Ф. Ольденбурга с заведующим Главлитом П.И. Лебедевым-Полянским был улажен⁸⁰.

Однако сохранился документ, позволяющий полагать, что и Покровский принял участие в этом конфликте. В личном фонде Покровского в РЦХИДНИ хранится недатированное и неподписанное письмо-автограф, адресованное И.И. Скворцову-Степанову и имеющее гриф "секретно"^{80а}. Покровский писал, что Главлит имел основание запретить издание книги Платонова "Петр Великий" из-за ее политической тенденции.

Письмо показательно и для подхода Покровского к критериям оценки деятельности историка: как в лекциях 1923 г. о Карамзине, так и здесь в основе данные о служебной карьере Платонова и царских наградах. Письмо несомненно свидетельствует о том, что Покровский уже тогда был сторонником изъятия сочинений академика Платонова из обращения. Ленинградский историк, к мнению которого Покровский столь решительно присоединился, вероятно, М.М. Цвибак, впоследствии выступивший с разоблачительным докладом о Платонове как "классовом враге на историческом фронте". Возможно, письмо не датировано и не подписано потому, что Главлит уже прежде принял решение по заявлению Академии наук (письмо Покровского – характерный образец его эпистолярно-делового стиля – воспроизводится полностью в приложении).

Скворцов-Степанов, которого Покровский считал "своим крестным по партии" еще с московского знакомства начала века⁸¹, был членом ревизионной комиссии, а с декабря 1925 г. членом ЦК партии. Как определил Покровский в письме к Председателю Совнаркома А.И. Рыкову, он был "председателем комиссии по цензурным делам". В конце 1925 г. Скворцова-Степанова направили в Ленинград для борьбы с зиновьевской оппозицией, и он стал, оставаясь ответственным редактором газеты "Известия", еще и ответственным редактором газеты "Ленинградская правда". Быть может, потому он и имел отношение к "цензурным инцидентам" в Ленинграде? Попытки Покровского оправдаться в том, что "недостаточно энергично воспротивился запрещению книжки Платонова", находят объяснение в том, что адресат оставался едва ли не единственным старым большевиком из непосредственных сподвижников Ленина, который пользовался особым расположением Сталина – 9 октября 1928 г. газета "Правда" напечатала его статью "Памяти тов. И.И. Скворцова-Степанова"⁸².

В книге о Петре I Платонов дал оценку значения в развитии исторической мысли написанного о Петре Карамзиным в "Записке о древней и новой России": "Как во многом другом, так и в отношении Петра с его реформой Карамзин блестяще суммировал в немногих словах все существенное содержание работ и

⁷⁸ Милюков П. Два русских историка. С. 312.

⁷⁹ Чирков С.В. М.Н. Тихомиров и преподавание специальных исторических дисциплин // АЕ за 1990 г. М., 1992. С. 207.

⁸⁰ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов. С. 121.

^{80а} Ксерокопия письма была представлена на выставке "Россия XX века: Судьба исторической науки", открывшейся в Москве в Музее революции 9 апреля 1993 г.

⁸¹ Чернобаев А.А. "Профессор с пикой". С. 27.

⁸² Сталин И.В. Соч. М., 1949. Т. 11. С. 221.

взглядов своих предшественников... Устные и письменные предания передали эти взгляды в XIX век: Карамзин дал им выражение наиболее полное и объективное". А пересказывая соображения Карамзина, обращает внимание на его утверждение: "изменять народные права можно лишь постепенно"⁸³.

И в книге о Петре I, и в речи о Карамзине Платонов явно рассчитывал на взаимопонимание с читателями и слушателями. Памятуя при этом и об известном и другим уроке своего любимого университетского профессора историка права Д.А. Градовского, "умного и тонкого лектора". О чем счел нужным напомнить в напечатанных в 1921 г. воспоминаниях: "Он умел облекать в соответствующую форму рискованные в ту пору политические сюжеты и освещать надлежащим светом вопросы государственного устройства, не поощряемые тогдашнюю цензурой. Свобода и независимость от этой цензуры чрезвычайно нравились слушателям, а язвительное остроумие лектора восхищало. Мы как бы покидали свою реальную житейскую обстановку и уходили в свободный мир умозрения и критики, где получала непогрешительную оценку вся политическая и общественная действительность"⁸⁴. Именно вслед за этими словами следуют приведенные ранее рассуждения о разившемся оттого у самого Платонова упрямстве противостояния "всякой партийности". Потому-то, видимо, ученый избрал форму не статьи, а первоначально устного выступления – "беседы" (учитывая, возможно, к тому же последующий резонанс в общественных кругах).

Платонов написал речь не столько о Карамзине-историке, сколько о том, "как честно следует работать историку", отстаивая честь его "ремесла". Подчеркнул он особо и непреходящее значение "нравственного критерия", которым руководствовался Карамзин, и что "всегда во всех поколениях в странах писатели и ученые деятели получают свою оценку в соответствии с моральной их физиономией независимо от того, открыта она или нет"⁸⁵. Эти положения намеренно выделены в заключительной части речи. И очевидно, что Платонов был поддержан в своем намерении Ольденбургом, определявшим тогда, при престарелом президенте А.П. Карпинском, направление деятельности Академии наук.

Это не осталось незамеченным Покровским, хотя с текстом речи он не мог ознакомиться. Его позиция нашла отражение в не подлежащей оглашению записке 1927 г., обосновывающей необходимость реорганизовать систему руководства Академии наук, лишив ее автономии. Опирается при этом Покровский в основном на опубликованный отчет РАН как «политический документ, который прочтут во всех странах земного шара... в таком документе нельзя подчеркивать, что наши ученые остались тем, чем были при царях, и что они только "беспристрастные искатели истины", а не строители вместе со всеми другими социалистической культуры и социалистического общества». Вот один из конечных выводов записки: "Нужно или радикально реорганизовать, и в смысле личного состава, и в отношении программы занятий, гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть".

В записке Покровского – выпады и против обоих Сергеев Федоровичей (к тому времени в определенной мере сблизившихся): и Ольденбурга и Платонова – "директора одновременно ПД (т.е. Пушкинского Дома. – С.Ш.) и ПИАК", т.е. руководителя учреждений, дезорганизующих, по определению Покровского, работу "других родственных им по задачам научных учреждений" и способствующих "бесцеремонному распылению" архивных материалов. «Среди этих дезорганизаторов, – пишет Покровский, – на первое место нужно поставить пресловутый "Пушкинский Дом"», у которого, по его мнению, следует "как

⁸³ Платонов С.Ф. Петр Великий. С. 17–18.

⁸⁴ Дела и дни. Кн. 2. С. 114.

⁸⁵ ОА. 1993. № 2. С. 54.

можно скорее" отобрать "все, что не имеет отношения к Пушкину и его эпохе". «Другим дезорганизатором того же типа, но меньшего калибра является ПИАК – "замаскированный обломок двух учреждений царской эпохи, "императорского Русского исторического общества" и "Археографической Комиссии". В свое время оба этих учреждения довольно плохо издали большое количество ценных документов, но эти несомненные заслуги предков нисколько не уполномачивают потомка мешать работе новых, советских учреждений, отнимая у них необходимые им материалы».

Злобно, в том же развязном тоне (как и критикуя, без всякой мотивировки, издания документов российской истории этими научными центрами) напоминает Покровский о праздновании юбилея Карамзина: «Я сказал выше, что ПИАК, кроме собирания случайно "беспризорного" архивного имущества, ничем, по-видимому, не занималась. Но это впечатление отчета самой ПИАК исправляется отчетом ПД. Из последнего (I, 191) видно, что ПИАК занимается и просветительской деятельностью – устраивала совместно с ПД выставку в память 100-летия Карамзина. Было бы очень любопытно знать, в каком освещении был подан посетителям самый монархический из русских историков, казавшийся реакционером даже современникам Пушкина – и даже таким современникам, как Погодин 1820-х годов. А для правильного освещения Тита Ливия крепостнической России материал имеется огромный – собранный еще тем же Погодиным». И сразу вслед за этим решительный вывод: "Существование ПД в его теперешнем виде и ПИАК – нам кажется, во всяком виде – резко подчеркивает, что в деятельности АН, помимо просто обветшавшего, есть злостно обветшавшее..."⁸⁶

Противостояние Платонову со стороны Покровского и тех, кто солидаризировался с его взглядами (или старался казаться таким), вызывали не только независимость суждений о прошлом России от навязываемых Покровским и его "школой", но и намеренно профессиональная целенаправленность действий Платонова как организатора науки (он пополнял штаты возглавляемых им академических учреждений образованными интеллигентами, хорошо владевшими иностранными языками, невзирая на их служебное положение в годы царизма; не привлек к работе ни коммунистов, ни комсомольцев⁸⁷; придерживался прежней традиции в тематике заседаний и публикаций Археографической комиссии).

Платонова признавали самым видным историком России. Таким он казался и самому Покровскому, когда тот характеризовал в 1928 г. Преснякова как "крупнейшего после" Платонова "работника старшего поколения историков"⁸⁸; в статье 1928 г. о том же Преснякове он пишет как о "крупнейшем русском историке послеплатоновского поколения", тем самым утверждая в науке определение "платоновское поколение"⁸⁹. Таким признавала Платонова и широкая общественность: в популярнейшем журнале "Огонек" в № 35 за 1927 г. автобиографию Платонова напечатали под рубрикой "Страна должна знать своих ученых". И там, конечно, не случайно подчеркнута роль раннего знакомства с сочинениями Карамзина для развития интереса к занятиям историей. Он пишет об отце, который, вложив в мальчика "любовь к чтению... дал первые сведения по истории и литературе. Я начал читать Карамзина и Пушкина лет восьми или девяти...". Высоко оценивали заслуги Платонова и зарубежные специалисты: в Германии тоже заказали Платонову написать автобиографию (напечатанную, впрочем, уже позднее, в 1933 г.)⁹⁰, организовав Неделю русских историков в

⁸⁶ Покровский М.Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. / Публ. М. Юрьевой, Д. Рейзлина // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 588, 589.

⁸⁷ Перченко Ф.Ф. Указ. соч. С. 168.

⁸⁸ Чернобаев А.А. "Профессор с пикой". С. 147.

⁸⁹ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 307.

⁹⁰ Zeitschrift für Osteuropäischen Geschichte. Königsberg; B., 1933. Bd. VII, N 4.

Берлине в июне 1928 г., Германское общество изучения Восточной Европы настаивало перед главой советской делегации Покровским о включении в состав делегации Платонова. "Самым выдающимся из здравствующих русских историков" Платонов оставался и для русских эмигрантов – так характеризовал его П.Б. Струве в парижской еженедельной газете "Россия" в № 19 за 1928 г.⁹¹ Таким образом, и в СССР и за рубежом авторитет Платонова – и как ученого и как личности – был очень значителен.

Поэтому пытались ущемить Платонова в сфере его профессиональной деятельности – источниковедения и археографии. Так, в июне 1928 г. в Наркомпросе ему отказали в заграничной командировке, мотивированной необходимостью работы в зарубежных хранилищах, указав на то, что основного материала такой тематики хватает и в России. Возмущенный этим академик написал 19 июня 1928 г. письмо директору Института К. Маркса и Ф. Энгельса Рязанову, который, по его словам, был "чуток к охране личного достоинства и научной работы" и "по своему положению может повлиять на дела" (Рязанов действительно продолжал быть ходатаем за ученых "старой школы" в правительственных верхах). Платонов писал, что сделали "некоторое вразумление научного характера, имеющее целью показать мое невежество в вопросах русской истории и помочь мне его преодолеть", и считал себя "жертвой канцелярского глумления, дурно обдуманного и явно невежественного"⁹².

Возвеличение особых заслуг Покровского как историка России, когда, по выражению Милюкова, "спешили его канонизировать"⁹³, тоже сопровождалось демонстративным принижением сделанного до него. В газете "Ленинградская правда" (особо специализировавшейся в нападках на руководство Академии наук) в номере от 13 октября 1928 г. "Русская история с древнейших времен" Покровского оценивалась как работа, после появления которой "предшествовавшая ей русская историография стала представлять собой не более как собрание материалов или, самое большее, критическую его разработку"⁹⁴.

Небезлюбопытно текстуальное совпадение со словами самого Покровского в рассчитанном на массового читателя приложении "Как и кем писалась русская история до марксистов" для книги "Русская история в самом сжатом очерке", где приводится как раз пример Платонова. Называя историков следующего за Ключевским поколения и признавая самыми крупными из них Милюкова и Платонова, Покровский утверждал: "Для нас все их книги являются главным образом собранием материала, у Платонова, например, очень ценного"⁹⁵.

Вообще если Платонов в печатных трудах 1920-х годов не считал возможным называть имя историка Покровского^{95а}, то имя Платонова в трудах Покровского упоминается не раз – и в переиздававшихся и в написанных уже в те годы. При этом отмечалась тенденция устранения всего, что могло бы объяснить исторические явления развитием классовой борьбы, и сознательный, мол, уход Платонова и "старой профессуры" от проблематики, считавшейся тогда наиболее актуальной. То же самое, видимо, было характерно и для его устных выступлений.

⁹¹ Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1973. Т. VII. С. 201.

⁹² Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов / Публ. Я.Г. Рокитянский // ВАН. 1991. № 11. С. 96.

⁹³ Милюков П.Н. Культура и жизнь: Величие и падение М.Н. Покровского. С. 370.

⁹⁴ Цит. по: Горяинов А.Н. "Ленинградская правда" – коллективный организатор "великого перелома" в Академии наук // ВАН. 1991. № 8. С. 112.

⁹⁵ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 115.

^{95а} В квартире же Платонова, по свидетельству С.В. Бахрушина (запечатленному в воспоминаниях Н.П. Анциферова), «высказывались критические суждения касательно политики партии и правительства, особенно доставалось проф. Покровскому, которого очень не любили и называли "гнусом" (Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 368). О том, что Покровского называли "гнусом", автору статьи рассказывал и С.Н. Валк.

Академик Н.М. Лукин полагал важным напомнить в 1932 г. (на вечере памяти Покровского) о "жесткой критике" Покровским работы РАНИОН, где "процветает узколюбое школярство". «Нельзя на самом деле, – говорил он, – в 1924 г., через 7 лет после Октябрьской революции, мириться с таким положением вещей, когда в научно-исследовательском советском учреждении читаются доклады на такие темы, как "Поездка Ивана Грозного по монастырям"⁹⁶; нельзя мириться с таким положением вещей, когда по линии русской истории старая профессура занимается сюжетами, которые не уходят дальше пресловутой Крестьянской реформы 1861 г.», а нужно "не кончать крестьянской реформой, а начинать с крестьянской реформы"^{96а}. Такого рода высказывания Покровского не могли не насторожить ученых не только Москвы, но и Петрограда, особенно тех, кто посвятил себя исследованию далеких веков отечественной истории.

В 1928 г. Покровский, возвращаясь к прежним своим замечаниям о "Борисе Годунове" Платонова⁹⁷, высказался и о более поздней его книге "Петр Великий": "Мне сказали, что в новейших своих произведениях, например в книге о Петре I, академик С.Ф. Платонов вернулся к чистому индивидуализму. Не имея под рукою этой книги, не могу проверить этого указания"⁹⁸. Тем не менее, не прочитав книги (или сделав вид, что не прочитал ее?), Покровский дает ей оценку в напечатанном тексте доклада (исходя, можно думать, из информации, на которую опирался в указанном выше письме к Скворцову-Степанову).

Для Покровского решительно определяющим в характеристике и оценке исторической мысли был политико-идеологический аспект. Прошедший школу семинаров Московского университета и сам достаточно строгий наставник в семинарах Института красной профессуры, Покровский понимал, конечно, объективную весомость научной эрудиции и высокого владения навыками ученого профессионализма. Однако все-таки почел нужным в 1929 г. «напомнить, что "опытность" – великое дело в искусстве, а не в науке»⁹⁹.

Моральный же критерий был, пожалуй, вовсе вне сферы его мировосприятия: мораль в представлении его оказалась подчиненной политике. Даже, если это следствие фанатической узости и схематизма мысли, а не карьеристской беспринципности, такой подход к морали обеднял не только натуру Покровского, но становился бедой для многих – особенно учитывая власть, сосредоточенную тогда в руках Покровского и его честолюбие (в молодые годы к тому же уязвленное небрежением коллег, преуспевающих в то время, а теперь попадающих от него в зависимость).

Покровский абсолютизировал классовый подход, не допускал возможность нейтральной позиции в общественной жизни и отвлеченности от нее средой своей научной работы. Он, как верно заметил А.А. Чернобаев, стремился всех противников большевизма представить контрреволюционерами, ревизионистами или соглашателями¹⁰⁰. Лозунгом его было: "Кто не с нами, тот против нас". Ну а там уже недалеко до реализации в жизни лозунга: "Если враг не сдается, его уничтожают".

⁹⁶ Речь идет о работе И.И. Полосина, подготовленной автором настоящей статьи к печати лишь в 1963 г. (*Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 64–123*). Доклад автора на эту тему в 1922 г. вызвал большой интерес; в обсуждении приняли участие М.М. Богословский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, А.А. Кизеветтер. См. об этом: Там же. С. 12 (*Черепнин Л.В. И.И. Полосин как историк*).

^{96а} Вестн. Ком. академии. 1932. № 4/5. С. 51.

⁹⁷ *Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет // Вестн. Ком. академии. М., 1928. № 26 (2). С. 23.*

⁹⁸ Там же. С. 26.

⁹⁹ *Покровский М.Н. Избр. произведения. Кн. IV. С. 442.*

¹⁰⁰ *Чернобаев А.А. "Профессор с пикой". С. 175.*

Покровский старался и на практике показать то, что история "является самой живой, наиболее *политической* (слово подчеркнуто им. – С.Ш.) наукой из всех, какие существуют"¹⁰¹. Это цитата, заключающая предисловие к книге трудов Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, происходившей на рубеже 1928 и 1929 гг., подписанное 20 сентября 1929 г., в едва ли не самый зловещий год отечественной истории нашего столетия – в год "великого перелома". В докладе на этой конференции Покровский обосновал фактически чрезвычайное положение на "историческом фронте". Он беспартийно утверждал: "Мы, историки-марксисты, как мы называем себя в СССР, мы являемся одним из отрядов ленинской армии и положением фронта в целом объясняются и наши задачи. У нас на этом фронте есть свое определенное место, свои определенные противники, свои определенные позиции, которые мы защищаем, и определенные позиции, которые мы штурмуем"¹⁰².

Покровский – фигура по-своему трагическая, и жертва политического режима, и его слуга, выполнявший даже судейско-палаческие функции. Но чем более нападали на него самого (с конца 1920-х годов прежде всего бывшие его сотоварищи и даже ученики)¹⁰³, тем демонстративнее старался он показать свою воинственную готовность и непримиримость верного последователя установок коммунистической партии.

Возможно, что приписываемая Покровскому формулировка: "История есть политика, опрокинутая в прошлое" – является повторением сказанного ранее кем-то другим. Известно и то, что Покровский применял эту формулировку, характеризуя русских буржуазных ученых XIX–XX вв.¹⁰⁴ Но, утверждая, что всякая "общественная наука есть орудие классовой борьбы"¹⁰⁵, Покровский по существу распространял это представление и на ту марксистскую науку, к которой относил свои труды. Так это воспринимали и его современники – те, кто тогда изображали себя его соратниками, и позже: и советские авторы, и историки-эмигранты. (В незавершенном труде "Очерки по русской историографии" Г.В. Вернадский уже в конце жизни так передает эту формулировку: «Возобладала школа М.Н. Покровского с ее девизом "История есть политика, отброшенная в прошлое"»¹⁰⁶.)

К 60-летию Покровского в 1928 г. об этом писали и Ц. Фридлянд, и И.И. Минц. При этом Минц даже подчеркнул, что "для буржуазного историка, бессознательно отражающего в своих работах интерес господствующего класса, сознательный подход к истории как к "политике, обращенной в прошлое" был нарушением "научного" исторического метода, возвращением к доисторическим методам Карамзина"¹⁰⁷. (Напомним при этом характеристику А.А. Кизеветтера в 1908 г. исторической концепции самого Покровского^{107а}.)

¹⁰¹ Цит. по: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1. С. XV.

¹⁰² Цит. по: Там же. С. 4.

¹⁰³ Черновбаев А.А. "Профессор с пикой". Гл. "Умиравший гладиатор".

¹⁰⁴ Говорков А.А. Некоторые стороны понимания академиком М.Н. Покровским социальной функции исторической науки // Некоторые вопросы отечественной истории в советской историографии. Томск, 1989. С. 98–113.

¹⁰⁵ Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет. С. 6.

¹⁰⁶ Записки русской академической группы в США. Т. VII. С. 97.

¹⁰⁷ Минц И.И. Историческая концепция М.Н. Покровского // Науч. слово. 1928. № 10. С. 10.

^{107а} Кизеветтер полагал, что историческая концепция Покровского возвращает к «мелодраматическому толкованию исторических сюжетов в стиле Карамзина. Карамзин мелодраматизировал отдельных "героев", "мужей" нашей истории; современный историк мелодраматизирует целые общественные классы... Суть дела в том, что в обоих случаях в историческое изображение прошлого вводятся злободневные, чисто партийные мотивы и лозунги. Историческая наука превращается в служанку политики» (Рус. мысль. 1908. № 1. С. 103).

Показательна и фраза в воинственной книге С.А. Пионтковского "Буржуазная историческая наука в России" 1931 г. В книге этой, где особенно много места отведено "разоблачению" Платонова и Археографической комиссии как организации, проводившей "политические выступления и демонстрации", "враждебные диктатуре пролетариата", напечатано: «"История, – писал Покровский, – есть политика, обращенная в прошлое". Буржуазная историография своим отношением к истории и своим выполнением исторических работ с чрезвычайной наглядностью подтвердила это»¹⁰⁸.

Подобным образом воспринимал это положение о соотношении истории и политики у Покровского и Н.И. Бухарин. В речи в день похорон Покровского, 13 апреля 1932 г., академик Бухарин отметил как отличительную черту его "неистовую классовую непримиримость". Покровский, по его словам, "был одним из самых крупных организаторов нашего теоретического фронта и классовой борьбы на этом фронте... постоянно объединял самые абстрактные продукты своего мышления с неустанной политической борьбой"¹⁰⁹. Покровский был именно организатором такой борьбы, побуждал к этому своих непосредственных учеников (да и последовательными учениками его становились обычно те, кто имел склонность к деятельности подобной направленности).

Кизеветтер в "Воспоминаниях" конца 1920-х годов писал о Покровском: "И если в настоящее время от продолжительной практики поза прямолинейного большевика быть может окончательно срослась с ним, то его путь к этой позе был довольно зигзагообразен"¹¹⁰. И Покровский сам, конечно, сознавал, что нетрудно напомнить о таких зигзагах, отклонениях его от "генеральной линии" партии: об участии и в Союзе освобождения, и в группе "Вперед", и о федеративных тенденциях на посту председателя Моссовета, осмеянных Лениным, и о близости с левыми коммунистами в период брестских переговоров; в эмигрантской среде к тому же печатно напоминали, будто в 1917 г. он поддерживал мнение о роли немецкого золота в утверждении победы большевиков¹¹¹.

Покровский, можно думать, все заметнее ощущал неустойчивость достигнутого им положения в системе властных структур, подозрительно-недоброжелательное в основе отношение к нему Сталина. Тем более что Покровский опротестовал выдвинутую Зиновьевым и подхваченную Сталиным инсинуацию о будто бы имевших место переговорах 1918 г. левых коммунистов с левыми эсерами, целью которых было устранение от власти Ленина¹¹².

Возможно, что через товарищей из Исполкома Коминтерна он знал и о письме Сталина от 8 марта 1925 г. немецкому коммунисту, где формулировалось положение о "необходимом процессе обновления руководящих кадров живой и развивающейся партии" и среди тех русских деятелей, которые "принадлежат к разряду старого типа руководителей, отживающих свой век и оттесняемых на задний план руководителями нового типа", назван и Покровский. «У нас в России, – писал Сталин, – процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых "вождей" тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красиные и т.д. – таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших

¹⁰⁸ Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 10.

¹⁰⁹ Вестн. Ком. академии. 1932. № 4/5. С. 8–11.

¹¹⁰ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. Прага, 1929. С. 284. См. также: Чернобаев А.А. "Профессор с пикой". С. 27.

¹¹¹ Емельянов Ю.Н. Что мог знать С.П. Мельгунов о немецком золоте // Первая мировая война: Спорные вопросы истории. М., 1993.

¹¹² Чернобаев А.А. "Профессор с пикой". С. 189–190.

вождей-большевиков, отошедших затем на второстепенные роли»¹¹³. Даже если Покровский и не был знаком с содержанием этого письма, откровенно проводимая Сталиным политика отодвигания от реальной власти дореволюционных сподвижников Ленина из среды интеллигенции была очевидной.

Об ответном же письме Сталина слушателю ИКП от 7 марта 1927 г. он, безусловно, знал. Там разъяснялась позиция Сталина в споре Покровского с Л.Д. Троцким об образовании "самодержавного строя" в России, и теория Покровского признавалась лишь "в основном правильной" ("теорию т. Покровского считаю в основном правильной, хотя и не лишенной крайностей и перегибов в сторону упрощенного экономического объяснения процесса образования самодержавия"¹¹⁴). Это во многом обуславливало политическую тактику Покровского, формы доказательства его сохраняющейся полезности в эпоху, которую Сталин провозгласил временем обострения классовой борьбы в нашей стране, когда трудности жизни пытались объяснить отчаянным сопротивлением врагов социализма.

Покровского отличало острое политическое чутье: он готов был казаться роялистом более чем король. И быстро уловив приоритетность лозунга об ужесточении борьбы с якобы усиливавшимся сопротивлением свергнутых классов, он уже в конце 1928 г., накануне Всесоюзной конференции историков-марксистов, в знаменательный день 7 ноября, опубликовал в газете "Правда" большую статью с характерным названием «Классовая борьба и "идеологический фронт"». Там он заявляет: "Другой исторической науки как науки вне марксизма не существует. Странно, что это приходится повторять в лето от взятия пролетариатом власти двенадцатое: ибо это относится к азбуке марксизма. Но ликвидировать безграмотность в порядке культурного похода приходится не только в деревне: в некоторых институтах и даже академиях это тоже не лишнее". Там он жестко формулирует, что жертвовать интересами идеологической борьбы ради сохранения «того или другого "незаменимого специалиста" было бы просто нерасчетливо». "Во-первых, в нашей науке специалисту-немарксисту грош цена. А во-вторых, вы можете быть уверены, что, если оный специалист вместо мягкой каши увидит перед собой твердый сомкнутый фронт, он сейчас же вспомнит, что еще его дедушка в 1800 г. был марксистом..."¹¹⁵

Здесь формулировалась не только программа безжалостной классовой борьбы с инакомыслящими в сфере исторической науки, но и рекомендовались приемы "перевоспитания" и их и тех, кто заступался за них. В этой статье Покровский еще не назовет имена партийцев-интеллигентов (среди них был близкий к Бухарину А. Слепков), которые не одобряли действия "первых застрельщиков по разоблачению антикоммунистической идеологии" "старой профессуры", т.е. предшествовавших выступлений против Д.М. Петрушевского, С.Ф. Платонова и особенно Е.В. Тарле. Напечатание в редактируемой тогда Н.И. Бухариным "Правде" статьи такой направленности, показывает, что установка исходила из окружения генсека (или была поддержана там). А после падения Бухарина, в 1931 г., Покровский уже назовет имя Слепкова и охарактеризует статью, опубликованную в редактируемом им издании, как "сверхнахальную"¹¹⁶.

Особенно откровенно подобная тенденция проявилась в издании "Трудов Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов", откуда уже приводились цитаты из текстов Покровского. Книга вышла в свет в 1930 г., и Платонов, вероятно, не успел до своего ареста 12 января 1930 г. с ней познакомиться.

¹¹³ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 43.

¹¹⁴ Там же. Т. 9. С. 176–178; Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 208; Чернобаев А.А. "Профессор с пикой". С. 191.

¹¹⁵ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 330, 331.

¹¹⁶ Там же. С. 389.

миться. Но подводящая итоги работы этой конференции статья Покровского "Всесоюзная конференция историков-марксистов" (декабрь 1928 – январь 1929 г.)" была напечатана в XI томе журнала "Историк-марксист" уже в 1929 г., да и информация о конференции (в том или ином виде) не могла не дойти до Платонова.

Сейчас выявляется все больше архивных материалов, позволяющих не только уточнить в подробностях последовательность событий, но и по-иному комментировать напечатанное в те месяцы. Сопоставление всех этих данных, помогающее определить и роль Покровского в разыгравшейся трагедии отечественной исторической науки, и упорство Платонова в отстаивании проводившейся им линии на выживание этой науки, может стать темой особого исследования. Но обязательное предварительное условие его: возможность ознакомления со всей документацией. Пока же допустимо ограничиться теми данными, которые несомненно были известны уже тогда и Платонову, и Покровскому, и лицам, близким к ним, т.е. напечатанными материалами и сведениями деловой документации и из устных выступлений (тем более что Покровский, "будучи, по его же выражению, бесконечным заседателем"¹¹⁷, не всегда имел возможность писать статьи).

В статье в журнале "Историк-марксист" он пишет о "научном кладбище" бывших ординарных, экстраординарных и в особенности заслуженных профессоров, о "запахе тлена, идущем от остатков "школы Ключевского"¹¹⁸. Это непосредственно касается Платонова и его ближайшего окружения (в Ленинграде и Москве). Покровский до того не раз писал о принадлежности Платонова по существу к "школе Ключевского", да и сам Платонов дал тому основание своей статьей 1911 г. "В.О. Ключевский".

И уж безусловно именно о намерениях Платонова, поддержанных Рязановым, читаем в тексте, которому системой подчеркивания автор придает особое значение: "Важнейшим практическим выводом конференции была хотя и не зарегистрированная официально в ее резолюциях, но органически вышедшая из работы конференции мысль о необходимости создания *марксистского научно-исследовательского института истории*. Нужно сказать, что мысль эта уже давно стучится в дверь. Ее неоднократно высказывал Рязанов и до и после того, как он отряс от ног своих прах исторического института РАНИОН. Правда, Давыд Борисович, по-видимому, еще колеблется относительно точки привеса этого нового учреждения, и ходят слухи, будто он намеревается поставить его в самом центре кладбища в виде, должно быть, крематория... Думается, что загружать работу этого нового учреждения функцией погребения научных покойников нет ни малейшей надобности. Предоставим им самим погребать друг друга. Новое учреждение должно быть конечно связано с одним из тех новых центров марксистской мысли, которые созданы революцией, вышли из революции. Коммунистическая академия – это *единственный* научно-организационный центр, который мы можем считать вполне нашим..."¹¹⁹ Покровский старается найти доказательства тому, утверждая, что в ИКП уже подготовлены настоящие ученые; пишет о важности овладения "техникой" исследовательской работы.

Можно полагать, что Покровскому было известно обращение ПИАК еще в январе 1928 г. в Отделение гуманитарных наук АН СССР с письмом, где, указывая на развитие музейной и научно-исследовательской работы в области истории, с беспокойством отмечалось, что в стране нет учреждений, готовящих

¹¹⁷ Там же. С. 373.

¹¹⁸ Там же. С. 333, 334.

¹¹⁹ Там же. С. 336–337.

археографов и археологов, и предлагалось с этой целью восстановить Археологический институт и расширить состав ПИАК¹²⁰.

К концу 1920-х годов общественный вес Платонова и его влияние в академических кругах заметно возрастают. 2 марта 1929 г. Общее собрание Академии наук избирает его академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук¹²¹, летом он заменял неперменного секретаря (им оставался Ольденбург). Небезопасным могла казаться Покровскому даже проправительственная направленность поведения Платонова во время выборов в Академию наук в начале 1929 г. (когда Покровского избрали академиком). Платонов (как и Е.В. Тарле) был в числе семи академиков, приглашенных на заседание Совнаркома 5 февраля 1929 г. и выступал там, впрочем, сдержанно (по выражению Ольденбурга, "холодно и бледно")¹²².

Мог представляться угрозой и укреплявшийся – теперь уже и в системе Академии наук – альянс Платонова с Рязановым: Рязанов был достаточно близок с академиками – специалистами по всеобщей истории (притом и со "старыми профессорами" Д.М. Петрушевским и др. и с новыми академиками – Н.М. Лукиным, А.М. Дебориным), и его не только без осложнений избрали в 1929 г. академиком, но и склонны были видеть вице-президентом Академии наук, тогда как Покровскому резко воспрепятствовали стать одним из руководителей Академии наук. Академик В.И. Вернадский в конфиденциальном письме к сыну, историку Г.В. Вернадскому, за границу отмечает, что "Рязанов, ведший себя очень свободно и во многом правильно", вынужден был, однако, отказаться от вице-президентства по требованию партии: но "он и Бухарин после первой сессии решительно выступили против ломки АН"¹²³. Свое отношение к Рязанову Платонов счел нужным особо подчеркнуть даже в автобиографии, написанной в 1926 г. по заказу немецких ученых. Отмечая привлечение его Рязановым к работе комиссии, возглавлявшей в первые послереволюционные месяцы деятельность петроградских архивов, Платонов указывает, что комиссия работала под председательством "этого образованного, симпатичного и благородного человека" ("dieses gebildeten, sympatischen und edlen Mannes")^{123a}.

Думается, что В.С. Брачев не вполне прав, утверждая, что "годы брали свое" и Платонов "постепенно сокращает объем административной деятельности, отказавшись в сентябре 1928 г. от директорства" в Библиотеке Академии наук, а затем в марте 1929 г. от директорства в Пушкинском Доме. Напротив, как верно отметил тот же автор, избрание Платонова академиком-секретарем Отделения было "вершиной научной карьеры его"¹²⁴, и ученый решил сосредоточиться на этом и на руководстве организуемого им Института истории, призванного противостоять тенденциям, насаждаемым Покровским.

В апреле 1922 г. на вопрос Главнауки: "Нельзя ли рассматривать Археологическую комиссию как уже готовый научно-исследовательский институт по

¹²⁰ Иванова Л.В. Археологическая комиссия, 1917–1931 гг. // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 416–417.

¹²¹ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов. С. 122.

¹²² Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971. С. 192–194; Ольденбург С.Ф. Работой поможем России преодолеть трудные дни // Вестн. РАН. 1993. № 4. С. 365.

¹²³ Пять "вольных писем" В.И. Вернадского сыну: (Русская наука в 1929 г.) / Публ. К.К. // Минувшее. М., 1992. Т. 7. С. 434; Перченко Ф.Ф. Указ. соч. (приведена литература); Неукротимый академик: (Новые материалы о Д.Б. Рязанове) / Публ. Я.Г. Рокитянского // ВАН. 1991. № 7. С. 134, 145; Он же. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // НИИ. 1992. № 2. С. 122.

^{123a} Zeitschrift für Osteuropäischen Geschichte. 1933. Bd. VII, N 4. S. 484. См. также: Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 284.

¹²⁴ Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов. С. 122.

археографии?" – в Академии наук ответили, что комиссия никогда не имела преподавательских функций и не ставила своей задачей изучение археографии как науки¹²⁵. Однако с существенным расширением (и хронологическим, и тематическим, и в плане научной методике) сферы научной деятельности комиссии и активизацией наступательных действий икапистов во главе с Покровским против привычной проблематики исторических исследований в РАНИОН и других научных учреждениях и вузах, научных обществах Платонов задумывается о закреплении такого рода занятий в традиционной для системы Академии наук форме организации особого института. Это имело место не позднее 1928 г. и встретило поддержку Рязанова (не исключено даже, что Рязанов побуждал Платонова к активизации его действий в этом направлении).

После выборов новых академиков в начале 1929 г. ситуация в Академии наук, особенно в Отделении гуманитарных наук, существенно изменилась. Академиком, согласно уставу, предложили высказывать свои соображения о перспективах работы Академии наук. Такие соображения сформулировал и Платонов 2–4 марта 1929 г. в ответ на письмо неперменного секретаря АН от 14 февраля "о необходимых мероприятиях в связи с расширением состава АН и круга ее занятий".

Первый и важнейший пункт Записки начинается словами: "Теснее всего я связан с Археографической комиссией и в полной мере чувствую, что она всем ходом жизни постепенно превращается из ученой издательской организации, какую была прежде, в научно-исследовательский институт по русской археографии и источниковедению". Указывая на новые задачи и "работу по приведению в ясность инвентаризации актового и летописного материала", Платонов счел необходимым увеличить ее бюджет и расширить штат и был готов "по первому же требованию" представить соответствующие "детальные соображения". "Здесь же, – писал Платонов, – я считаю долгом только указать на совершенную неотложность полного пересмотра условий работы АК и ссылаюсь при этом на сделанное мне Д.Б. Рязановым заявление о желании образовать в составе учреждений АН исторический научно-исследовательский институт. Для такого института АК является готовой ячейкой, от которой может идти дальнейшая организационная работа в построении научного учреждения по технике исторического ведения независимо от вопросов идеологических, для разработки которых СССР имеет уже не одно учреждение. Насколько мне известно, на всем пространстве СССР лишь одна Академическая АК занята теперь вопросами археографии, и в будущем научно-исследовательском институте она составит его необходимое звено".

В следующих трех пунктах Платонов высказывает пожелание об увеличении кредитов на издания, отмечая недопустимость задержки изданий академических "Известий", где годами ждуг "в очереди" напечатания статьи даже о текущих юбилеях, экспедициях, раскопках и многие годы лежат подготовленные к печати в АК тома "Полного собрания русских летописей" и монографии (даже труды А.А. Шахматова). Указывает также на необходимость получать в должном количестве заграничные журналы и недопускаемые цензурой "издаваемые за границей русские журналы" и обеспечить возможность поездок не только с "коллекторской целью" для "изучения местной старины и тех или иных особенностей изучаемого края". К Записке приложен список учреждений, с которыми Археографическая комиссия "находится в постоянных научных сношениях"¹²⁶.

Цель организации научного центра по технике исторического исследования

¹²⁵ Иванова Л.В. Указ. соч. С. 406.

¹²⁶ С.-Пб. ФА РАН. Ф. 133 (Археографическая комиссия). Вход. № 134. Д. 5. Л. 29. См. также: Иванова Л.В. Указ. соч. С. 417.

независимо от идеологических воздействий очевидна. Неясно, однако, замыслен ли был будущий институт только с этими задачами или Археографическая комиссия, преобразуясь, становилась по замыслу Рязанова частью ("необходимым звеном") института более широкого профиля. Но в обоих вариантах заметно, что новое учреждение должно отличаться от "ученых учреждений", где разрабатывались "вопросы идеологические", под руководством академика Покровского. Должны отличаться и тематикой работы (продолжение выявления, изучения, издания публикации актовых и летописных материалов) и направленностью – неприятием откровенно социологической вулгаризации прошлого и поиска в первую очередь в нем того, что сближает с настоящим.

На Всесоюзной конференции историков-марксистов Покровский настолько однолинейно говорил о понимании им актуальности, что вынужден был в заключительном слове отвести мнение, будто он "призывал бойкотировать тот или иной сюжет". "Я считал долгом эту поправку внести, – сказал Покровский, – чтобы рассеять недоумение, будто я какой-то враг изучения средневековой истории. Я не враг изучения средневековой истории, а противник того, чтобы люди прятались в академическую скорлупу от живой действительности, которая их окружает"¹²⁷.

Д.Б. Рязанов же был убежден в необходимости "академию сохранить", в том, что именно ее ученым следует готовить издания и апокрифов и "хорошее издание сочинений Пушкина"¹²⁸ (Подготовкой академического издания сочинений Пушкина тоже первоначально руководил Платонов как директор Пушкинского Дома) – об этом он говорил на заседании Совнаркома 5 февраля 1929 г. А к концу февраля относятся наброски рукописи о задачах академиков-коммунистов, в которой явно заметно его противостояние Покровскому: "Вступить в Академию, чтобы изнутри разрушить ее – да стоила ли овчинка выделки? Не лучше ли было б с самого начала ее разгромить, как это требовали некоторые ретивые товарищи? Среди академиков-коммунистов нет ни одного, который бы стоял на этой примитивной точке зрения. Но по существу от нее мало чем отличается точка зрения, защищаемая товарищем Покровским". И далее: "И находятся еще наивные коммунисты, которые думают, что, разгромив две-три комиссии в Отделении гуманитарных наук, они решат вопрос о том, что делать с Академией и что делать в Академии!"

Излагая мнение тех, кто полагал, что "создание новых учреждений в рамках старой Академии, реорганизация ее Отделения гуманитарных наук – все это означает укрепление этого "реакционного бастиона" и ослабляет шансы превращения Комакадемии в действительно Всесоюзную академию!", Рязанов решительно заявил: "Я лично стою на другой точке зрения"¹²⁹. Эти обстоятельства могли лишь подтолкнуть Покровского к дальнейшему противостоянию Платонову и его окружению (а также уже и Рязанову), к более "действенному" очернению Платонова в общественном мнении и особенно в глазах правителей государства^{129а}.

¹²⁷ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 78.

¹²⁸ Неукротимый академик (Новые материалы о Д.Б. Рязанове). С. 142.

¹²⁹ Там же. С. 142–144.

^{129а} Возможно, что именно к тому времени относится недатированная записка Покровского "Предсовнаркома тов. А.И. Рыкову" с подчеркнутым указанием "лично". Там читаем: «Мне передали, что тов. Рязанов рассказал (ранее было: "рассказывает". – С.Ш.) Вам совершенно неподобные вещи о моих отношениях к Главлиту и, в частности, о моем якобы участии в запрещении книжки академика Платонова "Петр Великий". Последний инцидент подробно изложен в прилагаемом в копии письме к председателю комиссии по цензурным делам тов. Скворцову-Степанову. Из этого письма Вы увидите, что о запрещении книжки Платонова я узнал случайно, задним числом, от посторонних людей...» (текст письма приведен ниже). См.: РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 50. Л. 26.

В Академии наук Покровский использовал новообретенное положение академика как раз в той сфере науки, которую Платонов рассматривал едва ли не как свой домен, – в археографии. Весной 1929 г. Покровский составляет Записку об археографических задачах АН СССР. "Очередной археографической задачей, – считал он, – отвечающей вопросам современности, является разработка наших архивов с целью извлечения из них и опубликования документов по истории трудящихся классов (сельского и городского пролетариата и крестьянства) с древнейших доступных исследованию времен и до позднейшей эпохи, непосредственно предшествующей революции". Покровский предлагает план многотомных публикаций, готовящихся московскими учеными А.И. Яковлевым и другими менее связанными в своей работе с Платоновым и Археографической комиссией. При этом он заранее оговаривает, что средства для этих публикаций "будут отпущены не непосредственно Археографической комиссии, а по титулу личных работ академика М.Н. Покровского, который от себя сможет распределить эту сумму на определенные поручения. Кроме того, издательству АН отпущено специально 40 печатных листов на печатание работ, о которых идет речь"¹³⁰.

Записка обсуждалась академиками-историками в октябре 1929 г. на заседании под председательством Платонова, и решено было передать этот вопрос на рассмотрение Общему собранию АН СССР¹³¹. Но заседание было накануне начавшихся арестов историков (особенно близкие к Платонову лица были арестованы: А.И. Андреев – 24 ноября, С.В. Рождественский – 1 декабря) и вынужденной отставки Платонова от административных должностей.

А 18 ноября 1929 г. Покровский произносит речь на заседании, посвященном открытию Института истории при Комакадемии. Он повторяет формулировки о взаимосвязи истории и политики, о значении подготовки научных кадров историков-марксистов и о том, как много уже сделано в этом плане. Обосновываются и задачи нового института. Упоминаются и Карамзин, и Археографическая комиссия (и не раз!). О Карамзине напоминают для иллюстрации положения о том, "что то, что вчера считалось наукой, сегодня является уже не наукой, а в лучшем случае известной подготовкой к науке, известным собиранием материала и т.д.". И Карамзин еще при жизни остался ценен лишь "искусством писать" и в особенности примечаниями к томам своей "Истории".

И здесь Покровский демонстрирует свои приемы отбора источников и их интерпретации. Для доказательства только что изложенной его мысли, что "уже для Погодина в 20-х годах XIX в. Карамзин не был наукой"¹³², выхватывается дневниковая запись 25-летнего историка. Хотя Покровский, конечно же, знал о речи Погодина о Карамзине (вызвавшей в 1840-е годы отклик Гоголя) и его фундаментальном издании 1866 г. материалов для биографии историографа с совсем иной оценкой Карамзина.

Из напечатанного в последнем – 35-м выпуске "Летописей занятий Археографической комиссии", которые он неточно (или, вернее сказать, небрежно) именуется "Известиями Археографической комиссии", "единственной статьей общего характера" признается статья Платонова "О проблемах Севера в русской историографии", и то она, по оценке Покровского, "полубеллетристическая статья". Остальные материалы – "такого рода вещи, которые имеют значение в качестве примечания к исторической науке. Это есть собрание примечаний к тексту, но это не есть сама наука, не есть нечто руководящее". И примером того, что считать "наукой", называет материалы журнала "Историк-марксист" – "действительно руководящего исторического журнала". И далее (еще до ареста

¹³⁰ Записка М.Н. Покровского в Академию наук СССР об очередных археографических задачах / Подгот. А.А. Говорков, И.Е. Тамм // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 336, 335.

¹³¹ Начало "дела" Академии наук // ИА. 1993. № 1. С. 79–109.

¹³² Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 351–353.

историков) позволяет себе сказать: "Сейчас в стенах Археографической комиссии Академии наук происходят такие события, что думаю, что обитатели этих стен вообще несколько забыли, что такое наука и пр., и думают о некоторых вещах, более относящихся к другим плоскостям..."¹³³

Конечно же, не случайно местом обнаружения, так сказать, документальных доказательств контрреволюционности историков (а также аппарата Академии наук, возглавляемого Ольденбургом) избрали Археографическую комиссию, обвинив прежде всего ее сотрудников в незаконном хранении и сокрытии документальных материалов, враждебных советской власти. Источником информации комиссии, направленной по этому случаю из Москвы, служили данные, подготовленные прежде Покровским и лицами его окружения в архивном ведомстве, Комакадемии, Институте красной профессуры, Наркомпросе (часть их осела уже в ЦК партии). Ныне обнаруживается все больше подобных свидетельств в архивах.

В апреле 1929 г. Покровский обратился с призывом: "Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства изжит до конца"¹³⁴. В сообщавшей об этом зарубежной эмигрантской прессе вскоре стали писать и о взаимозависимости деятельности Покровского и его "школы" и преследования органами ОГПУ Платонова¹³⁵ и тех, кого относили к "старой профессуре". (Хотя среди них было немало лиц, не имевших профессорского звания, а также сравнительно молодых.) О том же писали и говорили оставшиеся в России ученые¹³⁶.

Эти акции следует безусловно рассматривать во взаимосвязи с другими действиями партийного руководства, положившими предел проявлениям "либерализма" в области культуры, по отношению к интеллигенции. Однако характерная для времени "великого перелома" политика в этих сферах общественной жизни лишь в последние годы стала изучаться в нашей стране на серьезной источниковой базе, зарубежные же издания зачастую не опирались на архивный материал, а имеющиеся наблюдения пока с должной основательностью не сопоставлены между собой. Тем самым не уточнено место так называемого "академического дела" в ряду других мероприятий схожей направленности в момент, когда Сталин в докладе на XVI партсъезде в июне 1930 г. особо выделил среди враждебных сил старого мира "верхушку буржуазной интеллигенции", говорил о "злостном вредительстве" буржуазных спецов¹³⁷. Но очевидно, что уже к поздней осени 1929 г. в деталях был разработан сценарий того действия, которое по именам главных арестованных назовут делом "академиков Платонова, Тарле".

Важно отметить, что именно Платонову отводилась ключевая роль в сценарии фальсификации разветвленного монархического заговора¹³⁸: его старались представить и главой заговорщиков, объединявшим ученых-историков Ленинграда, Москвы и провинции (там главным образом ведущих краеведов¹³⁹), и

¹³³ Там же. С. 356–357.

¹³⁴ Цит. по: *Перченков Ф.Ф.* Указ. соч. С. 193 (цитата из газеты "Последние новости" от 5 декабря 1929 г.).

¹³⁵ *Милюков П.Н.* Два русских историка. С. 312.

¹³⁶ *Чернобаев А.А.* "Профессор с пикой". С. 176.

¹³⁷ *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 302, 305.

¹³⁸ *Ростов А.* [Сигрист С.В.] Дело четырех академиков // *Память: Ист. сб.* Париж, 1981. Вып. 4.

С. 475 и сл.; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. С. 354; *Брачев С.В.* "Дело" академика С.Ф. Платонова.

¹³⁹ *Акиншин А., Ласунский О.* "Дело краеведов" Центрального Черноземья // *Отечество: Краевед. альманах.* М., 1990. Вып. 1. С. 57; *Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. С. 64; *Сизинцева Л.И.* Материалы о разгроме Костромского краеведения в 1930–1931 гг. // *АЕ за.* 1991 г. М., 1994.

первым кандидатом на пост главы нового правительства. Это тоже своего рода знаменательные свидетельства положения ученого в обществе.

Платонов был арестован 12 января 1930 г. Отодвинутый от административных дел, ученый занялся подготовкой статьи об истории России, заказанной ему для энциклопедического словаря Гранат. Накануне ареста он описывал борьбу правящих группировок за власть в начале XVI в. И сейчас особый смысл обретала последняя незавершенная фраза очерка. Платонов писал об аресте братьев великого князя по доносу, кончине их в заключении, казни их сообщников: "...изо всего княжеского рода остались в живых только..."¹⁴⁰

Уже 19 марта 1930 г. Покровский в докладе "Очередные задачи историков-марксистов" (на их Общем собрании), отмечая "громадное значение" Всероссийской конференции историков-марксистов на рубеже 1928–1929 гг., ставит в особую заслугу ее участников выступления их против "идеологических противников". "Это в высокой степени знаменательное событие, товарищи, потому что оно показывает, что у нас развилась большая историческая чуткость и большой политический нюх, так что по книжке, по печатной строке и по докладу, по слову с трибуны мы сразу разбираем, наш это человек или не наш, враг или друг. Это хороший аттестат нам. И в этом смысле Всероссийская конференция и то, что за ней последовало, колоссально расчищают горизонт..."^{140a}

В апреле 1930 г. академик Покровский стал председателем Археографической комиссии – и с тех пор, как можно убедиться, начал уже по-иному относиться к судьбе и местонахождению документальных материалов ее архива^{140б}.

В то же время М.Н. Покровский и особенно С.Г. Томсинский старались создать впечатление о слабой работе возглавлявшейся Платоновым комиссии, оторванности якобы Археографической комиссии тех лет от современной научной проблематики и общественной жизни. Несостоятельность такого утвердившегося в историографии мнения была показана Л.В. Ивановой¹⁴¹.

А в статье 1931 г. "О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период" Покровский, отмечая как заслугу Общества историков-марксистов "упразднение исторического института РАНИОНа и открытие такого в составе Коммунистической академии", сожалеет, что "не удалось добрать-ся" в то время "до более высокой цитадели старой историографии, второго отделения Всесоюзной академии наук", и "сидевшие там махровые реакционеры-

¹⁴⁰ Колобков В.А. Сергей Платонов: Год накануне ареста // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ: История России XIX–XX веков: Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 173.

^{140a} Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 371.

^{140б} Любопытно отметить, что в архивном ведомстве, более десяти лет возглавлявшемся Покровским, по инерции продолжали борьбу за обретение архивных материалов, хранившихся в Археографической комиссии, и просили передать им архив Воронцовых-Дашковых. С такой просьбой обратились в Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР, возглавлявшийся тогда Луначарским. И.о. постоянного секретаря АН СССР просил о сохранении этих материалов в архиве Археографической комиссии, и на заседании президиума комитета 8 марта 1931 г. решили "запросить по этому вопросу мнение М.Н. Покровского". Покровский был тогда уже болен и написал 3 апреля 1931 г. на бланке заместителя наркома по просвещению РСФСР такое личное письмо Луначарскому: "Дорогой Анатолий Васильевич. Посылая Вам копию заявления, адресуемого мною как Председателем Археографической комиссии АН в Президиум Ученого комитета, не могу не извиниться перед Вами и перед Комитетом за то, что два учреждения, оба состоящие под моим председательством, не поделив между собой архивных документов, нашли нужным беспокоить этим делом Ученый комитет, тогда как дело могло быть решено в порядке пятиминутного разговора со мною. Как только выйду из больницы, немедленно разберу это дело и напомню кому следует об обязанности каждого большевика всячески облегчать и сокращать работу центральных учреждений, а не заваливать их лишними делами. С коммунистическим приветом. М. Покровский" (ГАРФ. Ф. 7688. Оп. 1. Д. 805.) За эти сведения автор признателен В.П. Наумову.

¹⁴¹ Иванова Л.В. Указ. соч. С. 401–418.

историки были сняты со своих постов только в совершенно другой связи и гораздо позже". "Нам удалось, – констатирует Покровский, – лишь предотвратить разрастание этого вредного нароста на теле советской историографии, помешав возникновению в стенах Академии наук нового исторического института". И хвастливо отмечает, точнее сказать, рапортует ЦК партии, что "на историческом фронте самокритика применялась" в более "широких размерах", чем на фронтах политэкономии, литературоведения и философии, и потому "на историческом фронте не образовалось до сих пор ничего похожего на рубинщину, переверзевщину или ошибки школы Деборина"¹⁴². Это и был откровенный кивок в сторону Рязанова, к которому близки были сотрудничавшие в руководимом им Институте К. Маркса и Ф. Энгельса И.И. Рубин¹⁴³ и А.М. Деборин.

В развернувшемся публично "разоблачении" Платонова – в печати и на собраниях ученых – опирались на положения, сформулированные прежде Покровским. И даже подчеркивали это в докладе М.М. Цвибака, в книге С.А. Пионтковского, в выступлении отступника из круга С.Ф. Платонова А.А. Введенского (Платонов был "вождем группы, коалиции всех течений буржуазной историографии, на что первый указал в печати М.Н. Покровский еще в 1927 г.")¹⁴⁴.

В этих выступлениях фигурировало и имя Карамзина и Платонову припомнили в обвинительном тоне его отношение к Карамзину и "Истории государства Российского". Цвибак – основной докладчик – "разоблачитель" Платонова, отмечая случайность высказываний Платонова на историографические темы, "исключением" считал "статью о Карамзине, ярым апологетом которого был Платонов"¹⁴⁵. М.Н. Мартынов указывал, что схему истории России Платонов "взял главным образом у такого апологета самодержавия и крепостничества, каким был Карамзин". А "любовь к Карамзину" Платонов "унаследовал от своего учителя Бестужева-Рюмина, который всегда с благоговением отзывался о Карамзине. "Светлые маяки" Бестужева-Рюмина были "светлыми маяками" и Платонова"¹⁴⁶. А Пионтковский, пространнее других писавший о сочинениях Платонова, позволил себе даже такое сравнение, заметив, что о трудах Платонова по истории России XVI–XVII вв. «можно, перефразируя слова Пушкина, сказанные об "Истории" Карамзина, сказать, что он "доказывает без всякого пристрастия необходимость самовластья"»¹⁴⁷. Думается, что ленинградские историки могли говорить и писать так и под впечатлением речи Платонова 1926 г.

Все эти данные о деятельности Платонова и ее восприятии обретают особый смысл и в плане слабоизученной истории сопротивления русской интеллигенции навязываемой ей официальной идеологии и системе поведения, защиты ею достоинства науки и интеллигента (о чем напомнил в своих последних статьях академик Д.С. Лихачев)¹⁴⁸.

Платонов не отступился от сложившихся у него убеждений и в тюрьме. В составленной там "Записке" (датированной 12 апреля 1930 г., т.е. ровно через четыре месяца после ареста) он сам себя называет "крайним индивидуалистом" (этот термин как ругательный Покровский применял для характеристики Платонова), пишет о найденном им взаимопонимании с Рязановым, обусловившим его сотрудничество с советской властью. (В 1917 г. вспоминал ученый

¹⁴² Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 388–391.

¹⁴³ Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // ННИ. 1992. № 2. С. 131–132.

¹⁴⁴ Цит. по: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. С. 110.

¹⁴⁵ Там же. С. 75.

¹⁴⁶ Там же. С. 165, 167.

¹⁴⁷ Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России. С. 33.

¹⁴⁸ Лихачев Д.С. Русская интеллигенция в русской действительности // Первое сентября. 1993. 12 янв.; Он же. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

"о большевизме, признаюсь, совсем не думалось, и внезапное торжество его озадачивало. Следовательно я говорил, что с апреля – мая 1918 г. благодаря объяснению с Д.Б. Рязановым я вошел в разумение совершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве".) Затем считал необходимым предупредить о вредных для науки последствиях курса, проводимого Покровским: «Я не был "марксистом" в теории, не мог освоить разницу между "диалектическим методом" и простой эволюцией и не мог поверить в исключительную возможность изучать исторический процесс только по способу М.Н. Покровского. Напротив, будучи не только историком-исследователем, но и историком-техником (издателем текстов и археографом), я находил и нахожу исключительность Покровского и его школы вредной для роста у нас исторической науки и желал бы, чтобы подготовка молодых археографов была свободна от этой исключительности»¹⁴⁹.

Поединок продолжался даже в этих явно неравных условиях.

Приложение 1*

Тов. И.И. Скворцову-Степанову.

Секретно

Дорогой Иван Иванович.

До меня дошли сведения, что в Комиссии под Вашим председательством, в числе других цензурных инцидентов, будет рассматриваться вопрос о книге акад. Платонова "Петр Великий", запрещенной будто бы на основании моей рецензии.

Категорически заявляю, что названной книги Платонова я не читал и даже не видал, а стало быть, и давать о ней какой бы то ни было отзыв, тем более "рецензию" не мог.

Дело было так. Ко мне обратился акад. Богословский с просьбой обратить внимание на книгу Платонова, запрещенную, по мнению Богословского, без оснований. Мне показалось очень странным запрещение популярной книжки о столь далекой эпохе, и я потребовал от Главлита материалов. Книжки мне не прислали, но прислали довольно подробную рецензию на нее, составленную одним молодым ленинградским историком-коммунистом, хорошо мне знакомым. В рецензии обстоятельно доказывалось, что вся тенденция книжки Платонова чисто монархическая, почему выпускать книжку не следует.

Быть может, я должен был бы добиваться от Главлита присылки мне самой книжки, просмотреть ее и дать свое заключение. Но рецензия была, повторяю, достаточно обстоятельная, автора ее я считаю достаточно грамотным, чтобы разобраться в подобном вопросе, в том же, что бывший тайный советник и всяких орденов кавалер С.Ф. Платонов не может быть республиканцем, ни у одного разумного существа не могло возникнуть ни малейшего сомнения. Словом, отзыв мне показался правдоподобным, и я решил дела не тянуть (при попытке самому в него детально вникнуть три недели оттяжки были бы обеспечены, считаясь со степенью моей занятости). Я ответил Богословскому, что, ознакомившись с обстоятельствами запрещения, я не считаю возможным возбуждать вопрос о его снятии.

Вот и все. Меня можно, таким образом, "обвинять" в том, что я недостаточно энергичски воспротивился запрещению книжки Платонова, но никак не в том, что я принимал какое-либо активное участие в этом запрещении. Что, впрочем, является моей настоящей, без кавычек, виной как коммуниста, то ли, что я не слишком настойчиво хлопотал за книжку Платонова, или то, что я вообще за нее не хлопотал, хотя и не настойчиво, пусть решат соответствующие инстанции. Решить же вопрос о самой книжке можно лучше всего передав ее на рассмотрение какого-нибудь компетентного, но не причастного к Главлиту товарища, скажем Н.Л. Мещерякова. Так как вопрос идет не о научных достоинствах книжки, а только о ее политической тенденции, и специалистом здесь быть не нужно.

С коммунистическим приветом.

М. Покровский.

РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 50. Л. 27–28 об. В деле и рукопись (Л. 27–27 об) и машинопись ее Л. 28–28 об.).

¹⁴⁹ Исповедь узника ОГПУ: (Неизвестная рукопись академика С.Ф. Платонова) / Подгот. к печ. Б.С. Брачев // Вестн. РАН. 1992. № 9. С. 121–122.

*Письмо Покровского – характерный образчик его эпистолярно-делового стиля – воспроизводится полностью.

Приложение 2*

Протокол

совещания 13 апреля 1926 г. для обсуждения вопроса об ознаменовании столетней годовщины со дня смерти Н.М. Карамзина (3 июня с.г.)

Присутствовали: академики С.Ф. Платонов и Н.П. Лихачев, представители АК [Археографической комиссии] В.Г. Дружинин, ПД [Пушкинского Дома] – Б.Л. Модзалевский, Б.И. Коплан, Н.В. Измайлов и М.Д. Беляев и ученый секретарь ПИК А.И. Андреев.

Председательствовал академик С.Ф. Платонов, при секретаре А.И. Андрееве

1. С.Ф. Платонов сообщил, что настоящее совещание созвано ПИК, по предложению президиума Академии, для обсуждения вопроса об ознаменовании столетней годовщины со дня смерти Н.М. Карамзина 3 июня с.г.; на совещание, кроме лиц присутствующих, были приглашены также академики В.В. Бартольд, Е.Ф. Карский, С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Успенский; ПИК, с своей стороны, обсуждала поставленный вопрос и об ее предположениях сообщит совещанию А.И. Андреев.

2. Ученый секретарь ПИК А.И. Андреев привел справку о порядке ознаменования Академией наук столетней годовщины со дня рождения Н.М. Карамзина и со дня появления первого его литературного произведения и 150-летней годовщины со дня рождения; основываясь на этих данных, ПИК полагает желательным: 1) устроить торжественное заседание Академии наук 3 июня с.г., посвященное памяти Н.М. Карамзина, с двумя речами о нем, которые должны быть произнесены академиками ОРЯС и ОИФ, и 2) теперь же приступить к составлению библиографии литературы о Н.М. Карамзине за 1884–1926 гг., в дополнение к изданной Академией Наук к столетию литературной деятельности Н.М. Карамзина библиографии С. Пономарева: по приблизительному подсчету для печатания этой библиографии потребуется до пяти печатных листов, а на ее составление потребуется до 400 р./пять листов по 80 р./; работу желательно вести в срочном порядке и к печатанию ее приступить к текущему сметному году.

3. Б.Л. Модзалевский вполне присоединился к предположению ПИК и от имени ПД предложил дополнить намеченную программу устройством выставки, посвященной Н.М. Карамзину.

4. Н.П. Лихачев, поддерживая предложение ПИК и ПД, полагал желательным посвятить одну из речей на торжественном заседании языку Н.М. Карамзина.

П о с т а н о в л е н о 1/ признать желательным устройство торжественного заседания Академии наук 3 июня с.г., посвященного столетней годовщине со дня смерти Н.М. Карамзина, 2/ просить ОРЯС и ОИФ наметить докладчиков для этого заседания; 3/ признать желательным составление и напечатание библиографии литературы о Н.М. Карамзине за 1884–1926 гг., 4/ для выполнения последней работы просить немедленно об ассигновании 400 р. на оплату труда лиц, работающих по составлению библиографии, 5/ для выработки плана работы по библиографии поручить ученому секретарю ПИК А.И. Андрееву образовать комиссию из представителей ПД и других лиц, опытных в этом деле, 6/ просить НС о напечатании библиографии в текущем сметном году, 7/ просить С.Ф. Платонову доложить Президиуму Академии о предположениях совещания.

ОР РНБ. Ф. 585, № 650. Машинопись.

Председатель, секретарь

* После сдачи в печать этой статьи в архиве С.Ф. Платонова смог ознакомиться с протоколом совещания (расширенного состава) Постоянной исторической комиссии АН (ПИК) о подготовке к празднованию юбилея Карамзина. В издании Каталога – архива академика С.Ф. Платонова, вып. 1 это дело описано под № 594. Протокол существенно важен для познания предыстории "Речи" Платонова о Карамзине и имеет большое самостоятельное значение в плане истории изучения жизни и творчества Карамзина.

М.Г. Гальченко

**О ДРЕВНЕЙШЕЙ РУКОПИСИ
ИЗ СОБРАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ
ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМ. АНДРЕЯ РУБЛЕВА***

Собрание старопечатных и рукописных книг Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева насчитывает более 1300 единиц хранения. В их числе около 120 рукописей начала XV–XX в.

Небольшое и недостаточно изученное специалистами по древнерусской книжности собрание ЦМАР представляет собой значительную научную ценность. Оно включает, в частности, 9 рукописей XVI в., в том числе два Евангелия-тетр первой половины XVI в. (КП 3945/3 и ВП 106), Лествицу 1510 г., написанную, как установил А.А. Турилов¹, писцом Ферапонтом Обуховым в Иосифо-Волоколамском монастыре по повелению Иосифа Волоцкого (КП 3945/7), Избранные каноны и евангельские чтения второй половины XVI в. (КП 3945/38), Изумруд третьей четверти XVI в. (ВП 107), Минею праздничную на сентябрь, октябрь и ноябрь того же времени (КП 3945/68), Минею праздничную – конволют первой трети XVI и первой половины XVII в. (КП 4008), Стихирарь на крюковых нотах – конволют второй трети XVI и первой трети XVII в. (КП 3945/45), Сборник, включающий статьи Стоглава, сочинение Максима Грека "О исповедании православной веры" и другие выписки богословского и канонического содержания – конволют XVI и XVII вв. (КП 3945/65).

Из числа рукописей XVII в., которых в собрании насчитывается 10 единиц, наибольший интерес представляет Синодик – помянник монастыря Иоанна Златоуста в Москве на Большом посаде начала XVII в. с дополнениями XVII–XVIII в., содержащий, в частности, упоминания о многих исторических личностях, о родах царей, архиепископов, митрополитов, князей и бояр (КП 3945/1), Изумруд и хронограф с дополнительными статьями, написанный в 1642 г. в Казани, в Федоровом монастыре (КП 3945/71), Апокалипсис толковый со Словом Паллады мниха последней четверти XVII в. с 98 миниатюрами, иллюстрирующими текст, с красочными заставками и инициалами. Последний поступил в ЦМАР в 1988 г. из Советского фонда культуры и является даром армяно-американского общества.

К рубежу XVII–XVIII вв. относятся еще 8 рукописей, более десятка рукописей были созданы в XVIII в., остальные – в XIX–XX вв.

Большая часть рукописей конца XVII–XX в., находящихся в собрании, представляет собой памятники старообрядческой книжной культуры, в том числе старообрядческие сборники выписок догматического, канонического, эсхатологического и нравоучительного содержания, сборники житий и повестей о чудесах святых и чудотворных иконах, а также певческие рукописи на крюковых нотах. В собрании имеются 32 нотные рукописи, в это число входят не только руко-

* © М.Г. Гальченко

¹ Турилов А.А. Рукописный сборник кон. XV – нач. XVI в., содержащий южнославянские сочинения XIV–XV вв. // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 95–96.

писи на крюковых нотах – знаменной и демественной нотации, – но и рукописи с пятилинейной нотацией на квадратных и на итальянских нотах. Эти рукописи могут представлять интерес для специалистов по древнерусской музыке.

Многие рукописи из собрания ЦМАР заслуживают специальных исследований: археографических, исторических, текстологических, лингвистических.

Собрание старопечатных и рукописных книг ЦМАР продолжает пополняться за счет покупки книг у населения и в букинистических магазинах.

Древнейшей рукописью в собрании Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева является книга начала XV в. "О постничестве" Василия Великого, хранящаяся под номером КП 952 (см. ПС, № 556). Эта рукопись представляет собой один из наиболее древних среди известных в настоящее время восточнославянских списков данного сочинения: кроме рукописи ЦМАР, имеется список 1388 г. – ГИМ, Чуд. 10 (ПС № 551).

Рукопись ЦМАР содержит 272 бумажных листа в 1° (первый лист – прилепленный, I половины XVIII в.), размер листов 28,7 × 21,0 см. Текст написан "старшим" ("русским") полууставом в два столбца на каждой стороне листа.

В записи писца Василия на л. 271в указывается, что книга была написана в Москве, в Спасо-Андрониковом монастыре "при державе" великого князя Василия Дмитриевича, митрополите Киприане и игумене Савве 28 марта. Обозначение года в записи подчищено; сохранилась лишь буква Ц (900), перед которой и справа от нее отчетливо видны следы соскабливания.

Так как дата смерти митрополита Киприана 16 сентября 1406/7 г., рукопись могла быть написана не позднее марта 1406 г. Как указал нам Б.М. Клосс (устное сообщение), текст приписки писца рассматриваемой рукописи частично воспроизводит текст писцовой записи в несохранившейся рукописи 1401 г. (фрагмент этой записи с указанной датой скопирован писцом Устава Иерусалимского 1428 г. (ОР РГБ, Рум. 445)²). Это уточняет датировку спасо-андрониковской рукописи, которая, таким образом, могла быть написана после 1401 г. (В нашей работе (см. сн. 17) была предложена более широкая датировка рассматриваемой рукописи – 1393–1402 гг. Уточнение датировки Клоссом сделано через полгода после публикации этой работы.) Наиболее вероятной датой создания книги представляется 1402 г., поскольку, на наш взгляд, в подчищенном обозначении года после буквы ц (900) могла уместиться только одна буква цифири. Если наше наблюдение верно, то (учитывая, что рукопись была создана после 1401 г.) это должна быть цифра 10 (ѣ). В таком случае, дата рукописи 6910 г. "от сотворения мира" (ѣѣ).

Данные анализа филиграней не противоречат указанной датировке. На бумаге рукописи обнаружены два различных водяных знака: 1) "А готическое" типа Mošin, Traljić, № 5130 и 5131³ – конца XIV в. в тетрадах 1–12, 27; 2) "N готическое" типа: Лихачев, № 714⁴ – XIV в. в тетрадах № 13–21, 23, 30–31, 33–34; остальные тетради содержат бумагу обоих видов попеременно⁵.

Начало приписки писца Василия повторено на л. 217в младшим полууставом не ранее чем в XV–XVI вв., дата 6898 (1390) дописана позднее, возможно, в XIX–XX вв. Последняя дата неверно указывает на 1390 г. как на время создания рукописи.

² Опубл. в кн. Г.И. Вздорнова (см. сн. 7), №83.

³ Mošin V., Traljić S. Watermarks of the 13th and 14th Centuries. Zagreb, 1957.

⁴ Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: Ист.-археол. очерк. СПб., 1891.

⁵ Брун Т.А. Описание рукописи "О постничестве" Василия Великого 1393–1406 гг. (ЦМАР, КП 952) для Сводного каталога славянских рукописей XIV в. (рукопись в АК).

Первое упоминание о рассматриваемой рукописи содержится в книге академика М.Н. Тихомирова "Древняя Москва (XII–XV вв.)"⁶. Читая сохранившуюся букву цифири как Ц – "900", М.Н. Тихомиров датировал рукопись временем после 1392 г. и до 1406 г. Г.И. Вздорнов, ошибочно полагая, что сохранилась цифра десятков – Ч (90), отнес рукопись к 1391 или 1392 г.⁷

Составители Описания пергаментных рукописей ГИМ, рассматривая список 1388 г. (Чуд. 10), сослались на кодекс ЦМАР как на рукопись "того же года и с той же ошибкой в цифрах"⁸, что не соответствует действительности.

Рукопись поступила в Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева в 1962 г. из Куйбышевской областной библиотеки, куда она привезена около 1920 г. М.Н. Тихомировым из старообрядческого Спасо-Преображенского монастыря в окрестностях г. Пугачевска Саратовской области⁹. На л. 1–53 имеется запись-скрепа, выполненная скорописью XVII в., о вкладе книги 6 марта 71(54?)–1646(?) г. боярином Б.И. Морозовым в церковь Рождества Христова и Михаила Малейна своей арзамасской вотчины села Рождественного (так!).

Записи свидетельствуют о том, что рукописью пользовались в XV, XVII и XVIII вв. На л. 110 на нижнем поле читается недописанная запись полууставом, возможно, XV в.: "Господи помози рабо..." На л. 124 на нижнем поле имеется подпись канцеляриста Федотова, выполненная скорописью XVIII в. На внутренней стороне верхней крышки переплета почерком XVIII в. переписаны из Пролога "Слово св. Евагрия о послушании" (29 февраля) и "Слово от Лимониса о Юлиане монаше, его же ангел спасе от блуда" (28 февраля).

Основной писец рукописи Василий оставил записи на полях л. 15, 19, 44, 109. Записи писца на л. 15 в три строки и на л. 19 в одну строку выскоблены, видны лишь остатки отдельных букв. Читаются только записи писца на л. 44 и 109, содержащие просьбу о поминовении его в молитвах. Запись на л. 44 имеет дату "28 февраля". На всех указанных листах записи писца выполнены чернилами другого оттенка, чем в основном тексте на этих листах: более светлыми, рыжеватыми. Чернилами такого же цвета сделана писцовая правка текста на л. 43б (надписана сверху буква Е), на л. 50 (на внешнем поле дописано слово "Б[о]гови"), на л. 51 (на верхнем поле дописаны пропущенные слова). Очевидно, записи были сделаны писцом позже написания текста на соответствующих листах, при последующей правке текста.

Переплет рукописи, видимо, сделан в XVIII в., он представляет собой доски в коже со слепым тиснением. Ремни застежек оборваны, частично сохранились поздние металлические части, кожа переплета потерта, с утратами, доски на углах оббиты, нижняя доска расколота вдоль. Блок книги разбит, отдельные листы и тетради выпадают. На левом столбце л. 1 имеется позднее поновление текста по полусмытым строчкам. Многие листы подклеены бумагой на внешнем поле, нижнем поле и у корешка. На левом столбце л. 34 имеется наклейка с надписанными на ней буквами и словами почерком не ранее XVII в. Листы потрепаны по краям, загрязнены, отдельные буквы полустерты. в первой половине XVIII в. книга реставрировалась (на бумаге переплетного листа обнаружена филигрань "герб Ярославской губернии, вариант 1 или 2, с 1731 по

⁶ Тихомиров М.Н. Древняя Москва (XII–XV вв.). М., 1947. С. 189, 190. Переизд. 1992. С. 155, 172.

⁷ Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начало XV в. М., 1980. Описание № 36.

⁸ Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольщенко В.С. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. I. // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 176. Прим. 116.

⁹ Тихомиров М.Н. Указ. соч.

1748 г.)¹⁰. При реставрации был нарушен порядок листов, что отразилось в хранительской нумерации. Для восстановления правильной последовательности листов следует поменять местами л. 33 и л. 46, л. 247 поместить между л. 88 и л. 89, л. 182–183 – между л. 103 и л. 104.

Состав и порядок статей в рассматриваемой рукописи в основном совпадают с первым изданием книги "О постничестве" Василия Великого, в Остроге в 1594 г., исключение составляют "лишние" статьи рукописи по сравнению с изданием: Слово Амфилохия, епископа Иконийского о Великом Василии и чудесах его (л. 1–21). Запрещения инокам (11 запрещений – л. 248б–249в). Правила св. Василия о инокинях (л. 251в–252г). Слово св. Василия о посте (начало: "Молите, молитесь люди моя, священники возглаголите в сердцах Ерусалиму") л. 266 г.–271б.

В издании есть статьи, отсутствующие в рассматриваемой рукописи: "Предисловие к читателю" (издательское) (л. 1–6 нумерованные), "Послание Василия Великого к Григорию Богослову о мнишестве строения" (л. 117 об. – 126 об. третьего счета)¹¹. При этом статейный состав списка Троице-Сергиевой Лавры (РГБ, ф. 304, № 129) (ПС № 861) совпадает с рукописью ЦМАР¹², что же касается рукописи "О постничестве" Василия Великого из Чудова монастыря (ГИМ, Чуд. 10), то она пока не была нам доступна для исследования. Размеры бумажных листов во всей рассматриваемой рукописи приблизительно одинаковы (28,7 × 21,0 см). Разлиновка на всех листах также одинаковая; на каждой стороне листа имеется два столбца текста по 32 строки. Разлиновка выполнена каким-то острым предметом путем нажима. Она сделана по оборотным сторонам листов, очевидно, тогда, когда листы были уже сложены в тетради. Наиболее отчетливо разлиновка видна на л. 12 об., 19 об., 21 об., 78 об. На каждой странице проведены семь вертикальных линий. Четыре из них отграничивают столбцы текста. На каждой стороне листа имеется два столбца текста шириной по 7 см. Ширина внешнего поля колеблется от 3,5 до 4 см; края листов могли быть обрезаны при повторном переплете книги.

На внешнем поле параллельно линии, отграничивающей столбец текста, проведено еще две линии, расстояние между которыми – 1,4 см. Назовем эти линии условно 1 и 2¹³. Расстояние между линией 2 и линией 3 (отграничивающей столбец текста от внешнего поля) – 0,6–0,7 см. Величина внутреннего поля от корешка до ближайшего столбца текста – 2,0–2,2 см. На внутреннем поле параллельно линии 6, отграничивающей столбец текста от внутреннего поля, проведена линия 7; расстояние между линиями 6 и 7 – 0,8 см. Ширина внутреннего поля между столбцами (отмеченного линиями 4 и 5) – чуть больше 1 см.

Высота строки с междустрочием – приблизительно 0,7 см. Величина нижнего поля – приблизительно 4,4 см. Расстояние от последних строк каждого столбца до горизонтали, отграничивающей столбец от нижнего поля, – 1 см. Такое же расстояние имеется между нижней и верхней границей первой строки столбца. Верхнее поле (от верха столбца до края листа) – около 2 см. Всего в рукописи имеются 34 тетради.

Частично сохранившаяся нумерация тетрадей почерком писца позволяет установить, что рукопись состояла из тетрадей по 8 листов (в последней 34-й тетради в настоящее время 7 листов, при этом утрат текста в ней нет). В рукописи имеется также буквенная нумерация листов по сотням почерком конца XVII – начала XVIII в.: "100" (л. 94), "200" (л. 190), "280" (л. 267), "284" (л. 271).

¹⁰ Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. С. 236–237.

¹¹ Брун Т.А. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Номера линий даются здесь в соответствии с их расположением на оборотной стороне листа слева направо, начиная от линии, ближайшей к внешнему краю листа.

В рукописи используются чернила коричневого цвета; на некоторых листах чернила более светлые, рыжеватого оттенка. Для инициалов и большинства мелких заглавных букв, а также для крупных и мелких заголовков и маргиналий используется киноварь.

Рукопись орнаментирована довольно скромно: в ней нет миниатюр и заставок перед началом текста (хотя на некоторых листах оставлено место для таких заставок шириной в один столбец: на л. 1 и л. 206 – на 5 строк, на л. 22 – на 3 строки), имеется лишь заставка – разделитель перед припиской писца на л. 271в. Эта заставка представляет собой орнамент простого рисунка, состоящего из черточек, изогнутых линий и точек, расположенных в два ряда. На верхней строке штрихи и изогнутые линии нарисованы чернилами, на второй – киноварью. Судя по цвету чернил и киновари, эта заставка сделана самим писцом рукописи Василием.

Тонкие киноварные инициалы рукописи скупо украшены округлыми утолщениями, мелкими орнаментальными отростками в виде завитков. Инициалы узкие и вытянутые, занимают пространство, по высоте равное двум с половиной – пяти строкам (с междустрочиями). Такие инициалы характерны для древнерусских рукописей конца XIV – начала XV в. Большинство мелких заглавных букв, высота которых колеблется приблизительно от 0,5 до 1 см, выполнены киноварью, некоторые – чернилами. Украшений эти буквы, как правило, не имеют. Все мелкие заглавные буквы, а также буквы в крупных заголовках выполнены сплошной тонкой линией, что также характерно для древнерусских рукописей конца XIV и XV в.

Кроме первого почерка – писца Василия, – который написал в общей сложности приблизительно 268 листов из 271 листа книги, в рукописи встречается еще три почерка. Вторым писцом написаны фрагменты текста на л. 76б (конец столбца б), 76в–г (кроме конца столбца г), 77б–в (11 последних строк столбца б и 10 первых строк столбца в), 95в–г (с середины столбца в), 103в–г, 182а (как указано выше, л. 182 должен находиться между л. 103 и 104). Третьим писцом написаны три последние строки столбца г л. 91 и два столбца (а и б) на л. 92. Четвертый почерк имеется на л. 151 в и г (12 первых строк столбца г), им же, по-видимому, написаны три строки (с 15-й по 17-ю сверху) на л. 164а.

Почерки, которыми написана рассматриваемая рукопись, представляют собой старший полуустав или (у второго и четвертого писцов) тип письма, переходный от устава к старшему полууставу. Между некаллиграфическим уставом и старшим ("русским") полууставом нет резкой границы, поскольку последний развился из такого устава¹⁴. Для старшего полуустава характерны приземистые пропорции букв, довольно большое количество выносных букв, а также ряд начертаний букв: Ч без ножки (в основном почерке), З с хвостиком в виде крючка или косой черты (во втором и третьем почерках), Ж без верха (в основном и третьем почерках), Е "якорное", лежащее в строке (в основном и втором почерках), наличие начертаний И с перекладиной, доходящей до низа левой вертикали (в основном почерке), наличие начертаний Т с верхом, выходящим в междустрочие в середине строки (в основном почерке), слабое различие или отсутствие различия по толщине между вертикалями и перекладинами букв во всех почерках.

Основной почерк – писца Василия – производит впечатление уверенного и достаточно быстрого. Очевидно, Василий был опытным писцом. Его почерку присуща известная вариативность начертаний букв, в целом характерная для старшего полуустава. Высота букв в строке в основном почерке – приблизительно 0,20–0,25 см. Высота междустрочия – 0,40–0,45 см. Наиболее широкими явля-

¹⁴ Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967. С. 118.

ются буквы М (0,45–0,50 см), Ж (0,40–0,50 см), Ш, Т, "Е-йотированное", "А-йотированное", "юс малый", "ять" (0,35 см), Ю (0,30 см). Ширина начертаний И, Н, П, Ц – 0,20–0,25 см.

Начертания "А-йотированного", "Е-йотированного", И, Н, Ю в основном почерке имеют косые высокие перекладки. Положение перекладок И и Н в основном почерке варьируется: у некоторых начертаний перекладки располагаются в верхней трети высоты буквы, у других опускаются до середины мачты, у некоторых доходят до низа мачты.

Большинство начертаний Б, В, Ъ, Ы, Ь, "ять" в почерке Василия имеют петли неправильной формы, округлые, треугольные или трапециевидные. У многих начертаний В, Ы, Ъ петли увеличены. Почти все начертания Ы имеют отворот наверху левой мачты, лишь изредка встречаются начертания без отворота, появившиеся, очевидно, под влиянием южнославянского протографа. (Под термином "протограф" здесь и далее мы имеем в виду текст, лежащий в основе текста списка; это необязательно оригинал, с которого непосредственно скопирован список.)

Коромысло буквы "ять" расположено на верхнем уровне строки, мачта "ять" заметно выходит за пределы верхнего уровня строки, возвышаясь над ним нередко на 0,3 см, а в верхней строке иногда на 0,7 см. Общая высота мачты "ять" (приблизительно 0,55 см) заметно больше ширины коромысла (0,30–0,35 см).

Начертания буквы З вариативны: кроме некаллиграфических начертаний этой буквы с хвостом в виде косой черты или крючка, в основном почерке встречаются начертания З с округлым хвостом, некоторые из которых наподобие начертания З в каллиграфических почерках болгарских рукописей XIV в.

Вариативны также начертания буквы Ж: наряду с начертаниями Ж без верха в основном почерке имеются начертания Ж с сокращенным верхом, выполненные в 4 или 5 приемах. В начале рукописи начертания Ж последнего типа преобладают, далее наиболее частотными становятся начертания Ж без верха.

Начертания буквы Д имеют удлиненные, несколько изогнутые ножки. Хвостик буквы Ц также несколько удлинен, нередко изогнут; он является продолжением правой мачты. В основном почерке преобладают начертания буквы Ч без ножки, но встречаются и начертания с короткой ножкой. Все начертания буквы Ч в рукописи имеют двустороннюю симметричную чашу. Буква "омега" у основного писца пишется, как правило, с высокой серединкой (возможно, под влиянием южнославянского протографа; в русских уставных почерках XIV в. "омега" пишется с низкой серединкой). Петли "омеги" сильно разведены, встречаются начертания с вытянутым и загнутым влево верхним концом правой петли. Начертания буквы Е, лежащие в строке с поднятым кверху язычком (типа Е "якорное"), пишутся Василием как в начале слов и после букв гласных, так и после букв согласных.

Начертания всех остальных букв в основном характерны для старшего полуустава. В записях почерк Василия более беглый, чем в основном тексте.

Почерки остальных писцов спасо-андриковской рукописи отличаются от основного почерка и друг от друга начертаниями букв Ж, З, Е "широкого", М, О "широкого", "омеги", У, Х, Ч.

Второй и четвертый почерки выглядят наиболее архаичными. Вертикали букв в этих почерках геометричны, большинство начертаний Ж имеет несколько сокращенную верхнюю часть, перекладки начертаний буквы И редко опускаются ниже середины левой мачты, у буквы "омега" низкая серединка и слабо разведенные петли, буква Ч (у всех писцов с двусторонней чашей) в четвертом почерке пишется только с ножкой, у второго писца начертания с

ножкой также довольно часты. Второй и четвертый почерки производят впечатление несколько неуверенных. Второй писец, сменяя основного, сначала пытается подражать его беглому почерку, но затем переходит к более, очевидно, привычному ему, близкому к установному типу письма. (Это особенно заметно на л. 95в-г.)

Третий почерк довольно уверенный, установившийся. Наиболее заметные особенности этого почерка – начертание Е "широкого" с заметно вытянутым вверх язычком, некаллиграфические начертания буквы З, шейка и хвостик которой образуют нечто вроде крючка, размашистые начертания выносных З и Х, начертания У с длинными хвостами в виде косых линий, идущих вниз справа налево. В третьем почерке, хотя он менее архаичен, чем второй и четвертый, сохраняется больше элементов устава, чем в основном почерке: перекладыни буквы И редко опускаются ниже середины левой мачты, буква Ч обычно пишется с ножкой.

Графико-орфографические системы всех писцов рукописи обнаруживают большое сходство и в целом характерны для древнерусской письменности конца XIV в. Некоторые отличия от графико-орфографических норм древнерусской письменности XIV века, отмеченные уже нами в основном почерке рукописи, по-видимому, связаны с особенностями протографа и начинающимся на рубеже XIV–XV вв. так называемым "вторым южнославянским влиянием" на древнерусскую письменность. Буквы "юс большой йотированный" и "юс малый йотированный" в рукописи не встречаются; буква "юс большой" (в неумелом изображении) по всей книге отмечена всего 5 раз (в одном из этих случаев – на л. 182а – у второго писца). В четырех случаях буква "юс большой" употреблена этимологически правильно (в соответствии с праславянским "О носовым"): СТЖАТИ 178а; ВЫНЖ 182а, За НЖ (мест. ж.р. В. ед.ч.) 81б, **WYAJ** (прилаг. ж.р. В. ед.ч.) 61а. (в последнем примере буква "юс малый" перед "юсом большим" написана не в соответствии с этимологией, а вместо "юса большого"). В одном случае, очевидно, буква "юс большой" написана вместо "юса малого"; ПРІЖ (т) (далее стерта одна буква) И(х) ПРИБЫТОКЪ 217в. Возможно, эти написания были перенесены из болгарского протографа, отражающего меню юсов, в котором могли быть и некоторые традиционные этимологически правильные написания букв "юс большой" и "юс малый". Не исключено, что все отмеченные в спасо-андриковской рукописи написания с "юсом большим" скопированы не непосредственно с болгарской книги, а опосредованно – через русский список с соответствующими "болгаризмами".

Анализ ошибок писцов рассматриваемой рукописи подтверждает, что она имела болгарский протограф. В рукописи отмечено спорадическое смешение буквы "юс малый" (а также А и "А-йотированное") с буквой Ю, отражающее, очевидно, смешение "юсов" в болгарском протографе: ТВОРА наст. 1 ед. 51в-г, ВСЕГДАШНЕЮ, прилаг. ед.ч. ж.р. Р. 105а, ОДЕЖЮ ж.р. ед.ч. р. 59б, НА РАСПАТИИ (Х) вместо НА РАСПУТИИХЪ 78г и т.п. (всего около 150 случаев). Буквы "юс большой" и "юс большой йотированный" болгарских рукописей русские писцы передавали буквами У и Ю; буквы "юс малый" и "юс малый йотированный" – буквами "юс малый" и "А-йотированное". Поэтому при смешении юсов в болгарском протографе у русских писцов получались ошибочные написания с Ю вместо "юса малого", и наоборот, нередко затрудняющие понимание смысла текста.

В рассматриваемой спасо-андриковской рукописи встретилось написание с буквой Ъ вместо "юса большого", которое также, очевидно, было перенесено из среднеболгарского протографа. Имеются и некоторые другие написания, которые можно предположительно связать с аналогичными написаниями протографа и с "вторым южнославянским влиянием", мы их в настоящей статье не будем

подробно рассматривать. Вопросы о протографе и орфографических особенностях одного из древнейших списков книги "О постничестве" Василия Великого заслуживают более детального исследования¹⁵.

Наличие нескольких почерков в спасо-андрионовской рукописи 1402–1406 гг., по-видимому, свидетельствует о существовании скриптория в Спасо-Андрониковом монастыре в тот период. Это подтверждает палеографический анализ спасо-андрионовского Златоструя 1406/7 г. (БАН. 33.16.15), где также имеются, по нашим наблюдениям, вкрапления других почерков в текст, написанный основным писцом книги – иноком Арсением.

На наш взгляд, почерки Златоструя 1406/7 г. не совпадают с почерками рукописи "О постничестве" Василия Великого 1402–1406 гг., основной почерк "Златоструя" представляет собой переходный тип от старшего полуустава к младшему; во вкраплениях некоторых других почерков можно видеть уже младший полуустав.

В Спасо-Андрониковом монастыре был создан Изборник 1403 г. (ГИМ. Син. 275)¹⁶, в работе над которым, по нашим наблюдениям, участвовали два писца; оба почерка представляют собой старший полуустав и близки по типу к почеркам спасо-андрионовской рукописи 1402–1406 гг. В этом же монастыре была создана Триодь цветная 1463 г. (РГАДА. Ф. 196. № 1539), написанная, на наш взгляд, двумя основными почерками – первого писца и "дьячишки Степанка", оставившего запись в конце книги, с небольшими вкраплениями других почерков. Почерки последней книги, созданной во второй половине XV в., разумеется, заметно отличаются от почерков древнейших спасо-андрионовских рукописей – как Слов постнических Василия Великого, так и Златоструя 1406/7 г. и представляют собой типичный младший полуустав.

Как предполагает Э.С. Смирнова (устное сообщение), в Спасо-Андрониковом монастыре было написано и Евангелие-тетр 1416 г. (ГИМ. Чертк. 256), в создании которого участвовали два писца; рукопись написана типичным младшим полууставом, в ее графике и орфографии ярко проявляется южнославянское влияние¹⁷.

Итак, упоминавшиеся выше рукописи свидетельствуют о том, что в Спасо-Андрониковом монастыре в конце XV в., очевидно, был скрипторий, в котором шла интенсивная книгописная деятельность.

¹⁵ О них подробнее см.: Гальченко М.Г. Об основных палеографических и графико-орфографических особенностях рукописи 1395–1402 гг. "О постничестве" Василия Великого. Деп. в ИНИОН. 20.08.91, № 45250.

¹⁶ Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. № 37; Костюхина Л.М., Шульгина Э.В. Изборник 1073 г.: Палеографический анализ и реконструкция рукописи // Древнерусское искусство. М., 1983. С. 91.

¹⁷ Об отражении второго южнославянского влияния в почерках и орфографии спасо-андрионовских рукописей см.: Гальченко М.Г. Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема второго южнославянского влияния на Русь в конце XIV–XV в. М., 1994. Имеется факсимиле трех листов рукописи ЦМАР, КП 952.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ВАЛААМСКОГО МОНАСТЫРЯ (Перспективы изучения источников)*

Вопрос о времени основания Валаамского монастыря вызывал большие споры и в отечественной дореволюционной, и в современной, и в зарубежной историографии. Практически полное отсутствие надежных исторических источников по данной теме приводило к тому, что мнение того или иного автора о времени основания монастыря отражало в первую очередь его общую концепцию о ходе монастырской колонизации на окраинах новгородской епархии и христианизации карельских земель. В результате в научной и церковно-археологической литературе можно встретить датировки в диапазоне от IX в. (при кн. Ольге, т.е. еще до крещения Руси) до XV в.

Обнаруженное недавно произведение 60-х годов XVI в. "Сказание о Валаамском монастыре"¹ разрешило вопрос в пользу мнения о позднем возникновении монастыря, но опять же не дало историкам точной даты этого события. Начало монастыря описано в "Сказании" следующим образом: из Новгорода на Валаам пришли два монаха Сергей и Ефрем (будущий Перекомский) и поселились сначала на одном из маленьких островков Валаамского архипелага. Через какое-то время Ефрем ушел основывать свой собственный монастырь – Перекомский, а вслед за ним поехал в Новгород и Сергей с тем, чтобы получить у архиепископа благословение на существование Валаамского монастыря. После возвращения Сергея монастырь был перенесен на большой остров Валаам с помощью новгородского военного отряда, так как местное население – корел – пришлось выселять силой.

Подобная практика основания монастырей была типичной, насколько мы можем судить по житиям святых: обычно один или два монаха-основателя, поселившись в каком-то месте и водрузив крест, жили какое-то время в безвестности и лишь после такого "испытательного срока" шли к владыке епархии за благословением на основание монастыря, после чего уже получали жалованные грамоты и помощь на строительство. Таким образом, монастыри имеют как бы две даты основания: реального прихода основателя на новое место и официального признания в епархии. Насколько можно судить по житиям святых и их памятникам в святцах (особенно в святцах с летописью), церковная традиция обычно отсчитывала время существования обители от момента поселения там основателя.

Автор "Сказания" не знал точного года основания Валаамского монастыря, иначе при свойственном ему стремлении к точности он должен был бы назвать его. Вместо этого он приводит лишь косвенную датировку, сообщая, что все эти события произошли при новгородском архиепископе Иоанне II, и тут же уточняет: "...Иоан достопамятный, иже возведен бысть на великий престол Великого Новаграда в лето 6896-е, и на двадесять семь лет церковь Божию

* © Н.А. Охотина

¹ РГБ. Ф. 379 (Собр. Д.В. Разумовского). № 73. Сб. конвюлют. 4°. л. 87–108. Публ. "Сказание краткое" (публ. Н.А. Охотиной) // Север. 1991. № 9. С. 11–24; *Okhotina N. The Tale of the Valamo Monastery* // *Ortodoksia*. 1993. N 42. P. 106–135.

окорми" (РГБ. Собр. Разумовского, № 73. Л. 91об.). Вероятно, источником информации автора "Сказания" послужило монастырское предание (устное, а может быть, и письменное), говорящее об основании монастыря при архиепископе Иоанне II (1388–1415); годы правления Иоанна заимствованы, скорее всего, из летописи².

Итак, на основании "Сказания о Валаамском монастыре" мы получаем возможность говорить об основании монастыря в пределах 1388–1415 гг. Попытаемся уточнить эту датировку при помощи сведений о биографии Ефрема Перекомского. Ефрем был канонизирован на церковном соборе 1549 г., хотя местное почитание началось раньше – его память отмечена в Месяцеслове начала XVI в.³ Его житие известно только по двум спискам XVIII в.⁴ К сожалению, это произведение может служить классической иллюстрацией к концепции В.О. Ключевского о слабой надежности житий русских святых в качестве исторического источника. Общепризнано, что житие Ефрема целиком было списано с жития Александра Свирского, а имена и даты, в нем содержащиеся, противоречат друг другу⁵. Судя по тексту жития, Ефрем родился в 1413 г., основал Перекомский монастырь на р. Веренде в 1450 г.; дату же его смерти можно высчитать по противоречивому тексту жития от 1486 до 1552 г. О периоде жизни Ефрема на Валааме житие, как и следовало ожидать, ничего не сообщает.

Но если информации жития о годах жизни Ефрема и времени его прихода на р. Веренду доверять нельзя, то существует еще один источник – Новгородская III летопись, в которой под 1407 г. сохранилось известие: "Постави владыка Иоанн Новгородский церковь каменну свягата Николая чудотворца на Веренде, и монастырь устроиша"⁶. В.В. Зверинский пытался объяснить данное противоречие с текстом жития тем, что монастырь был основан архиепископом Иоанном в 1407 г., но вскоре заглох и был позже возрожден Ефремом⁷. Однако, как видим, это сообщение подтверждается текстом "Сказания о Валаамском монастыре", в котором основание Перекомского монастыря также относится ко времени владычества Иоанна II. Поэтому именно 1407 г., а не середину XV в., скорее всего, следует считать началом истории Перекомского монастыря, а следовательно, считать более древними годы жизни и самого Ефрема.

В связи с этим требует рассмотрения и вопрос об авторе жития, о котором в заглавии произведения сказано: "Списано тоя же обители Романом игуменом учеником святого". Еще В.О. Ключевский высказывал серьезное сомнение в том, что "ученик" мог написать такие баснословия, перепутав все имена и даты, а факты позаимствовать из другого жития⁸. В нашей предшествующей работе было предположено, что существовало два игумена Романа: один – действительно ученик Ефрема, которого он благословил на игуменство: второй –

² О связи имени "архиепископа Иоанна" с Валаамом в монастырской традиции, в том числе и в Валаамской беседе, см.: *Lind J.H. Sources and Pseudo-Sources on the Foundation of the Valamo Monastery // Scandinavian Journal of History. 1986. Vol. II, N 2. P. 126; Сказание краткое... Комментар. С. 21.*

³ ГИМ. Син. 33. Устав церковный. Л. 220об.

⁴ РГБ. Ф. 205 (ОИДР). № 45; ГИМ. Увар. 911-4°. Л. 4–50.

⁵ *Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 263–264; Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 211–213; Соколова Л.В. Роман // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 311–313.*

⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 234.

⁷ *Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. 3, № 1483.*

⁸ *Ключевский В.О. Указ. соч. С. 263. В "Словаре книжников" принята атрибуция текста Роману. См. Соколова Л.В. Указ. соч.*

бывший игуменом при перенесении монастыря на новое место⁹. В таком случае если автором жития и был Роман, то им мог быть только "Роман-второй"¹⁰. Однако дальнейшее исследование показало, что в списке месяцеслова начала XVI в. отмечено перенесение мощей Ефрема 16 мая (ГИМ. Син. 336. Устав церковный. Л. 220об.), которое в тексте жития отнесено к 1546 г. Поскольку такая грубая ошибка не могла быть совершена в середине XVI в., то, следовательно, и житие было написано значительно позднее, скорее всего во второй половине XVII в., когда Перекомский монастырь был возрожден из запустения при поддержке боярина Романа Федоровича Боборыкина (к тому времени относится большинство чудес жития, героем одного из которых является сам Боборыкин). Следовательно, житие никак не могло быть написано учеником святого.

Итак, если на основании уточнений в биографии Ефрема принять дату основания Перекомского монастыря в 1407 г. и согласовать это со сведениями "Сказания о Валаамском монастыре", то мы получим следующий расчет: на Валаамские острова Сергей и Ефрем пришли в промежуток времени с 1388 по 1407 г.; официально Валаамский монастырь был учрежден с 1407 по 1415 г.

Существует и еще одна возможность попытаться установить дату основания Валаамского монастыря. До сих пор из всех дат, сохранившихся в поздних источниках, наибольшее доверие исследователей вызывала дата 1329 г. В сборнике середины XVII в. (РНБ. Соф. 1180), очень пестром по составу, в котором канонические произведения перемежаются с выписками самого разнородного характера, на л. 276 содержится тематическая подборка летописных записей по истории Карелии XIV–XVI вв., среди которых читаем: "В лето 6837 нача жити на острове на Валаамском во езере Ладоскомъ старецъ Сергiи; в лето 6901-е нача старецъ Арсении жити на острове Коневском во езере Ладоском; в лето 6905-е Кирил чудотворецъ нача жити на Беле езере пришедъ с Москвы с Симанова монастыря".

Этим сборником занимались Х. Киркинен и Дж. Линд. Финский историк отказал дате "1329 г." в доверии; правда, он не сумел разобраться в структуре сборника и считал карельские записи частью "Летописца вкратце" (до 1606 г.), хотя на самом деле их разделяют еще два кратких сказания о 30 сребрениках. Поскольку, по мнению Киркинена, "Летописец вкратце" – источник ненадежный, то и дата 1329 г. недостоверна¹¹. Киркинен нашел также в этих записях ошибки, однако, как убедительно доказал Дж. Линд, финский исследователь, ссылаясь на сборник Соф. 1180, цитировал его по копии XIX в., сделанной кем-то из членов Румянцевского кружка в Москве, действительно содержащей неверные прочтения подлинника¹². Дж. Линду принадлежит тщательное кодикологическое исследование и описание этого сборника, и он является убежденным сторонником основания Валаамского монастыря в 1329 г. Он считал, что сборник Соф. 1180 был скопирован со сборника, составленного в 1610-е годы (т.к. "Летописец вкратце" оканчивается 1610 г.), который был задуман как "руководство по монашеству" для монастырей ладожского региона и был написан на Валааме или Коневце¹³.

А.М. Спиридонов и О.А. Яровой обратили внимание на несколько неожиданное появление Кирилло-Белозерского монастыря среди карельских запи-

⁹ РГБ. Ф. 250 (ОИДР). № 45. Л. 65, 68.

¹⁰ *Охотина Н.А.* О времени основания Перекомского монастыря и авторе жития Ефрема Перекомского // Народная культура Севера: "первичное" и "вторичное", традиции и новации: Тезисы. Архангельск, 1991. С. 136–138.

¹¹ *Kirkinen H.* Karjala idän kulttuuripiirissa. Helsinki, 1963. S. 130–133; *Idem.* Finland in Russian Sources up to the Year 1323 // *Scandinavian Journal of History.* 1982. Vol. 7, N 4. P. 273–275.

¹² РГБ. Ф. 256 (Собр. Н.П. Румянцева). № 35. Выписки из рукописных книг Новгородской Софийской библиотеки. Л. 60об.

¹³ *Lind J.H.* Op. cit. P. 127 (последняя гипотеза о происхождении сборника не подтвердилась).

написание даты 1465 г. ("𐍆𐍂𐍅𐍅") в Евангелии учительном, предположительно написанном Валаамским старцем Пахомием (РГАДА. Ф. 181. МГАМИД. № 779). Возможно, в новгородской книжности, вообще склонной к традиционализму и архаизации, такое написание сохранялось дольше, чем в других регионах.

Таким образом, дата 6907, если она была написана в конце XIV – начале XV в., а тем более в Новгородской земле, должна была выглядеть как "𐍆𐍂𐍅𐍅".

Сравнение "𐍆𐍂𐍅𐍅" и "𐍆𐍂𐍅𐍅𐍅" показывает, что переписчик XVI–XVII вв., незнакомый с буквой "юс малый" как цифрой, не понял ее цифрового значения (или же чернила на "язычке" "юса малого" могли осыпаться, тем более если рукопись была пергаменной) и прочел ее как известную ему буквенную цифирь "Л" (=30). Если такая замена вполне очевидна, то сложнее объяснить появление в дате "омеги". Действительно, прочитав "900" как "30", писец должен был исполнить пробел в сотнях. Почему он выбрал для этого именно "омегу"? Здесь можно выдвинуть несколько предположений: 1) в оригинале тысячи могли быть написаны как "𐍆𐍂-е", или даже "𐍆𐍂-о", ("шесто" – огласовка, допустимая новгородским говором), или же между тысячами и сотнями стоял предлог "во". Поскольку "о" и "омега" на письме иногда взаимозаменялись, переписчик мог понять окончание Первой цифры или предлог как самостоятельную "цифирь"; 2) по непонятным соображениям писцы иногда писали подряд две цифры сотен. Например, в Постничестве Василия Великого из Чудовского собрания дата 6896 написана как "𐍆𐍂𐍅𐍅𐍅"¹⁹, в Минеи праздничной дата 1260 г. написана как "𐍆𐍂𐍅𐍅"²⁰; 3) наконец, цифру "800" писец мог написать исходя из своих собственных представлений о том, какой именно цифре здесь надлежит быть.

Таким образом, появление в Софийском сборнике неверной даты "1329 г." среди исторически достоверного контекста можно объяснить, на наш взгляд, тем, что в источнике, откуда она взята, она читалась как "1399" и на каком-то этапе переписки была неверно прочитана писцом. Мы не знаем, пользовался ли составитель Софийского сборника непосредственно оригиналами и его ли это ошибка, или же в его распоряжении был уже испорченный раньше текст. Примечательно, что в "карельских" записях даты 6901 и 6905, под которыми сообщается об Арсении Коневском и Кирилле Белозерском, написаны через "Ц" (=900). Видимо, тот писец, который допустил ошибку, пользовался для своих выписок разными источниками: в одних (или одном) даты основания Коневского и Кирилло-Белозерского монастырей были написаны через "Ц"; а в другом, откуда была взята дата основания Валаамского монастыря (и который не мог быть моложе середины XV в.), дата писалась через "юс малый".

Существенным недостатком рассмотренного варианта являются его сложность и допущение большого числа условий. Можно предложить и другой, более простой и, как кажется, более убедительный вариант ошибочного прочтения писцом даты, в результате которого получился 1329 г. Если предположить, что оригинал, из которого было взято сведение о приходе Сергия на Валаам, был написан полууставным почерком с курсивными элементами, то тогда там могла стоять дата "𐍆𐍂𐍅𐍅𐍅" (6897 = 1389 г.), где курсивное "Ч" писалось похожим на "Л": в две черты, из которых правая черта вертикальная и

¹⁹ Щепкин В.Н. Учебник русской палеографии. М., 1918. С. 140.

²⁰ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. М., 1984. С. 199. № 176.

слегка выгнутая, а левая – очень небольшая – перпендикулярна правой и сильно выгнута: ђ. Такое "Ч" (=90) переписчик легко мог прочесть как "Л" (=30), получив в результате дату 6837.

Не исключено, что и составитель "Извета" пользовался каким-то списком, восходящим к тому же оригиналу, поскольку "Ч", написанное по-другому, нетрудно прочесть и как "Ц" (=900). В этом случае, правда, читая "ѠѠѠ" как "ѠѠѠ", писец должен был где-то "потерять" "омегу", но он мог и сознательно убрать ее, так что иначе получились бы две цифры сотен.

Вероятнее всего, оригиналами пользовался не сам составитель Софийского сборника, а кто-то из его предшественников. Тогда становится более ясной логика первоначальной подборки этих записей: перечислены три монастыря, основанные примерно в одно и то же время (1389 или 1399, 1393, 1397 гг.; если верна дата 1389 г., то записи расположены в хронологическом порядке).

Конечно, на основании столь косвенных доказательств нельзя утверждать однозначно, что Валаамский монастырь был основан в 1389 или 1399 г. Это скорее попытка объяснить появление испорченной даты в сборнике, принадлежавшем Матфею Никифорову. Датировать же основание Валаамского монастыря мы можем достаточно уверенно в пределах 1388–1415 гг.; с меньшей степенью надежности – поселение с 1388 по 1407 г., официальное признание с 1407 по 1415 г., и только как гипотезу можно учитывать дату 1389 или 1399 г. (при этом 1389 г. представляется более вероятным). Тем не менее существует, как кажется, реальный шанс опровергнуть или подтвердить эту гипотезу: составитель Софийского сборника использовал, скорее всего, рукописи монастырской библиотеки. Хочется надеяться, что дальнейшее изучение библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря и истории ее формирования позволит обнаружить источник, содержащий точную дату основания Валаамского монастыря, которым пользовался составитель сборника Соф. 1180.

**К ИЗУЧЕНИЮ БИБЛЕИСТИКИ МАКСИМА ГРЕКА.
ПЕРЕВОД ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ МАККАВЕЕВ
НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК*¹**

В рукописных сборниках сочинений Максима Грека, рядом с его оригинальными произведениями и переводами, нередко встречается своеобразный комплекс библейских текстов. Комплекс с некоторыми вариациями повторяется в ряде сборников, причем состав комплекса варьируется в зависимости от типа "собрания"². Среди библейских текстов, входящих в этот комплекс, можно выделить следующие:

1. Выписки из Библейских книг пророков с толкованиями, "Пророчества Осиева" (Иванов, № 64)³.

2. Повесть о Голиафе и Сказание о Давиде (Иванов, № 71, 72).

3. Повесть об Эсфири (Иванов, № 70)⁴.

Первый из названных текстов, "Выписки из книг толковых пророков", включает многочисленные выдержки их ветхозаветных пророческих книг вместе с отрывками святоотеческих толкований. Максим Грек следовал в этом случае одному из списков XV–XVI вв. "Толковых пророков", восходящих к протографу XI в., написанному Упырем Лихим. Эти выписки представляют почти все пророческие книги, причем объем получившегося комплекса довольно значителен. Выписки по содержанию носят обличительный характер; они направлены против показного, пустого благочестия, против ложных судей и гонителей вообще, кроме того, "Выписки из книг толковых пророков" содержат общие высказывания в поддержку обездоленных и оправдания жертв преследования по ложным доносам. В этой связи понятна роль названных текстов для невинно пострадавшего узника, каким естественно считал себя Максим во время своего заточения. И действительно, в своих оригинальных сочинениях тверского и московского периодов, как обличительных, так и апологетических, Максим Грек широко пользовался этими выписками. Именно они служили ему как бы творческим ядром для многих полемических выступлений.

"Повесть об Эсфири" – ранее не исследованный и неизвестный церковнославянский перевод с греческого всей книги Эсфирь, появившийся впервые в рукопис-

* © Х.М. Олмстед

¹ Эта статья основана на докладе, прочитанном на Международной научной церковной конференции "Славянская Библия – ее история и вопросы изучения", М., 19–23 июня 1990 г.

² О типах "собрания" сочинений см.: *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 223–279; *Olmsted H.M.* Studies in the Early Manuscript Tradition of Maksim Grek's Collected Works: PhD Diss. Harvard University, 1977. 2 vol.; *Idem.* Modelling the Genealogy of Maksim Grek's Collection Types: The "Plectogram" as Visual Aid in Reconstruction. Presented at Workshop on Medieval East Slavic Culture, University of California, Los Angeles, June 2–7, 1990 (typescript, 26 p.); to appear in Proceedings of the Workshop.; *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984.

³ Здесь и далее указания на сочинения и переводы Максима Грека сопровождаются номерами по списку, опубликованному в кн.: *Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 39–215. (Далее: Иванов).

⁴ Анализу источников, рукописной традиции и языка этих текстов, выявлению их связи с творческой деятельностью Максима Грека посвящен ряд работ, написанных автором настоящей статьи.

ной традиции в сопровождении сочинений Максима Грека⁵. Текст пестрит стилистическими особенностями, которые, вместе взятые, свойственны сочинениям Максима Грека. В переводе точно передается специфический греческий состав книги в отличие от более латинизированного варианта в Геннадиевской Библии. Можно думать, что Максим, ознакомившись с характером состава и качеством перевода в Геннадиевской Библии, был не удовлетворен и мог прийти к мысли о необходимости собственного перевода. Обращает на себя внимание тематическая созвучность книги Эсфирь с пророческим текстом, упомянутым выше. После смерти Максима Грека этот перевод оставался образцовым. Именно им в качестве основного источника текста книги Эсфирь воспользовались редакторы Острожской Библии для издания 1581 г.

Тексты "Повести о Голиафе" и "Сказание о Давиде", подобно Пророческим выпискам, представляют не новый перевод, а выписки из ранее существовавших библейских текстов. Причем их источник довольно неожиданный: выписки в основном дословно повторяют соответствующие места Библии Фр. Скорины⁶. Это позволяет сделать вывод о том, что Повесть о Голиафе содержит первую фиксацию появления текста Скорины в Московской Руси. Следовательно, Библия Скорины была известна в Московской Руси более чем на полвека ранее, чем было принято считать⁷.

В настоящей статье разбирается еще одно сочинение, характерное для некоторых типов рукописных сборников вместе с упомянутыми библейскими текстами. Это сочинение озаглавлено так: "Иосипа Иудеанина слово о том, яко благочестивый помысл самодержец есть стражем. И сие являет от вышеестественаго терпения, еже к горчаишим мукам Маккаевов, мученых бывших Антиохом". Оно начинается словами: "Философское слово поведати хотя, аще убо самовластен есть стражем благочестивый помысл..." Находится это "Философское слово" (далее: ФС) в группе рукописей, относящихся к разным "типам" сборников сочинений Максима Грека, но обнаруживающим ряд особо тесных связей между собой. Можно думать, что эти сборники сохраняют следы начальных этапов составления Максимом собрания своих сочинений. К ним относятся⁸:

1-й тип – представлен одной рукописью РНБ. Q.1.219 (конволют XVI–XVII вв.)

Л. 512–531 об.⁹ Список П1.

2-й тип – "Синодальный тип", возникший в XVI в., представлен семью рукописями, среди них:

– рукопись конца XVI в. Париж, Bibliothèque Nationale, MS Slave 123. Л. 353–363. Список Р;

⁵ Taube M., Olmsted H.M. "Povest o Esfiri": The Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther // Harvard Ukrainian Studies. 1988. II. N 1/2. P. 100–117.

⁶ Книги Царств. Выложены доктором Франциском Скорининым сыном из славного города Полоцка, на русский язык. Прага, Иждивением Богдана Онькова, 10.VIII 1518.

⁷ Olmsted H.M. Maksim Grek's "Povest' o Goliafe" and the Skaryna Bible. To appear: Preliminary Version Presented at the Library of Congress Conference on the Millenium of the Baptism of Rus', Wash. (D.C.), May 26–27, 1988. Материал этого доклада уже суммируется в книге московского исследователя Е.Л. Немировского (Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя. М., 1990. С. 488–489). Правда, в передачу материала вкратце некоторые небольшие искажения.

⁸ Пользуюсь в основном терминологией Н.В. Сяницыной (Указ. соч. С. 223–279) с учетом некоторых дополнений и уточнений, введенных впоследствии другими исследователями. См.: Буланин Д.М. Указ. соч. С. 220–251.

⁹ Основное описание см.: Калайдович К.Ф., Строев П.М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825. С. 399–400. См. также: Olmsted H.M. Studies in the Early Manuscript Tradition of Maksim Grek's Collected Works. P. 80–122, 339–349; Буланин Д.М. Указ. соч. С. 40–41, 249; и др.

– ГИМ Син 191/491. Рукопись конца XVI в. Л. 602 об. – (613)¹⁰ и др.
Список Сн.

3-й тип – Музейный тип, возникший в конце XVI – начале XVII в., представлен тремя рукописями, среди них:

– рукопись начала XVIII в. БАН 31.4.7. Л. 294–302 об.¹¹ и др. Список Б.

4-й тип – "Собрание в 151 главу" XVII в. представлен восьмью рукописями, среди них рукопись 1620-х годов РГБ ТСЛ 201. Л. 112 об. – 120 об.¹² и др.
Список Г2.

5-й тип – представлен одной рукописью 1660 г. РНБ Солов. 495, восходящий в соответствующем разделе к рукописи ТСЛ 201. Л. 329 об. – 340¹³.
Список Сл.

Кроме указанной группы сборников сочинений Максима Грека, ФС находится еще в одном сборнике второй половины 50-х – начала 60-х годов XVI в., возникшем в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря. Это рукопись
– РНБ Q.1.214. Л. 274–292 об.¹⁴ Список П2.

Кроме ФС, в этом сборнике содержатся еще два сочинения Максима Грека (соответствующая часть рукописи написана рукой Дмитрия Лапшина¹⁵, а также сочинения Иосифа Волоцкого и митрополита Макария, монашеские и уставные сочинения.

"Философское слово" упоминается в опубликованных описаниях всех названных рукописей, начиная с Калайдовича и Строева (1825), и числится у Иванова под № 73; оно упоминается еще и некоторыми другими исследователями. Впервые определили библейский источник ФС А.В. Горский и К.И. Невоструев¹⁶, указавшие, что ФС представляет собой несколько сокращенный перевод IV книги Маккавеев. Церковнославянский текст ФС не был предметом исследования; не известны попытки установить время возникновения перевода и определить первоисточник.

Четвертая книга Маккавеев как таковая (далее: Макк IV) представляет собой проповедь и философский трактат, доказывающий победу разума над страстями. Одновременно IV книга является своего рода памфлетом, призывающим к сохранению вероисповедальной чистоты и стойкости евреев при лютых гонениях извне.

Центральным ядром всех рассуждений является история о героической смерти (около 168 г. до н.э.) маккавейских мучеников: и престарелого иерея Елеазара, и семи братьев вместе с их матерью, подвиг которых прославляется в книге. История эта принимает особый облик в книге Макк IV. Очень ярко и подробно

¹⁰ Описания соответственно см.: *Langeler A.J. Maksim Grek, Byzantijn en Humanist in Rusland*. P. 174; *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Т. II. 2. С. 573. Здесь и далее ссылка на конечный лист, взятая в квадратные скобки, указывает на окончания, когда по описям известен только лист, где начинается следующий текст.

¹¹ *Срезневский В.И., Покровский Ф.И.* Описание рукописного отделения Библиотеки Имп. академии наук. СПб., 1915. Т. II. С. 86; *Синицына Н.В.* Указ соч. С. 271–272.

¹² *Арсений, иеромонах, Иларий, иеромонах.* Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (ЧОИДР; 2). М., 1878. Т. I. С. 208.

¹³ *Порфирьев И.Я., Вадковский А.В., Красносельцев Н.Ф.* Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Т. I. С. 489. Заключение о происхождении рукописи сделано автором.

¹⁴ *Калайдович К.Ф., Строев П.М.* Указ. соч. С. 217; *Плигузов А.И.* и др. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1988. Т. IV. С. 717 и сл.

¹⁵ Другие два сочинения Максима: "Слово о том, яко промыслом Божиим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устрояются" (Иванов. № 158. Л. 292) и "Слово на Агарянскую прелесть и умысливаша ея сквернаго пса Маамефа" (Иванов. № 142. Л. 313–366 об.). См. также: *Клосс Б.М.* О рукописях, написанных Дмитрием Лапшиным // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 139.

¹⁶ *Горский А.В., Невоструев К.И.* Указ. соч. С. 573.

описываются мучения героев за отказ вкусить запрещенную еврейским законом свинину и тем самым предать веру своих отцов. Повествуется, как иерей и все семь братьев один за другим, поощренные матерью, принимают охотно, даже радостно лютейшие мучения и смерть, но не изменяют вере отцов. Источником Макк IV, очевидно, послужила II книга Маккавеев (далее: Макк II) 6:18–7:42¹⁷, хотя материал заимствован не буквально. Особый раздел Макк IV посвящен мужеству матери, которая вопреки материнским чувствам и слабости ее пола не только принимает мучение сыновей, но и поощряет и даже управляет ими, а потом, после смерти младшего сына, сама бросается в огонь.

Как мы отмечали, книга Макк IV является одновременно и философским трактатом и как бы гражданским религиозным призывом. В повествование влетает сначала и до конца целая цепь рассуждений и обращений от автора, указывающих, как благочестивый разум ("помысл") может и должен восторжествовать над насилием и эмоциями. Автор призывает своих слушателей учитывать уроки этой истории, брать пример с мучеников и руководствоваться тем же благочестивым разумом.

Книга Макк IV написана выразительным своеобразным, чистым эллинистическим языком. По стилю и содержанию предполагают, что ее автор был эллинизированный еврей. Появившийся к середине I в. н.э. Макк IV начинают иногда помещать рядом с каноническими книгами Ветхого завета в ранних греческих списках Септуагинты. Макк IV встречается в двух из трех знаменитых унциальных списках Библии IV–V вв. (в кодексах синайском и александрийском), а в третьем (в кодексе ватиканском) отсутствует¹⁸. Книга Макк IV известна также в ряде других греческих рукописей¹⁹. Текст дошел до нас в сирийском²⁰ и латинском²¹ переводах. В течение многих веков, еще с IV в. н.э., авторство Макк IV приписывалось Иосифу Флавию (ошибочно, как сейчас принято считать)²². Соответственно в греческих источниках книга часто встречалась под такими заглавиями, как Ἰουσιφλου λερὸ σαββωροῦ λογισμοῦ. Это отражается и в приведенном выше церковнославянском заглавии ФС ("Иосипа иудеянина слово...").

Макк IV играл своеобразную роль в христианское средневековье. Хотя героями ее были не христиане, а иудеи, но книга эта воспринималась благоговейной христианской традицией как образец протоагиографический, а сами страстотерпцы как прототипы христианских мучеников²³. К примеру Маккавеев очень почтительно относились многие мыслители и отцы церкви, в том числе Августин, Амвросий Медиоланский, Григорий Богослов, Евсевий Кесарийский, Иоанн

¹⁷ См.: Dupont-Sommer A. Le quatrième livre des Machabees. P., 1939. P. 26–32; Hadas M. The Third and Fourth Books of Maccabees. N.Y., 1953. P. 92–95. Оба автора отвергают аргументацию Фрейденталя, который возводил и II, и IV книги Маккавеев к несохранившемуся общему источнику, написанному Ясоном Кирийским. См.: Freudenthal J. Die Flavius Josephus beigelegte Schrift ueber Herrschaft der Vernunft (IV Makkabaerbuch): Eine Predigt aus dem ersten Jahrhundert. Breslau, 1869. P. 72–90.

¹⁸ См.: Charles R.H. The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English. Vol. II, Pseudepigrapha. Oxford, 1978. P. 654; Dupont-Sommer A. Op. cit. P. 4–5. Иванов (С. 68. № 73) ошибочно указывает на присутствие текста и в кодексе ватиканском.

¹⁹ См.: Freudenthal J. Op. cit. P. 120–127; а также Dupont-Sommer A. Op. cit. P. 4–5.

²⁰ Bensly R.L., Barnes W.E. The Fourth Book of Maccabees and Kindred Documents in Syriac. Cambridge, 1895.

²¹ Doerrie H., Passio S.S. Machabaeorum: Die antike lateinische Uebersetzung der IV Makkabaerbuches // Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch = Historische Klasse. 3. Folge, Göttingen, 1938. N 22.

²² Dupont-Sommer A. Op. cit. P. 1; Hadas M. Op. cit. P. 114; Charles R.H. Op. cit. P. 654.

²³ Dupont-Sommer A. Op. cit. P. 1; Hadas M. Op. cit. P. 123–127; Winslow D.F. The Maccabean Martyrs: Early Christian Attitudes // Judaism. 1974. Vol. 23, N 1. P. 78–86; Dunbabin J. The Maccabees as Exemplars in the Tenth and Eleventh Centuries // The Bible in the medieval world: Essays in Memory of Beryl Smalley. Ed.K. Walsh, D. Wood. Oxford, 1985. P. 31–41.

Златоуст, Киприан Карфагенский и Ориген²⁴. На основе именно IV книги Маккавеев св. Григорий написал свое Слово похвальное в честь Маккавеев; возможно, что и Златоуст имел этот текст в виду в своих сочинениях о Маккавеех²⁵.

Особенно почиталась эта книга, по-видимому, именно на православном Востоке. Однако она не входила в канон Священного писания, а читалась и переводилась как внушительный и вдохновляющий образец твердой решительности отстаивать веру перед самыми ужасными угрозами, продолжая считаться тем не менее апокрифом или псевдоэпиграфом²⁶.

На Русь книга Макк IV попала относительно поздно. Все известные рукописи, содержащие ФС, не старше 60-х годов XVI в. (см. выше); оно не вошло ни в Геннадиевскую Библию, ни в Острожскую. Редкие ссылки на древнерусскую версию, приводимые западными исследователями книги, ограничиваются указаниями известных сборников Максима Грека (ТСЛ. 201 и ГПБ Сол. 495)²⁷. Ниже постараемся доказать, что русский (церковнославянский) перевод принадлежал Максиму Греку.

К числу специфических особенностей языка Максима Грека относится употребление окончания -ех (-их) в родительном падеже существительных²⁸, они широко представлены в ФС²⁹.

Примеры: все бо сии презревше *болезнех*... (гл. 1.9; П1 л. 513; Р л. 353 об.); со слезами моляше *евреех*... (гл. 4.11; П1 л. 514; Р л. 354); отрещися иудейскаго закона и *обычаех*... (гл. 4.26; П1 л. 515; Р л. 354 об.); каждого от *евреех* приулавити... (гл. 5.2; П1 л. 515 об.; Р л. 354 об.); противу мучителейых *хитрословиих*... (гл. 6.1; П1 л. 518; Р л. 356); божественя премудрости *словесех*... (гл. 7.9; П1 л. 520 б.; Р л. 357 об.); Послушайте убо, и *властелех* вас поставлю... (гл. 8.7; П1 л. 521 об. – 522; Р л. 358 об.); стыдимся бо *прародителех*... (гл. 9.2; П1 л. 522 об.; Р л. 359).

Наблюдения над языком сочинений Максима Грека позволяют сделать вывод о том, что формы родительного множественного на -х свойственны более консервативной рукописной традиции, употребляемой М. Греком. Нормализованные формы соответствуют последующей рукописной традиции³⁰. Например,

²⁴ *Freudenthal J.* Op. cit. P. 29–36; *Dupont-Sommer A.* Op. cit. P. 2–3; *Winslow D.F.* Op. cit. P. 78–86.

²⁵ Grēgórios Nazianzēnós. Oratio XV: in Machabaeorum laudem; λόγος 15: ἐτζτοῦς Μακκαβαίου // *Patrologiae cursus completus*, ed. J.-P. Migne. Series graeca; V. 35, cols. 911–934; *Idem*. Panegyrique des Macchabees / Texte revu et annoté en français par M.J.H. Verin. 3. éd. P., 1903. О предполагаемом употреблении Макк IV Златоустом см.: *Freudenthal J.* Op. cit. P. 30–32.

²⁶ *Doerrie H.* Die Stellung der vier Makkabaeerbuecher in Kanon der griechischen Bibel // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften. Philol.-Hist. Kl.; Fachgruppe 5: Religionswissenschaft 1–2*, Göttingen, 1937. bd. 1–2.

²⁷ *Bonwetsch G.N.* Die christliche vornicänische Litteratur in altslavischen Übersetzungen // *Harnack A.* Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. 2. erw. Aufl. Leipzig, 1958. T. 1: Die Ueberlieferung und der Bestand. Ibid. 2. S. 917. (Reprint. Leipzig, 1968). Там же высказывается предположение, что текст можно связать с Максимом Греком. Отсюда без новых сведений заимствует ссылку на церковнославянский перевод также и Дюпон-Соммер (см. *Dupont-Sommer A.* Op. cit. P. 6).

²⁸ Другие примеры и ссылки на литературу см.: *Taube M., Olmsted H.M.* Op. cit. P. 103–104; *Olmsted H.M.* Maksim Grek's "Letter to Prince Peter Shuiskii". P. 296–297.

²⁹ Примеры (не полный список) приводятся по рукописи РНБ Q.1.219 (П1). Разночтения по всем текстам проверены по рукописи Paris. Bibliotheque nationale. MS slave 123 (Р), а для рукописей типа Б, Сл, Сн, П2, Т2 разночтения в заглавии и вначале выбраны только по печатным описаниям.

³⁰ Такая тенденция к нормализации наблюдается довольно часто и в Казанском издании сочинений Максима Грека (В 3 т. Казань, 1859–1862). Обсуждение одного примера см.: *Olmsted H.M.* Maksim Grek's "Letter to Prince Petr Shuiskii": The Greek and Russian Texts // *Modern Greek Studies Yearbook*. 1987. Vol. 5. P. 288.

нормализованная форма род. пад. мн. ч. на -в встречается в рукописях Р и П1, но в некоторых других встречаются формы и на -х: ...грѣчайшим мукам *маккавеов*, мученых бывших антиохом (Заглавие; П1 л. 512; Р л. 353).

Заметим, что встречаются и обратные примеры, а именно формы род. пад. употребляются в тех случаях, где нормально ожидаются формы мест. пад.³¹, например: ...о множайших *неправдованиш* подимеши от небеснаго суда болшу муку (гл. 11.3; П1 л. 526 об.; Р л. 361 об.).

Для языка Максима Грека характерно также употребление форм местного падежа вместо винительного со значением направления.

Примеры: и Аполоний пад на *земли* исполу живъ, на небо руце простре... (гл. 4.11; П1 л. 514; Р л. 354); и падыи на *земли*³² от еже не тръпети телу болезней... (гл. 6.7; П1 л. 518 об.; Р л. 356 об.); по что въ таких *лютых* себе без ума влагаеши, о Елеазаре? (гл. 6; П1 л. 519; Р л. 356 об.); и соки смръдяща в *ноздрах* вливаху (вместо в ноздри) (гл. 6.25; П1 л. 519 об.; Р л. 357); повръже себе въ *ражженных сковрадах*, и сице душу испусти... (гл. 12.19; П1 л. 529 об.; Р л. 363)³³.

Особенно типичной чертой языка Максима является последовательное употребление причастия на -л плюс *еси* вместо аориста для глаголов 2-го лица ед. числа. Подобное употребление нельзя считать решающим, но оно достаточно показательно³⁴.

К специфическим особенностям языка Максима Грека относятся также случаи употребления форм родительного падежа вместо винительного для неодушевленных предметов и смешение форм родительного и винительного падежей в одной синтагме³⁵. Например: ...учить яко *всякого труда и болезнь* волею терпети... (гл. 5.23; П1 л. 517 об.; Р л. 355 об.); стояща имееши и неуклонна помысла (гл. 6.7; П1 л. 518 об.; Р л. 356 об.).

В текстуальном отношении церковнославянский перевод ФС несколько сокращен в сравнении с греческим оригиналом. Присутствует весь повествовательный сюжет истории о столкновениях между царем Антиохом и мучениками, воспроизводятся все сцены, все разговоры между гонителями и героями, но довольно часто повествовательная структура как бы сгущается. Опускаются некоторые стилистические украшения либо излишние подробности, благодаря чему ускоряется действие, концентрируется внимание на главном. Самыми типичными в этом отношении являются две категории пропусков.

1. Опускаются риторические обращения, объяснения и восклицания, которых в тексте оригинала достаточно много; они могут принадлежать как автору, так и действующим лицам. Можно думать, что такое подчеркивание, украшение могли казаться переводчику избыточными. Сюда относятся также и опущение некото-

³¹ Другие примеры у Максима Грека см.: *Taube M., Olmsted H.M. Op. cit. P. 103–104; Olmsted H. Studies in the early manuscript tradition. P. 257–258, 401–404; Idem. Maksim Grek's "Letter to Prince Peter Shuiskii". P. 297.*

³² В рукописи Р возможно исправление "на землю" (в микрофильме читается не вполне ясно); в П1 (518 об.) "земли".

³³ Другие примеры у Максима см.: *Taube M., Olmsted H.M. Op. cit. P. 104; Olmsted H. Studies in the early manuscript tradition...; Idem. Maksim Grek's "Letter to Prince Peter Shuiskii". P. 296.*

³⁴ *Freydank D. Sein und Werden im Kirchenslawischen des 16. Jahrhunderts: Zu Maksim Greek III // Zeitschrift für Slawistik 1981. Bd. 26, H. 5. S. 710–714; Успенский Б.А., Живов В.М. Grammatica sub specie theologiae: Претеритные формы глагола 'быти' в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Russian Linguistics. 1986. Vol. 10. P. 259–279; Кравец Е.В. Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века. (Машинопись).*

³⁵ На эту особенность языка Максима еще обращал внимание А.И. Соболевский. См.: Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков; Библиогр. материалы. СПб., 1903. (Сб. ОРЯС; Т. LXXIV). См. также: *Taube M., Olmsted H.M. Op. cit. P. 104.*

рых подробностей обличительных обращений мучеников к царю Антиоху (например, вместо длинного греческого обращения в восьмой главе (8.29), в русском тексте встречаем только: "но и противу отвещаша мучителю"). Подобные случаи отмечаются особенно в начале текста.

При этом переводчик-редактор опускает длинные вводные философские рассуждения перед началом повествования, на шве, возникшем при пропуске (между 1.9 и 4.1), он вставляет от себя, "начну же повесть отсюда".

2. Опускаются также и описания специфических видов мучений, перечисления конкретных инструментов мучения и наглядных физических подробностей, сообщающих, как именно страдали мученики. Переводчик-редактор ограничивается общими фразами: "биаху и горко мучаху всяческими муками лютейшими" (9.14), или "по умертвии же его" (9.28), или "горчайшими муками люте и озлобяху якоже и прежних" (10.8), или "к мукам приве[д]ше мучаху люте" (11.19).

Кроме того, можно наблюдать замену других редких греческих терминов на обычные приблизительные русские эквиваленты. Возможно, переводчик стремился усилить звучание повести или избежать излишних сложностей при незнании точного русского термина.

Иногда можно предполагать у автора неполное владение русским языком. Выразительным примером этого является, на наш взгляд, употребление слова "сковрад" в мужском роде вместо "сковрада" (12.10). Например, и притек близ к некоему раженному сковраду (гл. 12.10; П1 л. 528 об. – 529; Р л. 362 об.).

В Картотеке древнерусского словаря Института русского языка РАН (далее: КДРС) среди множества форм от слова "сковрада" не встречается ни одной формы этого слова в мужском роде. В цитате "сковрад" из Лицевого букваря Кариона Истомина XVIII в., при проверке по источнику, указанная форма оказалась формой родительного падежа множественного числа женского рода:

Сосцем ученья в словесех питайся,
стклянницы, сковрад в излишестве ошайся³⁶.

Любопытно также олицетворение премудрого Слова, к которому обращается в мужском роде: "ниже посрамлю тебе, премудрый слове" (φιλόσοφε λόγε, 5.35).

В своих попытках следовать как можно точнее греческому оригиналу переводчик иногда прибегает к довольно своеобразным оборотам.

Примеры: съ... тяжчайшим воинством (гл. 4.5; П1 л. 513 об.; Р л. 353 об.) от кошунатаго³⁷ учительства вашего (гл. 4.5; П1 л. 516; Р л. 355); прием область глаголана (гл. 5.15; П1 л. 516 об.; Р л. 355 об.); стояща³⁸ имеше и неуклонна помысла (гл. 6.7; П1 л. 518 об.; Р л. 356 об.); братолепне (гл. 10.12; П1 л. 525 об.; Р л. 361); аще и отимеши гласовное³⁹ орудие (гл. 10.18; П1 л. 526; Р л. 361); не стыдился еси, человек съй, зверивейший ты, подобострастных⁴⁰ и от тех же бывших стихиех языки их отрезати и таким образом мучити и озлобити (гл. 12.13; П1 л. 529; Р л. 363).

³⁶ *Истомин К.* Лицевой букварь Изд. и исслед. Ивана Тарабарина // Древности, изд. Моск. археол. о-вом. 1916. Т. 25. С. 288 (в отд. изд. с. 40). См. также табл. XXXIV, где приводится им. пад. ед. ч.: "сковрада".

³⁷ Данное производное от "кошуну" не встречается ни в "Словаре русского языка XI–XVII вв." (М., 1975), ни в КДРС, ни в "Материалах для словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского – только "кошунать" (в КДРС и Срез. – также "кошунание").

³⁸ Эта форма, по-видимому, гапак в данном значении. В пособиях, включая КДРС, "стоящ/стоящий" не встречается в значении "прямой". См. также по отношению к падежным формам.

³⁹ Гапак в данном значении?

⁴⁰ Подострастных – Р (слог опущен в конце строки; П1 лучше соответствует оригиналу (Γρч. ομοιοπαθεῖς)).

Любопытная форма "зверивейший" тоже представляется довольно своеобразной и изолированной. Однако, по показаниям КДРС, она встречается еще один раз в древнерусской литературе... в одном из сочинений самого Максима Грека, причем в контексте, близком к цитированному выше:

"...тогда бо обретаются не мали, иже мученичьски сплѣчатыя противу богоборца твердыми оружии веры и любви, яже в Спаса Христа, и посрамят нечестиваго в силе Христове и мученическими венци венчаи будут, светлейшими древних святых мученик, поелико *зверивейшему* гонителю всех, иже прежде его мучителей, противуплѣчащися горчайших мучений потрѣпят"⁴¹.

Переводчика интересует не столько целостность всего текста как буквального целого, сколько верность центральной повествовательной линии, что подразумевает буквальную верность тем пассажирам, которые эту линию проводят. Уменьшается, иногда до исчезновения, роль исторического фона, философских и назидательных отступлений, украшений и избыточных подробностей, характерных для греческого оригинала. Голос нарратора, столь настоятельный в оригинале, в переводе отступает на второй план. Все это осуществляется не путем пересказа, а главным образом простым опущением ненужных мест, с самым легким применением того, что можно назвать "нарративным клеем" для сглаживания швов и связывания кусков текста.

Это ведет к странному положению, что, с одной стороны, это не полный перевод, но с другой – перевод очень точный и верный. Если местами русский текст пропускает тот или иной второстепенный для переводчика материал и перескакивает несколько вперед, то затем опять начинает воспроизводить перевод оригинала с предельной точностью.

Ясно, что переводчик понимал греческий оригинал превосходно. Он свободно занимается словотворчеством и творчески справляется с поставленной перед особой задачей – оставаться близким к оригиналу. Знания церковнославянского языка, по-видимому, были у него несовершенны: отмеченная близость к греческому оригиналу иногда достигается нарушением норм русского церковнославянского языка. В языке перевода остается множество своеобразных черт, воспроизводящих греческий синтаксис или словотворчество, необычных для русской речи. Все это представляет собой как раз те конкретные черты, которые со все большей уверенностью мы связываем именно с творчеством Максима Грека. Для него характерна и та манера обработки текста, о которой шла речь выше. Та же самая процедура "сгущения" путем опущения излишнего и сглаживания получившихся швов наблюдается и в тексте "Повести о Голиафе". Этот прием проявляется и в его выборе пророческих фрагментов.

По содержанию история о Маккавеях, подобно другим библейским книгам и фрагментам, встречающимся рядом в рукописях Максима, могла привлечь внимание и симпатию заключенного монаха своими многочисленными обличениями гонителя и призывами отстоять веру в самых трудных обстоятельствах.

Итак, языковые, переводческие, редакторские, тематические черты ФС роднят этот перевод с известными сочинениями и переводами Максима Грека.

⁴¹ Цит. по рукописи: Ак 42. Гл. 28, Л. 298 об. – 299. Соответствующее место встречается в Казанском издании: Сочинения преп. Максима Грека. Казань, 1859–1862. Т. 3. С. 40 (с добавлением слов "и суровейшему" после "зверивейшему"). Из сочинения "Строка толкованна от Евангелия еже от Иоанна: ни самому мно миру..." (Иванов. № 259). Это "Слово" (обычно под более простым заглавием): Тогоже инока Максима от евангелия еже от Иоанна, нач.: Недоумеются мнози, и суть же, иже и не верно мнят реченое... (так в РГБ. Ак 42. Л. 297 об.) – встречается во всех прижизненных типах сборников сочинений Максима, за исключением одного Румянцевского (РГБ. Рум. 264, уникаму), а также и во всех остальных главных типах более поздних периодов.

Какая-либо одна черта в отдельности не могла бы служить убедительным аргументом, но вся совокупность определяет единый стилиевой профиль, очень характерный и специфичный для Максима Грека.

В литературе, посвященной библейстике ученого святогорца, встречается одна кажущаяся проблема, на которой следует остановиться. На наше "Философское слово" в свое время обратил внимание И.Е. Евсеев – известный исследователь библейских текстов, отметивший присутствие ФС в двух из названных нами рукописях (ГИМ Син 191/491, РГБ ТСЛ. 201)⁴². Но он заявляет, что тот же самый перевод находится не только в рукописях XVI в. (и позднее) рядом с сочинениями Максима Грека, но также в одной рукописи XIV или XV в. (РНБ Q.1.2 – цитат или указаний на листы не приводится)⁴³. Поэтому, утверждает исследователь, "этот перевод не может принадлежать Максиму Греку". Однако новый просмотр сборника Q.1.2. показывает, что ФС в нем отсутствует⁴⁴. Между тем, как мы уже видели, оно содержится в двух других рукописях, носящих похожие шифры (РНБ Q.1.219; Q.1.214) и не упомянутых в списке Евсеева (хотя со сборником Q.1.219 он был знаком и рядом упоминает его в перечне рукописей, содержащих другие библейские тексты, связанные с Максимом). Можно предположить, что в данном случае вкралась ошибка в обозначении шифра сборника Q.1.219, а затем при проверке даты рукописи "Q.1.2" неправильный вывод о датировке перевода "Философского слова" был вполне закономерен. Так или иначе, это кажущееся противоречие совсем не подрывает гипотезу о принадлежности перевода ФС Максиму Греку, а, наоборот, только служит лишним подтверждением.

На основании всего изложенного выше, переводчиком IV книги Маккавеев на русский церковнославянский язык следует признать Максима Грека.

Библейские тексты рукописях Максима Грека разнородны по источникам и обстоятельствам перевода, они неодинаково полны и завершены. Тем не менее они формируют гармоничное целое и тесно связаны тематически, стилистически и текстурально с оригинальным творчеством Максима Грека. Можно думать, что он собирал нужные библейские цитаты при помощи отмеченного выше "сгущения", переписывая и переводя тексты из разных источников. Впоследствии он пользовался ими в работе над своими оригинальными сочинениями. Следует предполагать, что перед нами – непосредственное отражение рабочих библейстических тетрадей писателя.

Отметим, что первая сохранившаяся копия ФС находится в рукописи, написанной в Иосифо-Волоколамском монастыре, там, где Максим провел шесть лет заключения после суда 1525 г. Возможно, его работа над переводом и собиранием библейских текстов относится к тому периоду его жизни (1525–1531). В то время не все библейские тексты были ему доступны, но намеченная тематика должна была особенно интересовать его. Известно, что по обвинениям, предъявленным ему на суде 1531 г., несмотря на запрет первого суда против чтения недозволенной литературы и писания вообще, он занимался и тем и другим. Отдельные тексты могли попадать к нему на короткий срок, из них он

⁴² Евсеев И.Е. Очерки по истории славянского перевода Библии: Черты бытовой истории славянской Библии с конца XV до XVIII века: К 200-летию со времен издания первого царского указа об усовершенствовании славянского текста Библии. П. Христианское чтение 238 (Дек. 1912). С. 1343.

⁴³ О рукописи РНБ Q.1.2 см.: Турилов А.А. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. С. 87. № 437. 4°, 250 л., п/уст., Библейские книги Ветхого завета: Иисуса Навина, Судей, Руфь, Царств. Данная рукопись, по-видимому, действительно относится к первой половине XV в.

⁴⁴ Автор выражает искреннюю благодарность Д.М. Буланину за его тщательный de visu просмотр РНБ Q.1.2 и сообщенные им наблюдения.

мог делать выписки. При таких условиях работы были закономерны разнообразность и неполнота материалов. Но это только догадки. Так или иначе, копии этих библейских текстов впоследствии вошли в русскую рукописную традицию, где в составе сборников сочинений писателя они дошли до нас. Библейские фрагменты в рукописях Максима Грека, в том числе его перевод IV книги Маккавеев, заслуживают внимания как источник для более полного освещения творческой деятельности ученого святогорца во время его пребывания на Руси.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СИСТЕМЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОЙ ТАЙНОПИСИ*

Книга М.Н. Сперанского "Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма"¹ подвела итог длительному периоду сбора, расшифровки и систематизации материалов по истории восточно- и южнославянской средневековой книжной тайнописи. В последнее время тема не привлекала большого внимания исследователей². Однако, несмотря на обобщающий характер монографии М.Н. Сперанского и богатство использованного в ней фактического материала, здесь, естественно, не могли быть учтены все существующие системы криптографии, в особенности малоупотребительные. Некоторым из них и посвящена предлагаемая работа.

1. Тайнописная таблица в Мясниковской Кормчей XV в.

Таблица находится в рукописи РНБ, Ф. II. 119³, на л. 218об., в правом столбце. Буквы таблицы, несомненно, написаны почерком писца⁴, поэтому ее с полным основанием можно считать современной кодексу и датировать первой четвертью XV в.⁵

Эта таблица (рис. 1) воспроизведена литографически Н.П. Лихачевым в примечании к разделу о датировке кодекса⁶, но не прочитана им. В оригинале рисунок выполнен киноварью, киноварью же написаны буквы в нечетных столбцах (в четных – чернилами) и две нижние строки, отделенные от верхних одним рядом клеток. Нужно отметить, что в публикацию таблицы Н.П. Лихачевым, вероятно в процессе изготовления клише, вкрался ряд искажений, вызванных в первую очередь графическим сходством некоторых букв. Так, выносная буква во второй клетке верхнего ряда в рукописи не О, а С, строчная буква под ней Н, а не И. Вторая буква во второй клетке второго ряда снизу в подлиннике У, а не Ц.

* © А.А. Турилов

¹ Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 4, ч. 3.

² Можно указать предложенную В.Л. Яниним версию прочтения княжеского имени в Уставе князя Всеволода (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 89–90) и опыт расшифровки поздних тайнописных систем Н.В. Энговатова (1. Тайнопись князей Барятинских и вопросы дешифровки древнерусских криптограмм // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 221–233; 2. Криптограмма на рукописи "Слова о полку Игореве" // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 104–106). Библиографию новейших работ по южнославянской криптографии см.: *Тифунович З.* Азбучник српских средновековних књижевних појмова. Београд, 1974. С. 319 (статья "Тајно писање").

³ Краткое описание кодекса см.: Правда Русская. М., 1963. Т. III (факсимильное воспроизведение текстов). С. 151–152.

⁴ Образцы почерка (с уменьшением) см.: Там же. С. 154–169.

⁵ Н.П. Лихачев (Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. I. С. СХVIII) относит создание рукописи примерно к 1405–1415 гг. Датировка кодекса концом XIV – началом XV в. в академическом издании Русской Правды (Т. III, С. [151]) представляется излишне ранней. Тем более неприемлема датировка рукописи второй половиной XIV в., приведенная в ПС XI–XIV (АЕ за 1965 г. С. 228. № 710).

⁶ *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение... С. 255. Таблица клиширована без сохранения графических особенностей оригинала, передавая лишь буквенный набор криптограммы (с сохранением выносных).

нѣ	ми	ра	дн	жн	
стн	го	мѹ	го	зн	
снн	бо	но	оу	ѣх	
оуѣ	вз	вь	ѣѹ	гр	
наа	зн	хо	лы	мѹ	
нѣ	ск	ѣа	дѣ	зс	
ѹм	ан	ть	ми	ѣм	
аз	ья	нм	ки	ка	
нр	тр	пр	мѹ	по	
чт	ѣб	на	зу	мз	
ши	щц	ѣѣ	рз	щѣ	лто
пѣ	гь	пзи	па	ѣѣ	ки

Таблица из Кормчей. РНБ. Ф. II. Л. 218 (снимок в кн.: Лихачев Н.П. Палеографическое значение бу- мажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1 С. 255)

Под таблицей имеется приписка, сделанная старообрядческим полууставом начала XIX в.: "Написаль в лѣ(т) **SVME**". Несмотря на явное несоответствие реальной даты рукописи и года, указанного в записи (1237 г.), до прочтения тайнописи могла существовать хотя бы тень надежды, что речь о попытке (хотя и не вполне удачной) расшифровать содержание таблицы. Однако прочтение текста таблицы убеждает в старом написанном правиле: если текст значительного объема записан довольно сложной тайнописью, то он обычно малоинформативен.

При попытке прочтения выясняется, что для записи использована комбинация двух систем тайнописи. Текст начинается с левого столбца, с третьей клетки снизу и читается в пределах клетки слева направо и далее снизу вверх.

Вероятно, писец хотел воспользоваться принципом бустрофедона (нечетные столбцы читаются снизу вверх, четные – сверху вниз), но не выдержал его последовательно – в четвертом столбце текст читается снизу вверх (а не сверху вниз, как следовало бы), и с этим порядком согласован пятый (последний) столбец, читающийся соответственно сверху вниз.

Эта часть таблицы содержит следующий текст: "чт / и р / азум / нѣ / и, да / оув(ѣ) / си и / сти / нѹну // мн(с) / го / бо / въ / зи / тк / ан / ѣя тр / еб(ѣ) // на / пр / ия / ть / е д(ѣ)хо / въ / но / му / ра // зу / му, / ки / ми / дѣ / лы / бу / оу / го / ди // мѣ. / По / ка / ем / ѣс / А ω(т) / гр / ѣх / ѣ и / жи..."

Два нижних ряда текста, отделенные от верхних столбцов промежутком в одну строку, читаются слева направо: "ши / щу / че / рь / щце / лто // пе / гь / ны / па / вѣки". Это окончание предшествующего текста, записанное с помощью простой литорей ("тарабарской грамоты"), в котором последнее слово оставлено незашифрованным: "...ви / бу / де / мѣ в б / ско / не / чь / ны / па / вѣки".

Следует отметить ошибку писца, возможно говорящую о том, что таблица могла быть скопирована с более древнего оригинала: в верхней клетке второго столбца выносная буква С вместо О.

2. Записи писца в украинском Ирмологии 1726 г.

В библиотеке Русского Пантелеймонова монастыря (далее: РПМ) на Афоне хранится украинский певческий Ирмологий на пятилинейных квадратных нотах⁷ (Slav. 96, старые шифры 106/1884⁸; XXVII /1/15). Рукопись на 299 л. (Л. 1 + + 297 + 1 литерный), размером 17,7 × 14,5 см. По записи писца на л. 201об. рукопись датируется зимой 1726 г. ("Скончился в сириду 1(ю) М (Четырдесятици. –

⁷ Рукопись не вошла в печатное описание славянских манускриптов монастырской библиотеки (см.: Tachiaos A.-E.N. The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981); обследована и кратко описана автором этих строк в сентябре 1983 г. (описание не издано).

⁸ Вторая цифра означает год поступления рукописи в монастырскую библиотеку.

А.Т.) в весы Голоскове Р(оку) 1726, месяца февруария 23"), чему не противоречат и водяные знаки⁹.

На боковом поле л. 150 и 150об. и 159–159об. имеются тайнописные записи особого вида. Их можно было бы принять даже за линии, оставшиеся от чистки пера о бумагу, если бы не их выписанность и то обстоятельство, что набор штрихов на лицевой и оборотной стороне листов по местоположению совпадает. На просвет штрихи лицевой и оборотной сторон образуют целые буквы. Содержание записи на л. 150: "Слава пчелнику и пчелѣ его". Запись на л. 159 сообщает о начале работы над рукописью: "Си Ярмолои зачался р(оку) 1726, месяца януа(рия) дня 4" – и согласуется с другими датами: на л. 201об. (см. выше) и л. 250об. ("Конец с богом, глас 8 на средопостную среду")¹⁰. Указание писца (возможно, им был Стефан, оставивший свою запись на л. 218об.: "Списася раб Стефан")¹¹ дает довольно редкую на материале восточнославянской книжности возможность выяснить производительность труда книгописца (в данном случае даже на двух отрезках времени: л. 201 с 4 января по 23 февраля и л. 49 с 24 февраля до 16 марта).

Система, примененная в записях Ирмолоя 1726 г., сродни системе так называемой "полусловицы", известной в рукописной традиции более раннего времени. Ею написаны (за исключением части л. 114) восточнославянская пергаменная Псалтырь Ватиканской библиотеки № 8¹² конца XIV (?) – начала XV в., и приписки в рукописи Синодального собрания ГИМ № 951 (Горский и Невоструев № 316) XV в. (л. 168об.)¹³, и в описи библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в.¹⁴ В отличие от названных примеров, где устранены отдельные элементы букв, разделение букв в Ирмологии (их, так сказать, "полусловность") проведено более последовательно, и это понятно, поскольку надпись для чтения на просвет не нуждается в сохранении того минимума сигнальных элементов для каждой половины знака, без которого древнейшая "полусловица" просто не может быть понята и разобрана. В славянской кириллической письменности система тайнописи, подобная афонскому Ирмологии 1726 г., не могла возникнуть ранее второй половины XV в., когда появляется тонкая бумага (пергамен славянских рукописей в отличие от высших сортов византийского или западноевропейского для этой цели тем более непригоден).

3. Тайнопись в русском переводе "Диоптры" 1861 г.

Сложную систему измененных знаков и букв латинского и греческого алфавитов применил в своей тайнописи нижегородский дьякон Стефан с поистине лесковской фамилией Буилло-Вельбудов, переведший в 1851 г. на русский язык "Диоптру" Виталия Дубенского (по кутеининскому изданию 1651 г.) и снабдивший ее главы стихами собственного сочинения. Рукопись эта, как и Ирмологий 1726 г., хранится в библиотеке Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне

⁹ Бумага с водяным знаком "почтальон", малого размера, типа Лауцявичюс, № 2749 (1720) и 2754 (1722). Ср. также филигранны в Служебнике 1723 г. из собр. Новонямецкого монастыря (НА РМ). № 13: (Овчинникова-Пелин В.) Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР (Коллекция Новонямецкого монастыря (XIV–XIX вв.). Кишинев, 1989. С. 380–381. № 2–5).

¹⁰ Средопостная среда (среда 4-й недели Великого поста) приходилась в 1726 г. на 16 марта.

¹¹ Запись на л. 218об. сделана скорописью, бесспорное отождествление ее с полууставными начертаниями тайнописи и записей на других листах затруднительно.

¹² См.: Джурова А., Станчев К., Япунджич М. Опис на славянские ръкописи във Ватиканската библиотека. С., 1985. С. 72–74. Табл. II, III. С. XI.

¹³ Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (фототип. переизд. М., 1979). С. 214.

¹⁴ Там же. Отдельные "полусловичные" начертания ряда букв (А, М, Ъ, "юс малый") встречаются в конце строк многих восточнославянских рукописей конца XIV – первой половине XV в. Однако этот материал не собран и не обобщен.

Іеромонахъ Іоиль Трѣцевинъ, Игуменъ
 со всею в Христе братією,
 монастыря общежи-
 тельнаго. Кѣтей:
 нскаго.

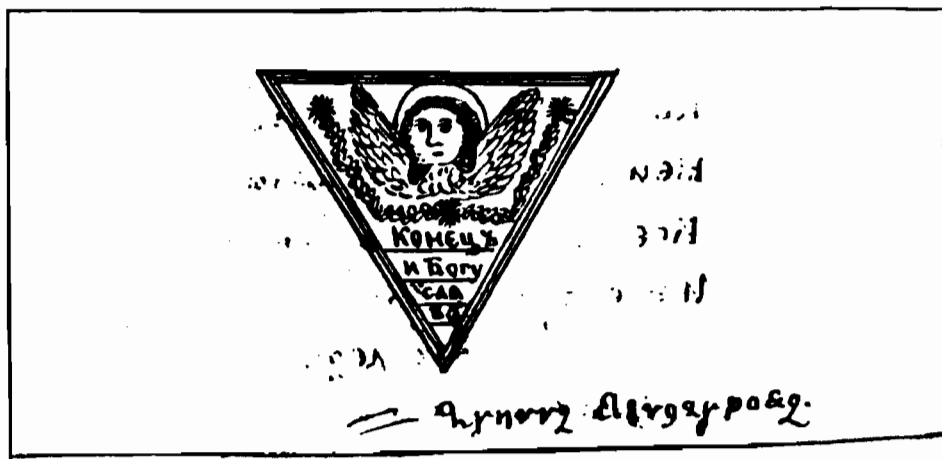
Иеверехо оу оуаеиакхалазо нашла жа бускиѣ
 оіе себрадо, уутхофехо ивреаивехіеиу оуисноу
 Ріакоихоу Збедакоту, - Дуиитова Аевдуро =
 = еиуа.

Еу роте утосвнтердхншз, Кнфхнаго Кавдало
 свара.

Б. В. 1681. года.

Тайнопись на л. V об. рукописной "Диоптры Виталия Дубенского" (РПМ. Slav. 35)

Тайнопись на л. 256 об. рукописной "Диоптры Виталия Дубенского" (РПМ. Slav. 35)

(Slav. 35)¹⁵. Тайнописных записей в ней две: одна пространная, в 6 строк (22 слова), на л. Vob. (4об. по старому счету) (рис. 2), после скопированного текста титульного листа издания, вторая короткая, в два слова, на обороте л. 256, после концовки (рис. 3). По облику тайнопись напоминает какое-то восточное письмо, хотя в отдельных знаках отчетливо видны начертания латинских и греческих букв. Хотя в данном случае мы имеем дело с тайнописью второй половины XIX в., все же она тесно связана с семинарской традицией более раннего времени. Такую криптографию с заменой кириллических начертаний видоизмененными греческими и латинскими нетрудно представить вышедшей из-под пера ученика Лихудов либо киевского бурсака XVII в.

Начальный материал для прочтения тайнописи дает краткая запись. Во всяком случае во втором слове уместно усмотреть фамилию писца, тем более что на л. 258 после текста оды "Триипостасное божество" стоит незашифрованная подпись "Б. Вельбудовъ". Число букв (10) в фамилии во втором слове тайнописи на л. 256об. совпадает. Можно указать и графические обоснования такого прочтения.

Первая буква – кириллическое В в зеркальном изображении. Девятая, которая в случае, если догадка верна, должна совпадать с первой, дает сходное начертание (незначительное отличие может объясняться разницей между скорописным и строчным вариантом). Третья буква – перевернутой кириллическое Л. Вторая буква сходна по рисунку с греческой ε ("эта") или это погреченый вариант кириллической буквы, известный в русской письменности с XV в. Четвертый знак – в виде цифры 9 – может рассматриваться как перевернутый зеркально вариант Ъ, где вертикаль заменена дугой. Пятая буква, сходная с цифрой 2, – зеркальный перевернутый вариант курсивного прописного Б со смещенной "крышкой". Шестая буква представляет нечто среднее между греческой "гаммой" (γ), кириллической лигатурой "ук" (Ѹ) и восходящим к ней У в гражданском письме XIX в. Седьмая буква в форме печатного строчного Р; вероятно, здесь следует видеть перевернутый зеркальный вариант латинского строчного d. Восьмая буква – О. Десятая буква сходна по начертанию с 5 (б), но в отличие от нее опущена под строку – зеркальный опрокинутый Ъ. Приняв отождествление второго слова с фамилией Вельбудовъ, можно прочесть пять букв из шести (кроме третьей) в первом слове: "Бу.ллъ". Третья буква (если слово не криптограмма), сходная с греческим "ипсилон" (η), должна быть гласной, поскольку три согласные в конце слова невозможны. Слово не является именем, как можно было бы предполагать по подписи "Б. Вельбудовъ". Так как для гласных Е, О и У на материале второго слова уже предложены определенные знаки, этой буквой может быть А, И, Э, Ю, Я. Учитывая начерк знака ("ипсилон"), наиболее предпочтительным является И.

Переходя к записи на л. Vob., нетрудно заметить, что окончание третьей строки и короткая четвертая содержат знаки, в большинстве содержащиеся в записи на л. 256об.: "...Бу.лло.ъ Вельбудов..ъ" Естественно предположить, что здесь читается та же фамилия в косвенном падеже, причем, учитывая окончание на Ъ, это может быть только творительный. В этом случае десятой буквой во втором слове ("ипсилон" с точкой внизу) должно быть Ы (сходство начерка с третьей буквой первого слова увеличивает вероятность того, что это, вероятно всего, И, как уже предполагалось), одиннадцатой – М (w – опрокинутый вариант строчного M).

Одиннадцатый знак идентифицируется следующим образом. Второе слово в первой строке состоит из двух букв и оканчивается на Ъ, следовательно, это

¹⁵ Описание рукописи см.: *Tachiaos A.-E.N. The Slavonic Manuscripts...* P. 86–87. Наличие тайнописных записей в рукописи здесь не отмечено. Кодекс суммарно датирован XIX в. Бумага рукописи без водяных знаков и штампов.

может быть только предлог (в, к или с). Буква начертанием сходна с греческой "сигмой". Начертание В уже известно по другим словам. Против отождествления этого знака с кириллическим К можно привести следующий аргумент. С этого знака начинается первое слово во второй строке, состоящее из трех букв (о том, что это не окончание слова, начинающегося на первой строке, свидетельствует отсутствие знака переноса), последняя из которых Е. Это не может быть местоимение "кое" (так как начертание О уже известно) или "кие" (так как в этом случае оно не согласуется со следующим словом, оканчивающимся на О). Следовательно, "сигма" тайнописи соответствует кириллическому С. Тогда вторая буква первого слова во второй строке (1) может быть только И, а учитывая написание перед гласным Е, это должно быть "И десятиричное", т.е. буква не изменена.

Слово "сие" в записях писцов обычно предшествует названию книги. Хотя второе слово во второй строке состоит из семи букв, это не может быть "Диоптра", поскольку можно отождествить вторую и две последние буквы: ".е...ло". В славянской традиции "Диоптру" принято было называть "Зерцало" (в XIX в. можно предположить и форму "Зеркала"), именно так книга названа в заголовке на л. VI ("Оглавление первого Зеркала"). Тогда З в тайнописи обозначается через вытянутое латинское S (знак интеграла), характерное для почерков XVI–XVII вв. Р дается в опрокинутом варианте (строчное латинское b), четвертый знак в форме прописного латинского R может заменять К или Ц (исходя из графики, латинское строчное г без верхушки мачты – вероятнее первый вариант); пятый знак – строчное кириллическое А, пишется без изменений. Гласный А исключается таким образом из числа букв, с которыми может быть отождествлен "ипсилон" тайнописи.

Отождествление знака для А дает возможность определить еще одну букву тайнописи. Пятое слово в первой строке состоит из двух букв, из которых вторая – А. Это не может быть союз "да", так как тайнописное Д определено уже в ключевой записи на л. 256об. Единственно возможный вариант – предлог "на", следовательно, знак, сходный с кириллическим строчным Х, соответствует в тайнописи Н (не вполне ясен графический источник знака – сдвоенное прямое и зеркальное греческое "ню" (ν) или видоизмененное латинское прописное N?).

Следующее за предлогом слово "рус. I." вносит уточнение в прочтение двух знаков, так как может быть прочитано только как "руский". Тогда четвертая буква второго слова второй строки несомненно К, а не Ц ("на русский сие Зерцало"), а "ипсилон" несомненно обозначает И (в слове "руский" над ним небольшая черточка – возможно, это знак краткости). Значит, полная фамилия писца – Буилло (Буилл)-Вельбудов.

Таким образом, выяснено тайнописное обозначение девятнадцати букв: А, Б, В, Д, Е, З, И, I, К, Л, М, Н, О, Р, С, У, Ы, Ъ, Ь. Это дает достаточные основания на определение оставшихся невыявленными букв по контексту:

"..ереведено съ славияньска. о иазыка на русский / сие Зерцало, и умно.ено прибавлениемъ с.и..овъ / .иакономъ ..е.аномъ, – Буилломъ Вельбудо / вымъ".

Въ доме умосри.ельны..ъ, Ни.ныаго Нова.о / .рада".

Прочтение пропусков, как видим, не составляет труда и практически не вызывает сомнений. П передается как кириллическое И или строчное Н, Я – через диграф ИА. Г встречается в двух вариантах. В первом, в слове "славянского", оно написано в форме цифры 2 и мало отличается от тайнописного Б (главным образом тем, что головка в данном случае в форме крючка, а не замкнутой петли) и читается в значительной мере по смыслу. Возможно, именно опасность смешения Б и Г заставила писца усовершенствовать начерк последнего знака: в пятой и шестой строках он пишет ее с головкой, отвернутой вправо (в первом случае практически без головки), приближаясь по начертанию к знаку фун-

та стерлингов (£), но без горизонтальных линий (в словах "Ни.ныаго Новаго града").

Ж изображается в форме латинского f (с петлей и внизу, перечеркнутого в середине косым крестиком (2,5: "умножено"; 5,4: "Нижняго").

Т пишется в двух случаях в виде перевернутого и опрокинутого прописного курсивного латинского (Г): 2,7: "сти..овъ"; 3,2: ".те.аномъ") и один раз просто в виде строчного: 5,3: "умозрительны..ъ".

Х передается латинскими ch (2,7: "стиховъ"; 5,3: "умозрительныхъ").

Заглавное Д пишется как латинское прописное курсивное P (P), что согласуется со строчным вариантом буквы p (13,1: "Диаконом").

Заглавное С пишется в форме курсивного латинского Z с косым штрихом сверху, а Ф – в виде скорописного варианта фиты, характерного для украинских и белорусских почерков XVI–XVIII вв. или курсивного "тэта" (4,2: "Стефаномъ").

Таким образом, в целом система базируется на видоизмененном начертании (перевернутые и зеркальные изображения) букв гражданского письма и применении букв греческого и латинского алфавитов с аналогичными изменениями.

Три гласные – А, I и О, имеющиеся во всех трех алфавитах, – оставлены в тайнописи без изменений. Одна (У) немного изменена (архаизирована). Для двух (Е, И) использованы буквы греческого алфавита. Й и Ы трактованы как варианты И (хотя в последнем случае можно было бы ожидать подобно Я диграф ЪИ или Ы) с дополнительными значками. Я передается через диграф ИА. Ю в тайнописи не встретилось, но, вероятно, оно было бы передано через диграф ИУ.

Редуцированные (Ъ и Ъ) даны в опрокинутом зеркальном изображении.

Согласные обнаруживают большее количество тайнописных приемов. Неизмененных начертаний здесь нет. Для трех букв использованы знаки из других алфавитов: С – греческая сигма, Ф – "тэта", Х – диграф ch. К этой группе примыкает К в виде латинской строчной с усеченным верхом мачты и З в форме вытянутого латинского s (возможно, под влиянием немецкого языка, где s перед гласными читается звонко).

Одна буква – В – представлена зеркальным кириллическим вариантом. Три – Л, М и Р – перевернуты. Б и П даны в перевернутом зеркальном варианте, при этом Б со смещенной крышкой. Г – в перевернутом прописном варианте. Д и Т – перевернутый зеркальный вариант латинской буквы.

Наиболее сложные изменения претерпели Ж и Н. В первом случае боковые укорочены до маленького косоугольного креста, что в сочетании с верхней петлей делает облик буквы полностью неузнаваемым. Для Н (поскольку греческая "ню" совпадает с Л криптографии) использовано соединение прямого и зеркального перевернутого варианта греческой буквы.

Как можно заметить, единый ключ, последовательная система в криптографии С. Буилло-Вельбудова отсутствуют, хотя для некоторых пар глухих и звонких согласных (Б–П, Д–Т, Л–Р) использованы общие приемы изменения. Тайнопись индивидуальна и не систематизирована до конца (отсюда варианты отдельных букв, возникшие в процессе ее применения).

Не все в тайнописной записи понятно и после расшифровки. Неясно, что такое "дом умозрительных". Если монастырь, то какой – Печерский или же Благовещенский? Или это духовная семинария?

Неоднозначно решается и вопрос о дате. Она обозначена как "1681". Прямое прочтение даты, естественно, исключается. Если предполагать, что мы имеем дело с копией записи 1681 г., сделанной во второй половине XIX в., то с этим не согласуются характер "стихов", дополняющих Диоптру, и ода "Трипостасное божество" с подписью С. Буилло-Вельбудова. У современника Симеона Полоцкого (если бы принять дату 1681 г. за реальную) это могли быть только силла-

бические вирши, между тем стихи здесь явно силлабо-тонические, а ода обнаруживает несомненное влияние Державина (ода "Бог 1780–1784 гг.):

Державин

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движенье вещества
Теченьем времени превечный
Без лиц, в трех лицах Божества
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не смог
Кто все собою наполняет
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем – Бог!

(Сочинения. М., 1985. С. 52)

С. Буилло-Вельбудов

Кто все собою наполняет,
Кто все собой создать возмог
Кто все собою оживляет,
Того мы называем Бог

(РПМ, Slav. 35, Л. 257)

Следовательно, возможны лишь два варианта прочтения даты: либо справа налево (1861, что и предположено в начале раздела), либо тоже справа налево, но в перевернутом виде (1891). Наконец, не исключена и описка в порядке расположения сотен и десятков, что также даст 1861. Бумага в данном случае тоже не позволяет уточнить датировку: как уже сказано, на ней нет ни филиграней, ни штемпелей, а исследование фактуры бумажного теста "на глазок" малорезультативно (можно лишь уверенно сказать, что бумага машинная, а не ручная веленевая без знаков, какая выделялась в 1830–1850-х годов и теоретически могла бы оказаться в рукописи начала 1860-х годов). В принципе против обоих вариантов прочтения есть возражения. Обе единицы написаны с "носиком" сверху слева, а после даты стоит точка, что, по всей видимости, указывает на направление чтения в обычном порядке. Однако это не исключает возможности описки, рассмотренной выше, либо замены цифр вследствие прямой мистификации. В обоих этих случаях наиболее вероятна дата 1861 г.

ИЗДАНИЯ СТОГЛАВА И ЗАДАЧИ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПАМЯТНИКА*

Стоглав – свод постановлений церковного собора 1551 г. – является одним из уникальных источников периода образования Русского централизованного государства. Разнообразие отразившихся в нем проблем русского общества XVI в., включение памятников более раннего периода (Устава Владимира, грамот Ивана III, произведений Иосифа Волоцкого, посланий киевских митрополитов Киприана, Петра и т.д.) привлекали и привлекают внимание ученых различных гуманитарных специальностей: историков, филологов, искусствоведов, этнографов, исследователей истории права. Тем не менее использование этого памятника в значительной степени затруднено.

Как научная ценность Стоглава, так и полемика, развернувшаяся вокруг него между сторонниками официальной церкви и старообрядцами, западниками и славянофилами, способствовали его неоднократному изданию. С середины XIX в. и до настоящего времени Стоглав издавался восемь раз (не считая переизданий и репринтов).

1. Лондонское (Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче в лето 7059. Лондон: Вольная русская типография, 1860).

2. Казанское (Стоглав. Казань, 1862; 2-е изд., 1887; 3-е изд. испр., 1911).

3. Д.Е. Кожанчикова (Стоглав. СПб., 1863; Репринт: Stoglav / Introd. by W.F. Ryan. School of Slavonic and East European Studies. Univ. London. Printed in Germany, 1971).

4. "Правила" (Правила, поставленные на соборе 1551 г. 23 февраля / Изд. Н. Калачова // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, 1860–1861. СПб., 1863. Кн. V. Отд. II.

5. Субботинское Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах. Стоглав. (Изд. Н. Субботина. М., 1890).

6. Макарьевский Стоглавник (Труды Новгородской ученой архивной комиссии. Новгород, 1912. Вып. 1–2).

7. Стоглав. М., 1913. Напечатан в Христианской типографии при Преображенском богадельном доме в Москве.

8. Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 241–500. Текст Стоглава передан по Казанскому изданию 1911 г., но с приближением к правилам современной орфографии.

В 1920 г. опубликован перевод текста Казанского издания на французском языке: Le Stoglav ou les cent chapitres / Trad. avec introd. et comment. par E. Duchesne. P., 1920. Т. V. (Bibliothèque de l'Institut français de Petrograd).

Однако при отсутствии источниковедческого исследования все многочисленные издания Стоглава не удовлетворяют требованиям современной науки. Изданные по случайным спискам, они требуют к себе критического отношения. С момента своего появления Стоглав – один из самых распространенных памят-

* © Е.Б. Емченко

ников: сохранилось около 200 списков XVI–XIX вв., большое количество выписок и разного рода извлечений – все это делает источниковедческое исследование крайне трудоемким. При таком разнообразии изданий и при отсутствии источниковедческого анализа рукописной традиции Стоглава в научных исследованиях ссылки на Стоглав также носят случайный характер¹.

При этом исследователи зачастую игнорируют источниковедческое исследование Стоглава Д. Стефановича, его выводы в отношении редакций: Полной, Краткой и Макарьевского Стоглавника (из которых, по его мнению, Полная – первоначальная, остальные – более позднего происхождения). Д. Стефанович дал также оценку известных ему публикаций Стоглава: Лондонского, Д.Е. Кожанчикова, Казанского и Н. Субботина. Кроме того, он указал на публикации фрагментов из Стоглава в Мирском потребнике 1639 г., в Актах исторических (т. 1, № 155) и др., подробно остановился на характеристике "Правил, поставленных на соборе 1551 г. 23 февраля" в издании Н. Калачова. Некоторые ученые считали "Правила" первоначальной редакцией, в действительности "Правила" представляют, по словам Д. Стефановича, извлечение из Стоглава Полной редакции, составленное "для целей пастырских и богослужебных"². На основании созданной классификации списков Полной редакции и исходя из того, что наиболее исправным списком Стоглава является список из библиотеки Новгородской Софии № 1515³, считая его наиболее близким к оригиналу и даже отождествляя его с ним, Д. Стефанович рекомендовал при обращении к Стоглаву использовать издание Н. Субботина, но с предпочтением вариантов, а не основного текста и Казанское издание⁴. Оценивая издания, Д. Стефанович сравнивал их "исправность" с текстом рукописи Соф. 1515 и вслед за А.С. Павловым, который готовил его к публикации, но так и не осуществил ее, Д. Стефанович предлагал положить его в основу нового научного издания⁵.

Как уже отмечалось выше, на изданиях Стоглава в большей степени отразилась непрекращавшаяся в течение нескольких веков полемика между православной церковью и старообрядцами в оценке Стоглава. Начало этой полемике было положено церковным собором 1666–1667 гг., осудившим постановления Стоглавного собора о двуперстии и сугубой алилуии. В связи с этим до реформ середины XIX в. Стоглав находится под цензурным запретом, на что неоднократно намекают сами издатели и рецензенты. "Рукописною тайною некоторых библиотек" называет издатель Лондонского Стоглава постановления собора 1551 г.⁶ Д.Е. Кожанчиков в предисловии замечает, что "тайна облекла его (Стоглав. – Е.Б.), что до сих пор ему не было выхода на вольный свет"⁷. П. Безсонов в рецензии на Казанское издание писал: "Мы получили истинный, драгоценный пода-

¹ В работах Л.В. Черепнина и С.О. Шмидта – ссылки на издание Д.Е. Кожанчикова и Макарьевский Стоглавник. См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978; *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. И.У. Будовниц использовал в своих работах Казанское издание 1911 г. См.: *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI в. Л., 1947. А.А. Зимин – издание Д.Е. Кожанчикова и в отдельных случаях Казанское и Н. Субботина. См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. Н.Е. Носов – издание Д.Е. Кожанчикова. См.: *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительной монархии и учреждений в России. Л., 1969. Г.А. Носова использовала Лондонское издание. См.: *Носова Г.А.* Язычество в православии. М., 1975.

² *Стефанович Д.* О Стоглаве. СПб., 1909. С. 27–28.

³ ОР РНБ. Соф. 1515. 4°. Ш + 210, полуустав, конец XVI в.

⁴ *Стефанович Д.* Указ. соч. С. 107–118.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Стоглав. Лондон, 1860. С. IV.

⁷ Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. СПб., 1893. С. 5.

рок... при законных успехах книгопечатания..."⁸ Недаром первое издание Стоглава выходит в 1860 г. в Вольной русской типографии, хотя публикуемые ею исторические материалы редко касались допетровской Руси⁹. Последующие за ним первые издания Стоглава в России – Казанское, Д.Е. Кожанчикова и "Правила" появляются в 1862–1863 гг. Выход четырех изданий одного памятника за четыре года свидетельствует о возросшем в условиях подъема общественно-политического движения в конце 50-х – начале 60-х годов интересе к памятнику, долгое время считавшемуся запретным. Поэтому появление печатного Стоглава сопровождалось острой полемикой в его оценке, развернувшейся на страницах периодической печати: славянофильской газеты "День", журналов "Православное обозрение" и "Православный собеседник".

Непосредственным издателем и автором предисловия Лондонского издания был А.И. – Андрей Гончаренко (настоящее имя – Гумницкий Андрей Онуфриевич). В 50-х годах он служил дьяконом в русской посольской церкви в Афинах. За разоблачительные корреспонденции, отправленные А.И. Герцену в Лондон, он был выслан в Россию, но по дороге сбежал в Лондон и с 1860 по 1861 г. был наборщиком в Вольной русской типографии. Поместил в "Колоколе" некролог о Т.Г. Шевченко¹⁰, а также статью о тяжелых условиях жизни крепостных Киево-Печерской лавры и необходимости освобождения крестьян с передачей земли в их собственность¹¹. Издание Стоглава преследовало прежде всего публицистические цели. Как считал автор издания, проблемы, обсуждаемые на Стоглавном соборе, сохранили свою актуальность и в XIX в.: "Прошло более трехсот лет от времени уложения собора, и не токмо ничто порушенное не исправилось, а как дело являет, чем далее, все более в горшее разслабление приходит... Ради достопочтимых отеческих преданий, в нем изложенных, да не останутся они более сокровенною тайною, а будут доступны всякому патриоту, читателю и хранителю древней истины..."¹²

Кроме того, издание в Вольной русской типографии Стоглава – памятника, популярного в среде старообрядцев, стоит в ряду тех мероприятий Герцена и Огарева, которые были направлены на привлечение старообрядцев к революционному движению как силы оппозиционно настроенной к существующему режиму (издание "Общего веча", публикация на страницах "Колокола" отдельных корреспонденций из среды старообрядцев, переписка с некрасовцами и т.д.)¹³.

В основу издания был положен список XIX в., о чем свидетельствует сделанная на нем запись: "Списан сей Стоглав с экземпляра, находящегося у Н.А. Полевого". Список неисправный, с большим количеством ошибок, отдельные места которого не мог разобрать и сам издатель, в чем он сам признается: "Печатаемая мы не изменили ни йоты против рукописи. Без всякого изменения удержан славяно-русский образ выражения, не однообразность выражений, и мы положили

⁸ Безсонов П. Новость в русской литературе: Издание Стоглава // День. М., 1863. № 10. С. 13.

⁹ Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Вольная печать. М., 1984. С. 301.

¹⁰ Колокол: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография, 1857–1867. Факс. изд. М., 1962. Вып. 3. С. 798.

¹¹ Там же. С. 716–718. В сентябре 1861 г. Андрей Гончаренко уехал из Лондона, видимо поссорившись с сотрудниками типографии, на Восток. Затем в 1864 г. переехал в Америку, где издавал на украинском и английском языках приложение "Свобода" к газете "Alaska Herald", для которого Н.П. Огарев прислал несколько стихотворений; в 70-х годах печатал материалы русской общины в США "Прогрессивная коммуна". См.: Варварцев М.М. Агапий Гончаренко – пионер украинской эмиграции в США // УІЖ. Київ, 1969. № 6; Марков С.Н. Летопись Аляски. М.; Л., 1948.

¹² Стоглав. Лондон. С. IV.

¹³ Панова В.С. "Колокол" Герцена и Огарева об атеизме, религии и церкви. М., 1983. С. 60–73.

на бумагу несколько слов без всякого понятия, разумеется испорченных от времени переписчиком..."¹⁴

Если в эмигрантской прессе Лондонское издание было названо "прекрасным", то в России к нему отнеслись критически, как со стороны церковной печати, так и славянофильских изданий. Критическое отношение к Лондонскому изданию было вызвано прежде всего многочисленными ошибками, поздним происхождением опубликованного списка. К сожалению, сверить издание с рукописью не представляется возможным, так как его местонахождение неизвестно. По одним сведениям, рукопись принадлежала князю П. Долгорукову¹⁵, по другим – самому издателю А. Гончаренко, у которого ее приобрел владелец типографии Г. Трюбнер¹⁶. Ряд текстологических особенностей изданного Стоглава позволяет установить родственные списки: в сборнике Син. 272 (первая половина XVII в.), положенном патриархом Никоном 3 октября 1657 г. в Воскресенский монастырь, и в сборнике Чертков 165 XVII в.¹⁷ Негативная же реакция православной церкви на издание Стоглава объясняется ее отношением к Стоглаву не как к "соборному уложению", необходимому для руководства всем и каждому, а как к "черновым запискам собора... поврежденным впоследствии рукою пристрастною и не совсем искусною". По словам рецензента, не будучи утвержден собором, Стоглав не был издан и был распространен лишь среди частных лиц в небольшом количестве списков¹⁸.

Как бы ответом на Лондонское издание Стоглава явилось издание Стоглава Казанской духовной академии в 1862 г., подготовленное И.М. Добротворским, который в предисловии писал: "Самые раскольники... в самом Стоглаве найдут себе обличение и много полезных вразумлений"¹⁹. По мнению издателя, Стоглав был составлен в середине 50-х годов XVI в. частным лицом "из черновых записок, бывших или приготовленных для рассмотрения на соборе, но не рассмотренных всецело, не приведенных в формы церковных постановлений, не утвержденных подписями и не обнародованных для руководства". "Самое издание наше отчасти подтверждает эту мысль", – заключает И.М. Добротворский²⁰.

Для издания были отобраны списки XVII–XIX вв., принадлежавшие библиотеке Казанской духовной академии, за исключением одного, владельцем которого был бывший епископ Вятский Агафангел. В основе издания – текст рукописи Сол. 932/1049 (первая треть XVII в.)²¹, в разночтениях: Сол. 933/1043²² XVII в. (по неизвестным причинам недописанная с середины гл. 56); два списка Краткой редакции XVIII и XIX вв. Местонахождение списков Краткой редакции неизвестно. Список XVIII–XIX вв. поморского письма, принадлежавший епископу Агафангелу, найти также не удалось. Соборный приговор от 11 мая 1551 г. сверен по его публикации в Актах археографической экспедиции²³. Казанское издание Стоглава содержит приговоры от 26 июня и 15 июля, опубликованные по спискам Краткой редакции и поэтому содержащие довольно искаженный

¹⁴ Стоглав. Лондон. С. V.

¹⁵ Клеветский М. Герцен – издатель и его сотрудники // ЛН. М., 1941. Т. 41/42. С. 587–588.

¹⁶ Новые книги // Будущность. Лейпциг, 1860. № 3/4 С. 31.

¹⁷ ОР ГИМ. Син. № 272. 1°. Л. 14–265 (первая половина XVII в.); Чертков 165. 1°. Л. 4–148 (Конец XVII в.).

¹⁸ Об издании Стоглава в Лондоне: (Письмо из-за границы) // Христианское чтение. СПб., 1861. Окт.

¹⁹ Стоглав. Казань, 1862. С. VI.

²⁰ Добротворский И.М. Предисловие к изданию Стоглава // Православный собеседник. Казань, 1862. Янв. С. III–VII; Он же. Дополнительные объяснения к изданию Стоглава // Там же. 1862. Дек. С. 338.

²¹ ОР РНБ. Сол. № 932/1049. 4°. 224 л.

²² Там же. Сол. 933/1043. 4°. 252 л. (Первая половина XVII в.).

²³ Стоглав. Казань. С. 420–427. ААЭ. Т. 2. № 229. С. 220–222. Приговоры в ААЭ опубликованы по списку ОР РНБ Погод. № 1113, 1–335–II. 4° (Начало XVII в.).

текст. В частности, даже в дате приговора от 26 июня стоит месяц май, а в дате приговора от 15 июля стоит месяц "июнь в 11 день". По опубликованным в Актах исторических главах о святительском суде (66–68 гл.) подведены различия в Казанском издании Стоглава²⁴.

Таким образом, в Казанском издании использованы пять списков Стоглава двух редакций, а также привлечены публикации приговоров от 11 мая, 26 июня и 15 июля в ААЭ и глав 66–69 в АИ. Поэтому Казанское издание получило широкое распространение и трижды переиздавалось: в 1887 г. в более компактном виде (вместо 400 страниц 202) с исправлением опечаток, допущенных в первом и вынесенных на последнюю страницу, и в 1911 г. – полностью повторившее второе издание. Казанское издание было переиздано в советское время в "Российском законодательстве". Д. Стефанович назвал Казанское издание "первым опытом научного издания"²⁵. Однако существенным недостатком Казанского издания Стоглава является то, что на отбор списков для издания повлияло стремление И.М. Добротворского представить Стоглав как черновые записи, собранные частным лицом. В основу издания были положены поздние списки, не все различия между списками учитывались, что также снижает ценность издания.

Пolemический характер издания Стоглава Казанской духовной академией вызвал появление ряда статей на страницах славянофильских периодических изданий: газеты "День" и журнала "Православное обозрение" П. Безсонова, Ив.Дм. Беляева и др.²⁶ Славянофилы приветствовали издание Стоглава в России. Но их оценка была противоположной той, которую дал И. Добротворский и которую он пытался подтвердить своим изданием. Для славянофилов Стоглав – это не результат работы частного лица, а официальный памятник, имевший каноническое значение: "Ни один памятник, за исключением древнейших летописей, так верно и живо не выражает своего века, как Стоглав, всего века, ибо затронуты все вопросы века, обрисовано все положение церкви в ее внутренней силе; внутреннего устройства, во всех сношениях и столкновениях с силою общества остального, с властью государства..."²⁷ В допетровской Руси славянофилы искали примеры социального согласия, гармонии царя и церкви, отсутствие насилия, примеры выборности и т.п. Таким примером для них явился Стоглавый собор и его постановления.

Пolemика славянофилов с И.Д. Добротворским об официальном происхождении Стоглава сопровождалась публикацией архивных находок, связанных со Стоглавым собором: в 1863 г. И.В. Беляев опубликовал открытые им в 1849 г. "наказные списки" Стоглава: "Наказ митрополита Макария во Владимир от 10 ноября 1551 г." и "Наказ митрополита Макария в Каргополь от 2 февраля 1558 г.". Н.С. Тихонравов в "Летописях русской литературы и древности" опубликовал

²⁴ Стоглав. Казань. С. 292–380; АИ. Т. 1. № 155. В АИ главы 66–68 опубликованы по списку ОР РНБ. Эрм. 58. 4°. Л. III–258–III, (Конец XVI в.).

²⁵ Стефанович Д. Указ. соч. С. 437.

²⁶ Безсонов П. Новость в русской литературе: Издание Стоглава // День. М., 1963. N 10-11; Он же. Еще о Стоглаве. Ответ Казанскому издателю И.М. Добротворскому // Там же. 1863. № 33. С. 19–20; Беляев Ив.Дм. Стоглав и наказные списки соборного уложения 1551 г. // Православное обозрение. М., 1863 г. Т. XI. С. 189–215; Кашин. Образчик, как у нас действуют рецензенты // День. 1863. № 30. С. 19–20; Добротворский И.Д. Стоглав. Казань. Предисл. С. III–VII; Он же. Дополнительные объяснения к изданию Стоглава // Православный собеседник. Казань, 1862. Дек. С. 297–339; Он же. Каноническая книга "Стоглав" или "неканоническая": Ответ на замечания об издании Стоглава, помещенные в № 10/11 "Дня" // Там же. 1863. Март. С. 317–336; Апр. С. 421–441; Май. С. 76–98; Он же. Замечание на издание и к изданию "Стоглава", сделанному г. Кожанчиковым // Там же. Авг. С. 487–510; Он же. Библиографическая заметка о новом издании постановлений Стоглавого собора 1551 г. // Там же. Сент. С. 159–179.

²⁷ Безсонов П. Новость в русской литературе. С. 13–14.

ликовал статью из сборника XVI в. Волок. № 566, в которой перечислялось "16 неисправлений", ставших одним из предметов обсуждения на соборе 1551 г. Н. Субботин в том же издании поместил "Ответ Макария митрополита великому князю Ивану Васильевичу о недвижимых вещах", который мог, по мнению автора, явиться источником для составления ответов на царские вопросы. В том же году вышли "Правила, поставленные на соборе 1551 г.", которые рассматривались их издателем Н. Калачовым, а затем и рядом исследователей как одна из редакций Стоглава²⁸.

В 1863 г. появилось подготовленное Д.Е. Кожанчиковым в типографии Императорской Академии наук в Петербурге издание Стоглава. Д.Е. Кожанчиков относился к либерально настроенным книготорговцам и издателям-меценатам, которые охотно издавали сочинения писателей-демократов В.Г. Белинского, Н.П. Огарева, А.И. Полежаева, Т.Г. Шевченко, произведения популярных в кругах русской молодежи историков, публицистов, этнографов Т.Н. Грановского, Н.И. Костомарова, П.И. Якушкина, С.В. Максимова и др., состоял также в переписке с А.И. Герценом²⁹.

Издавая Стоглав, Д.Е. Кожанчиков оставил в стороне вопрос об официальном и каноническом значении Стоглава, так как, по его словам, этот вопрос "при нынешних средствах наук не может быть решен точным и положительным образом"³⁰. "Быть может, найдутся люди, которым нынешнее издание Стоглава даст повод к сомнению и кривотолку, внушит опасение насчет нравственного влияния... не поощрять и питать суеверие думаем мы нашим изданием, а сколько можно способствовать его устранению обнаружением такого памятника, который некоторыми принимается за нечто руководящее, жизненно важное и для настоящего времени – и именно только потому, что тайна облекала его, что до сих пор ему не было выхода на вольный свет"³¹.

Д.Е. Кожанчиков издал список Краткой редакции, принадлежавший в то время Т.Ф. Большакову³². При этом Д.Е. Кожанчикову был известен один из ранних списков Стоглава Полной редакции, впоследствии изданный в 1890 г. Н. Субботиным (его владельцем был Д.Ф. Болотов)³³. По этому списку в конце в виде приложений он опубликовал "главнейшие из опущенных мест" в Краткой редакции³⁴. Причиной, послужившей основанием для предпочтения Краткой редакции Полной, была редкость подобных списков. Назвав Краткую редакцию первоначальной, Д.Е. Кожанчиков считал, что "все существенное сохранено здесь неприкосновенно, но все повторения, все общеизвестные вещи сокращены или даже опущены вовсе"³⁵.

Нельзя не заметить, что издание Краткой редакции Стоглава Д.Е. Кожанчиковым оказалось наиболее употребляемым не только в среде старообрядцев, так как именно в ней в 9-й главе статья о чтении 8-го члена Символа

²⁸ *Беляев И.В.* Наказные списки соборного уложения 1551 г., или Стоглава. М., 1863; *Тихоураов Н.С.* Заметка для истории Стоглава // *Летописи русской литературы и древности.* СПб., 1863. Т. 5. С. 137–145; *С=нь Н. [Субботин Н.]* К материалам для истории Стоглава и его времени // Там же. Т. 2. С. 126–136.

²⁹ *Баренбаум Н.Е.* Книжное дело и общественное движение 60–70-х годов в России // *Книга: Исследования и материалы.* М., 1964. Сб. 9. С. 183; *ЛН. М., 1955.* Т. 62. С. 273.

³⁰ Стоглав. Изд. Д.Е. Кожанчикова. С. 4, 10.

³¹ Там же. С. 3–5.

³² ОР ГИМ. Вахр. № 18.8°. 378 л. (Середина XVII в.).

³³ ОР ГИМ. Хл. № 82. 4° (Вторая половина XVI в.), См.: *Емченко Е.Б.* Стоглав: Предполагаемый оригинал Полной редакции // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.* М., 1990. С. 51.

³⁴ Стоглав. Изд. Д.Е. Кожанчикова. С. 5.

³⁵ Там же.

веры изложена "согласно употребляемому старообрядцами чтению"³⁶, но и при изучении постановлений собора 1551 г. в современных исследованиях. В 1971 г. появилось репринтное издание Стоглава Д.Е. Кожанчикова за рубежом.

1890 г. в Москве вышло новое издание Стоглава, подготовленное профессором Н.И. Субботиным в виде приложения к "Братскому слову". Как и предыдущие издания, оно не было лишено полемичности. На этот раз его необходимость, по словам издателя, объяснялась тем, что предшествующие издания "не удовлетворяют требованиям и желаниям старообрядцев": Лондонское – неисправностью списка и небрежностью издания, Казанское – поздним происхождением списков ("Эта поздность списков... внушает старообрядцев некоторое к нему недоверие"³⁷). Д.Е. Кожанчиков издал Краткую, более позднюю редакцию памятника. Руководствуясь интересами старообрядцев, для своего издания Н.И. Субботин взял списки XVI в., хранящиеся в Москве. Для основного текста Н.И. Субботин предпочел рукопись Хл. 82 (третья четверть XVI в.), по которой Д.Е. Кожанчиков в своем издании подвел разночтения) ради старообрядцев, которые могли его сравнить с текстом рукописи, находящейся в Никольском единоверческом монастыре для того, чтобы "не иметь уже к нему никакого недоверия"³⁸.

Разночтения подведены по двум спискам: Тр. 215 (середины XVI в.)³⁹ – по словам Н.И. Субботина, эта рукопись "пользовалась особым вниманием", хранилась в "ризной казне" и с нее как "со старья книги" делались списки⁴⁰; и список, очень ему близкий, также из Троицкого монастыря – МДА № 194⁴¹. Текст рукописей передан в издании с соблюдением всех особенностей подлинника, с титлами, знаками препинания и ударениями, на полях указаны номера листов рукописи. Настолько же тщательно переданы разночтения, в которых учитываются орфографические различия списков. По подсчету Д. Стефановича, в примечаниях указано до 5 тыс. вариантов разночтений⁴².

Несомненным достоинством издания Стоглава Субботиным является использование им ранних списков, а также тщательность и добросовестность, с которой выполнено задание. К тому же нельзя не согласиться с Д. Стефановичем, что в основу издания был положен список, уступающий тем, по которым подводились разночтения⁴³. Таким образом, издание Субботина не уступает Казанскому, а скорее дополняет его. Однако исследователи это издание игнорируют, возможно, потому, что "текст набран церковнославянским шрифтом... что затрудняет чтение памятника"⁴⁴.

В 1912 г. в Трудах Новгородской губернской ученой архивной комиссии публикуется в то время уже известный список Стоглава – так называемый Макарьевский Стоглавник, принадлежавший Новгородскому братству св. Софии (№ 21). Сейчас этот список хранится в Государственном Новгородском музее-заповеднике⁴⁵. Это самый ранний датированный список Стоглава. В библиотеку Новгородского братства рукопись попала из Валдайского Иверского монастыря в 90-х годах XIX в. Создана она в Псково-Печерском монастыре в 1596 г., о чем свидетельствует запись писца. О Макарьевском Стоглавнике стало известно

³⁶ Стоглав. М., 1890. С. 6.

³⁷ Там же. С. 5–6.

³⁸ Там же. С. 10.

³⁹ ОР РГБ. Тр. 215. 4°. 316 л. (Середина XVI в.). См.: *Емченко Е.Б.* Указ. соч. С. 49.

⁴⁰ Стоглав. М., 1890. С. 9.

⁴¹ ОР РГБ. МДА № 194. 4°. 325 л. (Конец XVI в.).

⁴² *Стефанович Д.* Указ. соч. С. 37.

⁴³ *Емченко Е.Б.* Указ. соч. С. 42–45.

⁴⁴ Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 251.

⁴⁵ ОР. Государственный Новгородский музей-заповедник. НГМ КП 30056–353. 4°. 222 л. 1595 г.

задолго до его издания в 1899 г., когда была опубликована статья Л.И., обратившего внимание на иной порядок глав в этом списке.

Автор статьи Л.И., а вслед за ним Е. Голубинский и И. Громогласов справедливо заметили, что это новая редакция Стоглава, хотя Л.И. неверно считал ее первоначальной⁴⁶. Его мнение опроверг Д. Стефанович, который нашел в собрании Толстого его протограф (ОР РНБ, Q II. 48) – список Стоглава, в котором порядок глав был такой же, как и в Макарьевском Стоглавнике, а нумерация сохранилась традиционная – Полной редакции, что свидетельствовало о более позднем происхождении Макарьевского Стоглавника⁴⁷. Так как перед создателем списка Q II. 48 стояла определенная цель – привести в соответствие вопросы и ответы, упорядочить текст постановлений, то и Макарьевский Стоглавник и список Q II. 48 следует считать новой редакцией. Эта редакция не получила широкого распространения: Д. Стефановичу были известны три списка, в настоящее время найден еще один⁴⁸.

Издатели, публикуя Макарьевский Стоглавник, сомневаясь в правильности выводов Д. Стефановича, ставили задачу "дать текст для изучения"⁴⁹, поэтому издание подготовлено и выполнено очень тщательно, указаны листы рукописи, дан снимок с рукописной страницы рукописи с послесловием писца, дан подробное описание списка. К этому изданию часто обращаются советские исследователи.

В 1913 г. в Христианской типографии при Преображенском богадельном доме в Москве выходит еще одно издание Стоглава. В предисловии к Стоглаву в "Российском законодательстве" это издание ошибочно названо "факсимильным"⁵⁰. Скорее это издание можно было бы назвать еще одной редакцией – старообрядческой начала XX в. В послесловии издателя не указано, с какого списка сделано это издание, а лишь авторитетно отмечается, что "сия святая и богодухновенная книга нарицаемая Стоглав напечатана с древних рукописей", причем ссылка дается лишь на одну рукопись, принадлежавшую И.Ф. Москвину с указанием на ее древность без каких-либо на то доказательств⁵¹. Стоглав издан церковнославянским шрифтом с использованием полистой нумерации и нумерации тетрадей, принятой в рукописных книгах. Текст же дан со значительными изменениями, не встречающимися ни в одной из рукописей XVI–XVII вв.

В Сказании главам и в тексте имеются вставки: в главе 21 добавлены 7-е правило собора в Неокесарии и 4-е и 80-е правила Василия Великого о заключении третьего и более браков⁵². В главе 77 к грамоте митрополита Петра добавлены правила вселенских соборов о вдовствующих поках и т.д.⁵³ Кроме того, издатель добавлял в царские вопросы, чтобы придать им большую достоверность, такие обороты прямой речи, которые указывали на то, что вопросы были произнесены именно царем и дословно переданы в Стоглаве, например:

⁴⁶ Л.И. Новооткрытый рукописный Стоглав XVI в.: Его особенности и значение // Богословский вестник. 1899. № 8/9. С. 2–38; Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II. С. 893; Громогласов И.М. Новая попытка решить старый вопрос о происхождении Стоглава // Миссионерский сборник. Рязань, 1905. № 1/2. С. 7–9.

⁴⁷ Стефанович Д. Указ. соч. С. 118–130.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 19(285) Собр. Саровской пустыни. 4°. 350 л. (Первая треть XVII в.).

⁴⁹ Макарьевский Стоглавник. С. IV.

⁵⁰ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 251.

⁵¹ Стоглав. М., 1913. Л. 40 об.

⁵² Там же. Л. 51–51 об.

⁵³ Там же. Л. 32.

Вопрос 2. Антимисы отдавая, продажу чинят великую...

Вопрос 3. А святые и честные иконы по божественным правилам...

Вопрос 4. Знамена вечные тако же без указу...

Вопрос 7. У вас же убо святителей, бояре и дьяки, и тиуны, и десятильники, и недельщики судят и управу чинят...

А про то слышим, антимисы отдавая, продажу чинят великую...

Да и се ведаем вси, яко святые и честные иконы по божественным правилам...

А и се слышим, яко знамена вечные тако же без указу...

Слышим и о сем, яко у вас же убо святителей, бояре и дьяки, и тиуны, и десятильники, и недельщики судят и управу чинят...

и т.п.

Автор издания формализовал названия глав как в Сказании главам, так и в тексте, привел их к единообразию: там, где значится "ответ" он добавляет "соборный ответ" и переставляет его в конец названия. Например, в Сказании главам (здесь: Оглавление настоящих сея святых и богодухновенных книги, глаголемыя Стоглав):

Ответ от священных правил о жертвеннике и о кутейнике. Гл. 13.

Ответ соборный о священническом сану по священным правилам. Гл. 14.

О детином крещении. Гл. 17.

Ответ о обручении и о венчании. Гл. 18.

О жертвеннике и о кутейнике соборный ответ. Гл. 13.

О священническом сану соборный ответ. Гл. 14.

О детином крещении соборный ответ. Гл. 17.

О обручении и о венчании соборный ответ. Гл. 18.

и т.п.

Так как в Стоглаве первые царские вопросы были озаглавлены, а вторые, отличающиеся по форме от первых – нет, то автор издания решил им также дать названия: вопрос 2. О скверном пузыре; вопрос 3. О мыле; вопрос 4. О пошлинах; вопрос 5. О чудотворце Ефросине; вопрос 6. О водосвящении; вопрос 7. О иконном письме; вопрос 8. О крестах и т.д.

Стремление издателя, с одной стороны, опубликовать текст Стоглава церковнославянским шрифтом, близким к рукописному, чтобы подчеркнуть древность списка, с другой стороны, формализовать текст, придать ему единообразие, законченность и парадность свидетельствует о его желании представить постановления Стоглавного собора как официальный памятник, а не "черновые записки" частного лица.

В девятитомном издании "Российское законодательство X–XX вв.", во втором томе "Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства" помещен Стоглав, опубликованный по Казанскому изданию. Обращение именно к этому изданию, по словам его издателей, было обусловлено тем, что отсутствует источниковедческое исследование Стоглава, а Казанское издание, по их мнению, является "наиболее близким к первоначальному тексту" и в нем использовано наибольшее количество списков.

В "Российском законодательстве" даны обширные комментарии, в предисловии – краткий обзор историографии Стоглава и известных изданий, исправлены опечатки, "вкравшиеся в Казанское издание и замеченные Д. Стефановичем". Однако, как показала сверка текста издания с рукописью, в нем были допущены новые опечатки. Кроме того, как заметили сами издатели, в публикации Стоглава опущены разночтения, по их мнению "не имеющие существенного значения для историко-правового анализа памятника или для понимания текста документа", что не совсем правомерно. В разночтениях отсутствуют те, которые являются особенностью Краткой редакции и даже позволяют датировать время ее появления.

Так, в главе 9 нет изложения устава о входе, а вместо него написано: "и про-

чее яко же пишет ныне в *печатных служебниках* пред службою Иоанна Златоустого о входе все тамо по ряду"⁵⁴. Ссылка на печатный служебник свидетельствует о том, что Краткая редакция могла появиться не ранее 1601 г., когда был издан первый печатный служебник. Эти разночтения в Казанском издании Стоглава есть, в "Российском законодательстве" отсутствуют. В главе 6, в перечислении епископов, прибывших на собор, в списках Краткой редакции они названы по наименованию только одного города⁵⁵ – это разночтение, являющееся отличительным признаком Краткой редакции, также опущено.

Как видим, ни одно из существующих изданий Стоглава не может считаться научным. На выбор списка для издания в значительной степени оказывало влияние отношение издателя к Стоглаву: считал ли он Стоглав черновыми записями заседаний собора, собранными частным лицом, или официальным памятником. Издания содержат ошибки и опечатки. Но в то же время в изданиях представлены тексты рукописей различных редакций, поэтому они часто дополняют друг друга, но никак не заменяют друг друга. Вряд ли в ближайшее время удастся подготовить издание Стоглава, отражающее все этапы развития рукописной традиции памятника, насчитывающего около 200 списков и несколько редакций. Однако на основе изучения списков Полной редакции (первоначальной) XVI–XVII вв. (80 списков) удалось определить один из ее оригиналов – рукопись Рум. 425 (ОР РГБ)⁵⁶, которая может быть издана.

⁵⁴ Стоглав. Казань, 1887. С. 44. Примеч. 5 (№ 3, 4).

⁵⁵ Там же. С. 39 Примеч. 8–9 (№ 3, 4).

⁵⁶ См. об этом: *Емченко Е.Б.* Указ. соч. С. 47.

БЛИЖНЯЯ ДУМА В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.

Часть первая (1550-е годы)*

Согласно древним традициям, средневековые монархи окружали себя приближенными, особо доверенными вельможами, составлявшими Тайный совет правителя¹. В Московском государстве XVI в. тесный круг советников, называемый Ближней думой, рассматривал различные экстренные или тайные вопросы внутренней и внешней политики, а также дела, связанные с придворной жизнью царя и великого князя².

Настоящая работа посвящена изучению состава и структуры Ближней думы Ивана Грозного от боярского "мятежа" 1553 г. до 1572 г., когда, по мнению большинства историков, была отменена опричнина. Выбор указанного периода обусловлен событиями политической истории, а также состоянием источниковой базы.

Следует отметить, что изучение Ближней думы существенно затрудняется несколькими обстоятельствами. Подобно советам других правителей XVI в., Ближняя дума московского государя не имела какого-либо юридически оформленного статуса или официального определения своих обязанностей и полномочий. Назначения в Ближнюю думу полностью зависели от воли государя, и, таким образом, Дума представляла собой его личный совет, совмещавший в себе консультативные, административные и судебные (точнее, квазисудебные) функции. Степень самостоятельности совета в государственных делах, как правило, определялась его отношениями с правителем и часто зависела от конкретных политических условий, складывающихся при дворе.

Сохранилось немного источников по истории тайных советов монархий XVI в., поскольку назначения в совет, а также обсуждение вопросов на его заседаниях делались в устной форме. Более того, советники часто давали клятву хранить в глубокой тайне все, что они слышали от государя. Поэтому современные исследователи, как правило, не располагают протоколами заседаний или дневниками членов Тайного совета³.

Подобная закономерность проявилась и в истории Ближней думы Ивана

* © С.Н. Богатырев

¹ Подобные советы известны в Польше (так называемая Передняя рада), а также во Франции (conseil secret или conseil privé), в Англии (Privy Council) и империи Габсбургов, где существовали специальные тайные советы для каждой части империи (советы Арагона, Кастилии, Нидерландов и Geheime Rat в Венгрии и Богемии). См: The New Cambridge Modern History. 2 ed. 1990. Vol. 2. P. 485, 533.

² См. об этом: *Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Казань, 1879. Т. 2, вып. 2: Дума Боярская. С. 75–76; *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1909. С. 325–327; *Платонов С.Ф.* Боярская дума – предшественница Сената // Сочинения. СПб., 1912. Т. 1. С. 461–465.

³ Такая ситуация сложилась даже в истории английского Тайного совета эпохи Тюдоров, хотя в целом архивы XVI в. сохранились в Англии намного лучше, чем в других европейских странах. См.: *Pulman M.B.* The Elizabethan Privy Council in the Fifteen-Seventies. University of California Press, 1971. P. 53; *Knighton C.S.* The Principal Secretaries in the Reign of Edward VI // Law and Government under the Tudors. Cambridge, 1988. P. 165.

Грозного. Недаром еще В.О. Ключевский отмечал, что историки имеют очень мало свидетельств о ее персональном составе⁴. Как показал С.Ф. Платонов, ближние люди упоминаются в знаменитых приписках Царственной книги, посвященных болезни Ивана Грозного в 1553 г., а также в интерполированных сообщениях Синодальной летописи о следствии по делу князей Лобановых-Ростовских⁵. Важные сведения о Ближней думе содержатся в работе В.И. Саввы, где автор впервые использовал для изучения государственных структур XVI в. обширный комплекс посольских книг, дошедших до нашего времени⁶.

Проблема Ближней думы получила новое освещение благодаря исследованиям С.В. Бахрушина, который отождествил Ближнюю думу с Избранной радой, упоминаемой в сочинениях кн. А.М. Курбского⁷. Выводы С.В. Бахрушина нашли поддержку и в работах А.А. Зимина, однако с подобным подходом не согласился И.И. Смирнов. Полемицируя с Бахрушиным, И.И. Смирнов использовал для изучения Ближней думы новые делопроизводственные источники, относящиеся к 1555 г., – боярский приговор по разбойным делам и разряд летнего похода к Коломне⁸.

По мнению И.И. Смирнова, вопрос о составе правительства середины XVI в. нельзя решать на основе публицистики Ивана Грозного, где содержится столь же мало объективных данных, как и в сочинениях кн. А.М. Курбского⁹. Важно подчеркнуть, что это наблюдение относится именно к составу Избранной рады. В то же время при изучении Ближней думы не только возможно, но и необходимо использовать сочинения Грозного, сопоставляя их с другими источниками, поскольку Ближняя дума была личным советом самого государя и, следовательно, упоминания о ней в царских посланиях имеют для историка первостепенное значение.

Итоги изучения Ближней думы в отечественной историографии подведены в классической работе А.А. Зимина о составе боярского совета в XV–XVI вв. Дополнив сведения В.И. Саввы, А.А. Зимин привлек для исследования состава Ближней думы боярский приговор 1563 г., сохранившийся в тексте одной из посольских книг¹⁰.

Ряд наблюдений над изменениями в составе Ближней думы сделал Р.Г. Скрынников в своих работах по социально-политической истории России третьей четверти XVI в., но многие его выводы вызывают серьезные возражения¹¹. Так, по мнению Скрынникова, делопроизводственные источники, использованные Смирновым, не отражают персонального состава Ближней думы, поскольку "ни поход царя против татар 1555 г., ни решение дел о разбойниках не относились к тем случаям, которые требовали присутствия всей Ближней думы"¹².

⁴ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 6.

⁵ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 463–464. Ср.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 322.

⁶ Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 212–215. См. также: Рогожин Н.М. [Рец. на кн.] Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в.: Справочник. Сост. В.И. Савва; Под ред. С.О. Шмидта. М., 1983 //СА. 1984. № 5. С. 74–75.

⁷ Бахрушин С.В. "Избранная рада" Ивана Грозного // Науч. тр. М., 1954. Т. 2. С. 329–352.

⁸ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 81–87; Он же. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 318; Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 139–165.

⁹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 165.

¹⁰ Зимин А.А. Состав... С. 80–81.

¹¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966; Он же. Опричный террор. Л., 1969. (далее: Скрынников Р.Г. Террор). В работе Р.Г. Скрынникова "Царство террора" (СПб., 1992) история Ближней думы не получила специального освещения.

¹² Скрынников Р.Г. Начало... С. 76.

Как уже отмечалось, Ближняя дума была личным советом государя и не имела какого-либо регламента своей деятельности, поэтому вряд ли кто-нибудь (кроме самого Ивана IV) может достаточно определенно сказать, когда следовало собирать всех ближних советников. Кроме того, приговор по разбойным делам стал основой для глубоких изменений в уголовном законодательстве, так что участие в его выработке Ближней думы логично и вполне оправданно важностью этого документа.

В то же время этот приговор показывает, что решения Ближней думы имели законодательную силу и не требовали какого-либо дополнительного утверждения. Один из членов Ближней или, как ее иногда называли, Тайной думы – постельничий имел специальную печать для "скорых и тайных дел", который при необходимости удостоверялись решения Ближней думы¹³.

По своему положению ближние люди имели важнейшую привилегию (и одновременно обязанность) находиться рядом с царем в комнатных покоях дворца (о чем сообщает Г. Котошихин¹⁴) и во время военных походов в составе царской свиты, что доказывают разряд 1555 г. и многие другие разрядные записи. Как показал В.И. Буганов, разрядные книги очень точно отражали состав различных служилых корпораций¹⁵. Таким образом, для изучаемого периода (особенно для 50-х и начала 70-х годов) эти книги служат важнейшим источником о составе Ближней думы Ивана Грозного.

Р.Г. Скрынников также необоснованно отвергает сообщения посольской книги об участии Ближней думы в походе 1555 г.¹⁶ В целом Р.Г. Скрынников неправомерно сужает источниковую базу для изучения Ближней думы 50-х годов, и, самое главное, в отличие от И.И. Смирнова и А.А. Зимина он не уделяет должного внимания сравнительному изучению источников и их косвенным показаниям о Ближней думе Ивана IV, хотя при незначительном количестве сохранившихся материалов XVI в. такие показания приобретают особую ценность.

В работе С.О. Шмидта, посвященной Царскому архиву и лицевым летописям времен Ивана Грозного, на основе широкого круга источников показана тесная связь Ближней думы с другими структурами Московского государства (в частности, с Боярской думой, Постельной казной и Царским архивом)¹⁷.

Важным этапом в исследовании Ближней думы стал выход в США работы А.Н. Гробовского, содержащей новую интерпретацию сведений об Избранной Раде¹⁸. В этом исследовании пересматривается традиционная концепция Ближней думы как постоянно действующего государственного органа с устойчивым персональным составом. По мнению А.Н. Гробовского, Ближняя дума представляла собой некий аморфный круг царских советников переменного состава¹⁹. В приложении к своей книге автор привел выдержки из некоторых источников, указывающих на состав ближайшего окружения царя в 1553–1583 гг.

Идеи А.Н. Гробовского оказали заметное влияние на работы других зару-

¹³ См.: *Kotošixin Grigorij. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča* / Ed. by A.E. Pennington. Oxford, 1980. P. 42. Ср.: *Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия*. М., 1984. С. 98, 139. Очевидно, в XVI в. подобной печатью мог порой распоряжаться и ближний дьяк, выполнявший обязанности печатника. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 18. Л. 189об.–190.

¹⁴ *Kotošixin Grigorij. Op. cit.* P. 45.

¹⁵ См.: *Буганов В.И. К изучению состава государева двора XVI в. // Общество и государство феодальной России*. М., 1975. С. 55–61. Ср.: *Скрынников Р.Г. Начало...* С. 76.

¹⁶ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 469.

¹⁷ *Шмидт С.О. Российское государство...* С. 97 и сл.

¹⁸ *Grobovsky A.N. The "Chosen Council" of Ivan IV: A Reinterpretation*. N.Y., 1969. Подход А.Н. Гробовского во многом совпадает со взглядами В.И. Сергеевича. Ср.: *Сергеевич В. Русские юридические древности*. СПб., 1900–1902. Т. 1–2.

¹⁹ Состав Ближней думы в третьей четверти XVI в. был относительно стабильным (подробнее этот вопрос рассматривается в заключительной части работы).

бежных авторов, писавших о царском совете. Крупнейший специалист по истории боярства XVII в. Р.О. Крамми, говоря о термине "ближний боярин", отмечает, что в XVI в. это выражение не означало принадлежности к государственным учреждениям и не имело какого-либо политического значения²⁰. Подобную мысль высказала и Н.Ш. Коллманн, серьезно изучившая значение родственных и личных связей в русской истории²¹. Разделяя взгляды Гробовского, она считает, что Ближняя дума XVI в. не имела фиксированного членства и фактически не существовала как государственный институт. Как полагает Н.Ш. Коллманн, понятие "Ближняя дума" относится не к органам государственного управления, а к иерархии, складывающейся внутри боярской элиты.

Надежной основой для изучения истории Ближней думы служат работы С.Б. Веселовского, А.А. Зими́на, В.Б. Кобрин и других авторов, изучавших персональный состав различных структур и классов России XVI столетия²². Итоги просопографических исследований высших слоев московского общества второй половины XVI в. подвел немецкий историк Г.В. Кампхаузен, автор специального исследования о Боярской думе Ивана IV²³.

Таким образом, в историографии московской политической системы, и в том числе в изучении Ближней думы, сложились два направления исследований. Сторонники первого из них (С.Ф. Платонов, С.В. Бахрушин, И.И. Смирнов, Р.Г. Скрынников) рассматривают Боярскую и Ближнюю думы в первую очередь как государственно-управленческие и политические структуры, деятельность которых регулировалась преимущественно социальными или юридическими законами (поэтому указанное направление получило название "юридического" или "легалистического" метода).

Другой подход, заложенный работами С.Б. Веселовского и А.А. Зими́на и развитый позднее А.Н. Гробовским и Н.Ш. Коллманн, связан с изучением личностных взаимоотношений внутри правящей группы средневекового общества. Историки, работающие в этом направлении, считают, что подобная группа не составляла в XVI в. какого-либо юридического института и, следовательно, ее деятельность определялась не формализованным законом, а традициями, личными интересами, дружбой (или неприязнью), а также родственными связями. Поскольку преобладание таких "домашних" взаимоотношений характерно для патриархальных обществ, где понятия рода и семьи определяли все стороны личной и общественной жизни, этот подход определяется как "родовой" или "патримониальный"²⁴.

Последнее из рассмотренных направлений точнее соответствует структуре и организации власти в рассматриваемый период. В этом смысле весьма характерно сообщение одного из житийных сказаний XVI в., где лица, окружавшие государя в 1555 г., названы его "ближними приятелями"²⁵. В то же время в состав Ближней думы всегда входили представители сугубо административных

²⁰ *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. P. 33.

²¹ *Kollmann N.Sh.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, 1987.

²² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Он же.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; *Зимин А.А.* Состав Боярской думы; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 16–91; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период великого княжения Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 153–193.

²³ *Camphausen H.-W.* Die Bojarenduma unter Ivan IV.: Studien zur altmoskauer Herrschaftsordnung. (Frankfurt a. M.; Bern; N.Y., 1985. Erlanger Historische Studien; Bd. 9).

²⁴ Подробнее см.: *Kollmann N.Sh.* Op. cit. P. 9. Об аналогичном подходе к изучению западноевропейской истории см.: *Hexter J.H.* Reappraisals in History: New Views on History and Society in Early Modern Europe. Chicago, 1979. P. 32, 33–35. Ср.: *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 76.

²⁵ См.: *Тухомиров М.Н.* Российское государство XV–XVI веков. М., 1973. С. 76.

ведомств (казначей, постельничий, дьяки), и поэтому в определенной степени Ближняя дума, несомненно, обладала исполнительными полномочиями²⁶. Таким образом, Ближняя дума воплощала в себе сочетание формализованных и неформализованных принципов организационного устройства при доминировании последних. Заметим, что подобная комбинация личностных и юридических принципов формирования властных структур – характерная черта политических режимов XVI столетия²⁷.

Судя по результатам проведенного исследования, Ближняя дума включала не только представителей двух-трех влиятельных боярских семей, как обычно считается в историографии, но и других царских советников. В целом состав Ближней думы отражал структуру основных групп, существовавших в рамках государева двора. Так, среди ближних людей присутствовали члены родословных фамилий служилых князей и старомосковских бояр, царские фавориты, представленные обычно родственниками царицы и наиболее активными политическими деятелями, думные дворяне как высший слой провинциальных служилых людей, а также ведущие руководители центрального исполнительного аппарата.

Сложная внутренняя структура Ближней думы определяла и число ближних людей. Как показывает анализ источников, Тайный совет Ивана Грозного состоял обычно из 15–20 царских советников, что подтверждается свидетельством Дж. Флетчера о 20 представителях знати, входивших в совет московского государя²⁸. Примерно такое же количество советников, ежедневно заседавших с Иваном IV, упоминается и в одной апокрифической грамоте от царя к императору²⁹. По сообщению А. Поссевино, при царе находилось 12 приближенных советников, которые выносили приговоры по тяжбам и докладывали государю о самых важных делах³⁰.

Объем настоящей работы не позволяет детально исследовать проблему соотношения Ближней и Боярской думы, поэтому ограничимся только краткими наблюдениями, изложенными ниже. Несомненно, самого пристального внимания заслуживают сообщения Флетчера о существовании в России XVI в. различных значений понятия "советник".

Согласно Флетчеру, некоторые представители знати, именуемые "для почести" боярами, могли называться советниками только в широком смысле. В действительности они никогда не участвовали в принятии решений, так как в реально существовавший Тайный совет допускалась лишь определенная часть боярства, называемая "думные бояре":

The Emperours of Russia giue the name of counsellour to diuers of their chiefe Nobilitie, rather for honors sake, then for any vse they make of them about their matters of state. These are called *Boiarens* [or Counsellours] without any addition, and may be called Counsellors at large to any publique consultation. They which are of his speciall and priuie Counsell indeed (whom hee vseth daily and ordinarily for all

²⁶ Из всех тайных советов XVI в. полной исполнительной властью обладал только совет английских Тюдоров (см.: *Elton G.R. Tudor Government: The Points of Contact: The Council // Transactions of the Royal Historical Society. 1975. Vol. 25. P. 197*). О роли Ближней думы в России и Тайного совета в Англии XVI в. см.: *Богатырев С.Н. Администрации Тюдоров и Рюриковичей: Сравнительный анализ // Зеркало истории: Сб. ст. М., 1992. С. 77–78*.

²⁷ См.: *Williams P. Tudor Regime. Oxford, 1979. P. 463*.

²⁸ "...Some of his (царя. – С.Б.) Nobilitie about the number of twentie being all of his Counsel" (*The English Works of Giles Fletcher, The Elder / Ed. L.E. Berry. Madison, 1964. P. 196*) – публикация по первому изданию сочинения Флетчера 1591 г. с разночтениями по трем сохранившимся рукописям. Цитаты сверены с фототипической публикацией издания 1591 г.: *On the Russe Commonwealth by Giles Fletcher. Cambridge (Mass.), 1966*.

²⁹ ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 297, 310. См. также: *Шмидт С.О. Российское государство... С. 98*. Примечательно, что в Тайный совет английских Тюдоров, как и в Ближнюю думу, входило, как правило, около двадцати советников монарха. См.: *Williams P. Op. cit. P. 452–456*.

³⁰ *Поссевино А. Исторические сочинения о России. М., 1983. С. 49*.

publique matters pertaining to the State) have the addition of *Dumnoy*, and are named *Dumnoy boiaren*, or Lords of the [Privie] Counsell, their office or sitting *Boarstua dumna*³¹.

Комментаторы Флетчера считают употребленное им выражение "думный боярин" тавтологией, однако в русских дипломатических документах XVI в. также встречаются сочетания "боярин думный", "государевы думные бояре" и "бояре думные Ближней думы" (последнее особенно интересно для темы нашей работы)³².

За период 1553–1572 гг. в разрядах ежегодно упоминается в среднем 34 боярина (в отдельные годы даже более сорока), однако на заседаниях совета никогда не присутствовало столько людей с боярским званием³³. Следовательно, наблюдение Флетчера о боярах "для почести" восходит не к народной молве, как полагали В.О. Ключевский и С.М. Середонин, а к реальной практике XVI столетия³⁴.

Считая свидетельства Флетчера о Думе неясными и сбивчивыми, В.О. Ключевский тем не менее выделил на основе этих сообщений три совета, действовавших при дворе Федора Ивановича, – общий, особый частный (состоящий из думных бояр), а также совет, руководимый Борисом Годуновым. Вопрос о годовском совете лежит вне рамок этой работы, однако существование общего совета, на взгляд автора, не подтверждается записками Флетчера³⁵.

Обратив внимание на выражение Флетчера "*Boarstua dumna*", В.О. Ключевский интерпретировал его как "Боярская дума", хотя из контекста процитированного выше фрагмента очевидно, что здесь следует читать "боярства думного"³⁶. Об этом свидетельствуют и ранние варианты рукописи сочинения Флетчера, где думные бояре называются не "лордами совета", а "лордами Тайного совета"³⁷. Таким образом, свидетельство Флетчера приобретает полную ясность:

³¹ The English Works... P. 211 – в квадратных скобках текст ранних рукописных вариантов, не вошедший в издание 1591 г. и современные публикации (ср.: Ibid. P. 496). Подчеркнутые слова выделены публикаторами.

³² Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyages Ed. by L.E. Berry, R.O. Crummeу. Madison, 1968. P. 153, note 2; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 23. Л. 127, 193об., 204 об.

³³ На Земский собор 1566 г. было приглашено 17 бояр (см.: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1961. С. 166). Подсчет среднего числа бояр произведен на основе данных Г.-В. Кампхаузена, который привлекал для своего исследования Государев разряд редакций 1585 и 1598 гг. и Сокращенную редакцию 1605 г. (см.: *Camphausen H.-W.* Op. cit. P. 257–258). Практику приглашения в совет избранных представителей боярства нельзя объяснить тем, что остальные бояре находились вне Москвы. При необходимости отдельные (но не все) бояре специально вызывались из провинции для участия в заседаниях Ближней думы. См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II, ч. 1. С. 190. (Далее: РК 1475–1605).

³⁴ См.: *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 323; *Середонин С.М.* Сочинения Джилса Флетчера "On the Russe Common Wealth" как исторический источник. СПб., 1891. С. 219. Л.Е. Берри считает, что под недумными боярами Флетчер подразумевал низшие чины государева двора, однако речь должна идти именно о носителях боярского чина, пожалованного, как писал Котошихин, "по великой породе" (Rude and Barbarous Kingdom. P. 153, note 1; *Kotošixin Grigorij.* Op. cit. P. 38).

³⁵ В.О. Ключевский неточно передает слова Флетчера о том, что бояре "для почести" не приглашались на "общий совет" (выделено Ключевским. – С.Б.). В прямом переводе слова Флетчера означают, что эти бояре не приглашались "для какой-либо открытой консультации (вариант – для какого-либо открытого обсуждения)". Следовательно, Флетчер подразумевал здесь не царский совет широкого состава (по Ключевскому, Боярскую думу), а сам процесс обсуждения вопросов (см.: *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 323; The English Works... P. 211). Ср. указание Флетчера о том, что высшим учреждением для таких открытых обсуждений являлся собор (Ibid. P. 196).

³⁶ Флетчер нигде не употреблял существительное "Дума", заменяя его английским "Councell". В то же время он неоднократно использовал прилагательное "думный" в латинской транслитерации. В данном случае, верно указав окончание родительного падежа существительного, он сделал характерную ошибку в окончании родительного падежа прилагательного (скорее всего, "dumna" – неполный вариант древнерусской формы "думнаго").

³⁷ The English Works... P. 496.

думные бояре или лорды Тайного совета составляли Тайный совет, который назывался "заседанием боярства думного". Итак, Флетчер со всей определенностью пишет именно о тайном (особом частном) совете³⁸. Русские и иностранные источники XVI и XVII столетий также различают бояр и ближних людей (или бояр думных и недумных)³⁹.

Существует и еще один источник, раскрывающий значение слова "боярин", – английская рукопись под названием "The Lawes of Russia Written" ("Писанные законы России", перевод здесь и далее автора. – С.Б.). Этот документ, хранящийся в университете Монреаля (Канада), состоит из трех частей. Первая из них содержит английский перевод Судебника 1550 г., во второй части дается толкование русских дворовых чинов (боярин, окольный, дворянин, сын боярский и т.д.), третий раздел описывает персонал и функции главных московских приказов. Как установила исследовательница рукописи М.С. Арел, источник датирован 1599 г. Его предполагаемый автор – придворный доктор царя Федора англичанин Марк Ридли (Mark Ridley, в русских источниках – Марк Рыдлей). Покинув Россию в 1598 г., Ридли мог подготовить краткое описание русских юридических норм для англичан, связанных по роду своей деятельности с Россией. Таковыми были в первую очередь агенты Московской компании и, возможно, некоторые правительственные чиновники⁴⁰.

Указанный источник, несомненно, заслуживает самого пристального внимания специалистов. Здесь мы остановимся только на той части рукописи, которая непосредственно относится к рассматриваемой теме. В "Писанных законах" дается следующее объяснение словам "боярин" и "окольный":

Boyaren, a counsellor magistrate or best nobleman of the best bloode and landes, ther be aboute Twentye of them all of the counsell, and one is made Bolshoi of chiefe that hath onelye accesse to the Emp. and giveth the final Sentence in counsell. They ar about 20 in all.

Okolnichen, is a degree lower and some be of the counsell which attend neere the prince and counsell to goe aboute such matters as be committed to then, an harbenger, they ar about a dozen⁴¹.

Итак, английская рукопись подтверждает вывод о двух категориях боярства: боярин – это член совета (магистрата) или самый знатный человек высокого происхождения ("лучших кровей"), владеющий лучшими землями. Свидетельства источника о том, что далеко не все окольные допускались в совет, также соответствуют реалиям XVI столетия (подробнее см. в заключительной части работы). Поэтому удивительнее в литературе понятие "Боярская дума", скорее всего, следует рассматривать в первую очередь как инструмент социологического анализа четырех высших чинов государева двора (боярства, окольности, думного дворянства и думного дьячества), а не как совокупность государственных советников, составлявших законно-совещательный совет при царе и великом князе⁴².

³⁸ Что касается именного списка, состоящего из 31 имени, то Флетчер перечисляет здесь и членов царского совета и бояр "для почести" (поэтому там упоминается и кн. В.И. Шуйский, который во время пребывания в Москве Флетчера находился в опале и потому никак не мог участвовать в работе совета). См.: Ibid. P. 211.

³⁹ Посевино А. Указ. соч. С. 26, 28; *Kotošixin Grigorij*. Op. cit. P. 19, 39; *Рейтенфельс Я.* О состоянии России при царе Алексее Михайловиче // ЖМНП. 1838. № 7. С. 26. См. также: *Сергеевич В.И.* Древности русского права. СПб., 1908. Т. 2. С. 516.

⁴⁰ "The Lawes of Russia Written": An English Manuscript on Muscovy at the End of the Sixteenth Century Ed. By M.S. Arel // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1990. Vol. 23. P. 13–26 (вводная статья). 26–38 (публикация второй и третьей частей рукописи).

⁴¹ "The Lawes of Russia Written". P. 26.

⁴² Характерно, что в современных просопографических исследованиях Боярская дума изучается именно как условная комбинация названных чинов. См. указанные выше работы А.А. Зимина, Р.О. Крамми и Г.-В. Кампхаузена. Ср.: *Шмидт С.О.* Российское государство... С. 90 и сл.; *Alef G.* Duma // Dictionary of the Middle Ages. N.Y., 1984. P. 305–306.

Существование различных подходов к изучению политических и властных структур Московского государства объясняется не только приверженностью исследователей тем или иным методам исторического анализа, но и характером самих источников, сохранившихся до нашего времени. Туманные формулировки средневековых текстов или, как писал Н. Горбачевский, "гений и идиотизм древнего актового языка" часто вынуждают историков искать различные пути для установления истины⁴³. Что касается термина "Ближняя дума", то в отличие от чисто научных понятий "Боярская дума" и "Земский собор" это выражение встречается в целом ряде документов XVI столетия⁴⁴. Судя по дипломатической переписке того времени, синонимами словосочетания "Ближняя дума" были такие понятия, как "переднейшая и тайная дума", "наивысшая рада", "старейшие бояре"⁴⁵. Кроме прямых упоминаний Ближней думы в источниках также есть указания на "близость" или "приближение" к государю того или иного советника⁴⁶. Вообще следует заметить, что в XVI в. слова "ближние люди" имели значение "государевы советники", о чем свидетельствует текст одного из дипломатических документов 1558 г.⁴⁷

Исходя из состояния историографии и источниковой базы, в настоящей работе сначала рассматривается персональный состав Ближней думы. Заключительная часть исследования содержит некоторые обобщающие выводы о лицах, приближенных к Ивану IV с 1553 по 1572 г. Изменения персонального состава Ближней думы на протяжении изучаемого периода отражены в приложении.

* * *

На основе приписок к Царственной книге восстанавливается, как показал С.В. Бахрушин, состав Ближней думы в марте 1553 г., когда заболевший государь заставил своих советников присягать на верность малолетнему царевичу Дмитрию. Согласно летописи, первыми среди думных людей целовали крест ближние бояре кн. И.Ф. Мстиславский, кн. В.И. Воротынский, И.В. Шереметев-Большой, М.Я. Морозов, кн. Д.Ф. Палецкий, дьяк И.М. Висковатый, затем бояре Д.Р. Юрьев и В.М. Юрьев, а также думные дворяне А.Ф. Адашев и И.М. Вешняков, занимавший пост постельничего. Позднее к присяге были приведены боярин кн. Д.И. Курлятев и печатник Н.А. Фуников⁴⁸.

Всех этих лиц, кроме бояр Юрьевых, С.В. Бахрушин считал членами Ближней думы Ивана IV. Последних он исключил из ближних советников на том основании, что они записаны в летописи отдельно от других ближних бояр, после дьяка Висковатого⁴⁹.

⁴³ Горбачевский Н. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильно, 1874. С. XVI.

⁴⁴ Некоторые исследователи ошибочно полагали, что Ближняя дума упоминается только в источниках XVII в. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 167; Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 35.

⁴⁵ Ср.: Сб. РИО. Т. 59. С. 471, 472; Т. 71. С. 74.

⁴⁶ В средние века понятия "ближний" (в смысле "доверенный") и "приближенный" совпадали по своему лексическому значению. См.: Словарь русского языка XI-XVIII вв. М., 1975. Вып. 1 (А-Б). С. 239.

⁴⁷ Сб. РИО. Т. 59, С. 541.

⁴⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII, ч. 2. С. 523, 524.

⁴⁹ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 336-340. Биографии советников, присягавших Дмитрию, подробно изучены в указанных работах С.В. Бахрушина и А.Н. Грбовского. Об А.Ф. Адашеве см. также: Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева // Учен. зап. МГУ. М., 1954. Вып. 167. С. 25-53; Буланин Д.М. Адашев Алексей Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 8-10. Об И.М. Вешнякове см. также: Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 495. По наблюдениям В.Д. Назарова, Н.А. Фуников был в 1553 г. не казначеем, как сказано в приписке к летописи, а печатником и дьяком. См.: Назаров В.Д. Из истории центральных государственных учреждений России XVI в. // История СССР. 1976. № 3. С. 92-93.

Положение Юрьевых при дворе во время болезни царя стало предметом дискуссии среди историков. В книге о реформах Ивана Грозного А.А. Зимин поддержал точку зрения С.В. Бахрушина⁵⁰. Другую позицию занимали С.Б. Веселовский и И.И. Смирнов, полагавшие, что Юрьевы входили в 1553 г. в состав Ближней думы. К ним присоединился и А.Н. Гробовский. Он считал, что С.В. Бахрушин отверг возможность присутствия Юрьевых в Ближней думе, поскольку это не укладывалось в концепцию, по которой именно Юрьевы вызвали конфликт царя с Избранной радой (т.е., по Бахрушину, с Ближней думой)⁵¹.

Несмотря на расхождения во взглядах, все исследователи сходятся на том, что положение Юрьевых определялось их родственными связями с Иваном IV (как известно, Данила Романович был родным братом царицы Анастасии, а Василий Михайлович приходился ей племянником)⁵². В то же время, по наблюдениям Н.Ш. Коллманн, брачные связи с великокняжеским домом, как правило, открывали боярам доступ в круг лиц, приближенных к государю. В работах Н.Ш. Коллманн и Г.-В. Кампхаузена убедительно показано возвышение рода Юрьевых после брака Ивана IV с Анастасией Романовой в 1547 г.⁵³

Что касается порядка записи бояр в Царственной книге, то он не может свидетельствовать о степени близости к царю того или иного участника событий 1 марта 1553 г. Проведя специальный анализ записи о царской болезни, С.Б. Веселовский показал, что крестоцелование проводилось в обстановке суматохи и нервозности, вызванных резким ухудшением здоровья Ивана⁵⁴. Поэтому порядок приведения к присяге определялся не столько политическими мотивами, сколько конкретной ситуацией, сложившейся в царских палатах. На порядок перечисления бояр могла также повлиять оценка их деятельности, даваемая редактором во время правки летописного текста⁵⁵.

Важнее учитывать и другой факт: для автора приписок необходимо было тщательно зафиксировать поведение некоторых придворных 1 марта 1553 г. Очевидно, интерполятор прежде всего обратил внимание на ближайших царских советников, поэтому, например, он упомянул здесь и кн. Д.И. Курлятева, целовавшего крест только на третий день "мятежа"⁵⁶. Как известно, о введении Д.И. Курлятева в некую "сигклитию" писал Иван Грозный в первом послании к кн. А.М. Курбскому. А.Н. Гробовский справедливо предполагал, что под "сигклитией" царь подразумевал в данном случае свою Ближнюю думу⁵⁷. Наконец, следует учитывать и результаты исследований В.Д. Назарова, который убедительно показал, что Д.Р. и В.М. Юрьевы занимали важное положение в прави-

⁵⁰ Зимин А.А. Реформы... С. 319. Примеч. 4. Однако в другом месте этой работы автор включил Д.Р. Юрьева в число ближних бояр (Там же. С. 410).

⁵¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 280–281; Смирнов И.И. Очерки... С. 193; Grobovsky A.N. Op. cit. P. 67.

⁵² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 140 и сл.

⁵³ Kollmann N.Sh. Op. cit. P. 123, 124, 175; Camphausen H.-W. Op. cit. P. 226. Возвышение Юрьевых также рассматривается в очерке Л.М. Савелова-Савелкова "Бояре Романовы" (Афины, 1933). Этот очерк, изданный небольшим тиражом, стал первой научной работой автора, написанной в эмиграции. После его публикации Л.М. Савелов возобновил активную научную деятельность. Подробнее см.: Богатырев С.Н. Историко-генеалогический журнал "Новик" в 1934–1963 гг. // Ист. генеалогия. 1994. № 2.

⁵⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 280. Общий очерк о Царственной книге с указанием литературы см.: Клосс Б.М. Царственная книга // Словарь книжников... Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 506–508.

⁵⁵ Скрынников Р.Г. Начало... С. 75.

⁵⁶ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 279; Шмидт С.О. Российское государство... С. 205.

⁵⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 78–79; Grobovsky A.N. Op. cit. P. 80.

тельстве вплоть до середины 1550-х годов⁵⁸. Поэтому у нас есть все основания считать этих бояр членами Ближней думы 1553 г. Согласно наблюдениям С.В. Бахрушина, все ближние люди 1553 г. (кроме кн. В.И. Воротынского, вероятно уже умершего) расследовали в следующем году дело князей Лобановых-Ростовских, пытавшихся бежать в Литву⁵⁹.

Следующие сведения о составе Ближней думы относятся к 1555 г. От того времени, как показал И.И. Смирнов, сохранилось несколько источников, позволяющих восстановить круг ближайших царских советников. Прежде всего это грамота Ивана Грозного, посланная в июле 1555 г. митрополиту Макарию в связи с прибытием в Москву литовского посла. Согласно указанному источнику, царя, находившегося в то время в Коломне, сопровождали "государские бояре", его "Ближняя дума"⁶⁰. Кроме того, в нескольких редакциях разрядных книг сохранились подробные росписи лиц, получивших во время коломенского похода различные воинские назначения⁶¹.

И.И. Смирнов справедливо полагал, что всех участников коломенского похода нельзя считать членами Ближней думы. Поэтому для выявления среди них ближайших царских советников он сопоставил сведения разрядной книги и приговор о разбойных делах от 18 января 1555 г., обнаруженный А.А. Зиминим⁶². Указанный приговор подписали бояре кн. Ю.М. Булгаков, кн. Д.И. Курлятев, В.М. Юрьев, кн. И.И. Пронский, И.М. Воронцов, кн. В.С. Серебряный, И.В. Шереметев-Большой, окольныйчий А.Ф. Адашев и постельничий И.М. Вешняков⁶³.

Пять человек из числа этих лиц (кн. Ю.М. Булгаков, кн. Д.И. Курлятев, И.М. Воронцов, А.Ф. Адашев, И.М. Вешняков) во время коломенского похода находились в составе государева полка, т.е. непосредственно рядом с самим царем⁶⁴. Двое бояр, кн. В.С. Серебряный и кн. И.И. Пронский, были назначены воеводами в полковые соединения⁶⁵. Таким образом, семь человек из числа подписавших январский приговор получили высокие назначения в армию, выступившую к Коломне. Все эти лица, несомненно, были членами Ближней думы⁶⁶.

И.И. Смирнов верно указал, что и другие участники заседания 18 января входили в Ближнюю думу. Действительно, И.В. Шереметев-Большой еще в марте 1555 г. был послан с войсками против крымчан и поэтому не мог участвовать в коломенском походе⁶⁷. О деятельности В.М. Юрьева летом 1555 г. ничего не известно, но он состоял в Ближней думе в январе 1555 г. Его родственник дворецкий Д.Р. Юрьев вместе с другими ближними людьми участвовал в коломенском походе 1555 г.⁶⁸ Следовательно, бояре Юрьевы и И.В. Шереметев-Большой также входили в Ближнюю думу 1555 г.⁶⁹

⁵⁸ Назаров В.Д. Из истории... С. 82–87.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 238. См. также: Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 335–336.

⁶⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 469. См. также: Смирнов И.И. Очерки... С. 151–152.

⁶¹ Эти росписи сохранились в Государевом разряде (Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 150. Далее: РК 1475–1598), а также в пространной редакции разрядных книг (РК 1475–1605. М., 1978. Т. I, ч. 3. С. 493 и сл.). Роспись пространной редакции полнее записей Государева разряда. И.И. Смирнов использовал в своей работе только Государев разряд.

⁶² См.: Смирнов И.И. Очерки... С. 33. Современная публикация приговора по разбойным делам: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. С. 33–34; То же: Комментарии. Л., 1987. С. 19–23.

⁶³ Законодательные акты...: Тексты. С. 34.

⁶⁴ РК 1475–1598. С. 150. См. также: Смирнов И.И. Очерки... С. 153.

⁶⁵ РК 1475–1598. С. 150; РК 1475–1605. Т. I, ч. 3. С. 495. См. также: Смирнов И.И. Очерки... С. 153.

⁶⁶ См.: Смирнов И.И. Очерки... С. 153.

⁶⁷ РК 1475–1598. С. 149. См. также: Смирнов И.И. Очерки... С. 156.

⁶⁸ РК 1475–1598. С. 150.

⁶⁹ Ср.: Смирнов И.И. Очерки... С. 154.

Итак, И.И. Смирнов убедительно показал, что приговор 18 января 1555 г. принимался на заседании Ближней думы. Однако указанный документ не отражает полного состава Ближней думы. Прежде всего к числу ближних людей необходимо добавить участвовавшего в летнем походе И.М. Висковатого – главного дьяка Посольского приказа⁷⁰. Без сомнения, Висковатый был в то время членом Ближней думы, ведь он постоянно находился среди ближайших царских советников на протяжении 50-х и 60-х годов XVI в. Согласно показаниям Дворовой тетради, в 1550-е годы он входил в круг приказной элиты – так называемых "больших дьяков"⁷¹. Судя по посольским книгам, термином "большой" нередко обозначалась особая близость к государю⁷².

И.И. Смирнов считал, что членами Ближней думы были бояре, находившиеся во время коломенского подхода именно в государевом полку, а не в каких-либо других соединениях⁷³. В целом это справедливый подход, однако сам. И.И. Смирнов уже отступил от него, когда включил в Ближнюю думу воеводу полка Правой руки кн. И.И. Пронского. Очевидно, в Ближнюю думу входили еще два участника похода – воеводы Большого полка бояре кн. И.Ф. Мстиславский и М.Я. Морозов, состоявшие в царском совете до и после 1555 г.⁷⁴

На основе государева разряда И.И. Смирнов определил, что в коломенский поход 1555 г. отправилось 15 бояр и 5 окольничих⁷⁵. Число бояр следует уточнить, поскольку в отличие от Государева разряда пространная редакция разрядных книг называет боярином и кн. И.Д. Бельского, назначенного в походе дворцовым воеводой⁷⁶. А.А. Зимин полагал, что И.Д. Бельский стал боярином к 1560 г. По мнению исследователя, запись о Бельском в разделе "бояре" Дворовой тетради также была сделана в 1560 г. Точка зрения А.А. Зимина повлияла на последующие работы историков⁷⁷.

Однако и сам А.А. Зимин и другие специалисты отмечали, что еще в 1550-е годы кн. И.Д. Бельский стоял на местнической лестнице выше остальных бояр⁷⁸. Как показана Н.Ш. Коллманн, стремительное восхождение Бельского началось после его женитьбы на княжне Марфе Васильевне Шуйской в ноябре 1554 г.⁷⁹ Следует отметить, что такой надежный источник по истории боярства, как государев разряд, называет И.Д. Бельского боярином и до 1560 г., но А.А. Зимин считал эти сведения ошибочными⁸⁰. В то же время уже в апреле 1555 г. супруга кн. И.Д. Бельского Марфа занимала первое место среди боярынь (!) на

⁷⁰ РК 1475–1598. С. 150. Следует заметить, что и государев разряд и пространная редакция сохранили дефектные списки дьяков, участвовавших в коломенском походе. Состав этих дьяков можно восстановить сопоставив указанные редакции разрядов друг с другом.

⁷¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.: Л., 1950. С. 115.

⁷² Ср.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 16. Л. 60об., 61, 104об. Подробнее о термине "большой" см.: Богатырев С.Н. Как называлась приказная элита в посольских книгах XVI – начала XVII в. // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990. С. 99.

⁷³ Смирнов И.И. Очерки... С. 153.

⁷⁴ РК 1475–1598. С. 151.

⁷⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 152.

⁷⁶ РК 1475–1605. Т. I, ч. 3. С. 495.

⁷⁷ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 91; *Он же*. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений // ВИД. Л., 1981. Т. XII. С. 30. В работе А.А. Зимина "Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в." (М., 1988. С. 146) боярство И.Д. Бельского датировано 1557 г. Ср.: Kollmann N.Sh. Op. cit. P. 204; Camphausen H.-W., Op. cit. P. 257.

⁷⁸ Зимин А.А. Опричнина... С. 91; Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 279; Kollmann N.Sh. Op. cit. P. 204.

⁷⁹ Kollmann N.Sh. Op. cit. P. 164, 166, 167. Благодаря этому браку И.Д. Бельский породнился и с великокняжеским домом.

⁸⁰ РК 1475–1598. С. 164; Зимин А.А. Опричнина... С. 91.

свадьбе кн. В.А. Старицкого⁸¹. Поэтому в данном случае следует довериться сведениям пространной редакции разрядных книг о боярстве кн. И.Д. Бельского с 1555 г.

Начиная с 1555 г. И.Д. Бельский занимает главные командные посты в русской армии. Как уже отмечалось, в тот год он впервые был назначен дворовым воеводой. В следующем году кн. И.Д. Бельский получил такое же назначение во время похода к Серпухову⁸². На протяжении многих последующих лет вплоть до своей гибели в 1571 г. он неоднократно командовал войсками будучи первым воеводой Большого полка⁸³. Наравне с кн. И.Ф. Мстиславским и кн. М.И. Воротыньским И.Д. Бельский именовался "большим боярином" и "большим воеводой"⁸⁴.

Тот факт, что придворная и военная карьера кн. И.Д. Бельского началась именно с 1555 г., а также присутствие князя Бельского среди ближних людей в Коломне позволяют утверждать, что с того времени он состоял в Ближней думе Ивана Грозного.

В Ближнюю думу 1555 г. входили еще два участника коломенского похода – казанский царь Симеон (Едигер) Касаевич и астраханский царевич Кайбула (Абдула) Ахкубекович⁸⁵.

Известно, что татарские князья всегда занимали очень важное положение при дворе Ивана Грозного. Так, оказавшись в плену у Ивана IV после взятия Казани, татарский царь Едигер Касаевич (в крещении Симеон) получил в феврале 1553 г. статус удельного князя, состоявшего на службе у русского царя⁸⁶. Одновременно Симеону приказали "видеть очи государя", т.е., другими словами, отныне он должен был находиться рядом с царем среди ближайших советников во время походов и торжественных церемоний⁸⁷. Разряды свидетельствуют, что Симеон, войдя в Ближнюю думу, постоянно сопровождал Грозного в военных походах⁸⁸. В 1553 г. состоялась свадьба Симеона Касаевича с М.А. Кутузовой, причем характерно, что торжества по случаю этого события отмечались в царской столовой избе, где обычно государь вел переговоры с иностранными делегациями. В 1555 г. царь Симеон присутствовал на соборе, созванном для поставления казанского архиепископа⁸⁹.

Троюродный брат Симеона астраханский царевич Кайбула Ахкубекович выехал на Русь в 1552 г., получив при этом во владение город Юрьев-Повольский⁹⁰. Царевич показал себя мужественным воином в начале 1556 г., когда он, командуя городецкими татарами, пришел на подмогу русским воеводам, понав-

⁸¹ Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Т. XIII. С. 81–82. (Далее: ДРВ).

⁸² РК 1475–1598. С. 156.

⁸³ Там же. С. 153, 162, 167, 178, 197, 208, 217, 220, 229.

⁸⁴ Там же. С. 234.

⁸⁵ Там же. С. 150. В указателе к этой публикации вместо царя Симеона участником коломенского похода 1555 г. ошибочно назван царевич Симеон Бекбулатович.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 230; Т. XIII, ч. 2. С. 528. О Симеоне Касаевиче и его дворе см. также: Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 147, 148, 154, 172, 179; Саввин-Сторожевский монастырь в документах XVI в. М., 1992. С. 42; Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992. Вып. 1. С. 56–58, 60, 91, 109; Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги России XVI в. М., 1991. С. 132.

⁸⁷ См.: ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 229. Распоряжение "видеть очи государя" означало допуск в Ближнюю думу. Напротив, "отлучение от царских очей" понималось как изгнание из "Тайного совета". См.: ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 100.

⁸⁸ РК 1475–1598. С. 140 (1553 г.), 150 (1555 г.), 156 (1556 г.), 181 (1559 г.), 197 (1562 г.).

⁸⁹ Там же. С. 12–13; ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 230, 235. Ср.: Савава В.И. О Посольском приказе. С. 208–210.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 177; Зимин А.А. Опричнина... с. 363. О родстве Кайбулы и Симеона см.: Худяков М. Очерки... С. 148.

шим в засаду около Выборга⁹¹. После военных кампаний 1555–1556 гг. царь неоднократно поручал Кайбуле руководство воинскими соединениями своей армии⁹².

В 1555 г. из Ближней думы выбыли кн. Д.Ф. Палецкий и печатник Н.А. Фуников, попавший в опалу⁹³. После 1555 г. в опале оказались и бояре Юрьевы.

Таким образом, в Ближнюю думу 1555 г. входили лица, подписавшие 18 января приговор о разбойных делах, а также бояре кн. И.Д. Бельский, кн. И.Ф. Мстиславский, Д.Р. Юрьев, М.Я. Морозов, дьяк И.М. Висковатый, казанский царь Симеон Касаевич и астраханский царевич Кайбула Ахкубекович (всего 16 ближних советников). Важно заметить, что в 1555 г. Ближняя дума стала многочисленнее, чем в предшествующие годы, что объясняется общим увеличением числа думных людей в первой половине 1550-х годов⁹⁴.

Среди ближних людей 1555 г., имевших звания бояр и окольных, восемь человек получили эти чины до 1553 г. (кн. Ю.М. Булгаков, кн. Д.И. Курлятев, М.Я. Морозов, кн. И.Ф. Мстиславский, кн. В.С. Серебряный, И.В. Шереметев-Большой, В.М. Юрьев, Д.Р. Юрьев)⁹⁵. Большинство членов Ближней думы 1555 г. поддержали кандидатуру царевича Дмитрия во время болезни Ивана Грозного в 1553 г. На стороне кн. В.А. Старицкого тогда выступили кн. И.И. Пронский и, вероятно, кн. Ю.М. Булгаков. Неизвестна позиция И.М. Воронцова, а кн. Д.И. Курлятев, как уже отмечалось, старался отложить присягу до окончания династического кризиса.

Судя по источникам, члены Ближней думы постоянно получали назначения в действующую армию. Кроме того, некоторые из них активно привлекались для дипломатических переговоров (В.М. Юрьев, И.В. Шереметев, М.Я. Морозов, И.М. Воронцов, А.Ф. Адашев и, конечно, И.М. Висковатый)⁹⁶. Таким образом, Ближнюю думу Ивана Грозного составляли те придворные, которые активно участвовали в политической и военной жизни (конечно, верно и обратное – близость к царю открывала возможность для кипучей деятельности).

О Ближней думе второй половины 1550-х годов сохранилось мало свидетельств. Инструкции послу А.Ф. Нагому, данные в 1563 г. при его отправке в Крым, упоминают ближних людей И.В. Шереметева-Большого, А.Ф. Адашева и И.М. Висковатого⁹⁷. Несомненно, эти сведения относятся к 50-м годам, когда Адашев еще не подвергся опале. Трое ближних людей (М.Я. Морозов, И.М. Воронцов и И.М. Висковатый) входили в 1556 г. в ответную комиссию, созданную для переговоров с литовским послом⁹⁸. В 1557 г. шведы в ходе переговоров, проходивших в Москве, называли А.Ф. Адашева и И.М. Висковатого "ближними и великими думцами", а русская сторона именовала этих русских дипломатов

⁹¹ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 177; Т. XX, Ч. 2. С. 567. Дополнения к Актам историческим... СПб., 1846. Т. 1. № 70.

⁹² РК 1475–1598. С. 162, 170, 196, 209. О Кайбуле см. также: Худяков М. Очерки... С. 148, 171.

⁹³ Кн. Д.Ф. Палецкий в 1555 г. – наместник в Новгороде (РК 1475–1598. С. 152). О Фуникове см.: Назаров В.Д. Из истории... С. 92, 93.

⁹⁴ Зимин А.А. Состав... С. 62.

⁹⁵ Там же. С. 56, 59, 61, 62. Ср.: *Samphausen H.-W.* Op. cit. P. 217, 226, 231, 233, 234, 243, 246.

⁹⁶ Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 104–105; Савва В.И. О Посольском приказе. С. 393. Об участии ближних людей середины 1550-х годов в придворных церемониях см. также: Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 115–130.

⁹⁷ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 336. Как показали Я.С. Лурье и А.Н. Гробовский, сведения инструкции об опале И.В. Шереметева и И.М. Висковатого были только дипломатической уловкой. См.: Послания Ивана Грозного. М.: Л., 1951. С. 637. Примеч. 16; *Grobovsky A.N.* Op. cit. P. 47–51.

⁹⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 495.

"советниками"⁹⁹. О близости к царю бывшего казанского хана Симеона Касеевича косвенно свидетельствует то, что во второй половине 50-х годов активно формировался собственный двор Симеона с особым штатом бояр, дьяков и слуг¹⁰⁰.

На протяжении второй половины 1550-х годов некоторые ближние люди посылались за границу с дипломатическими миссиями. Так, в 1554 г. боярин В.М. Юрьев отправился в Польшу, а через два года короля Сигизмунда вновь посетил член Ближней думы боярин И.М. Воронцов¹⁰¹. Его младший товарищ по посольству казначей Ф.И. Сукин по возвращении из-за границы каким-то образом оклеветал Воронцова, и тому пришлось надолго покинуть окружение царя Ивана¹⁰².

В целом во второй половине 50-х годов XVI в. состав Ближней думы был относительно стабильным, что объясняется ее важной ролью в государственной системе, а также устойчивым политическим курсом тогдашнего правительства.

Приложение. Изменения в составе Ближней думы в 1553–1558 гг.

Год	Состав Ближней думы*	Ближние люди: опальные (оп.) казненные (казн.) убитые (уб.) умершие (ум.)
1553	А.Ф. Адашев И.М. Вешняков И.М. Висковатый Кн. В.И. Воротынский Кн. Д.И. Курлятев М.Я. Морозов Кн. И.Ф. Мстиславский Кн. Д.Ф. Палецкий И.В. Шереметев-Большой Н.А. Фуников Д.Р. Юрьев В.М. Юрьев	
1554	Те же, кроме кн. В.И. Воротынского	Кн. В.И. Воротынский (ум.) В.М. Юрьев (январь–май в Польше)

⁹⁹ Там же. СПб., 1910. Т. 129. С. 32, 47. Следует отметить, что в шведских посольских книгах, где описаны эти переговоры, обычно использовались точные и конкретные термины (см.: *Богатырев С.Н.* Как называлась приказная элита... с. 99, 100). О деятельности А.Ф. Адашева во второй половине 1550-х годов см.: *Шмидт С.О.* А.Ф. Адашев и Ливонская война // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. М., 1990. С. 303–306.

¹⁰⁰ Уже в 1555 г. Симеон имел собственной приказной аппарат. До 1558–1559 гг. он получил оброчные владения в Звенигородском уезде. См.: *Материалы для истории Звенигородского уезда*. Вып. 1. С. 56–58, 60, 91, 109; *Павлов-Сильванский В.Б.* Писцовые книги... С. 135, 209–211.

¹⁰¹ Сб. РИО. Т. 59. С. 420–446, 516–531.

¹⁰² *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 215. Согласно наказу, выданному И.М. Воронцову и Ф.И. Сукину, именно последний должен был излагать историю русско-польских сношений в ходе переговоров. Возможно, Сукин был причастен и к составлению этого наказа, поскольку в его тексте он упоминается в первом лице. См.: Сб. РИО. Т. 59. С. 524.

Приложение (окончание)

Год	Состав Ближней думы*	Ближние люди: опальные (оп.) казненные (казн.) убитые (уб.) умершие (ум.).
1555	А.Ф. Адашев Кн. И.Д. Бельский Кн. Ю. М. Булгаков И.М. Вешняков И.М. Воронцов И.М. Висковатый царевич Кайбула Ахкубекович Кн. Д.И. Курлятев М.Я. Морозов Кн. И.Ф. Мстиславский Кн. И.И. Пронский Кн. В.С. Серебряный царь Симеон Касаевич И.В. Шереметев-Большой Д.Р. Юрьев В.М. Юрьев	Кн. Д.Ф. Палецкий (удален из Ближней думы) Н.А. Фуников (оп.) Д.Р. Юрьев (оп.) В.М. Юрьев (оп.)
1556	И.М. Висковатый И.М. Воронцов М.Я. Морозов [...]	И.М. Воронцов (май–сент. в Польше; по возвращении удален из Ближней думы)
1557	А.Ф. Адашев И.М. Висковатый [...]	
1558	[...]	Кн. Ю.М. Булгаков (ум. между 1558 и 1569 гг.) Кн. Д.Ф. Палецкий (посл. упом. в 1558/9 г.)

* Отточием обозначено отсутствие сведений или неполная информация.

М.П. Лукичев, Б.Н. Морозов

К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XVII в.*

В истории развития общественной мысли России XVII в. особое место принадлежит официальному летописанию. Оно не только отражало определенные социально-политические тенденции, но являлось прямым проводником политического курса верховной власти, направленного на укрепление основ абсолютизма. В этой связи показательными являются факты, освещающие отношение правящих кругов к постановке летописного дела (в широком смысле – к созданию различных исторических сочинений) и свидетельствующие о включении его в сферу насущных государственных интересов. Однако в исторических исследованиях этим фактам уделено еще недостаточно пристальное внимание. В предлагаемых заметках рассматриваются некоторые новые данные, касающиеся истории организации официального летописания в России в XVII столетии, главным образом второй его половины.

В летописной практике XVII в. особое место принадлежит Записному приказу. Сам факт появления этого необычного учреждения свидетельствует о том, что правительство Алексея Михайловича рассматривало работу по созданию официальной истории как особую отрасль государственной деятельности. Впервые для реализации такой цели было организовано специальное ведомство в системе центрального аппарата. Материалы об этом учреждении были введены в научный оборот С.А. Белокуровым¹. Для более ясного понимания характера деятельности Записного приказа необходимо иметь представление о лицах, причастных к его работе. К сожалению, исследователи почти не располагали соответствующей информацией. Попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел.

Руководство Записным приказом, образованным 3 ноября 1657 г. для продолжения Степенной книги, было поручено дьяку Тимофею Кудрявцеву. Имеющиеся в литературе сведения о нем крайне скудные. С.А. Белокуров указывал, что в 1653/54 г. он имел чин жильца, умер в 1661/62 г. "Почему эта работа выпала на его именно долю, – писал исследователь, – выдавался ли Кудрявцев своими какими-либо способностями или, может быть, исполнял уже подобные работы – неизвестно..."² Некоторые данные о его биографии можно почерпнуть из материалов Разрядного приказа. В "сказке", поданной им, судя по имеющимся в документах столбца пометам, в 1643 г., он указывал свой возраст – 22 года. Следовательно, год его рождения – 1621. Отец его – Степан – служил в дьяках³. В

* © М.П. Лукичев, Б.Н. Морозов

¹ Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 53–84. На этой публикации основаны все позднейшие работы. Из последних исследований следует назвать книгу: Чистякова Е.В., Богданов А.П. "Да будет потомкам явлено...": Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988.

² Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. С. 57.

³ Степан Борисович Кудрявцев был назначен дьяком из подьячих в марте 1631 г. и определен в Казенный приказ (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. Д. 59. Л.24). Служил затем в нескольких ведомствах; последнее назначение – Посольский приказ: умер в 1645/46 г. См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 272–273. Имел поместья в Костромском, Рязанском и Ярославском уездах. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 195. Л. 213.

апреле 1636 г. Т.С. Кудрявцев был пожалован в жильцы⁴. А свою дьяческую карьеру он начал только через 20 лет – в апреле 1655 г. – в полку боярина кн. Б.А. Репнина⁵.

Надо полагать, большого радения на новом поприще Кудрявцев не проявил. В декабре 1656 г. его новые начальники по могилевской службе – стольники кн. И.А. Хованский и И.В. Бутурлин доносили в Москву, что дьяк "в съезжую избу не ездит и у твоих государевых дел не сидит и нас, холопей твоих, ни в чем не слушает". Распорядились таким образом: "за непослушание" посадить его в тюрьму, а выпустив, определить к той же работе "по прежнему". Но затем это решение было, видимо, пересмотрено. Во всяком случае в феврале 1657 г. Кудрявцев уже находится в столице и дает показания по выдвинутому в его адрес обвинению в Разрядном приказе⁶. Вскоре (в апреле 1657 г.) находящемуся без работы дьяку поручают временное задание: "...быть у сваево государева конюшенново каменново дела... а к иным ни х каким делам, покамест то государево конюшенное каменное дело будет в отделке, его посылать не велел"⁷.

Как видим, ни деловыми качествами, ни стажем работы в дьяческом чине, ни другими фактами своей биографии Т.С. Кудрявцев не отличался. Чем же было вызвано его назначение? Думается, здесь проявилась одна из особенностей бюрократической практики XVII в. Нередко на вакантные места автоматически определяли лиц, не имевших к данному моменту постоянного поручения. Вероятно, Кудрявцев после завершения постройки царских конюшен к осени 1657 г. вновь оказывается "не у дел". Поэтому-то и обратили внимание на его кандидатуру.

Формальный подход к выбору руководителя свидетельствует о том, что правительство недостаточно продуманно подошло к созданию Записного приказа. Не было и четкого представления о направлениях его работы. С.Т. Кудрявцев запрашивал в растерянности Тайный приказ: "...а с чево записывать степени и грани царственныя, и где книги имать?..." На что ему неопределенно отвечали: "...книги имать из приказов, и где он, Тимофей, сведает"⁸. Впрочем, ни один из запрошенных приказов не проявил большой активности в поисках необходимых материалов.

Вместе с тем летописные сочинения имелись в хранилищах некоторых крупных правительственных учреждений. Например, в черновой описи архива Посольского приказа второй половины XVII в. зафиксирована "Выписка из летописца, как которого великих российских государей великих князей в к[ото]ром не стало [и польских королей, и кто на [их] место государем учинился, и как которые послы меж Московского государства и Польского королевства мирное поставление учинили..."⁹. Надо полагать, выписка была составлена как справочное пособие для использования в практической работе дипломатического ведомства.

Помимо приказных архивов, материалы для работы Записного приказа предполагалось получать через частных лиц. Имена их фигурируют в приказных документах. Предстоит еще провести кропотливую работу по выявлению сведений об этих лицах. В результате мы получим интересные данные о бытовании в

⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 831. Л. 314.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Оп. 24. Д. 346. Л. 60, 61, 121.

⁷ Там же. Д. 284. Л. 186.

⁸ Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. С. 56–57.

⁹ РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 2. Д. 79. Л. 7. Очевидно, это та выписка о сношениях за 1462–1585 гг., которую опубликовал С.А. Белокуров. См.: ЧОИДР. Кн. 4. Разд. IV. Смесь. С. 9–12.

XVII в. рукописных книг исторического содержания. Показателен в этом отношении следующий пример.

В процессе сбора материалов Записной приказ обратился к купцу Матвею Васильеву. О результатах переговоров Т.С. Кудрявцев доносил: "Гость Матвей Васильев сказывал мне про дьяка Ивана Тимофеева: был де он книгочтец и временных книг писец, а жаловал де ево за то боярин князь Иван Михайлович Воротынской"¹⁰. Эта цитата нередко приводится в научных изданиях, посвященных творчеству И. Тимофеева. В недавнее время В.И. Корецкий коснулся вопроса о связи писателя с князьями М.И. и И.М. Воротынскими¹¹. Но остается неясным: почему именно Матвей Васильев был хорошо осведомлен о сочинениях дьяка и его отношениях с представителями знатного рода? Ответить на этот вопрос поможет биография Васильева.

В августе 1643 г. ему дана была жалованная грамота: "...за службы брата ево гостя Ануфрия Васильева и за ево, Матвееву, велено ему быть гостем и по городам ево не судить, а судить ево на Москве..."¹² Ануфрий Васильев (иногда назван в источниках Андреем) в конце 20-х годов XVII в. упоминается в разрядах на церемониях встреч иностранных послов¹³. Для нас же важнее отметить его службу до перевода в Москву. О ней упоминается в описи архива Посольского приказа 1626 г.: "Дело Онуфрея Васильева, вязьмитина, как он, будучи в Новгороде, государство служил, и за то государь его пожаловал гостиним именем"¹⁴. Дело это не датировано. Хранилось же оно рядом с документами 1616–1618 гг.¹⁵ Но именно в то время в оккупированном шведами Новгороде нес свою нелегкую службу дьяк Иван Тимофеев. Причем по роду своей деятельности он наверняка имел контакты с Васильевым. Последний являлся новгородским таможенным головой¹⁶. Если вспомнить, что свой труд Тимофеев создавал в Новгороде, становится понятным, откуда Васильевы знали о дьяке как о составителе "временных книг". Возможно, А. Васильев был одним из первых читателей "Временника". Во всяком случае устанавливается весьма знаменательный факт для истории этого памятника. Сочинение Тимофеева даже в свой новгородский период не оставалось совершенно потаенным.

Известно, что "Временник" сохранился в единственном списке; текст его написан разными почерками на бумаге 30-х и 60-х годов XVII в. Наличие текста середины XVII в. (почерк № 6) О.А. Державина связывала с розыском этого сочинения Записным приказом¹⁷. Прямых доказательств на этот счет нет. Во всяком случае почерк № 6 не похож на имеющиеся в нашем распоряжении образцы почерков Кудрявцева или его преемника Кунакова.

Одним из самых интересных моментов в деятельности Записного приказа была попытка получить воспоминания от одного из очевидцев событий полувековой давности: "...говорено Богдану Камынину о писмах и о скаске про смутные времена и про войны, что он ведает и помнит, и он бы тому всему писмо и сказку

¹⁰ Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. С. 62.

¹¹ Корецкий В.И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 155–157.

¹² РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ). Кн. 39. Л. 1172.

¹³ Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1851. Т.II. С. 8, 212, 844, 874, 878.

¹⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Подгот. к печ. В.И. Гальцова. Под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 323.

¹⁵ Во всяком случае летом 1619 г. Васильев – московский гость См.: РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет) Д. 10. 1619. Л. 3–5. На этот документ любезно указала иам Н.Б. Голикова.

¹⁶ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. М.; Л., 1960. С. 32, 35.

¹⁷ Временник Ивана Тимофеева /Подгот. к печ., пер. и коммент. О.А. Державиной. М.; Л., 1951. С. 446.

прислал"¹⁸. Вероятно, Б.И. Камынин был известен не только долгожительством, но и своими сочинениями. Сам он заявил: "...которые де у него и были писма и записки, и те де писма, как двор ево грабили в 156-м году, в тот же грабеж пропали"¹⁹. Ведение частными лицами памятных записей и составление целых хроник были, по всей видимости, достаточно распространенным явлением для XVII в. Вспомним хотя бы "Домашние записки" кн. С.И. Шаховского, сочетающие в себе летописные приемы с элементами разрядных записей. Памятные записи (главным образом о собственной службе) имелись и у представителей рядового дворянства²⁰.

О Богдане Ивановиче Камынине, к сожалению, мало что удастся выяснить. В родословной Камыниных, составленной после отмены местничества, указано его настоящее имя – Дорофей (Богдан – прозвище). В "московском разорении" его столичный двор был разграблен, в результате чего "утерялись" грамоты на Серпейские вотчины. Но в 1614 г. права на эти владения были подтверждены. В дальнейшем Камынин назначался воеводой Соли Камской и Перми²¹ в чине московского дворянина²².

Однако получить от него какие-либо заметки так и не удалось. Вообще большинство попыток подобного рода оказались безрезультатными. Как уже отмечалось, не последовало большой помощи и от государственных учреждений. Разрядный приказ вообще отказался поставлять материалы, ссылаясь на трудоемкость работы и занятость служащих. Практически Кудрявцев "в течение 1 1/4 года ничего не сделал для исполнения порученного ему дела: не написал ни одной строчки для продолжения Степенной книги и почти ничего не собрал для сего"²³. Вероятно, поэтому он был отставлен от дела и 11 марта 1659 г. сдал полномочия дьяку Григорию Кунакову²⁴.

Кандидатура эта была более подходящей для должности главы Записного приказа. Кунаков также происходил из известной дьяческой семьи. Его отец – Федор – при жизни (умер в 1639 г.) являлся одним из руководителей Московского судного приказа²⁵. Сам Григорий Кунаков еще в том же году упоминается как подьячий Разрядного приказа, скреплявший своей подписью столбцы Приказного стола²⁶. В течение 20 лет он исполнял различные поручения, некоторые из

¹⁸ Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. С. 77–78. См.: Шмидт С.О. Предпосылки "Устной истории" в истриографической культуре России // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А.Л. Стаиславского: Тез. докл. и сообщ. М., 1991.

¹⁹ Там же. Уничтожение частных дворянских архивов во время волиений 1648 г. носило, надо полагать, массовый характер. Служилые люди вынуждены были прятать свои бумаги. Показательное известие находим в родословной Желябужских: "И всякия писма во 157 году покрадены воровскими людьми у Ивана Офонасьева сына в вотчине, как свезены были с Москвы в бунтовое время" (РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 1. Кн. 241. Л. 146 об).

²⁰ См.: Морозов Б.Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в.: (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 70–98.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 74. Л. 2–3.

²² Там же. Боярские книги. Кн. 4. Л. 188.

²³ Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. С. 74.

²⁴ Там же.

²⁵ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 278.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 221. Л. 142об. В Разрядном приказе Г. Кунаков с перерывами служил по крайней мере до 1656/57 г. С.Б. Веселовский указал, что с 1649 по 1654 г. он числился в Стрелецком приказе (См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 277). Однако время пребывания его в этом ведомстве было, по всей видимости, менее продолжительным. В архивной описи Разрядного приказа 1668 г. значится "столпик, а в нем списки стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, и дворян, и детей боярских розных городов, которые были на соборе во 161-м году мая в 25 день... и стольников же, и стряпчих, и дворян, и жильцов, которые были при

которых требовали специальных знаний и навыков. Так, летом 1648 г. Кунаков нес службу под началом окольного Б.М. Хитрово в "понизовых городех... для обереженья от прихода ногайских людей и для строения новых городов и засечных крепостей"²⁷. Обучался он и певческому искусству. Сохранилась рукопись с крюковыми нотами с владельческой записью: "Тетрадь Розрядново приказу подъячего Григория Кунакова"²⁸.

Обладая достаточно широким кругозором, Кунаков отчетливее Кудрявцева представлял пути поиска необходимых источников. Так, он был осведомлен о составе крупных монастырских библиотек и хлопотал о присылке книг некоторых из них (Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Ипатьевского монастырей)²⁹. Однако трудно понять, почему Записной приказ не реализовал предложение Г. Кунакова и не воспользовался этими ценными источниками при работе над Степенной книгой.

Не была осуществлена и другая идея, возникавшая еще при управлении приказом дьяка Кудрявцева: сбор материалов в архивах правительственных учреждений. Хотя долголетний опыт приказной службы Кунакова мог оказаться чрезвычайно полезным в этом предприятии. Приступая к работе, он сообщал со знанием дела: "А без Разряду и без Посольские выписок тех Степенных книг не токмо что делат, но и к началу приступит не умет..." Далее Кунаков указывал: "Да на Казенном дворе есть многие старые книги и дела..."³⁰ Знать об этом Кунаков мог по опыту своей непосредственной приказной службы. В феврале 1649 г. в Стрелецкий приказ, где он в то время работал, был передан список стрелецких голов и сотников начала XVII в., найденный за два года до этого в числе других старинных документов при разборке архива Казенного двора³¹.

Но, пожалуй, самым примечательным (с интересующей нас точки зрения) фактом в биографии Г.Ф. Кунакова явилось исполнение им дипломатических поручений в Польше. Известно, что московское правительство внимательно следило за тем, как освещались события отечественной истории в сочинениях, издаваемых в соседней Польше. С этой целью представители русских посольств нередко привозили в столицу книги соответствующего содержания. Среди лиц, выполнявших подобные поручения, был и Кунаков. В книге, посвященной государственным библиотекам XVI–XVII вв., С.А. Белокуров отмечал, что Кунаков, по-

великом государе в Большой золотой палате в 162-м году октября в 1 день". Смотр участников Земского собора 1653 г. проводил дьяк Григорий Кунаков. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Кн. 221. Л. 88об.–89.

Кстати, запись довольно точно датирует заседания собора, о созыве которого исследователи высказывались неоднозначно. Незадолго до ухода Кунакова из Разрядного приказа у него возникли неприятности по служебной линии. Из описи дел Тайного приказа 1676 г. узнаем, что в 1658 г. велось сыскное дело "про взятки дьяка Григорья Кунакова, что он взял с сотника с Петра Внукова в посуле лошадь и оставил его для того на Москве" (Дела Тайного приказа. СПб., 1907. Кн. 1. С. 95).

²⁷ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. II. С. 204–205.

²⁸ РГАДА. Ф. 188. (Рукописное собрание ЦГАДА). Оп. 1. Д. 1666. Л. 2об.

²⁹ Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. С. 77.

³⁰ Там же.

³¹ Лихачев Н.П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. Прил. IV. С. 52. Для более надежного "береженья" на Казенном дворе сосредоточивались ценные документальные материалы. В источниках неоднократно встречаются упоминания о нахождении там дел и книг. Так, в ноябре 1652 г. с Казенного двора на Патриарший перевозились какие-то книги, "которые заделаны были в полатке" (РГАДА. Ф. 235. Патриарший казенный приказ. Оп. 2. Кн. 34. Л. 460об.). Именно в то время патриарх Никон вел активный сбор старых рукописей для исправления богослужебной литературы.

сланный в октябре 1649 г. гонцом с грамотой к королю Казимиру³², доставил в январе 1650 г. шесть печатных книг, касающихся событий Смутного времени³³, но никак не связал это с его последующей деятельностью в Записном приказе (не было сделано это и в специальной работе С.А. Белокурова, посвященной Записному приказу).

Можно предположить, что дьяку не один раз приходилось заниматься приобретением исторических сочинений. Действительно, в источниках мы находим упоминания о его более ранних поездках за границу. Еще в феврале 1648 г. он был "поверстан" окладом в 700 четвертей и 70 руб. "по памяти" из Посольского приказа³⁴. В апреле 1649 г. он вновь награждается прибавкой в 100 четвертей и 20 руб. "за литовские службы, за две посылки, что он посылан в гонцах дважды"³⁵. Таким образом, Кунаков трижды отправлялся в Польшу (в 1647, 1648/1649, 1649/1650 гг.) и, наверное, всякий раз занимался там приобретением книжных изданий.

Это подтверждают имеющиеся переводы привезенных им сочинений, не входящих в число книг, доставленных в 1650 г. Так, в заголовке одного из переводов популярного на Руси сочинения на турецкую тему указано: "Перевод с польской печатной тетради... турецкого салтана о дворе, и о чину его, и о Царегороде, и о иных статьях напечатано 1646 г. ... а привез ту тетрадь из Польши дьяк Григорей Кунаков в 157 [1648/1649] году"³⁶.

В родовом архиве Квашниных-Самариных среди документов стольника Андрея Никитича Квашнина-Самарина (отца Петра Квашнина-Самарина, известного в литературе своими записями лирических песен, сделанными в конце XVII в.) находится столбец из трех составов бумаги третьей четверти XVII в., на котором скорописью записан текст под заголовком: "Выписано из Хроники латинской Павла Пясецкого бискупа Прямысловского року 1646, которую Хронику привез ис Полши Григорей Кунаков"³⁷. Содержание выписок касается русско-польских отношений в 1608–1618 гг. В настоящее время известен единственный полный список перевода Хроники Павла Пясецкого конца XVII в., происходящий из библиотеки князя Д.М. Голицына³⁸.

Сравнение выписок из архива Квашниных-Самариных с опубликованной частью голицынской рукописи, охватывающей те же сюжеты, показывает независимость обоих текстов. Так, в посвящении Хроники в голицынской рукописи (титульный лист не сохранился) автор Хроники назван: "Павел Пиазецкий, епископ Перемышленский"³⁹. Можно также привести два параллельных примера из текста:

³² За эту службу в мае 1650 г. он получил придачу к окладу в 100 четвертей и 30 руб. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 227. Л. 848.

³³ Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. 31.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Боярские книги. Кн. 4. Л. 345.

³⁵ Там же. Столбцы Московского стола. Д. 242. Л. 252. См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. 3. С. 126–127.

³⁶ *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей... Ф.А. Толстова. М., 1825. Отд. II. С. 290–291 (№ 121); *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVIII веков. СПб., 1903. С. 90–91 (год издания оригинала указан 1649 ?!).

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 253. Д. 40. Л. 37–39. Водяные знаки бумаги – фрагмент прямоугольного гербового щита; голова шута (типа Гераклитов, № 1356, 1360 (1665 г.); Дианова, Костюхина, № 457 (1670 г.)).

³⁸ См.: *Николаев С.И., Салмина М.А.* Хроника Павла Пясецкого: Исследовательские материалы для Словаря книжников и книжности Древней Руси": Древнерусские летописи и хроники // ТОДРЛ. М., 1985. Т. XXXIX. С. 173–174.

³⁹ *Леонид*, арх. Смутное время и московско-польская война от появления первого Самозванца из Польши в 1604 году до Деулинского перемирия 1618 года / Из славянского перевода перемышльского бискупа Павла Пясецкого. СПб., 1887 (ПДП, № 68). С. VI.

"1608-го году.

Некоторые сенаторы советовали королю, чтоб он государство Московское, в бывший разорения его случай, получить понудился..." (Л. 37).

"1610-го.

Царя Василия Шуйского для несчастливых случаев с престола ссадили..." (Л. 37).

"А в Полше некоторые сенаторы увещевали королю, дабы сам на государство Московское, тогда толь на растащенное, наступил, дабы тем частнейшим случаем учить славу"⁴⁰.

"Василию Шуйскому, князю своему, возненавиденному уже от народа за несчастливые удачи от государства отказали..."⁴¹.

Таким образом, можно предположить существование еще одного перевода Хроники Пясецкого. Вряд ли его текст ограничивался только содержанием кратких выписок из архива Квашниных-Самариных. Хроника содержит сведения о событиях Смутного времени в России за более ранний период, представлявшие несомненный интерес для читателя XVII в. Существование нескольких древнерусских переводов одного иностранного сочинения довольно распространенное явление. Упомянувшийся выше текст о дворе турецкого султана был переведен в XVII в. шесть раз⁴². Намного сложнее объяснить связь обоих переводов с известным фактом приобретения еще одного печатного экземпляра Хроники в 1653 г. посланником в Польшу кн. Б.А. Репниным-Оболенским. Причем покупка эта была сделана по специальному заказу Посольского приказа⁴³.

А.И. Соболевский считал оригиналом перевода из библиотеки Д.М. Голицына издание Хроники 1648 г.⁴⁴, Леонид указал на издание 1646 г.⁴⁵ (на то же, что и выписка из архива Квашниных-Самариных). Для нас важно отметить, что переводы привезенных Г.Ф. Кунаковым изданий (сочинения о дворе турецкого султана и Хроники Павла Пясецкого) делались, вероятно, вскоре после их привоза непосредственно в Посольском приказе. За это говорят и указание в заголовках обоих переводов на источник получения оригинала и точная дата привоза книги о дворе турецкого султана⁴⁶. Сам же факт упоминания имени Г.Ф. Кунакова в рукописной традиции даже позднейшего времени может свидетельствовать о его определенном авторитете в этой области. Кроме того, им были составлены два статейные списка о поездках в Польшу, а также специальные донесения о военных действиях Богдана Хмельницкого – "Записка о вестех" и записка "О черкасской войне"⁴⁷. Все это, очевидно, сыграло решающую роль при выборе нового руководителя Записного приказа.

Однако его назначение не могло круто повлиять на исход работы приказа. У Кунакова оказалось немного времени, чтобы широко развернуть свою деятельность. Впрочем, некоторые вспомогательные материалы он, вероятно, успел

⁴⁰ Там же. С. 17.

⁴¹ Там же. С. 31.

⁴² Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. С. 90–92.

⁴³ Соловьев С. Книги, приобретение которых считалось нужным в Москве в XVII веке // Летописи Тихонравова. М., 1861. Т. 3. С. 34 (разд. III); Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. С. 33–34, 66.

⁴⁴ Соболевский А.И. Переводная литература Московский Руси XIV–XVII веков. С. 82.

⁴⁵ Леонид, арх. Смутное время и московско-польская война... С. VI.

⁴⁶ Один из списков данного перевода польской книги о дворе турецкого султана, заголовок которой цитировался выше по описанию рукописей Ф.А. Толстого, также происходит из Архангельской библиотеки кн. Д.М. Голицына (РНБ. Q. XVII. 21). Нами уже отмечалась связь рукописей переводов из библиотеки Голицына с деятельностью Посольского приказа (См.: Морозов Б.Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII – начале XVIII в.: (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги: Междувед. сб. науч. работ. М., 1983. Вып. 2. С. 112 (примеч. 15), 115 (примеч. 24).

⁴⁷ Оpubл.: АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. № 242, 243, 300, 301; Воссоединение Украины с Россией. М. 1953. Т. II. № 133.

заготовить. Выше приводились слова Кунакова о необходимости использовать при составлении Степенной книги посольские и разрядные дела. В этой связи обращает на себя внимание следующая цитата в описи дел Тайного приказа: "Столп, а в нем из немецких земель з грамот переводы, а статейные списки крымских посланцов и от Богдана Хмельницкого, и иные всякие дела посольские о кормах послам..."⁴⁸ Далее указывалось, что столбец этот "собран в писмах дьяка Григорья Кунакова"⁴⁹. По всей видимости, здесь упоминаются материалы Записного приказа, которые после его ликвидации поступили в архив приказа Тайных дел, курировавшего это учреждение.

Последний сохранившийся документ Записного приказа помечен 18 мая 1659 г. С.А. Белокуров связывал его упразднение со смертью дьяка Кунакова в том же году⁵⁰. Но в боярском списке 1661 г. мы еще находим его имя. Правда, рядом стоит помета: "болен"⁵¹. По книге Печатного приказа видно, что в ноябре 1662 г. он получает подтверждение на владение купленной вотчины в Дмитровском уезде⁵². Причем еще в марте 1661 г. об этих владениях Поместный приказ наводил справки по запросу из Ямского приказа⁵³, к штату которого, возможно, Г.Ф. Кунаков был тогда причислен. В боярский "Сентябрьский" список 1663 г., где фигурируют лишь дьяки, находящиеся в московских приказах, он уже не был включен⁵⁴. Зато в другом списке того же года он значится в перечне "Дьяки не у дел"⁵⁵.

Из приведенных данных можно заключить, что Записной приказ прекратил свое существование еще при жизни Г.Ф. Кунакова. Смерть его последовала через несколько лет⁵⁶, когда по состоянию здоровья он уже фактически отошел от службы. Что же касается приказа, то правительство расформировало его, видимо недовольное результатами работы. Попытка реализовать задачи официальной историографии через государственный аппарат потерпела неудачу.

Более успешно в середине XVII в. развивалось патриаршее летописание, активизировавшееся с приходом к управлению русской церковью Никона. Достаточно сослаться на известный летописный свод 1652 г. Исторические сочинения рассматривались патриаршей администрацией как действенное оружие в политической и идеологической борьбе. К сожалению, мы располагаем скудными сведениями об использовании летописных источников в данных целях. Одно из таких редких известий относится к июню 1668 г., когда в патриаршую библиотеку были возвращены три книги, взятые из казны "в прошлых годах по приказу Павла митрополита при ево бытھے... для ради соборов в Крестовую". Две из них – летописцы "в десть письменные"⁵⁷. Вероятно, речь идет о церковном соборе 1666–1667 гг., рассматривавшем вопрос о низложении Никона. Митрополит Сарский и Подонский Павел занимал в то время место блюстителя патриаршего престола⁵⁸.

В правительственных кругах к мысли о создании Степенной книги вернулись через десять лет. Осуществление этого плана было поручено опытному дьяку

⁴⁸ Все документы относились к царствованиям Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

⁴⁹ Дела Тайного приказа. СПб., 1907. Кн. 1. С. 632.

⁵⁰ Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. С. 81. Примеч. 1.

⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 342. Л. 129.

⁵² Там же. Ф. 233. Кн. 112. Л. 9об.

⁵³ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Дмитрову. Д. 38895. Ч. 1. Л. 18–19

⁵⁴ Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 351. Л. 92–102.

⁵⁵ Там же. Л. 134.

⁵⁶ Не позднее марта 1664 г. Этим временем датирована отказная грамота на поместье в Почепском уезде, выданная "на прожиток вдове Кунакова – Анисье" (РГАДА. Ф. 233. Кн. 123. Л. 72об.).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ). Кн. 1. Л. 145.

⁵⁸ Русский биографический словарь. Павел–Петр. СПб., 1902. С. 74.

Федору Иоакимовичу (Акимовичу) Грибоедову⁵⁹. Книга создавалась по прямому заказу верховной власти. Не случайно о награждении дьяка ходатайствовал Приказ Большого дворца, ведавший царским хозяйством. Возможно, это учреждение обеспечивало Грибоедову необходимые условия работы (т.е. в известной степени осуществляло в данном случае функции, схожие с функциями Записного приказа)⁶⁰.

По мнению С.Ф. Платонова, труд Грибоедова был задуман как руководство для малолетних царевичей "в их первом знакомстве с историей родины и их царской семьи"⁶¹. Действительно, среди книг царевича Алексея Алексеевича находилась рукопись, которую, судя по названию, можно отождествить с сочинением Грибоедова. Начало пространного названия его труда звучит следующим образом: "История, сиречь повесть или сказание *вкратце*, о благочестивно державствующих и свято поживших боговенчаных *царей и великих князей*..."⁶² В описи библиотеки царевича Алексея Алексеевича 1670 г. указан "Летописец *вкратце царем и великим князем*"⁶³ (подчеркнуто авторами. – М.Л., Б.М.). Возможно, именно тот экземпляр перешел затем к царевичу Петру Алексеевичу. Во всяком случае в библиотеке Петра I сохранился список Истории Грибоедова окончательной авторской редакции, т.е. с описанием событий до 1 сентября 1667 г.⁶⁴ В литературе уже высказывалась точка зрения, что данная рукопись являлась той книгой, которая была поднесена царю Алексею Михайловичу⁶⁵. Однако включать ее в состав личной библиотеки царя было бы не совсем правильно. Книги царевичей составляли отдельные собрания.

Порученное дьяку Ф.И. Грибоедову дело оценивалось как важное государственное задание. Показательно, что за его исполнение последовало не только вознаграждение в виде ценных подарков, но и увеличение поместного и денежного окладов. Труд официального историографа приобретает значение ответственной служебной деятельности. Не случайно запись о награждении автора переписывалась вместе с текстом Истории. Однако в определении размеров награды в источниках приведены разные сведения. В опубликованном списке отмечено: "В 177-м году... дано ему государева... жалования 40 соболей, да в приказе 50 рублей денег, отлас, камка, да придачи к помесному окладу 50 чети, денег 10 рублей"⁶⁶.

В боярской книге 1667 г. рядом с именем Ф.И. Грибоедова встречаем следующую приписку: "ему ж в 177-м году февраля в 12 день по памяти ис Приказу Большого дворца за работу, что он... зделал Степенную книгу... придачи 70 чети, денег 10 рублей, да за помесную ж за переходные за тридцать чети денег полторы рубли"⁶⁷. Сведения о награждении дьяка в феврале 1669 г. были давно

⁵⁹ Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской. По списку СПб. ДА. № 306. Сообщение С.Ф. Платонова и В.В. Майкова. СПб., 1896 (ПДП, № 121); Ромодановская Е.К. Грибоедов Федор Акимович: Исследовательские материалы для "Словаря книжников и книжности Древней Руси": Летописцы и историки XI–XVII вв. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 28–30.

⁶⁰ В 1637 г. список Никоновской летописи из Троице-Сергиева монастыря был доставлен именно в Приказ Большого дворца (См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. IX. С. VIII). Возможно, в связи с рассмотрением коллективной челобитной провинциальных дворян, прибывших на Земский собор и просивших отмены урочных лет для сыска беглых крестьян и реформы сыска.

⁶¹ Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской. С. XI.

⁶² Там же. С. 1.

⁶³ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. М., 1915. Ч. 2. С. 598.

⁶⁴ Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. И.Е. Боброва. Л., 1978. С. 24. № 42. Рукопись датирована последней четвертью. XVII в.

⁶⁵ См.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 384–385; Ромодановская Е.К. Грибоедов Федор Акимович. С. 30.

⁶⁶ Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской. С. 69.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Боярские книги. Кн. 6. Л. 674 об.

введены в научный оборот Д.М. Мейчиком в работе о Соборном уложении⁶⁸. Эта дата и считалась временем окончания Истории. Но в расходных документах Казенного двора от 27 декабря 1668 г. имеется известие о выдаче Грибоедову 50 аршин дорогого сукна "за ево работу, что он по имянному ево великого государя указу зделал Степенную книгу благоверного и благочестивого рода Романовых"⁶⁹. Следовательно, труд Грибоедова появился в конце 1668 г.

Осознавая идеологическую значимость исторических сочинений, правительственные круги должны были не только заботиться о создании официальных, выгодных для династии Романовых версий о событиях прошлого, но и стремиться к широкому их распространению. Несмотря на сохранение и развитие в XVII в. прочных рукописных традиций, в условиях возрастающего интереса к светской, в том числе исторической, литературе логичной выглядела бы попытка типографского издания летописных трудов.

Известно, что в 1663–1665 гг. на Московском печатном дворе переводились и готовились для печати греческая хроника XVI в., известная под названием Хронограф Дорорея Монеувасийского⁷⁰. Но, как указано в заготовке одного из его списков: "И его же царским повелением изготовился в тиснение и волею Божию не совершися, печатным тиснением построить сию книгу не успе"⁷¹. Причины невыхода в свет этого издания не ясны. И.Н. Лебедева связывала их с осуждением патриарха Никона и отрицательным отношением к его начинаниям царя Алексея Михайловича⁷². Между тем четыре экземпляра Хронографа продолжали сохраняться в библиотеке Печатного двора (в том числе корректурный экземпляр)⁷³. Вообще памятник получил довольно широкое распространение в списках. Рукопись последней четверти XVII в. входила в состав библиотеки Петра I⁷⁴. Причем в ряде списков текст Хронографа Дорорея Монеувасийского был дополнен русскими известиями, что отвечало традициям исторической литературы Древней Руси. Может быть, одна из причин отказа от печатания книги в 1665 г. и заключалась в том, что памятник не освещал русской истории (за исключением рассказа об учреждении патриаршества в 1589 г., который по предположению исследователей и привлек внимание к памятнику) и соответственно никак не служил целям прославления правящей династии.

В этом плане заслуживает внимания факт существования списка перевода другой новогреческой хроники – хроники Матвея Кигала, близкой по содержанию к Хронографу Дорорея Монеувасийского, продолженной текстом Истории Грибоедова в редакции, включающей известие о воцарении Федора Алексеевича в 1676 г.⁷⁵ Перевод этой хроники, выполненный в конце XVII в. справщиком Печатного двора Евфимием Чудовским, так же как и перевод Хронографа Дорорея Монеувасийского с венецианского печатного издания 1630-х годов,

⁶⁸ Сборник Археологического института. СПб., 1880. К. 3. Отд. 1. С. 131.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 9. Д. 12121. Через месяц – 20 января 1669 г. – Грибоедов по распоряжению из Приказа Большого двorca получил за ту же работу еще 20 аршин сукна. См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 323. Л. 94об.

⁷⁰ Лебедева И.Н. Греческие и русские списки хроники псевдо-Дорорея в собрании БАН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 28–37.

⁷¹ БАН. Колоб. 464. Л. 2.

⁷² Лебедева И.Н. Греческие и русские списки хроники псевдо-Дорорея. С. 33.

⁷³ ОР ГИМ. Син. 339, 342, 343, 907.

⁷⁴ Библиотека Петра I. С. 25, № 52.

⁷⁵ БАН. 33.10.12. А.И. Соболевский считал, что Евфимий переделал и дополнил тот же Хронограф Дорорея Монеувасийского. См.: *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. С. 359. Оригинал этого текста был определен И.Н. Лебедевой. См.: *Лебедева И.Н.* Греческий оригинал русского переводного хронографа // Сборник статей и материалов БАН СССР по книговедению. Л., 1965. С. 333–335.

возможно, был сделан по официальному распоряжению в связи с возрождением идеи об издании Хронографа.

Ко времени царствования Федора Алексеевича относится примечательный факт проявления интереса к летописным памятникам на Печатном дворе. 18 марта 1679 г. руководители дипломатического ведомства получили запрос, в котором указывалось: "Ис Посольского приказа в Приказ книг печатного дела к преосвященному Симеону архиепископу Сибирскому и Тобольскому и к диаку к Ивану Арбеневу прислать книгу Степенную з бытии великия книгини Олги, подлинную на время для списку". В связи с этим можно предположить какие-то проекты об издании Степенной книги. Однако эта просьба не была удовлетворена. Подьячие Посольского приказа Максим Бурцев, Никита Симонов и Иван Волков заявили, что в подведомственных им повывтах такой книги обнаружить не удалось⁷⁶.

Лишь в начале XVIII в. были предприняты реальные шаги к изданию отечественной летописи. Имеется известие о присылке в Монастырский приказ нескольких сборников (в том числе упоминавшийся нами список Никоновской летописи) "для исправления печатного летописца"⁷⁷. Однако этот сюжет выходит за хронологические рамки нашей работы и относится к истории петровского летописания.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 159. Д. 1977. Л. 1–2. О попытке составления Степенной книги при царе Федоре Алексеевиче известно из "Предисловия к исторической книге" (*Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича СПб., 1871. Т. 1. Прил. С. XXXV–XI). Об участии служащих Печатного двора в создании исторических сочинений в середине XVII в. см.: *Лаврентьев А.В.* Свод 1652 г. – памятник летописания XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 21–22.

⁷⁷ См.: *Дмитриева Р.П.* Светская литература в составе монастырских библиотек XV–XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Т. 23. С. 158.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КНИГЕ И.П. ЛАПТЕВА
1824 г.***

Иван Петрович Лаптев – вологодский, затем петербургский купец, знаток и коллекционер древних рукописей и старопечатных книг, нумизмат – известен исследователям главным образом как автор единственной книги "Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинныя рукописи". Она издана в Санкт-Петербурге, в типографии Департамента народного просвещения во второй половине 1824 г.¹ Этот первый робкий шаг знатока-любителя в области изучения водяных знаков (ВЗ, филиграней) бумаги положил начало отечественному филиграноведению. Его современники – историки, палеографы, археографы – неоднократно упоминали эту работу, как и позднейшие специалисты в этой области².

С появлением крупных альбомов и работ по изучению филиграней К.Я. Тромнина (включившего основную часть ВЗ из книг Лаптева и Жансена), Н.П. Лихачева, не говоря о многочисленных изданиях советского времени, скромная книга Лаптева отошла в тень истории. Даже об ее авторе до выхода в 70–90-х годах статей К.И. Ивановой и М.С. Крутовой было мало известно. Ничего неизвестно было и о подготовке книги, ее тираже, цене, количестве сохранившихся экземпляров³.

Изучая источники по истории отечественного филиграноведения, автору настоящей статьи удалось разыскать в ОР РНБ (с помощью сотрудников отдела Б.А. Градовой и В.М. Загребина) свидетельства о подготовке книги и ее первоисточниках: черновик рукописи книги⁴ (ОЛПД. Q. 48) и коллекцию ВЗ Лаптева, оказавшуюся в фонде Н.М. Михайловского (Ф. 487. Оп. 1. Д. 45, 48).

Черновик книги представляет собой рукопись на 40 листах, написанную скорописью двумя почерками. Чтобы определить, кому они принадлежат, пришлось провести изучение почерка Лаптева и других лиц.

Почерк И.П. Лаптева очень характерный, индивидуальный. Писал он не всегда разборчиво и грамотно. Видимо, поэтому отдельных документов и списков древних рукописей, переписанных им самим, исследователями не было обнаружено. По данным работ М.С. Крутовой и Л.А. Морозовой, старинные рукописи переписывали дети Лаптева – Елизавета, Ольга, Аполоний и посторонние

* © Ю.В. Андрияшайтите

¹ Рукопись на 36 с. поступила в Петербургский цензурный комитет 7 июля и была одобрена 14 июля 1824 г. (отмечено в книге, см. также: РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Д. 190. Л. 29; Оп. 1. Д. 432. Л. 89об.). Цена книги – 5 руб. указана у С.Д. Полторацкого (ОР РГБ. Ф. 233. П. 58. Ед. хр. 2. Л. 27).

² Упоминания о Лаптеве в дореволюционной литературе см.: Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1914. Т. III. С. 393.

³ Очень важно собрать и опубликовать данные о наличии не только этой книги, но и всей филиграноведческой литературы в архиво- и книгохранилищах страны. Начало этой работы было положено во время подготовки первого Всесоюзного совещания филиграноведов 1987 г. См.: Филигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 148.

⁴ Краткая характеристика его была дана в статье автора (АЕ за 1991 г. М., 1994).

лица⁵. Думаю, что под диктовку отца или с его черновых записей переписывались детьми документы, письма. В частности, сохранившееся письмо И.П. Лаптева графу Ф.А. Толстому от 12 июля 1828 г. с просьбой о присылке нескольких старопечатных книг из Москвы⁶ отмечено архивистами как написанное неизвестным лицом. Автором статьи установлен почерк его сына Аполония. Кроме содержания, большую ценность в письме представляет подлинная подпись Ивана Петровича – красивая, даже затейливая в отличие от его обычных записей преимущественно карандашом, в большом количестве сохранившихся на рукописях его собрания. Именно эти записи и представляют до сих пор основной источник для исследования деятельности Лаптева и определения его почерка, по-настоящему пока не изученный.

Сложность при определении почерка Лаптева, составляет и то, что порой записи ведутся от лица Лаптева, излагаются его соображения, но написаны рукой другого человека. Кроме того, разные образцы почерка Лаптева очень отличаются друг от друга. Так, если он писал крупными буквами, плохо отточенным карандашом (или пером), да еще стесненный пространством (на полях), наспех, почерк выглядит корявым, порой неразборчивым. Возможно, сказывалось и его болезненное состояние (к концу жизни Лаптев страдал от ревматизма). Если же Лаптев писал мелкими буквами, хорошо отточенным карандашом (или пером), старательно, то можно даже усомниться в принадлежности записей ему. Возможно, порой так и случается, особенно если запись принадлежит его дочери Елизавете, почерк которой в чем-то сходен с почерком отца. Тогда следует внимательно сравнивать начертания букв и орфографию писца.

Наблюдения о различиях в почерке лаптевских записей на разных рукописях впервые были высказаны В.П. Любимовым. Изучив записи в кормчих (ОР ГИМ, Увар. № 555/205; ОР РГБ, Рогож. № 256 и 257), он отмечал: "Они написаны одним почерком, то есть почерком Лаптева (только в записях Уваровской кормчей почерк является старательным, а в заметках в двух последних кормчих часто небрежным)". Казалось бы, что в качестве источника лаптевского почерка могли послужить листы Уваровской кормчей (л. 270, 273), которые, судя по записи на обороте передней крышки, "дописаны с.-петербургским купцом Лаптевым". Но как установил Любимов, они написаны "не почерком Лаптева... (может быть, с черновика переписанных им с подлинника листов)"⁷.

Видимо, это один из случаев работы Лаптева, о котором мы узнали благодаря записи, а не по почерку. Думается, многие подобные работы Лаптева останутся для нас неизвестными, поскольку переписаны они другими лицами и не имеют записей об этом.

После многократного сравнения почерков рукописи книги с почерками безусловных записей Лаптева, а также его детей и других лиц, помогавших в переписывании, установлено следующее. Почерком Лаптева написаны л. 1, запись на л. 4 об. к рисункам ВЗ, дополнения к тексту предисловия книги на л. 28 об., 29, а также отдельные исправления на л. 33 об., 34, 35, 37 об., 38, 38 об., 39 об., 40. Кроме того, как явствует из текста на л. 1, им же зачеркнуты красными чернилами годы у некоторых ВЗ, а также часть рисунков.

Следует отметить, что текст на л. 1 написан столь аккуратно (чтобы смогли разобрать помощники) в отличие от других известных записей Лаптева, что в

⁵ Крутова М.С. О книжной коллекции И.П. Лаптева и Златой цепи в ее составе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 137; Морозова Л.А. Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990. С. 39.

⁶ ОР РГБ. Ф. 291 (П.М. Строева). 2249. 27. Л. 1, 1 об. См.: Прил.

⁷ Любимов В.П. О Лаптевском списке Правды русской // Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 835–836.

первый момент вызывает сомнение, его ли это почерк. Но сличение этого текста с другими, в том числе и на л. 28 об., 29, сомнение отбрасывает. Начертания букв и целых слов, орфография (слитно пишет с существительными предлоги в, с, на, не употребляет ђ, юсов, а часто ъ после предлога в), пунктуация (запятых почти нет, только точки, предложения зачастую не отделяет знаками и начинает со строчных букв), характерный пропуск букв в словах и даже целых слов, специфическое написание ряда слов – все выдает почерк Лаптева.

Поэтому можно сделать вывод, что текст на л. 1 – типичный образец старательного почерка Лаптева (ср. с его записями на Кормчей в ОР ГИМ. Увар. № 555/205). Листы 1, 28 об., 29 черновика рукописи содержат образцы самостоятельного, большого, хорошо читаемого текста, написанного Лаптевым, в отличие от многих известных его карандашных записей на рукописях и книгах.

Основная часть рукописи написана другим почерком – каллиграфической скорописью или даже курсивом первой трети XIX в. Его сравнение с почерками переписчиков сочинения Зиновия Отенского "Истины показание" (ОР РГБ, Ф. 310 (Ундольского), № 493, на л. 718 об. перечислены их имена) позволяет утверждать, что принадлежит он сыну Лаптева Аполонию. Можно предположить, что сын переписал текст с черновика, подготовленного отцом неразборчиво и не очень грамотно. Проверив переписанное, Лаптев дополнил и внес исправления в текст.

Теперь о названии книги. Этот вопрос выделяется потому, что в рукописи их два (на л. 1, 24) и оба отличаются от названия изданной книги, т.е. налицо процесс редактирования. Есть еще на л. 23 запись Лаптева "Знаки на бумаге". Ниже даны все три названия.

Рукопись книги

л. 1. Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старин[н]ыя рукописи.

л. 24. Открытие познавать древния книги по клеймам на бумаге и другими средствами о времени их написания в разные столетия. С приложением рисунков, собранных трудами вологодским купцом Иваном Лаптевым.

Издание книги

Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинныя рукописи. С приложением рисунков. Вологодского купца Ивана Лаптева.

Более ранним является, видимо, название на л. 24 (черновик титульного листа книги) с карандашными исправлениями, перекликающимися с названием на л. 1. На л. 24 в названии карандашом подчеркнуто слово "Открытие" (повторяющееся в тексте предисловия) и над ним написано: "Способ", вставлен предлог "по" перед словами "другими средствами" и соответственно поправлены их окончания, а рядом на полях дописано "знакам".

Трудно определить принадлежность этих карандашных исправлений, как и помет на л. 25, 28. По почерку они не похожи на лаптевские, несколько напоминают почерк его сына. Но сделаны небрежно, поэтому отличаются от обычно каллиграфического почерка Аполония. Может быть, поэтому смущают буквы "о", "а", написанные открыто, без соединения, в то время как для него характерно закрытое написание этих букв. Хотя и в его почерке на л. 24, 25 встречается не совсем закрытое "о". Другие буквы этой правки можно найти в обычном почерке Аполония. Отличает его характерное написание строчной буквы "ж", которая есть и в карандашной записи на л. 25 и в тексте на л. 24, 29, 32, 32 об., 35 об., 38 об. Определение почерка этих помет важно в дальнейшем сравнении текстов черновика книги и ее издания.

Вполне естественно, что, изложив свои указания на л. 1, Лаптев дал и новое, нежели на л. 24, название книги. Однако в издании оно составило лишь вторую

часть названия. В результате добавления нового начала название книги стало более громоздким, но в то же время более значительным, научным. При этом подчеркивалось обобщение опыта в отечественной дипломатике (благодаря собранным Лаптевым рукописям). Но кто предложил окончательное название – сам Лаптев, его ученые друзья в Петербурге, неизвестно.

Черновик рукописи состоит из нескольких частей: л. 1 – указания Лаптева о необходимых изменениях в таблице ВЗ и в предисловии книги; л. 1 об. – 20 – таблицы ВЗ; л. 21, 22 – без текста; л. 23 – запись "Знаки на бумаге"; л. 24 – титульный лист будущего издания; л. 25–27 – посвящение книги; л. 28–40 предисловие "От издателя и собирателя рисунков". На л. 25–40 заполнена лишь левая сторона, правая оставлена для дополнений и исправлений.

Расположение таблиц и текста в черновике рукописи иное, чем в книге. И это понятно. Сначала были воспроизведения ВЗ в таблицах, а текст предисловия еще готовился Лаптевым (и переписывался сыном). Об этом он прямо сообщает на л. 1. Рассмотрим его указания своим помощникам, среди которых, безусловно, был сын Аполоний, а возможно, и дочери Елизавета, Ольга.

Дав новое название книге, автор на л. 1 указал предназначение рукописи – представление в цензуру. Далее следуют конкретные изменения, которые следует внести "в подлинник", т.е. в окончательный беловой текст рукописи. У начальных 50 рисунков филиграней указание: "годы, захеряния красными чернилами не писать, а напишутся только в приготавлиемом предисловии книги" (здесь и далее сохранены особенности стиля и орфографии автора книги). У оставшихся 100 рисунков ВЗ он предложил – "написать под каждым годы". Как отмечено выше, некоторые подготовленные рисунки ВЗ перечеркнуты красными чернилами. Причину Лаптев пояснил тут же: "А захеряния рисунки не писать вовсе, а по удобности их опишутца прописью по столетиям"⁸. Видимо, он сомневался в датировке этих знаков (см., например, его запись по поводу даты ВЗ на л. 4 об.). Так и сделано в книге. К ним Лаптев просит помощников "еще несколько выбрать способных к описанию, чтобы было хотя с 20. А описанных и рисунков чтобы всех было 170".

В издании действительно даны 150 рисунков ВЗ и 20 названий типичных ВЗ ("описанных") по столетиям, всего 170. Хотя сохраняется сомнение, когда читаешь предисловие в издании книги. Там, на с. 9, о ВЗ сообщается: "Собрал оных по сей 1824 год 170, из коих представляю здесь несколько". "Несколько" рисунков в книге – это 150 ВЗ. Значит, остальные 20 – только по названиям сюжетов.

Во всяком случае пополнение коллекции филиграней продолжалось даже в процессе подготовки книги. Об этом свидетельствуют и тетради с ВЗ, принадлежавшие Лаптеву, а затем оказавшиеся у М.Н. Михайловского.

И последняя просьба Лаптева к помощникам – точнее сверить рисунки ВЗ с их оригиналами. Как известно, рисунки ВЗ в книге очень неточные, и он это видел. Но, видимо, более точно работающих помощников не было.

Далее в рукописи на л. 1 об. – 20 расположены, как уже отмечалось, таблицы с рисунками 163 ВЗ, 13 из них зачеркнуты красными чернилами. Сравнивая аналогичные таблицы в издании, можно сделать вывод, что при подготовке беловика для цензора были учтены указания Лаптева на л. 1 о необходимых изменениях в составе рисунков ВЗ, тщательной их перепроверке, а также отредактированы названия филиграней.

Что касается "описанных" знаков, то в рукописи названия ВЗ, типичных для определенных веков, изложены подряд в тексте предисловия. В издании они

⁸ В ранее указанной нашей статье (см. 4) проанализированы совпадения ВЗ, вычеркнутых красными чернилами в тетради с ВЗ, принадлежавшей Лаптеву (ОР РНБ. Ф. 247. Д. 45), и в рукописи.

выделены и даны после него столбиком, т.е. проведено дополнительное редактирование. Одно название ВЗ XVI в. "Семилучная звезда" с пометой Лаптева сверху "внутри с кружком" (л. 33 об.) уточнено в книге: "Звезда о 8 лучах с кружком внутри" (с. 10). Но рисунка этого ВЗ нет в книге, поэтому установить, кто ошибся, нельзя.

Расхождения предисловия рукописи и его издания в нумерации и датировке ВЗ № 1–50, также помещенных в изданиях после предисловия, показаны ниже.

В книге (с. 10)		В рукописи (л. 34, 34 об.)	
№ 1–5	1439 г.	№ 1–5	1439 г.
6,7	1478 г.	6	1478 г.
8–14	1495 г.	7–14	1495 г.
15–19	1513 г.	15–19	1513 г.
20, 21	1517 г.	20	1517 г.
22, 23	1519 г.	21, 22	1519 г.
24–27	1536 г.	23–25	1536 г.
28–30	1556 г.	26–28	1556 г.
31–33	1561 г.	29–31	1561 г.
34–40	1574 г.	32–38	1574 г.
41–48	1581 г.	39–46	1581 г.
49–50	1594 г.	47–50	1594 г.

Расхождения можно объяснить уточнениями, внесенными в процессе окончательного переписывания рукописи, когда перерабатывался текст предисловия. Новая нумерация красными чернилами и датировка этих 50 ВЗ в таблицах рукописи совпадает с книжкой, кроме ВЗ № 7, который был в рукописи под 1495 г., а в книге под 1478 г.

Обращаясь к текстовой части книги, важно отметить, что она, во-первых, значительно сокращена по сравнению с черновой рукописью за счет повторов и целого ряда подробностей (в том числе и тех, которые добавил по истории бумаги Лаптев на л. 28 об., 29). Во-вторых, оставшийся текст переработан и отражает другой стиль, нежели у Лаптева. Стиль изложения в издании лаконичный, даже суховатый. В целом редактирование создает впечатление о профессионально грамотном человеке, правившем книгу. Все основные положения авторского текста сохранены.

Начнем с посвящения книги. В рукописи оно занимает л. 25–27 (с оборотами) и не называет лица, к которому обращено. Это, на наш взгляд, естественно для черновика. Хотя можно предположить и другое – Лаптев в тот момент еще не решил, кому посвятить свой труд.

В издании таким лицом назван Архангельский, Вологодский и Олонецкий генерал-губернатор С.И. Миницкий. Понятно почему, ведь Лаптев работу подготовил, живя в Вологде. Посвящение сильно сокращено и отредактировано. Выброшены пространные, витиеватые фразы о "добродетели и человеколюбии" лица, которому посвящена книга, о желании автора послужить Отечеству. Взамен даны лаконичные, принятые в то время формы такого обращения.

Следует отметить в рукописи карандашную запись рукой неизвестного лица в правой части л. 23 (по начертаниям букв сходна с почерком Аполония, с правкой на л. 24): "Желая по возможности быть полезну", которая перекликается по формулировке с первой фразой посвящения в издании, на с. 5: "Желая всеми средствами быть полезным Отечеству..." В издании появилась и такая ученая фраза от лица автора: "уделял время и на сей первый мой опыт в словесности". Ее нет в черновике.

Ценной для нас является одна опущенная из черновика посвящения фраза: "поднести со описанием мною средств собрания моего с рисунками книжку..."

(л. 25), которая прямо указывает на собрание рукописей Лаптева как источник воспроизведений ВЗ в книге.

Подтверждает и расширяет наше представление об этом черновик предисловия, где написано, что коллекцию ВЗ он смог составить "из своих книг и из самых частных малейших библиотек" (л. 38 об.). Тут же он выразил надежду, что в будущем собрание ВЗ смогут "из больших библиотек его описанием или рисунками клеем (клеим. – Ю.А.) пополниться и увеличиться" (л. 39 об., см. л. 40). Как показало наше исследование коллекции ВЗ Лаптева в фонде Н.М. Михайловского и других источников, после выхода книги, живя в Петербурге и общаясь с известными учеными-археографами, библиофилами, он смог пополнить собрание ВЗ с бумаги рукописей крупнейших собраний, в частности, собрания Ф.А. Толстого.

Предисловие или пояснительный текст в издании книги начинается с ее названия. Опущена фраза из рукописи "От издателя и собирателя рисунков" (л. 28), около которой непонятный карандашный значок с отчеркиванием, может быть, с указанием снять фразу (по начертанию сходен с карандашными пометами на л. 24, 25).

Текст, данный от лица автора, существенно переработан, но основные положения черновика сохранены. В частности, изданное предисловие начинается с обращения к читателю о снисходительности к недостаткам книги как первой работы автора. В черновике это находится в конце текста и выражено красивее: "...благонисходительностью и человеколюбием да исправятся мои недостатки ума талантом мудрых" (л. 40). Тут же в издании заявлено о желании пополнить собрание рисунков ВЗ, исправить ошибки, "если позволит время и обстоятельства" (с. 7); в черновике – "если время позволит" (л. 40).

Оба эти положения в черновике находятся в конце рукописи. Начинает же предисловие Лаптев с пространного рассуждения о своем "открытии" для "любителей чтения, а особливо древних и средних веков книг", "ибо всякая древность возбуждает в нас любопытство, и самая древняя бумага обращает на себя внимание, ибо открывает нам" историю (л. 28, 28 об.). За этим следовала фраза восхищения "знаменитейшим историографом г-м Карамзиным" и его "Историей государства Российского", "которая для всяких познаний и сведений поистинне есть драгоценнейшая для нас и поз[д]нейших потомков" (л. 28 об.). Со ссылкой на этот труд излагал Лаптев и сведения о первом употреблении бумаги в России в XIV в.

Как свидетельствуют изученные нами записи Лаптева и его детей на ряде рукописных книг его собрания, обращение к труду Карамзина было не случайно. В семье Лаптевых его читали и хорошо знали, как и во многих грамотных русских семьях того времени.

Но редактор, лишенный эмоций либо подстегиваемых желанием сокращения текста, опустил в издании панегирик в адрес знаменитого историографа, оставив только краткие данные из его труда о начале употребления бумаги в России. Но при редактировании или печатании в предложении "только две грамоты принадлежат к числу древнейших рукописей, донныне известных" пропущено слово "бумажных", что создало неточность в понимании фразы.

Следует подчеркнуть, что именно эта часть предисловия в книге наиболее близка к тексту черновика рукописи.

К сожалению, в книгу не попали дополнения Лаптева из черновика рукописи, касающиеся истории материала для письма-папируса, пергамента ("боргамена", "паргамена"), появления "хлопчатой бумаги" (от которой, по словам Лаптева, и осталось название "бумага". В сноске на л. 29 он добавил: "Некоторые народы называли сию бумагу банбицином" (бомбицина. – Ю.А.) и, наконец, "трепиш-

ной". Лаптев описал их отличие: хлопчатая "не имеет на себе линий, то есть граф или полосок", которые видны на свет "на всякой трепишной бумаге" (л. 28 об.)⁹.

Редактор книги, видимо, счел эти сведения излишними, достаточно известными исследователям и опустил. Безусловно в западных работах о бумаге они фигурировали. В отечественных словарях первой трети XIX в. и позже появлялись статьи о бумаге, которые не сравнить, конечно, с таковыми в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера и работами Лаланда. Только с изданием трудов Н.П. Лихачева в конце XIX в. история бумаги была последовательно изложена в отечественной литературе. Однако о хлопчатой бумаге специалисты вели дискуссии почти до середины 30-х годов XX в.

О том, что в семье Лаптевых знали о зарубежных работах по филиграням, свидетельствует факт перевода его дочерью Ольгой (надо думать, по просьбе отца) одного из ранних западных сочинений о ВЗ – книги Жансена¹⁰. К какому периоду относится знакомство Лаптева с иностранной специальной литературой – неизвестно. Скорее ко времени, когда Лаптевы уже жили в Петербурге, так как в Вологде, вряд ли они могли получить столь редкое издание.

Во всяком случае дополнения Лаптева в черновике рукописи свидетельствуют о том, что, создавая свое собрание рисунков ВЗ и подготавливая его к публикации, он не просто интересовался особенностями производства бумаги, но и изучал ее историю. И его знание этого вопроса выходило за пределы труда Карамзина. Думается, что краткое изложение этого материала в книге не только не помешало, а способствовало бы распространению знаний по истории материальной культуры.

В связи с дополнениями Лаптева в черновике отметим рабочую деталь – значки, которые он употреблял для вставок текста (z, #) и сноски (::). Они встречаются и в его записях на рукописях и книгах.

После исторического экскурса о бумаге в черновике рукописи пространно разъясняется вопрос об отсутствии дат на многих старинных рукописях и старопечатных книгах, о чем "многим ведомо" (л. 29 об.). Здесь Лаптев о себе пишет скромно и с большим пиететом относится к ученым. Например: "Но ученейшия же и знаниями одаренныя люди весьма узнают книги... по слогу, и наречию, и выговорам, а другие знатоки – по формату образцовых букв и почерку..." (л. 29 об., 30).

В издании книги этот текст значительно сокращен, хотя сохранены некоторые авторские выражения (о датах – "выходы утратились"), и говорится только о рукописях. А вместо приведенной выше фразы читаем: "Но занимающиеся Дипломатикой весьма легко и без сего (т.е. без даты. – Ю.А.) узнают время рукописи, рассматривая форму литер, почерк, слог и некоторые другие признаки" (с. 8). Наличие определения "дипломатики" и в новом названии книги позволяет предположить, что в обоих случаях правка принадлежит одному и тому же лицу. В черновике рукописи это определение не встречается.

Наконец, Лаптев подходит к главному предмету изучения – водяным знакам бумаги, которые он, как тогда было принято, называет клеймами: "А клейма же заводския, смотря к свету, почти на каждой есть видимы" (л. 30). Поэтому по ним "любители книг", книготорговцы, "хорошие знатоки" определяют время написания рукописей и книг. В издании редактор оставил только "торговцев книж-

⁹ Позднее, в 1832 г., в записи на одной из рукописей XIV в. он, подтверждая основное отличие, уточнял: "а хлопчатая с одними частыми, а без ретких линий" (Иванова К.И. Рукописи И.П. Лаптева в собрании М.П. Погодина // АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 190).

¹⁰ Jansen [H.] Essai sur l'origine de la gravure en bois et en taille-douce, et sur la connoissance des estampes XVe et XVIe siècles suivi de recherches sur l'origine du papier de coton et de lin... P., 1808. Т. I–II. Пер. гл. XII Т. I на рус. яз. О. Лаптевой находится в ОР БАН (Собр. Ф.М. Плюшкина. № 176).

ных" и только пример с ВЗ "бычья голова" (с. 8), т.е. ограничил категории людей, изучающих книгу, и число примеров ВЗ, чем погрешил против мнения автора.

Дальнейший текст предисловия вплоть до описания филиграней сокращен нещадно и в издании превратился в одну фразу: "Как средство это осталось исключительно в руках людей *знающих* (в черновике, на л. 30 об.: "Сие средство оставаясь в известности а только у *знающих*"), то, желая по возможности быть полезным (повтор текста карандашной пометы на л. 25 и варианта ее в начале посвящения книги), старался я собирать и описывать заводские клейма бумаг, мне попадающихся, и таким образом собрал оных по сей 1824 год 170, из коих представляю здесь несколько начиная со времени введения в России употребления бумаги по 1701 год как редчайшие" (с. 9).

При таком сокращении не только допущена небрежность по отношению к автору, долгие годы собиравшему и тщательно изучавшему рукописи (а не случайные попадавшиеся бумаги), но оказался вне книги ряд важных для историка сведений. Прежде всего о том, давно ли и как Лаптев изучал филигрانی. Вот что написано в черновике: "...зачал я замечать и для памяти записывать изображения, а с других ор[и]гиналов снимать и собирать несколько уже годов из древних и средних веков из книг рисунки, опричь описанных, из коих и снял по сей 1824 год¹¹ 150 рисунков" (л. 31). Ясно, что Лаптев собирал ВЗ не один год и, следовательно, начал этим заниматься в Вологде еще до переезда в Петербург.

Получаем мы представление и о том, как он работал. В процессе изучения источников делал заметки о найденных ВЗ (например, "бычья голова" и т.д.), а с наиболее редких или хорошо видимых воспроизводил знаки сам (или с помощью детей) для своей коллекции. Это важно подчеркнуть, чтобы понять, почему в черновике и книге фигурируют разные цифры собранных филиграней (хотя количественно они не столь важны).

После редактирования в книге дана без объяснений цифра 170. И только записи в черновике на л. 31 и особенно приведенные выше указания Лаптева на л. 1 позволяют понять, что Лаптев имел в виду 150 рисунков ВЗ, "опричь описанных". Подтверждение находим и на л. 32 рукописи – "в сей книге описанным или изображенным рисункам". Не случайно ученые указывают разные цифры ВЗ.

Неточно редактор сформулировал и начало периода, за который приведены филигрانی, – "со времени введения в России употребления бумаги". Но в книге ВЗ – описанные и рисунки – не с XIV, а с XV в. В черновике определение более общее: "с древности и по сей 1701 год" (л. 31 об.). Это позволяет предположить наличие у автора более ранних ВЗ, что подтверждается коллекцией филиграней Лаптева (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 45).

Опущено в книге указание автора из черновика на то, что ВЗ взяты "из тех только книг, в коих означены годы, когда оне написаны или напечатаны" (л. 31 об., 32). Такое указание на точно датированные источники ВЗ сегодня обязательный показатель профессионализма составителей альбомов филиграней. И мы уже приводили пример того, как сомнения в датировке ВЗ заставляли Лаптева исключить их из готовящейся книги.

Далее в издании опущен весь последующий текст рукописи (с л. 32), кроме описания знаков. Рассмотрим его.

В черновике Лаптев пространно описывает, как пользоваться его книгой тем, кто, имея дело с рукописными или старопечатными книгами без дат ("без лето-

¹¹ После этого слова над строкой, скорее всего, почерком И.П. Лаптева повторено "опричь описанных".

писи"), "другими средствами о времени их написания познать не может" (л. 32). Как видим, он, выражаясь современным языком, придерживался комплексного подхода в изучении, вместе с тем подчеркивая значение ВЗ, когда другие средства не помогли. Он советовал сравнивать "клейма" бумаги недатированных рукописей не только с изображениями ВЗ в его книге, но и с "описанными", т.е. с типичными сюжетами ВЗ по векам. "И припомня здесь описанные знаки можно и на память чрез частое употребление узнавать всегда древнюю книгу" (л. 32 об., 33). Строго говоря, такой метод сравнения не давал точного определения даты, так как наглазок нельзя учесть изменения знака в процессе производства, а лишь с помощью сравнения кальки. Однако мы знаем, что и сегодня большинство исследователей рукописей не имеют возможности калькировать ВЗ в архивах, а пользуются визуальным способом. Преимущество их составляет возможность пользоваться многочисленными альбомами ВЗ, изданными после книги Лаптева.

Как все же разумел Лаптев точность датировки по ВЗ? Во-первых, если дан рисунок ВЗ с годом, то "такое же клеймо... скажет время написания той книги самое ближайшее" (л. 32 об.). И далее в предисловии перечислены описанные и датированные в книге ВЗ. Во-вторых, опыт ему подсказал интервал в 25 лет: "когда таковое же клеймо, случается иногда лет около 25-ть после или прежде здесь означенного в описании или под рисунком году", если "бумажная фабрика" находится у одного и того же владельца (л. 35). Смена владельца вызывает и смену ВЗ бумаги "для означения собственности и доброты своего изделия" (л. 36). Однако такой срок в датировке Лаптев не считал большим, не только учитывая древность происхождения рукописи (книги), но потому, что и по "другим средствам" ("почерк", "слог", "формат букв") "определить не могут в начале или половине такого-то столетия" (л. 35 об.) она написана.

Если же в бумаге изучаемой рукописи нет ВЗ, помещенных в его книге, или же бумага столь древняя, что не имеет ВЗ, то тогда пользоваться "вторым средством и узнавать по слогу, наречию и выговорам" (л. 37). При недостаточных знаниях в этой области Лаптев рекомендовал изучать "драгоценные книги", а именно: "вышеупомянутую знаменитейшую историю (Карамзина. – Ю.А.) в примечаниях истолкованных наречий, и книги, изданные... графом и кавалером Румянцевым под названием "Собрание государственных грамот" (л. 37 об.). Оценивая археографическую и историографическую роль этих ученых, Лаптев назвал их "патриотами Отечества" (л. 38).

"Третьим средством" Лаптев считал изучение древних книг "с летописью и выходом", т.е. непосредственное исследование других датированных источников.

"И оные выше[о]писанные три средства преподадут понятие и знание о времени написанных книг без летописи" (л. 38 об.). Так заканчивает Лаптев свое изложение комплексного подхода к изучению рукописей.

Отметим еще, что в черновике предисловия Лаптев указал на важное значение ВЗ не только для датировки старинных рукописей и книг, но и для выявления их подделок, которые как раз начали заполнять книжный рынок в конце XVIII – первой половине XIX в.: "И при том же сим открытием различать истинную от подложной по корыстолюбию в недавнее время древними летами подписанную книгу" (л. 33). К сожалению, это не вошло в текст издания. В черновике предисловия неоднократно повторяются выражения о скромном вкладе автора книги как первом опыте в этом деле, доходящие до самоуничижения. Учитывая положение автора-любителя, самоучки, их можно считать не просто формой стиля того времени, но отражением его человеческой скромности, сознававшего недостатки своего образования и преклонявшегося перед учеными-историками и палеографами.

Сравнительное исследование текста черновика книги Лаптева и ее издания позволяет сделать ряд заключений.

Прежде всего полнее и четче выявляются взгляды автора по специальному вопросу, предмету его исследования – о бумажных водяных знаках, их истории и использовании, а также его отношении к крупнейшим историческим трудам и публикациям документов в тот период, к самим первоисточникам – старинным рукописям и старопечатным книгам. Что касается филиграней, то Лаптев не только собирал их рисунки с целью передачи своего опыта, "открытия", но и был знаком с историей развития производства бумаги, в том числе в России. Он изучал и с глубоким уважением относился к труду Н.М. Карамзина "История государства Российского", к изданиям сборников документов Н.П. Румянцевым и его помощниками. Дополнительный материал из рукописи книги, неоднократные призывы Лаптева к собиранию и изучению старинных источников хорошо характеризуют его гражданскую позицию патриота своего Отечества.

Полняются наши знания об источниковой базе книги: она издана на основе коллекции ВЗ бумаги не только его собственного собрания, но и других небольших частных библиотек. Думается, что углубленное изучение обнаруженных автором настоящей статьи тетрадей коллекции ВЗ Лаптева поможет выявить конкретные рукописи и книги, с бумаги которых они были сняты, а тем самым пополнить наши сведения о собрании Лаптева, после его смерти разошедшемся по разным лицам.

Исследование текста и почерков этой рукописи и других записей в тетрадях с рисунками ВЗ коллекции Лаптева дает возможность показать сам процесс создания книги, автором которой был Иван Петрович Лаптев, а помощниками в выявлении, воспроизведении ВЗ и переписывании текста его дети, т.е. в подготовке книги принимала участие семья Лаптева.

И последнее. Текст черновика рукописи книги, готовившейся для представления в цензуру, т.е. предпоследний вариант, очень отличается от текста издания книги как по объему, так и по стилю. В статье показано, что правка текста была начата еще в черновике рукописи, видимо, сыном Аполонием по указанию И.П. Лаптева. Но кто был тем редактором, который, сохранив основные положения авторского текста, однако, существенно его сократил и стилистически переработал, остается загадкой. В результате редактирования произведения Лаптева, трудночитаемое в первоначальном виде, приобрело вполне пригодный для издания вид, хотя и потеряло ряд существенных деталей.

Приложение

Письмо И.П. Лаптева Ф.А. Толстому¹ с просьбой о доставке старопечатных книг из Москвы

Санкт-Петербург, 12 июля 1828 г.

Ваше сиятельство, милостивый государь Федор Андреевич! От истинности сердца желаю Вам, дабы Всевышний низпослал Вам всякое благо и хранил жизнь Вашу на должайшия лета в благоденствии и здравии к величайшей радости всех любящих и почитающих Вас.

Будучи пользуясь я Вашими милостями, при отъезде Вашего сиятельства из Санкт-Петербурга всепокорнейше просил Вас пожаловать одолжить из Вашей библиотеки на короткое время книги, напечатанной в 1640-м году под названием преподобного Никона Черныя горы, описанной в библиографии у Сопикова² под № 594-м, и Требник, печатанной в Вильне 1618-го года, у Сопикова стоящий под № 1449-м, Слово соединение восточной церкви с западною, напечатанной в Вене 1771-го году в осмушку, которая книги и в каталоге³ письменном у Вашего сиятельства я видел, первая под № 91, вторая под № 60-м, а третья последняя под № 318-м, на которые благоволили мне приказывать принести записочку, изволили онныя обещать из Москвы привести с собою, но я не имел счастья

записочку Вам доставить по причине скорого Вашего отъезда. И потому ныне осмелился просить паки Ваше сиятельство, дабы онныя книжки пожаловали с собою привезли, чем весьма покорного к Вам всегдашним услугам всегда одолжите.

За сим остаюсь к Вам с моим истинным высокопочтением и таковою преданностию Вашего сиятельства, милостиваго государя покорный слуга

Иван Лаптев

С.-Петербург
1828-го года,
июля 12 дня

В правом верхнем углу помета: "Передано мне июля 18"⁴.

Примечания

- ¹ Толстой, Федор Андреевич, граф, проживал в Москве, владел одной из крупнейших в России частных библиотек. Лаптев, судя по записям в тетрадях с водяными знаками его коллекции (ОР РНБ, Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45), использовал целый ряд рукописей и книг из этой библиотеки.
- ² *Сопиков В.С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1. № 594. Книга преподобного и богоносного отца нашего Никона, игумена Черныя горы: Пер. с греч.; в Остроге, 1640, в лист. Очень редка; № 1449. Требник, имеющий в себе церковная разная последования, Иереом подобающая: пер. с греч. Новое изд. Вильна, 1618, в 4°; СПб., 1821. Ч. V.; № 12971. Месяцеслов (с Богом святым) восточного православного исповедания в державах Цесарокралевского величества обретающегося славяно-сербского и валахийского народов неунитов; в Вене, в 8°.
- ³ См. печатный каталог: *Строев П.М.* обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1829. I. № 94, 62, 266.
- ⁴ Помета чернилами, как указано в картотеке ОР РГБ, рукой П.М. Строева. Видимо, граф передал письмо Строеву как смотрителю своей библиотеки для подбора книг. Поэтому оно и сохранилось в фонде Строева.

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРАХ
«ОЧЕРКА ИСТОРИИ КРУЖКА "ЧАЙКОВЦЕВ"»***

В первом томе сборника "Революционное народничество 70-х годов XIX века" (М., 1964), содержащего архивные документы о революционном движении, имеется документ, обнаруженный составителями сборника В.Ф. Захариной и Б.С. Итенбергом в ЦГАЛИ (фонд С.М. Кравчинского) и названный ими согласно его содержанию «Очерк истории кружка "чайковцев"»¹. В подлиннике названия нет.

Документ этот – рукопись исторического сочинения, охватывающего 1869–1872 гг. и написанного, как указывает в предисловии к сборнику Б.С. Итенберг, неизвестным автором.

Рукопись состоит из введения, четырех глав: "Общий очерк жизни петербургского радикального студенчества в 1869–1871 годах"; "Книжный кружок (от начала 1869 до начала 1872 г.)"; "Начало кружка чайковцев (весна 1871 – весна 1872 г.)"; "Перелом в деятельности чайковцев (начало 1871 – лето 1872)" – и комментария. Текст рукописи, по-видимому, переписан переписчиками (первая глава – одним лицом, последующие – другим, вставки написаны разными почерками; на полях рукописи – редакторские пометки, вставки и т.д.).

Об авторе рукописи Итенберг пишет: «Трудно определенно сказать, кто автор этого очерка, но несомненно, что это был человек, находившийся в курсе всех важнейших событий общества пропагандистов, осведомленный о многих подробностях истории и деятельности "чайковцев"»². Это ясно видно из текста рукописи.

Но кто же был автором (или авторами) этого очерка? Есть две версии. К.Г. Ляшенко считает, что автором рукописи был Н.А. Морозов, занимавшийся летом 1880 г. составлением "Истории социалистического движения в России за 1873–1875 гг.", при содействии, как пишет сам Морозов, "Чайковского, Цакни, Сер[гея]³ и др.", и что очерк явился первым выпуском труда Н.А. Морозова, о котором он писал П.Л. Лаврову⁴.

Но ведь Морозов до 1873 г. вообще ничего не знал о революционном движении пропагандистов, о кружке чайковцев, возникшем в 1871 г. и тем более обо всем, что этому предшествовало в Петербурге в 1869–1871 гг.⁵ Он и сам свидетельствует: "Сведения мои относятся гл[авным] обр[азом] только к дв[ижению] 74 и с весны 78 до отъезда из России (февраль 1880), за последний период я действительно знаю внутреннюю сторону движения во всех его мелочах"⁶. Так что Морозов никак не мог быть человеком, "находившимся в курсе событий" 1869–1872 гг. в Петербурге, описанию которых посвящена рукопись, и

* © Е.В. Чихачева

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сборник. М., 1964. Т. 1. С. 202 (док. № 24).

² Там же. С. 13.

³ Имеется в виду С.М. Кравчинский.

⁴ Ляшенко К.Г. Об авторстве и истории создания рукописи «Очерк по истории кружка "чайковцев"» // ИСССР. 1965. № 4. С. 148; ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 3. Д. 79. Л. 15.

⁵ Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1961. Т. 1, кн. 1.

⁶ Ляшенко К.Г. Указ. соч. С. 147; ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 317. Л. 1 об.

быть ее автором. Но известно, что, предпринимая свою работу, он (вместе с Кравчинским) обратился к находившимся в то время за границей товарищам с просьбой написать свои воспоминания о движении 1870-х годов. Ляшенко по письмам Морозова установила, что они обращались к В. Лангансу, Е. Левенталю, Л. Попову, К. Аркадакскому, А. Таксису, Л. Гинзбургу, С. Клячко, Н. Судзиловскому, З. Ралли и еще к некоторым другим (многие имена остались для Ляшенко неизвестными). В донесении начальника тайной полиции России за границей Рачковского, видевшего в 1887 г. эти воспоминания в архиве "Народной воли", называются еще воспоминания И. Добровольского, Л. Дическуло, Н. Паевского, Н. [?] Жебунева, Д. Аитова, И. Деникера⁷.

В.А. Твардовская⁸ дополнила список лиц, к которым обращались Н. Морозов и С. Кравчинский, Д. Айвазовым, В. Ивановским, В. Иохельсоном, П. Кропоткиным, П. Лавровым, Г. Романенко, П. Ткачевым. Воспоминания, однако, прислали не все, да и почти все присланные считаются утерянными⁹.

Из присланных воспоминаний Морозов и составил "Историю", успев написать только первый выпуск. Причем, по его собственному свидетельству, переписывал воспоминания дословно, не делая изложения¹⁰. Это ясно видно из самого текста очерка, который является первым выпуском и предисловием к общей "Истории" по материалам, написанным очевидцами и участниками событий. Так что Морозова, повторяю, никак нельзя назвать автором "Очерка истории кружка чайковцев".

Чьи же воспоминания составили этот очерк и как они там представлены? Отрицая, совершенно справедливо, версию Ляшенко как ошибочную, Н.А. Троицкий выдвигает другую версию о том, что автором очерка был Н.В. Чайковский, воспоминания которого Морозов переписал с некоторыми изменениями отдельных абзацев и фраз, о чем сам сообщает в письме к Чайковскому: "Ваши воспоминания войдут в "Историю" почти целиком. Я позволил вычеркнуть только два небольших места и переделал кое-где слог для единообразия с последующим изложением"¹¹. Из этого письма и текста рукописи видно, что Морозов переписал в очерк воспоминания Чайковского как достоверного свидетеля событий до 1873 г. Однако, анализируя текст очерка, можно сказать, что и версия Троицкого не является окончательной: Чайковский не был единственным автором найденной рукописи, он не мог дать всех имеющихся в ней сведений и не все ее части принадлежат его перу.

Прежде всего введение к "Истории кружка чайковцев", по-видимому, написано С.М. Кравчинским, который и был редактором очерка. Это видно и из содержания, которое можно сравнить с другими сочинениями Кравчинского на близкие темы, и по более эмоциональному, нежели в дальнейшем тексте документа, стилю, а также по почерку и характеру редакторских замечаний на полях рукописи. Отсюда становится ясным и то, почему рукопись была найдена в архиве Кравчинского. Когда был составлен очерк, Кравчинский взял его для редактирования, и таким образом он сохранился у него, тогда как другие материалы оставались у Морозова.

⁷ Деникер И.Е. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 11(4). С. 20.

⁸ Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 123.

⁹ Н. Морозов, уезжая в январе 1881 г. в Россию, передал О. Любатович находившийся у него архив "Народной воли" вместе с этими воспоминаниями. Потом архив был у П. Лаврова, а затем у Л. Тихомирова, который в 1887 г. переслал его В. Дебогорию-Мокриевичу и Э. Серебрякову. Затем этот архив пропал, кроме воспоминаний И. Деникера (найденных Витязевым в архиве Серебрякова), А.О. Лукашевича (напечатаны) и М.Р. Ланганса (хранившихся у В. Дебогория-Мокриевича).

¹⁰ См. письма Н.А. Морозова к В.Н. Фигнер (*Ляшенко К.Г., Троицкий Н.А.* Версия требует уточнения: Об авторстве рукописи «Очерк истории кружка "чайковцев"») // ИСССР. 1968. № 5. С. 133), и к Н.В. Чайковскому (*Ляшенко К.Г.* Указ. соч. С. 148).

¹¹ *Ляшенко К.Г.* Указ. соч. С. 148.

Кравчинскому, очевидно, принадлежат и названия разделов на полях рукописи. Во введении использованы были также воспоминания других лиц, например Деникера о вечерах на "Вульфовке" в конце 1869 – начале 1870 г., куда Деникер приходил не раз и запомнил поразившие его споры. Сам Кравчинский этот первый период знал не так твердо, придя в круги радикальной молодежи ближе к 1872 г., когда уже и "Вульфовки" давно не было.

Чайковскому, без сомнения, принадлежит вся третья глава очерка "Начало кружка чайковцев"¹². Будучи одним из организаторов этого кружка и одним из ревностных его членов (когда кружок М. Натансона из Вульфовой коммуны объединился с женским кружком самообразования), Н. Чайковский до мельчайших подробностей знал, конечно, о его деятельности и поэтому мог так подробно описать все события, изложенные в третьей главе, включая и список литературы, издаваемой чайковцами в 1871–1873 гг. Он сам занимался издательством, после того как в 1871 г. Натансон передал ему эти дела. Остальные члены кружка, бывшие тогда за границей, пришли в кружок позже весны 1871 г.

Чайковскому принадлежит частично и вторая глава "Книжный кружок" (за исключением вставок из первой главы, о чем ниже). Но так как Чайковский вступил в "Книжный кружок" не раньше 1870 г., когда "книжное дело" уже развернулось в Вульфовой коммуне, то, естественно, он не мог точно знать, кем и когда оно было начато, и допустил некоторые ошибки¹³. В письме к Л.Э. Шишко Н.В. Чайковский писал: "Книжное дело было основано даже до образования кружка и моего вступления в него"¹⁴. Указание на это имеется и в «Очерке истории кружка "чайковцев"», где говорится о том, что "Книжный кружок" был не оформлен, что "это была более тес[ная] (? – Е. Ч.) др[угих] круж[ков] коммуна под названием Вульфо́ва"¹⁵.

Действительно, "книжное дело" было организовано в студенческой коммуне под названием Вульфо́ва. Во второй главе учредителями "Книжного кружка" названы студенты Медико-хирургической академии (МХА), причем указано, что кружок был организован в Вульфовой коммуне. Эту коммуну устроили студенты академии приема 1868 г.: В. Ивановский, М. Натансон, И. Добровольский, И. Рождественский, Н. Лопатин и др. Вскоре в ней был создан кружок самообразования и развернулось "книжное дело" – распространение книг среди молодежи. Этому помогло то, что в МХА существовала разрешенная студенческая библиотека, где библиотекарями были Ивановский и Натансон, которые стали закупать и распространять книги, сначала среди своих, потом и среди студентов других учебных заведений (Лесной институт, Технологический институт, университет). Как показывает история студенческих волнений осени 1868 – весны 1869 г., первые большие сходки были не в университете, а в МХА. На сходки приходил Нечаев еще в 1867 г.

В. Александров, которого Н. Чайковский ошибочно считал одним из инициаторов "книжного дела", поступил в МХА на год позже, а в Вульфовой коммуне жил лишь с 1870 г. Таким же образом объясняется ошибка в комментарии № 7 (первый)¹⁶ о знакомстве Сердюкова с Натансоном якобы в университете. На самом деле А.И. Сердюков, поступивший в МХА в 1869 г., бывший воспитанник Гатчинского сиротского института, однокурсник Александрова, жил вместе с

¹² Ляшенко в указанной статье также пишет по поводу письма Морозова к Чайковскому, что речь в нем идет о второй и третьей главах.

¹³ На это обратил внимание и редактор очерка, не согласившийся с фамилиями инициаторов.

¹⁴ Ляшенко К.Г., Троцкий Н.А. Указ. соч. С. 132 (письмо Чайковского к Шишко 4 июня 1902 г.)

¹⁵ Революционное народничество... С. 212.

¹⁶ Там же. С. 236.

Натансоном и другими в Вульфовой коммуне и вместе с Натансоном и Александровым приходил в университет после волнений в марте 1869 г. в МХА, где, видимо, с ними и познакомился Чайковский. В письме к Шишко он писал, что был приглашен в кружок Натансона, когда "книжное дело" уже развернулось. Вообще Чайковский, как указано в очерке, до 1871 г. "больше ходил на собрания, слушал и присматривался"¹⁷. Этим и объясняются неточности во второй главе относительно возникновения "Книжного кружка" и состава его членов. Вставки в нее и раздел "Кружок и молодежь" не могли принадлежать Чайковскому. Но об этом ниже.

Четвертая глава "Перелом в деятельности чайковцев (весна 1871 – лето 1872)" в основном, конечно, принадлежит Чайковскому, но рассказ о Сердюкове взят из некролога, написанного Кравчинским для журнала "Община" в 1878 г.¹⁸ Многие (но не все) комментарии ко второй, третьей и четвертой главам явно взяты из воспоминаний Чайковского. Но первая глава очерка "Общий очерк жизни петербургского радикального студенчества в 1869–1871 годах" никак не могла быть написана Чайковским, так же как и комментарии (№ 1–6) и некоторые другие места рукописи. Ибо Чайковского еще не было в той среде, о которой рассказывается в первой главе, и многого о ее жизни он не мог знать.

Именно поэтому версию Троицкого нельзя считать достаточной. Чайковский не был единственным автором найденной рукописи. Кроме Кравчинского, у нее был еще один автор. И этот третий автор хорошо знал события жизни петербургского студенчества 1868–1869 гг., Чайковскому или Кравчинскому неизвестные (или плохо известные). Он знал и людей, которых не было среди их товарищей. Что касается всех остальных, к кому обращались Морозов и Кравчинский, то они или пришли в эту среду еще позже (в 1871–1872 гг.), или действовали тогда в других городах¹⁹. Третьему автору и принадлежат первая глава очерка и некоторые вставки во вторую, а также комментарии № 1–6.

Первая глава заметно отличается от остальных глав и введения. Сразу бросается в глаза, что автор исходит в основном из жизни студентов МХА в эти именно годы. Начинается глава с описания и анализа настроений и деятельности общей массы петербургского студенчества после разгрома студенческих волнений в марте 1869 г., разыгравшихся в академии и распространившихся на остальные высшие учебные заведения Петербурга и некоторых других городов. Все примеры в первой главе автор берет из жизни студентов академии, причем дает их очень подробно, до мелочей: названия кружков самообразования, места сходок, темы, изучавшиеся или обсуждавшиеся в кружках и на сходках еще до 1869 г., даже имена студентов МХА (Воронцов, Кадьян, Петров, Пружанский и их знакомые), бывших несколько в стороне от кружка Натансона, но приходивших на собрания. Тут надо отметить один маленький, но довольно значительный факт: при перечислении кружков первыми названы кружки "тульских семинаристов" и "гатчинский" (кружки МХА)²⁰.

Кружок тульских семинаристов – кружок, собравшийся вокруг своего однокурсника-земляка В.С. Ивановского. Гатчинский – кружок студентов МХА, состоявший из бывших воспитанников Гатчинского сиротского института. При перечислении студенческих коммун названы почти только коммуны студентов МХА: "Вульфовка, Бармалеевка, Лештуковка, Афанасьевская, полка Иванов-

¹⁷ Там же. С. 239.

¹⁸ Анатолий Иванович Сердюков // Община. 1878. № 5. С. 15

¹⁹ См. их биографии в энциклопедиях, справочниках и других изданиях.

²⁰ Один раз названа коммуна в Измайловском полку и несколько раз – "Вульфовка".

ского"²¹. Даже в коммуне нечаевцев "Смаргония" были студенты МХА. Причем в этом перечислении есть одна существенная деталь: слово "полка", первоначально написанное, было потом зачеркнуто и над ним поставлено слово "коммуны", очевидно, Морозовым или редактором, так как они не знали этого шуточного названия кружка Ивановского, члены которого отличались большой активностью в делах пропаганды среди молодежи. В дальнейшем этот кружок стоял отдельно от появившегося кружка чайковцев (отчего мы и не встречаем нигде упоминаний о нем у мемуаристов-чайковцев). Поэтому слова "полка Ивановского" показались непонятными редакторам.

Все это ясно показывает, что автор первой главы был студентом МХА приема 1868 г., но, более того, он был членом и Вульфовой коммуны, основанной студентами МХА в 1868–1869 гг. Поэтому при описании занятий в кружках автор первой главы все время дает описания занятий в кружке Вульфовой коммуны (рефераты, распределение тем, высказывания и т.д.).

Обращаясь теперь снова ко второй главе, видим, что раздел "Кружок и молодежь"²² тоже принадлежит автору первой главы, так как он естественно примыкает к теме, раскрывающейся в ней, но прерванной явно чужой вставкой о чайковцах²³. Она, очевидно, и заменила раздел, перенесенный во вторую главу. Это заметил редактор очерка Кравчинский: на полях рукописи в начале перенесенного раздела есть редакторская пометка синим карандашом: "К 1 главе?" Причем, переписывая этот раздел с подлинника, составитель Морозов нечаянно повторил имеющуюся уже в первой главе его часть²⁴. Дело в том, что в рукописи текст от слов "между существовавшими тогда кружками самообразования" (в первой главе этот абзац начинается словами: "Так возникли кружки") и до слов: "чем-то вроде школ практического социализма", являющийся повторением текста в первой главе, перечеркнут редактором Кравчинским накрест несколько раз, и на перечеркнутом тексте красным карандашом написано: "В главе 1", а на полях против сего раздела (пощерком редактора) написано: "см Добров стр" (в подлиннике знаков препинания нет).

Вот здесь и находится разгадка тайны третьего автора рукописи: его нам называет сам редактор. Автором первой главы, вставок во вторую и первых шести комментариев был Иван Иванович Добровольский, воспитанник Гатчинского сиротского института, студент МХА приема 1868 г., однокурсник В.С. Ивановского, М.А. Натансона, И.А. Рождественского, В.П. Воронцова, Д.М. Герценштейна, Н.К. Лопатина, единственный из членов Вульфовой коммуны (кроме Ивановского), бывший тогда за границей²⁵.

Это его воспоминаниями, которые видел Рачковский, является первая глава очерка, вставки, где говорится о первом периоде студенческого движения и

²¹ Революционное народничество... С. 208. Коммуна "Даниловичи" во второй главе, очевидно, пропущена переписчиком в первой.

²² Там же. С. 207.

²³ Вставка в первую главу о чайковцах ("Отчасти под влиянием чайковцев... Это было уже к началу 1870 г.": Там же. С. 208) явно чужая и поэтому ошибочная. Автор первой главы, живя в Вульфовой коммуне вместе с Ивановским и Натансоном, знал начало "книжного дела" и не мог написать, что его начинали чайковцы. Как и о кружках самообразования, что они организовывались под влиянием чайковцев, что вообще противоречит всему, что написано в первой главе. То же самое относится к фразе о том, что чайковцы привлекли молодежь к распространению тенденциозных книг: чайковцев не было и в 1869 г., и в 1870 г.

²⁴ Там же. С. 208.

²⁵ Ивановский, очевидно, не прислал своих воспоминаний, так как в очерке не отражена его большая деятельность по распространению книг и организации многих коммун и нет упоминания о членах его "полка".

начале "Книжного кружка" с разбором его влияния²⁶. Только он один из всех остальных, кроме Ивановского и Александрова, эмигрантов-революционеров 70-х годов мог знать все мелкие подробности, имеющиеся в рукописи (например, об обыске в Вульфовой коммуне, на протоколе которого стоит и его подпись, о предложениях Герценштейна на сходке в "Вульфовке" по поводу "статистической лихорадки" (1869 г.)). В первой главе несколько раз упоминается и "Вульфовка".

Разумеется, только Добровольскому мог принадлежать и текст комментария № 4. Такое подробное описание жизни в Вульфовой коммуне мог дать только ее участник. Фамилии приходивших на ее собрания из "Смаргонии" (причем составители, не знавшие их, поставили вопросительный знак, изменив фамилию Боборыковой), то, что лошадей, купленных коммуной для еды, убивал на академическом дворе студент-ветеринар (МХА), что "кассир" выдавал всем членам коммуны деньги на сапоги и марки и что деньги вносили кто сколько мог (но это никого не беспокоило), знал, конечно, только Добровольский, единственный среди эмигрантов, кроме Ивановского, участник Вульфовой коммуны с самого ее начала (Александрова считать не приходится из-за разрыва отношений с ним). Видимо, описание жизни Вульфовой коммуны было вынуждено из воспоминаний Добровольского, когда переписывалась первая глава, а потом его решили вставить в комментарии из-за ценности этих сведений, учитывая большую роль этой коммуны в первый период студенческого движения.

Ко всему этому хочется добавить еще одно небольшое замечание о стиле первой главы и раздела второй главы "Кружок и молодежь". Он заметно отличается от стиля остальных глав отсутствием "личного" отношения и постоянным разъяснением и анализом описываемых событий, обобщениями и выводами, что характерно для других работ Добровольского. Даже слова "толковать", "толкую", отсутствующие в последующих главах, очень характерны для Добровольского.

Таким образом видно, что «Очерк истории кружка "чайковцев"», являющийся, по-видимому, предисловием "Истории социалистического движения в России в 1873–1875 гг." – компиляция из произведений трех авторов: Добровольского²⁷, Чайковского и Кравчинского, составленная Морозовым, переписывавшим по сути дословно их воспоминания. Редактором текста был Кравчинский, в архиве которого и сохранилась рукопись.

²⁶ Воспоминания Добровольского представлены в первой главе с явными сокращениями, часть которых и попала во вторую главу и в комментарии.

²⁷ И.И. Добровольский (1849–1933) – врач, революционер, писатель. Работая земским врачом в с. Вятском Ярославской губ., был арестован и около четырех лет провел в тюрьмах. По процессу 193-х приговорен к каторге на 9 лет. Бежал в Швейцарию. В 1885 г. участвовал в революционном перевороте в Болгарии. С 1886 г. жил в Женеве, занимаясь литературной деятельностью. Опубликовал под псевдонимами более 600 статей в русской печати на темы общественной жизни и научно-технической революции в Европе, медицины, естественных наук, психологии и др., брошюру "Начало конца" и книги "Борцы и мученики за свободу Болгарии", "Свободные силы природы и их использование". В 1905 г. вернулся в Россию. Библиография: БСЭ. Т. 21; Словарь / Гранат. Т. 40; Сов. здравоохранение 1986. № 11; Освободительное движение в России: Сборник. Саратов; Изд-во Саратовского ун-та, 1989. Вып. 13; Чихачева Е.В. Студенчество Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии в революционном движении начала 70-х годов XIX в. М., 1990.

Б.Д. Гальперина

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
ПО ИСТОРИИ ТРЕХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ
(Опыт публикатора)***

Возникающая в обществе потребность коренного переосмысления пройденного исторического пути, как правило, сопровождается резким взрывом публикации исторических источников. Такое состояние в нашей стране наблюдалось не раз. Это было и в царствование Александра II, когда слово "гласность" впервые появилось в российском политическом словаре, и после революции 1905 г., отменившей предварительную цензуру, и в первые годы советской власти, когда возник острый интерес к последним годам свергнутой династии, и во время хрущевской "оттепели".

В настоящее время мы переживаем огромный интерес к документу, к первоисточнику. Объясняется это во многом жадной правды, кризисом официальной историографии. Ее служебное и апологетическое направление, сформировавшееся в 30-е годы и усовершенствовавшееся в годы "застоя", пришло в противоречие с фактами реальной жизни. Это вызывает общественное недоверие к исторической науке и историкам, желание докопаться до правды через подлинные документы, запрятанные в архивах. Поэтому задача формирования понятных, доступных и в то же время научных приемов публикации исторических источников выдвигается, на взгляд автора, на одно из первых мест в области археографии, источниковедения и методов исторического исследования. В этой связи особенно важны выбор материалов для публикации, взаимосвязь публикуемых документов и методики работы. Вырванный из контекста документ может исказить объективную реальность.

О влиянии опубликованных документов на развитие исторической науки нет нужды говорить. Но следует отметить и обратную связь – полноценной научной публикации не может быть без обширных исторических знаний. К сожалению, эта связь не всегда осуществляется и часто появляются низкопробные публикации. Существует определенный разрыв между теорией археографии и практикой публикации исторических документов. Более полувека тянется дискуссия о том, что такое археография, а результаты археографической деятельности исследовательских институтов и архивов обобщаются и исследуются недостаточно. Однако издающиеся время от времени "Правила издания исторических документов" не учитывают всего разнообразия и положительных итогов в развитии форм и методов публикации исторических источников. Преимущественной формой публикации документов "Правилами" признавались и признаются тематические сборники с обязательным отбором документов в удобном для социального заказа духе. Сохранилось это и в новой редакции "Правил"¹. Правда, в них формулируются понятия "пофондовые издания", "издания документов одной разновидности" и одного лица, но методике их подготовки не уделено специального внимания.

Данная статья является попыткой восполнить этот пробел, основываясь на

* © Б.Д. Гальперина

¹ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990.

многолетнем опыте автора в подготовке видовых и пофондовых изданий, результаты которых изложены в археографических предисловиях к сборникам и в отдельных статьях². Автор поставил задачу обобщить этот опыт и методику, выделить общие проблемы публикаций и пути их решения на примере публикаций по истории трех российских революций. В этом опыте сочетаются применение чисто исторических знаний (использование результатов объективных исторических исследований) и решение практических вопросов археографии, возникающих каждый раз заново в зависимости от характера публикуемых документов, их видовых особенностей и задач издания. Практика показала, что нельзя искусственно отрывать методические вопросы выявления, отбора, комментирования источника определенного вида от исторических обстоятельств его возникновения. Так, Особые журналы Совета министров – специфическая разновидность документа – появились только после создания объединенного правительства, в итоге поисков наилучшего взаимодействия правительства с носителем верховной власти. Проблема передачи текста протоколов Петроградского Совета периода от Февраля к Октябрю возникла как исследовательская и археографическая задача, поскольку их вели неопытные и малограмотные протоколисты.

Теме истории трех российских революций посвящено огромное количество многотомных, однетомных изданий документов, журнальных подборок³. Обращение к документам революционного времени как к предмету археографии было новаторским, так как до 1917 г. публикации строились на основе летописей, памятников русской литературы и документов XV–XVIII вв. Новый опыт обобщил, в частности, выдающийся советский ученый и археограф С.Н. Валк. Изучение документальных публикаций по истории трех российских революций в 20-е годы показывает, что археограф тогда еще пользовался относительной свободой в выборе тематики и формы изданий.

В конце 20-х – начале 30-х годов с установлением жесткого контроля партийной идеологии над всеми формами гуманитарного научного труда произошел резкий перелом и в деле археографии. На многие десятилетия главными доводами для выбора темы и формы публикации документов стали политические: обоснование закономерности руководящей роли большевистской партии в этих революциях и ее победы в октябре 1917 г. Практически это привело к почти полному исчезновению публикаций документальных комплексов одного вида или фонда.

Публикатор исходил отныне не из необходимости изучения самих источников, а из необходимости отражения перманентно руководящей роли партии и ее "гениального вождя" И.В. Сталина. Не могли быть изданы не только материалы, исходящие из антибольшевистского лагеря, но и те, где упоминались лидеры большевиков, попавшие в категорию "врагов народа". Тематические публикации (журнальные подборки и сборники документов) становятся преобладающей формой издания исторических источников, да и их число сократилось. Даже неполный учет изданий по исследуемой теме показал, что видовых публикаций насчитывается только 15 и одна пофондовая, т.е. они составляют всего 8%. В число 15 входят сборники, вышедшие главным образом в 20-е годы, и издания, осуществленные недавно при участии автора данной статьи ("Районные Советы Петрограда в 1917 г.", "Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г.", "Особые журналы Совета министров царской России").

² Гальперина Б.Д. Видовые публикации по истории Великой Октябрьской социалистической революции // ВИ. 1973. № 11; и др.

³ Перечень публикаций и литературы о них см.: Филагина В.В. и др. Великая Октябрьская социалистическая революция: Библиографический указатель. М., 1961; Советская археография. М., 1974–1987. Вып. 1–4; и др.

Тематическим публикациям, конечно, нельзя отказать в праве на существование, но освещение избранной темы должно быть всесторонним и объективным. При видовой же публикации субъективность в отборе практически исключена. Именно видовая публикация дает возможность осуществить подлинно научный подход в археографии, использовать традиции классического источниковедения и археографии. Вспомним, что и "Полное собрание русских летописей", и "Письма и бумаги Петра Великого" являются видовыми публикациями. Указанные публикации позволяют без всякой зависимости от субъективного фактора поставить и разрешить целый ряд научных проблем.

Сразу после Февральской революции началось беспорядочное издание документов, захваченных у царской охранки, документов, имеющих отношение к революционному лагерю, некоторых запрещенных ранее мемуаров. После Октября, как и обещал В.И. Ленин, под руководством народного комиссара по иностранным делам Л.Д. Троцкого началось ведомственное издание тайных договоров России со странами Антанты. Архивы министерств и ведомств царского и Временного правительств были национализированы и, как известно, по ленинскому декрету об архивном деле 1918 г. включены в состав Единого государственного архивного фонда. Это сразу же открыло к ним доступ. Однако быстрое развитие публикаторской деятельности началось только с 1921 г.

Главной формой публикации исторических документов по истории трех революций стали, как было отмечено, журнальные подборки. Основной базой для них с 1922 г. стал журнал Главархива "Красный архив". Помещали документальные подборки, а также воспоминания и статьи участников революции два центральных партийных журнала "Пролетарская революция" (Москва) и "Красная летопись" (Петроград – Ленинград), а также "Каторга и ссылка". Десятки других испартовских журналов выходили в различных городах страны. Назовем и частные или кооперативные журналы, которые печатали документы и воспоминания ("Былое", "Голос минувшего" и пр.), не публиковавшиеся в партийных журналах.

В то время намечаются два главных направления публикации документов: деятельность революционеров, партий и их вождей, борьба царского правительства с революционным и оппозиционным движением, с одной стороны, освещение политики и жизни бывшего высшего слоя, правящего класса страны, особенно царской семьи, – с другой. Научное качество данных публикаций в журналах было весьма низким. Вопросы выбора и передачи текста, установления связи публикуемых делопроизводственных документов с другими, комментирования либо вообще не ставились, либо решались примитивно. Лишь подборки "Красного архива" велись более или менее профессионально. Традиции дореволюционного русского источниковедения и археографии были в значительной степени утеряны, а новое советское источниковедение только складывалось.

Указывая на профессиональные недостатки журнальных публикаций 20-х годов, нельзя отрицательно оценивать данный период развития советской археографии и источниковедения. Наоборот, даже журнальные публикации резко расширили документальную базу исследований по истории трех российских революций, многие из них вошли в золотой фонд советской науки. Вместе с тем качество публикаций падало. Во второй половине 20-х годов прекратилось издание частных и кооперативных журналов, публиковавших документы и мемуары. Часть их издателей еще в 1922–1923 гг. была выслана за границу. Пик публикаций пришелся на 1924–1925 гг. На их направление стала оказывать все возрастающее влияние политическая ситуация в стране. В конце 1931 г. было опубликовано письмо И.В. Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма" в редакцию журнала "Пролетарская революция" (№ 6 за 1931 г.).

Объявляется война "гнилому либерализму" и "троцкистской контрабанде" в освещении истории трех российских революций. Этот журнал подвергся разгрому, пересмотрены были портфели других исторических журналов. Лишь "Красная летопись" в Ленинграде в 1932–1934 гг. еще придерживалась старого направления в публикации документов о революции и мемуаров. Но после убийства С.М. Кирова подверглась разгрому и ее редакция. Изменяется характер публикаций в "Красном архиве", просуществовавшем до 1940 г.

В 20-е годы появляются и документальные сборники по истории трех российских революций. Наиболее значительна серия сборников Центрархива "1917 год в документах и материалах"⁴. В 1925 г. были изданы протоколы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов⁵. К сожалению, сборник охватил только протоколы Исполнительного комитета и его бюро за период с марта по начало августа 1917 г. Не учитывались все сохранившиеся варианты протоколов. Составители иногда соединяли в один "документ" части разных протоколов, недостаточно полно проведено выявление документов. Не было предпринято попытки сравнить публикуемые протоколы с отчетами, напечатанными в газетах 1917 г. В сборник не вошли материалы общих собраний Совета, которые стали главной ареной межпартийной политической борьбы в 1917 г. Существенным недостатком было и то, что он доводил публикацию лишь до августа 1917 г., до того, как развернулась борьба за большевизацию Петроградского Совета.

Были выпущены небольшие публикации по истории местных Советов или отдельные протоколы и в других городах страны. Издан тематический сборник "Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 году" (М.; Л., 1927). Однако он был лишь иллюстрацией и слабым отражением того могучего процесса, который проявился в 1917 г. в повсеместной народной инициативе по созданию Советов рабочих и солдатских депутатов. В целом история Советов в 20-е годы была лишь затронута в публикациях.

Положительным явлением стало издание стенограммы Первого Всероссийского съезда Советов⁶. Полный текст всех выступлений за более чем десять дней работы съезда, ряд документальных материалов, приложенных к сборнику, комментаторский аппарат – все это выдвигает данную публикацию на одно из первых мест среди изданий 20-х – начала 30-х годов. Этого нельзя сказать о сборнике по Второму Всероссийскому съезду Советов⁷. Его стенограмма не сохранилась (да и не известно, велась ли она). Имеются только газетные отчеты. Подготовители сборника пошли по пути "воссоздания" единого отчета, не существующего в природе, а составленного из журналистских отчетов газет разных направлений.

Государственное совещание в Москве 14–16 августа, которое большевики справедливо назвали "коронацией контрреволюции", – заметное событие в истории России 1917 г. На нем выступили Корнилов, Каледин, Милуков, Гучков, Керенский. Издание стенограммы совещания⁸, затем надолго угодившее в спецхран, до сих пор позволяет довольно объективно освещать послеиюльский период революционных событий 1917 г. Укажем, что стенограмма более "левого"

⁴ Об этих сборниках и других изданиях по теме см.: *Городецкий Е.Н.* Первая серийная публикация источников истории Великого Октября. // *ИЗ.* М., 1977. Т. 100; *Он же.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982. Ч. 1. Гл. V; Ч. 2. Гл. VI; и др.

⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК. М.; Л., 1925.

⁶ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1930. Т. 1. О нем см.: *Валк С.Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 89–90.

⁷ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1927.

⁸ Государственное совещание. М.; Л., 1930.

по составу участников Всероссийского демократического совещания, проходившего в сентябре 1917 г., до сих пор не издана.

Существенным вкладом в изучение революционного движения в армии явилось издание документального сборника "Разложение армии в 1917 году" (М.; Л., 1925). Но его составитель, известный военный историк Н.Е. Какурин, использовал в заголовке термин 1917 г., и подбор документов иллюстрировал именно это явление. Уже само название уготовило сборнику печальную судьбу. Правда, "правильное" название не спасло другой сборник – "Большевизация петроградского гарнизона в 1917 г."⁹ от спецхрана, а один из его составителей – А.К. Дрезен был вскоре репрессирован.

В тот же период Истпарт и ИМЭЛС издавали видовые документальные сборники историко-партийного характера, а с 1924 г. начали переиздание протоколов съездов, конференций, ЦК партии. Так, вышли протоколы VII (Апрельской) всероссийской конференции и 1-й Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), VI съезда большевистской партии, Второй и Третьей петроградских общегородских конференций, Центрального Комитета РСДРП(б) за август 1917 – февраль 1918 г., Петербургского комитета РСДРП(б)¹⁰.

Протокол Петербургского комитета от 1 ноября 1917 г. был опубликован Л.Д. Троцким за границей в 1932 г., а в нашей стране только в 1989 г. (ВИ. № 10). Тянется спор и вокруг протокола ПК от 8 апреля 1917 г. Сразу же после издания сборника в 1927 г. два члена ПК С.Я. Багдатыев и В.Н. Залежский выступили с заявлением о том, что в данном протоколе допущена ошибка: ПК якобы сразу одобрил "Апрельские тезисы" В.И. Ленина; в протоколе же, однако, записано обратное. Изучение текста указанного выше протокола, а также анализ настроений петроградских большевиков сразу же после возвращения Ленина из эмиграции показывают, что протокол ПК от 8 апреля является подлинным.

Заканчивая краткий перечень публикаций 20-х – начала 30-х годов по исследуемой теме, назовем еще сборник "Крестьянское движение в 1917 г." (М.; Л., 1927), протоколы Московского и Петроградского Советов профсоюзов¹¹, "Декреты Октябрьской революции" (М., 1933). Последний подготовлен к печати С.Н. Валком и отличается высоким археографическим уровнем. В предисловии отмечены особенности издания, обоснован выбор текста для публикации, датировки документов, проведен источниковедческий анализ публикуемых материалов. В комментариях указана история создания документа, а сами документы снабжены архивными и печатными легендами. Во многих отношениях это издание и по сей день является образцовым.

После 1931–1934 гг. в целом по стране издание новых документальных сборников почти прекратилось, а часть готовившихся была запрещена. Так, много работавшая в области истории партии Е.П. Кривошеина в 1929–1931 гг. подготовила к изданию сборник об общих собраниях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов за период февраль–июль 1917 г., помещенных в периодической печати 1917 г. В комментаторском аппарате она широко использовала книги А.Г. Шляпникова "1917 год". Кстати, эти четыре книги, как и предшествовавшая его работа "Канун 1917 года", могут рассматриваться тоже в

⁹ Большевизация петроградского гарнизона (в 1917 г.): Сб. документов и материалов. Л., 1932.

¹⁰ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), 4 августа 1917 – 24 февраля 1918 г. М., 1929; Первый легальный Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. М.; Л., 1927; Седьмая (Апрельская) Всероссийская и Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). М., 1925; 2-е изд. М., 1934; Шестой съезд РСДРП(б). М., 1927. 2-е изд. М., 1934; Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г.: Протоколы и материалы. М.; Л., 1927.

¹¹ Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г. Л., 1927; Московский совет профессиональных союзов в 1917 г.: Протоколы. М., 1927.

качестве своеобразных документальных публикаций. Некоторые документы он включал прямо в текст своих историко-мемуарных глав, а значительную часть использовал в качестве весьма объемных приложений к своим книгам. Четвертый том "1917 год" вышел в 1930 г. Но книги Шляпникова были названы Сталиным в качестве примера гнилого либерализма и примиренчества в исторической науке. Поэтому дальнейшая работа над изданием отчетов о заседаниях Петроградского Совета была немедленно прекращена. На счастье же исследователей, один экземпляр корректуры сохранился в РГПИБ в Москве.

В то время по инициативе А.М. Горького начинается работа по написанию "Истории гражданской войны в СССР" в 15 томах. Была создана специальная редакция, потом издательство. Набран коллектив из талантливых молодых ученых уже советской формации, части историков среднего поколения и старых большевиков. Этот коллектив работал во многих архивах страны, и, пользуясь высоким покровительством, некоторые его сотрудники выдирали документы из архивных дел вместо того, чтобы делать копии с них. В редакции скопилось значительное количество документов. И тогда после выхода в свет первого тома "Истории гражданской войны в СССР"¹² решено было издать документальные сборники. Так родился сборник "Документы великой пролетарской революции" (М., 1938–1948. Т. I–II). Отбор документов сборника должен был подкрепить теорию "двух вождей Октября", впервые выдвинутую именно в первом томе "Истории гражданской войны в СССР" и закрепленную затем в книге "История ВКП(б). Краткий курс" (М., 1938).

Анализируя в целом археографическую работу в 20–30-е годы, можно сказать, что наиболее продуктивно она велась в период 1922–1931 гг. В последующие годы число документальных публикаций по истории трех российских революций начинает падать, пережив кратковременный подъем в связи с 15-летним юбилеем Октября. Впрочем, последнее в основном касается периферии. Кроме журнальных подборок и сборников документов, появились и хроники с цитированием документов (именно в виде хроники были оформлены монография Д. Заславского и В. Канторовича о Февральской революции¹³, монография или мемуары с включением документов А.Г. Шляпникова).

Научное и источниковедческое качество подавляющего большинства документальных публикаций в журналах и отдельных изданиях было, как правило, невысоким.

Начало послевоенного периода в археографии по этой теме отмечено выходом ряда документальных публикаций, печатались также небольшие подборки в журналах. В качестве примера отметим ленинградские издания. Так, Институт истории партии при Ленинградском обкоме ВКП(б) выпустил хронику, посвященную деятельности петроградских большевиков в 1917 г.¹⁴ В изложении или в виде кратких цитат были использованы многие документы, впервые опубликованные в 20-е годы, а также выявленные в ленинградском партийном и областном государственном архивах.

В 1948 г. вышел в свет сборник об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде, подготовленный коллективом ленинградских архивистов и историков¹⁵. Это был первый в нашей исторической науке документальный сборник,

¹² История гражданской войны в СССР. М., 1936–1958. Т. 1–3; Т. 1. Подготовка великой пролетарской революции (от начала войны до начала октября 1917 г.). М., 1936.

¹³ Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Пг., 1924. Т. 1: 1917 г. Февраль–май.

¹⁴ Большевики в период подготовки к проведению Великой Октябрьской социалистической революции: Хроника событий в Петрограде. Л., 1947.

¹⁵ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, 1917 г.: Сб. документов и материалов. Л., 1948.

посвященный главному событию Октябрьской революции. Хотя общие установки авторов были запрограммированы господствовавшей тогда исторической концепцией Октября, сложившейся в период культа личности, составителям удалось выявить и опубликовать немало новых документов из ленинградских и отчасти московских архивов. Судьба этих изданий и их авторов печальна. По "ленинградскому делу" большинство их было репрессировано. Составителям сборника "Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде" была инкриминирована, кроме того, и "троцкистская контрабанда". Дело в том, что по газетному источнику они включили в сборник резолюцию Петроградского Совета от 25 сентября с требованием отставки третьего коалиционного Временного правительства. Но "доброжелатели" обнаружили, что этот документ включил в третий том своих сочинений, открывавшийся знаменитыми "Уроками Октября", Л.Д. Троцкий. Книги угодили в спецхран уже в 1949 г.

Первая половина 50-х годов мало изменила практику идеологической работы, условия работы историков и архивистов. Поэтому 50-летний юбилей первой революции в России прошел еще в старых традициях. Правда, абсолютно новой по форме была организация археографической работы к этому юбилею. По всем государственным архивам страны за три-четыре года до юбилея было начато фронтальное выявление документальных материалов о революционных событиях в различных регионах России. Документы стекались в Москву, где формировались составительские коллективы по темам всесоюзной серии документальных сборников¹⁶. Но составители, работавшие под общим руководством А.М. Панкратовой, распорядились выявленным материалом по-своему.

Проводился жесточайший отбор документов, чтобы эта грандиозная публикация подтвердила концепцию "Краткого курса", показала бы массовое движение как вызванное и организованное именно большевиками. Поэтому строго отсеивались все документы, где говорилось о деятельности меньшевиков, эсеров, максималистов и прочих партий, а тем более кадетов. По той же причине деятельность царского правительства и его местных властей, буржуазных, помещичьих и черносотенных партий и организаций оказалась за пределами этой многотомной публикации. Более или менее из этой тенденциозной публикации выделяется только том, посвященный всеобщей политической стачке в октябре 1905 г.¹⁷ В целом же серия документов и материалов хорошо показала массовое движение, его подъемы и отливы, деятельность местных большевиков. Но общее представление о революции, ее многообразии, типических чертах на основании этой серии получить нельзя. Задача подготовки новых капитальных публикаций по истории первой революции в России остается актуальной.

Особую страницу в развитии советской археографии составляют публикации к 40-летию юбилею Октябрьской социалистической революции. Они состоят из 10 томов всесоюзной серии документов и материалов¹⁸ и более чем 100 тематических сборников, посвященных революционным событиям в различных губерниях страны. Эта огромная библиотека потребовала для своего издания соединенных усилий ученых-историков и архивистов всей страны. Во многих отношениях организация этой работы остается образцовой и до сегодняшнего дня. Главным архивным управлением еще в 1955 г. было объявлено фронтальное выявление архивных материалов по этой теме. При этом учитывался опыт предыдущей работы по истории революции 1905 г. Были привлечены

¹⁶ Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. М., 1955–1963. Т. 1–15.

¹⁷ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. М.; Л., 1955. Ч. 2.

¹⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы. М., 1957–1963. Т. 1–10.

опытные кадры историков в Москве, научная молодежь из ленинградских и многих периферийных архивов.

В то время произошли перемены и во внутренней жизни нашей страны: состоялся XX съезд КПСС, была начата критика культа личности Сталина, развернулся процесс реабилитации. Все это не могло не отразиться на более объективном подходе составителей всесоюзной серии к освещению событий революции. Так, в серии появилась тема – Временное правительство – орган буржуазно-помещичьей контрреволюции. При освещении организации и работы Советов, солдатского, рабочего и крестьянского движения составители показали, кроме большевиков, в какой-то мере и деятельности других партий. Однако тема буржуазных и мелкобуржуазных партий как таковых, буржуазных и помещичьих общественных организаций продолжала оставаться запретной. Примерно в те же годы развернулась и публикаторская деятельность в провинции. Сам по себе факт такой беспрецедентной по масштабам единовременной публикаторской акции был отражением порыва к исторической правде, к документу, к отказу от мифов эпохи культа личности Сталина.

Но в общем подходе, в структуре изданий, комментаторском аппарате продолжали доминировать схема "Краткого курса" и рутинный, сектантский, фальсификаторский подход. Достаточно сказать, что руководители этого археографического предприятия обошлись без показа Февральской революции. Том документов и материалов "Революционное движение в России после свержения самодержавия" (М., 1957) они начали с событий 27 февраля, т.е. с победы Февральского восстания. Отметим, что сборника документов по Февральской революции не издано до сих пор. В разделы томов серии вошла лишь ничтожная часть документов Временного правительства, городских дум и земств, органов военного управления, партий меньшевиков, эсеров и других национальных советов и партий. Эти же недостатки, но еще в большей мере характерны и для сборников, изданных на местах.

Несколько лучше выглядит сборник документов об экономическом положении России¹⁹, в подготовке которого участвовали многие известные впоследствии специалисты по истории империализма в России. Но и это издание не вышло за пределы обычного тематического сборника. Опубликованные серии по истории крестьянского и рабочего движения в России были подготовлены высококвалифицированными археографами, но в силу их всероссийского охвата, позволяющего публиковать за год только один-два документа по каждой губернии и такой же иллюстративной системе отбора, они отличаются теми же недостатками, что и отмеченные выше издания.

Документальным изданиям "хрущевской оттепели" было еще очень далеко до настоящей научной объективности. Подавляющая часть вышедших в 1956–1964 гг. документальных публикаций архивных источников представляет собой тематические сборники, своего рода хрестоматии, содержание которых подбиралось составителями на основании тех или иных – прежде всего политических – принципов отбора. Сплошная публикация документов какого-либо вида или одного фонда или одного лица по данной теме в те годы почти не применялась. Отметим переиздание протоколов съездов и конференций партии, впервые вышла "Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями" (М., 1957. Ч. I–II; 1967. Ч. III), было начато фундаментальное видовое издание "Декреты советской власти" (М., 1957. Т. 1).

В монографических исследованиях и археографии господствовали в те годы иллюстративный метод, тенденциозный отбор и подбор фактов и документов.

¹⁹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. М.; Л., 1957; Ч. I–II. Л., 1967. Ч. III.

Сборники лишь демонстрировали читателям "документами и материалами" то, что им должно было быть известным по общим схемам. Новое знание, новые научные выводы из таких публикаций, естественно, возникнуть не могли. Тем не менее появление за несколько лет огромнейшей массы документов и материалов по истории революции было положительным явлением. Наряду с переопубликованием документов, изданных в 20-е годы, многие документы были напечатаны впервые, что расширило источниковую базу исследований по истории трех российских революций. Накапливался опыт, росла квалификация публикаторских кадров. Но были и "новации", которые возвращались к худшим образцам прошлого. "Опыт" составителей сборника по Второму Всероссийскому съезду Советов позаимствовали составители сборника "Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 – февраль 1918" (М., 1958). Они искусственно соединили две редакции протоколов: черновые записи и краткие записи из так называемой "тетради Стасовой", составленной позже, в феврале 1918 г. При этом Стасовой были допущены некоторые неточности, ошибки в датировке документов и пр. Во всем этом можно было разобраться по изданию 1929 г., где обе редакции протоколов ЦК публиковались раздельно. Здесь же появились новые документы, созданные составителями.

Но уже на заключительном этапе этого периода развития советской археологии зрели поиски других путей публикации архивных документов, которые позволили преодолеть недостатки и иллюстративность тематических публикаций. Этой задаче отвечали фондовые и видовые публикации. Такой опыт стал накапливаться вновь. В Москве в 1966–1967 гг. появилось солидное фондовое издание – трехтомный сборник "Петроградский военно-революционный комитет". Туда вошли все сохранившиеся и выявленные документы ВРК с 9 октября по 3 декабря 1917 г. Важно отметить, что такого фонда не существует. Публикаторы собирали входящие и исходящие бумаги ВРК из разных фондов, личных коллекций и архивов. В связи с огромной массой типовых и единообразных документов – удостоверений комиссарам, эмиссарам и прочим лицам – составители применили сокращенную форму передачи их, где называлась только фамилия и должность лица, получившего удостоверение, его дата и исходящий номер, а также рукописные пометы и добавления, если таковые имелись. Этот трехтомник и методические приемы, использованные при его подготовке, не потеряли значения и сегодня. Аналогичного вида вышел и более поздний сборник документов – "Военно-морской революционный комитет" (Л., 1975).

На этом общем фоне публикаторской деятельности во второй половине 50-х годов творчески мыслящие публикаторы стали обосновывать и осуществлять некоторые новые принципы публикаций исторических источников, обогащать то лучшее, что было заложено первыми советскими архивистами и источникововедами еще в 20-е годы на основе почти 150-летнего опыта русской археологии. Рассмотрим по хронологии ряд публикаций, в которых наиболее ярко отражены эти новые подходы.

Заметным явлением в области научного издания исторических документов стали сборники, содержащие Особые журналы Совета министров Российской империи²⁰. Этот вопрос имеет важное методологическое значение для исторической науки. Материалы революционных подпольных партий и движений, публицистика их лидеров, легальная и заграничная – все это, естественно, важно для воссоздания объективной картины истории страны в начале XX в. Но для того чтобы понять, как вырабатывалась и проводилась в жизнь политика

²⁰ Особые журналы Совета министров царской России 1906–1917. М., 1982. Ч. 1–5 (1906 год); 1984–1985. Ч. 1–4 (1907 год); 1988. Ч. I–VI (1908 год); 1994 – (1909 год).

господствующих классов, надо исследовать документы высшего эшелона власти. Хотя документы Совета министров находились (и находятся) на открытом доступе в РГИА, мысль об их издании оказалась плодотворной и опередившей время. Начатая работа предвосхищала собой одно из главных направлений перестройки – ликвидацию белых пятен истории. К сожалению, было получено разрешение только на издание этих документов ротاپринтным способом и с грифом ДСП – "для служебного пользования". Тираж 300 экземпляров.

Особые журналы Совета министров Российской империи – уникальные исторические документы. Они составлялись для императора Николая II и содержали предложения министров по тем или иным вопросам, часто с изложением прений или мнений большинства и меньшинства. Особые журналы сохранились с мая 1906 г. до Февральской революции. Без их изучения и осмысления историками наши представления о последних одиннадцати годах жизни нашего государства перед Февралем будут неполными и неточными. Все вопросы внутренней и внешней политики, борьбы с революционными и оппозиционными движениями, отношения к национальностям, разработки и отклонения реформ, культуры, образования, религии, финансовой и аграрной политики зафиксированы в Особых журналах. Особые журналы по многим вопросам ретроспективно освещают события, происходившие задолго до даты их составления. Подготовка к опубликованию документов этого вида оказалась весьма интересной и плодотворной как в источниковедческом плане, так и в археографическом.

Напомним кратко, что в царской России долгое время не было "обычного" объединенного правительства. В качестве главы правительства, Председателя Совета министров, выступал император. Необходимость сосредоточить и укрепить силы в борьбе за удержание государственной власти в руках династии, заставили Николая II согласиться 19 октября 1905 г. на предложение С.Ю. Витте об организации объединенного правительства. Витте стал первым председателем правительства. Но его положение оставалось сложным и все-таки подчиненным, так как и после издания Манифеста 17 октября 1905 г. о Государственной думе, документов о Государственном совете от 20 февраля и Конституции (Основных государственных законов) от 24 апреля 1906 г. император оставался самодержавным монархом, олицетворением верховной власти, главой всей государственной, законодательной и судебной власти.

Изданные тома (по 60 печ.л. каждый) содержат Особые журналы Совета министров за 1906–1909 гг. Нам удалось внести определенный вклад в разработку методики их издания, которая к настоящему времени не только устоялась, но и последовательно применяется к очередным томам этой масштабной публикации.

Несмотря на то что подлинники Особых журналов хранятся главным образом в виде "нарядов" (хронологических подшивок) в фонде Совета министров РГИА, тем не менее пришлось проделать большую работу по выявлению отдельных документов в соответствующих архивах, а также в собраниях ОР РНБ и ОР БАН. Главный принцип видовой публикации – выявление всех без исключения документов публикуемого вида, а Особые журналы по соответствующему вопросу рассылались канцелярией Совета министров заинтересованным ведомствам. Они были либо напечатаны на хорошей бумаге на пишущей машинке, либо (а таких большинство) набраны типографским способом. Царские резолюции, выполненные цветными карандашами, обработаны латексом (жидким натуральным каучуком). Учитывая прекрасное состояние документов, было решено издавать их факсимильно, несколько уменьшив нестандартный по нынешним временам формат бумаги. Это дало еще один выигрыш для исследователя – возможность в опубликованном виде получить документ в его естественном состоянии. Хоте-

лось бы отметить и еще один аспект. Царские резолюции на Особых журналах являются немногими сохранившимися источниками, позволяющими проследить собственные взгляды императора, его отношение к тем или иным вопросам внутренней и международной жизни.

Сегодня исправлено наконец нелепое решение ограничить доступ к данной публикации (нелепое потому, что в самом архиве документы эти всегда находились на открытом доступе). Гриф ДСП снят, это ставит вопрос об увеличении тиража издания.

Факсимильная передача текста Особых журналов в данных сборниках – это, можно сказать, исполнение мечты и архивиста-публикатора, и историка-исследователя. Однако составители все-таки не могли напечатать все до единого журналы этим способом из-за их огромного объема. Пришлось проводить отбор с точки зрения важности содержания, при котором, конечно, возможен был субъективизм. Часть Особых журналов, которые не опубликованы факсимильно, напечатаны в виде регестов, краткого изложения содержания с указанием архивной легенды²¹. По ней исследователь может найти заинтересовавший его журнал в полном виде в архиве. Поэтому принцип полноты публикации всех до единого документов данного вида за избранный период сохранен.

Еще несколько слов о методике работы. Составителям сборника, автору этих строк как ответственному составителю прежде всего для того, чтобы дать исследователю максимум информации, пришлось вникнуть в детали делопроизводства царского Совета министров, разобраться в природе самого документа – Особого журнала. Это отнюдь не протокол. Он не велся во время заседания Совета министров, а составлялся после его окончания. По своему содержанию и форме Особый журнал ближе к выработанной ранее форме правительственного делопроизводства под названием "всеподданнейший доклад" какого-либо министра. После обсуждения вопроса Советом министров результат его с указанием различия в мнениях посылался царю в виде Особого журнала. Царь его читал, ставил либо знак рассмотрения '/', либо одобрял или отклонял специальной резолюцией. При отклонении вопрос возвращался на доработку.

По опубликованным томам Особых журналов были выявлены все "инициативные" документы и прохождение дел на заседаниях Совета министров. Архивные легенды всех этих документов приведены как в факсимильной части, так и в регестах. Если царь одобрял Особый журнал, то он становился законом и соответственно включался в Собрание узаконений и Полное собрание законов Российской империи. Эти данные тоже указываются в легендах. Таким образом, исследователь получает полнейшую информацию по вопросам, рассмотренным Советом министров и отраженным Особым журналом. Даны и реальные комментарии исторического характера. Как нам представляется, издание Особых журналов (особенно когда оно будет доведено до 2 марта 1917 г. – даты окончания последнего Особого журнала) приобретает значение одной из самых важных фундаментальных публикаций по истории внутренней и внешней политики России начала XX в.

Особый журнал как вид документа появился только в мае 1906 г., в период прихода на пост председателя Совета министров И.Л. Горемыкина после отставки С.Ю. Витте. Что же было при Витте, в период его кратковременного (с 19 октября 1905 по 22 апреля 1906 г.) пребывания на посту главы правительства?

²¹ О значении регестов и их использовании см.: *Литвак Б.Г.* О некоторых приемах публикации источников статистического характера // *ИА.* 1957. № 2; *Чугаев Д.А.* О методике археографии советской эпохи // *АЕ* за 1962 г. М., 1963; *Валк С.Н.* Регесты в их прошлом и настоящем // *АЕ* за 1968 г. М., 1970; *Шенелев Л.Е.* Регесты и проблемы научного использования исторических документов XIX – начала XX в. // *ВИД.* Л., 1981. Т. XII. Их применение рассматривается и в "Правилах издания исторических документов".

Этот период внутренней политики правительства исследован плохо, прежде всего с фактической и источниковедческой стороны. Так, многое, что осуществлял П.А. Столыпин, задумывалось и проектировалось еще при С.Ю. Витте. Это относится к идее введения военно-полевых судов и даже наметок аграрной реформы, которую в истории зовут "стольпинской". Витте после своей отставки не возражал против того, чтобы непопулярные меры приписывались не ему, а Столыпину. Этому взгляду среди историков способствовали и мемуары Витте, впервые изданные в 20-е годы. То, что Витте старался представить себя большим либералом, чем он был на самом деле, видно из делопроизводственных документов, сохранившихся за время, когда он был главой правительства. И для того чтобы документальная летопись деятельности царского Совета министров, каковой по сути является сборник Особых журналов, была полной и имела свое начало, ЦГИА совместно с историками ЛОИИ издал сборник документов Совета министров в период премьерства Витте²². Он явился своеобразным гибридом видовой и тематической публикации. В этом смысле он напоминает сборник протоколов Петроградского Совета, о котором будет рассказано ниже.

Составители пошли по пути полной реконструкции документации заседаний Совета министров. В основу ее систематизации взято заседание правительства, каждое составляет раздел сборника. Это дало возможность показать основные направления и повседневную деятельность реорганизованного Совета министров в начальный период его истории. Делопроизводство объединенного правительства еще не отлилось в стабильные и неизменные формы, носило черты импровизации, что в какой-то степени отражало характер самого главы правительства. На основе сохранившегося регистрационно-справочного аппарата была составлена рабочая таблица всех имевших место заседаний правительства (вплоть до отставки Витте 26 апреля 1906 г.), а также вопросов, обсуждавшихся на них. Данная таблица сама является результатом обстоятельных научных поисков и исследовательской работы.

Публикуются следующие разновидности делопроизводственных документов: извещения о заседаниях, проекты некоторых "правительственных сообщений" и меморий, подготовленных и утвержденных Советом министров, но не поданных на рассмотрение Николая II. О заседаниях Совета министров 3 и 9 ноября 1905 г. публикуется протокольная запись, сделанная управляющим делами Комитета министров Э.Ю. Нольде. (Других подобных записей не обнаружено.) Эти записи касаются заседаний правительства, проведенных под председательством царя. Кроме них, было еще одно – 18 ноября 1905 г., но протокольной записи о нем не обнаружено (запись об этом заседании сохранилась в дневнике А.А. Половцова, напечатанном еще в 1923 г. в "Красном архиве". Т. 4).

Несколько слов о мемории как виде документа. Это памятная записка, представляющая собой итоговый документ, содержащий краткое изложение рассматриваемых вопросов и их обсуждения. Проект мемории составлялся по обсужденному в Совете министров вопросу после окончания заседания, обсуждался министрами, перепечатывался набело, на особой гербовой бумаге или в Сенатской типографии, а затем подписывался министрами или некоторыми из них. После этого мемория передавалась императору. В отдельных случаях проект мемории готовился заранее тем ведомством, которое вносило вопрос на заседание Совета министров. Если члены Совета министров одобряли этот проект, он вносился на рассмотрение императора. В связи с наличием нескольких вариантов меморий выбор был сделан в пользу их окончательных вариантов, отправлявшихся императору.

Сложность была и с датировкой меморий. Как правило, она имеет дату того

²² Совет министров Российской империи, 1905–1906 гг.: Документы и материалы. Л., 1990.

заседания Совета министров, на котором рассматривался вопрос, но составлялась после заседания. Иногда установить точную дату было невозможно, тогда оставалась дата заседания правительства. Если же удавалось на основании других документов установить точную дату мемории, ее помещали в квадратных скобках ниже даты документа. Мемории расположены хронологически по последней дате. При публикации мемории был сохранен заголовок документа. Резолюции Николая II набраны курсивом, заключены составителями в кавычки и помещались на том же месте документа, что и в оригинале. Сохранены знак рассмотрения и пометы Николая II на полях.

В сборнике публикуются и всеподданнейшие доклады председателя Совета министров С.Ю. Витте. Любопытно, что они датированы, как правило, самим Сергеем Юльевичем, дата вписана им чернилами. Как выяснилось, не всегда эти даты соответствуют действительности, расхождения оговариваются составителями. Что касается правительственных сообщений, то в документах сборника зафиксировано их обсуждение. Сами же они опущены, так как публиковались в печати того времени, но в справке к заседанию дается ссылка на соответствующий номер правительственного вестника. Исключение сделано для проекта правительственного сообщения о выработке в Совете министров закона об обществах и союзах, который так и не был опубликован. Комментарии общеисторического и источниковедческого характера расположены в конце каждого раздела.

Таковы вкратце параметры тех публикаций, которые посвящены революции 1905 г. и времени до второй российской революции. Время Февральской революции отражено в публикации "Районные Советы Петрограда в 1917 г."²³. При подготовке сборника приходилось вырабатывать и осуществлять новые археографические подходы.

Как известно, до Февральской революции Петроград не имел никакого деления, кроме полицейского – на участки и части. Но подпольные партийные организации давно именовали свои организации частей города "районными". Районные отделения имело даже гапоновское "Собрание санкт-петербургских фабрично-заводских рабочих". Поэтому после Февральской революции бывшие полицейские части стихийно были переименованы в "районы". Этот порядок узаконило Временное правительство в своем постановлении от 26 апреля 1917 г., разрешив образование районов и районных дум только в четырех городах страны: Петрограде, Москве, Киеве и Одессе. Но гораздо раньше районных дум (они были избраны в результате всеобщих выборов в конце мая – начале июня и в августе 1917 г.) революционным творчеством масс были созданы районные Советы рабочих и солдатских депутатов Петрограда. Само районное деление менялось, Советы то создавались, то объединялись, то ликвидировались. Поэтому число районных Советов и их архивных фондов было больше, чем число районов в каждый данный момент 1917 г. Идея заключалась в том, чтобы издавать материалы всех районных Советов без какого-либо изъятия. Но фонды состояли в основном из протокольной части и переписки.

Перед составителями встала проблема: или издавать тематический сборник о районных Советах столицы, где отразить документы разных видов, отобранных по их содержанию, прежде всего политическому, или остановиться на документе одного или нескольких видов, но зато дать их все целиком? Если пойти по первому пути, то при отборе, конечно, преимуществом будут пользоваться самые "революционные", яркие документы. При этом общая картина развития революционных событий и политической борьбы в районах будет искажаться,

²³ Районные Советы Петрограда в 1917 г.: Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний исполнительных комитетов: В 3 т. М.; Л., 1964–1966.

подгоняясь под самые "революционные" и сознательные рабочие районы. Это можно было видеть совершенно отчетливо на примере сборников юбилейной серии. Поэтому составители пошли по другому пути: дать только протоколы и резолюции районных Советов, но дать их все и по всем Советам. Разумеется, равной полноты публикации по всем районным Советам достичь не удалось: разными были интенсивность работы, длительность существования Совета, сохранность материалов. Но по большинству Советов удалось представить в форме протокольных записей все развитие революционных событий. Для Петрограда же было характерно, что большевизация Советов началась именно с районных Советов, затем через такой орган, как межрайонное совещание районных Советов, и лишь после этого произошла большевизация центрального Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Никаких изъятий произведено не было: выступления всех депутатов и приглашенных независимо от партийной принадлежности публиковались полностью. Интересно отметить, что цензура сняла из всех томов сборника, вышедших в 1964–1966 гг., только два пункта из документов, касавшиеся работы китайцев, завербованных на петроградские предприятия.

При подготовке документов сборника к печати пришлось решать целый ряд методических вопросов заново, прежде всего проблему выявления максимально полного количества документов избранного для публикации вида. Документы одного и того же фондообразователя в условиях революционного времени могли отложиться в разных фондах и даже разных партийных и государственных архивах. Часть документов могла печататься в различных ведомственных изданиях и периодической печати. Данная особенность носит общий характер, так как для такого рода сборников необходима была полнота публикуемых документов избранного вида. Вопрос об отборе документов отпадал, вставала проблема передачи текста. И здесь составители видели свою задачу в том, чтобы максимально точно сохранить текст документа и его особенности. Поэтому были отвергнуты предложения под предлогом единообразия исключить делопроизводственные и порядковые номера, списки присутствующих членов исполкомов (где-то они есть, где-то нет). Единственное, что пришлось сделать, – это придать единообразный вид самим протокольным записям. Вместо сохранения двух колонок: "слушали" – "постановили" – текст набирался в подбор: сначала печатался вопрос повестки дня, а затем ниже – прения и принятые решения. В ряде случаев в тексте протокола не было текстов принятых резолюций, но последние обнаруживались в периодической печати. Тогда эти резолюции помещались в соответствующие места протокола. Этот прием, конечно же, неправомерен: получается "хирургическое вмешательство" в источник, создание "нового" источника, которого в природе не существует, это противоречит принципу аутентичности передачи текста документа.

Остро вставали вопросы определения подлинности публикуемых документов. Правильно оформленных с делопроизводственной точки зрения подлинников за двумя подписями и печатями почти не было. Имелись разные формы копий: копии, полученные различными множительными устройствами и копии, сделанные в 30-е годы членами истпартовских и истпрофовских комиссий, при отсутствии (потере) в настоящее время самих подлинников или копий 1917 г. Каждый такой случай требовал надлежащей исторической и источниковедческой экспертизы. Составители считали своей задачей максимально расширить научно-справочный аппарат сборников, дать предметный, географический, тематический, именной указатели. Однако глухой указатель упоминаемых фамилий мало что дал бы исследователю. Поэтому решено было дать указатель развернутый, но только на членов районных Советов и их исполнительных комитетов. Такой указатель с данными о партийности, должности в Совете, исполкоме,

предприятия или воинской части, избравших данного депутата в Совет, был составлен автором этих строк. Он стал дополнительным источником для изучения состава депутатского корпуса районных Советов Петрограда²⁴.

В связи с существующей в литературе путаницей между названием одних и тех же городских территорий в подпольном партийном мире и полицейско-административном в первую очередь надо было разъяснить этот вопрос и дать читателю точно очерченные границы каждого административного района города. Затем рассказывалось об истории самого районного Совета и, наконец, о документах, их сохранности, особенностях публикации, передачи текста и др. В целом трехтомник протоколов районных Советов Петрограда стал хорошей школой для отработки новых форм документальных публикаций. Он предшествовал сборнику "Петроградский Военно-революционный комитет", став первой попыткой возрождения в новых условиях видовой публикации, если не считать красноярского сборника документов²⁵, хотя его составители отобрали для публикации протоколы, как они сами определили "имеющие историческое значение", т.е. сохранили "родимые пятна" субъективного отбора.

В 1968 г. началась работа над изданием уникальных документов протоколов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов²⁶, сыгравшего важнейшую роль в исторических событиях от Февраля к Октябрю, да и в самой возможности проведения Октябрьского вооруженного восстания в то время.

Общий замысел развивал идею сборника "Районные Советы..." – издать все без исключения сохранившиеся протоколы, стенограммы, резолюции и постановления Петроградского Совета за период с 27 февраля по 25 октября 1917 г. Публиковаться должны были указанные виды документов общих собраний Совета, его исполнительного комитета и бюро, рабочей и солдатской секций с их исполнительными органами, всех партийных фракций Совета. Черновики протоколов не являлись официальными документами, а служили личными записями, на их основе, вероятно, составлялись после соответствующих заседаний Совета "выдержки из протокола заседания Совета рабочих и солдатских депутатов", которые публиковались в "Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов" на следующий или второй день. "Выдержки" содержали гораздо меньше информации по сравнению с черновиками.

В отличие от районных Советов, информация о которых весьма редко попадала на страницы столичной печати, о каждом собрании Петроградского Совета, его секций и многих заседаниях исполкома в газетах почти всех направлений печатались подробные отчеты. Сразу же был решен принципиальный вопрос: печатать ли только архивные материалы или публиковать и газетные отчеты? Решение было в пользу второго подхода, так как протоколы зачастую были краткими, велись плохо и неквалифицированно, а газетные отчеты восполняли содержание протоколов, давали новые варианты записей. Было решено также включать из газет предварительные объявления с повестками дня предстоящих заседаний, поскольку часть вопросов переносилась, часть не рассматривалась, возникали новые. Поэтому опубликованная повестка дня приобретала значение самостоятельного документа.

Возможно, что включение и газетных отчетов и повесток дня нарушало строгий принцип видовой публикации. Но на данное явление можно взглянуть и с

²⁴ Гальперина Б.Д. К методике составления именной указателя к сборнику "Районные Советы Петрограда в 1917 г." // СА. 1968. № 4.

²⁵ Красноярский Совет, март 1917 – июнь 1918 г.: Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов. Красноярск, 1960.

²⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний исполнительного комитета и фракций, 22 февраля – 25 октября 1917 г.: В 5 т. Л., 1991. Т. 1.

другой стороны. Газетный отчет публиковался и в отличие от протоколов становился достоянием читателей, являвшихся в то же время активными участниками революционных событий. Их информация о каждом заседании ограничивалась газетными отчетами, а не протоколами. Это придавало газетному отчету как историческому источнику новое качество. И повестка дня, и газетный отчет о заседании, и принятая резолюция или постановление естественным образом тяготеют к центральному виду документа – протоколу. Поэтому в целом привлечение этих "близкородственных" к протоколу видов документов полнее раскрывает само событие – ход заседания Совета или другого органа или учреждения. Таким образом, археографическая практика обогащает теорию. По сути мы имеем дело с новой формой публикации, которую А.Д. Степанский удачно предлагает назвать "номинальной".

На газетный материал приходится не меньше половины, а по ряду месяцев (август – октябрь 1917 г.) и 80–99% всей информации об общих собраниях и заседаниях Петроградского Совета и его органов. Результаты работы, на которую было потрачено несколько лет, показали, что имелось много вариантов газетных отчетов. Нами было просмотрено около 30 комплектов различных газет, большинство из которых печатало отчеты о собраниях и заседаниях Совета и его органов. Что же выявилось при сравнении текстов этих отчетов? Имелось от четырех до семи "протографов" этих отчетов, которые присутствовавшие на заседаниях журналисты посылали в свои газеты. Там их печатали, произвольно сокращая. Поэтому задача сводилась к выявлению этих базовых отчетов, выделению из них самых полных. Они печатались все, а в подстрочных примечаниях отмечались разночтения вариантов одного и того же "базового отчета".

Редактор и ответственный составитель первого тома (более 90 печ.л.), талантливый историк и опытный источниковед Ю.С. Токарев проделал колоссальную работу: дешифровку черновигов протоколов общих собраний и заседаний исполнительного комитета, которые из-за своей неудобочитаемости не могли быть использованы исследователями. Кроме того, он начал писать комментарии. Но в ноябре 1972 г. Ю.С. Токарев скоропостижно скончался, не завершив работу. Работа по выявлению документов, их анализ проводилась нами, нами же сличались газетные отчеты, формировались разделы сборника, составлялись текстуальные примечания, осуществлялся источниковедческий анализ документов.

Однако в 1974 г. новая администрация Института истории АН СССР, ссылаясь на распоряжение Отдела науки ЦК КПСС, исключила работу из плана. Мотивировано это было тем, что документы сборника содержали якобы большое число выступлений меньшевиков и эсеров, а в последнем томе Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и прочих "врагов" ленинизма, воспроизводить которые считалось политической ошибкой. Поэтому дальнейшая работа над сборником прервалась до 1988 г. А затем многое пришлось начинать заново: проверять дешифровки, проводить довыявление документов, окончательно формировать разделы, писать к ним краткие историографические справки и комментарии. Кстати, о справках. Общий методический прием – составление к разделу видового сборника справки или очерка – сформировался еще в процессе нашей работы над сборником о районных Советах Петрограда.

В сборнике протоколов Петроградского Совета единой, образующей раздел единицей стал календарный день. В один день теоретически могли заседать пять органов Совета, да еще партийные фракции! Это бюро исполкома, сам исполком, общее собрание, солдатская, рабочая секция. Иногда еще отдельно заседала и исполнительная комиссия рабочей или солдатской секции (последняя гораздо чаще рабочей). И все это с особой сложностью проявилось именно за март–апрель 1917 г., когда политическая жизнь в Петроградском Совете шла интенсивно, а сам он фактически являлся всероссийским органом.

Первый том пришлось разбить на два: в первом томе помещались документы с 27 февраля по 31 марта 1917 г. (не занятыми под "разделы" остались здесь всего два календарных дня!), а во втором – с 1 апреля по 5 мая 1917 г. (момент формирования с участием представителей Петроградского Совета первого коалиционного правительства). Таким образом, каждый день – раздел, он имел иногда объем до двух-трех авторских листов и содержал десятки документов и отчетов, относящихся к заседаниям различных органов Совета. Поэтому отказались от единой справки к документам о каждом заседании или собрании. Справкам придали исключительно источниковедческий и археографический характер, удерживаясь от каких-либо оценок политического характера.

Исключительную сложность представила передача текста документов в первом томе протоколов Петроградского Совета. Если бы здесь поступить так, как было сделано с Особыми журналами, и дать факсимильное издание этих рукописных документов, то читатели просто остановились бы в недоумении перед совершенно неразборчивыми на первый взгляд записями. Мало того, что почерки добровольных протоколистов общих собраний Петроградского Совета были абсолютно нечитаемыми, но и сами записи были неряшливыми, с пропусками букв, слов, предложений. Ю.С. Токарев пошел по пути конъектур, дописывая недостающие, как ему казалось, слова в квадратных скобках, чтобы придать расшифрованным записям осмысленный вид. Но весьма часто эти "вставки" превышали количество оригинальных слов в предложении.

Поэтому первой задачей при передаче текста явились проверка дешифровки и возможно большее сокращение необязательных конъектур. Для того чтобы представить трудоемкость этой работы, несколько факсимильных воспроизведений протоколов будут помещены в качестве иллюстраций. Но, справедливости ради, надо сказать, что абсолютно безупречным научным методом публикации данных рукописных протоколов было бы параллельное опубликование факсимиле и дешифровки, чтобы читатели, среди которых могут оказаться и способные к криптографии и графологии люди, могли предложить свои варианты дешифровки этих протоколов. Однако пойти по такому пути нет возможности из-за резкого (вдвое) увеличения объема сборника в данном случае.

Но и машинописные тексты задавали свои задачи. Так, по ряду заседаний исполкома и его бюро сохранились несколько вариантов протоколов. К тому же некоторая часть их публиковалась ранее в сборнике 1925 г. Сличение этой публикации с подлинными протоколами показало, что некоторые тексты в публикации 1925 г. соединены составителями из разных вариантов без всякого указания на это. Поскольку предпринятое ныне издание протоколов является академическим, решено было печатать все сохранившиеся варианты без исключения.

Издание протоколов и отчетов о собраниях и заседаниях Петроградского Совета и его органов явится значительным вкладом в источниковую базу исследований по истории революционных событий 1917 г. Оно даст возможность более конкретно и обстоятельно изучить ход и механику межпартийной борьбы в Совете в условиях многопартийности, реального политического плюрализма, который хотя бы и недолго, но все же существовал в нашей стране и нашел свое высшее выражение в то время в деятельности столичного Совета. Документы революционного парламента страны имеют непреходящее значение, они будут изучаться историками как нашей страны, так и всего мира, желающими познать феномен революции, взаимодействие народных масс и политических партий в острейшие периоды истории народов.

Отметим еще одну публикацию, в которой автору пришлось принять участие. Это сборник "Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917–1918): Очерки и документы" (Л., 1972). Ее нельзя отнести ни к видовым, ни к тематическим публикациям. Эта книга

очерков и документов охватывает историю революционных событий на территории девяти уездов бывшей Петроградской губернии и Лодейнополюского и Тихвинского уездов, которые вскоре вошли в состав Ленинградской области. В очерках рассказывается о политической борьбе в уездах, о создании большевистских организаций, их составе; обобщаются данные о территории и населении уезда (его национальном и социальном составе), организации Советов, культуре, общественной жизни уезда. Они сопровождаются публикацией документов. Такой очерково-документальный сборник может служить хорошим справочным пособием для преподавателей, студентов, краеведов, пропагандистов и исследователей. Очерки написаны разными авторами неравномерно. Документы должны были располагаться в конце каждого очерка, однако они помещены в хронологическом порядке вперемежку по всем уездам. Эта алогичность, к сожалению, не зависела от воли отдельных составителей и еще раз доказывает недостатки "зависимого положения" государственных архивов при подготовке изданий.

Известно, какую огромную роль сыграл петроградский пролетариат в совершении Октябрьской революции. Боевыми органами питерских рабочих в борьбе за рабочий контроль, за власть Советов были фабрично-заводские комитеты. Внимание историков к их деятельности всегда было огромным, однако серьезное изучение названных органов народного праяворчества тормозилось отсутствием опубликованных источников.

Сохранилось около ста комплектов протоколов фабрично-заводских комитетов предприятий Петрограда за 1917 г. Разумеется, невозможно издать такую огромную массу документов. Поэтому для сборника²⁷ были отобраны сохранившиеся протоколы шести крупных предприятий Петрограда: Адмиралтейского судостроительного, Сестрорецкого оружейного, Балтийского судостроительного, Арсенала Петра Великого, Путиловского и Петроградского патронного завода. На них работала почти четверть рабочих столицы – около 80 тыс. человек. Все это были казенные заводы (гигант русской промышленности – Путиловский завод, на котором трудились свыше 36 тыс. рабочих в 1917 г., был секвестрован правительством за срыв планов казенных военных поставок в конце 1916 г.).

Каждое из этих предприятий имело свои традиции революционной борьбы, особенности, вытекающие из профиля завода и его продукции. По-своему проходили там организация фабзавкомов и партийная борьба в них. Поэтому исследователь получил возможность сравнивать общее и особенное в организации и деятельности фабрично-заводских комитетов этих шести огромных столичных предприятий. Отметим только, что, например, заводской комитет Путиловского завода весь март месяц 1917 г. выполнял роль и районного Совета. Поэтому Петергофский районный Совет рабочих и солдатских депутатов был фактическим заводским комитетом Путиловского завода. Только в апреле 1917 г. фабзавком выделился из Совета и стал существовать отдельно. Как и в сборнике "Районные Советы...", перед составителями встала проблема максимального выявления, которое проводилось в фондах архивов, библиотек, музеев.

Подавляющее большинство сохранившихся протоколов фабзавкомов ранее не публиковалось. Как правило, они оформлялись достаточно грамотно, и проблема установления подлинности не возникла. Практически также не было вариантов одних и тех же протоколов. Однако вопрос о передаче текста оказался не столь простым. Так как решено было сохранить все порядковые делопроизводственные номера протоколов, то выяснилось, что некоторых протоколов не хватает, в фондах фабзавкомов они не сохранились. К этому надо добавить, что фонды предприятий оказались разорванными. Часть их находится в РГИА, а часть

²⁷ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г.: Протоколы. М., 1979; 1982.

фондов тех же заводов – в ЦГАОР г. Петербурга. В 30-е годы материалы фабзавкомов и профсоюзных комитетов были выделены из заводских фондов в специальные фонды. Все это заставило проводить дополнительное выявление документов в разных фондах, а также в фонде Истпрофа. В итоге удалось собрать почти полные комплекты протоколов заводских комитетов всех шести заводов.

Вместе с тем данная публикация породила проблемы исторического характера. К собранным вместе протоколам необходим был своеобразный исторический ключ. Для того чтобы исследователь мог полноценно использовать содержание протоколов, ему надо было дать сведения о самих заводах и типичных чертах их рабочих коллективов. Это потребовало составления обширных исторических очерков по истории каждого завода, роли и месте их рабочих в истории революционного движения в столице, в Февральской революции. Соответственно увеличились и комментарии. Зато в результате этого синтеза археографии, источниковедения и истории появились публикации, которые внесли вклад в проблему истории рабочего контроля, осветили изнутри строй рабочей демократии, утверждавшейся в борьбе с администрацией в период между Февралем и Октябрем 1917 г. Документы раскрывали механику внутривнутрипартийной борьбы и сотрудничества в заводских комитетах, поскольку сами они формировались путем общих выборов на основании списков, представленных заводскими организациями разных политических партий.

Нашелся историк, немедленно использовавший эти возможности. Ленинградский профессор З.В. Степанов, как раз заканчивавший работу над книгой о петроградских фабзавкомах, применил к протоколам, опубликованным в двух сборниках, методику контент-анализа и получил интереснейшие результаты, показывающие, что в Петрограде функция рабочего контроля родилась практически одновременно с образованием самих фабрично-заводских комитетов в марте 1917 г. Возможности данной публикации в смысле раскрытия процессов, протекавших в рабочем классе на протяжении восьми революционных месяцев 1917 г., еще далеко не исчерпаны.

Таким образом, рассмотрение вопроса об издании публикаций по истории трех российских революций дает основание для следующих выводов. Подавляющее большинство изданных за годы советской власти публикаций представляют собой тематические сборники. Даже в плане научно-издательской работы учреждений государственной архивной службы СССР на 1986–1990 гг. по рассматриваемой проблеме было тематических публикаций 19, видовых – только публикуемые нами "Особые журналы Совета министров", пофондовой – ни одной! Вместе с тем в 20-е годы и за последние 30 лет накоплен опыт издания видовых публикаций, которые являются подлинно научными. В настоящее время, когда ослаблен цензурный пресс, когда имеется масса тематических сборников тенденциозного характера и зачастую низкого научного уровня, появилась не только возможность, но назрела настоятельная потребность в строго научных изданиях, какими являются видовые, номинальные и пофондовые публикации. Поэтому накопленный нами опыт приобретает принципиальное значение.

В частности, удалось разрешить следующие археографические проблемы. Разумеется, при выборе темы для видовой или пофондовой публикации необходимо исходить из общественной, научной значимости публикуемых документов, степени их новизны. Вместе с тем следует исходить из наличия соответствующего фондового или документального комплекса или комплексов. При данном подходе исключается субъективизм в отборе, издаются все обнаруженные и сохранившиеся документы. Вместе с тем может встать проблема своеобразного "отбора", с чем мы столкнулись при издании Особых журналов

Совета министров Российской империи. Огромный объем не позволил издать все без исключения Особые журналы факсимильным способом, поэтому часть документов опубликована в виде регестов. Однако главный принцип – публикация всех без исключения Особых журналов за указанный период – был соблюден, то же – при издании протоколов фабзавкомов Петрограда в 1917 г. Составители, не имея возможности издать все протоколы всех петроградских заводов и фабрик, отобрали промышленные гиганты, профсоюз металлистов и в этих пределах опубликовали все протоколы избранных заводов. Следовательно, и при этой форме публикации составитель должен решать методические вопросы введения в научный оборот всех без исключения документов избранного вида. Чрезвычайно важна задача тщательного и полного выявления в фондах архивов, библиотек, музеев и прочих хранилищах. Необходимо выявить все документы избранного для публикации вида.

Остро встает проблема передачи текста, так как в процессе выявления могут быть обнаружены черновики и различные варианты документов. Задачей публикатора является добиться аутентичности публикуемого текста выбранному для публикации документу. Наиболее правильным является публикация всех имеющихся вариантов. Именно такое решение отвечает задаче академического издания. Но если археограф сталкивается с недостатком места, то наиболее важные отличия или разночтения в имеющихся вариантах должны быть оговорены и приведены. Это относится как к любому документу в целом, так и к отдельным его частям. Недопустимо соединять разные варианты или отдельные их части, так как это равносильно созданию новых "документов", не существующих в природе.

Необходим творческий подход и для решения таких традиционных вопросов, как археографическая обработка текста, редактирование заголовков к публикуемым документам, датировка и пр. В частности, первым правилом археографической обработки должно быть врачебное "не навреди". Недопустимо, чтобы под предлогом унификации текста, приближения его к современной орфографии и пр. уничтожались бы индивидуальные особенности документа, характерные приметы времени его создания. В связи с публикацией полного текста одного или нескольких видов в заголовке может быть опущено название этого вида, а равно и изложение содержания. Ведь изъятия из текста принципиально не допускаются. Большую роль играет при данном способе публикации исторических источников комментирование. Оно позволяет расширить информативные рамки источника, сообщить об упоминаемых событиях и людях, документах, которые надлежит изучить в связи с использованием публикуемого источника.

Разумеется, приведенные выше особенности методики подготовки видовых и номинальных публикаций имеют и более общее значение. Они применимы и к тематическим сборникам, которые, конечно же, будут издаваться и впредь. Вопрос в том, что видовая публикация в силу самого своего характера является научной и требует более высокого уровня работы. Хотелось бы подчеркнуть, что каждая новая публикация, к которой мы приступали, рождала новые задачи и заставляла вырабатывать новую методику (Петроградский Совет – структура сборника по дням заседаний, привлечение газетных отчетов; Особые журналы – полный текст и регесты; фабзавкомы – отбор заводов, создание кратких исторических очерков по заводам, то же и по районам Петрограда в протоколах районных Советов). Поэтому догматизм в этих вопросах невозможен.

В то же время приходится констатировать, что теоретическая мысль археографов часто бьется над чересчур уж общими задачами, изобретаются все новые определения самой науки археографии, в то время как центр тяжести, по мнению автора статьи, должен быть перенесен на разработку конкретных

методических задач передачи текста и археографического оформления изданий документов. Еще в начале 60-х годов была высказана мысль о необходимости создания центра, который координировал бы издание исторических источников по всей стране. Такого центра до сих пор нет, а он необходим для того, чтобы предотвратить издание дублирующих или недостаточно продуманных сборников и обеспечить научное и методическое руководство всеми видами археографической работы.

Л.И. Шохин

Н.В. КАЛАЧОВ и Д.Я. САМОКВАСОВ
КАК РЕФОРМАТОРЫ АРХИВНОГО ДЕЛА В РОССИИ
(Опыт характеристики по архивным документам)*

Определяющим фактором развития архивного дела, скорее всего, являлось просвещение и в меньшей степени – политический режим. В Германии или Франции в XVIII в., несмотря на отсталость государственного строя, уровень образования и культуры позволял содержать архивы в относительном порядке, документы весьма активно изучались и издавались благодаря ученым из университетов и научных обществ (хотя и в Западной Европе, безусловно, имелись закрытые архивы). Историки и деятели культуры, отличавшиеся передовым мировоззрением, интересовались недавней политической историей России, поэтому они чаще других встречали отказы при обращении в архивы. Вполне "благонамеренные" ученые тоже, вероятно, сталкивались с бюрократическими препятствиями, но, проявляя настойчивость, все же получали доступ к документам (за исключением наиболее засекреченных). Большинство тогдашних исследователей считали достойным изучения только древний период, и такие документы (из больших московских архивов) от них не скрывали. Позже и материалы XVIII в. стали более доступны, во всяком случае массовая документация. Во второй половине XIX – начале XX в. большую часть исторических диссертаций писали по архивным документам.

В 1845 г. инспектор московских сенатских архивов П.И. Иванов предложил для стимулирования научной деятельности начать издание "Материалы архивные" (с участием и "посторонних лиц"); кроме описаний и публикаций документов, предполагалось издавать исследования – "некоторые рассуждения, до исторических и юридических предметов относящиеся". Но министр юстиции В.Н. Панин считал это преждевременным, пока архивные документы не подверглись предварительной разборке¹.

П.И. Иванов, И.Д. Беляев и др. начали изучать и издавать писцовые книги, Археографическая комиссия намеревалась взять это дело в свои руки. Историк-правовед К.А. Неволин высказал совершенно верное предположение, что никакое научное учреждение не выполнит всю работу в одиночку, и предложил привлечь людей со всех концов России и использовать местные издательские возможности, ссылаясь на успешный европейский опыт². Мрачная атмосфера николаевского царствования после подавления революций 1848 г. не помешала выдвинуть такой разумный план. (Писцовые книги активно издавались губернскими учеными архивными комиссиями с конца XIX в. вплоть до 1917 г.)

В 1851 г. директор МГАМИД М.А. Оболенский подал докладную записку о создании в Москве Императорского Русского исторического музея – собрания рукописей и старопечатных книг, для которого можно было выделить освободившееся кремлевское помещение после переезда Оружейной палаты:

* © Л.И. Шохин

¹ РГАДА. Ф. 336. (Канцелярия инспектора московских сенатских архивов). Оп. 1. Д. 36. Л. 18–19, 28–29, 41.

² Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1852. С. 32.

"Основанием собранию рукописей были бы собрания Московской синодальной библиотеки, Успенского собора, Чудова монастыря, библиотеки МГАМИД. Можно бы устроить это так, чтобы все эти собрания оставались собственностью тех ведомств, которым они принадлежат, и в ведение тех же хранителей рукописей, под наблюдением которых они ныне находятся, назначив эти же лица библиотекарями нового музея под главным надзором министра императорского двора и особого директора. Впоследствии можно купить известные собрания Погодина, Царского и др. Нет сомнения, что многие собиратели древностей поспешили бы принести в дар свои собрания. Кроме рукописей, здесь могла бы быть помещена и публичная библиотека"³.

Судя по переписке ученых 1860-х годов, в Москве долго жила мысль о создании Публичной библиотеки с помощью меценатов и при поддержке в правительственных сферах. "Ваш и мой знакомый Кошелев А.И. жертвует свой дом для ее помещения, – писал архивист В.М. Ундольский профессору А.Н. Попову, – Соболевский, Лобков, Бецкий и некоторые другие жертвуют своими собраниями... Расположите к этому графа Д.Н. Блудова. На него почти единственная надежда у всех"⁴. Правда, тот же Ундольский, будучи библиотекарем МОИДР, возражал против передачи библиотеки общества под полный контроль государства: "...кому неизвестно, как труден доступ во все казенные, в том числе и публичные книгохранилища? При настоящем порядке вещей Общество всегда может заменить одного библиотекаря другим, но как оно переменит коронного чиновника, если окажется он и тяжел и необщителен? Жалобы по команде обыкновенно не ведут ровно ни к чему там, где отсутствует выборное начало"⁵. Ундольского поддержали и другие архивисты, члены ОИДР: И.Д. Беляев, П.И. Иванов.

В 1870 г. член Государственного совета П.А. Муханов предложил новый способ описания документов МГАМИД. Он советовал пригласить молодых историков, желающих работать не столько ради небольшой платы, сколько ради доступа к историческим источникам. В ответ на это М.А. Оболенский просил канцлера А.М. Горчакова создать вместо Комиссии печатания государственных грамот и договоров новое научное учреждение, не уступающее Школе хартий, "которой по справедливости гордится Франция". Но из-за переезда МГАМИД в новое здание директор не хотел возлагать на свой архив дополнительные обязанности и хлопотал "об устройстве означенной Комиссии не при Московском, а при С.-Петербургском главном архиве"⁶. Военный историк Д.Ф. Масловский предлагал позднее преобразовать Общий архив Главного штаба по образцу МАМЮ. По его мнению, этот архив, "доселе бесцветный", переданный в руки людей, пользующихся влиянием в научном мире, – Н.В. Калачова, Н.А. Попова, стал научным центром благодаря тому, что они сумели привлечь молодых выпускников университетов, причем не денежными окладами ("совсем незначительными"), а "удобством для самостоятельных занятий по документам"⁷.

Впоследствии Н.В. Калачов пошел по тому же пути успешнее, чем П.И. Иванов, но 20-летний промежуток между ними не был периодом абсолютной пассивности. У Калачова как реформатора архивного дела были и другие предшественники, предлагавшие различные проекты, но для их осуществления требовались дополнительные средства, а правительство во все времена

³ РГАДА. Ф. 395 (М.А. Оболенский) Оп. 1. Д. 164. Л. 10 об. Приносим благодарность И.Ю. Айрапетян за предоставление возможности ознакомиться с перепиской Оболенского.

⁴ См.: Письма В.М. Ундольского к А.Н. Попову // РА. 1886. № 6. С. 303.

⁵ ОР РГБ. Ф. 203 (ОИДР). Кн. 16. Л. 14–14 об. (Записка Ундольского 1862 г.)

⁶ РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 9. Л. 3 об., 21 об., 23.

⁷ ОР РГБ. Ф. 563 (Д.Ф. Масловский) К. 1. Д. 17. Л. 1–1 об. (Черновик записки "О научном значении архивов").

экономило на архивах. Поэтому Калачов апеллировал не только к власти, но и к общественности, что и позволило достигнуть хотя бы ограниченных успехов.

Калачов связывал воплощение в жизнь своих планов с поддержкой непосредственно на местах, содействие в центре (со стороны президента Академии наук Д.А. Толстого) он считал обеспеченным. Обращаясь к сотруднику МАМЮ И.Н. Николаеву с просьбой встретиться в архиве с тамбовским краеведом И.И. Дубасовым, Н.В. Калачов пояснял, что "на нем главным образом основана моя надежда открыть в Тамбове комиссию для описания музейных древностей и архивов, без него же нечего и начинать. А теперь, чтобы делу этому дать ход, самое подходящее время, так как граф Толстой готов направить мой проект о губернских ученых комиссиях к осуществлению, но только в течение зимних месяцев, потом у него опять не будет свободного времени, а потерять год много значит [...]. Тамбов такой город, в котором, если нельзя осуществить мой проект, то едва ли он окажется вообще осуществимым"⁸.

В записке "Об учреждении губернских исторических архивов и ученых архивных комиссий", поданной в 1883 г. в Академию наук, Калачов докладывал: "Всюду, где я был, я получал отзыв, что местные деятели есть, что почва для исследований в данных губерниях благоприятна, что найдутся и некоторые средства, нужные для открытия музея, общественной библиотеки и ученого архива, но необходимы почин и руководство со стороны правительственных лиц и ученых, более опытных в этом деле, тем более, что без участия местных губернаторов в предполагаемых комиссиях осуществление его даже и *немыслимо* [подчеркнуто автором. – Л.Ш.]. Из личных же разговоров с начальниками губерний, городскими головами и председателями уездных и губернских земских управ я убедился, что им всем было бы желательно иметь в губернском городе кружок любителей старины, которые и могли бы составить означенную ученую комиссию для исследования и описания местных древностей, но для большего успеха их занятий им было бы необходимо состоять под рукою высшего учреждения, по крайней мере, по части устройства в губерниях т[ак] наз[ываемых] ученых архивов. Министерство юстиции уже выяснило мне, что оно желало бы остановиться на 4 или 5 ближайших к Москве губерниях, и такими как наиболее подходящими и для настоящей цели Академии по обилию сохранившихся в них памятников письменной исторической старины я не могу не признать губернии: Владимирскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тверскую и Новгородскую; затем на первой очереди стояли бы губернии: Псковская, Тульская, Орловская, Калужская, Ярославская и Нижегородская. Что же касается до материального содействия имеющим открыться комиссиям, то приурочение их к губернским статистическим комитетам, губернскому правлению или канцелярии местного губернатора обеспечило бы их возможностью иметь, по крайней мере, на 1-й раз помещение для своих собраний, музея, книг и рукописей, хотя в некоторых губерниях представители земства мне заявили, что вполне рассчитывают по этому поводу на содействие города или губернии"⁹.

В 1884 г. Н.В. Калачов был осторожнее в оценке перспектив развития архивного дела на местах и признавал в рапорте министру юстиции Д.Н. Набокову о положении в ряде губерний, что "невозможно открыть в них исторические архивы и ученые архивные комиссии в очень скорое время и что самое открытие не может последовать одновременно. Тем не менее могу доложить вашему высокопревосходительству, что я уже вступил по означенному предмету в переписку с некоторыми губернаторами, а с другой стороны и от ученых деятелей в разных

⁸ РГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 9789. Л. 117–118.

⁹ СПб. ФА РАН. Ф. 2. (Канцелярия конференции Академии наук). Оп. 1. 1883 г. Д. 9. Л. 14 об.–15, 17 об.–18.

губерниях получаю уже заявления о горячем их желании и нетерпеливом ожидании скорейшего открытия в их местностях упомянутых архивов и комиссий. Сверх того относительно губерний Казанской, Киевской, Харьковской и Херсонской считаю долгом упомянуть, что документы, подлежащие из них на основании циркуляров Министерства юстиции передаче в МАМЮ, могли бы и без открытия в оных центральных архивов и ученых архивных комиссий быть передаваемы в существующие уже при тамошних университетах общества и комиссии, имеющие свою целью собирание, хранение и издание в свет документов"¹⁰.

Какое-то время после Калачова Петербургский археологический институт оставался полуофициальным научно-методическим центром для местных архивов. К сожалению, этот статус не укрепился надолго, институт не смог оказать архивам ни материально-технической, ни кадровой помощи. Но идея Калачова себя не дискредитировала как альтернатива безалаберной децентрализации и громоздкой, негибкой системе, предложенной Самоквасовым (которую было бы очень трудно довести до совершенства без "поддержки снизу", полагаясь всецело на исполнительность чиновников). В Самоквасове же не без основания видели законченного бюрократа и противника общественной и частной инициативы. Позволим себе сопоставить этих двух виднейших архивистов дореволюционной России. Невозможно определить их место в истории абстрагируясь от личных особенностей. Вряд ли найдется более цельная фигура, чем Калачов, и более противоречивая, чем Самоквасов. Оба искренне хотели архивам блага, но понимали свои задачи неодинаково и действовали совершенно по-разному. (Не повторяя здесь содержание своих работ о Калачове¹¹, остановимся на характеристике Самоквасова).

Результат налицо: проект Самоквасова не удался. Констатации, конечно, недостаточно, нужно проанализировать причины. Поспешно объявив себя продолжателем дела Калачова, Самоквасов не встретил понимания большинства архивистов и историков. Во главе некоторых архивов были чиновники, близкие ему по духу. Самоквасов выделялся среди них как самый деятельный, но они не могли изменить сложившуюся структуру на основе новых идей (и придать новшества привлекательность в глазах людей, заинтересованных в архивах и готовых связать с ними свое будущее). Грубый и деспотичный с подчиненными, Самоквасов и с другими вел себя высокомерно в отличие от Калачова, прирожденного организатора и обаятельного человека. Развитые "командирские" качества Самоквасова принесли бы ему преимущества разве что в армии. Он был по-буржуазному деловит и по-дворянски заносчив.

И у Калачова и у Самоквасова идеализм сочетался с прагматизмом, но прямолинейное мышление и дурной характер Самоквасова подчас уводили его в сторону от здравого смысла, мешая отделить главное от второстепенного. У Калачова тоже находились недоброжелатели (а у кого их нет?), но он, поглощенный делом, не выставлял на первый план личные отношения, не восстанавливал против себя потенциальных союзников, не требовал от них непрерывного единомыслия. Самоквасов привык поступать наоборот, пренебрегая тактом и чувством меры. Их обычно изображают энтузиастами архивного дела, боровшимися против косности и инертности современников. Но Самоквасов, увы, боролся не только с теми, с кем следовало. Калачов вел себя как подобало ученому, а Самоквасова можно было принять за коменданта гарнизона, и его потуги поднять себя до уровня Калачова вызывали иронию, особенно у помнивших Калачова.

¹⁰ РГИА. Ф. 950 (Н.В. Калачов). Оп. 1. Д. 310. Л. 3 об.—4.

¹¹ Шохин Л.И. Об одном археографическом замысле Н.В. Калачова: (Подготовка издания приговоров и актов Боярской думы и приказов) // АЕ за 1985 г. С. 100—106; Он же. Н.В. Калачов во главе МАМЮ: (По неопубликованным документам) // АЕ за 1987 г. С. 132—143.

Порядок, заведенный Калачовым, продолжался и после его смерти в 1885 г.¹², чего нельзя сказать о деятельности Самоквасова. Компромиссов он, похоже, не признавал, считая их ниже своего достоинства. Видно, что он не искал личных выгод от архивной реформы и не пытался приспособиться к обстоятельствам. Уязвленный отношением к себе как к болтуну, прожектору и карьеристу, Самоквасов смирился с невозможностью реализовать разработанный им проект, каким бы совершенным он ни выглядел на бумаге. В неудаче нашли выражение и сильные и слабые стороны Самоквасова.

Вот впечатление известного историка Н.П. Лихачева от присланной ему Самоквасовым книги "Архивное дело в России" (М., 1902): "Мне стало жалко, что Вы до печати или в корректуре не дали на прочтение какому-нибудь постороннему лицу драгоценные материалы, Вами собранные. Мне стало жаль, что в этой книге так много резкостей, личностей и нехороших намеков, – писал Лихачев Самоквасову. – При обрисовке деятельности архивных комиссий напрасно забыто, что они просматривают не архивные описи вообще, а описи дел, предназначенных к уничтожению... [По масштабу работы ГУАК Лихачев отзывался о них как об учреждениях "довольно-таки игрушечного характера". – Л.Ш.]. Книга эта создаст Вам еще большее число врагов, чем это было до сего времени и, весьма вероятно, именно по этой причине останется гласом вопиющего в пустыне. А между тем картина растления архивов так ярка и в то же время так отчетливо правдива, что становится больно. Что говорить о мышах архивных комиссий, когда в архиве самого Правительствующего Сената трус [трусом на Руси называли землетрясение. – Л.Ш.] и потоп – истребление и расшвыривание документов, доходящее до какой-то стихийной силы!"¹³

Своеобразное преломление идеи Самоквасова получили в Киеве. Там игнорировали его призывы к централизации в общегосударственном масштабе, но одобрили создание областных исторических архивов, распространяющих свою деятельность на несколько губерний. В 1911 г. И.М. Каманин написал записку "Об учреждении в Киеве ученой архивной комиссии", в которой излагались его взгляды на проведение преобразований "снизу", а не "сверху": "Если предложенная реформа когда-нибудь осуществится (а в это есть основания верить), то учреждение теперь же *областной* [подчеркнуто автором. – Л.Ш.] ученой архивной комиссии сначала в Киеве, а затем и в других университетских городах положит начало желательной реформе, при которой сделает большие успехи историческая наука"¹⁴. В 1915 г. В.С. Иконников в записке ректору Киевского университета просил ускорить открытие Киевского археологического института для подготовки кадров архивистов. "...Необходимость такого учреждения в Киеве была признана еще в 1899 г. на бывшем съезде архивистов, – напоминал Иконников, – и даже преимущественно перед Москвою, по особенностям архивного дела в Юго-Западном и Северо-Западном крае [...] Киев располагает

¹² 3 октября 1917 г. Таврическая ГУАК направила письмо-справку по запросу Московского археологического общества, где описан характерный пример из истории архивного дела на окраинах России: "Таврическая архивная комиссия открылась 24 января 1887 г. по инициативе б[ывшего] таврического губернатора А.Н. Всеволожского, сочувственно отнесшегося к мысли Н.В. Калачова об учреждении губернских ученых архивных комиссий и к деятельности первых четырех комиссий – Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской. При этом Всеволожский руководствовался как печальным состоянием местных архивов, так и необходимостью охраны и исследования памятников древности в Тавриде" (РГИА г. Москвы. Ф. 454 (Московское археологическое общество). Оп. 2. Д. 520. Л. 7).

¹³ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 736. Л. 8–8 об. На Самоквасова, однако, доводы Лихачева не произвели никакого впечатления, о чем свидетельствует его ответное письмо. См.: СПб. ФА РАН. Ф. 246. (Н.П. Лихачев). Оп. 3. Д. 330. Л. 1–3.

¹⁴ ЦНБ АНУ. Ф. 83 (И.М. Каманин). № 11. Л. 11 (Черновик). Каманин прямо ссылался на книгу Самоквасова "Централизация архивного дела в России" (М., 1902).

несколькими высшими учебными заведениями, обширным Центральным архивом, целым рядом других правительственных, общественных и частных архивов и библиотек, богатыми музеями и несколькими учеными обществами, ученые силы которых с избытком могут покрыть все нужды и потребности института. Нужно надеяться также, что общественные и частные пожертвования не заставят себя долго ждать"¹⁵.

Можно лишь гадать, насколько достижимой была архивная реформа в России в начале XX в., но ясно, что Самоквасов был малоподходящим человеком для ее проведения. Он не получил прижизненного широкого признания на научном поприще как теоретик и практик архивного дела (впрочем, и как археолог и историк права – не отсюда ли такая ревность к похвалам по адресу других?). С Академией наук Самоквасов постоянно конфликтовал (сначала из-за издания "Акты Московского государства", потом из-за издания грамот Коллегии экономики), в Московском обществе истории и древностей российских (возглавлявшемся В.О. Ключевским и С.А. Белокуровым) к Самоквасову относились сдержанно, в Петербургском археологическом институте его вообще ни во что не ставили, он мог рассчитывать на ограниченную поддержку со стороны Московского археологического общества. (К нему благоволила председатель общества графиня П.С. Уварова.) У Самоквасова не было прочной опоры в столицах (Петербурге и Москве), на периферии тем более.

Еще один барьер между ним и либеральными, по преимуществу научными кругами создавали откровенно консервативные политические взгляды Самоквасова (до перевода в Москву он 20 лет преподавал в Варшавском университете, самом реакционном из всех университетов в России), да и его моральный авторитет вызывал сомнения. Достаточно сказать, что он вполне сознательно и упорно травил непокорных сотрудников в МАМЮ, если они не соглашались с его административными методами решения научных вопросов (в 1897 г. уволил В.Н. Сторожева и Н.Н. Оглоблина; М.В. Довнар-Запольский ушел в 1901 г. после скандала из-за того, что осмелился одобрительно отозваться в печати о губернских ученых архивных комиссиях)¹⁶, и опирался на тех, кто больше всего ценил продвижение по службе. Самоквасов (как и один из его предшественников – П.И. Иванов) считал возможным издавать под своим именем труды, практически целиком подготовленные подчиненными (к примеру, "Архивный материал" – сборник уникальных документов XVI в., "Централизация государственных архивов. Архивное дело на Западе" – компиляция переводов иностранного архивного законодательства, выполненная сотрудниками МАМЮ¹⁷). Современники знали об этом, и подобная слава не способствовала популярности.

Сейчас мало кто знает предложения В.Н. Сторожева об улучшении архивного дела. Он выступал в 1890-е годы не в поддержку проекта Самоквасова, а как его оппонент¹⁸. Когда Самоквасов в 1892 г. был назначен управляющим

¹⁵ Госархив г. Киева Ф. 16. (Киевский ун-т). Оп. 354. Д. 33. Л. 2. Иконников имел в виду XI (Киевский) Всероссийский археологический съезд, на котором обсуждали доклад Самоквасова.

¹⁶ М.В. Довнар-Запольский подробно написал об этом П.С. Уваровой (ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваровы). Д. 546. Л. 784–786 об.) При широком обсуждении проекта архивной реформы речь шла не о ликвидации губернских ученых архивных комиссий, как предлагал Самоквасов, а о содействии им. Сводный отчет комиссий позволял говорить, что "комиссии в общем работают весьма успешно и деятельность их с каждым годом становится все шире и более планомерной" (*Довнар-Запольский М.В. Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий, 1896–1898 // Тр. XI археол. съезда в Киеве, 1899 г. М., 1902. Т. 2. С. 99*).

¹⁷ В отчете архива прямо сказано, что изданием "Централизация государственных архивов. Архивное дело на Западе" (М., 1900) "заведовал" В.В. Нечаев (РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 716. Л. 55 об.).

¹⁸ См., например: *Сторожев В.Н. Запросы археографическому отделению X археологического съезда в Риге // Книговедение. 1894. № 4. С. 24.*

МАМЮ, он долгое время опирался на своего дельного и опытного секретаря А.А. Гоздаво-Голомбиевского. Однако в дальнейшем этот небезызвестный архивист, оставаясь нейтральным, не присоединился к его борьбе за архивную реформу. (Гоздаво-Голомбиевский перешел в архив Государственного совета, стал секретарем Русского исторического общества и – что немаловажно – имел определенное влияние на председателя общества великого князя Николая Михайловича). С иными бывшими сослуживцами Гоздаво-Голомбиевский продолжал дружить, но с Самоквасовым порвал навсегда. Не будучи в состоянии терпеть возле себя самостоятельных людей, Самоквасов лишил себя потенциальных помощников и соратников.

Итак, Калачов черпал силы в сочувствии окружающих (при том, что и по чинам и связям он был гораздо выше Самоквасова; в 1859 г. Калачов как член Комитета по крестьянскому вопросу выполнял поручение – необходимо было написать "Историю сельского сословия в России"), а Самоквасов находил силы для борьбы лишь в себе самом. В том, что принято считать "успехом в жизни", он не был неудачником. (Архивная реформа для Самоквасова – эпизод, а не дело всей жизни¹⁹.) Его не назовешь ни бесталанным, ни безвольным. К тому же характер и образ действий Самоквасова, как можно сейчас представить, постепенно менялись. В последние годы он занимался преподаванием в Московском университете, пополнял и приводил в порядок археологическую коллекцию, следил за текущей работой МАМЮ, приложил руку к становлению Московского археологического института. Его общественная активность сошла на нет. (Оглоблин, проживавший в 1900-е годы вне Москвы, не раз спрашивал Белокурова: жив ли еще Самоквасов.) На выборах в Государственную думу он баллотировался от Союза русского народа, но не был избран. На похоронах в 1911 г. о нем говорили, что он отказался от должности сенатора, так как это нарушило бы его дела в Москве.

После смерти Самоквасова остались как бы две неравноценные части архивного наследия: скажем условно, "архивно-техническая" и "догматическая". Коллеги заканчивали описание столбцов Разрядного приказа, но никто не пытался продолжать его реформаторские начинания. При всем различии последующих оценок принятых Самоквасовым правил систематизации и описания документов их восприняли разумно. В этой части Самоквасов не очень уж оригинален, но он четко обобщил многолетний опыт и внедрил свои разработки на практике. Что касается "проекта Самоквасова", то он с самого начала сопровождался излишней шумихой и обсуждался с из ряда вон выходящими взаимными нападками (на всех уровнях, включая газеты). Долго еще отношение к "проекту" во многом определялось конъюнктурой.

Труды Самоквасова стали поднимать на щит выше всех остальных, видя в них обоснование Декрета 1918 г. о реорганизации и централизации архивного дела. В мае 1918 г. Ю.В. Готье разговаривал с Д.Б. Рязановым, будущим начальником Главного управления архивным делом. Скептически оценивая познания Рязанова, Готье записал в дневнике, что его собеседник пытался в этом разобраться, но "не пошел дальше старого доброго Самоквасова"²⁰. В конце 1920-х годов вновь стала актуальной резкая критика Самоквасовым губернских ученых архивных комиссий, когда подверглись разгрому возникшие на их основе краеведческие организации. (Еще в 1899 г. краеведы обращали внимание на "бюрократический характер" проекта Самоквасова. "Если предстоит реформа

¹⁹ У Калачова также было много разных занятий, но к концу жизни он все больше сконцентрировался на архивной деятельности, отказываясь от других дел. Он извинялся, что не мог активно участвовать в работе ОИДР по причине занятости. См.: ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 18 (Протоколы 1866 г.). Л. 96–97.

²⁰ Дневник Ю.В. Готье // ВИ. 1991. № 11. С. 158.

архивного дела в России, то да не послужит для нее образцом организация национальных архивов во Франции – этот продукт 1-й революции, обезличивший отдельные местности и превративший их в простое колесо механизма²¹.)

В конце 1940-х годов в МГИАИ И.Л. Маяковского обвинили чуть ли не в политических ошибках за то, что он пытался более или менее объективно оценивать деятельность губернских ученых архивных комиссий, организованных по инициативе Калачова. (Заслуги последнего, как видим, понимали однобоко и жестко ограничивали по времени их "прогрессивности".) Взгляды самого Калачова могли меняться, но это происходило не случайно, а было направлено на пользу дела. Например, принято считать Калачова столь же последовательным сторонником формально-логической систематизации документов, как Г.-Ф. Миллера в XVIII в. Но директор МГАМИД М.А. Оболенский, под руководством которого Калачов начинал свою архивную деятельность, считал систему Миллера заимствованной, иностранной. "Издавна занимаясь архивскими делами, я неоднократно чувствовал вместе со многими исследователями русской истории крайнюю необходимость истории самых архивов, доселе почти нетронутой, – писал он в 1845 г. Д.Н. Блудову. – Вашему сиятельству известно, как много навредила немецкая система Миллера Московскому главному архиву. Рассортировав по своей теоретической системе акты, он сбил естественное расположение их по приказам, столам, повывьям и т.д. От этого часто не знаешь, где чего искать должно и каким образом известный акт мог попасть в наш архив. Это затруднение чувствовал и наш бессмертный Карамзин"²².

В заключение необходимо сказать о предпосылках архивной реформы, состоявшейся в 1918 г. На конец 1917 г. было намечено проведение Всероссийского съезда архивных деятелей, подготовлены проекты нового законодательства об охране памятников древностей, в том числе письменных. Бесплодность усилий по преобразованию архивного дела в 1917 г. без вмешательства властей объясняется хаосом в стране и нехваткой времени, а не имманентной беспомощностью архивистов.

23 сентября 1917 г. председатель Союза российских архивных деятелей академик А.С. Лаппо-Данилевский сообщал в Москву председателю Московского археологического общества графине П.С. Уваровой: "Мы делаем что можем для архивов, которые нуждаются в охране, но условия переживаемого времени, конечно, не особенно благоприятны для культурных работ. Приходится заботиться об эвакуации, причем можно (как выяснилось сегодня) рассчитывать на вывоз, по крайней мере, наиболее ценных фондов по жел. дороге, а не на баржах: против последнего способа Совет союза возражал с самого начала. Об устройстве съезда в Петрограде в декабре, разумеется, нельзя и думать. Хотя подготовительные работы уже начались, но сейчас невозможно определить ни места, ни времени съезда"²³. Данная характеристика не претендует на то, чтобы вынести приговор Н.В. Калачову и Д.Я. Самоквасову, а лишь предоставляет материалы для оценки их деятельности. Возможно, найдутся и другие источники, позволяющие продолжить изучение проблемы реформы архивного дела и обосновать различные точки зрения.

²¹ РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 7. Д. 4686. Л. 3 (вырезка из газеты "Северный край").

²² Там же. Ф. 395. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–1 об.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 559. Л. 45–45 об. 14 июня того же года он просил Уварову прислать делегата для совместного обсуждения Положения о губернских ученых архивных комиссиях. См.: Там же. Л. 44–44 об.

О.В. Пека

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА
ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ АРХИВНЫМ ДЕЛОМ
И МЕСТО АРХИВОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА***

Изменения в политической системе советского общества в 1920–1930-е годы оказали негативное влияние на процесс политизации архивной системы, завершившийся в 1938 г. передачей архивов в ведение НКВД. В результате оказались деформированы сами цели и задачи государственной архивной службы – архивная система постепенно была подчинена интересам тоталитарного государства, составной частью пропагандистской машины которого являлись архивы. Именно благодаря этому стали возможными подмена целых пластов исторического сознания общества, внедрение в массовое сознание тоталитарных мифов. По мере того как информация, содержащаяся в архивных источниках, все более противоречила навязываемым мифологизированным картинам прошлого, архивист должен был проделать эволюцию от хранителя исторической памяти общества до лояльного чиновника, стоящего на страже интересов аппарата.

Если в первые послереволюционные годы в архивной системе работали крупнейшие деятели исторической науки России (М.К. Любавский, С.Ф. Платонов и др.)¹, можно без преувеличения сказать – цвет российской интеллигенции (например, философ Н.А. Бердяев, литературовед М.О. Гершензон)², то постепенно в нее стали попадать люди, выполнявшие роль комиссаров, направленные в архивы в качестве политических руководителей (М.Н. Покровский, В.В. Адоратский, В.В. Максаков). Поэтому назначение на пост главы архивного ведомства в 1920 г. М.Н. Покровского не могло быть случайностью – свою радикальность Покровский доказал еще в марте 1918 г., участвуя в государственной комиссии по просвещению, которая провела ряд реформ: закрытие духовных училищ, принятие положения о единой трудовой школе, о передаче всех школ в ведение Наркомпроса, об отмене ученых степеней и изменении порядка занятий на кафедрах³. Можно предположить, что в этом назначении отразилась не только потребность более решительно и радикально централизовать архивную систему, но и поставить архивы на службу новой власти.

Спустя буквально несколько дней после того, как Покровский возглавил архивное ведомство, была восстановлена Коллегия Главархива, однако в нее из прежнего состава, действовавшего с ноября 1918 по ноябрь 1919 г., вошел

* © О.В. Пека

¹ См., например: *Шмидт С.О.* Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству // *Интеллигенция и революция, XX в.* М., 1985; *Он же.* Из истории архивного строительства в первые годы советской власти // *Советская культура: 70 лет развития.* М., 1987; *Иванова Л.В.* Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917–1924 гг. // *Проблемы русского общественного движения и исторической науки.* М., 1981.

² См.: *Быкова Л.* Хранилище частных архивов // *Тверская старина.* 1991. № 1.

³ См. об этом: *Покровский М.Н.* Биографическая справка // *Историк-марксист.* 1928. № 9. С. 60.

только В.Н. Сторожев, остававшийся всего лишь четыре месяца, до конца 1920 г. С начала 1921 г. состав Коллегии вновь претерпел изменения, в результате в него вошли М.Н. Покровский, В.В. Адоратский, Н.Н. Батурин⁴, а с 1922 г. фактически на всех заседаниях Коллегии присутствовали только Покровский, Адоратский и Максаков. Таким образом, в кратчайший срок от руководства архивным делом были отстранены все, кто стоял у истоков создания Центрального комитета по управлению архивами.

"Рязанов занял не совсем верную линию, – замечал по этому поводу Покровский, – он оставил архивы в руках специалистов, как Платонов, людей достаточно почтенных, но совсем не наших"⁵. Эту "ошибку" Д.Б. Рязанова Покровский стремился всеми силами исправить. Любопытно отметить, что привлечение к работе в архивах буржуазных ученых и архивистов (т.е. специалистов с дореволюционным стажем работы) до сих пор ставится некоторыми исследователями Рязанову в вину⁶.

В 20-е годы Покровский, а вместе с ним и другие члены Коллегии проводили систематическую "чистку" кадрового состава архивных учреждений, в первую очередь избавляясь от наиболее независимых, не проявляющих достаточной лояльности к новому режиму сотрудников. Возможно, здесь свою негативную роль сыграли натянутые личные отношения Покровского с коллегами-историками, работавшими в архивной системе. Однако в той степени, насколько быстро шел процесс бюрократизации архивной системы, подчинения ее интересам партийно-бюрократического аппарата, можно говорить об объективности процесса изменения кадровой политики. По меткому замечанию В.Н. Автократова и И.Е. Шуббе губернские уполномоченные, назначаемые Главархивом в самом начале 20-х годов, были "образованные, но подчас аполитичные люди, в ряде случаев не вписывались в облик советского аппарата, не находили контакта с местными властями"⁷.

О размахе "чистки" говорит хотя бы тот факт, что только за 1925 г. в ЦГИА в Ленинграде сменилось две трети архивных работников⁸. Подбор новых кадров происходил прежде всего по принципу политической благонадежности. В результате неуклонно снижалось количество сотрудников с высшим образованием, а например, в местных архивных учреждениях в 1927 г. половина сотрудников не имели даже среднего образования⁹. Все это вело к снижению квалификации архивных сотрудников, хронической текучести кадров, падению престижа архивной службы¹⁰.

В поисках решения этих проблем руководство ЦАУ РСФСР прибегало к самым неожиданным средствам. Так, например, узнав о том, что в сентябре 1929 г. для разборки архивных материалов Татцентрархива привлекались заключенные изолятора, руководство ЦАУ РСФСР предложило представить доклад о результатах работы с целью решения вопроса о возможности использования заключенных на работе в архивных учреждениях¹¹.

Как известно, на 1-й конференции архивных деятелей РСФСР М.Н. Покровский резко выступил против планов создания архивно-археографического

⁴ *Пишечный А.П.* Из истории становления управления архивным делом в СССР (1918–1941) // *СА.* 1988. № 3. С. 19.

⁵ АРАН. Ф. 1729. Оп. 3. Д. 40. Л. 7.

⁶ *Пишечный А.П.* Из истории становления управления архивным делом в СССР (1918–1941). С. 19.

⁷ *Автократов В.Н., Шуббе И.Е.* Петроградская брошюра об архивах (1919) // *СА.* 1988. № 4. С. 28.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 614. Л. 87.

⁹ Там же. Д. 1641. Л. 24.

¹⁰ Подробнее см.: *Пека О.В.* Политизация архивной системы в 1920-е годы: (Кадровый аспект) // *Зеркало истории: Двадцать лет кружку истории древности и средневековья: Сб. статей.* М., 1992.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1841. Л. 1.

института, предложенного М.К. Любавским. Именно позиция Покровского объясняет тот факт, что институт был создан только в 1930 г., когда отсутствие кадров стало основным тормозом в работе архивов¹².

Однако подготовка архивных кадров в первую очередь была делом политического значения. Основным недостатком первого набора студентов Коллегии ЦАУ РСФСР посчитала несоответствие процента партийной и комсомольской "прослойки" директивам о кадрах архивных работников. Оказалось, что члены партии и комсомольцы должны были составить 70% всех студентов¹³. Уже на следующий год администрация института приложила все усилия, чтобы перевыполнить "план", и число беспартийных студентов снизилось до 7%¹⁴. Однако в процессе учебы выяснилось, что в погоне за благонадежностью при поступлении в институт мало обращалось внимания на общеобразовательную подготовку.

На 1933 г. историко-архивному институту были установлены "контрольные цифры" социально-партийного состава приема абитуриентов: рабочих – не менее 50%, колхозников – 25, членов партии – 40, комсомольцев – 50% (как видим, для беспартийных осталось зарезервированными 10% мест)¹⁵. Кроме того, дирекция института было указано на необходимость "строжайшей проверки" абитуриентов.

Несмотря на то что на местах, по признанию самого архивного руководства, текучесть архивного персонала принимала "катастрофический характер", Коллегия ЦАУ РСФСР продолжала чистку кадров местных архивных органов. В результате такого значительного кадрового "обновления" можно отметить снижение профессионализма. Например, на первом съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г. из 107 делегатов с решающим голосом 61 делегат имел стаж архивной работы до двух лет¹⁶. Со временем ситуация еще более ухудшилась. Так, на совещании архивных работников при ЦАУ РСФСР в июле 1931 г., как видно из анализа анкет участников, большинство заведующих архивными бюро не имели даже среднего образования, а в архивной системе работали от нескольких месяцев до 1–2 лет, некоторые анкеты написаны с грамматическими ошибками. Однако партийная принадлежность заведующих была обязательной¹⁷.

Предпринятые на рубеже 1920–1930-х годов процессы над представителями технической интеллигенции (процесс Промпартии, Шахтинское дело), первые крупные аресты деятелей советской исторической науки (многие из которых активно работали в архивной системе, как, например, М.К. Любавский) создавали атмосферу подозрительности и враждебности по отношению к представителям старой интеллигенции, и архивы не были исключением из этой общей тенденции. Именно со ссылкой на "уроки процесса Промпартии" в плане работ ЦАУ РСФСР на 1931 г. говорилось о выводах "комиссии по чистке личного состава работников ЦАУ"¹⁸, а на общем собрании сотрудников ЦАУ в октябре 1930 г. уже сообщалось о первых результатах этих чисток¹⁹.

В докладе на совещании архивных работников ЦАУ РСФСР в июле 1931 г. В.В. Максаков, коснувшись кадровых проблем, обвинил старых архивных работников в том, что они не всегда быстро "поворачиваются лицом к тем задачам,

¹² Курникова И.А. Документы первой конференции архивных деятелей по проблемам подготовки кадров исторических архивов // Архивы СССР: История и современность. М., 1989. С. 121.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2221. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 38.

¹⁵ Там же. Д. 2701. Л. 12.

¹⁶ Протоколы Первого съезда архивных деятелей РСФСР, 14–19 марта 1925 г. М.; Л., 1926. С. 165.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2223. Л. 85–90.

¹⁸ План работ ЦАУ РСФСР на 1931 год // АД. 1930. М., 1931. № III/IV (24/25). С. 8.

¹⁹ Там же. С. 83.

которые перед архивами стоят"²⁰. В резолюции по докладу о кадрах совещание констатировало "наличие до последнего времени в составе ряда архивных учреждений идеологически чуждых и враждебных нам элементов, оставшихся в наследство от прежних ведомственных архивов, ученых архивных комиссий и проч."²¹. Это был сигнал к организованной травле старых кадров архивных работников.

Свое отношение к дореволюционным специалистам Максаков высказал и на совещании научных специалистов при ЦАУ СССР в августе 1931 г. По его словам, руководство в архивах должно принадлежать молодым, "владеющим марксистской подготовкой, политически подкованным работникам". Максаков обрушился на старых специалистов за их "индивидуализм", "замкнутость", нежелание сносить подобное руководство²².

В этой обстановке становится понятным, почему в отчете о работе кадров ЦАУ в 1931 г. как особое достижение отмечаются бдительность и осторожность при приеме на работу новых сотрудников²³. В то время начинается кампания "орабочения" аппарата ЦАУ, усиленно продолжается практика комплектования аппарата архивного руководства через райкомы партии, принимается план увеличить в 1932 г. численность членов партии в архивной системе с 22 до 36%²⁴. Еще в октябре 1929 г. Коллегия ЦАУ РСФСР согласилась с постановлением бюро ячейки ВКП(б) "о необходимости шефства над ЦАУ какой-нибудь фабрики или завода Хамовнического района"²⁵.

Главной проблемой для руководства ЦАУ продолжало оставаться отсутствие квалифицированных архивных кадров. В апреле 1935 г. заместитель заведующего ЦАУ СССР Н.В. Мальцев, сменивший на этом посту В.В. Максакова, в своей докладной записке о состоянии архивного дела в СССР особенно подчеркивал неудовлетворительное положение с кадрами²⁶. Однако его мысли по исправлению ситуации по сути не отличались от политики прежнего руководства Центрархива. Мальцев предложил новую чистку личного состава архивных органов, на сей раз "от политически ненадежных, чуждых, неподходящих по квалификации и нетрудоспособных по инвалидности"²⁷.

К тому времени подоспела сталинская кадровая теория, и высказывать свое мнение по этой проблеме стало попросту небезопасно. В журнале "Архивное дело" появилась передовая статья под названием "Внимание кадрам", представлявшая собой толкование речи Сталина "Кадры решают все", произнесенной в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 г.²⁸

Основные положения речи Сталина были перенесены на проблемы архивной отрасли и надолго определили кадровую политику в архивной системе. Основной удар этой статьи был направлен на среднее руководящее звено. Руководство архивных учреждений обвинялось анонимным автором в непонимании значения подбора и воспитания кадров, им ставился в вину низкий, по мнению автора, процент партийных работников в архивных учреждениях, осуждалась практика приема новых сотрудников "извне", без рекомендаций партийных органов. Из

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2223. Л. 25.

²¹ Совещание заведующих архивным управлением РСФСР 27–31 июля 1931 г. // АД. 1931. № 1/II (26/27). С. 103.

²² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2237. Л. 30–31.

²³ Там же. Д. 2221. Л. 43.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Д. 1844. Л. 106.

²⁶ Там же. Д. 3312. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 491.

всех необходимых качеств архивного работника на первое место выдвигалось "политическое чутье"²⁹. Тем более странно, что еще недавно были ссылки на эту статью как на образец партийного руководства архивным строительством в плане повышения политического уровня архивистов³⁰.

С того времени почти в каждом номере журнала появлялись призывы к "политической настороженности", нагнеталась истерия поисков "вредителей"³¹. Причем любой случай приобретал в печати политический характер умышленного вредительства, раздувался до масштабов целенаправленной диверсии. Например, в Томском областном архиве в предназначенную для распродажи макулатуру попали белогвардейские листовки. Это было объявлено преднамеренной акцией работников архива, причем, по утверждению автора названной выше передовой, личный состав архива целиком состоял "из бывших колчаковцев, дворян, лишенцев и т.д."³²

Точно так же всех архивистов с дореволюционным стажем работы в передовой объявили бывшими царскими чиновниками и приветствовали их изгнание из архивов³³.

Однако волна репрессий затронула не только старых специалистов. Еще в 1932 г. администрация ЦАУ РСФСР поспешила уволить и "откреститься" от арестованного по "делу Рютина" заведующего организационно-методическим сектором ЦАУ СССР и РСФСР В.И. Каюрова³⁴. В отчете о деятельности ЦАУ РСФСР за тот год можно найти упоминания об исключении из института по обвинению в троцкизме студента Добрынина, о проводимой борьбе с "уклонистами, правыми и перерожденцами"³⁵.

Наивысшего подъема репрессии достигли, разумеется, в 1937 г. Органы НКВД вынудили бывшего директора ЦАКА В.К. Вальдбаха дать показания фактически на весь руководящий состав архивных учреждений. В результате были арестованы директора почти всех центральных архивов Москвы и Ленинграда (в том числе и смещенные к тому времени со своих постов), заместитель управляющего ЦАУ СССР и РСФСР С.А. Пашуканис, а вскоре и сам управляющий – Я.А. Берзин, собран материал на другого его заместителя, Н.В. Мальцева³⁶.

Кроме центрального аппарата, кровавая чистка прошла и по местным архивным учреждениям ряда автономных республик и областей, причем прошла не по одному разу. Например, в Свердловском областном архивном управлении после ареста проработавшего 10 лет заведующим Киселева уже через 3 месяца была арестована назначенная заведующей Краева. «Пора покончить с вредной, ненужной теорией "незаменимости"», – призывал А. Иванов в статье "По-большевистски выполнить постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета"³⁷.

"Архивная система долгое время была засорена вражескими элементами, раскрытыми твердой рукой органов Наркомвнудела", – с удовлетворением сооб-

²⁹ АД. 1935. № 2(35). С. 6.

³⁰ См.: *Чекмарева Н.В.* Историография партийного руководства становлением и развитием архивного дела в СССР (1917–1936) // Проблемы историографии, источниковедения истории КПСС. М., 1988. С. 114.

³¹ См., например: Выше большевистскую бдительность!// АД. 1936. № 3. С. 5.

³² АД. 1935. № 2(35). С. 6.

³³ Там же. С. 4.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2461. Л. 6. См. также: *Пшеничный А.П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах // СА. 1988. № 6. С. 45.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2461. Л. 6.

³⁶ *Пшеничный А.П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах. С. 45–46.

³⁷ АД. 1937. № 3. (44). С. 12.

щалось в резолюции первой конференции научных и руководящих работников системы ЦАУ в июле 1938 г.³⁸

В результате того, что фактически все руководящие работники архивной системы, когда-либо ее возглавлявшие, были в разное время оклеветаны, выгнаны с работы, репрессированы, в юбилейной статье "20 лет архивного строительства" вся история архивного дела в советский период была представлена анонимной, обезличенной³⁹.

Вторая волна архивных репрессий приходится на 1939 г. при непосредственном участии Л.П. Берия, в чье ведение в 1938 г. перешли архивы. На сей раз основная волна арестов была направлена по низовому звену архивного персонала, включая даже технических работников⁴⁰. Другая существенная особенность второй волны репрессий состояла в полном замалчивании ее масштабов – в печати не появлялись имена арестованных, не было развернутой кампании осуждения.

Говоря о причинах, вызвавших эти репрессии, А.П. Пшеничный указал на то, что они были направлены "на обезглавливание и обескровливание архивных учреждений, лишая их многих умных и знающих архивистов"⁴¹.

Несколько другую, оригинальную точку зрения высказывает В.В. Цаплин, находя связь между репрессиями архивистов и процессами 30-х годов. Архивистов, по его словам, выставили виновниками того, что "отсутствовали какие-либо доказательства мнимых преступлений жертв культа личности и свидетельства, подтверждающие выдающуюся деятельность Сталина"⁴². Однако следует заметить, что никакой широкомасштабной кампании по обвинению архивистов в "сокрытии" или "уничтожении" документов подобного рода так и не началось. И это несмотря на то, что в руках следствия были признания бывшего директора ЦАКА Вальдбаха в передаче ряда архивных документов латвийской разведке.

Во всех резолюциях собраний актива руководящих работников ЦАУ и в статьях, помещаемых в журнале "Архивное дело", глухо упоминалось о "диверсиях", "гнусной предательской работе", о стремлении "оставить архивы в неупорядочном состоянии, неучтенными, что влекло за собой безнаказанное хищение архивных материалов"⁴³. Как видно из набора обвинений, все-таки в вину бывшим руководящим работникам ЦАУ ставилось только попустительское хищение, а не сами хищения. Внимание общественности заведомо не привлекалось к отсутствию вещественных улик на политических процессах 1936–1938 гг., напротив, по свидетельству Л. Фейхтвангера, Сталин "немного посмеялся над теми, кто, прежде чем согласиться поверить в заговор, требует предъявления большого количества письменных документов: опытные заговорщики, заметил он, редко имеют привычку держать свои документы в открытом месте"⁴⁴.

Власть Сталина к тому времени достигла таких пределов, когда сама мысль о том, что его режиму нужно что-либо доказывать, казалась кошмарной. Предъявление каких-либо документальных доказательств грозило превратить это инсценированное судилище в состязательный процесс, ведь в этом случае суду было бы предъявлено то, что можно оспорить и опровергнуть. Это хорошо понимал Троцкий, обращая внимание на то, что следствие совершенно не

³⁸ Там же. 1938. № 3. (47). С. 234.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Подробнее см.: Пшеничный А.П. Репрессии архивистов в 1930-х годах. С. 46, 47.

⁴¹ Там же.

⁴² Перестройка в архивном деле: По пути революции или реформ? // Вопр. истории КПСС. 1990. № 1. С. 58.

⁴³ См.: АД. 1937. № 1. С. 1; № 3. С. 12; 1938. № 3. С. 234.

⁴⁴ Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 1937. С. 69.

интересовали архивные материалы, даже в тех случаях, когда, обратившись к архивам, была полная возможность уточнить некоторые факты, даты, обстоятельства предполагаемых встреч обвиняемых⁴⁵. Те немногие конкретные свидетельства, которые встречались в стенограммах судебных заседаний, дотошно опровергались Троцким материалами из его личного архива⁴⁶.

Таким образом, вряд ли можно связывать репрессии архивистов 1937–1938 гг. с отсутствием на московских политических процессах компрометирующих архивных материалов. В материалах процессов 1936–1938 гг. есть только одно упоминание об уничтоженных документах: свидетели В.Н. Яковлева и В.Н. Манцев во время суда над Бухариным показали, что по указанию последнего уничтожили несколько листов из книги протоколов Московского областного бюро партии периода брестского кризиса, компрометирующих "левых" коммунистов⁴⁷. Это с легкостью опровергнуто С.В. Якушевым, установившим, что книга протоколов хранится в РЦХИДНИ без всяких повреждений⁴⁸.

Вполне возможно, что архивисты не были объявлены виновниками отсутствия архивных материалов, подтверждающих мифологизированную "Кратким курсом ВКП(б)" историю, поскольку по мере усиления репрессивных структур тоталитарная система постепенно перестала нуждаться в документальном подтверждении своих мифов.

Репрессии конца 30-х годов затронули все слои советского общества: от крестьян до ученых, от армии до деятелей искусства, вполне понятно, что кровавая волна беспощадного террора не могла миновать архивную систему, тем более что среди архивистов были еще представители дореволюционной интеллигенции (согласно новому политическому жаргону, "царские чиновники"). Может быть, свою роль сыграл и еще один немаловажный субъективный фактор – отношение к архивам Сталина.

В 20-е годы Сталин активно использовал архивы как важное средство политической борьбы со своими противниками. В этой борьбе наибольшее значение получили документы В.И. Ленина, причем даже не столько официально опубликованные работы, статьи и заметки, сколько личные письма, записки, а после революции также пометки и резолюции на бумагах и деловых записках; т.е. документы, не предназначавшиеся Лениным для печати, в которых можно было найти наиболее острые ленинские высказывания о многих видных партийных деятелях. Анализ выступлений Сталина показывает, что он использовал некоторые ленинские эпитеты и характеристики, вырванные из контекста, задолго до того, как эти документы были официально опубликованы⁴⁹.

Прагматическое отношение Сталина к архивам характеризует его "классификация" документов Истпарта, сделанная в речи на январском (1925 г.) пленуме ЦК и ЦКК РКП(б): "Там есть документы, которые в свое время имели силу и потеряли ее потом. Там есть и такие документы, которые имели и продолжают иметь руководящее значение для партии. Там есть также такие документы, которые имели исключительно отрицательный характер, отрица-

⁴⁵ Троцкий Л.Д. Какие есть доказательства? // Бюл. оппозиции. 1937. № 54/55. С. 18–28.

⁴⁶ Троцкий Л.Д. Московский процесс – процесс над Октябрем // Там же. 1937. № 52/53. С. 39; Троцкий о процессе // Там же. № 54/55. С. 6 и др.

⁴⁷ Судебный отчет по делу антисоветского "правотроцкистского блока", рассмотренному Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. см.: Полный текст стеногр. отчета. М., 1938. С. 392, 416, 417.

⁴⁸ Якушев С.В. Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопр. истории КПСС. 1990. № 5. С. 60.

⁴⁹ Подробнее об этом см.: Пека О.В. Архивные документы во внутрипартийной борьбе 1920-х годов // ОА. 1992. № 2.

тельное значение и с которыми партия не может мириться"⁵⁰. Буквально до самой смерти Сталина эта фраза была заклинанием, обрекавшим на забвение любые архивные материалы, не вписывающиеся в жесткие схемы мифологизированной истории, а также использовалась как прекрасный повод для доноса в исторической науке⁵¹.

Другой, часто цитируемый пример отношения Сталина к архивам – его хрестоматийная фраза в адрес "архивных крыс", которая должна была надолго приструнить дотошных исследователей, норовящих сослаться на какие-либо другие источники, кроме сталинских работ. Фактически своим письмом в редакцию журнала "Пролетарская революция" Сталин поставил под сомнение значимость архивных документов как исторического источника, пренебрежительно назвав использование архивов копанием "в случайно подобранных бумагах"⁵².

Организованная проработка этого письма говорит о том, что критика некоторых положений статьи А. Слуцкого "Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса" явилась лишь предлогом для развертывания широкомасштабной кампании, целью которой были подготовка почвы для последующих фальсификаций истории революционного движения и советского общества, установление монополии на истину в общественных науках. Логическим венцом этой кампании стал выход в свет в 1938 г. "Краткого курса истории ВКП(б)"⁵³.

Последствия письма Сталина – ужесточение процедуры получения допуска в архивы исследователей, целенаправленное уменьшение количества занимающихся в читальных залах; издание архивных документов постепенно превращалось в средство деформации исторического сознания общества, снижался не только уровень археографического оформления публикаций, но и их количество, многие исторические темы становились закрытыми для исследования и, следовательно, для публикации архивных документов. В литературе настойчиво проводилась мысль, что именно публикация архивных документов "открывала возможность фальсифицировать прошлую историю"⁵⁴. Даже разгромная статья против А. Слуцкого в "Правде" называлась "Под флагом любви к документам"⁵⁵.

С начала 20-х годов новым руководством Главархива был начат отход от активного сотрудничества с представителями дореволюционной интеллигенции. Начался процесс политизации архивной системы. Кадровая политика руководства Центрархива в 20-е годы была направлена на замену старых специалистов более зависимыми от партийно-бюрократической системы работниками. При этом безжалостно подавлялась любая попытка самостоятельной инициативы, любое оппозиционное по отношению к руководству Центрархива выступление, любое несогласие с мнением Коллегии. Авторитарный стиль руководства отражал изменения в политическом климате общества.

Стремление политизировать архивную систему при помощи "окоммунирования" архивных учреждений, приоритета политического использования архивных документов в надежде на рост доверия со стороны органов государственной власти и партийной элиты на деле обернулось полным падением

⁵⁰ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 8.

⁵¹ См., например: Максаков В.В., Селезнев М.С. О публикации документальных материалов в СССР // ВИ. 1953. № 2.

⁵² Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 97.

⁵³ См. об этом: Опенкин Л.А. Механизм торможения в сфере общественных наук: Истоки возникновения, факторы воспроизводства // ИСССР. 1989. № 4. С. 8.

⁵⁴ Обдиркин Г., Озеров П. Как трюкисты-публикаторы фальсифицируют историю народов Поволжья // АД. 1938. № 2 (46). С. 57.

⁵⁵ Правда. 1931. 20 нояб.

престижа архивной службы, а также падением профессионализма архивных работников. По мере нарастания тенденции прямой фальсификации прошлого тоталитарная система не имела возможности опираться на документальные источники, доказывая легитимность своей власти. Наряду с использованием архивных документов не меньшее, если не большее, значение приобретает их сокрытие, закрытие к ним доступа исследователей. Подчинение архивной системы служению одной идеи в результате обернулось служением одному человеку. Архивисты – хранители прошлого становились не нужны. Истребление архивных специалистов, замена их архивными чиновниками соответствовали новому положению архивов в тоталитарном обществе.

Ян ван ден Брук

АРХИВЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

(О роли нидерландского архивного дела
в изучении региональной и местной истории)*

В начале 70-х годов, когда автор настоящей статьи начинал работать в Государственном архиве провинции Гронинген, один из сотрудников архива уходил на пенсию. По этому поводу в кабинете директора архива был организован скромный прием. Присутствующие, и в том числе глава Государственной архивной службы, специально приехавший из Гааги, высоко оценили деятельность коллеги. Но главной его заслугой, по мнению руководителя архивной службы, было образцовое выполнение Архивного закона. Автор же знал своего старого коллегу как специалиста в области меннонистского братства и его истории, как знатока печатей и геральдики, как составителя справочников по архивным фондам, автора ряда исторических статей. Его труды были хорошо известны всем тем, кто занимался историей нашей провинции. В законе же ничего не написано об изучении истории и задачах архивистов в этой области. Закон гласит, что органы правительства и властей всех уровней должны содержать свои архивы в упорядоченном состоянии и по истечении определенного срока передавать их в общедоступные архивохранилища. Про историю там нет ни слова.

Это событие припомнилось, когда пришлось участвовать в Гарлеме в конференции, посвященной роли архивиста в исторической науке. Проблема соотношения административно-юридических и исторических аспектов архивной профессии обсуждается также и архивистами России. Данная статья ставит задачей ознакомить с решениями этой проблемы в Нидерландах.

Нидерландское профессиональное архивное дело возникло в начале прошлого века. Первые архивисты составляли издания жалованных грамот, регесты, обрабатывали и изучали средневековые архивы, писали исторические книги и очерки, выступали с докладами в кружках любителей истории. Архивисты были историками, особая привилегия которых заключалась в том, что они могли работать с источниками, находившимися в их же ведении. Положение их было не совсем ясным. Профессиональные историки чаще всего служили преподавателями в школах и университетах. Архивисты же служили в государственном аппарате или аппарате муниципалитетов и провинций и считались там "учеными чудаками". Неясность кончилась опубликованием архивного закона 1918 г., подготовка которого началась еще в конце прошлого века. Архивисты стали постоянной частью структуры власти с твердой, определенной законом позицией. Хотя в этом первом архивном законе ничего не говорилось об истории и связанных с ней задачами архивиста, в первой половине XX в. архивист продолжал быть историком, занимающимся научной обработкой и изучением преимущественно старых архивов. Он был далек от проблем администрации и информационного обеспечения управленческого аппарата, и закон не обязывал его этим заниматься.

* © Ян ван ден Брук

Однако скоро стало ясно, что новые административные методы сделали информационное обеспечение властей особой специальностью и что для историка или архивиста старого типа невозможно быстро овладеть ею в качестве побочного занятия. Со временем переполненные хранилища текущего делопроизводства вместе с ростом требований ученой публики на архивные документы недавнего прошлого заставили коллег, предпочитавших ограничиться средневековыми грамотами, пересмотреть свою позицию. Стало ясно, что архивисты как будущие хозяева современной документации не могут устраниваться от организации текущих дел. Прежде чем административные документы, начинающая новую жизнь в качестве архивных документов, смогут сыграть полезную роль в культурной и научной сфере, необходимо обеспечить их сохранность, составить научно-информационный аппарат для того, чтобы они были доступны даже тем людям, которые не имеют представления об организации фондообразователя. Все это требовало правил регулярной передачи архивных документов и контроля за организацией документов в делопроизводстве.

Такие правила принял архивный закон 1962 г., вступивший в действие в 1969 г. Закон этот ввел под юрисдикцию архива все фонды независимо от того, где находились архивные документы. Профессия архивиста соответственно расширилась. Теперь каждый архивист обладает по меньшей мере двумя профессиями: историка и делопроизводителя. Дискуссия о примате одной из этих сторон работы архивиста, не затихающая в течение всего нашего века, вряд ли имеет смысл. Без знания исторической науки и местной истории специалист по делопроизводству не может помогать исследователям. Архивисту же, ограничивающемуся административными аспектами своей профессии, не удастся добиться нужного внимания со стороны политических деятелей, которое необходимо для получения нужных ассигнований. Никто не интересуется хорошо организованными архивами, однако, когда архивист в нужное время извлекает замечательные подробности из своих документов, это вызывает общий восторг.

Тем не менее в наиболее развитых архивных службах можно увидеть ясную тенденцию к специализированию. Есть сотрудники, занимающиеся больше всего научной обработкой архивных документов или научным обслуживанием посетителей читального зала, но имеются также специалисты в области новых информационных систем, административной организации, новых технологий для раскрытия содержания архивных документов. Процесс компьютеризации зашел уже так далеко, что в ближайшем будущем самые важные данные, в том числе кадастровые данные и данные о населении (метрические книги, переписи населения) будут существовать только в составе банков данных.

Власти Нидерландов требуют, чтобы архивное дело не только хранило и открывало источники, но и способствовало их использованию. Можно ограничиться предоставлением возможностей исследований, а можно активно стимулировать исторические изыскания. Пожалуй, можно сказать, что в Нидерландах государственная архивная служба склоняется к первому, большинство же муниципальных архивов – ко второму пути. Рассмотрим роль, которую играет нидерландский архив в исторической науке, на примере практики муниципального архива г. Гронинген (впервые упоминается в письменных источниках в 1040 г. и насчитывает 170 тыс. жителей).

Этот архив является официальным хранилищем муниципальных архивных документов. По традиции он также собирает и фонды личного происхождения, материалы церквей, религиозных и светских обществ, предприятий, частных лиц. Архив располагает довольно большой библиотекой, в которую входит крупное собрание гравюр, рисунков, карт, фотографий, звукозаписей, фильмов, видеопленок. Деятельность архива по использованию документов состоит в обслуживании читателей и публикаторской работе в самом широком смысле слова. Обслужи-

вание читателей осуществляется в читальном зале, а также в виде письменного предоставления информации корреспондентам. Большинство письменных запросов касается генеалогических справок, и ответ на них составляется в течение нескольких минут. В таких случаях требуемые сведения отправляются с обратной почтой бесплатно.

Кроме того, важной частью работы архива является информационная деятельность в учебно-воспитательных целях, поскольку шестая часть населения университетского г. Гронингена состоит из молодежи. Наличие университета, педагогических институтов, других вузов сильно влияет на ежедневную практику городского архива. Для первокурсников исторического факультета проводят экскурсию по хранилищам. Для студентов более старших курсов архивисты совместно с преподавателями университета готовят "пакеты исследований", состоящие из постановки проблемы, руководства для исследования, списка источников и важных публикаций, образцов для интерпретации архивных документов. Речь идет о примерных исследованиях, уже проведенных архивистами и повторяемых студентами в учебных целях. Сейчас такой же комплект "пакетов исследований" создается для средних школ.

Много лет архив участвует в Неделе науки – ежегодном национальном мероприятии, во время которого школьники и студенты из разных уголков Нидерландов знакомятся с городским архивом Гронингена. По вечерам сотрудники архива выступают перед научными обществами, районными собраниями, кружками пенсионеров в докладах по отдельным темам или истории отдельных частей города с показом слайдов старых фотографий, топографических карт, планов города. Более 20 лет архив проводит для широкой публики курсы по палеографии, которые посещали примерно 200 человек в неделю. В сотрудничестве с обществом "Гронингенский народный университет" архив организовал курсы "В поисках прошлого", которые знакомят с возможностями исторических исследований на основе городского архива. В сотрудничестве с университетом, провинциальной библиотекой, музеями архив составляет учебное пособие по региональной истории, которое должно стать практическим справочником о музеях, библиотеках, архивах провинции Гронинген и материалах, находящихся в их хранилищах.

Обслуживание в архиве бесплатное – гласит архивный закон. В читальный зал допускаются все желающие, не требуется ни отношения, ни удостоверения. Нет и ограничения по возрасту. Все справочники, от глобальных обзоров до самых детальных указателей, находятся в читальном зале. Обычно читатель получает требуемые документы через несколько минут. Если речь идет о микрофильмированных документах, то письменные требования не требуются. Все микрофиши находятся в читальном зале, так что посетитель сам может себя обслужить с помощью 15 читальных аппаратов. Фотокопии производятся сразу по заказу. Существует, конечно, ограничение доступа к материалам. В первую очередь речь идет о документах, которые при оглашении могут причинить вред личной жизни ныне здравствующих людей. Такого рода ограничения автоматически отменяются с течением времени (30–75 лет). Другая категория ограниченной доступности носит более технический характер: речь идет о документах плохой сохранности или отказах в использовании архивных фондов в случае отсутствия справочников. Сотрудники архива стараются устранить эти препятствия путем микрофильмирования или фотокопирования оригиналов, реставрации поврежденных документов, постоянной работы по совершенствованию научно-справочного аппарата.

Публикаторская деятельность архива, как правило, осуществляется в сотрудничестве с другими партнерами. Так, были осуществлены интересные проекты на тему старых городских планов в сотрудничестве с Институтом сравнительной истории городов в Мюнстере (Германия) и многими специалистами из Нидер-

ландов, по археологии и древней истории Гронингена (в сотрудничестве с университетом и частным археологическим обществом), по истории провинции Гронинген во время Второй мировой войны (в сотрудничестве с Государственным институтом по документации войны в Амстердаме, с университетом и организациями бывших членов Сопротивления) и многие другие. В последние годы архив участвовал в изданиях книг по истории разных районов города, юбилейных книг учреждений и обществ, книг, посвященных истории отдельных деревень в провинции, и, что характерно для Гронингена, книг об истории (иногда многовековой) отдельных ферм. Сейчас идет работа по подготовке книг по истории судоходства в провинции Гронинген и истории отношений между Гронингеном и немецкой провинцией Восточная Фрисландия.

Надо отметить, что средний нидерландец отнюдь не отличается познаниями в национальной истории. История и интерес к прошлому мало сочетаются с утилитарным характером нидерландцев. Для многих история – дело, не касающееся их самих, она ассоциируется со скучным школьным предметом, рядами дат и имен. Результаты научных исследований историков далеки от интересов рядовых образованных людей. Однако, чтобы по-настоящему узнать свое место, человек должен ориентироваться не только в пространстве, но и во времени. "Большая история" здесь не всегда помогает. Более значительную роль в Нидерландах играет региональная и местная история, как она изучается в архивах и как она представляется широкой общественности. Региональная история учит видеть окружающий нас мир как часть нашей жизни, жизни наших предков и наших детей. Ограниченный повседневный мир становится многослойным, сознание близости, прихода и ухода стольких человеческих жизней помогает преодолеть чувство оторванности от корней, навязываемое западной культурой неограниченных технических возможностей, неукротимой потребностью постоянных перемен и движения. Это чувство служит противовесом массовой культуре, которая заставляет нас видеть во всех существах и предметах прежде всего товары широкого потребления, которые можно выбросить, если они больше вас не удовлетворяют. Ставя местные явления в контекст национальной или мировой истории, мы стараемся помочь себе и своим современникам найти свое место в мире.

Время, когда архивист был компетентным авторитетом во всех вопросах истории, окончательно прошло. Новые методы раскрытия информации требуют от архивиста такого внимания и энергии, что у него вряд ли останется время для собственных научных исследований. Многие архивисты жалеют о том, что вместо собственных исследований им приходится становиться организатором чужих, но ввиду развития науки и информационного менеджмента обратного пути нет. Однако архивист уникален своим знанием местных архивных источников и условий их возникновения вместе с глобальным знанием истории города или провинции. Именно этого глобального знания ждут от архивиста общество и политики, финансирующие архивы. Совет г. Гронинген в дополнение к задачам городского архива поручает ему способствовать росту интереса горожан к местной истории. Вопрос о первенстве административной или исторической части архивной профессии никогда не будет решен однозначно, так как позиция архивиста всегда будет находиться между наукой и администрацией.

К 25-ЛЕТИЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ОТКРЫТИЯ ВЯТКИ*

Прошло 25 лет с того времени, когда Александр Ильич Копанев, отправившись по делам гражданской обороны в Киров, положил начало планомерному археографическому обследованию Вятского края, продолжающемуся по сей день.

Строго говоря, выявление, собрание (с различными целями) и публикация памятников письменности проводились на древней Вятской земле задолго до этого. Можно вспомнить о своеобразной "археографической разведке" Я.И. Бередникова, еще в 1833 г. знакомившегося с содержимым архива уржумского Цепочкина монастыря. Во второй половине XIX – начале XX в. усилиями Н.А. Спасского, А.А. Спицына, А.С. Верещагина, о. Иоанна Осокина в "Памятных книжках и календарях Вятской губернии", "Трудах Вятской губернской ученой архивной комиссии" и других местных изданиях были опубликованы целые комплекты документов и многие памятники письменности XVI–XVIII вв. В середине XIX в. процветала своеобразная "конфискационная археография": обнаруженные и отобранные властями у старообрядцев старопечатные книги и рукописи поступали в библиотеку Вятской духовной семинарии и ризницу кафедрального собора, а после их закрытия в советское время вместе с другими частными и корпоративными собраниями они влились в фонды Кировской областной публичной библиотеки им. А.И. Герцена и краеведческого музея. В 1930–1950-е годы эти фонды обратили на себя внимание специалистов-археографов В.И. Малышева и Я.Н. Шапова, опубликовавших свои обзоры в академических изданиях. Интерес к книжной старине проявляли и местные краеведы, прежде всего заслуживающий непреходящую память своих земляков Евгений Дмитриевич Петряев.

И все-таки именно импровизированная, никем не планировавшаяся "разведка" А.И. Копанева стала своеобразной исходной точкой в истории целенаправленных археографических поисков на Вятке. Привезенные им в 1968 г. четыре рукописи открыли счет поступлениям Вятского собрания БАН, активно пополнявшегося в последующие годы. В результате экспедиционных поездок А.И. Копанева, Н.Ю. Бубнова и И.Ф. Мартынова 1969 и 1970 гг. новое собрание БАН насчитывало уже 151 рукопись и 37 старопечатных книг.

После этого семь лет Вятка "отдыхала" от посещений археографов. Но в 1978 г. здесь работали уже две экспедиции: независимо от ленинградцев широко-масштабные поиски в крае повела молодая Уральская объединенная археографическая экспедиция. В предыдущие годы уральцы освоили обширные пространства Свердловской, Курганской и Челябинской областей, ежегодно в поле выезжали около 30 археографов, большинство – студенты. Надо было осваивать новые районы. Тут-то и привлекла внимание Вятка, в течение многих лет не посещавшаяся археографами БАН.

В январе 1978 г. Уральский университет предпринял разведку в Кировской области двумя группами по два человека в каждой (Н.А. Мудрова и А. Филимонов, А.Г. Мосин и Л.Г. Медведева). Результаты были успешными: среди

* ©А.Г. Мосин

находок оказались издания XVI в., а собранная информация о состоянии местного старообрядчества позволяла запланировать на лето работу экспедиционного отряда в 7–8 человек.

Летняя экспедиция 1978 г. уральских археографов на Вятку принесла около 60 старопечатных книг и рукописей XVI–XX вв., из которых четыре рукописи "литературного и историко-краеведческого значения" по договоренности с Кировской секцией Археографической комиссии были переданы в Кировскую областную библиотеку им. А.И. Герцена, а остальные находки положили начало Кировскому собранию Уральского университета.

Дерзкий "набег" уральских "ушкуйников" вызвал вполне понятное негодование археографов БАН, справедливо считавших Вятку своей вотчиной. В Археографическую комиссию поступил "извет". Назревал крупный скандал, которого, к счастью, удалось избежать: возобладала добрая воля сторон и осознание важности общей цели. Заключенное представителями БАН и УрГУ "джентльменское соглашение" предполагало, что в дальнейшем оба археографических центра будут работать на Вятке, не пересекаясь: ленинградцы со старообрядцами федосеевского согласия на правом берегу Вятки, свердловчане с филипповцами и преимущественно на левом.

Достигнутая дипломатическим путем устная договоренность давала возможность работать, но были и досадные издержки. Вот только один пример.

Летом 1978 г. нам, археографам из Свердловска, удалось заглянуть одним глазом в сундук с книгами старообрядца-федосеевца С.Ф. Климова, жившего в Русском Туреке, на правом берегу Вятки. Мы увидели всего несколько книг, в том числе "Виноград российский" С. Денисова в списке конца XVIII в. и Апокалипсис с замечательными высокохудожественными миниатюрами, созданный, по словам владельца книги, "в кельях под Казанью". Тогда же договорились, что на следующий год обменяем Апокалипсис на печатный, а вторую рукопись возьмем на копирование. "Джентльменское соглашение" закрыло нам путь на "берег турецкий", нарушить его автору настоящей статьи, тогда студенту четвертого курса, было невозможно. А в начале зимы 1979 г. Савелия Федоровича Климова не стало. Что еще было в том сундуке, мы так и не узнали, не удалось больше подержать в руках и те рукописи, которые показывал нам гостеприимный хозяин.

С течением времени "конкурирующие фирмы" лучше узнавали друг друга, и, по мере того как росло взаимное доверие, укреплялись личные отношения, накапливался опыт работы, все больше ощущалась необходимость налаживания сотрудничества, тесного взаимодействия, перехода от "джентльменского соглашения" к совместной работе. Начиная с 1987 г. оба центра ведут полевые изыскания на Вятке по единой программе, объединяя свои возможности и преодолевая трудности, вызванные различиями в методике и другими объективными обстоятельствами. Результаты этого беспрецедентного в отечественной полевой археографии эксперимента налицо: совокупный фонд Вятского собрания БАН и Кировского собрания УрГУ насчитывает сегодня около 1300 памятников кириллической письменности.

Но дело не только в цифрах. Речь идет о рукописях XV–XVII вв. с текстами памятников древнерусской литературы; о целых комплексах старообрядческой книжности XVII–XIX вв., включая сочинения местной традиции, издания Тушкинской типографии и материалы о жизни и деятельности ее владельца, крестьянина-старообрядца Луки Арефьевича Гребнева; о материалах по истории края четырех последних столетий; об изданиях Ивана Федорова и Петра Мстиславца, Василия Гарабурды и Анисима Радишевского, Андроника Невежи и Василия Бурцова, продукции московского Печатного двора и старообрядческих типографий XVIII–XIX вв. Подняты целые пласты народной книжности Вятского края,

все активнее вводимые в последнее время в научный и общекультурный оборот.

Со временем доброе сотрудничество, начатое в поле, распространилось на камеральные работы и издательскую деятельность, занимающие важное место в Вятской программе. Вышли в свет первые совместные публикации, в которых обобщены результаты экспедиций 1984–1988 и 1989–1991 гг. Начата подготовка первого тома вятской серии обширного свода "Памятников письменности Урала", в рамках которой будут опубликованы описания старопечатных книг и рукописей Вятского собрания БАН и Кировского собрания УрГУ, рукописных фондов музеев и библиотек Кировской области, а также тексты архивных документов и оригинальных произведений местной культурной традиции.

За годы совместной работы на Вятке уральские археографы прошли великолепную школу повышения квалификации. Работать в поле бок о бок с такими высокопрофессиональными партнерами, как А.А. Амосов, Н.Ю. Бубнов и Л.А. Петрова, – истинное счастье, и мы благодарны судьбе за то, что она свела нас с ними.

В заключение нельзя не сказать добрых слов о людях, без которых работа археографов была бы попросту немыслимой, – о старообрядцах, хранителях и приумножателях рукописных сокровищ России, из поколения в поколение передающих эстафету высокого нравственного подвига, людях добрых и стойких, простых и величественных одновременно. На нашем пути их было немало: Зиновий Антипович Буторин и Денис Антонович Метелев, Федор Иванович Петухов и Федот Саввинович Новошконов, Ефим Васильевич Радыгин и Татьяна Абрамовна Байбородова и многие, многие другие. Низкий поклон всем им и светлая память тем, кого уже нет с нами...

Библиография: Малышев В.И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 251–252; *Кудрявцев И.М., Шлихтер Б.А., Шапов Я.Н.* Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в 1953–1956 годах // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 269–270, 284–295; *Звучали пять веков назад... // Известия.* 1969. 10 окт.; Романс XV века // Труд. 1970. 19 сент.; *Четкарев В.* Стихотворению – 500 лет // Киров. правда. 1970. 16 окт.; *Бубнов Н., Мартынов И.* За книжными кладами // Там же. 1970. 1 дек.; Романс XV века // Сов. Союз. 1970. № 12. С. 43; *Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1969 и 1970 гг. в Кировскую область // Сб. ст. и материалов БАН по книговедению. Л., 1973. Вып. 3. С. 465–484; *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю.* Новые поступления в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР в 1955–1976 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 318–319; *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю., Петрова Л.А.* Археографические экспедиции Библиотеки Академии наук СССР 1977–1978 гг. в Кировскую, Вологодскую, Архангельскую области // Русские библиотеки и частные собрания XVI–XIX вв. Л., 1979. С. 106–124; *Мосин А.Г.* Исторические сочинения старообрядцев Вятского края во второй половине XIX – начале XX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 104–112; *Он же.* Новые источники по истории культуры и общественной мысли вятского крестьянства XVIII–XIX вв. // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 82–96; *Он же.* Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVII – середина XIX в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1986; *Он же.* Кирилловские издания литовских, украинских и белорусских типографий XVI в. в Вятской земле // Федоровские чтения 1982 г. М., 1987. С. 86–94; *Петряев Е.Д.* Издания Ивана Федорова в Вятской земле // Федоровские чтения 1983 г. М., 1987. С. 212–214; *Мосин А.Г.* "Фонд памяти" народа // Наука Урала. 1987. 30 сент.; Дорогами экспедиций: (хроника) // Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 234–239; *Мосин А.Г.* Источники по истории книжной культуры жителей Вятской губернии (1840–1850) // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 103–121; Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей Лаборатории археографических исследований / Сост. А.В. Полетаев. Свердловск, 1990. С. 32–34, 66–69; К истории книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования: (По материалам археографических экспедиций 1984–1988 гг.) / Сост. А.А. Амосов и др. Л., 1991; *Мосин А.* Командировка на Вятку // Наука Урала. 1991. Сент.; *Он же.* Источники по истории книжной культуры жителей Вятской губернии (1851–1884) // Книга в культуре Урала XVI–XIX вв. Екатеринбург, 1993; К истории книжной культуры южной Вятки: полевые исследования: (По материалам археографических экспедиций 1989–1991 гг.) / Сост. А.А. Амосов и др. СПб., 1993.

Результаты полевых изысканий на Вятке отражены также в отчетах об археографических экспедициях, регулярно публикуемых в "Археографическом ежегоднике".

**М.Н. ТИХОМИРОВ И ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ***

Полтора столетия назад, в 1841 г., начало выходить Полное собрание русских летописей – крупнейший свод средневековых русских нарративных памятников¹. Как известно, вскоре после революции издание этого свода прервалось и было возобновлено в конце 1940-х годов по инициативе М.Н. Тихомирова. Рассмотрим конкретные обстоятельства возобновления издания и некоторые документы, характеризующие роль М.Н. Тихомирова в этом деле, является целью настоящих заметок.

Вклад М.Н. Тихомирова в развитие археографии отечественного летописания исследован в работах С.Н. Валка² и В.И. Буганова³. Исследователи отмечали, что ученый весьма высоко оценивал летописи как исторический источник, подчеркивал в своих трудах, что для раннего периода истории именно летописные памятники являются единственными письменными источниками. Летописи обстоятельно изучены М.Н. Тихомировым в двух изданиях учебника по источниковедению, он написал и энциклопедические статьи об этих источниках. Важно отметить, что М.Н. Тихомиров не ограничивался источниковедческим аспектом изучения летописей, а исследовал их и как памятники исторической мысли. По образному выражению Е.В. Чистяковой, в трудах ученого прозвучал настоящий гимн летописям⁴. В посмертно вышедший сборник "Русское летописание" вошли только основные его труды о летописях; часть их остается до сих пор неопубликованной.

Археографическое изучение летописных памятников М.Н. Тихомиров начал еще в ранние годы своего научного творчества. Работая в рукописном собрании Исторического музея, он открыл ряд рукописей, содержащих ценнейшие списки летописных сводов. По словам Б.А. Рыбакова, " в стенах Исторического музея он одну за другой просматривал старые книги, искал в них новое и находил то, что не заметили другие. В розысках, в непрерывной, неустанной работе прошла вся его жизнь – целенаправленная, целеустремленная"⁵. Действительно, раз начавшись, работа М.Н. Тихомирова по отысканию и приведению в известность новых рукописей, содержащих летописные тексты, продолжалась практически до конца его жизни. Естественным образом из этой деятельности вытекали и труды ученого по описанию новооткрытых рукописей.

Первые такие описания, выполненные еще в 20-х годах, появились в печати

* © С.В. Чирков

¹ В основе статьи – выступление на юбилейном заседании в декабре 1991 г. в Археографической комиссии. См.: АЕ за 1991 г. С. 322.

² Валк С.Н. Археографическая деятельность академика М.Н. Тихомирова // АЕ за 1962 г. М., 1963. См. также: Валк С.Н. Избранные труды по археографии. СПб., 1991.

³ Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975; Он же. М.Н. Тихомиров и отечественное летописеведение // Летописи и хроники, 1976 г. М., 1976.

⁴ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987.

⁵ Рыбаков Б.А. Михаил Николаевич Тихомиров // АЕ за 1965 г. М., 1966. С. 3.

десятилетием позже (в воспоминаниях М.Н. Тихомирова говорится о том, что он пытался поместить описания найденных летописных текстов еще в изданиях Археографической комиссии, но безуспешно⁶), а замечательный свод научных описаний "Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы" был напечатан в 1962 г. Практически не прекращалась и начатая в конце 30-х годов работа М.Н. Тихомирова по публикации летописных памятников.

Таким образом, после прекращения в 1929 г. издания летописей Археографической комиссией М.Н. Тихомиров являлся едва ли не единственным ученым, продолжавшим вести все виды археографической работы с летописными памятниками: выявление и собиране, описание, издание. В то же время археографические работы тесно связывались у него с задачами источниковедческого, текстологического изучения летописей. С использованием новооткрытых памятников, редакций и списков М.Н. Тихомиров тщательно исследовал историю летописания, по-новому пересмотрев как древнейший период этой истории, так и многие проблемы развития летописания в XVI–XVII вв.

Столь широкий и многосторонний подход к изучению летописей воскрешает в памяти А.А. Шахматова с его программой ввести в оборот науки путем извлечений, описания и издания все памятники русского летописания⁷. Преемственная связь с выдвинутыми А.А. Шахматовым задачами как в области изучения истории летописания, так и в области развития летописной археографии, очевидно, вполне осознавалась М.Н. Тихомировым. Не случайно в докладе 1946 г. он подчеркивал, что ни один современный исследователь древнерусской письменности не может пройти мимо трудов Шахматова по истории русского летописания, "но в той или иной мере должен на них опираться и от них исходить"⁸. Что же до археографической стороны дела, то, по мнению М.Н. Тихомирова, "задача советских историков и историков литературы – продолжить труды Шахматова", потому что "если ленинградские рукописные хранилища изучены Шахматовым с большой полнотой, то этого нельзя сказать о московских собраниях. В них найдем мы и кое-какие летописи, оставшиеся неизвестными Шахматову. Немало будет и списков уже известных нам сводов, оставленных без внимания Археографической комиссией". Ученый выражал твердую уверенность в том, что все археографические и текстологические работы "должны идти путями, завещанными нам А.А. Шахматовым"⁹.

Из этих слов видно, как высоко оценивал М.Н. Тихомиров значение научной преемственности в такой сложной научной области, какую представляли собой изучение и издание летописных источников. Стремление ученого возродить лучшие традиции отечественной науки проливает свет на причины возникновения замысла восстановить издание Полного собрания русских летописей.

При выяснении причин возникновения этого замысла представляется существенным еще один, историографический аспект. М.Н. Тихомиров внимательно относился к историографии летописания. Уже в первом издании курса источниковедения он посвятил отдельный параграф "мнениям историков о происхождении Начальной летописи", а во втором издании текст этот значительно

⁶ АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 37.

⁷ См.: Археографические проекты А.А. Шахматова // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 293–297.

⁸ Тихомиров М.Н. Что нового внес А.А. Шахматов в изучение древнерусских летописей // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 12.

⁹ Там же. С. 22.

расширил (параграф "Изучение Начальной летописи")¹⁰. Однако, не ограничиваясь историей изучения летописей, ученый в обширном очерке "Русские исторические источники и их изучение" (около 1942 г.) рассмотрел основные факты и закономерности развития летописной археографии¹¹. Немалое внимание здесь он уделил характеристике Полного собрания русских летописей.

По мнению М.Н. Тихомирова, "издатели летописей в XVIII в. не всегда точно передавали публикуемые тексты и порой вносили в них произвольные поправки".

Существенно отличались приемы издания в XIX в. Первые тома Полного собрания русских летописей были напечатаны уже по определенным правилам. Издатели постановили печатать каждую летопись отдельно, не смешивая ее текста с другими летописями. В основу своей работы они клали лучший список данной летописи, отмечая варианты из других списков. Эти правила были значительным достижением в деле издания русских памятников, хотя первые издатели Полного собрания все-таки не избежали ряда ошибок в своем стремлении дать летописи, свободные от искажений древних переписчиков.

Практика издания древних документов показала, что даже самые лучшие знатоки документов не могут быть гарантированы от ошибок, если они исходят не из текста памятника, а из своих субъективных представлений о первоначальном его характере". От этого первоначального этапа истории ПСРЛ М.Н. Тихомиров переходил сразу к тому "перевороту в области изучения и издания летописных памятников", который произвели труды Шахматова. "Тщательный анализ летописных текстов, произведенный Шахматовым, показал, какое большое значение имеет точное воспроизведение текстов и их особенностей, хотя бы они на первых порах казались обычными искажениями и описками. Встав во главе издания летописных памятников, подготовляемых к печати Археографической комиссией, А.А. Шахматов поставил дело на невиданную высоту, обратив внимание на опубликование новых и неизвестных в науке летописных сводов. Резко улучшались приемы издания летописей, основанные на предварительных исследованиях Шахматова и его сотрудников. Так, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи были впервые напечатаны не только с соблюдением орфографии памятников, но и с сохранением титлов, обозначающих сокращения слов, и древней пунктуации"¹².

В характеристике М.Н. Тихомирова отмечены такие позитивные стороны ПСРЛ, как единая методика издания, позволяющая объединять усилия коллектива издателей, унификация правил, нивелирующая научную культуру издания всей серии и облегчающая восприятие исследователями текстов памятников, возможность адаптации к новым принципам и приемам публикации, а также к новым объектам издания (неизвестных в науке сводов). Все эти особенности выгодно отличают ПСРЛ от отдельных изданий летописных памятников. К такому выводу должно было привести М.Н. Тихомирова проведенное им историографическое изучение летописной археографии.

Идея возобновления ПСРЛ носилась в воздухе. Уже в 1936 г. на ряде совещаний в Институте истории в Ленинграде М.Д. Приселков предложил план совершенно нового издания этой серии¹³. По прозорливому замечанию С.Н. Валка, научное обсуждение этого плана должно было привести "к крупнейшей положи-

¹⁰ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. С. 49–55. 2-е изд. М., 1962. Вып. 1. С. 57–68.

¹¹ См. об этом: Чирков С.В. Из рукописного наследия М.Н. Тихомирова: (По материалам Архива АН СССР) // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 231–236.

¹² АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 73. Л. 49–50.

¹³ См. об этом: Валк С.Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 139–141.

тельной работе в области создания систематического и стоящего вполне на уровне современной науки издания богатейшего достояния древнерусской письменности"¹⁴.

Действительно, к 1948 г. М.Н. Тихомиров разработал план издания летописей и проект инструкции для этого издания, во многом полемичный по отношению к плану Приселкова¹⁵. М.Н. Тихомиров отмечал недостатки ПСРЛ, заключая, что собрание "в настоящее время в большей своей части устарело и не отвечает требованиям современной исторической науки". В то же время он находил, что план Приселкова уязвим в теоретической своей основе областного подразделения летописных сводов и "плохо осуществим и по чисто практическим основаниям, так как значение отдельных летописных сводов далеко не равноценно для науки", а многие летописи, намеченные к переизданию, "давно уже изданы".

Главные отличия предложенного М.Н. Тихомировым плана от старого ПСРЛ заключались в том, что "новое советское издание летописей" должно было: 1) включить в свой состав новые, еще не изданные летописи; 2) дать этим летописям научные названия исходя из новых представлений; 3) воспроизвести тексты по новым правилам, которые "должны отвечать как научным требованиям, так и удобствам цитирования и чтения летописей"; 4) дать введения с характеристикой издаваемых летописных памятников как исторических источников; 5) дать подробные и научно обоснованные указатели к текстам; 6) включить в собрание издания комментированных летописей; 7) включить факсимильные издания древнейших и важнейших летописных списков. С учетом этих нововведений и были составлены М.Н. Тихомировым план издания и проект инструкции к нему, обсужденные на заседании Археографического совета Института истории АН СССР 8 мая 1948 г.¹⁶ Важно, однако, отметить, что в момент этого обсуждения подвигалось к концу издание очередного, 25-го тома ПСРЛ под редакцией М.Н. Тихомирова, в нем печатался Московский летописный свод конца XV в. по новому списку XVI в.¹⁷

Таким образом, практические соображения заставили М.Н. Тихомирова уже заранее отказаться от осуществления в полном объеме нового издания "Собрания летописей", как он предлагал его назвать, и продолжить издание старого ПСРЛ. Можно полагать, что существенную роль в этом сыграла и подспудно созревшая необходимость продолжить научную преемственность, идти в издании летописей тем путем, который был проложен Шахматовым. В результате из намеченных М.Н. Тихомировым семи основных отличий нового издания от старого определенное значение получили только три первых. При этом новые названия ряда летописных памятников не всегда оказывались унифицированными и удовлетворяющими потребности текстологической работы, компромисс между "научными требованиями" передачи текста и "удобством чтения" приводил к некоторому разнобою в приемах издания отдельных томов, а угасание общего плана издания обратило ПСРЛ по существу в повременный сборник летописных памятников¹⁸.

В 1950 г. появились отдельные издания летописей – комментированная Повесть временных лет, Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, Устюжский летописный свод, краткие летописцы XV–XVI вв., реконструкция Троицкой летописи, осуществленная М.Д. Приселковым, и информация об

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ См.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 342–354.

¹⁶ АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 140.

¹⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.

¹⁸ Ср.: Лурье Я.С. Изучение русского летописания // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 13–19.

открытии Пискаревского летописца¹⁹. Назрела потребность ввести издание летописных памятников в рамки единой серии. М.Н. Тихомиров не только разработал научные основания серии, но и предпринял шаги по ее осуществлению. Обстоятельства возобновления ПСРЛ заставляют еще раз задуматься о соотношении в археографии теории и техники, о роли преемственности в развитии науки, о силе и жизнениости традиций в таком важном и сложном деле, как археографическая работа с древними письменными памятниками.

¹⁹ См.: Библиография русского летописания / Сост. Р.П. Дмитриева. М.; Л., 1962. С. 249–251.

И.Л. Беленький

ПУТЬ НАУЧНОГО ПОИСКА (К юбилею О.М. Медушевской)*

Жизненный и творческий путь Ольги Михайловны Медушевской, замечательного ученого и педагога, многие десятилетия неразрывно связан с Московским государственным историко-архивным институтом. Здесь она училась в 1941–1944 гг., состояла в очной аспирантуре в 1948–1950 гг.; здесь, на кафедре вспомогательных исторических дисциплин (где работали ее учителя – выдающиеся русские историки XX столетия – А.И. Андреев и В.К. Яцунский), в августе 1950 г. началась ее преподавательская деятельность. На этой кафедре Ольга Михайловна, защитившая в 1952 г. кандидатскую диссертацию, в 1976 г. докторскую, утвержденная в октябре 1979 г. в ученое звание профессора, продолжает плодотворно трудиться и поныне.

О.М. Медушевская пришла на кафедру в нелегкое для нее время: положение заведующего кафедрой, профессора А.И. Андреева становилось все более шатким; его программа развития источниковедения и вспомогательных дисциплин подвергалась с каждым днем ужесточающейся критике, как в стенах института, так и за его пределами¹. А.И. Андреев в тот период продолжал заниматься темой русских географических открытий на Тихом океане и в Северной Америке – одной из немногих тем, предоставляющих в годы борьбы с "космополитизмом" определенные возможности для собственно исторических, источниковедческих и археографических занятий². Источниковедческим аспектам проблемы русских географических открытий А.И. Андреев, автор классических работ по источниковедению истории Сибири, уделял особое внимание. Историко-географическая и историко-картографическая проблематика была одним из средоточий исследовательских интересов и В.К. Яцунского, ученого, создавшего самостоятельную научную школу в области исторической географии. Еще в 1943 г. в списке тем, рекомендуемых аспирантам (утвержденных кафедрой и подписанных А.И. Андреевым), значились "Русские историко-географические источники XVIII в."³

Но осенью 1948 г., формулируя тему кандидатской диссертации О.М. Медушевской, соответствующую одному из основных направлений исследовательской деятельности кафедры, нельзя было не учитывать характера складывающейся историографической ситуации и не принять во внимание, что чисто источниковедческая постановка проблемы может вызвать серьезные, возможно непреодолимые, затруднения.

Тема утверждалась в более широком историческом плане, и в июле 1952 г.

* © И.Л. Беленький

¹ Подробнее об этом см.: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Мы учим советских людей, а не древних греков // ИСССР. 1989. № 6. С. 42–104; Они же. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М.: МГИАИ, 1990. С. 14–35. В июне 1949 г. А.И. Андреев вынужден был покинуть Историко-архивный институт. Через некоторое время начались гонения на В.К. Яцунского, объявленного "буржуазным космополитом".

² В 1948 г. в Москве под его редакцией вышел сборник "Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке".

³ См. указанную выше брошюру Л.Н. Простоволосовой и А.Л. Станиславского (с. 21).

О.М. Медушевская защитила кандидатскую диссертацию "Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е – начало 80-х годов и XVIII в.)"⁴. По материалам диссертации в том же 1952 г. она опубликовала учебное пособие⁵.

Этой темой Ольга Михайловна Медушевская занималась и в последующие годы⁶, уделяя специальное внимание ряду источниковедческих сюжетов⁷, впервые затронутых в кандидатской диссертации. Скрупулезный анализ этой группы историко-картографических материалов позволил ей перейти к более общей постановке вопроса о принципах изучения и издания отечественных картографических источников⁸.

С выходом в свет фундаментального труда В.К. Яцунского "Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв." (М., 1955) началось возрождение этой области знания как научной дисциплины и учебного курса. В Историко-архивном институте вновь начинает читать лекции, удивительные по насыщенности материалом и строгости изложения, В.К. Яцунский, возобновляется исследовательская работа. В этом процессе О.М. Медушевская, естественно, принимает самое активное участие⁹. Логика преподавательской работы на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, осознание необходимости расширения "источниковедческого пространства", круга изучаемых студентами исторических источников заставляют ее (и в учебно-методическом и в исследовательском плане) заниматься на рубеже 1950–1960 гг. темами, оставшимися для нее факультативными: воспоминаниями, посвященными первой революции в России, и документами профсоюзов¹⁰.

Высказывания типа "N как исторический источник (источник по истории...)" чрезвычайно характерны для языка источниковедческой литературы конца 1950–1960-х, да и 1970-х годов: и как элемент названий работ по характеристике источниковых возможностей отдельных групп текстов и как элементы языка самого источниковедческого рассуждения. Подобные высказывания отражают уже не только клишированность и ограниченность языка источниковедения, но и определенные черты стилистики источниковедческого мышления этих десятилетий. В этой связи важно отметить, что для языка источниковедческих работ О.М. Медушевской клише данного типа неорганичны, что объясняется, по-видимому, не только преобладанием общетеоретического содержания в ее

⁴ См. автореферат диссертации (М., 1952).

⁵ Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке. М.: МГИАИ, 1952.

⁶ Цикл статей "Русские землепроходцы XVII–XVIII вв." (1954–1957) для 2-го изд. БСЭ; Социальный состав мореходов XVIII в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. М.: МГИАИ, 1990.

⁷ Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII в. // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 7; Источники о плавании русских мореходов на Алеутские острова в XVIII в. // Реализм исторического мышления: Пробл. отеч. истории периода феодализма. М.: МГИАИ, 1992. С. 164–165.

⁸ Картографические источники XVII–XVIII вв. М.: МГИАИ, 1957; Картографические источники в первой половине XIX в. М.: МГИАИ, 1959; О методике издания картографических источников // ИА. 1961. № 4. (в соавторстве). В 1989 г. в Москве под ее редакцией вышла книга С.И. Сотниковой "Картографические документы государственных архивов". В общем немногочисленные работы О.М. Медушевской прочно входят в "зону обязательного цитирования" в литературе вопроса.

⁹ Историческая география: (Учеб. пособие). М.: МГИАИ, 1959; Вопросы исторической географии в трудах по истории СССР // ИСССР. 1960. № 1. С. 163–167. Позднее памяти учителя она посвятит специальную статью "В.К. Яцунский и преподавание исторической географии". См.: История географии и историческая география. М., 1975. С. 10–11.

¹⁰ Воспоминания как источники по истории первой русской революции 1905–1907 гг. М.: МГИАИ, 1959; Документы ЦК профессионального союза металлистов как исторический источник // ТМГИАИ. М., 1961. Т. 17. С. 185–221; Документы профсоюзов СССР как исторический источник по истории советского общества: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1962.

исследованиях 1960-х – начала 1990-х годов (см. о них ниже), но и препосылочной убежденностью (сформировавшейся уже в середине 1960-х годов) в широте и открытости мира исторических источников.

С конца 1950-х годов в отечественной науке возобновляется активная разработка проблем исторического источниковедения (на уровнях: источниковедения в целом, т.е. области исторического знания; источниковедения истории СССР и отдельных ее периодов; источниковедения истории КПСС как пограничной дисциплины, связанной и с общим источниковедением и с историко-партийной наукой; источниковедения всеобщей истории и истории отдельных стран, регионов, эпох; источниковедческих разделов в структуре других исторических наук) – проблем теоретико-методологических, историографических, терминологических, методических и пропедевтических. Параллельно этому и в теоретическом сознании и в учебно-педагогической практике возрождаются и укрепляются представления о взаимосвязи отдельных вспомогательных (специальных) исторических дисциплин и необходимости их понимания как целостной системы вспомогательных (специальных) знаний. При этом существовали (частично сохраняющиеся и сейчас) принципиальные расхождения в трактовке статуса этих дисциплин, природы внутрисистемных отношений и характера связей источниковедения с системой в целом и ее составляющими.

Сотрудники кафедры, и также ряд других преподавателей МГИАИ сразу же включаются в новое обсуждение этих проблем (так, в 1957 г. в стенах института проводится совещание "О научной критике исторических источников")¹¹. На кафедре дискутируются вопросы структуры учебного курса источниковедения и классификации источников: несколькими изданиями выходит программа курса; читаются лекции по источниковедению истории советского общества (С.И. Якубовская); публикуется учебное пособие А.Ц. Мерзона "Основные задачи критики исторических источников" (1958), выросшее из его доклада на совещании 1957 г.; организуется совещание по проблемам источниковедения и археографии советского периода отечественной истории (1961 г.). Публикация доклада С.И. Якубовский и В.П. Данилова на этом совещании (ВИ, 1961. № 5) послужила толчком к новым спорам и обсуждениям. Весной 1961 г. студентам 3-го и 4-го курсов был предложен спецкурс М.Н. Черноморского по философско-методологическим проблемам источниковедения – по традициям тех, да и более поздних лет, – прямо редуцирующей эту проблематику из постулатов "марксистско-ленинской теории отражения"¹².

¹¹ Активизация разработки принципов преподавания источниковедения и вспомогательных дисциплин началась на кафедре еще раньше, особенно после публикации статьи Л.В. Черепнина "Источниковедение" во 2-м издании БСЭ. См. яркую статью полумемуарного характера: *Медушевская О.М.* Л.В. Черепнин и становление науки об источниках // *Феодализм в России*. М., 1987. С. 53–58. В этой работе, написанной тогда, когда еще казалось невозможным сказать правду о тяжелых годах в жизни кафедры (см. приведенные выше публикации Л.Н. Простоволосовой и А.Л. Станиславского), О.М. Медушевская особо отметила характер воззрений А.И. Андреева, Л.В. Черепнина и В.К. Яцунского на пути развития источниковедения и вспомогательных дисциплин в эти годы (с. 54). А.И. Андрееву она посвятила специальную работу. См.: А.И. Андреев как ученый // *Материалы Моск. фил. Всесоюз. геогр. о-ва*. М., 1971. Вып. 5: История географических знаний и историческая этнография.

¹² Несмотря на курьезность некоторых формулировок, этот спецкурс М.Н. Черноморского привлекал своим "методологическим пафосом", став для многих слушателей импульсом к дальнейшим занятиям. (Актовый зал, где это происходило, был всегда полон).

Позднее в литературе по философско-методологическим проблемам источниковедения сформировалась более конструктивная точка зрения на проблему статуса методологической проблематики, исходящая из принципа существования различных уровней методологии. Тем не менее клише "марксистско-ленинская теория отражения – методологическая основа советского источниковедения" не исчезло из литературы вплоть до середины 1980-х годов. Не избежал его и автор настоящих заметок. См.: *Беленький И.Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984). М., 1985. С. 9. В этой связи необходимо отметить, что

Разумеется, реальная историографическая ситуация, даже в "малом пространстве" Историко-архивного института, была более сложной и многогранной, чем этот схематический абрис, не говоря уже о том, что происходило в исторической науке за его стенами.

Но так или иначе в середине 1960-х годов было очевидно, что разработка теоретико-методологических, историографических, методических и пропагандистских проблем знания об исторических источниках обретает статус нового самостоятельного научного направления. Вычлениются отдельные позиции и подходы. Рельефнее становится их противостояние. Во все возрастающем потоке публикаций структурируются "ядерная" и "периферийная" зоны. Но укрепляются и интеграционные факторы: отчетливее звучит тема междисциплинарности; делаются первые, еще очень робкие попытки освоения отечественного теоретического наследия, в частности литературы 1920-х годов; предпринимаются более чем осторожные шаги к ознакомлению специалистов с состоянием зарубежных исследований (по отношению к западному источниковедению это делается в уродливой форме – "критика буржуазных теорий").

Несомненно, что в недалеком будущем феномен "критики буржуазных теорий" в социально-гуманитарном знании 1960-х – начала 1980-х годов будет осмыслен во всей полноте его содержания, многозначности явных и неявных установок, изучен как в конкретно-историографическом, так и в теоретическом, социально-познавательном плане. Предметом анализа станут язык и стилистика его текстов. Необходимо вычленивать и описать, как идеологический фундамент и установочный каркас "критики", так и "просветительско-информационное" содержание этой литературы. Монологизм крайне политизированной критики утрачивал частично свою идеологическую тотальность (во многих случаях помимо воли автора), как только в критическом тексте появлялись имена западных ученых и названия их работ. Даже без приведения цитат и изложения идей текст неминуемо приобретал диалогическую дополнительную.

Другое дело, что конфигурация и достоверность вводимой фактографической и библиографической информации, способы включения "чужого слова", соотношения информативности и "идеологичности" во многом зависели от позиции автора. В каждой из отраслей социально-гуманитарного знания сложился круг специалистов, вполне сознательно обращающихся к проблемам "критики буржуазных теорий", видя в ней чуть ли не единственную возможность трансляции знаний. В условиях, когда переводы "буржуазных авторов" издавались в минимальном числе (причем большая их часть была малодоступна), "просветительское направление" в сфере "критики" приобретало особую значимость¹³.

В сфере теории источниковедения, где были осуществлены лишь переводы трудов М. Блока (1973) и Р. Коллингвуда (1980), где долгие годы сохранялось

в своих теоретических работах 1970-х – первой половины 1980-х годов О.М. Медушевская предпочитала в более реалистическом духе, трактуя статус оснований теории источниковедения, говорить о "марксистско-ленинской методологии", а не о более узкой по своему характеру "теории отражения". С начала 1980-х годов и в ее работах все большее внимание уделяется трактовке "методологии исторического познания" как фундамента теории источниковедения.

¹³ Необходимо иметь в виду, что в ряде сфер гуманитарного знания создание "текстов трансляции" было почти единственной формой творческой самореализации. При этом формировался особый тип культуры чтения, понимания и интерпретации "чужого слова", культуры чрезвычайно профессиональной. Создавалась по существу качественно новая версия практической герменевтики гуманитарного текста в искаженных условиях коммуникации, представляющая особый интерес для исследований по теории и истории герменевтики. Может ли, однако, этот тип интерпретационной культуры развиваться и дальше, в пределах того пространства, в котором он сформировался? Более того, целесообразно ли такое развитие? Не скажется ли отрицательно его "изошренность" (в основе которой – неявная презумция своего рода "двойственной истины") в изменившихся условиях коммуникации, в ситуации свободного интеллектуального обмена? Вряд ли сейчас можно дать в общей форме ответы на эти вопросы.

официальное неприятие теоретико-методологического наследия А.С. Лаппо-Данилевского, "просветительские" публикации, посвященные "критике" буржуазной источниковедческой мысли, играли важную роль.

Ведущей доминантой работ О.М. Медушевой 1960-х – начала 1980-х годов о современном состоянии и тенденциях развития теоретико-источниковедческой проблематики (и ситуации в разработке вспомогательных дисциплин) в западно-европейской историографии была именно эта "информационно-просветительская", разумеется, выраженная неявно установка¹⁴.

В ее поле зрения в те годы были источниковедческая мысль, развитие дипломатики, исторической географии, генеалогии, новых вспомогательных исторических дисциплин в ГДР, Польше, Болгарии¹⁵.

Итоги всех этих исследований поэтапно подводятся О.М. Медушевой в двух учебных пособиях, выпущенных МГИАИ¹⁶, в учебном пособии монографического типа, изданном "Высшей школой"¹⁷, в автореферате докторской диссертации¹⁸ и в докладе на IV Всесоюзной конференции по источниковедению¹⁹.

Основное содержание учебного пособия 1979 г. составляет его четвертая глава "Отражение кризиса буржуазной историографии в работах по теоретико-методологическим вопросам"²⁰. В ней рассматриваются в первую очередь следующие аспекты: отношение современной литературы к концепциям традиционного источниковедения конца XIX – начала XX в. (Г. Дрейзен, Э. Бернгейм, Ш. Ланглюа и Ш. Сеньобос); модификация профессионального аппарата исторической науки в связи с развитием всего комплекса общественных наук; проблема создания "единой теории источниковедения" на современном этапе и "мето-

¹⁴ См. вопросы источниковедения в следующих изданиях: L'histoire et ses methodes. P., 1961 // ВА. 1963. N 2. С. 104–115; Вопросы теории источниковедения в современной французской буржуазной историографии // ВИ. 1964. № 8. С. 77–88; Некоторые вопросы методологии истории в современной французской историографии // Вопр. философии. 1965. № 1; Обзор журнала "Revue de l'institut de sociologie. Bruxelles. 1963. N 4 // ВИ. 1965. № 3. С. 182–186; Методика работы с историческим источником и современная французская историография // Тр. науч. конф. по вопросам арх. дела в СССР. М., 1965. Т. 2. С. 137–147; Буржуазный ученый о методологических задачах исторической науки // ВИ. 1969. № 5; Социальная история и философия истории // Там же. 1965. № 8; Историография и методология // Там же. 1965. № 8. С. 117–118; Понятие "цивилизация" и современная буржуазная историография // Там же. 1966. № 8; Источниковедческие проблемы новой отрасли исторической науки // Там же. 1967. № 5; Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография // ТМГИАИ. 1967. Т. 25. С. 99–117.

¹⁵ Вспомогательные исторические дисциплины новой и новейшей истории в Польше // ВИ. 1965. № 5; Источниковедческие проблемы новой отрасли исторической науки // Там же. 1967. № 5; Польские ученые обсуждают методологические вопросы исторической науки // Там же. 1972. № 2; Историк и источники // Там же. № 4. С. 194–195; О понятиях "источниковедение" и "источниковедческая критика" // Там же. 1974. № 4; Источниковедение новейшей истории // Там же. 1973. № 11. С. 188–189; Вспомогательные исторические дисциплины в польской историографии // Там же. 1974. № 11; Генеалогические исследования польских историков // История и генеалогия. М., 1977. С. 266–272; Новый труд историков ГДР "Введение в изучение истории" и вопросы источниковедения // СА. 1968. № 1.

¹⁶ Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения. М., 1979. 72 с.; Источниковедение социалистических стран. М., 1985. 103 с.

¹⁷ Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. 143 с.

¹⁸ Теоретические проблемы источниковедения. М., 1975. 28 с.

¹⁹ Теоретико-методологические проблемы источниковедения в современной зарубежной историографии // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1983. С. 49–58. См. также брошюру 1990 г.: Медушевская О.М. Источниковедение и вспомогательные дисциплины исторические в зарубежной архивистике. М.: ВНИИДАД, 1990.

²⁰ Ей предшествуют главы "Методологическая основа марксистско-ленинского источниковедения", "Изучение приемов работы с источниками в произведениях В.И. Ленина" (этой теме посвящена и специальная статья О.М. Медушевой "К изучению ленинских методов работы с источниками", см.: ТМГИАИ. 1974. Т. 30, вып. 1. С. 104–111), "Вопросы теории и методики источниковедения в работах историков социалистических стран".

дологическая природа трудностей буржуазной историографии" в области создания единой системы методов исторического исследования. В поле зрения автора – прежде всего труды, методологические концепции и общие источниковедческие построения французской историографии. Суммируя и обобщая материалы своих исследований данной проблемы, О.М. Медушевская пишет: «В практике современной историографии исчезает старое представление о "технике" работы с источником, которая якобы может совершенствоваться вне связи с философией истории, независимо от представления историка об историческом процессе. Все более осязаемыми становятся связи специальных источниковедческих вопросов с методологическими проблемами исторической науки. Усложняется и углубляется представление об историческом источнике, становится все более очевидной сложность этого понятия»²¹.

Но по условиям времени в названии главы фигурируют слова "отражение кризиса буржуазной историографии...". Материал главы отнюдь не подтверждает тезис о "кризисе", а свидетельствует лишь об осознании французскими историками принципиальных теоретико-познавательных проблем, связанных с природой источниковедческого анализа, о спорах и дискуссиях по этим проблемам. Поэтому на последних страницах пособия появляется тезис-клише: "Однако вопросы исторического знания, в том числе специального источниковедческого, рассматриваются в отрыве от теории исторического процесса... Попытки буржуазных источниковедов углубить представление о содержании исторического источника, оставаясь в сфере исторического познания, не вносят ничего нового в решение вопроса, хотя дают подчас острую негативную критику старых воззрений"²². Ну что же, надо признать, что повторение этого "общего места", присущего абсолютно всей советской источниковедческой литературе 60–70-х годов, не столь уж значительная плата за возможность введения в научный оборот богатейшего историографического материала, за право говорить о нем языком анализа и интерпретации, а не тотальной критики. А ведь эта книга вышла в свет в 1979 г., в один из самых трудных для нашей гуманитарной науки периодов. В книге "Современное зарубежное источниковедение", изданной в 1983 г., появилась уже возможность назвать соответствующую главу иначе – "Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения".

Здесь О.М. Медушевская обращается не только к французской, но и к немецкой и англо-американской историографии. Постановка вопроса о "кризисе буржуазной исторической науки", естественно, сохраняется, однако уже в контексте анализа реальных проблем методологии исторического познания, вызывающих наибольшие споры в западной литературе.

Трактовка проблемы взаимодействия источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин с другими социальными и гуманитарными науками – тема, вызывающая у О.М. Медушевской особо пристальное внимание²³.

С наибольшей четкостью и аналитичностью внутренние процессы развития "буржуазной" теоретико-источниковедческой мысли XX в. (в контексте меняющейся ситуации в методологии исторического познания) даны О.М. Медушевской в ее докладе 1983 г.²⁴ Здесь она по существу чрезвычайно близка к пониманию

²¹ Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения. С. 69.

²² Там же. С. 69–70. "Кризис исторической науки" – действительная реальность исторического познания, ее методологических оснований. Но понимание его возможно совершенно в иной плоскости, в иных ракурсах рассмотрения, однако публично обсуждать эту проблему в советской науке стало возможным лишь с конца 1980-х годов.

²³ Современное зарубежное источниковедение. С. 69–109.

²⁴ Теоретико-методологические проблемы источниковедения в современной буржуазной историографии.

кризиса как естественного процесса парадигмального развития науки. Уделяя в работах значительное место освещению состояния источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в Чехословакии, Польше, Болгарии, ГДР, О.М. Медушевская посвящает этим проблемам специальное учебное пособие²⁵ (чрезвычайно информативное), где рассматриваются трактовки следующих вопросов: природа исторических источников, статус источниковедения, классификация источников, этапы источниковедческого анализа, интеграция и дифференциация в науке об исторических источниках.

Труды О.М. Медушевской, рассматривающие состояние источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин за рубежом уже с начала 1970-х годов, вошли в основную литературу данной проблемы; ссылки на них стали необходимым и обязательным элементом цитирования.

Ряд работ О.М. Медушевской посвящен историографии отечественного источниковедения²⁶. Наиболее значимыми в работах этого цикла представляются отчетливое понимание ценности наследия А.С. Лаппо-Данилевского (эта позиция характерна для всех теоретических, историографических и критических публикаций О.М. Медушевской; другое дело, что в силу внешних обстоятельств высказывания на эту тему советского историка долгие годы должны были сопровождаться "идеологическим конвоем"); анализ теоретической ситуации в советском источниковедении 1920–1930-х годов; внимание в те годы к проблемам междисциплинарности в источниковедении; установка на необходимость взаимосвязанного рассмотрения процессов развития отечественного и зарубежного источниковедения²⁷. Последнее хотелось бы подчеркнуть особо. Историографический анализ науки XIX–XX вв. и "трансляция знания" в работах по "критике буржуазной историографии" разными способами, взаимодополняя друг друга, решают одну и ту же задачу: введение в источниковедческое сознание представлений о единстве конструктивных процессов развития отечественного и зарубежного источниковедения²⁸. В этом плане примечателен и доклад О.М. Медушевской на чтениях 1992 г. памяти В.Б. Кобрин, сопоставляющий источниковедческие воззрения К.Н. Бестужева-Рюмина и Э. Фримана²⁹.

Теоретико-методологическая проблематика источниковедения исследуется О.М. Медушевской в нескольких аспектах: источниковедение, его статус и задачи, статус методологическо-теоретических построений³⁰; терминологические

²⁵ Источниковедение социалистических стран.

²⁶ Развитие теории советского источниковедения // ТМГИАИ. М., 1966. Т. 24. С. 3–16; Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение: Теорет. и методол. проблемы. М., 1970. С. 171–174; Методологические проблемы источниковедения в советской историографии // СА. 1973. № 3. С. 17–25. Под ее редакцией вышло также учебное пособие А.Т. Николаевой "Основные этапы развития советского источниковедения" (М., 1976). Целостный очерк развития теории источниковедения в советской исторической науке составляет вторую главу ее докторской диссертации. См.: Теоретические проблемы источниковедения. М., 1975. С. 9–16. Вошел он и в учебное пособие. См.: Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. С. 5–61.

²⁷ В 1988 г. МГИАИ издает ее учебное пособие "История источниковедения в XIX–XX вв." (71 с.) – опыт рассмотрения истории отечественной и зарубежной источниковедческой мысли в их единстве и взаимосвязи.

²⁸ См. также тезисы докладов О.М. Медушевской на Всесоюзной конференции в 1976 г.: Историографический подход к преподаванию исторических дисциплин // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч. 1. С. 87–88.

²⁹ Два подхода к проблеме методов исторического исследования // Чтения памяти В.Б. Кобрин: Пробл. отеч. истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 118–120.

³⁰ Новая советская литература по источниковедению // ВИ. 1973. № 9. С. 146–154; Теоретические проблемы источниковедения; О некоторых теоретических проблемах источниковедения // Археология и источниковедение. Сыктывкар, 1977. Вып. 4. С. 45–52; Рец. на кн.: Воронкова С.В. Проблемы источниковедения истории России периода империализма // ИСССР. 1986. № 2; Теоретические проблемы в структуре современного источниковедения // Источниковедческие

вопросы³¹; классификация исторических источников³²; взаимоотношение источниковедения с вспомогательными дисциплинами, междисциплинарные связи науки об источниках и современная социальная практика³³.

Теоретико-источниковедческие построения О.М. Медушевской, подводящие определенные истоки развития теоретической мысли, отмечены широтой охвата анализируемого материала, стремлением к плюралистическому обобщению наличаствующих точек зрения, принципиальной "нежестокостью" понятийного аппарата. Современные возможности "теоретического источниковедения" мыслятся ею не в создании логически непротиворечивой теоретической системы, а в разработке подхода, позволяющего связать воедино существующие представления на содержательном уровне³⁴.

Подобная направленность теоретических размышлений О.М. Медушевской во многом предопределена тем, что вся ее научная жизнь связана с преподаванием источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в высшей школе³⁵.

В последние годы ее внимание все больше привлекает проблема междисциплинарной широты источниковедческого знания, существования источниковедения в мире современной социальной практики³⁶.

Эти два момента (связь теории с педагогической практикой, осознание междисциплинарности), так же как и установка на взаимосвязанное изучение истории и современного состояния источниковедения и вспомогательных дисциплин в нашей стране и за рубежом, образуют тот фундаментальный каркас, который позволяет О.М. Медушевской конструктивно разрабатывать проблему единства источниковедческого знания.

разыскания. Тбилиси, 1988. Выступление по теме "Актуальные проблемы источниковедения" см.: ИСССР. 1989. № 6. Под ее редакцией вышли учебные пособия А.Т. Николаевой "Теория и методика советского источниковедения" (М., 1975) и "Теория и методика источниковедения истории СССР" (М., 1988).

³¹ О.М. Медушевской принадлежат источниковедческие разделы в словарях архивоведческой терминологии: Словарь архивных терминов. М., 1966; Словник архивоведческих терминов. М., 1975; Словарь современной архивоведческой терминологии социалистических стран. М., 1982.

³² О классификации исторических источников // Проблемы научного управления социалистическим обществом. Рига, 1977. С. 76; О проблемах классификации исторических источников // СА 1978. № 5. С. 108–110; Классификация исторических источников // Науч. конф. по источниковедению истории Грузии. Батуми, 1985. Ей принадлежит рец. на кн.К.Г. Рудельсон "Современные документные классификации" (СА. 1974. № 1).

³³ Источниковедение в современной социальной практике // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: Теория и методика. М., 1990. С. 3–14; Источниковедение в общественном сознании, XX в. // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990.

³⁴ В этом смысле ее воззрения в определенных моментах ближе к взглядам, развиваемым в работах С.О. Шмидта, чем к жестким исходным установкам концепций Л.С. Клейна и В.В. Фарсобина.

³⁵ Пропедевтические и методические проблемы рассматриваются во многих работах О.М. Медушевской: О структуре курса источниковедения // СА 1980. № 6; О книге "Источниковедение истории СССР" // ИСССР. 1982. № 6; Выступления в дискуссиях на третьей Всесоюзной источниковедческой конференции 1979 г. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 204–205; 227–228; Выступление на заседании "Круглого стола" «Проблемы преподавания новой и новейшей истории» // НИИ. 1987. № 2; Источниковедение в системе исторического образования // Всесоюз. науч.-метод. конф. "Перестройка исторического образования: Опыт, проблемы, поиск". Днепропетровск, 1990; Изучение вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: Теория и методика. М., 1990. С. 152–157; Источниковедение истории СССР: Программа курса (в соавторстве), 2-е изд. М.; МГИАИ, 1983; Источниковедение истории СССР: Программа курса для специальных учебных заведений (техникумов). М.: МГИАИ, 1986 (в соавторстве); Источниковедение истории СССР: Методические указания по курсу. М.: МГИАИ, 1987; 2-е изд. М., 1989.

³⁶ См. работы, указанные в примеч. 33.

Естественно, О.М. Медушевскую интересует и состояние исследований по отдельным вспомогательным дисциплинам³⁷.

Не говоря здесь специально о разносторонней ее педагогической деятельности (тема "О.М. Медушевская – педагог" – предмет особого и подробного очерка), необходимо, однако, отметить, что ее учениками являются многие современные источниковеды³⁸.

Предложенные заметки сознательно дистанцированы от темы творческого и личностного портрета. Их задача была несравненно более узкой – дать обзор работ Ольги Михайловны Медушевской в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и попытаться охарактеризовать в контексте некоторых тенденций развития отечественной науки 1950-х – начала 1990-х годов их общий смысл и индивидуализующие черты.

³⁷ См. об этом: Археографический ежегодник – итоги и проблемы // ВИ. 1979. № 2 (в соавторстве); Археографический ежегодник – проблемы и перспективы // ИСССР. 1989. № 6 (в соавторстве); О проблемах генеалогии // СА. 1989. № 6; Правила издания исторических документов. М., 1990 (в соавторстве).

³⁸ Надо сказать и о том, что под ее редакцией вышли многие работы как ее учеников, так и других коллег по Историко-архивному институту. Приведем здесь названия неуказанных выше книг и учебных пособий: *Илизаров Б.С.* Источнико-метрические проблемы архивоведения. М.: МГИАИ, 1981; *Ходаковский Н.И.* Источниковедческая эвристика. М.: МГИАИ, 1976; *Комиссаренко А.П.* Хозяйство монастырских вотчин и секуляризационная реформа в России 20–60-х годов XVIII в. М.: МГИАИ, 1985; *Дурновцев В.Н.* Россия и Запад в освещении государственной школы. М.: МГИАИ, 1986; *Горяева Т.М.* Издание документов по истории советской радиожурналистики. М.: МГИАИ, 1986; *Миронова И.А.* Мемуары XIX в. М.: МГИАИ, 1988; Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. М.: МГИАИ, 1990.

Ей принадлежит также предисловие к кн.: *Мандральская Н.В.* Запечатленные образы войны. Ташкент, 1987.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1992 г.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

25 июня 1992 г. в Археографической комиссии РАН состоялись очередные Тихомировские чтения "1917 год в России: новые документы, новые публикации", проведенные совместно с Комитетом по делам архивов при правительстве России. Во вступительном слове председатель Археографической комиссии *С.О. Шмидт* остановился на несомненном значении для хода истории в нашей стране и мире событий 1917 г., как бы они ни оценивались. Возможность их правдивого освещения предопределяется архивной источниковой базой, в отношении к которой с конца 20-х годов восторжествовало одно толкование и использование – по идеологическому принципу. Это привело к тому, что источниковая база была ограничена в основном официальными партийными документами, а исследования и публикации зарубежных ученых, возникшие как бы в противовес советской историографии, оказались недоступны. Сейчас же зарубежная наука входит в нашу культуру, и предстоит просмотр заново всех имеющихся документов.

В выступлении *О.В. Волобуева* (Роскомархив), посвященном анализу событий 1917 г. на современном этапе работы с новыми, ставшими доступными источниками, было отмечено, что основные концепции истории 1917 г. были сформированы в ходе самих событий по тем или иным политическим направлениям. Кроме большевистской историографии (ленинское понимание событий), можно говорить и о социалистической концепции (меньшевики, эсеры, социал-демократы разных стран), либеральной (кадеты и их последователи), монархической (участники белого движения). Научная история 1917 г. до сих пор не создана, так как существующие две основные позиции по оценке событий – заговор или народное восстание – не отражают реально происшедших событий. *О.В. Волобуев* охарактеризовал состояние сделанного в области публикаций по данной теме, остановившись подробно на экономических трудностях их осуществления в настоящее время. Выход состоит, по мнению докладчика, в составлении государственной программы публикаций.

О.А. Шашкова (ИАИ) подробно охарактеризовала в своем выступлении существующие публикации документов по истории Февральской революции и рассказала о подготовленном в институте новом сборнике документов, в котором сделана попытка показать взаимосвязь документов с точки зрения различных властных структур в период Февральской революции.

В.А. Козлов (ГАРФ) рассказал о работе архива в связи с открытием ранее недоступных документов, остановившись на важности мемуаров и других документов личных фондов из русского зарубежного исторического архива. Он охарактеризовал подготавливаемые совместно с другими учреждениями сборники документов, посвященные Второму Всероссийскому съезду советов, интервенции восточных районов России, России антибольшевистской и истории Октябрьской революции и гражданской войны на окраинах бывшей царской России.

Е.В. Бронникова (РГАЛИ) в своем докладе подробно охарактеризовала

хранящийся в РГАЛИ и практически не введенный в научный оборот сборник статей известного русского философа Н.А. Бердяева "Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг.". Сборник был подготовлен к осени 1918 г., и в него были включены 33 статьи, написанные философом в период революции, переживаемой им как часть своей собственной судьбы¹.

Выступление А.С. Покровского было посвящено сборнику документов и материалов "II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов", подготовленному согласно плану Института российской истории РАН. В отличие от сборника 1928 г. с аналогичным названием, в основу которого были положены отчет о съезде в большевистской газете "Правда", а также так называемый сводный отчет (по существу монтаж той же "Правды" с добавлениями из других газет), в новом сборнике публикуются полностью материалы о съезде из петроградских газет всех политических направлений. Составители исходили из того, что газеты как выразители общественного мнения различных социальных слоев и групп сами являются реалиями своего времени и представляют для историка такой же интерес, как и факты, отраженные в них, другими словами, одинаково важно, *что и как* сообщают они о съезде и его участниках.

А.С. Покровский остановился также на характеристике другого сборника, посвященного съезду, с тем же названием, изданного в 1957 г. В нем наибольшее внимание привлекают заполненные анкеты 140 большевиков – делегатов съезда. Анализ указанных анкет, сопоставление их с имеющимися списками делегатов съезда позволяют сделать некоторые, пока предварительные выводы: 1) в анкетах есть сведения о 22 Советах, воинских частях и других организациях, направивших делегатов на съезд, которые отсутствуют в списках делегатов; 2) в 46 анкетах сведения о количестве и партийности посланных на съезд делегатов не совпадают с соответствующими данными в списках делегатов; 3) анкеты позволяют судить о правомочности посылки отдельных делегатов на съезд. Как известно, при посылке делегатов на II Всероссийский съезд Советов местные организации должны были руководствоваться правилом, действовавшим в период созыва I Всероссийского съезда Советов: 1 делегат на 25 тыс. избирателей. Изучение материалов съезда показывает, что местные организации сплошь и рядом игнорировали это правило: иногда делегаты посылались от незначительного, далеко не доходящего до нормы количества избирателей и, наоборот, количество избирателей, объединенных тем или иным Советом, было таково, что позволяло удвоить или даже утроить число посылаемых на съезд делегатов. Выступающий отметил отсутствие на съезде Советов представителей от ряда губерний, некоторых губернских городов и довольно многих уездных, а также от крупных воинских объединений. Характер представительства на II Всероссийском съезде Советов, по мнению выступающего, не соответствовал не только нормам права общегражданской демократии, но и был нарушением "правил игры" демократии "советской". Было ли это результатом злого умысла, правового нигилизма или обычной российской безалаберности – трудно сказать, но кому это было выгодно – ответить несложно, особенно если при этом еще учесть, что меньшевики и эсеры (правые и центра) совершили крупную и непоправимую политическую ошибку, предлагая одно время и в ряде мест отказаться от участия на съезде.

В заключение своего выступления А.С. Покровский высказал предположение, что повсеместное участие *всех* советских организаций в тылу и на фронте по *строго соблюдаемым единообразным* нормам избрания делегатов на съезд дало бы большевикам не намного более голосов, чем они получили на выборах в

¹ См.: АЕ за 1991 г. М., 1994.

Учредительное собрание. Разумеется, подтверждение или отрицание этого предположения может быть достигнуто лишь скрупулезным изучением характера всех советских и армейских организаций в октябре 1917 г. – как *не* пославших своих представителей на съезд, так и пославших, но с нарушением установленных норм.

В.Ю. Афиани (АК) информировал присутствующих о том, как освещается тема 1917 г. в публикациях, помещенных в журнале "Исторический архив".

Выступавшие в прениях *Б.Г. Литвак* (ИРИ), *В.А. Черных* (АК), *А.А. Курносов* (АК) отметили важность состоявшегося обмена информацией о сегодняшнем состоянии источниковой базы для изучения проблем 1917 г., темы, остающейся актуальной и важной в отечественной и мировой истории.

А.Д. Паскаль

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Ф.А. Петров, А.Д. Яновский

НАПОЛЕОН. ЕГО СЕМЬЯ. ЕГО СПОДВИЖНИКИ

(Автографы из собрания Государственного Исторического музея)*

В 1994 г. исполняется 225 лет со дня рождения Наполеона Бонапарта. За это время о нем и его эпохе было издано огромное количество книг научного, публицистического и художественного содержания. 32-томная "Переписка Наполеона", вышедшая в свет во Франции при Наполеоне III, положила начало бесчисленным публикациям архивных документов, связанных с жизнью и деятельностью Бонапарта¹.

Казалось бы, трудно найти какие-либо новые автографы Наполеона. Однако в ходе научного описания ф. 418 Отдела письменных источников Государственного Исторического музея "Документы по истории западноевропейских и азиатских стран из собрания П.И. Щукина" нами было обнаружено значительное количество автографов Наполеона Бонапарта, членов его семьи, маршалов, генералов и государственных деятелей наполеоновской эпохи. Это натолкнуло на мысль провести фронтальный поиск аналогичных документов в других фондах ОПИ ГИМ. В результате этого поиска было выявлено 28 автографов Наполеона Бонапарта, свыше 100 автографов членов его семьи и 2400 автографов его сподвижников, охватывающих период с 1795 до 1851 г.

Автографы Наполеона, его семьи и сподвижников хранятся в составе 17 фондов ОПИ, которые поступили в Исторический музей на рубеже XIX–XX вв. По своему характеру эти фонды можно разделить на три группы.

К *первой группе*, содержащей подавляющее большинство автографов, относятся коллекции документов, собранные отдельными лицами, или, как их принято называть, документальные коллекции личного происхождения. Основные документы сосредоточены в коллекциях Г.В. Орлова и П.И. Щукина.

Граф Григорий Владимирович Орлов (1777–1826) – сын президента Академии наук Владимира Григорьевича Орлова и племянник знаменитых екатерининских фаворитов Григория и Алексея Орловых – был тайным советником, камергером и сенатором. Но особую известность он получил как собиратель картин, эстампов и автографов. Долгие годы он вместе со своей больной женой жил за границей: во Франции, Италии и Швейцарии. В салоне Орловых в Париже собирались известные ученые, литераторы, музыканты, художники, генералы, политики. Благодаря богатству и связям графу Орлову удалось собрать уникальную коллекцию автографов знаменитых людей Западной Европы, превышающую 4 тыс. документов.

* © Ф.А. Петров, А.Д. Яновский

¹ См., например: Napoléon I. Correspondance. P., 1858–1870. Т. 1–32; Lettres inédites / Publ. par L. Lecestre. P., 1897. Vol. 1–2; Correspondance inédite / Publ. par E. Picarde, J. Tueteu. P., 1912–1913. Vol. 1–3. В рус. пер.: *Наполеон. Избранные произведения*. М., 1956.

В составе этой коллекции – автографы всех французских королей династии Валуа и Бурбонов, начиная с грамоты Людовика XI (1474); испанской королевы Изабеллы, герцога Альбы и Дона Карлоса, Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор, Карла I и Карла II, шведского короля Густава Вазы, прусского короля Фридриха Великого, Ришелье и Мазарини, Конде и Тюренна, Монтеня и Декарта, Вальтера и Дидро, Руссо и Монтескьё, Мирабо и Максимилиана Робеспьера, Лафонтена и Бомарше, Коперника, Ньютона и Канта... (мы перечислили лишь несколько имен).

Г.В. Орлов вел переписку и со своими великими современниками, такими, как Вальтер Скотт, Веллингтон, Лафайет, Шатобриан, Керубини, Россини, Гёте, Гофман, Гумбольдт... Писали ему и бывшие наполеоновские маршалы и генералы. Все эти письма пополняли коллекцию и тщательно хранились.

Естественно, граф Орлов желал получить и автограф Наполеона. Посредником выступил граф Монтолон, сопровождавший вместе со своей женой бывшего императора на остров Св. Елены. По просьбе графа Орлова Наполеон специально прислал ему целиком написанный своей рукой конспект труда по военному искусству с собственными замечаниями на полях. Сопровождавшее эту рукопись письмо Монтолона своей жене (она его переслала Орлову вместе с рукописью), свидетельствует о том уважении, с которым Наполеон отнесся к просьбе незнакомого ему лично русского вельможи. Всего в коллекции Орлова хранится 9 автографов Наполеона Бонапарта, довольно значительное количество автографов членов его семьи, маршалов, генералов и государственных деятелей².

Однако основным источником поступлений автографов стала богатейшая коллекция рукописных материалов, собранная в конце XIX – начале XX в. русским купцом-меценатом *Петром Ивановичем Шуккиным (1853–1912)*, который передал все свое собрание в дар Историческому музею. Как нам представляется, интерес Шуккина, собиравшего прежде всего русские древности, к наполеоновской эпохе был продолжением его интереса к эпохе Отечественной войны 1812 г. Собранная им коллекция документов по истории Отечественной войны была в основной своей массе опубликована в 1897–1908 гг. в специальном 10-томном сборнике, ставшем ныне библиографической редкостью (его тираж составлял 200 экземпляров), – "Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И. Шуккиным" (М., 1897–1908). В отличие от этого шукинская коллекция документов по истории Франции конца XVIII – начала XIX в. осталась не только не изданной, но и почти неизвестной широкому кругу исследователей.

Переписка П.И. Шуккина позволяет проследить весьма интересные обстоятельства того, как в течение нескольких лет в Россию поступило свыше тысячи автографов сподвижников, семьи и, наконец, самого Наполеона (число последних составляет 11 документов).

Одним из многолетних поставщиков П.И. Шуккина был некий Й. Халле, владелец антикварного магазина "Книги, портреты, эстампы, автографы" в Мюнхене. В письме от 10 августа 1908 г. Халле предложил Шуккину приобрести альбом в сафьяновом переплете, состоящий "из 40 автографов членов семьи Бонапарта (его брата Луи, сестер Полины, Элизы и Каролины, шурина Мюрата), маршалов Сульта, Мармона, Жюно, Удино, Монсея, Декрэ³, Ланна,

² Авторы выражают благодарность сотруднику ГА РФ О.В. Эдельман, принимавшей участие в аннотировании документов коллекции Г.В. Орлова.

³ Халле допустил ошибку, генерал А. Жюно и адмирал В. Декрэ маршальскими жезлами не обладали.

министров Фуше, Пейроне и др.". Это собрание он оценивал в 800 марок. Шукин согласился с предложенной ценой, о чем свидетельствует оплаченный им счет, и 11 октября Халле прислал ему бандероль с указанными автографами.

7 и 9 марта 1910 г. Халле сообщил Шукину об интересных "письмах-автографах 1812 года", среди которых выделялся документ, подписанный младшим братом Наполеона Жеромом, в то время королем Вестфалии. Это собрание стоило 850 марок.

В следующем письме Халле извещал Шукина о посылке ему двух альбомов. В первом находились автографы Моро, Журдана, Ланна, Клозеля и Франсуа Невшательского, во втором – Марии Луизы и русского канцлера графа Н.П. Румянцева.

Чрезвычайно интересно письмо от 13 сентября 1910 г.

«Сегодня я, – пишет Халле Шукину, – получил 3 интересные записки. Особое внимание обращает на себя записка от 8 июля 1807 года с известием о заключении мира с Россией, на которой сам император начертил на краю характерную для него букву "N"»⁴.

Документальное собрание П.И. Шукина не сохранилось в Историческом музее как единый комплекс, а было раздроблено в 1920–1940-е годы по отдельным фондам ОПИ. Интересующие нас документы хранятся, как уже указывалось, в ф. 418, где, в частности, сосредоточены все автографы Наполеона, собранные Шукиным, за исключением его грамоты 1813 г. (она находится в ф. 207 "Шукинское собрание иностранных грамот"), а также в ф. 413 ("Шукинская коллекция автографов революционных, государственных, военных деятелей, деятелей науки и культуры").

В собрании *Мухановых* (Ф. 117) сохранился лишь один документ, который, однако, заслуживает особого внимания. Этот документ упоминался в обзорах фонда⁵. Однако на подпись "Буонапарте" в левом нижнем углу внимания не обращали.

Отдельные автографы отложились также в коллекциях: графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855), князя Александра Ивановича Барятинского (1815–1879) и купца Алексея Петровича Бахрушина (1853–1904) (Ф. 17, 342, 1).

Вторую группу составляют служебные документы русских государственных и военных деятелей начала XIX в., сохранившиеся в составе их личных фондов.

Наиболее богата автографами переписка князя *Александра Борисовича Куракина* (1752–1818), который был уполномоченным императора России при заключении Тильзитского мира 8 июля (26 июня ст. стиля) 1807 г., а затем, с 1808 по 1812 г., – российским послом в Париже. В его бумагах мы находим верительную грамоту, подписанную Наполеоном и выданную им Талейрану на ведение переговоров в Тильзите, которая была вручена Талейраном Куракину; два письма Александра I, в которых он обращался к Наполеону как к "дражайшему приятелю и брату" и извещал о замене в должности российского посла графа П.А. Толстого князем А.Б. Куракиным – от 13 (1) и 21 (9) октября 1808 г. (Ф. 3. Оп. С. Ед. хр. 869. Л. 6) и, наконец, обширные комплексы писем Куракину от Ш.М. Талейрана, носившего в те годы титул князя Беневентского, и Гюга Маре, ставшего герцогом Бассано и сменившего Талейрана в должности министра иностранных дел. Подробнее об этих письмах, которых около 150

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 84. Л. 86, 88, 130.

⁵ Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1967. С. 173.

(вместе с письмами от других государственных деятелей Франции), будет рассказано во второй части нашего обзора.

Автографы некоторых французских маршалов и генералов отложились в составе личных фондов героев 1812 г. и кампаний 1813–1814 гг.: генерала Петра Петровича Коновницына (1764–1822), бывшего в 1815–1819 гг. военным министром России; князя Петра Михайловича Волконского (1776–1852), начальника Главного штаба Александра I; графа Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), генерала, командовавшего в 1815–1818 гг. русским оккупационным корпусом во Франции; генерала Алексея Петровича Ермолова (1777–1861), бывшего в 1812 г. начальником штаба I Западной армии, в 1813 г. начальником артиллерии русских армий, а в 1814 г. командующим гвардейским корпусом, отличившимся при взятии Парижа. Отдельные документы хранятся в составе фонда графа Николая Николаевича Новосильцева (1761–1836), русского дипломата и государственного деятеля, и, наконец, графа Степана Степановича Апраксина (1757–1821), генерала от кавалерии (Ф. 397, 18, 60, 235, 316, 25).

Третью группу документов составляют отдельные автографы по истории наполеоновской эпохи, собранные двумя музеями, существовавшими в Москве в начале XX в., – Музеем 1812 г. и Военно-историческим музеем (Ф. 160, 137).

Идея создания Музея 1812 г. родилась в связи с широко развернувшейся в начале XX в. в России подготовкой к празднованию столетия Отечественной войны 1812 г. Здание музея предполагалось построить возле храма Христа Спасителя – главного памятника Отечественной войны в Москве. В будущей экспозиции должны были разместиться залы, рассказывающие о русской и французской армиях, в том числе зал Александра I, зал Кутузова, зал Наполеона. Музей создавался за счет пожертвований, поступавших не только от различных учреждений, воинских частей и отдельных лиц России, но и из-за границы, в частности от известного французского коллекционера барона де Бай.

Так, наряду с богатейшим собранием вещественных, изобразительных и документальных материалов по истории России периода Отечественной войны, русской армии и героев 1812 г. в этот музей поступили и материалы о французской армии, в том числе декрет на итальянском языке, выданный в 1802 г. первым консулом Наполеоном Бонапартом; две жалованные грамоты, подписанные Наполеоном во время его пребывания в Москве в 1812 г., автографы его прославленных маршалов, генералов и государственных деятелей, в частности два письма начальника штаба маршала А. Бертье, адресованные М.И. Платову и М.И. Кутузову (август–октябрь 1812 г.), а также письма маршала Дюрока и герцога Бассано.

Вплоть до постройки специального здания музея будущие его экспонаты хранились в Арсенале Московского Кремля, но затянувшийся выбор конкурсных проектов, а затем и начавшаяся в 1914 г. I мировая война так и не позволили построить это здание. А после Октябрьской революции само существование Музея 1812 г. было признано нецелесообразным, и в 1919 г. все его коллекции были переданы в Российский Исторический музей⁶. Внутри ГИМ этот неосуществившийся музей был как бы воссоздан в миниатюре, и "зал 1812 г." долгие годы являлся одним из любимейших у посетителей. При этом хотелось бы обратить внимание на то, что в отличие от личных вещей Наполеона и его маршалов их автографы не экспонировались.

В том же 1919 г., когда был ликвидирован Музей 1812 г., в бывшем особняке Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке близ Красных ворот был создан Военно-исторический музей, образованный на базе полковых музеев русской

⁶ См.: Петров Ф.А. Музей 1812 г. // ВИ. 1988. № 1. С. 183–188; Саваренская Т.Ф., Петров Ф.А. Мемориальный ансамбль 1812 г. // Моск. журн. 1991. № 5. С. 61–75.

армии. Среди этих музеев были богатейшие собрания лейб-гвардии Преображенского, Измайловского, Семеновского и других полков, в составе коллекций которых отложились некоторые материалы по истории наполеоновской армии. Так, например, в документальной коллекции ВИМ оказался автограф Наполеона – его резолюция на рапорте Бертье (Рамбуйе, 7 сентября 1807 г.). Военно-исторический музей просуществовал недолго, в 1926 г. был ликвидирован, и его коллекции, подобно собранию Музея 1812 г., были переданы в ГИМ.

Таким образом, в различных фондах ОПИ ГИМ отложились документы по истории наполеоновской эпохи, которые являются неотъемлемой частью музейного собрания и открывают широкие перспективы для использования их в научно-экспозиционной, научно-фондовой и научно-исследовательской работе.

За последние пять лет отдельные автографы Наполеона и его сподвижников экспонировались на юбилейных выставках к 175-летию Отечественной войны – "Реликвии Отечественной войны 1812 г." в филиале ГИМ – Музее декабристов (1987 г.), "Отечественная война 1812 г." в Академии художеств СССР (1988 г.), "Меценаты России" в Смоленске (1991 г.), "Наполеон Бонапарт (225 лет со дня рождения)" в Москве (1994 г.).

В настоящее время в ОПИ ГИМ готовится капитальное издание альбом-каталога автографов "Наполеон. Его семья. Его сподвижники" с аннотациями на русском и иностранных языках и указанием информационно-поисковых данных. Подобного рода изданий по истории наполеоновской эпохи отечественная историческая наука не знала, да и за рубежом такие альбомы на сегодняшний день встречаются редко. Это издание должно представить значительный интерес не только для ученого мира, изучающего историю наполеоновской эпохи, но и для крупных музеев, библиотек и архивов. Оно может использоваться в качестве справочника-определителя автографов и образцов почерка Наполеона, его родственников, военных и политических деятелей его эпохи.

Вполне понятно, что в жестких рамках обзора невозможно хоть сколь-нибудь подробно остановиться на этом интереснейшем собрании из ОПИ ГИМ. Поэтому авторы ставят перед собой задачу дать общую характеристику основных групп автографов и рассказать о наиболее интересных из них. В данном выпуске "Археографического ежегодника" будет рассказано об автографах самого Наполеона и членов его семьи.

Самая ранняя из рукописей, написанных рукой Наполеона – фрагмент его романа "Глиссон и Эжени". Рукопись романа, написанного в 1793–1795 гг. обнаружена в 1920 г. в Вене. Он опубликован не полностью⁷. Возможно, в ГИМ сохранился фрагмент варианта романа. Наиболее ранний из точно датированных автографов Наполеона относится к октябрю 1795 г., когда молодой генерал *Буонапарте*, начальник артиллерии Парижа, отличился при подавлении "Вандемьерского мятежа роялистов" (4–5 октября). На следующий день после победы над монархистами главнокомандующий "внутренней армией Парижа", т.е. столичным гарнизоном, Поль Баррас подал в отставку и добился назначения Буонапарте на свое место. 4 брюмера (26 октября) 1795 г. Наполеон был произведен в дивизионные генералы.

Таким образом, перед нами – один из редчайших документов, подписанный "Буонапарте"⁸, пребывающим последние дни в звании бригадного генерала и третью неделю в должности главнокомандующего Парижским гарнизоном. Это

⁷ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1989. С. 689.

⁸ С начала Итальянского похода (1796 г.) Наполеон изменил свою фамилию, устранив ее итальянское звучание и стал подписываться "Бонапарт". Именно так надписано адресованное "гражданину генералу и командующему Итальянской армией Бонапарту" обращение "от имени французского народа" 21 декабря 1796 г. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 88. Л. 1.

удостоверение "Батальона Патриотов 1789 года" от 25 вандемьера IV года Республики (17 октября 1795 г.), выданное некому Могури, который во время мятежа находился в почетном карауле "для защиты Республики и Национального представительства" (т.е. Конвента). В официальном названии своей должности рукой Наполеона зачеркнуты три слова "représentant du peuple" (представитель народа) и оставлено только "général en chef" (главнокомандующий) (Ф. 117. Ед. хр. 285. Л. 2).

Знаменитый *Египетский поход* представлен двумя автографами – приказом главнокомандующего Восточной армией, "члена Национального института"⁹ об устройстве мучных складов и госпиталей и порядке торговли с местными жителями, отданный 15 термидора (3 августа) 1798 г. в Каире, только что взятом французами (Ф. 418. Ед. хр. 80. Л. 1), и рапортом главного крисккомиссара египетской армии Дора Наполеону с резолюцией последнего в правом углу (Ф. 160. Ед. хр. 5. Л. 191). Этот рапорт датирован 5 февраля 1799 г., за четыре дня до выступления французской экспедиционной армии в поход в Сирию.

Следующие документы относятся к *эпохе Консульства*.

Сохранилась записка Наполеона генералу Моро, в то время командующему Рейнской армией (Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 132). Эти наспех набросанные две строки относятся к 21–22 мая 1800 г., когда он переправлялся через перевал Сен-Бернар. В это время Моро сражался с австрийцами в районе Ульма и Аугсбурга. Австрийцы были разбиты и вынуждены были вскоре заключить мир с Францией, признав ее завоевания. Однако четыре года спустя Моро был обвинен в заговоре против Наполеона и выслан за границу. Еще через девять лет он был смертельно ранен французским пушечным ядром под Дрезденом, когда находился при штабе русско-прусско-австрийских войск, консультируя их в войне с Наполеоном. (Об интересной переписке самого Моро, охватывающей период с 1800 по 1813 г., будет рассказано во второй части нашего обзора).

В результате победы наполеоновских войск над австрийцами в Северной Италии была восстановлена так называемая Цизальпинская республика, зависящая от Франции. Первый консул Французской республики стал одновременно управляющим этой республикой. В этом отношении обращает на себя внимание Декрет управляющего Цизальпинской республикой Бонапарта о назначении гражданина Мерцони вице-президентом трибунала департамента Минчо (в Ломбардии). Декрет датирован "5 прериала 6 года" (по итальянскому республиканскому исчислению, которое вело отсчет с 1796 г., т.е. 24 мая 1802 г.) и подписан "Napoleon Bonaparte, Premier Console". Сам текст декрета написан по-итальянски, на пергамене, с гербом Цизальпинской республики, увенчанным красным фригийским колпаком (Ф. 160. Ед. хр. 296. Л. 2).

На именных бланках первого консула Французской республики – три патента, выданные офицерам французской армии в июле 1803 – марте 1804 г., т.е. в последние месяцы Консульства (Ф. 418. Ед. хр. 81–83). Эти бланки однотипны по форме и подписаны тремя лицами: первым консулом Наполеоном Бонапартом, военным министром Александром Бертье и государственным секретарем Гюгом Маре. Это последние из коллекции Исторического музея документы, подписанные "Бонапарт". На остальных стоит подпись *императора Наполеона*.

Открывает эту галерею письмо французского ученого и сенатора Ласепада

⁹ В члены Национального института – высшего научного учреждения Республики – Наполеон был избран 26 декабря 1797 г.

императору о желании известного историка Анкетилля посвятить ему свою знаменитую 14-томную "Историю Франции". Примечательна резолюция Наполеона: "Я одобряю желание г-на Анкетилля. Майнц, 3 вандемьера 13-го года", т.е. 24 сентября 1804 г. (Ф. 166. Ед. хр. 10. Л. 6.).

Три автографа Наполеона 1805–1807 гг. как бы символизируют собой начало и окончание одного из этапов коалиционных войн в Европе, в которые были вовлечены Франция, Россия, Австрия и Пруссия.

Первый из этих документов – обращение Наполеона к своим войскам периода 3-й коалиционной или русско-австро-французской войны 1805 г. – является, бесспорно, выдающимся агитационным документом. Это обращение относится к октябрю 1805 г., когда в начале войны австрийские войска добились некоторых временных успехов. К тому времени Цизальпинская республика превратилась в Итальянское королевство, королем которого стал сам Наполеон. Обращаясь к солдатам, французский император стремился противопоставить их традиционным соперникам – австрийцам:

"Солдаты Италии! Лишь на поле брани вы можете прославиться перед всем миром; австрийский орел всегда оказывался посрамленным, а мы, напротив, всегда были победителями... Та усталость, которую вам предстоит испытать, те форсированные марши, которые вы должны будете совершить, те лишения, которые вам предстоит претерпеть, должны напомнить вам, что это единственный путь к славе.

Солдаты Италии! Не давайте себе передышки, пока вы не станете победителями. Чтобы я не слышал от вас разговоров, кроме как об одержанной победе, числе пленных, которых вы захватите, и названии страны, которую вы завоюете" (Ф. 166, Ед. хр. 2. Л. 130).

Второй и третий документы относятся к заключению *Тильзитского мира*, который означал прекращение военных действий между Россией и Францией в 1805–1807 гг.

Прежде всего следует упомянуть о верительной грамоте, выданной в императорском лагере в Тильзите "Наполеоном, милостью Божьей и по Конституции Императором Французов, Королем Италии", министру иностранных дел Талейрану на ведение переговоров о подготовке мирного договора между Францией и Россией (Ф. 3. Оп. С. Ед. хр. 869. Ч. 1. Л. 46).

"С целью достижения скорейшего мира и установления полной гармонии, которая должна, по нашему убеждению, воцариться между Нами и Его Величеством Императором Всея Руси, и имея полное доверие в преданности к нашей персоне и ревности к нашей службе г-на Шарля Мориса Талейрана, князя Беневентского, нашего обер-камергера, министра иностранных дел и проч. и проч., – говорится, в частности, в этом документе, – дали мы ему полные и абсолютные полномочия, чтобы вместе с князем Куракиным, послом Е.В. Императора России и проч. и проч., также снабженным соответствующими полномочиями, достичь согласия, утвердить, заключить и подписать трактат, статьи, конвенции, декларации и другие акты, которые будут признаны необходимыми..."

Эта верительная грамота, подписанная самим Наполеоном и государственным секретарем Гюгом Маре, была, по всей видимости, вручена Талейраном Куракину, ибо сохранилась в бумагах последнего. Князь Александр Борисович Куракин, выдающийся русский государственный деятель и дипломат, действительный тайный советник 1-го класса, сенатор, кавалер всех российских орденов, был известен как сторонник сближения с Францией, и во время переговоров Наполеон и Талейран несколько раз высказывали желание, чтобы именно он был назначен послом в Париже, что, как уже указывалось, и осуществилось в 1808 г.

Второй документ датируется тем самым днем, когда был заключен Тильзитский мир – 8 июля (26 июня по ст. ст.) 1807 г. Это объявление по армии, подписанное начальником Главного штаба маршалом Александром Бертье, ставшим к тому времени князем Невшательским, с пометой Наполеона в виде буквы N в левом верхнем углу (Ф. 418. Ед. хр. 84).

"Мир заключен между Императором Французов и Императором России сегодня, 8 июля, в Тильзите и подписан князем Беневентским, министром иностранных дел Франции, и князьями Куракиным и Лобановым-Ростовским¹⁰ со стороны императора России", – говорится в этом объявлении.

К 1807 г. относится и рапорт маршала Бертье Наполеону о назначении командующего 13-й пехотной дивизией. В этом документе начальник Главного штаба предлагал императору три кандидатуры генералов на пост командующего 13-й дивизией, давая каждому из претендентов краткую характеристику с перечнем их боевых заслуг. Наполеон отличался, как известно, феноменальным знанием всего офицерского состава своей армии; что же касается генералитета, то он помнил не только каждого генерала в лицо, но и держал в голове богатейшую информацию о его службе, отличиях и боевых качествах. Трудно сказать, что заставило Наполеона не согласиться ни с одной из предложенных Бертье кандидатур, но на полях его рапорта император называет еще одну фамилию и пишет: "Назначить генерала Эжена Малева. Рамбуйе, 7 сентября 1807" (Ф. 137. Ед. хр. 1207. Л. 1). Эжен Малев, известный генерал, отличившийся еще при Маренго в 1800 г., был убит год спустя после своего нового назначения в Испании, под Вальядолидом.

К первому десятилетию относится и листок бумаги с отрывочными записями Наполеона из Мальмезона о красоте, браке и материнстве (возможно, в связи с подготовкой так называемого "Кодекса Наполеона") (Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 126–127).

Следующий документ подписан в канун *кампании 1812 г.* Это письмо генерала графа Андреосси с резолюцией Наполеона карандашом в левом верхнем углу (Париж, 9 мая 1812) (Ф. 418. Ед. хр. 85).

Два автографа относятся к периоду самой войны: это резолюции Наполеона, начертанные в 1812 г. в Москве. Первый документ характеризует начальный период пребывания наполеоновской армии в древней русской столице, куда она вторглась 14 сентября (2-го по ст. ст.). Это жалованная грамота, выданная "Императором Французов, Королем Италии, Протектором Рейнской конфедерации, Медиатором Швейцарской Конфедерации и проч. и проч." военному комиссару Королевства Обеих Сицилий Жану Антуану Бреа, подписанная "Наполеон" и заверенная статс-секретарем графом Дарю. На грамоте зачеркнуты напечатанные слова: "дано в нашем Императорском Дворце" и написано: "Императорская квартира. Москва, 21 сентября 1812" (Ф. 160. Ед. хр. 295. Л. 6).

Второй документ напоминает нам о последних днях пребывания Наполеона в Москве. Это его резолюция в виде буквы N на рапорте военного министра Кларка, герцога Фельтрского, об удовлетворении просьбы об отставке капитана 1-й роты жандармерии департамента Рима Борджиа (Ф. 160. Ед. хр. 290. Л. 6). Документ датирован 11 октября 1812 г., а 19 октября французы бежали из разрушенного пожаром города.

Шестью автографами представлена *кампания 1813 г. Германии*. Один из них датируется 10 апреля, когда Наполеон готовился нанести контрудар по успешно продвигавшимся на запад русским войскам. Это письмо Наполеона маршалу Мутону, графу Лобаускому, с просьбой сообщить имена 6 лучших бригадных генералов, способных командовать дивизиями, и 12 лучших полковников,

¹⁰ Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1760–1831), князь, русский государственный деятель.

способных командовать бригадами (Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 122). Как бы дополняет этот документ приказ от 13 апреля об обороне г. Эрфурта, написанный под диктовку Наполеона его адъютантом Бернаром, впоследствии военным министром Франции (Ф. 418. Ед. хр. 89. Л. 1–3).

Четыре документа касаются продовольственного снабжения наполеоновских войск.

Первый из них – это обстоятельный рапорт начальника Главного штаба маршала А. Бертье, датированный 29 марта 1813 г., т.е. началом так называемой весенней кампании. В письме говорится об организации продовольственного снабжения французских войск в Саксонии и Вестфалии. Бертье подчеркивал, что "это продовольственное снабжение рассчитано на армию в 80 000 человек с 20 000 лошадей сроком на 2 месяца". В левом верхнем углу – резолюция Наполеона: "Отправьте графу Дарю для подготовки отчета о деятельности администрации. Париж, 29 марта 1813" (Ф. 418. Ед. хр. 86. Л. 1).

Заключенное после взаимного истощения сил противников, в результате сражений при Люцене и Бауцене 4 июня Плесвицкое перемирие, действовавшее до 29 июля, преследовало главной целью подготовку войск к новым боям. Казалось бы, создавались благоприятные возможности для пополнения запасов продовольствия. Однако ситуация уже изменилась в невыгодную для Наполеона сторону. Помимо сплачивания антинаполеоновской коалиции (Россия, Пруссия, Австрия, Швеция), начиналась борьба немецкого народа против иноземных захватчиков. В этих условиях продовольствие добывалось труднее и труднее. Об этом свидетельствует рапорт императору, подписанный вице-королем Италии Евгением Богарне, который датирован "Милан, 27 июня 1813" (Ф. 418. Ед. хр. 86. Л. 2–3). В соответствии с полученным приказом Наполеона об организации заготовок риса для "Великой армии" и о присылке заготовленного в Дрезден, в окрестностях которого эта армия располагалась, вице-король отправил первую партию риса, 5 тыс. ц, из Милана в Аугсбург, но встретил затруднения с ее доставкой в Дрезден.

Как бы продолжает эту тему письмо кригскомиссара барона Штрауха маршалу Бертье о препятствиях реквизициям в княжестве Рейс-Штрелиц, не имеющем, по мнению Штрауха, "достаточных запасов, чтобы обеспечить всем необходимым войска вместе с лошадьми" (письмо датировано 14 июля) (Ф. 418. Ед. хр. 86. Л. 4–5). На обоих документах в левом верхнем углу – резолюции Наполеона, в которых он вновь обращается к Дарю о подготовке соответствующих распоряжений для упорядочения доставки провианта.

Следующий документ – рапорт самого Дарю, генерального интенданта "Великой армии", в котором говорилось о том, что в г. Веймаре находятся запасы муки (2500 ц), реквизированной на нужды "Великой армии". В связи с нехваткой транспорта для доставки этих запасов в Дрезден Дарю предлагал "использовать для этой операции часть гвардейских артиллерийских повозок: в этом виде транспорта не будет нужды в течение более чем 12 дней". Рапорт датирован 17 июля, а через день в левом верхнем углу Наполеон написал характерную для себя резолюцию: "Лучше было бы заранее подумать об использовании гвардейских повозок для пополнения магазинов". И сделал своей рукой не менее характерный арифметический подсчет: "Из расчета 15 центнеров на телегу потребуется 166 повозок" (Ф. 418. Ед. хр. 86. Л. 5).

К 1813 г. относится и грамота Наполеона полицейскому инспектору в Неаполе Андреа Ревелло (аналогичная грамоте 1812 г.), данная в императорском дворце в Сен-Клу 14 апреля и подписанная императором и герцогом де Кадор (Шампанья) (Ф. 407. Ед. хр. 69. Л. 1).

Последний этап жизни Наполеона – остров Святой Елены. Перед нами документ, значение которого трудно переоценить. В отличие от предыдущих он

целиком написан рукой Наполеона. Это заметки, сделанные карандашом, на книгу известного английского генерала и политического деятеля Р. Вильсона (в 1812 г. он находился при М.И. Кутузове в качестве представителя английского командования) "Очерки военного могущества России". Книга Вильсона вышла в свет в 1817 г., что позволяет датировать заметки примерно 1818–1820 гг. На листе бумаги – сделанный Наполеоном рисунок (справа) и текст. Он написан почерком, который до конца не удалось разобрать даже известному военному историку А. Жомини, назначенному по просьбе герцога Бассана экспертом по расшифровке заметок Наполеона (записка Жомини с расшифровкой заметок Наполеона и примечаниями к ним прилагаются). Глядя на этот документ, невольно вспоминаешь слова Ипполита Тэна:

"Нельзя себе представить, чтобы мысль могла нестись так неудержимо, как у него. Его почерк, когда он пытается писать сам, – это какой-то набор значков, несвязанных и непонятных, половины букв не хватает; когда он перечитывает свою рукопись, он и сам ничего не может разобрать. В конце концов он почти не способен написать письмо своей рукой, да и сама подпись его превращается в какие-то каракули..."¹¹

Мысленно возвращаясь к роковой для него кампании 1812 г., Наполеон составил своеобразный конспект по истории военных действий между Россией и Францией, начиная с Итальянского похода Суворова 1799 г. Выписаны данные о численности русских войск в различных войнах, предшествовавших Отечественной войне 1812 г., – русско-пруско-французской 1806–1807 гг., русско-иранской 1804–1813 гг., русско-турецкой 1806–1812 гг., русско-шведской 1808–1809 гг. Что же касается самой войны 1812 г., то Наполеон обращал особое внимание на потери русских войск: "У Кутузова в начале отступления¹² было 120 тыс., а к границам Герцогства Варшавского пришло лишь 35 тыс. ... Губительное последствие климата для русских было таково, что из 10 000 прибывших в Вильно недосчитывались 1500". А всего "200 000 русских погибло в кампании 1812". Упоминаются сражения при Тарутине, Вязьме, Красном, Березине, вместе с тем не упомянуты ни Смоленск, ни Малоярославец и даже Бородино. Завершаются заметки данными о сражениях 1813–1814 гг., кончая штурмом Монмартра (Ф. 419. Ед. хр. 87. Л. 1–1 об.).

Последним автографом Наполеона с о-ва Св. Елены является еще один конспект труда по военным вопросам – книга генерала Ж. Ронья "Рассуждение о военном искусстве" (1816). Конспект был послан Наполеоном графу Г.В. Орлову через своего адъютанта Ш. Монтолона. Монтолон писал своей жене: "При сем приложена, мадам, страница моего труда, написанного в Лонгвуде. То, что написано чернилами – это мой почерк. То, что написано карандашом – это почерк Императора..." (Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 124).

Почерк Наполеона с трудом поддается расшифровке. Все же удалось разобрать отдельные строки, которые интересны для характеристики его как стратега и тактика.

Известно, что Наполеон считал наступление основным видом боя, решающим способом достижения победы. В этом отношении обращают на себя внимание его рассуждения о характере наступательного стратегического маневра.

"Когда ведется наступление, – писал он, – необходимо, чтобы армия, входящая в страну, укрепила бы свои позиции крепостями, где она могла бы сосредоточить обозы, госпитали, магазины. Второй рубеж составляют резервная армия и стратегические базы". Возражая против мнения о том, что "большие

¹¹ Тэн И. Наполеон. М., 1912. С. 52.

¹² Имелось в виду отступление наполеоновской армии из России.

армии не могут идти одной колонной", он полагал, что "это столь общее правило неверно: бывают случаи, когда армия должна идти одной колонной, хотя порой она должна выступать несколькими колоннами". При этом "нужен авангард, состоящий из легкой кавалерии, тяжелой кавалерии, отборной пехоты, способный завязать бой до прибытия главных сил армии. Но следует опасаться, чтобы этот авангард не был атакован, прежде чем армия будет в состоянии его подержать".

Наполеон подчеркивал, что, "когда армия совершает марш-маневр, она не должна быть обременена ни багажом, ничем ненужным, тем более если предположить, что ей придется по пути преодолевать озера, болота и теснины... Расстояние, на котором должны находиться друг от друга корпуса армии, зависит от характера местности, обстоятельств и поставленной перед ними задачи".

Особое внимание он уделял "идее главнокомандующего всеми войсками данного государства", указывая на то, что "единоначалие – первая необходимость на войне. Нужно держать в своих руках командование" и не переоценивать того обстоятельства, если "неприятель изменяет свои первоначальные замыслы", ибо "иногда неудача неожиданно приводит к успеху, а иногда успех по капризу фортуны оканчивается неудачей". Продолжая рассуждать о фортуне, Наполеон довольно откровенно говорит, что, "сохраняя свои запасы, следует использовать всякую возможность пополнить запасы за счет побежденной страны, поскольку фортуна – это женщина: кто упускает возможность, тот больше ее не получит" (Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 128–129).

Автографы *семьи Наполеона* насчитывают свыше ста документов. Открывают этот раздел автографы *Жозефины*, по первому браку Богарне, в девичестве Розы Жозефины Таше де ла Пажери. Первые документы, относящиеся к концу 1790-х годов, подписаны "гражданкой Лапажери-Бонапарт", остальные – императрицей Жозефиной¹³.

Довольно значительным является собрание (20 документов) автографов *Евгения Богарне*, пасынка Наполеона, вице-короля Италии в 1805–1814 гг. Среди этих документов, подписанных "Евгений Наполеон" (он был усыновлен Наполеоном Бонапартом), выделяются письма Евгения Богарне 1812 г., когда он командовал IV корпусом наполеоновской армии, вторгшейся в Россию.

Прежде всего отметим 5 отношений командиру VI корпуса Гуввиону Сен-Сиру: о подготовке к войне, о дислокации французских войск в Польше вдоль границы с Россией накануне войны, об их снабжении провиантом и переходе с кантонир-квартир на биваки (16 мая – 17 июня)¹⁴. Чрезвычайно интересно письмо Евгения Богарне графу Лавалетту – политическому деятелю, близко стоявшему к Наполеону (он был женат на двоюродной сестре Евгения Богарне Эмилии Луизе)¹⁵. Письмо написано 19 июня 1812 г., т.е. за пять дней до начала войны (Ф. 418. Ед. хр. 93. Л. 16). В нем точно указано время перехода через Неман (говорится, что "события должны начаться через 4–5 дней") и выражается уверенность, что "император должен управиться так быстро, что зимою мы будем вновь здесь", т.е. в Милане, где находилась резиденция вице-короля Италии. Действительно, Евгений Богарне вернулся зимой в Милан, но не победителем. Его корпус в России постигла участь всей "Великой армии", о чем свидетельствует документ, написанный во время бегства французов, уже после

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 92. Л. 1–2; Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 139, 141, 140.

¹⁴ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 93. Л. 7–14.

¹⁵ В собрании ГИМ имеется также семь автографов самого Лавалетта, в том числе его интересное письмо Роберту Вильсону. См.: Там же. Ед. хр. 284. Л. 1–8.

переправы через Березину: приказ Богарне помощнику французского коменданта г. Молодечно от 1 декабря 1812 г. (Ф. 418. Ед. хр. 93. Л. 15). Все эти письма написаны на бумаге с водяным знаком, изображающим профиль Наполеона с надписью: "Наполеон, Император Французов и Король Италии".

Мы уже упоминали о письме Евгения Богарне Наполеону от 14 июля 1813 г. Говоря о войне в Германии, можно отметить также его письма генералам Виньола (2 сентября 1813 г.) и Гренье (22 ноября 1813 г.), в которых рассказывается о наступлении войск антинаполеоновской коалиции в ходе осенней кампании 1813 г. в Силезии и о военных действиях в самой Италии (Ф. 418. Ед. хр. 93. Л. 18–19).

В собрании Отдела письменных источников представлены письма второй жены Наполеона Марии Луизы, в том числе список гостей, приглашенных к обеду в Фонтенбло¹⁶. Подобные списки она должна была вести ежедневно по приказу своего мужа. Есть и записки лирического характера, сделанные их сыном, так называемым Наполеоном II, жившим после низложения с трона его отца в Вене под именем герцога Рейхштадтского и умершим от туберкулеза в возрасте 21 года (эти записки сделаны незадолго до его смерти) (Ф. 418. Ед. хр. 96).

Интересен раздел автографов братьев Наполеона. 12 автографов принадлежат его страшему брату *Жозефу*. Среди них его письмо знаменитой писательнице Анне Луизе Жермене Сталь фон Гольштейн (от 21 апреля 1801 г.), которая через два года была изгнана его братом из Франции; приказы, подписанные Жозефом Бонапартом, командующим французской армией в Италии в 1805–1806 гг.; рескрипты Жозефа, ставшего в 1808 г. испанским королем, и, наконец, письма "Жозефа графа Сюрвиле" (под этим именем он с 1815 г. жил в эмиграции, сначала в Америке, а затем в Англии и Италии)¹⁷.

Отметим автографы младших братьев Наполеона. Обращают на себя внимание два автографа *Люсьена Бонапарта*, относящиеся к тому времени, когда он сыграл большую роль в установлении диктатуры своего старшего брата, который после переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) стал первым консулом Франции (Ф. 418. Ед. хр. 99. Л. 1). Люсьен был назначен министром внутренних дел и именно в этом качестве подписал один из упомянутых документов, который датирован 7 нивоза 8-го года Республики, т.е. 28 декабря. Другой документ – извлечение из протоколов совещаний консулов Республики, заверенное им и государственным секретарем Гюгом Маре 19 плувיוза того же, 8-го года Республики (7 февраля 1800 г.) (Там же. Л. 2). Вскоре, однако, Наполеон поссорился с Люсьеном, и он в отличие от других братьев не получил никакой европейской короны, довольствуясь титулом "князь Канино". Именно так были подписаны остальные его документы¹⁸.

В альбоме представлено несколько автографов *Луи Бонапарта*, начиная с 1806 г., когда он стал королем Голландии, и кончая написанным незадолго до смерти, в 1843 г., письмом графу Сергею Семеновичу Уварову, президенту Академии наук и министру народного просвещения России¹⁹. Имеются и автографы его жены Гортензии, урожденной Богарне (сестры Евгения)²⁰, на которой его насильно женил Наполеон. Вскоре после отречения последнего она

¹⁶ Там же. Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 142–144; Ф. 213. Ед. хр. 32; Ф. 418. Ед. хр. 95. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 152–153, 150–151; Ф. 418. Ед. хр. 98. Л. 1–11; Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 145, 147–149.

¹⁸ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 99; Ф. 137. Ед. хр. 1207. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 100; Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 157; Ф. 213. Ед. хр. 22. Л. 1–4; Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 297.

²⁰ Хранятся также автографы еще одной сестры Евгения Богарне – Стефании. См.: Там же. Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 158–159; Ед. хр. 1. Л. 203, 205–206; Ф. 418. Ед. хр. 94, 100; Ф. 213. Ед. хр. 37, 22.

получила титул герцогини де Сен-Ле и развелась со своим мужем. Сохранились шесть писем за 1820–1830-е годы, подписанные "герцогиня де Сен-Ле". Есть и автограф их сына будущего Наполеона III (Ф. 407. Ед. хр. 88. Л. 1).

Значительный период времени охватывают автографы *Жерома Бонапарта*, самого младшего из братьев. Первые документы относятся к началу XIX в., когда Жером был посажен своим старшим братом на престол в качестве короля Вестфальского, последний – к 1850-м годам, когда Наполеон III сделал своего престарелого дядю маршалом Франции²¹.

Имеются также письма *сестер Наполеона* – Анны Элизы, великой герцогини Тосканской; Полины (Паолетты), принцессы Боргезской, и ее второго мужа Камилла Боргезе и, наконец, Каролины²².

Среди автографов (10 документов) мужа Каролины – *Иоахима Мюрата*: свідетельство об отставке бригадного генерала А. Коссинского, уроженца Литвы, служившего в Итальянской республиканской армии в дивизии Яна Домбровского (25 апреля 1803 г.), подписанное генералом Мюратам, в тот период главнокомандующим французских войск в Италии (на бланке Итальянской республики, с оригинальным обрамлением и рядом подписей других генералов Франции и Италии); письмо того же года известному живописцу Изабэ о заказе портрета, несколько писем Мюрата, ставшего с 1808 г. королем Неаполя (подписаны "Иоахим Наполеон")²³.

Представлены и автографы дяди Наполеона – кардинала Жозефа (Джузеппе) Феша на французском и итальянском языках и двоюродного брата Наполеона генерала Арриги, герцога Падуанского²⁴.

(Продолжение следует)

А.А. Кац

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ЦМАМ*

ЦМАМ (до 1993 г. ЦГАОРСС г. Москвы), хранящий документы по истории столицы послеоктябрьского периода, образован в 1976 г. Целенаправленная работа по его комплектованию документами личного происхождения ведется с 1977 г. На 1 января 1992 г. они насчитывали 138 фондов и 3 архивные коллекции, 12 957 описанных дел¹.

Личные архивные фонды составляют весьма специфическую группу исторических источников. Документы личного происхождения, являясь неповторимым свидетельством истории социальной психологии своей эпохи, важным источником ретроспективной информации, имеют самостоятельное научное и культурное значение и в то же время существенно дополняют делопроизводственную

²¹ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 101. Л. 56–65; Ф. 137. Ед. хр. 1207. Л. 3.

²² Там же. Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 166–168 об.; Ф. 137. Ед. хр. 1207. Л. 5; Ф. 213. Ед. хр. 22; Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 178, 164–166.

²³ Там же. Ф. 166. Ед. хр. 13. Л. 124, 128, 160–164; Ф. 418. Ед. хр. 104. Л. 1–5; Ф. 137. Ед. хр. 1207. Л. 4.

²⁴ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 105. Л. 1–3; Ф. 166. Ед. хр. 7. Л. 48; Ф. 418. Ед. хр. 106. Л. 1–2.

* © А.А. Кац.

¹ Настоящий обзор охватывает фонды, поступившие в архив в 1977–1991 гг. Количественные и другие данные приводятся по состоянию на 1 января 1992 г.

документацию, преобладающую в государственных архивах². Одна из таких специфических особенностей – проблема типологии личных фондов. В частности, анализируя конкретный комплекс фондов, трудно выделить в нем четко определенные номинальные группы. При общепринятом разделении по составу фондообразователей вызывает споры вопрос, какой род занятий лица-фондообразователя считать основным, если он совмещал в своей жизни разные виды деятельности (научную, общественную и т.д.).

На состав фондообразователей рассматриваемого нами собрания личных фондов повлиял своеобразный статус архива. Как комплектуемый городской архив, он осуществляет хранение документов ГАФ послеоктябрьского периода местного значения и в то же время является архивом столицы СССР (до ликвидации Союза в декабре 1991 г.) и Российской Федерации. Последнее обстоятельство позволяет значительно расширить поиск возможных фондообразователей при комплектовании архива личными фондами. В то же время поиск ограничивает наличие в Москве сети федеральных архивов, бывших центральных государственных архивов СССР, Архива РАН, ОР РГБ и других хранилищ, имеющих бóльший опыт по собиранию документов личного происхождения и более престижных в глазах многих владельцев личных фондов.

В целом же круг фондообразователей во многом отражает многопрофильный состав делопроизводственной документации, поступавшей на хранение в архив из Моссовета, Мосгорисполкома (до образования в 1991 г. мэрии и правительства Москвы) и их структурных частей, московских предприятий, учебных заведений, учреждений науки и культуры и общественных организаций. При выборе возможных фондообразователей архив ориентировался прежде всего на лиц, связанных своей основной деятельностью с этими учреждениями и организациями (большой частью это были фонды представителей профессорско-преподавательского состава московских вузов). В соответствии с официальными установками в конце 70-х – начале 80-х годов приоритет отдавался собиранию личных архивов участников Октябрьской революции, Великой Отечественной войны и передовиков производства.

Еще одна особенность фондов личного происхождения – условность их соотнесения с конкретными периодами политической истории. Так, зачастую весьма условно было разделение личных фондов на "советские" и "дооктябрьские". Среди первых есть немало таких, в которых отложились и документы предреволюционной эпохи, отражающие историю становления и активной деятельности той или иной личности.

Личные фонды, хранящиеся в ЦМАМ, по составу фондообразователей, на взгляд автора, можно разделить на четыре группы с учетом того, какая сторона деятельности фондообразователя в наибольшей степени отражена в документах: 1) фонды государственных и общественных деятелей; 2) фонды деятелей науки, специалистов народного хозяйства и социально-культурного строительства; 3) фонды деятелей литературы и искусства; 4) фонды ветеранов вооруженных сил. Основу четвертой группы, помимо нескольких личных фондов, составила собранная на протяжении 1980-х годов коллекция документов участников Великой Отечественной войны³, в которую вошли фронтовые письма, оригиналы и копии личных документов ветеранов войны, их воспоминания.

К сожалению, столь разнообразный по составу фондообразователей и документов комплекс фондов личного происхождения еще мало известен исследователям и недостаточно разработан. Краткое упоминание о нем есть лишь в

² Дмитриев С.С. Личные архивные фонды: Виды и значение их исторических источников // ВА. 1965. № 3. С. 48.

³ ЦМАМ. Ф. 3026. Далее сноски на документы архива даются в тексте.

справочнике "Государственные архивы СССР"⁴. В подготовленном архивом путеводителе приводится и список личных фондов. Однако вопрос о публикации путеводителя остается открытым, а между тем на хранение поступают новые материалы, сведения о которых в этот список не попали.

Краткую информацию о собрании личных фондов архива можно найти в учебном пособии Е.М. Буровой и Л.Г. Сырченко⁵. Авторы называют наиболее значимые, на их взгляд, фонды. Но эта работа вышла в свет, когда многие примечательные по составу документов фонды (историков-архивистов И.Л. Маяковского и М.С. Вишневого, музыкального педагога С.Д. Рудневой, писателя Н.И. Кочина, публициста и философа В.М. Шулятикова, видного советского государственного деятеля М.С. Богуславского и др.) еще не были переданы на государственное хранение или не прошли научно-технической обработки. За последние годы опубликованы немногочисленные обзоры личных фондов, подготовленные иногда до поступления их в наш архив⁶.

В данной статье рассматриваются источники политической истории нашей страны, отложившиеся в личных фондах государственных и общественных деятелей. Видимо, нет смысла доказывать, что исследование политологического характера не может быть достаточно объективным, если оно не опирается на архивные документы, в том числе и на материалы личных архивных фондов активных участников событий. Среди личных фондов архива к таковым можно отнести, на взгляд автора, 22 фонда государственных и партийных деятелей, участников революционного движения, старых большевиков (к этой категории фондообразователей обычно относят лиц, проявивших себя в разных видах государственной, хозяйственной, научной деятельности, но объединенных прежде всего присутствием в их личных архивах материалов на историко-революционную и историко-партийную тематику). В настоящем обзоре уделяется внимание только наиболее ценным или наиболее типичным по составу документов фондам.

Фонды личного происхождения привлекают внимание исследователей источниками, которые являются непосредственно памятниками изучаемой ими эпохи (личные документы и документы служебной деятельности фондообразователя, переписка, фотографии и др.), а также источниками мемуарного характера. В этом отношении взаимно дополняют друг друга личные фонды Михаила Соломоновича Богуславского (1876–1937) (Ф. 3069), видного советского государственного и партийного деятеля первых послереволюционных лет (в 1922–1924 гг. заместителя председателя Моссовета, в 1924–1927 гг. председателя Малого Совнаркома РСФСР)⁷, и Ивана Яковлевича Врачева⁸ (род. 1898), активного участника Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны (Ф. 3070). Эти фонды поступили в архив в 1988 г. от самого И.Я. Врачева и его жены Ревекки Михайловны Богуславской – дочери М.С. Богуславского.

⁴ Государственные архивы СССР: Справочник. М., 1989. Ч. 1. С. 316.

⁵ Бурова Е.М., Сырченко Л.Г. Комплектование государственных архивов СССР фондами личного происхождения. М., 1987.

⁶ Лучкова В.В. Документы личного архива И.Л. Маяковского в Московском государственном историко-архивном институте // АЕ за 1980 г. М., 1981; Довгалло Г.И. Документы личного архива Е.Н. Ошаниной // АЕ за 1989 г. М., 1990; Кац А.А. Личные архивные фонды участников революционного движения в ЦГАОРСС г. Москвы // Архивы СССР: История и современность: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1989; Ребкало В.М. Обзор документов личного фонда учительницы В.А. Гусевой // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР: Сб. науч. студ. ст. М., 1990.

⁷ Автобиографию М.С. Богуславского см.: Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 364–367 (репринт. изд.).

⁸ О нем см.: Ненароков А. У времени в плену // Возвращенные имена: Сб. публ. ст., 1989. Кн. 1.

Архивистам, общавшимся с держателями личных фондов, известно, как порой неохотно они отдают свои документы в архив, даже понимая важность этого шага: для них сохранные документы дороги прежде всего как память о собственном прошлом, прошлом их близких. В то же время не переданные в архив документы могут навсегда исчезнуть из поля зрения специалистов. Такая проблема этического характера нередко встает перед сотрудниками архивов, и нелегко бывает убедить владельцев документов передать их на государственное хранение. Разумеется, при этом надо постараться проявить максимум такта и внимания.

Так, И.Я. Врачев и Р.М. Богуславская в мае 1988 г. были приглашены на встречу с сотрудниками архива, и им были переданы из фонда Комиссии по делам бывших дружинников 1905 г., красногвардейцев и красных партизан Бауманского района (Ф. 2184) копии личных дел И.Я. Врачева (Д. 348) и М.С. Богуславского (Д. 209). Такие комиссии, существовавшие при местных Советах с ноября 1935 г., занимались учетом и оказанием помощи с предоставлением льгот участникам трех российских революций и гражданской войны, привлекали их к различным агитационно-массовым мероприятиям по месту жительства⁹. Личное дело Врачева датировано 1932–1935 гг., а Богуславского – 1931–1935 гг. В делах имеются анкеты-заявления с резолюциями председателя районной комиссии, личные фотографии, автобиографии (в личном деле Врачева – заверенная копия автобиографии, написанной им в ноябре 1920 г. и дополненной в 1927 г.), рекомендации старых членов ВКП(б), подтверждающие участие рекомендуемых в революционных событиях и гражданской войне, другие документы или их копии (в личном деле Врачева есть, например, копия его учетно-военского билета). Сведения, содержащиеся в этих делах, существенно дополняют информацию, которая содержится в личных фондах Богуславского и Врачева.

Без преувеличения можно сказать, что личный фонд М.С. Богуславского является уникальным как архив крупного советского государственного деятеля, осужденного по одному из громких сфальсифицированных политических процессов 1937 г., оставшихся в истории как бы символами сталинского произвола, – процессу "антисоветского троцкистского центра" (процесс Пятакова – Радека). Многие документы личного архива Богуславского, а том числе большая часть его переписки, до нас не дошли. Однако благодаря самоотверженности Р.М. Богуславской, спрятавшей накануне своего ареста в 1937 г. часть архива отца, были сохранены ценнейшие материалы.

В фонде насчитывается 47 дел за 1911–1988 гг. Преобладают документы о работе Богуславского в различных государственных, партийных и профсоюзных организациях. Это, в частности, удостоверения члена исполкома и президиума Моссовета, заместителя председателя Моссовета за подписью Л.Б. Каменева, удостоверения члена и председателя Малого Совнаркома за подписями Л.Б. Каменева и А.И. Рыкова (Ф. 3069. Оп. 1. Д. 26, 28); удостоверения председателя исполкома Кременчугского Совета (Д. 11); билеты делегата VII, IX–XIII Всероссийских съездов Советов (Д. 18); XII, XIV съездов и XIV конференции РКП(б) (Д. 29); выписка из приказа по 1-й Украинской советской кавалерийской дивизии от 25 мая 1919 г. о действиях Кременчугского Совета и его председателя М.С. Богуславского во время подавления мятежа Григорьева с резолюцией командующего Харьковским военным округом К.Е. Ворошилова (Д. 12)¹⁰. Кроме

⁹ О работе комиссий см.: *Мазин К.А., Федуллин А.А.* Фонд Московской областной комиссии по делам бывших дружинников, красногвардейцев и красных партизан // ВИ КПСС. 1990. № 2.

¹⁰ В красногвардейском деле М.С. Богуславского имеется копия документа. См.: Ф. 3069. Оп. 1. Д. 209. Л. 3 об.

того, в фонде имеется ряд документов, удостоверяющих работу Богуславского во ВЦИК, ВУЦИК, СНК УССР, политуправлении РВСР, президиуме ВЦСПС, МК РКП(б) и других руководящих органах в 1918–1927 гг., подписанных М.И. Калининым, А.С. Енукидзе, Г.И. Петровским, Х.Г. Раковским и М.П. Томским (Д. 9, 10, 14, 15, 17, 19, 23). Все названные выше документы – подлинники.

Выразительным свидетельством времен гражданской войны является также удостоверение, выданное малолетней сестре Богуславского, Елизавете, Всеукраинским ЦИК и секретарем ВЦИК А. Енукидзе 15 ноября 1919 г. об оказании ей всемерного содействия "как в деле воспитания и обучения ее, так и в других ее нуждах" после расстрела григорьевцами отца Елизаветы и Михаила Богуславских (Д. 39). Еще одна сохранившаяся реликвия – почетная грамота, выданная М.С. Богуславскому Центральной комиссией по ликвидации последствий голода при ВЦИК, возглавляемой М.И. Калининым, в октябре 1923 г. (Д. 31) за доставку из Англии в Москву 4,5 млн пудов хлеба.

Среди других материалов фонда можно отметить машинописные экземпляры статей Богуславского о работе городского хозяйства Москвы, написанные в пору его работы на посту заместителя председателя Моссовета (Д. 1–5); машинописную копию письма Богуславского Сталину, датируемого декабрем 1931 г., с просьбой о переводе на работу в аппарат НКПС (Д. 36) из Западно-Сибирского краевого планового управления, куда он был направлен в 1928 г. после исключения из ВКП(б) за принадлежность к левой оппозиции; фотографии фондообразователя в разные периоды его жизни (Д. 47).

В фонд вошли также свидетельства о государственной и партийной работе М.С. Богуславского, полученные его дочерью, хлопотавшей о посмертной реабилитации отца, в 1957–1958 гг. от Г.И. Петровского и Е.Д. Стасовой (Д. 42–43); воспоминания Р.М. Богуславской об отце и его близком соратнике, видном деятеле большевистской партии, активном участнике левой оппозиции Н.И. Муралове (Д. 45).

Следует упомянуть также о новых поступлениях в фонд в мае 1990 г., еще не сформированных в дела. Это фотографии М.С. Богуславского 1920-х годов; его письма детям – Адольфу и Ревекке (1927 г.); несколько характерных для эпохи гражданской войны служебных удостоверений – мандат, выданный Гомельским губернским комиссаром 3 сентября 1919 г. секретарю ВУЦИК Богуславскому на право пользования всеми городскими телеграфными и телефонными прямыми проводами для служебных переговоров, удостоверение на право ношения и хранения маузера за подписью председателя московского ЧК В.Н. Манцева и др.

В фонде И.Я. Врачева основную часть материалов составляют очерки историко-партийного характера о событиях, в которых он принимал непосредственное участие¹¹: обсуждение на заседании ВЦИК 23 февраля 1918 г. вопроса о подписании Брестского мира, работа комиссии по переезду советского правительства из Петрограда в Москву, I съезд Советов СССР; воспоминания о видных большевиках, соратниках Врачева, с которыми его связывали не только личная дружба и совместная работа, но и активное участие в левой оппозиции: Н.И. Муралове, М.С. Богуславском и Л.П. Серебрякове. Врачев передал в архив воспоминания о Я.М. Свердлове, которого он знал лично, будучи на III и IV Всероссийских съездах Советов избранным членом ВЦИК и работая в возглавляемой Свердловым комиссией по переезду правительства в Москву; об А.И. Микояне, под началом которого он работал в Наркомате снабжения уже после отхода от оппозиции; статью "Сталин, каким я его знал", в которой автор делится своими воспоминаниями о встречах со Сталиным в 1919–1932 гг.

¹¹ Фонд регулярно пополняется самим фондообразователем, и еще не проходил научно-технической обработки, поэтому поисковые данные дел не приводятся.

Эти воспоминания написаны Врачевым большей частью в перестроечное время – в 1987–1990 гг. Одно из немногих исключений – авторская копия письма И.Я. Врачева историку Зоре Леонидовне Серебряковой о судьбе ее отца, Леонида Петровича Серебрякова. Это не просто воспоминания, а целое исследование о событиях 1920–1930 гг. Написано оно было в апреле 1978 г., когда затронутых в нем тем – внутрипартийных дискуссий 1920-х годов и политических процессов над соратниками В.И. Ленина – открыто касаться нельзя было, и автор письма-воспоминания не надеялся тогда, что приведенные им факты будут оглашены при его жизни. В настоящее время, передавая письмо в архив, Врачев сопроводил его запиской, где, в частности, говорится: "В том же письме я сообщил имеющиеся у меня данные, полученные от А.И. Тодорского, о гибели руководящего командно-политического состава Красной Армии. В то время эти данные не были широко известны. Позднее я передал их доктору исторических наук В.Д. Поликарпову, и он опубликовал их в 1988 г. С тех пор этими данными начали пользоваться и другие историки и публицисты.

Теперь, в пору демократии и гласности, мое письмо З.Л. Серебряковой перестало быть секретным... И все же, по моему представлению, указанное письмо не лишено исторического значения, что и побудило меня передать в ЦГАОРСС авторскую копию этого письма".

Подлинных документов революционной эпохи и времени своей активной государственной, военной и хозяйственной деятельности Ивану Яковлевичу сохранить не удалось – он трижды был репрессирован (последний раз был арестован и осужден в 1949 г. "как бывший троцкист", реабилитирован в 1956 г.). Писать мемуары Врачев начал вскоре после реабилитации, но существовавшие до недавнего времени многочисленные идеологические табу, в том числе и табу на его собственное имя (достаточно сказать, что его как активного члена левой оппозиции, подписавшего в мае 1927 г. программный документ оппозиции – "платформу 83-х", дважды – в 1927 и 1936 гг. – исключали из рядов ВКП(б), и даже после реабилитации он не был восстановлен в партии), препятствовали появлению этих мемуаров в печати, да и сужали круг затрагиваемых в них тем и имен. И только в последние годы стали появляться такие публикации, в том числе полностью или во фрагментах были опубликованы некоторые из воспоминаний, переданных И.Я. Врачевым на хранение в ЦМАМ¹².

Источники мемуарного характера, разумеется, в той или иной степени, несут на себе оттенок субъективности. Многое за столько лет уже трудно восстановить в памяти, даже если, как это делает Врачев, постоянно изучать историческую литературу и наводить архивные справки об ушедших событиях. В то же время личностное отношение активного участника событий является одним из главных достоинств мемуаров. Именно это привлекает к воспоминаниям интерес читателей, а для исследователей является ценным дополнением к беспристрастным в большинстве документов государственных учреждений.

В качестве примера можно назвать переданную в архив копию стенограммы магнитофонной записи интервью корреспондента газеты "Таймс оф Индия" Д. Мурарки у И.Я. Врачева и Р.М. Богуславской в апреле 1989 г., заверенную и правленную Врачевым. Это интервью представляет собой довольно крупные по объему (76 маш. л.) воспоминания Врачева, в том числе о таких исторических деятелях, как Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, К.Б. Радек, а также рассказ Р.М. Богуславской об отце, о годах, проведенных ею в сталинских лагерях, о том, как сложилась ее судьба после реабилитации.

К концу 1991 г. в личном фонде И.Я. Врачева насчитывалось уже около

¹² Врачев И.Я. Ночь в Таврическом дворце // Знамя. 1988. № 11; Он же. Два слова о Дзержинском // ВИ. 1989. № 4; Он же. Памяти Муралова // Николай Муралов / Сост. Н.С. Полешук. М., 1990.

50 дел, и он постоянно пополняется, в том числе и стенограммами публичных выступлений Врачева. Так, в 1990–1991 гг. в архив поступили воспоминания о работе X и XII съездов РКП(б), а также тексты подготовленных на их основе докладов Ивана Яковлевича на международном симпозиуме по теме "Историческая правда о 1920–1930-х годах в СССР". Симпозиум, приуроченный к 50-летию со дня гибели Л.Д. Троцкого, состоялся в Лондоне 23–27 апреля 1990 г. и продолжил свои чтения осенью того же года в Афинах, Барселоне и Лондоне.

Материалы фонда И.Я. Врачева – одного из активных участников создания советского государства (в том числе и подписания Декларации и Договора об образовании СССР в качестве члена делегации ЗСФСР на I съезде Советов СССР) – позволяют ознакомиться со свидетельствами и оценками как минувшего, так и событий сегодняшнего дня. Вместе с материалами фонда Богуславского они составляют как бы единый документальный комплекс, в котором реликвии 70-летней давности и воспоминания об этой эпохе, написанные в наши дни, взаимно дополняют друг друга.

Личный фонд члена историко-литературного объединения старых большевиков при ИМЛ Виктора Еремеевича Баранченко (1892–1980) (Ф. 2892) интересен прежде всего мемуарными источниками. В фонде насчитывается 36 дел за 1907–1980 гг. Помимо небольшой группы личных документов фондообразователя 1938–1980 гг. и его фотографий 1918–1979 гг., основная часть представленных в нем материалов – воспоминания Баранченко о работе в крымском подполье в 1918–1919 гг. (Д. 5), в ВСНХ СССР (в 1925–1929 гг. он был заведующим консервной промышленностью Главсельпрома ВСНХ СССР) (Д. 12), трехтомная рукопись автобиографических воспоминаний "Минувшее" (Д. 9–11), где, в частности, рассказывается о его участии в революционных событиях 1905–1907 и 1917 гг. в Бессарабии, в одесском подполье в 1919 г. и др.

Среди других материалов фонда выделяется 5-томная рукопись "Жизнь и гибель Фаины Ставской (памятные записки)" (Д. 13–17), которую Баранченко посвятил трагической судьбе своей жены – видной революционерки Фаины Ефремовны Ставской (1890–1942). В этой работе своеобразно сочетаются мемуары и историческое исследование, написанное на основе архивных источников (в основном документов ГАРФ) и воспоминаний старых большевиков, соратников Ставской.

Ф.Е. Ставская, с ранней юности ставшая революционеркой, в 1907 г. как анархо-коммунистка за участие в террористической деятельности была осуждена на 20 лет каторги. Она вышла из заключения уже после Февраля 1917 г., поселилась в Крыму и до 1922 г. не входила ни в одну политическую партию. Как человек, близко знакомый со многими видными социалистами-революционерами, она была привлечена в качестве обвиняемой на процессе правых эсеров; в том же 1922 г. она вступила в РКП(б). В 1924–1929 гг. Ставская работала в ВСНХ СССР, впоследствии в Государственном Историческом музее, была секретарем партбюро и заведовала Исторической библиотекой при музее. В 1937 г. она была арестована органами НКВД, а официальная дата ее гибели, согласно выданному Баранченко в 1956 г. Советским райбюро загс г. Москвы свидетельству о смерти, – 13 ноября 1942 г. (Д. 35. Л. 5). В 1957 г. Фаина Ставская была посмертно реабилитирована и восстановлена в рядах КПСС¹³.

"Памятные записки", созданные автором в 1957–1961 гг., представляют собой подробное жизнеописание Ставской (объем рукописи около 2000 маш. л.) на фоне той социально-политической среды, которая окружала ее в течение жизни. Оригинален сам способ изложения: события передаются как бы глазами Став-

¹³ В фонде отложились документы о реабилитации Ф.Е. Ставской (Д. 27) и ее фотографии 1907–1918 гг. (Д. 36).

ской. Автор стремился показать этим, что он пытается воссоздать ее дневники, изъятые при аресте в 1937 г.: "Все, что нам запомнилось из ее дневников, учтено в этих памятных записках", – пишет Баранченко, предваряя свой труд (Д. 13. Л. 1). По его же признанию, это жизнеописание "само собою... вылилось в жизнеописание многих самоотверженных борцов революции, в отрывочную историю моего современника" (Там же).

И действительно, описываемые события являются и частью судьбы автора записок: В.Е. Баранченко, в прошлом активный участник революционного движения на юге России, бывший бундовец, большевик с 1918 г., в 1921 г. исключался из партии на 6 месяцев за участие в рабочей оппозиции, затем многие годы находился на партийной и хозяйственной работе; со Ставской он познакомился в 1918 г., с 1922 г. стал ее мужем, а в 1937 г. как муж репрессированной был исключен из партии и восстановлен в ее рядах лишь спустя 20 лет.

Характерные особенности "Памятных записок" определены и самим временем их создания – эпохой "оттепели", когда многие старые большевики писали мемуары, вспоминая и переосмысливая свое прошлое. Попытка понять трагедию русского анархизма и проследить судьбу активных участников движения после революции здесь выходит за рамки официальных трактовок: признавая саму основу этих трактовок (борьба большевиков против опасных, враждебных марксизму течений), Баранченко все же стремится показать, что борьбу с самодержавием вели не только большевики.

"Памятные записки" отличает хороший, правда, несколько вычурный язык, они насыщены многочисленными фактами, малоизвестными подробностями. Особенно интересны главы первого тома, рассказывающие о жизни Западного края России, о борьбе анархистской организации Белостока, в которой Ставская начала свою революционную деятельность; описание Екатеринославского подполья, где действовали революционные группы различных направлений: эсеры, социал-демократы, анархисты. Перед читателем проходит целая галерея участников екатеринославской боевой организации анархистов, товарищей Ставской: Л. Теневицкая, И. Зильберблат, И. Деханов, Л. Залуский, А. и С. Дубковские, Т. Гойло. Автор в мельчайших подробностях воссоздает атмосферу, в которой жили анархисты, – духовные запросы, литературные пристрастия, где героизм и самоотверженность сочетались с фанатизмом, доведенным до жестокости. Так же просто, как губернаторам и градоначальникам, выносились смертные приговоры товарищам, уличенным в сотрудничестве с охранкой.

Стержнем повествования является начавшийся в июне 1922 г. в Москве процесс правых эсеров. Рассказу о его подготовке уделена значительная часть второго тома рукописи, а самому процессу и обстановке вокруг него – почти весь третий том. Ставской на этом суде была предоставлена особая роль – она, как писал Баранченко в одном из ходатайств о ее посмертной реабилитации, "поображениям политического характера была привлечена и вместе с эсерами посажена на скамью подсудимых в 1922 году в Москве. На суде, как и на предварительном следствии, она разоблачала контрреволюционную деятельность эсеров. Это подтверждается тем, что вскоре после суда Ставская Ф.Я. была принята в Коммунистическую партию постановлением Московского Комитета ВКП(б)" (Д. 27. Л. 3). Автор стремится показать, что с ее стороны это было подвигом во искупление ошибочно избранного пути в революции, перековка "из лютого врага всякого государства, всякой власти в примерную сторонницу и защитницу диктатуры пролетариата" (Д. 13. Л. 5).

"Она стыдилась своего опоздания и считала невозможным явиться в коммунистические ряды без настоящего большого подвига революционерки, – в таком возвышенном, доведенном до экзальтации стиле повествует Баранченко о при-

чинах, побудивших Ставскую прийти к этому решению после бесед с А. Биценко, Ф.Я. Коном и Л.П. Серебряковым в "Метрополе", затем в ОГПУ с Я.С. Аграновым. – Не ей самой дан был выбор средств и способа свершения подвига. Наоборот, ей, опытной революционерке-политкаторжанке, навязали определенную форму проявления подвига и внушали необычно новое представление о самом характере и значении этого явления. Этого не рассказать, значило бы обокрасть новые поколения, утаить от них часть правды нашей жизни, без которой сама правда-страдалица теряла бы важнейшие свои черты" (Д. 13. Л. 4–5).

О дальнейшей судьбе Ставской в 20–30-е годы рассказано также подробно: описываются жизнь и быт ее друзей – бывших политкаторжан и старых большевиков, как реагировала сама героиня повествования на события тех лет. И так же, как в 1922 г., когда она оказала посильную услугу РКП(б) в избавлении от неугодной политической партии, она, как и многие представители различных революционных течений, перешедших после Октября к большевикам, столь же фанатично принимает сторону сталинского большинства во внутрипартийной борьбе, воспринимает как должное начавшиеся репрессии, но испытывает при этом нравственные муки, ибо жертвами зачастую становились ее близкие друзья, пока и ее не объявили "врагом народа". Еще в феврале 1937 г. Ставская присутствовала в наркомпросовской ложе на Пушкинских юбилейных торжествах в Большом театре вместе с Ф. Коном. Вскоре началась кампания по конфискации из библиотек книг неугодных авторов, и в Исторической библиотеке специальная комиссия "омерзительно небрежно рылась в бахрушинском наследстве", а затем последовал арест.

"После ареста Ставской состоялось партийное собрание комячейки Исторического музея и библиотеки, – пишет Баранченко, – на котором заочно исключали ее из партии как врага народа, пробравшегося в партию с целью диверсии, вредительства, шпионажа и убийства вождей партии... Утверждали, что Ставская явно привержена школе Покровского и связана с историческими кадрами, вредившими на историческом фронте. Затем брали на подозрение все дело обмена с зарубежными библиотеками, так хорошо налаженного Ставской. Еще говорили, что она решительно сопротивлялась изъятиям книг врагов народа из фондов и полок" (Д. 17. Л. 238).

В последних главах записок автор выдвигает свои версии возможных обстоятельств гибели Ф. Ставской, об истинной дате ее смерти, рассказывает о хлопотах об ее посмертной реабилитации.

"Жизнь и гибель Фаины Ставской", наверное, следует рассматривать не только как мемуары на историко-революционную тематику, еще не введенные в научный оборот. Это еще и оригинальный литературный памятник конца 50-х – начала 60-х годов, отразивший определенный сдвиг в общественном сознании, в восприятии послеоктябрьской истории страны, происходивший в то время. Автор, по его словам, "обуреваемый на склоне лет вполне созревшими, хотя и несвоевременными мыслями..." (Д. 13. Л. 1), пытается восславить подвиг революционного поколения и при этом быть предельно честным в описании событий, не скрывая самой горькой правды. Однако "новое представление" о подвиге, рожденное в революционную эпоху, допускающее подлог, самооговор и оговор своих товарищей по борьбе во имя абстрактных высших идеалов, сам психологический портрет революционных деятелей, мотивы, которые движут их поступками, – словом, все, о чем без утайки стремился рассказать в этих записках В.Е. Баранченко, невольно заставляет задуматься об истинности ценностей, которым автор посвятил свою жизнь.

Объем данного обзора не позволяет подробнее остановиться на материалах других фондов советских государственных, общественных и партийных деятелей. Ограничимся краткой информацией о самых примечательных документах.

Наиболее интересны, разумеется, документальные памятники, сохранившиеся со времен активной деятельности фондообразователя и являющиеся соответственно свидетельством данной эпохи. Так, в фонде старого большевика Ильи Филипповича Макарова (1882–?) имеются подлинные материалы одного из московских продотрядов – № 2172 (Ф. 2945. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–5), комиссаром которого он был как депутат Моссовета от рабочих фабрики Э. Циндель (ныне Московская 1-я ситценабивная фабрика). Это делопроизводственные документы продотряда, действовавшего в годы гражданской войны и вскоре после ее окончания под Казанью, в Омске и на Кубани, которые вел Макаров как комиссар: "Арматурный список на получение боевого снаряжения", "Ведомость на вооружение продотряда" и два протокола общего собрания за март и октябрь 1921 г. Все эти документы написаны от руки на бланках преysкурантов, выпускавшихся фабрикой зимних и мебельных тканей. Отложились в фонде и воспоминания И.Ф. Макарова о создании и деятельности продотряда (Д. 2), написанные им в 1958 г.

Немало ценных документов содержится среди новых поступлений. Редкие материалы периода гражданской войны среди переданных в архив в 1990 г. документов из личного архива заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б) Александра Николаевича Поскребышева (1891–1966)¹⁴, одного из деятелей сталинской эпохи. Это совсем небольшая группа источников, относящихся к деятельности Поскребышева в различных уездных органах советской власти и военно-политической работе на Южном Урале в 1918–1922 гг.: мандаты, удостоверения (в том числе за подписями зав. политотделом Туркестанской армии И.А. Акулова и председателя Уфимского губревкома Б. Эльцина), фотографии (индивидуальные и среди делегатов уездных и городских съездов Советов г. Златоуста и др.). Среди переданных материалов – фото выпуска хозяйственно-правового факультета МГУ, который Поскребышев окончил в 1927 г.¹⁵, будучи уже работником аппарата ЦК ВКП(б); биография фондообразователя, составленная его женой Е.Г. Поскребышевой, отдавшей на хранение в архив эти документы.

Фонд ответственного работника аппарата ЦК ВКП(б) 30–40-х годов Михаила Абрамовича Шамберга (1902–1988) (Ф. 3098), переданный в архив его вдовой Верой Соломоновной Дридзо, интересен прежде всего как личный архив представителя определенного социального слоя советского общества (номенклатурные работники высокого ранга). В нем насчитывается 158 дел за 1915–1987 гг. Помимо личных документов, в фонде отложились многочисленные материалы о работе Шамберга в партийных и советских учреждениях различного уровня: Сокольническом райкоме, в МК ВКП(б), Тульском горкоме, в аппарате ЦК ВКП(б) (в 1936–1949 гг. в качестве зам. зав. отделом партийных органов, зав. оргинструкторским отделом и инспектора ЦК), Костромском облисполкоме и других организациях. Это доклады, выступления на партактивах, справки, докладные записки, а также машинописные экземпляры лекций, прочитанных Шамбергом в ВПШ при ЦК КПСС по вопросам партстроительства.

Обращает на себя внимание большая группа документов – служебных удостоверений, пропусков, пригласительных билетов, отражающих общественное положение фондообразователя. Это делегатские и гостевые билеты на съезды и конференции ВКП(б), съезды Советов (Шамберг был делегатом XVI и XVIII съездов, XVII и XVIII конференций ВКП(б), VIII чрезвычайного Съезда Советов

¹⁴ На момент написания статьи фонду не был присвоен регистрационный номер, и он не проходил научно-технической обработки.

¹⁵ В ЦМАМ, в фонде МГУ сохранилось личное дело студента А.Н. Поскребышева. См.: Ф. 1609. Оп. 7. Д. 1572.

СССР), удостоверения члена различных выборных партийных и советских органов, пригласительные билеты на праздничные и юбилейные торжественные заседания, на гостевую трибуну Красной площади в дни праздничных торжеств, пропуски на участие в похоронах М.И. Калинина, А.А. Жданова и другие документы за период с 1927 по 1973 г. (Д. 50–54, 56–58).

В отличие от двух названных выше фондов парработников фонд видного советского, партийного и государственного деятеля Николая Афанасьевича Кубяка (1881–1937) (Ф. 3115) представляет собой материалы, собранные об отце его дочерью Марией Николаевной в 1960–1980-е годы. Основу их составляют письма старых большевиков, знавших Кубяка, и воспоминания его дочери (Д. 13–36, 53–55, 57–62), а также краткие воспоминания Е.Д. Стасовой (Д. 31. Л. 5), написанные в декабре 1961 г. (автограф).

Говоря о мемуарных источниках, отложившихся в фондах старых большевиков, необходимо отметить одну характерную деталь: многие воспоминания бедны достоверной информацией или просто нерепрезентативны. Причины понятны. Вплоть до конца 80-х годов историко-революционная и историко-партийная тематика была самой заидеологизированной в отечественной исторической науке. И многие старые большевики, вспоминая прошлое, не решались выходить за рамки официальных трактовок и "разрешенного" круга исторических персонажей. По таким канонам, например, написаны в 60–70-е годы воспоминания о В.И. Ленине, отложившиеся в ряде личных фондов ветеранов партии, отличающиеся схематизмом изложения и бедностью фактов ("Воспоминания о встречах с В.И. Лениным", "Воспоминания о встрече с В.И. Лениным на III съезде комсомола" А.Г. Касперович (Ф. 2948. Оп. 1. Д. 5–6); "Воспоминания о В.И. Ленине и революции" П.П. Ермакова (Ф. 2861. Оп. 1. Д. 2), "Годы собирания сил" Т.Ф. Людвинской (Ф. 1020. Оп. 1. Д. 1) (воспоминания о конференции петербургской организации РСДРП в Териоках в ноябре 1907 г.) "Воспоминания о Ленине" К.Д. Ковшовой-Тесленко (Ф. 2896. Оп. 1. Д. 2)).

Как известно, одна из отличительных черт советской государственной системы на протяжении многих десятилетий – непрофессиональный характер депутатской деятельности, которая была как бы почетным дополнением к должностям и званиям партийных функционеров, руководителей народного хозяйства, известных деятелей науки и культуры. Пример тому – материалы личного фонда директора Московского автомобильного завода (ныне ЗИЛ) Ивана Алексеевича Лихачева (1896–1956), представляющего собою скорее архивную коллекцию, ибо здесь сосредоточены документы только по одному вопросу – депутатская переписка Лихачева за 1950–1956 гг.

Фонд поступил в архив из Общего отдела МК КПСС в виде восьми пакетов с письмами и заявлениями жителей Мытищинского района Московской области к И.А. Лихачеву, представлявшему Мытищинский избирательный округ в качестве депутата Верховного Совета СССР (на момент написания статьи фонд находился в россыпи). В каждый регистрационный номер входят само заявление, его машинописная копия, сделанная в канцелярии, копия депутатского запроса И.А. Лихачева в официальные инстанции о проверке заявлений и решении вопроса и, наконец, ответы на заявления граждан и депутатские запросы председателей Мытищинского, Калининградского, Бабушкинского горисполкомов, Министерства оборонной промышленности СССР, дирекции Мытищинского машиностроительного завода, Прокуратуры Московской области и других учреждений.

Основная часть заявлений – просьбы об улучшении жилищных условий: большинство заявителей жили в бараках. Были и другие вопросы: увольнение с работы, предоставление путевок для лечения, просьба колхозника, высланного по решению Особого совещания в Красноярский край как отца осужденного на фронте за измену Родине солдата, о возвращении ему конфискованного дома и

т.д. Как правило, в официальных ответах на запросы в большинстве случаев было отказано в просьбах граждан "за недостаточностью оснований", за неимением у исполкомов и предприятий свободной жилплощади и т.д.

Несомненно, заявления и письма граждан – важная разновидность массовых источников. В них, как правило, очень точно отображаются реалии эпохи (а в данном случае переломного периода нашей послевоенной истории – последних лет сталинского правления и самого начала "оттепели"), в том числе трагические стороны жизни. И содержание писем, и сам стиль изложения делают такого рода документы незаменимыми при изучении истории быта, социальной психологии, способствуя тем самым воссозданию реальной картины исторического прошлого.

И еще два фонда видных деятелей социал-демократического движения начала века и потому выходящих за рамки данного обзора, но о которых, на взгляд автора необходимо упомянуть. Это личный фонд публициста, философа и литературоведа, одного из руководящих деятелей большевистского крыла МК РСДРП в 1908–1909 гг., Владимира Михайловича Шулятикова (1872–1912) (Ф. 3073; 48 дел за 1872–1972 гг.) и документы личного архива одного из активных деятелей меньшевистского крыла РСДРП, Владимира Константиновича Икова (1882–1956), часть которого была передана на хранение в архив в сентябре 1990 г. его дочерью Н.В. Ширяевой.

В фонде В.М. Шулятикова, переданном в архив в 1988 г. его внуком В.И. Шулятиковым, наибольший интерес представляет группа писем от виднейших деятелей российской социал-демократии, датируемых 1908–1912 гг.: Г.А. Алексинского, В.А. Базарова (Руднева), А.А. Богданова (Малиновского), А.В. Луначарского, И.И. Скворцова-Степанова, Ю.М. Стеклова, В.М. Фриче, П.К. Штернберга (Д. 5, 6, 8, 17, 21, 23, 26, 28), в которых затрагиваются различные аспекты марксистской философии и политэкономии (особенно в корреспонденциях Алексинского, Базарова и Скворцова-Степанова) и литературно-издательской деятельности (в частности, вопросы совместной работы над историей новейшей русской литературы, которые обсуждались в письмах Фриче и Луначарского).

И еще два уникальных автографа: открытка и письма Н.И. Бухарина, В.М. Шулятикову с приписками большевика Н.Н. Яковлева, у которого Бухарин поселился в Ганновере вскоре после своего бегства из онежской ссылки (Д. 9). Корреспонденции отправлены из Ганновера в Кунцево, под Москвой, где Шулятиков снимал дачу, соответственно 5 (18) и 14 (27) октября 1911 г. и являются своеобразным отчетом о первых днях пребывания Бухарина в эмиграции.

Среди документов личного архива В.К. Икова выделяются автобиографические записки "Листопад" – более 800 с. рукописного текста и машинописи с авторской правкой. Иков успел закончить две части своих воспоминаний, посвященных соответственно годам детства и началу революционной деятельности в юношеские годы (Ч. 1) и ссылке в Восточную Сибирь (Красноярск, Ачинск, Иркутск, с. Ермаковское) вместе с группой революционного московского студенчества в 1902–1904 гг. (Ч. 2). Третья часть рукописи рассказывает о женевской эмиграции в 1904–1906 гг.: описание жизни социал-демократических "клубов" – мартовского и ленинского (два идейно-организационных центра РСДРП и две группы содействия партии (сам автор записок активно сотрудничал в меньшевистской группе "Единение")), эсеровской эмиграции и ее старшего поколения – ветеранов народничества. Эти записки Иков начал писать во время отбывтия восьмилетнего срока одиночного тюремного заключения в 30-е годы (в 1931 г. В.К. Иков, сотрудник литературного отдела редакции БСЭ, был осужден по процессу "Союзного бюро РСДРП"). Первая часть рукописи была у него конфискована при вторичном аресте в 1951 г. и воссоздана по памяти после возвращения в Москву из Братского лагеря (амнистия 1953).

Помимо семейных реликвий, писем, фотографий, среди переданных документов Икова сохранились также сделанные им уникальные фотоснимки, свидетельствующие о жизни и быте ссыльных в Восточной Сибири в начале века.

Послеоктябрьская история большевистской партии, история становления и развития советского государства неразрывно связаны с предреволюционной историей РСДРП. Документальные свидетельства и мемуары, сохранившиеся в личных архивах представителей партийной интеллигенции меньшевистского и большевистского крыла тогда еще единой партии, позволяют глубже ощутить эту связь.

Политическая история советского общества была и остается предметом идейных споров, разноречивых оценок. За довольно короткий промежуток времени в общественном сознании представление о ленинской теории социализма как противоположности антигуманному сталинизму сменилось резко отрицательным отношением к большевизму вообще, да и негативным отношением к революционным способам преобразования общества. Историческая наука делает выводы только на основании скрупулезного изучения источников. Незаменяемыми источниками в данном случае, позволяющими понять в том числе и причины столь быстрых изменений, являются документы личного происхождения.

Л.И. Демина

"АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ" Е.Ф. ШМУРЛО О ЕГО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИТАЛИИ (1903–1924 гг.)*

Так сложилась судьба Евгения Францевича Шмурло (1853–1934) – виднейшего русского историка, что после Октябрьской революции имя его было надолго вычеркнуто из анналов исторической науки. Творческая биография Шмурло логически распадается на четыре периода. Первые два периода – петербургский (1884–1891 гг.) и дерптский (1891–1903 гг.) – известны историкам¹, тогда как римский (1903–1924 гг.) и пражский (1924–1934 гг.) полностью выпали из поля зрения советских исследователей². Вместе с тем наиболее яркие, фундаментальные работы были написаны Шмурло именно в тот период.

Назначенный в 1903 г. на должность ученого корреспондента Академии наук в Риме для разбора рукописей по русской истории Шмурло тщательно обследовал фонды архивов Рима, Падуи, Флоренции, Неаполя, Венеции, а также Парижа, Гааги, австрийские и испанские архивохранилища. В результате многолетней работы им было собрано огромное количество документов по дипломатическим сношениям и католической пропаганде в России, только небольшая часть этих материалов была опубликована в виде обзоров, сборников документов, отдельных публикаций и статей³. Одним из направлений научной деятельности

* © Л.И. Демина

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Пб. университета за истекшую четверть века его существования. СПб., 1896. Т. 2; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского университета за 100 лет его существования (1802–1902). Юрьев. 1902. Т. 2; *Демина Л.И.* "Записки" Е.Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // АЕ за 1984 г. М., 1986.

² В русской зарубежной литературе см.: *Саханев В.В.* Евгений Францевич Шмурло: Биогр. очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1937. Кн. 3.

³ Список трудов Е.Ф. Шмурло // Там же.

Шмурло была история Петра Великого. В те годы вышел обобщающий историографический труд ученого "Петр Великий в оценке современников и потомства" (СПб., 1912. Т. I, ч. I). В 1911 г. Шмурло был избран членом-корреспондентом АН по разряду историко-политических наук. Одновременно он являлся членом различных ученых обществ в России: Русского географического, Русского археологического, Исторического общества в Петербурге, членом архивных ученых комиссий в Рязани, Воронеже, Витебске, Владимире, Симферополе.

В 1921 г. Шмурло организовал в Риме Русскую академическую группу в Италии, осенью 1924 г. он председательствовал на III Русском академическом съезде в Праге, а в конце 1924 г. окончательно перебрался в Прагу, получая стипендию от чешского правительства, выговоренную им при продаже личной библиотеки. Несмотря на преклонный возраст, творческая деятельность его в тот период была весьма плодотворной, им были опубликованы лекционные курсы "История России" (Мюнхен, 1922), "Введение в русскую историю" (Прага, 1924), 3-томный "Курс русской истории" (Прага, 1931–1935), "Вольтер и его книга о Петре Великом" (Прага, 1929). Шмурло был основателем и председателем Русского исторического общества в Праге, куда входили также известные русские историки А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин и др., был членом Ученого совета Русского заграничного архива.

10 января 1929 г. состоялось юбилейное заседание Русского исторического общества, посвященное 75-летию Е.Ф. Шмурло, приветственную речь произнес А.А. Кизеветтер⁴. О признании научных заслуг Шмурло со стороны русских историков, живших за рубежом, свидетельствуют письма-поздравления к 75-летнему и 80-летнему юбилеям историка от Г.В. Вернадского, П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, Е.П. Ковалевского, Н.Н. Бубнова и др.⁵ Появившиеся в 1930-е годы в советских исторических журналах рецензии на труды Шмурло были необъективны и перечеркивали их научное значение⁶. Умер Шмурло в Праге в 1934 г. в возрасте 80 лет.

После Е.Ф. Шмурло осталось огромное научное наследие. Часть научного и личного архива ученого, к счастью, сохранилась, он был передан в ЦГАОР в составе Русского зарубежного исторического архива в Праге⁷. Этот фонд еще ждет своих исследователей. Нас в первую очередь интересовали "Автобиографические заметки", и прежде всего тем, что они генетически связаны с "Записками" Шмурло о петербургском периоде (1889–1892 гг.) и являются как бы их хронологическим продолжением⁸. Судя по всему, мысль о продолжении "Записок" не оставляла историка на протяжении всей жизни. Отдельные черновые заметки были составлены им еще в 1917 г., однако они носят сугубо личный характер и не содержат мемуарного элемента (Д. 279). В.В. Саханев, хорошо знавший Е.Ф. Шмурло, утверждал, что к писанию "Записок" он приступил летом

⁴ 75-летний юбилей Е.Ф. Шмурло // *Соврем. записки*. 1921. № 2866.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5965. Оп. 1. Д. 650, 655, 656, 674, 677, 695, 698, 720. Далее ссылки на дела и листы даются в тексте.

⁶ Вот что, например, писал в рецензии на 3-томный "Курс Русской истории" С.А. Пионтковский: "Курс Шмурло является поверхностной компиляцией из Карамзина, Соловьева, Ключевского, Платонова и др. Этот ряд старых, давно уже опровергнутых и отвергнутых теорий. В этом курсе автор не использовал ни одной марксистской исторической работы, не использовал и новых публикаций, которые дала марксистская историческая наука. Зато он на каждом шагу упоминает в своем литературном указателе никому не нужные, давно безнадежно устаревшие имена Карамзина, Погодина, Иловайского и др., всевозможно не имеющие никакого научного значения работы рекомендует европейскому читателю" (*Историк-марксист*. 1935. Кн. 12. С. 142).

⁷ Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // *ВИ*. 1990. № 11.

⁸ Демина Л.И. Указ. соч.

1917 г.⁹ Это подтверждается записью в тексте источника: "10 июля [1917 г. – Л.Д.] начал (или закончил?) свои "Из детских воспоминаний". Лежал в больнице" (Д. 8. Л. 127). До нас эти мемуарные фрагменты не дошли. В 1932 г. Шмурло сделал попытку систематизировать и литературно обработать воспоминания. Так появились "Автобиографические заметки" – записки автобиографического характера, разделенные внутри по годам и охватывающие период с 1880 по 1924 г.¹⁰

"Автобиографические заметки" объединяет один сюжет – пребывание автора в Италии. Наиболее освещены события, связанные с командировками в Италию в 1890-е годы. Дерптский университет, где 12 лет преподавал Шмурло русскую историю и историографию, остался за рамками воспоминаний. "Дерпт Дерптом, – объяснял он, – а мысли ложились по направлению Италии: меня манила работа в тамошних архивах в связи с Историей Петра Великого" (Д. 8. Л. 30). Огромное значение для формирования научных интересов имела летняя поездка историка в 1890 г., которая "подпитала" его "итальянизмом". Дело в том, что в 1881 г. для исследователей был открыт Ватиканский архив, в числе других здесь занимались о. Павел Пирлинг, А.Г. Брикнер, Н.Н. Любич, Б. Гильдебрант. В фондах архива хранился рассказ Дживонии Тедалди о России времен Ивана Грозного, записанный с его слов А. Поссевино. В 1891 г. Шмурло подготовил текст этого документа на русском языке к публикации в переводе с итальянского и со своими комментариями. В предисловии к публикации он отмечал важность изучения иностранных источников для истории России XVI столетия, "ибо оценка их стоит в прямой зависимости от того или иного взгляда на главных деятелей эпохи"¹¹.

Подробно описывает Шмурло и свою поездку в Италию в конце 1892 – начале 1893 г. В декабре 1892 г. Падуанский университет устраивал празднества в честь 300-летия со дня прочтения Г. Галилеем своей первой лекции. По этому поводу были разсланы приглашения всем европейским и американским университетам. Советом Дерптского университета делегатом на эти празднества был назначен Шмурло. Но самое главное впечатление от Падуи – поиски в университетском архиве, доставившие ему материал об одном из деятелей эпохи петровских преобразований, П.В. Постникове, в частности, о времени обучения Петра Васильевича в Падуанском университете. Шмурло рассматривал факт приглашения русских студентов как следствие политической линии Венеции, заинтересованной в торговых и дипломатических сношениях с Россией. Интерес к этой теме заставил Шмурло продолжить поиски летом 1893 г. в Московском архиве Министерства юстиции, там были найдены сведения о службе Постникова при "Великом посольстве" 1697–1698 гг. и на Карловическом конгрессе, а также серия депеш Постникова из Парижа за 1702–1708 гг. Эти документы были напечатаны в качестве приложения к книге о докторе-дипломате¹².

Шмурло обратил внимание на целый комплекс документов по истории сношений России с католической Европой – "Римским престолом по преимуществу. Невыясненность этих сношений, недостаток печатного материала заставили его искать таковой в архивных собраниях"¹³. Опубликованные отчеты о командировках Шмурло дополняют сведения "Автобиографических заметок" о

⁹ Саханев В.В. Указ. соч. С. 27.

¹⁰ Машинопись в пол-листа с рукописными вставками черными чернилами.

¹¹ Шмурло Е.Ф. Известия Дживонии Тедалди о России времен Ивана Грозного // ЖМНП. 1891. № 5. Отд. отт. С. 2.

¹² Шмурло Е.Ф. П.В. Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894.

¹³ Шмурло Е.Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу 1892/93 и 1893/94 гг. Юрьев, 1895. С. 3.

географии этих поисков. Так, например, работая в Венецианском государственном архиве в декабре 1892 г., он просмотрел дела за 1697–1700 гг.: "Обширный материал доставили мне приготовления Венецианского Сената к ожидаемому приезду Петра В. Среди грамот, которыми обменивались дожи с царями, нашлась одна, Петра В., до сих пор неизвестная. Кроме того, сделана была выборка сведений о волонтерах, отправленных в Италию русским царем; также об Иоаннии Мехуде, выборка сведений о России венецианского посла в Польше и, наконец, скопированы полностью описания приема русских послов венецианскими дожами во II пол. XVII в."¹⁴

Январь 1893 г. Е.Ф. Шмурло провел в Риме, в Ватиканском и Церемониальном архивах. Занятия в Ватиканском архиве положили начало изучению документов о пропаганде католической веры в России. Это была выборка известий из депеш варшавского нунция. Теперь у него был намечен четкий план работы. Судя по "Автобиографическим заметкам", в январе 1893 г. он сделал попытку проникнуть в Архив Пропаганды Веры. Основанная в 1622 г. Конгрегация Пропаганды Веры ставила себе целью распространение католичества на всем пространстве земного шара. Пытаясь ознакомиться с материалами этого архивохранилища, Шмурло добился содействия русского представителя при Ватикане Извольского и кардинала-секретаря Рамполло, однако кардинал-префект Конгрегации Ледоховский отказал под тем предлогом, что в "документах Пропаганды много щекотливых дел" (Д. 8. Л. 35). "Отказ этот, – с горечью писал Шмурло, – лишил меня возможности существенным образом пополнить свои материалы. Говорю: существенным, потому что, помимо априорного представления, какое каждый занимающийся историей имеет об архиве Пропаганды, – сведения и указания, встреченные мною в материалах Ватиканского архива, библиотеках Корсини и Барберини, а также указания и ссылки в печатных изданиях дают мне твердую уверенность, что этот архив пролил бы немало света на характер, форму, приемы и содержание отношений Рима и России во время Петра В[еликого]"¹⁵.

Впоследствии, выступая в 1923 г. на Международном историческом конгрессе в Брюсселе, Шмурло сделал доклад "Архив Пропаганды Фиде и его значение для русской истории", где отмечал, что с 1906 по 1914 г. он работал над фондами архива, материалы которого многое "уяснили ему в католической пропаганде, которую осуществляла католическая церковь на территории Украины и Белоруссии" (Д. 110. Л. 3).

В осеннюю командировку 1897 г. Шмурло поставил перед собой цель обратить внимание на чисто политическую сторону сношений России с католической Европой: "Принимая исходным пунктом работ своих 1695 год... я должен был особенно ценить все, что уясняло первые шаги Петра В[еликого] на поприще международной деятельности, политическое положение России за это время среди остальных европейских государств, а также обстановку, в которой застала нас Великая Северная война"¹⁶.

Во время этой командировки у Шмурло созрела мысль о создании постоянной исторической комиссии в Риме при Ватиканском архиве. Европейские государства уже в течение нескольких лет разрабатывали материалы архива, учреждая специальные институты и комиссии. Этот вопрос был поставлен Шмурло в докладе на IX археологическом съезде в Киеве в 1899 г.¹⁷ Академия наук неоднократно ходатайствовала о создании такого русского института в Риме.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Шмурло Е.Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. Юрьев, 1898. С. 3.

¹⁷ Шмурло Е.Ф. Об учреждении русской исторической комиссии в Риме. М., 1900.

В итоге 23 декабря 1902 г. в "силу высочайше утвержденного мнения Государственного совета с первого января 1903 года при Историко-филологическом отделении Императорской Академии наук была учреждена замещаемая по избранию названного отделения на пять лет должность ученого корреспондента в Риме для разработки хранящихся в итальянских архивах материалов по истории России" (Д. 8. Л. 65). На эту должность был назначен с последующим избранием Шмурло. 2 ноября 1903 г. он выехал за границу и сразу же приступил к архивным поискам. Кроме Ватиканского и Венецианского архивов, им были обследованы и другие хранилища рукописей в Италии, Испании, Франции и Голландии. Шмурло трижды избирался на эту должность в Академии наук. Поиски документов, предпринятые ученым, отражены в научных публикациях. Результатами почти 8-летнего кропотливого труда стали "Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого" (Юрьев, 1903), а также обзор документов "Россия и Италия" (СПб., 1907–1911. Т. I, вып. 1–2).

В 1925 г. Академия наук выпустила еще один крупный труд ученого, подготовленный им к печати еще в 1916 г., "Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией". Кроме публикаторской деятельности, Евгений Францевич продолжал заниматься проблемами историографии и истории России. Он принимал участие в составлении сборника статей в честь В.О. Ключевского, им была подготовлена статья "К истории сношения московских государей с римскими папами"¹⁸. После чествования В.О. Ключевского 5 декабря 1909 г. юбиляр прислал Шмурло IV том своего курса с надписью: "В память 5-го декабря" (Д. 8. Л. 92). В юбилейный сборник в честь Д.А. Корсакова он подготовил статью о кончине Петра Великого, в которой использовал найденные им донесения голландского посланника при русском дворе¹⁹.

Имелись у ученого корреспондента и другие обязанности – к нему обращались за справками различные учреждения и отдельные лица. По "Автобиографическим заметкам" можно проследить этот круг лиц. 25 октября 1905 г. профессор Цветаев из Варшавы просил поискать донесение Симонетты о въезде В.И. Шуйского в Смоленский лагерь. 12 марта 1907 г. профессор Александренко из Варшавы просил списать ему некоторые документы о Смутном времени. В феврале 1908 г. Академия наук дает Е.Ф. Шмурло поручение: навести справки о М. Мартивиче (учениках-волонтерах). 15 января 1910 г. редактор "Русской старины" просил выяснить, «существовало ли письмо Александра II к папе Пию IX с обращением "святейший отец"?». В 1911 г. Е.Ф. Шмурло послал В.С. Иконникову справки для работы о М. Греке. 11 октября 1916 г. приват-доцент С.-Пб. университета В.С. Котович просил разыскать письмо монгольских владетельных ханов XIII–XIV вв. к папам римским (по приложенному списку и указаниям на такие письма) (Д. 8. Л. 76, 83, 90, 107, 123).

Приходилось Шмурло и давать отзывы на научные работы. 10 февраля Гельсингфорский университет просил прорецензировать работу Лизи Картуннен об Антонио Поссевино²⁰, представленную на степень доктора (Д. 8. Л. 97). 14 декабря 1909 г. К. Малагола просил дать отзыв на его работу об острове Лидо в Венеции²¹. 18 октября 1906 г. Академия наук предложила дать отчет о

¹⁸ Шмурло Е.Ф. К истории сношения московских государей с римскими папами // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909.

¹⁹ Шмурло Е.Ф. Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913.

²⁰ Karttunen L.A. Possevino un diplomate pontifical en XVIe siecle. Leusanne, 1908.

²¹ [Рец. Е.Ф. Шмурло]. Le Lido de Venise a travers l'Histoire par Charles Malagola. Venise, 1909 // ЖМНП. 1910. № 10. С. 402–404.

книге Н.В. Чарыкова "Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия", а уже через год, 18 сентября 1907 г., как вспоминал Шмурло, "Ольденбург извещил о присуждении золотой медали за этот отзыв и просил прислать рукописное приложение к отзыву" (Д. 8. Л. 85)²².

Шмурло помогал музеям и другим научным учреждениям. Например, в сентябре 1910 г. он послал Витебской ученой архивной комиссии, почетным членом которой он состоял, фотокопии двух карт, найденных им в Ватиканском архиве: театра военных действий 1579–1580 гг. и карты Ливонского края и прилегающих к нему русских земель 1581 г. (Д. 8. Л. 102). Для открывшегося в Петербурге Толстовского музея он прислал коллекцию итальянских газет и статей с откликами на смерть Л.Н. Толстого. В октябре 1911 г. музей отослал ему письмо с благодарностью (Д. 8. Л. 107).

Следует указать на круг итальянских ученых-архивистов, помогавших Шмурло в его архивных розысканиях. Вспоминая о работе в Падуанском университетском архиве в 1893 г., где им были обнаружены документы о П.В. Постникове, Е.Ф. Шмурло подчеркивал неоценимую помощь профессора Падуанского университета Б. Бруджи и студента Алозио Андрича²³. Директор Венецианского архива Карло Малагола не только помогал ученому корреспонденту в архивных работах, но и Шмурло по просьбе Малаголы представлял его на юбилее Юрьевского университета в ноябре 1902 г. (Д. 8. Л. 63). Его помощник Джиом снимал копии с документов, а младший архивист Далла Санта "принял на себя тяжелую работу проверки соответственных печатных страниц по оригиналам Венецианского архива"²⁴ для "Сборника документов, относящихся к истории царствования Петра Великого". Во время командировки 1897 г. большая помощь ему была оказана со стороны сотрудников Ватиканского архива Р. Венцеля и Д.А. Мелампо²⁵.

За те годы им была собрана библиотека ученого корреспондента (6 тыс. книг), часть которой составляла библиотека русских художников, переданная ему в 1908 г. После революции в России ученому корреспонденту перестали выплачивать жалованье. Шмурло продолжал работу в итальянских архивах, однако большие затруднения были с библиотекой ученого корреспондента, которая хранилась в специально снятом для нее помещении. В своем письме к П.Б. Струве от 16 октября 1920 г. Е.Ф. Шмурло так определял значение своей библиотеки: "Предназначенная для обслуживания научных интересов ученого корреспондента, она по содержанию своему преимущественно историческая; составлялась она с любовью и по известной программе и представляет собой в настоящее время большую ценность не только рыночную, но и по внутреннему достоинству. К ее составлению были привлечены почти все наши отечественные ученые, учебные и государственные учреждения: Академия наук, общества и комиссии: Историческая, Археологическая, Археографическая в Петербурге, Москве и других городах; провинциальные Архивные ученые комиссии; Петербургская Публичная библиотека, Московский Румянцевский музей, Московский Главный архив Министерства иностранных дел, Московский Архив Министерства юстиции, университеты, духовные академии, Сенат, Синод, Государственный совет; министерства: народного просвещения, иностранных дел, двора, военное и др. Прислали свои издания и частные лица (граф Шереметьев, вел. князь Николай Михайлович). В библиотеке много книг по истории русско-

²² Шмурло Е.Ф. Отзыв о сочинении Н.В. Чарыкова "Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия". СПб., 1909.

²³ Шмурло Е.Ф. П.В. Постников. С. 5.

²⁴ Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого. Юрьев, 1903. С. XXIV.

²⁵ Шмурло Е.Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. С. 29.

польских отношений, истории унии; немало справочников, энциклопедий на русском и иностранном языках; полные комплекты изданий поистине монументальных Русского исторического общества, Общества любителей древнерусской письменности, кроме того, большая коллекция фотографических снимков с рукописей Ватиканской библиотеки VIII–XVI столетий (снятых с целями палеографическими); несколько сот книг по русской истории и литературе, изданных в царствование Екатерины II и Александра I (многие из них редчайшие), – остатки бывшей в Риме еще со времен Николая I библиотеки пансионеров Академии художеств; коллекция заграничных изданий русских иезуитов, пожертвованная о. П. Пирлингом и др." (Д. 720. Л. 1–1 об.)²⁶. В 1924 г. должность ученого корреспондента была упразднена и начался новый, пражский период жизни Е.Ф. Шмурло.

"Автобиографические заметки" остались незавершенными, однако значение данного источника трудно переоценить. "Заметки" открывают яркую страницу жизни и творчества замечательного русского историка Е.Ф. Шмурло.

С.И. Михальченко

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ "ИСТОРИЯ БЕЛОРУССИИ" М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО*

Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867–1934) – известный отечественный историк, глава исторической школы в Киевском университете. Его привлекали история феодальной и капиталистической России, белорусская этнография, экономическая география и статистика, но наибольший вклад он внес в изучение проблемы истории Белоруссии и Литвы (Великого княжества Литовского), преимущественно периода феодализма. Произведения ученого не остались незамеченными как в дореволюционной, так и в советской науке. Однако до сих пор фактически не введен в научный оборот обобщающий труд Довнар-Запольского, подводящий итог его многолетним исследованиям, – "История Белоруссии". Единственный известный (машинописный) экземпляр этой книги хранится в Национальном архиве Республики Беларусь в Минске (Ф. 60. Оп. 3. Д. 126). Цель настоящей статьи – проследить историю ее создания.

Книга представляет собой переплетенный второй или третий экземпляр машинописи объемом 584 с., вместе с рецензией на нее, написанной В. Сербентой (11 с.). В книге пронумеровано 24 главы, однако сразу после восьмой следует двенадцатая, хотя, насколько можно судить, изложение материала логически не прерывается. Исследование освещает всю историю Белоруссии от древнейших времен до эпохи гражданской войны 1918–1920 гг. (см. прил. в конце настоящей статьи).

Какова история создания книги?

М.В. Довнар-Запольский заинтересовался историей Белоруссии еще в 80-е годы XIX в., будучи гимназистом старших классов. Научное белорусоведение в то время переживало пору становления – работы П.Д. Брянцева, Е.Ф. Карского, других авторов привлекали к себе внимание белорусской интеллигенции¹. В то

²⁶ По свидетельству В.В. Саханева (Указ. соч. С. 60), библиотека была передана на хранение в Istituto per l'Europa Orientale.

* © С.И. Михальченко

¹ См. подробнее: *Копыцкий З.Ю., Чепко В.В.* Историография БССР: эпоха феодализма. Минск, 1986.

время начали выходить и первые белорусские печатные издания. В 1888–1889 гг. Довнар-Запольский активно сотрудничал в одном из таких изданий – газете "Минский листок", опубликовал несколько статей по истории Белоруссии². Большой заслугой Довнар-Запольского был выпуск под его редакцией двух томов приложения к "Минскому листку" – "Календаря Северо-Западного края"³. Популярная в XIX в. форма календаря была наполнена Довнар-Запольским глубоким содержанием: наряду с традиционными справочными сведениями он поместил в "Календаре" свои географический и исторический очерки древней Белоруссии, в которых развил идеи, высказанные им ранее в газетных статьях⁴.

Во время учебы в Университете св. Владимира в Киеве (1889–1894 гг.) Довнар-Запольский не прекратил занятий сюжетами, связанными с Белоруссией. Значительное влияние на дальнейшее формирование научных интересов исследователя оказал университетский профессор В.Б. Антонович, вокруг которого к тому времени сформировалась историческая школа, названная позднее "областной", поскольку ученики Антоновича разрабатывали историю отдельных областей средневековой Руси.

Особое внимание к Белоруссии и имевшийся уже опыт ее изучения предопределили выбор темы Довнар-Запольским: ею стали история земель кривичей и дреговичей, двух племен, населявших ранее Белоруссию⁵.

В 80–90-е годы XIX в. Довнар-Запольский также активно занимается этнографией Белоруссии, организует экспедиции по сбору этнографических материалов, публикует тексты песен и сказок⁶. Это позволило ему значительно расширить круг источников белорусской истории.

Следующей ступенью в разработке истории Белоруссии стало изучение экономики Великого княжества Литовского XIV–XVI вв., преимущественно его восточных областей. Этому были посвящены обе диссертации Довнар-Запольского, защищенные в 1901 и 1905 гг.⁷ Они были основаны на архивных документах из хранилищ Москвы, Петербурга и Варшавы. Обобщив громадный фактический материал, ученый исследовал хозяйственное положение Великого княжества Литовского: охарактеризовал источники доходов государственной казны, принципы их распределения, выяснил уровень развития ремесла и торговли. Особенно большое значение имел его анализ аграрного положения Белоруссии и Литвы – он изучил проблему поземельного кадастра, историю сельской общины, касался и ряда других спорных вопросов.

Таким образом, к 1905 г. Довнар-Запольский опубликовал ряд фундаментальных трудов по отдельным проблемам экономической и политической истории феодальной Белоруссии, а также по белорусской этнографии и географии. В то же время появляется и его первое обобщающее исследование всей белорусской истории: совместно с Д.З. Шендриком М.В. Довнар-Запольский написал две

² См. об этом: Федорова Т.П. Общественно-политическая мысль Белоруссии и "Минский листок" (1886–1902). Минск, 1966. С. 117.

³ Календарь Северо-Западного края на 1889 г. Минск, 1889; Календарь Северо-Западного Края на 1890 г. Минск, 1890. (Далее: КСЗК).

⁴ Довнар-Запольский М.В. Древняя Белоруссия: Крат. геогр. очерк // КСЗК на 1889 г.; Он же. Очерки по истории Белоруссии: от начала до смерти Владимира Мономаха // КСЗК на 1890 г.

⁵ Довнар-Запольский М.В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в. Киев, 1891.

⁶ Основные этнографические исследования ученого см.: Довнар-Запольский М.В. Исследования и статьи. Киев, 1909. Т. 1. См. также: Бандарчык В.К. Гісторыя беларускай этнаграфіі, XIX ст. Минск, 1964.

⁷ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1; Он же. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905.

объемные статьи "Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи" и "Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура". Статьи были помещены в девятом томе географического описания "Россия", выходявшего под редакцией В.П. Семенова (СПб., 1905. Т. 9. С. 55–227)⁸. Сравнительный анализ архивных материалов, а также других сочинений Довнар-Запольского показывает, что исторические части обеих статей написаны именно им, Шендрику принадлежит разработка экономических и частично этнографических сюжетов.

Издание этих статей, а также одного из важнейших источников белорусской истории – Баркулабовской летописи⁹ можно считать завершением подготовительного этапа к созданию полной "Истории Белоруссии". Написанию обобщающего труда помогали и теоретико-методологические штудии Довнар-Запольского, и его занятия историей русского народного хозяйства¹⁰. Это позволяло показать историю Белоруссии во взаимосвязи с историей России.

Рукопись "История Белоруссии" была готова к 1920 г. Это доказывают следующие факты. Во-первых, на обложке изданного в то время "Курса белорусоведения" (сборник лекций, читавшихся летом 1918 г. в Москве Д.Н. Анучиным, М.К. Любавским, В.И. Пичетой) среди готовившихся к публикации сочинений отмечена и "История Белоруссии" М.В. Довнар-Запольского¹¹. Во-вторых, изложение материала в рукописи доводится до гражданской войны, примерно до 1919 г. Но по неизвестным причинам книга тогда в свет не вышла. (Вероятно, невыходу книги способствовали обстоятельства жизни ученого – вынужденные переезды из Киева в Харьков, а затем в Баку, его активная политическая деятельность и занятия публицистикой.)

Вновь вопрос об издании книги встал в 1925 г. В то время в Белорусской ССР бурно развивалась культура, открывшемуся в Минске университету требовались преподаватели, и по приглашению своего ученика В.И. Пичеты М.В. Довнар-Запольский переезжает в Минск. Условием своего переезда он поставил издание "Истории Белоруссии"¹².

Для выпуска книги в свет требовалась рецензия, написание которой было поручено сотруднику Общества историков-марксистов Белоруссии В. Сербенте. Рецензия (она датирована 6 февраля 1926 г.) представляла собой, однако, не анализ произведения, а набор политических ярлыков и лозунгов, сквозь которые лишь изредка проскальзывали конкретные замечания по тексту произведения, причем в основном по фактам истории Белоруссии XIX в., и особенно революционных событий 1917–1919 гг. Трактовка их Довнар-Запольским не устроила Сербенту. Заключение рецензента было безжалостным: "Нельзя дать возможность белорусскому национал-демократизму получить идеологическое оформление. Книгу нельзя разрешить к печати"¹³.

После этого Довнар-Запольский смог опубликовать лишь несколько конкретных исследований по белорусской истории, которые основывались на материале книги¹⁴, но целиком она так и не была издана. Более того, несмотря на объективное отношение к наследию Довнар-Запольского в целом, в советской

⁸ Довнар-Запольский сам выразил желание участвовать в издании. См.: ГИАН. Ф. 262. Оп. 1. Д. 171. Л. 19.

⁹ Довнар-Запольский М.В. Баркулабовская летопись. Киев, 1908.

¹⁰ Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1.

¹¹ Курс белорусоведения. М., 1918–1920.

¹² НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 126. Л. 585.

¹³ Там же.

¹⁴ См., например: Довнар-Запольский М.В. Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914. Минск, 1926.

историографии, в отдельных сочинениях сохраняются уничижительные оценки, данные "Истории Белоруссии" в 20-е годы¹⁵. Таким образом, современный читатель знакомился лишь с критикой произведений. Само же произведение он был лишен возможности прочесть.

Подробный анализ содержания книги, ее концепции не входит в задачу настоящей статьи¹⁶. Отметим лишь отдельные принципиальные моменты.

Исследование Довнар-Запольского базируется на методологических принципах экономического материализма, что было традиционным для многих представителей буржуазной историографии в период становления советской исторической науки. "Мы исходим из той предпосылки, – подчеркивал автор, – что формы исторической жизни являются надстройками над экономическими соотношениями"¹⁷. По мнению историка (развивающего точку зрения В.О. Ключевского), в древнерусский период "материальное достояние более достаточного класса основывалось главным образом на торговле", а также на рабском труде. Земледелие приобретает значение лишь с XIV–XV вв.¹⁸

Рассматривая в ранних трудах феодализм только как отношения сюзеренитета-вассалитета, Довнар-Запольский не находил его в Великом княжестве Литовском. В "Истории Белоруссии" он, вероятно, под воздействием сочинений Н.П. Павлова-Сильванского изменил свою точку зрения, справедливо полагая, что феодальный строй "базировался на обладании земельным капиталом и на праве распоряжаться несвободным трудом". По мнению автора, феодализм "формировался в условиях XIV–XVI вв. Примерно около половины XVI столетия он получил четкое материальное, а за ним и правовое обоснование". М.В. Довнар-Запольский считал, что этот период "тянется до самой отмены крепостного права, правда несколько тускнея и приходя в упадок"¹⁹. Как видно, ученый был склонен идентифицировать феодализм и крепостничество.

Интерес представляет и интерпретация Довнар-Запольским революционных событий в Белоруссии, тем, более что, как уже отмечалось, именно она послужила главной причиной запрета книги.

По мнению историка, главным условием победы революции должно быть "материальное укрепление" революционного класса. А поскольку большинством белорусской нации было крестьянство, то именно его трудовые слои были движущей силой революции. "Настоящим победителем из революции вышел крестьянский трудовой класс, господствовавший в стране по своей численности и по отбитым у земельной буржуазии материальным благам", – утверждал Довнар-Запольский. Причем он понимал, что эта идея "вызовет длинный ряд возражений, которые будут сводиться к защите превалирующего значения в революции рабочего класса". Однако это не мешало ему еще раз подтвердить: "...основным революционным элементом, конечно, был крестьянин как поставщик рабочей силы и поставщик революционной армии... По внешней форме победившее революционное направление было рабочим, по существу настоящим революционером и настоящим победителем явился трудовой элемент деревни"²⁰.

Правильность своей теории Довнар-Запольский пытался подтвердить практической политикой советского государства в период нэпа. "И если были

¹⁵ См. об этом: *Михнюк В.Н.* Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941). Минск, 1985. С. 166.

¹⁶ Анализ "феодальных" глав см.: *Михальченко С.И.* Феодальная Россия и Литва в трудах М.В. Довнар-Запольского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

¹⁷ НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 126. Л. 445.

¹⁸ Там же. Л. 37.

¹⁹ Там же. Л. 440–442.

²⁰ Там же. Л. 459–460.

моменты, когда уже советская власть в пылу революционных успехов в своих строительных исканиях пыталась строить экономическую политику страны на производственных отношениях, где господствовал бы фабричный рабочий (речь, вероятно, идет о периоде "военного коммунизма". – С.М.), то в конечном счете эти искания привели ее к созданию строительства производственной политики на базе трудового крестьянства. А это означает, что к последнему элементу фактически и приходит власть, руководящая и направляющая власть в стране. Иначе и быть не может. И революционная крестьянская Россия, разбитая теперь на национальные, близкие прежде всего к крестьянскому миросозерцанию части, дает направление хозяйственной и административной политики страны, т.е. получила то, что ей принадлежит по праву победителя"²¹. Таким образом, Довнар-Запольский фактически отрицал диктатуру пролетариата в Белоруссии, заменяя ее диктатурой крестьянства, что в условиях усиливающегося идеологического однообразия и одномыслия в то время неминуемо должно было привести к запрету книги.

Несмотря на то что с момента написания "Истории Белоруссии" прошло уже более 60 лет, многие ее страницы сохраняют и по сей день свое научное значение. Опубликование книги, несомненно, послужило бы прогрессу исторической науки.

П р и л о ж е н и е

План книги М.В. Довнар-Запольского "История Белоруссии"

Введение

- Глава 1. Древнейшие обитатели Белоруссии.
- Глава 2. Образование и строй древних княжений.
- Глава 3. Образование Литовско-Русского государства.
- Глава 4. Государственное устройство.
- Глава 5. Отношение к Польше и уния 1569 г.
- Глава 6. Социальный строй.
- Глава 7. Земская реформа и последующее развитие Конституции.
- Глава 8. Структура народного хозяйства XVI–XVIII вв.
- Глава 12. Период разделов.
- Глава 13. Устройство Белоруссии в начальную эпоху русского владычества.
- Глава 14. Культура и просвещение в период деятельности Виленского университета.
- Глава 15. Общий обзор русской политики.
- Глава 16. Народное хозяйство и роль в нем крестьянства.
- Глава 17. Белорусская народность и ее культура до эпохи национального Возрождения.
- Глава 18. Научное изучение Белоруссии с 60-х годов (XIX в.).
- Глава 19. Очерк народного хозяйства последнего пятидесятилетия.
- Глава 20. Национальное направление периода подготовки к Возрождению.
- Глава 21. Литература эпохи Возрождения.
- Глава 22. Революционное и рабочее движение.
- Глава 23. Конституционная эпоха.
- Глава 24. Борьба за государственность.

²¹ Там же. Л. 460.

РУССКИЕ О ЗЕМЛЕ ИЗРАИЛЯ¹

В 1986 г. в Иерусалиме вышла в свет книга научного сотрудника Тель-Авивского университета доктора Йоэля Рабы "Земля Израиля в описаниях русских путешественников" (320 с. На иврите). Она включает 14 описаний Земли Израиля русских паломников и путешественников, посетивших Святую Землю с начала XII и до конца XVIII в. Впервые в Израиле исследователи и все интересующиеся историей могут прочитать на иврите ценные и оригинальные источники по истории средневековой Руси и стран Ближнего Востока.

Книгу Й. Рабы весьма условно можно разделить на две части: собственно переводы древнерусских текстов и самостоятельное авторское изучение источников, включая оригинальный комментарий к ним.

Только один источник – "хождение" игумена Даниила – был переведен в прошлом на несколько иностранных языков: немецкий, французский, греческий и на английский с французского перевода. Пять других текстов были переведены только на французский язык без какого-либо комментария. Таким образом, Й. Рабе принадлежит честь первой публикации на иностранном языке ряда важнейших русских источников.

Й. Раба хорошо известен историкам-медиевистам своими статьями по истории средневековой Руси, опубликованными в разное время на английском и немецком языках. Прекрасное знание языков помогло ему осуществить сложнейшую задачу перевода трудных в лексическом отношении древнерусских текстов на современный иврит. Работа состояла не только в точнейшей передаче смысла написанного людьми другой страны и другой эпохи, отстоящей от нас на сотни лет, но и в поиске эквивалентных терминов на иврите, а также в разъяснении русской терминологии, часть которой за давностью уже вышла из употребления. Й. Раба прекрасно справился со своей задачей. Сложные тексты читаются без малейшего языкового напряжения.

Рецензируемая книга является плодом многолетней творческой работы автора. Она заключалась в кропотливом переводческом труде, в составлении обширной библиографии и тщательном археографическом описании текстов, в источниковедческом, а порой и лингвистическом анализе источников и сопоставлении их с западноевропейскими аналогами. Подробный комментарий позволяет читателю сравнить описания Земли Израиля, оставленные русскими путешественниками и паломниками, с подобными же описаниями их европейских современников.

Каждое из четырнадцати описаний предваряет вводный очерк, в котором автор дает характеристику эпохи и – там, где это возможно, – личности писавшего. Книгу открывают краткое предисловие и обширное авторское введение, которое вместе с заключением определяет общие рамки исследования. Это дает читателю возможность ознакомиться с характером и стилем паломнической литературы допетровской Руси, ее отличием от подобной западной литературы, а также с возможностью использовать древнерусские "хождения" в Святую Землю для познания прошлого Земли Израиля.

Автор справедливо отмечает известную ограниченность видения паломника, чье внимание естественно было приковано прежде всего к святым местам, свя-

* © Б.М. Орлов

¹ *Raba J. Erets-Israel be'teurei nos'im russiim. Yerushalaim, hotsaat Yad'Itskhak Ben-Tsvi, Tav Shin Mem"Zain. (Hebrew). 1986. Название на англ. яз.: Russian Travel Accounts on Palestine. Основные соображения по теме изложены в статье Й. Рабы "Специфика древнерусских описаний Святой Земли" (Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5).*

занным с библейской и евангельской историей. Значительно меньше внимания паломник уделял географическим данным, топографическому описанию местности, хозяйственным занятиям населения и, разумеется, политическим событиям страны, где находились места религиозного поклонения. Купцы и официальные посланцы московского государя в XVII–XVIII вв. были более наблюдательны, чем паломники. Но даже то, что сообщил игумен Даниил, оказалось достаточно важным, чтобы быть использованным в монументальном труде израильского историка профессора Й. Правера о государстве крестоносцев в Палестине².

Можно надеяться, что новые источники, переведенные и прокомментированные в книге Й. Рабы, расширят кругозор исследователей Земли Израила эпохи средневековья. Но ценность книги не только в этом. На опыте преподавания русской истории в Тель-Авивском университете мне пришлось убедиться, какую неоценимую помощь оказывает она студентам, изучающим сложные проблемы духовной жизни русского народа.

Предназначенная для значительно более широкой аудитории, чем узкий круг специалистов-историков, эта книга содержит сведения, которые читатель, знающий только иврит, не найдет в другой литературе. Интересны описания монастырской жизни, подробности, связанные с деятельностью Троице-Сергиевой лавры, отрывки из житийной литературы, ссылки на русские летописи, данные о взаимоотношениях Руси с православным Востоком в XVI–XVII вв.

Все это не делает, разумеется, труд Й. Рабы справочником по истории средневековья России или, в более узком смысле, пособием по изучению паломничества в Святую Землю. Однако тенденция к последнему несомненно имеется, возможно вне воли автора. И это позволяет предъявить к книге значительно более высокие требования, чем это обычно делается в отношении сборника переводов.

Говоря о начале паломничества в Святую Землю, возможно стоило бы упомянуть первого русского паломника преп. Варлаама, игумена Печерского, который в конце XI в.; раньше Даниила, отправился на Восток. Он был в Иерусалиме, потом побывал в Константинополе, на обратном пути заболел и умер в 1005 г.³ В отличие от игумена Даниила он не оставил записей своего "хождения", но память о нем сохранилась.

Разрыв между первым описанием Земли Израила (игуменом Даниилом, 1106–1108 гг.) и вторым (архимандритом Агрефением, 70-е годы XIV в.) получил слишком общее и потому недостаточное объяснение (с. 6–7). Сосредоточенность автора на письменных свидетельствах паломничества русских людей в Землю Израила вполне понятна, однако у читателя может создаться впечатление, что поток паломников в Святую Землю иссяк на несколько сот лет, что, разумеется, неточно.

В тени осталась колоритная фигура новгородского архиепископа Василия, в миру Григорий Калика, т.е. паломник. Он упомянут в книге лишь как Василий (с. 73), имя его не внесено в индекс имен. Й. Раба отмечает, что у Василия есть ясные намеки на его визит в середине XIV в. в Иерусалим и на берега Иордана, но ссылается при этом почему-то только на работу Д. Айналова⁴. Между тем в знаменитом послании "ко владыце Тферскому Феодору" о земном рае архиепископ Василий Калика прямо пишет: "Самовидец есмь сему, брате, егда Христос идыи в Иерусалим на страсть волную, и затвори своиа рукама врата

² *Praver J. Toldot mamlekhet hatsalbanim be'Erets-Israel. Jerusalem, 1971. Vol. 1–2. (Hebrew).*

³ *Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. I. С. 442; Т. II. С. 1751.*

⁴ *Айналов Д. Некоторые данные русских летописей о Палестине // Сообщения Палестинского православного общества. СПб., 1906. Т. 17. С. 351.*

градных, и до сего дни неотворимы суть; а егда постися Христос над Ерданом, своима очима видел есмь постницу его, и сто финик Христос посадил, недвижимы суть и донныне, не погибли, ни погнили"⁵. Свежесть религиозного впечатления от виденного лично достаточно очевидна.

При упоминании имени Епифания Премудрого (с. 92) стоило, вероятно, также отметить, что в конце XIV – начале XV в. он путешествовал по Востоку и побывал в Константинополе, на Афоне, а главное – в Иерусалиме⁶. В житии преп. Сергия Радонежского Епифаний ставил ему в особую заслугу, что он "не взыска царствующего града, ни Святыя Горы, или Иерусалима, яко же аз окаянный", но находил святость во внутреннем искании Бога⁷.

Сознательно ограничив географические рамки книги "хожениями" в Палестину и в отдельных случаях в Египет (гость Василий, 1465–1466; Василий Гагара, 1635–1636), автор невольно сузил кругозор русского паломника. Путешественникам повезло больше: Афанасий Никитин упоминается в авторском тексте. В некоторых случаях, замечает Й. Раба, описание обратной дороги было просто опущено при переводе.

Важно было подчеркнуть другое: если для европейского пилигрима центрами паломничества были Иерусалим, Рим и Сант-Яго де-Компостелла⁸, то для русского калики переходящего центрами поклонения были Константинополь (Царьград), Афон и Иерусалим. Нередко, посетив царьградские святыни или побывав на Афоне, путники отправлялись дальше, в Иерусалим. Иногда ограничивались Константинополем. Не случайно, что второе после игумена Даниила описание паломничества, дошедшее до наших дней, написано новгородским архиепископом Антонием (в миру Добрыня Ядрейкович), который в 1200 г. побывал Царьграде⁹. В книге это описание не упомянуто ни в тексте, ни в библиографии.

Библиография к книге (свыше 400 наименований) заслуживает особого внимания. Она настолько многогранна и составлена с такой добросовестностью и пунктуальностью, что может быть названа совершенной и почти исчерпывающей по теме и смежным с ней проблемам. Однако, как всегда, возникает соблазн дополнить ее недостающими работами. Среди работ А.Н. Веселовского стоило бы упомянуть интересную статью о каликах переходящих¹⁰. О каликах писал Е. Аничков¹¹, пространный обзор древнего русского паломничества дал А. Голубцов¹², этой же проблемы касался А.Н. Пыпин¹³. Не упомянуты работы Н.А. Казаковой, хотя одна из них прямо касается путешествия в Египет¹⁴. Отметим в библиографии две книги И.П. Сахарова, автор упустил ту, которая имеет непосредственное отношение к теме публикации¹⁵.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 88. Литература о Василии Калике обширна. Упомянем лишь статью А. Седельникова, отсутствующую в библиографии к книге Й. Рабы: *Sedelnikov A. Vasilij Kalika, l'histoire et la légende // Revue des études slaves. P., 1927. Vol. 7.*

⁶ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. А–К. С. 211.

⁷ Цит. по: Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1897. Т. 44. С. 645 (статья "Паломничество").

⁸ *Le Goff J. The Medieval Imagination. L., 1988. P. 65; Dictionary of the Middle Ages. N.Y., 1987. Vol. 9. P. 657–659.*

⁹ *Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872.*

¹⁰ *Веселовский А. Калики переходящие и богомольные странники // Вестн. Европы. СПб., 1872, апр. Кн. 4. С. 682–722.*

¹¹ *Аничков Е. Из прошлого калик переходящих. СПб., 1913.*

¹² *Голубцов А. О путешествиях древних христиан и наших паломников в Св. Землю, Рим и Царьград // Богослов. вестн. 1894. Март–апр. Отд. II.*

¹³ *Пыпин А.Н. Древнерусское паломничество. СПб., 1896.*

¹⁴ *Казакова Н.А. К изучению "Сказания о граде Египте" // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 256–258.*

¹⁵ *Сахаров И.П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1939.*

Все это не меняет общего впечатления от книги, выполненной на высоком научном уровне, прекрасно оформленной, снабженной словарем русских терминов, переведенных на иврит, и подробнейшими картами.

А.Д. Паскаль

НОВЫЙ СПРАВОЧНИК ПО СТАРООБРЯДЧЕСКИМ ИЗДАНИЯМ КОНЦА XVIII–НАЧАЛА XIX* в.**

Старообрядческое книгопечатание, возникшее в начале XVIII в. и призванное удовлетворять потребности в книгах учебных, нравственно-поучительных, полемических, исторических и литургических, благодаря присущему старообрядчеству консерватизму мышления и представлений о мире являлось непосредственной преемницей традиций отечественного кириллического книгопечатания и книгописания XV–XVII вв., а старообрядческие издания, напечатанные кириллическим шрифтом, включались в тот самый "низовой" слой русской демократической книжности, к которому в последнее время значительно усилился интерес исследователей и учреждений, занимающихся историей культуры, идеологии и политики эпохи позднего феодализма.

Однако, как неоднократно отмечали современные исследователи, старообрядческое книгопечатание остается до сих пор совершенно не изученным¹. Об этом писала и выдающийся исследователь отечественного книгопечатания А.С. Зернова, отмечая, что над старообрядческими изданиями конца XVIII в., "далеко уходящими в XIX век, еще должна быть проведена большая работа исследователями, знатоками и историками книг"². На важность изучения старообрядческих изданий, позволившего бы выявить фонды старопечатных книг, имевшихся в центрах старообрядческого книгопечатания, и обнаружить сведения о недошедших до нас изданиях XVII в., неоднократно обращал внимание в своих работах А.Х. Горфункель³. Актуальность данной проблемы отмечена и в вышедшем недавно "Сводном каталоге книг, изданных в Белоруссии", на территории которой находились известные старообрядческие типографии в Вильне, Гродно и Супрасле⁴.

Вынуждаемые преследованиями духовных и светских властей скрывать факт издания книг, сходных с "дониконовскими", старообрядцы-типографы практически не оставили нам каких-либо документальных свидетельств о своей

* © А.Д. Паскаль

** Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX в.: Каталог / Сост. А.В. Вознесенский. Л., 1991. 160 с.

¹ Лабынец Ю.А. Памятники древнерусской письменности в изданиях старообрядческих типографий XVIII–XX вв. // Книга: Исследования и материалы. М., 1979. XXXIX. С. 173; *Он же*. Некоторые вопросы кирилловского книгопечатания в Супрасле // Федоровские чтения, 1978. М., 1981. С. 168; Горфункель А.Х., Николаев Н.И. Неотчуждаемая ценность: Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки. Л., 1984. С. 147.

² Зернова А.С. Книгопечатание в Белоруссии XVIII века // 400 лет русского книгопечатания, 1564–1964: Русское книгопечатание до 1918 г. М., 1964. С. 230.

³ Горфункель А.Х. Находки старопечатных книг // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 394; *Он же*. Находки археографов и дополнения к Сводному каталогу русской книги XVII в. // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. II: Памятники старинной письменности. С. 109–111.

⁴ Книга Белоруссии, 1517–1917: Сводный каталог. Минск, 1986. С. 35.

деятельности (лишь о некоторых старообрядческих книгопечатнях сохранились отрывочные сведения в материалах архива Синода и цензурных ведомств – обычно в связи с арестом типографий). При обращении же исследователей непосредственно к самим старообрядческим изданиям возникают реальные трудности их атрибуции: издатели могли не указать время, место издания или дать ложные сведения о времени и месте издания – несуществовавшие типографии или типографии, не выпускавшие таких изданий.

Неизученность деятельности отдельных старообрядческих типографий и как следствие – отсутствие до настоящего времени подробной и обоснованной библиографии таких изданий (за исключением напечатанных в Супрасльской типографии⁵) значительно усложняют определение их принадлежности к продукции той или иной типографии и приводят к тому, что в архивах, библиотеках и музеях находятся сотни неидентифицированных до сих пор старообрядческих изданий.

Как кажется при первом взгляде на вышедший в свет каталог, составленный А.В. Вознесенским⁶, отмеченные выше трудности при работе над старообрядческими изданиями в значительной степени снимаются. В предисловии к каталогу автор приводит достаточно исчерпывающий обзор существующей немногочисленной литературы по истории вопроса⁷, сообщает краткие сведения о структуре каталога (§1 предисловия), дает краткий исторический очерк деятельности по литературе изучаемых им старообрядческих типографий (§2 предисловия), отмечает принципы составления описаний изданий и указателей (§3 предисловия).

После литературы и списка сокращений идет основная часть книги – каталог. *Первая* группа изданий, описанных в каталоге, принадлежит, по мнению автора, к продукции типографии Федора Карташева конца XVIII в. в Клинцах (№ 1–58). *Вторая* группа изданий, выделяемых автором, – это издания типографии Федора и Акима Карташевых в Клинцах двух первых десятилетий XIX в. (№ 59–109).

Третья группа изданий, отмеченных в каталоге, – это издания типографии униатского Троицкого монастыря в Вильно конца 1790-х – первого десятилетия XIX в. (№ 110–144). *Четвертая* большая группа изданий, относится, по мнению исследователя, к продукции известной типографии П.И. Селезнева в Махновке и К. Колычева в Янове первых двух десятилетий XIX в. (№ 145–208).

Далее идут описания пяти изданий начала XIX в., принадлежность которых автором к какой-либо из известных типографий не установлена (№ 209–213), и добавления, включающие краткие описания старообрядческих изданий других типографий во второй половине XVIII в.: типографии П. Дюфора в Варшаве 1772–1798 гг. (№ 214–220), типографии Троицкого монастыря в Вильно 1776–1784 гг. (№ 221–234), типографии в Вильно (?) 1767–1768 гг. (№ 235–237), типографии в Гродно 1781–начала 1790-х годов (№ 238–261), типографий Д. Рукавишника, Я. Железнякова, Ф. Карташева в Клинцах 1785–1787 гг. (№ 262–292), типографии Успенского монастыря в Почаеве 1782–1794 гг. (№ 293–322), типографии Благовещенского монастыря в Супрасле 1772–1791 гг. (№ 293–359), типографии в Яссах 1789–1796 гг. (№ 360–367), два издания

⁵ Кирилловские издания Супрасльской типографии / Сост. Ю.А. Лабунцев: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголических шрифтов: Метод. указания. М., 1978. Вып. 3.

⁶ Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX в.

⁷ Можно указать и на следующую работу: Починская И.В. Освещение начальных этапов старообрядческого книгопечатания в историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 51–55.

1780-х годов, принадлежность которых известным типографиям автором не установлена (№ 368, 369).

Каталог снабжен приложениями, в которые включены: 1) старообрядческие издания второй половины XVIII – начала XIX в., известные по библиографии (издания типографий в Варшаве, Вильно, Гродно, Клинцах, Львове, Почаеве, Супрасле, Янове, Яссах и без выходных данных); 2) алфавитный указатель старообрядческих изданий второй половины XVIII – начала XIX в.; 3) указатель орнаментики старообрядческих изданий конца XVIII – начала XIX в., которая в книге представлена на вклейке (159 изображений заставок и концовок).

Автором произведена огромная кропотливая работа по просмотру и описанию 369 изданий, всего около 1 тыс. экземпляров. Тем досадней, что представленные в каталоге результаты поэкземплярного исследования этих старообрядческих изданий вызывают ряд вопросов, на которые читатель не находит ответа. Прежде всего остается неясным, какими критериями руководствовался составитель каталога, выделяя среди указанных им изданий книги четырех тайных типографий, ведь большинство этих изданий имеет ложные выходные данные. Если о времени выхода книги с известной точностью можно судить по показанию филиграней⁸, то ее принадлежность к продукции той или иной типографии, тем более тайной, когда издатели сознательно исказили выходные данные, необходимо доказывать в каждом случае.

Здесь, как нам представляется, определяющими служат положения, сформулированные А.С. Зерновой при ее работе над анонимными изданиями XVI в.: "...только полное совпадение шрифтов или орнамента может дать веское доказательство принадлежности двух или нескольких изданий к одной и той же типографии"⁹, когда становится ясным, что "печатник, работая над двумя или несколькими изданиями, держал в руках те же самые литеры, ту же самую доску. Тогда, действительно, эти произведения печати связываются в общую группу и их можно считать происходящими из одной типографии"¹⁰.

Несомненно, автор каталога в процессе своей работы пришел к каким-то определенным критериям принадлежности описанных им экземпляров изданий к той или иной типографии, но отсутствие хотя бы кратких сведений об этих критериях в данной публикации заставляет крайне осторожно отнестись к предлагаемым в ней атрибуциям, а в ряде случаев просто ставить их под сомнение.

Так, например, возникает вопрос, на основании каких данных автор относит к первой группе изданий Федора Карташева 58 (!) тайных изданий, когда известно (как признает сам автор на с. 9) всего лишь одно его легальное издание – Псалтырь с воследованием 1787 г. (№ 282). Ведь на основе изучения лишь одного издания (заставки, шрифт и т.п.) трудно достаточно обоснованно утверждать о принадлежности такого большого количества изданий более позднего времени той же типографии. В данном случае ситуация осложняется и тем, что издание 1787 г. известно в нескольких вариантах набора, в которых частично употреблены типографские материалы книгопечатен Дмитрия Рукавишников и Якова и Василия Железниковых (Экземпляры: ПД, коллекция Амосова-Богданова. № 21; РГБ. МК № 7508).

Легальная типография Карташева успела выпустить лишь одно это издание,

⁸ Русская бумага того времени обычно имеет так называемую "белую дату" – указание на год ее производства. См.: *Участкина З.В.* Развитие бумажного производства в России. М., 1972. С. 224.

⁹ *Зернова А.С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине // Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отд. редких книг и эстампов: Собрание работ по книговедению. М., 1977. Вып. 1. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 15. См. также: *Зернова А.С.* Методика описания старопечатных книг кирилловской печати // Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина: Труды. М., 1960. Т. 4. С. 245–246.

а между тем в Клинцах в течение предыдущих 1786–1787 гг. действовали довольно продуктивно легально целых три типографии: в 1786–1787 гг. типография Дмитрия Рукавишникова и Якова Железникова (выпущено 10 изданий), в феврале–марте 1787 г. она была разделена на две независимые: Дмитрия Рукавишникова (выпущено 10 изданий) и Якова и Василия Железниковых (выпущено 6 изданий). Эти факты подтверждаются не только сопоставлением выходных данных сохранившихся экземпляров изданий, но и анализом употребления в них шрифтов и досок для орнамента, набор которых (заставки, концовки, рамки для маргиналий, инициалы) в этих трех типографиях различен. После ареста клинцовских типографий 27 ноября 1787 г., как известно, большая часть обширных типографских материалов клинцовскими издателями была скрыта. Они появляются в различном составе после 1787 г. в целом ряде изданий, которые связываются с деятельностью тайных типографий в Клинцах¹¹, Яссах, Махновке, Янове и даже единовременной типографии в Москве. И вот здесь мы подходим собственно к тому, как можно устанавливать продукцию той или иной типографии в такой ситуации, ведь состав типографского материала не только зависел от этого мигрирующего компонента из Клинцов, но и обновлялся и дополнялся по мере возможности в каждой из таких типографий собственным материалом.

Как представляется, в решении этой проблемы единственно реальный путь – это составление сводного каталога (альбома) орнаментики и шрифтов старообрядческих изданий XVIII – начала XX в., когда путем анализа употребления тех или иных типографских материалов можно выделить группы изданий с одинаковым набором шрифтов, заставок, концовок, рамок для маргиналий, инициалов и состояния досок для их печатания. Конечно, эта огромная работа требует просмотра значительно большего количества экземпляров изданий, чем это было сделано автором каталога, но она себя бы оправдала более обоснованными атрибуциями и датировками тайных изданий. Тем более, что можно привлечь, хотя и немногочисленные, но все же достаточно ценные архивные материалы, связанные с арестом части этих типографий и содержащие значительно больше сведений, чем опубликовано в исследованиях, на которые ссылается автор каталога в предисловии. Сопоставление этих материалов с анализом содержания и оформления изданий тайных типографий могло бы дать более интересные результаты, чем представленные в каталоге.

Так, например, московский купец 3-й гильдии Павел Иванович Селезнев в своем объяснении в Махновском правлении 1 февраля 1804 г. заявил, что 21 декабря 1802 г. за 3520 золотых он купил типографию, основанную помещиком г. Махновки графом Протопотоцким еще в 1794 г.¹² При покупке оборудование типографии заключалось "в четырех для печатания станах с означенными во оных повреждениях, да литер российских и польских старых 30 пудов, которые, по сведению с начала учреждения ее (типографии. – А.П.), состояли на языках: русском, латинском, польском, греческом, немецком, французском, еврейском"¹³. Издания этой типографии известны¹⁴, и не исключено, что Селезнев мог использовать часть этого типографского материала и для печатания старообрядческих книг.

Требуют более тщательного изучения и яские старообрядческие издания, так

¹¹ В связи с этим почему бы не считать издания с ложными указаниями на типографию Дмитрия Рукавишникова на бумаге 1788 г. (№ 291–292), вышедшими в тайной типографии Федора Карташева?

¹² РГИА, Ф. 733. Оп. 86. Д. 5. Л. 118.

¹³ Там же. Л. 118 об.

¹⁴ См., например: *Запаско Яким, Ісаевич Ярослав*. Памятки книжковського мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Книга друга. Частина друга (1765–1800). Львів, 1984, № 3780, 3893, 3905, 3911.

как, на наш взгляд, не исключена их связь с типографией Михаила Стрильбецкого¹⁵. Пользуясь благосклонностью Екатерины II за оказанную им помощь в русско-турецкой войне, он имел возможность беспрепятственно заводить типографии во время своих странствий. Так, в 1792 г. он переехал из Ясс в Дубоссары, а в 1795 г. – в Могилев¹⁶.

Автором далеко не всегда точно характеризуются оригиналы – дониконовские издания, привлекавшиеся старообрядцами-типографами для своих изданий. В научной литературе упорно держится наименование старообрядческих изданий (преимущественно богослужебных) "перепечатками", подразумевая под этим буквальное воспроизведение текстов дониконовских московских и украинских изданий старообрядческими типографами, однако до сих пор практически не проводилось сравнения таких перепечаток с оригиналами¹⁷. А.В. Вознесенский справедливо отмечает в своей работе (с. 11), что такая точка зрения необоснована, приводя примеры поиска в типографии Карташева наиболее оптимального состава перепечатываемых книг, однако его наблюдения не являются полными.

Так, например, при перепечатке московского издания Святцев 6.XII. 1646 г. клинцовские типографы оставили в своем переиздании (№ 268 каталога) только календарные указания праздников и памяти святых, не включая краткие летописные известия о них, тропари, кондаки, ипакои и богородичны на 8 гласов, слова Афанасия Великого о Пасхе, таблицы для расчета Пасхи, которые были в оригинале. В таком, сильно сокращенном виде, Святцы вошли в качестве дополнения в клинцовские издания Часовника и Псалтыри. При перепечатке Минеи общей с праздничными службами (М., 2.II. 1645 г.) клинцовские типографы опустили в своем издании (№ 271 каталога) службы, посвященные конкретным праздникам года, оставив лишь общие службы (по категориям святых и праздников) и добавив кондаки и икосы воскресные на 8 гласов, издали книгу с текстом, содержащим лишь самое необходимое для такого типа книги¹⁸. Изучение же оформления и состава Диоптры 12.IX 1787 г. (№ 288 каталога) показывает, что оригиналом для нее послужило не только издание в Кутейно 1651 г., как указано типографами из Клинцов, но и одноименное издание 1654 г.

Восстанавливая в своем каталоге издательские программы старообрядцев-типографов, автор, к сожалению, даже не ставит вопрос о листовом материале типографий Карташева и Кольчева, о котором известно в литературе¹⁹ (разрешительные молитвы, венчики для умерших и т.п.), а между тем он частично сохранился и известен. Можем указать, например, на издания, выполненные клинцовскими шрифтами с оттисками клинцовских досок для инициалов, хранящиеся в Музее книги РГБ. Это "Сказание, кийм святым каковы благодати исцеления от Бога даны, и когда памяти их" (№ 9741), "Грамота на исход души от тела" (б/и), "Изображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, взятое из древних рукописей римских" (№ 9742).

Не ставя себе целью привести здесь все замечания, возникшие при изучении

¹⁵ На это может указывать применение клинцовских досок для орнамента (№ 48, 49 по альбому А.В. Вознесенского) в некоторых его изданиях: Катехизис 20.II 1790; О должностях благочинных 7.VIII. 1791 г. В связи с этим см., например, атрибуцию Апостола-тетр 15.I 1791 г. (№ 361) в каталоге: Книга Молдовы, XVII – начало XX в. Старопечатные издания XVII – начало XIX в.: Сводный каталог. Кишинев, 1990. С. 138–139.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 75. Д. 117.

¹⁷ Можем указать лишь на следующую статью: *Лабунцев Ю.А.* Острожская Библия в перепечатке 1914 года // Федоровские чтения, 1981. М., 1985. С. 197–203.

¹⁸ О внесении изменений в составе перепечатываемых книг говорил позднее Аким Карташев (РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Д. 189 об.) и его современники (Там же. Л. 83 об., 288–292).

¹⁹ См. об этом: *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье, XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 402; *Мельников-Печерский П.И.* Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 7. С. 362–365.

данной работы, хотим все же подчеркнуть ее несомненное значение для библиографического учета старообрядческих изданий конца XVIII – начала XIX в. Выполненные автором подробнейшие описания старообрядческих изданий значительно облегчат работу исследователям и сотрудникам книгохранилищ, а использование, хотя и далеко не полного по своему составу, альбома-каталога орнаментаки позволит атрибутировать значительную часть дошедших до нас изданий тайных типографий старообрядцев. Автор взялся за чрезвычайно трудную и сложную задачу, над которой должен работать коллектив исследователей ввиду огромного фактического материала, и можно только приветствовать появление такой работы, выполненной одним человеком, которая, несомненно, станет настольной книгой и неоценимым справочником для всех, кто занимается историей кириллического книгопечатания и книжной культуры.

С.О. Шмидт

К ИЗДАНИЮ СБОРНИКА ТРУДОВ БАН ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА*

19-й выпуск серии научных трудов "Книга в России"¹, ежегодно издаваемых научно-исследовательским отделом истории книги БАН, состоит из материалов по проблематике источниковедения и историографии книги в России XVIII – начала XIX в., архивоведения и прежде всего о жизни и научно-исследовательской и научно-организационной деятельности великого князя Николая Михайловича. Это, как сформулировано в Предисловии, "запоздалая дань памяти выдающемуся ученому" (с. 5). В основу статей сборника положены доклады начала 1990 г. на первом заседании научно-теоретического семинара "Из истории отечественной книжной культуры". Заседание приурочили ко дню годовщины гибели историка, расстрелянного 30 января 1919 г.

Николай Михайлович Романов – автор первостепенного значения исследовательских трудов по политической истории России первой четверти XIX в., широкомасштабный и энергичный организатор и руководитель научно-просветительских начинаний, целенаправленный и высококультурный коллекционер и издатель. С 1892 г. он руководил Русским географическим обществом (т.е. тогда, когда под началом вице-председателя общества П.П. Семенова-Тян-Шанского готовились книги многотомного издания "Россия. Полное географическое описание нашего отечества" и общество играло заметную роль в организации и проведении всеобщей переписи 1897 г.), с 1910 г. – Историческим обществом, возглавил работу по подготовке Русского биографического словаря, печатного воспроизведения "Военной галереи 1812 года" Зимнего дворца, многотомных сводного русского некрополя и иконографического свода "Русские портреты XVIII и XIX столетий", а еще ранее (совместно с С.П. Дягилевым) и выставки таких портретов. В 1915 г. совет профессоров Московского университета присудил ему ученую степень доктора русской истории *honoris causa*. Следует подчеркнуть (тем более что в книге об этом не написано), что Николай Михайлович был и одним из немногих русских, удостоенных избрания в иностранные члены Французского института: в 1913 г. он стал членом Академии нравственных и политических наук (*Academie des sciences morales et politiques*).

* © С.О. Шмидт

¹ Книга в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. / Редкол.: А.А. Зайцева (отв. ред.), Н.П. Копанева, М.П. Лепехин, В.А. Сомов, СПб., 1991. 135 с.

После великой княгини Елены Павловны (жены Михаила Павловича, младшего брата императоров первой половины XIX в.), среди особ императорского дома не было никого со столь четко выраженной программой культуроформирующей меценатской деятельности, тем более научно-исторической направленности. И понятно, что именно это восхищало его в деятельности несомненно-ного, по его мнению, в своих дипломатических усилиях канцлера Александра I графа Н.П. Румянцева. В краткой характеристике Румянцева Николай Михайлович отмечал: "Круг его интересов был очень широк, и имя мецената русской науки сохранится за ним навсегда..." Целью своей жизни он ставил "приготовить для будущего точного сочинения российской истории все нужные элементы"².

Из внуков Николая I более других сделали для развития науки и культуры великие князья Константин Константинович (1858–1915), поэт, известный под псевдонимом К.Р., с 1889 г. президент Академии наук, и Николай Михайлович (1859–1919). Для обоих немало значило общение с людьми науки, литературы, искусства: возможно, для Николая Михайловича предпочтительнее обязательств, предписанных ритуалом обихода августейших семейств. Для обоих, как впрочем, и для Николая II, были близкими сфера эпистолярной культуры (дневниковые записи, постоянная переписка) и понимание ее памятников как исторических документальных источников: писали не только для себя, по вышколенной привычке, но и с оглядкой на любознательных, критически мыслящих потомков-историков.

Опубликованные еще в конце 1920-х – начале 1930-х годов фрагменты дневников обоих великих князей свидетельствуют, однако, о некоторых различиях во взглядах, да и, видимо, в общественных масштабах личности. Оба великих князя были отнюдь не безучастны к событиям современной политической жизни, но если К.Р. был в значительной мере сосредоточен на интересах двора и мыслил в русле общественных воззрений Николая II, то Николай Михайлович рано обнаружил самостоятельность и оппозиционность суждений, хотя и оставался убежденным монархистом и участником придворных интриг (это отмечают в своих мемуарах даже во многом несогласные в своих суждениях С.Ю. Витте и А.А. Мосолов). Великий князь долго верил в то, что многое зависит от личности монарха и его способности привлекать к управлению людей, могущих "вливать живую струю" в развитие жизни. В сознании его как бы совмещались монархически-национальные идеалы Александра III и восходящие ко временам еще Наполеона I политические представления, характерные для Франции периода Третьей республики, что обнаруживается и в его исторических сочинениях. Постепенно он все более утверждался в мысли о пагубной для России слабости Николая II, способного лишь к "благости намерений", и становился в непримиримую оппозицию к Александре Федоровне и ее дворцовой клике, чему свидетельства – ранее опубликованные письма Л.Н. Толстому (Литературное наследство. Т. 37/38) и "Записки", напечатанные в журнале "Красный архив" (Т. 47/48, 49).

Рецензируемое издание существенно облегчает дальнейшее ознакомление с творческим наследием и биографией "августейшего историка", интерес к которым становится все заметнее в последние годы³, и тем самым определение

² Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905. Т. I, № 8 (изд. вел. кн. Николая Михайловича).

³ Великий князь Николай Михайлович. Письмо из заточения [Письмо Д.Б. Рязанову от 6 января 1919 г. Подгот. к печ. Н. Сидоровым] // Наше наследие. 1992. № 25. С. 86–87; Исмаил-Заде Д.И. Императорская фамилия // Боханов А.Н., Исмаил-Заде Д.И. Российский императорский дом: Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 127–132. Среди напечатанных в книге писем особенно много адресованных Николаю Михайловичу. В выпуске журнала "Родина" (1993. № 1), посвященном 380-летию Дома Романовых, напечатаны очерк Ю. Соловьева "Красный князь" и написанное в апреле 1917 г. сочинение Н.М. Романова "О подвигах русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине" (подгот. к печ. Д.И. Исмаил-Заде). После передачи в

значения содеянного им для науки и просвещения. Расширяет это и возможности познания событий и общественно-политических настроений в последние десятилетия царствования династии Романовых. Из Предисловия (с. 5–7) узнаем об основных вехах многообразной деятельности Николая Михайловича и о том, что история книги и издательская деятельность всегда были предметом его интересов. Жаль только, что авторы не сумели избежать неуместного в таком серьезном издании налета политизированной публицистики (при характеристике сделанного В.И. Лениным). Далее помещены статьи А.Н. Цамутали "Великий князь Николай Михайлович как историк" (с. 8–17), С.Н. Исколя "Труды великого князя Николая Михайловича по внешнеполитической истории России (издания и неосуществленные замыслы)" (с. 18–30), М.П. Лепехина «Великий князь Николай Михайлович и издание "Русского биографического словаря"» (с. 31–40), О.С. Острой «Иконографическое издание великого князя Николая Михайловича "Русские портреты XVIII и XIX столетий"» (с. 41–46), М.М. Сафонова "Великий князь Николай Михайлович – публикатор письма Бенигсена о смерти Павла I" (с. 47–55). В статьях этих, опирающихся на архивный материал и сопровождаемых солидным научным аппаратом, охарактеризованы важные области деятельности Н.М. Романова как историка. Статьи о "Русском биографическом словаре" и "Русских портретах" имеют и самостоятельное значение, являясь по существу первыми обобщениями данных об истории создания и составе этих сохраняющих и поныне большую ценность изданий. "Русский биографический словарь", к радости нашей, переиздается. В недавнее время исследователи напомнили и о непреходящем научном значении фундаментального издания о некрополях и роли Николая Михайловича в осуществлении этой работы⁴. Хорошо было бы подготовить специальное исследование о многотомном издании (три книги о Московском некрополе, четыре о Петербургском и первые выпуски изданий "Русский провинциальный некрополь" и "Русский некрополь в чужих краях. Париж и его окрестности"). Хочется надеяться, что при возрастающем внимании к изучению нашего исторического наследия найдутся люди, которые обеспечат материальную возможность переиздания этих книг.

В разделе "Обзоры и публикации" напечатаны "Послужной список" великого князя (публикация В.М. Витенберга и М.П. Лепехина), подготовленный В.И. Капуста каталог выставки "Научные труды великого князя Николая Михайловича" (С. 96–99), существенно облегчающий дальнейшее обращение к научному наследию историка и позволяющее теперь требовать ссылки на эти издания в работах соответствующей проблематики. Обзор В.А. Колобкова "Августейший историк" о материалах Н.М. Романова в отделе рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (С. 79–95) интересен не только своим богатым информационным потенциалом. Это и достойная подражания попытка объединить в одном тематическом обзоре сведения о документах (или извлеченные из документов) разных фондов и разновидностей (письма, телеграммы, записки самого великого князя, письма к нему, рецензии на его труды, отрывки из воспоминаний).

Особого внимания заслуживают подготовленная А.А. Зайцевой публикация (в переводе с французского) нескольких писем Николая Михайловича к французскому историку Ф. Массону об убийстве Распутина и высылке Николая Михайловича из столицы (январь 1917), о событиях лета и осени 1917 г. (от 5/18 октября 1918) и последнее трагическое письмо от 24 декабря 1918 г.,

издательство этого выпуска ежегодника опубликована также статья Т.А. Лобашковой "Публикаторская деятельность великого князя Николая Михайловича" (ОА. 1994. № 2. С. 34–43).

⁴ См. об этом: *Иванова Л.В.* История изучения Московского некрополя // *Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана.* М., 1991. С. 40–41; *Кобак А.В., Пирютко Ю.М.* Очерк истории Петербургского некрополя // *Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель.* СПб., 1993. С. 11–13 (на с. 13 портрет великого князя Николая Михайловича).

которое удалось передать из "Камеры 207 тюрьмы предварительного заключения в Петрограде" (так написано самим автором – С. 75). Это первостепенной важности документы политической истории и общественно-политического сознания той поры и одновременно интересные образцы эпистолярной прозы.

Часть писем за 1916–1918 гг. опубликованы в Париже в 1968 г. в книге с характерным названием "Конец царизма"⁵. Издания нет в библиотеках Москвы, и можно только благодарить наших соотечественников за введение некоторых из этих писем в историко-культурный обиход. Хочется поддержать и идею полной публикации всей переписки. Она длилась около 20 лет, была доверительной. Интересна для познания общественно-политической жизни и начала нашего века и начала прошлого столетия: оба адресата с увлечением исследовали все относящиеся к Александру I, его окружению (Николай Михайлович), Наполеону и его окружению (Массон). Следовательно, это и материал по истории исторической науки, в частности об археографическом освоении учеными рубежа XIX и XX вв., архивных документов столетней давности. Пока напечатаны лишь избранные письма великого князя самых последних лет долгого эпистолярного общения. А ведь сохранились сотни писем: в ГАРФ (ф. 670) – 402 письма Массона начиная с 1897 г. Подготовка публикации или хотя бы подробного обзора всей переписки – перспективная тема научного сотрудничества историков и архивистов России и Франции.

В сборнике (с. 100–134) опубликованы также исследования В.А. Сомова – о библиотеке графа А.С. Строганова (XVIII в.), Н.А. Копанева – о русских связях с голландской издательской фирмой Янсзон-Васберг, П.И. Хотеева – о поставках зарубежных изданий в Сухопутный шляхетный кадетский корпус в середине XVIII в., С.Н. Искюля – о переводах в России книг немецкого историка Г.А. Халема (1752–1819) о Петре Великом и фельдмаршале Минихе.

Становится очевидным, что жизнь и научная деятельность великого князя Николая Михайловича – достойная тема предстоящих многообразных исследований. Но думается, что некоторые соображения предположительного характера допустимо высказать уже сейчас.

Введение Н.М. Романовым в научный обиход ценных документальных материалов отечественных и зарубежных хранилищ (государственных и частных) – высокое достижение археографической культуры предреволюционной поры (отмечаемое даже хулителями великого князя в советское время) – обойдено вниманием в общего типа трудах по истории археографии. В отличие от своих предшественников, писавших о времени Александра I, он стремился публиковать документы полностью и на языке подлинника, предназначая публикации прежде всего подготовленным специально лицам. Но в предисловии к книге (в частности, к томам монографии о П.А. Строганове) печатал и в переводе на русский язык важнейшего значения цитаты из документов, т.е. по существу следовал в этом плане традиции еще "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина (и основного текста ее и особенно примечаний). Вообще, так сказать, археографический уклон исследовательских исторических трудов, когда воспроизведению документа (в приложении или даже в основном тексте) придается как бы самодовлеющее значение, – характерная черта российской исторической науки послекарамзинского периода.

Так можно подходить к научному творчеству и историков-современников великого князя (С.Ф. Платонова, Г.В. Форстена, В.Я. Богучарского и др.), у которых источниковедчески-археографические исследования предшествовали или сопутствовали собственно историческим такой же тематики. Хотя уже Н.Л. Ру-

⁵ Grand Duc Nicolas Mikhaïlovitch: La fin du tsarisme. Lettres inédites à Frédéric Masson (1914–1918). P., 1968. 295 p.

бинштейн выделил "археографическое направление" в "буржуазной исторической науке" 1860–1880-х годов⁶, историографы, сводившие задачи историографии преимущественно к изучению концепции исторического процесса и отражению в науке современной ей общественно-политической ситуации, оставили без должного внимания это наблюдение. Не сопоставили в таком плане и пути развития науки истории в России и за рубежом. Труды Николая Михайловича – на стыке собственно исторической науки и археологии. Он и сам так подходил к своим исследованиям, оценивая их прежде всего как материал для будущих историков, полагая возможным создание полноценного исследования только после устранения пробелов в источниковой базе (прежде всего архивной). Особенно четко это сформулировано в Предисловии к книге об Александре I: "Наша задача... – мы давали и даем материал, которым будущие историки могут воспользоваться"⁷. Среди подготовленных Н.М. Романовым "прекрасных и полезных исследований и изданий" (определение Л.Н. Толстого в письме 1906 г.) допустимо в методическом плане выделить издание "Русские портреты" – публикации изображений вместе со сведениями об их авторе и местонахождении и кратким очерком-характеристикой (менее страницы) изображаемого лица. Знаменательна оценка Л.Н. Толстого, который, начиная по крайней мере со времени собирания материалов для "Войны и мира", стал замечательным знатоком истории того времени и источников ее познания. Благодаря за присылку "этого превосходного издания", Л.Н. Толстой писал: "В особенности меня пленили тексты: они так прекрасно, умно, талантливо составлены. Вообще все это издание есть драгоценный материал истории, не только de la petite histoire (как подсобная монография), но настоящей истории того времени. Я испытал это потому, что занят теперь временем с 1780-х до 1820-х годов"⁸.

Эти микробиографии, содержащие умело отобранные данные и об изображаемом лице (его родственных связях, служебной карьере, отличительных чертах характера, поведении в быту) и о публикуемом портрете, напечатаны и на русском и на французском языках – тем самым они вводились в научный обиход и зарубежных читателей. Все это свидетельства заботы о расширении и сохранении источниковой базы науки российской истории.

Отношение к научному наследию великого князя Николая Михайловича показательно и немало дает для понимания степени зависимости развития советской исторической науки от общественно-политической атмосферы в стране. Его научная деятельность в лучшем случае замалчивалась. Исследования его опасались цитировать, хотя в трудах по политической истории России первой четверти XIX в. приходилось ссылаться на опубликованные им документы, в библиографиях называть подготовленные им издания (даже в учебниках), упоминать о его исторических сочинениях при публикации писем и дневников самого великого князя. Но едва ли не единственной более или менее пространной оценкой этих трудов на протяжении десятилетий оставалось написанное бесстыдным пером Д.И. Заславского в 1939 г. Предисловие его к публикации переписки Л.Н. Толстого с Н.М. Романовым и по подходу к явлениям и по стилю изложения схоже с тем, как писали в те годы о сочинениях лиц, объявленных "врагами народа".

Заславский – видный политический фельетонист, подвизавшийся и в сфере историко-литературной проблематики. Меньшевик и бундовец до событий 1917–1920 гг., он стал затем правовернейшим приверженцем большевистской нетерпимости к инакомыслящим. Среди своих коллег в газете "Правда" и других

⁶ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 417–418.

⁷ Вел. кн. Николай Михайлович. Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1. С. VI.

⁸ Цит. по: ЛН. М., 1939. Т. 37/38. С. 322.

органах официальной печати 1930–1950-х годов этот беспринципный циник выделялся относительно большими, чем у них литературным дарованием и образованностью. На первый взгляд его вроде бы допустимо сравнить с Булгариным. Но даже самые нелицеприятные пушкинские слова о современной ему сервиллистской журналистике могут показаться комплиментом при характеристике такой фигуры, как Заславский.

Когда готовили к печати сдвоенный том "Литературного наследия", посвященный Л.Н. Толстому, нельзя было утаить переписку великого писателя с Николаем Михайловичем. Тем более что часть переписки была уже известна, а А.П. Чулошников опубликовал в 1927 г. в журнале "Красный архив" воспоминания Н.М. Романова о встречах с Л.Н. Толстым в Крыму в октябре–ноябре 1901 г., написанные в ноябре же 1901 г., и не только письма Толстого, рекомендовавшего великому князю и императору Николаю II решать земельный вопрос в России в соответствии с учением американского социолога Г. Джорджа, но и два письма Н.М. Романова 1902 г. Более того, в предисловии публикатор сообщил о переписке в течение нескольких лет и обратил внимание на "свойственную обоим и научно-литературную устремленность в прошлое и живой интерес к русской действительности"⁹.

Публикация была подготовлена для V раздела "Толстовского тома" – "Неизданная переписка". Переписку Л.Н. Толстого с Н.М. Романовым готовил к печати С.К. Шамбинаго – специалист по древнерусской литературе. Характерно, что публикация не предварена археографическим введением, указанием на сохранившееся количество писем. Она включает все письма Толстого и лишь часть писем Николая Михайловича – некоторые исключили полностью; из других опустили отдельные разделы как "не имеющие значения для понимания ответных писем Толстого"¹⁰. Таким образом, издание это не может дать полное и правдивое представление ни о тематике переписки (касающейся и личной жизни великого князя), ни о характере взаимоотношений корреспондентов. Еще более искажает это статья-предисловие Заславского "Толстой и Генри Джордж" (с. 290–298).

Заславский объясняет желание великого князя посетить Толстого в Крыму как исполнение шпионского задания царской семьи "для проникновения к Толстому, потому что в семье Романовых он числился на положении человека умственного". Используя лексикон "обличительных" статей тех лет кровавого террора, бойкий журналист пишет, что "Николай Михайлович с ловкостью заправского провокатора щеголяет в своих письмах радикализмом". Называет его "трусливым царедворцем", "шпионом", "подосланным агентом" царя, игравшим провокаторскую роль, побудившим писателя обратиться с письмом к царю; ибо – по его словам – "обращение Толстого к царю с просьбой, хотя бы и не личного характера, невольно связывало всякое открытое выступление против личности Николая II", и сетует на то, что писатель "не рассмотрел...жандармского обличья" своего знакомого. При этом Заславского совершенно не смущало то, что такая характеристика в противоречии и с содержанием и с доверительной интонацией публикуемых вслед писем Толстого.

В таком же стиле характеризуется и ученый: «Николай Михайлович исправно нес военную царскую службу, а досуги посвящал "русской истории". Это и доставило ему репутацию ученого историка и либерала. Мы не будем распространяться здесь о его научной деятельности. Как исследователь, Николай Михайлович – круглое ничтожество. С уровнем исторических знаний не

⁹ Красный архив. М.; Л., 1927. Т. 2(21). С. 231 ("Л.Н. Толстой и Н.М. Романов").

¹⁰ ЛН. Т. 37/38. С. 298. См. также: С. 299, 305, 317, 322. Само собой разумеется, что эти письма тоже должны быть опубликованы. Это важно и для изучения образа мыслей и биографии Л.Н. Толстого. Желательно рассмотреть письма Н.М. Романова, сопоставляя их с дневниковыми записями и другими письмами, особенно того же времени.

выше старшего класса кадетского училища, с политическим кругозором, не превышавшим кругозора жандармского вахмистра, он подходил к важнейшим явлениям русской истории начала XIX в., к эпохе царствования Александра I и начала царствования Николая I. Его "история" – это апология романовской династии. Ценность его самостоятельных исторических изысканий ниже цены превосходной бумаги, на которой напечатаны изданные им труды». Хотя все-таки не может скрыть того, что у "Николая Михайловича есть заслуга, которую излишне отрицать. Пользуясь возможностью проникать в архивы, закрытые для рядовых историков, он издал немало важных материалов и документов"¹¹.

Эти глумливые строки процитированы для того, чтобы стало ясно, какие оценки деятельности Николая Михайловича насильственно насаждали официозные идеологи. В книге о кровавом прокуроре Вышинском отмечается, что "жертвами разнузданного пера" его соученика по Киевскому университету Заславского "были многие деятели культуры. Имя этого перевертыша наводило ужас и страх". Так, Вышинский, опротестовывая "за мягкостью" приговор человеку, осужденному за показ сослуживцам статьи В.И. Ленина, обличавшей Заславского, писал, что "товарищ Заславский олицетворяет собой партийную печать, его дискредитация – это гнусный вражеский выпад против советской власти"¹². И не стоит удивляться тому, что статье о Николае Михайловиче не нашлось места в первом издании Большой советской энциклопедии (том на букву Н вышел тоже в 1939 г.), как и упоминанию о нем в довоенном учебном пособии по русской историографии. Умалчивали его заслуги как историка и позднее – статьи нет и во втором издании БСЭ, а имя по-прежнему не называют в учебниках по историографии, изданных в 1960-е и начале 1970-х годов. Только вслед за появлением краткой характеристики исторических трудов Николая Михайловича в III томе "Очерков истории исторической науки в СССР" (1963) были помещены статьи о нем в СИЭ (1967) и в третьем издании БСЭ (1974). В соответствии с проверенным практикой 1920–1930-х годов трафаретом, принятым для характеристики "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина и трудов других историков монархического мировоззрения, отмечалось, что монографии его "написаны с консервативно-монархических позиций, представляют известный интерес благодаря обширным документальным и мемуарным приложениям к ним"¹³. В Сводной библиографии "История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период" (М., 1965. С. 369) имеется уже рубрика, посвященная ему в части "Литература об отдельных историках", и нетрудно убедиться в том, что на труды его (особенно книгу об Александре I, вышедшую двумя изданиями в 1912 и 1914 гг.) откликнулись серьезными статьями и виднейшие историки радикальных убеждений. Добавим, что накануне революции в 30-м томе Энциклопедии братьев Гранат (где статью о Марксе написал Ленин, а постоянным сотрудником был М.Н. Покровский) помещена написанная в очень уважительном тоне статья об "исследователе эпохи Александра I".

Николая Михайловича, очевидно, за его монархические воззрения и особенно за принадлежность к царской фамилии характеризовали прежде всего как историка "охранительного" или "официально-охранительного направления". Хотя и отмечалось, что этот "эпигон дворянской историографии" прикрывает "свою идеологию монархизма либеральной фразеологией", а канву "его сочинений составляют психологически интерпретируемые документы" и "стиль изложения

¹¹ Там же. С. 291–292.

¹² Ваксберг А. Страницы политической биографии // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. (Примеч. 1. о Д.И. Заславском).

¹³ СИЭ. М., 1967. Т. 10. Стб. 223.

часто приближается к историческому роману"¹⁴. В специальной монографии 1986 г. по русской историографии периода империализма основной акцент тоже был сделан на то, что сочинения Николая Михайловича проникнуты апологией самодержавной власти и императоры приукрашиваются, идеализируются и избораются "в качестве главных действующих лиц" истории¹⁵.

Таким образом, в обобщающего типа историографических трудах научно-историческое творчество Николая Михайловича рассматривалось лишь в общем плане стандартизированных схем: специально его не изучали, и особенности, отличающие от других работ по схожей тематике и вышедших из среды лиц близкого социального круга, не выделяли. Причины не только в том, что развитие исторической науки было принято сводить преимущественно к истории противостояния и смены концепций, к которым подходили к тому же только с политико-идеологических позиций ("общественная мысль как борьба реакционных и революционных течений")¹⁶, подчас вовсе не учитывая различных нюансов в общественно-исторических взглядах лиц, даже близких по своему мировоззрению, политическим традициям и симпатиям, не говоря уже о различиях в исследовательских установках и задачах, имели значение и некоторые, так сказать, особые обстоятельства.

Великий князь Николай Михайлович принадлежал к царской фамилии, оттого автоматически его относили к числу представителей официальной монархической историографии – как бы срабатывал привычный для нашего советского образа мышления "анкетный" подход. Долго не замечали ни его полемики с Н.К. Шильдером, ни того, что Александр I охарактеризован им и как государственный деятель и даже как человек отнюдь не только положительно (что подчеркнуто в статье А.Н. Цамутали в рецензируемом издании, с. 13–15).

Не ознакомившись детально с его научными трудами – малотиражными, а следовательно, и малодоступными, – не принимали зачастую великого князя всерьез и за ученого историка, видя в нем скорее просвещенного дилетанта и мецената, любовно лелеющего память о времени процветания Дома Романовых.

В период утверждения представлений о науке истории (и вообще о науках) как сфере высокопрофессиональной деятельности особым путем подготовленных специалистов (в России так стали думать примерно с 1860-х годов) великий князь мог казаться историком-любителем, а труды его тем самым оставаться на обочине (или даже за пределами) тематики работ собственно историографических. Но ведь "любителями", не прошедшими специальной выучки ни в университете, ни даже в духовной семинарии, были и те, у кого самые громкие имена в науке российской истории XVIII–XIX в., – от Татищева и Щербатова до Карамзина, так же как и авторы сочинений краеведной тематики. Из современников Н.М. Романова можно отметить таких видных историков, как М.И. Семевский и В.Я. Богучарский, внимание которых тоже более всего привлекали исторические биографии и политические обстоятельства прошлого.

Следует иметь в виду и то, что книги Н.М. Романова выходили в свет в период повального увлечения и самих ученых и воспринимающей сказанное ими широкой публики, а следовательно, и отражающей и одновременно направляющей общественное мнение наукообразной публицистики, социологическими схемами, статистическими выкладками и обобщениями, течениями общественно-философской и религиозной мысли и их главными выразителями или особо значительными историческими личностями, определявшими основную полити-

¹⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III. С. 322–323. (Автор Л.В. Черепнин).

¹⁵ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историогр. очерки. Л., 1986. С. 40–44, 313.

¹⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. С. 355.

ческую конфигурацию своей эпохи и последующего времени. Сосредоточение же интереса историка на деталях биографии Александра I, отличавшегося к тому же нечеткостью общественных воззрений и линий поведения, и лиц его окружения, уже не слишком памятных обществу по прошествии целого века, казалось недостаточным или, пожалуй, нарочито неактуальным. Более того, в канун празднования 300-летия Дома Романовых признаком монархического консерватизма мысли. Аристократическая тематика сочинений великого князя, изысканность стиля изложения, даже само великолепие оформления дорогостоящих изданий (роскошная бумага, иллюстрации, тексты на языке подлинника) могли восприниматься, видимо, и как нечто противопологаемое публично перевозносимому демократизму в распространении исторических знаний.

На самом деле Николай Михайлович был историком по призванию, более того, историком-архивистом, историком-археографом. Проживая зачастую значительное время вдали от двора (чаще всего в Боржоми), он в недели кратковременного пребывания в Петербурге (как, например, в 1902 г.) старался возвращаться в "обществе историков". Также было и в Париже (об этом в письме Л.Н. Толстому в апреле 1902 г.¹⁷). Причем научно-организационные возможности и особенно обязанности стимулировали и исследовательскую работу. «...По складу моего характера, – писал он Л.Н. Толстому, – я только тогда "реагирую", когда несу какую-нибудь ответственность». Возможно, что для Николая Михайловича, человека активного ума и наблюдательности, это становилось утешением в волновавшей его политической обстановке – и широкого общественного недовольства правительством и личного "отдаления от правящих петербургских сфер"¹⁸.

Николаю Михайловичу как автору исторических трудов действительно чуждыми были обретающие в ту пору все большую моду подход к явлениям прошлого и манера изложения на грани схематической конструкции и публицистики. Он продолжал придерживаться источниковедческой основательности (даже направленности), свойственной так называемой петербургской школе К.Н. Бестужева-Рюмина, и, пожалуй, с наибольшим сочувствием воспринимал методику таких французских историков, как Альбер Вандаль и особенно Фредерик Массон, писавших к тому же на очень близкие ему темы. Сходство обнаруживается и в отборе материала, и в художественной стилистике. Вероятно, это способствовало и установлению дружеской откровенности в переписке с Массоном.

Н.М. Романов был широко осведомленным читателем всей мировой исторической литературы и мог наблюдать, какое значительное место занимает историко-биографический жанр среди трудов ученых второй половины XIX – начала XX в., как он притягивает писателей – художников слова и как сочинения наиболее вдумчивых из таких писателей помогают осмыслению исторических явлений и познанию их в подробностях. Он стал свидетелем претворения историко-психологического подхода и сосредоточения на изображении личностей при изучении России того же XIX столетия и у российских историков – его младших современников М.О. Гершензона, П.Е. Щеголева; историко-биографический жанр обретал все большую привлекательность и для работавших в сфере источниковедения. От книг Николая Михайловича дозволено, думается, вести линию и к очеркам А.Е. Преснякова 1920-х годов об императорах первой половины XIX в. и к монографии Н.М. Дружинина о декабристе Никите Муравьеве, хотя оба они не могли тогда себе позволить ссылаться в печати на соображения августейшего историка.

Вряд ли случайно Николая Михайловича притягивала именно эпоха Александра I, избранная им темой архивных изысканий и размышлений историка.

¹⁷ ЛН. Т. 37/38. С. 303.

¹⁸ Там же. С. 309.

А.Е. Пресняков уже в советское время (в середине 1920-х годов) отмечал, что «первая четверть XIX в. – наиболее сложный, насыщенный противоречиями и своеобразным драматизмом период в истории императорской России. Общую характеристику этого периода можно было бы озаглавить: "Россия на распутье"»¹⁹.

Монархист по убеждениям, он верил в то, что "личность самодержца играет выдающуюся роль в нашей жизни на Руси", а приближенные к власти "новые люди" могут способствовать обновлению – даже "полному" – высших государственных учреждений и всей системы государственного управления²⁰. В начале XX в., в период революционных событий в России и в канун большой европейской войны, обращение к эпохе Николая I и Александра I, к изучению взаимосвязей внутренней и внешней политики и ее вершителей в сравнительно недалеком прошлом казалось поучительным не только для историков. Побуждало к тому и саморазвитие науки – появление многообразных и несхожих в выводах трудов предшественников по близкой проблематике. Возможно, что он не только сам хотел выяснить, как это происходило, искал ответы на волнующие его запросы современности, но и рассчитывал преподать урок истории и царствующей фамилии.

Известно, что великий князь Сергей Александрович заинтересованно собирал все то, что касалось императрицы Елизаветы Алексеевны²¹, а К.Р. в 1906 г. читал книгу А.Н. Пыпина "Общественное движение при Александре I" и оставил рассуждения об этом в дневниковых записях²². Имел склонность к чтению исторической литературы и художественных произведений исторической тематики и Николай II. Тема места "истории" в менталитете каждогодневности лиц, находившихся на самом вершине общественной пирамиды в России, остается слабоизученной. Более всего нам известно о круге историко-литературных интересов и уровне исторических познаний Ивана Грозного в XVI в. и Ленина и Сталина в советские годы. Уклонились от изучения прошлого России даже Екатериной II, хотя она пыталась заниматься этим на уровне едва ли не профессиональном для XVIII в., об исторических вкусах Николая I вспоминаем лишь в связи с биографией Пушкина. А ведь все реформаторы, обратившиеся к верховной власти, старались обосновать свои взгляды "историческим" опытом, и правители не оставались равнодушными к тому, с кем в прошлом склонны их сравнивать современники.

Судя по письмам к Л.Н. Толстому, великий князь несомненно имел определенные суждения об общественном мировосприятии крестьянства – хотя бы по литературе научной и художественной, – имел представление о значительной роли и народа в истории, но оставался в русле понятий об особой роли личности в тысячелетней истории России, а главное, стремился изучать то и писать о том, что яснее знал и понимал с детских лет. (Как, впрочем, поступал и Лев Толстой; что, можно полагать, в известной мере предопределило их взаимопонимание и доверие друг к другу в рассуждениях о современности и делах столетней давности.) Он подошел к теме своей, к "герою" своих размышлений и исторических штудий Александру I с отличающей его от официозных историков беспощадностью и, конечно, исходя из наблюдений и о поведении современных ему Романовых.

Еще в 1905 г. в очерке, сопровождавшем публикацию портрета Александра I,

¹⁹ Пресняков А.Е. Александр I // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 145.

²⁰ Этими соображениями он делится в письме к Л.Н. Толстому 1902 г. См.: ЛН. Т. 37/38. С. 309.

²¹ Вел. кн. Николай Михайлович. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1908. Т. I. С. 1.

²² Красный архив. Т. 45. С. 114, 115.

Николай Михайлович писал: "Личность Александра I еще далеко не уяснена, и черты его сложного характера составляют задачу изучения историков". И все-таки он достаточно жестко сформулировал то, что уже "уяснил" для себя, детально знакомясь с документацией эпохи при подготовке исследований о первых годах его правления: "Имея все качества, чтобы привлечь людей и массы, Александр I обворожал быстро, но и разочарование следовало столь же скоро; какое-то недоверие ко всем проявлялось на каждом шагу; дружбой с одним он пользовался для проверки других, казалось, столько же к нему приближенных... Словом, при лучших стремлениях своего сердца Александр всю жизнь был в открытой борьбе с своим умом, проявляя при большом самолюбии полнейшее недоверие к самому себе..."²³

Желая исследовать "характер и деятельность Александра Павловича не только как государя и повелителя земли русской, но и как человека"²⁴, историк по существу на первый план выдвигает проблемы "Царь и его окружение", "Царь и Россия, народ". И выводы Николая Михайловича достаточно суровы и нелицеприятны: устойчивый консерватизм общественных воззрений; апогей и позитивные результаты его личной деятельности не реформы, а период завершения войны с Наполеоном. Резко отрицательно оцениваются приближение Аракчеева и "изуверство" аракчеевщины, покровительство мистикам, усиление роли чужеземцев и лиц чужеземных фамилий в управлении, особенно внешне-политическими делами, которые "поручались плеяде алчных иностранцев, чуждых русскому духу, но имевших дерзость говорить и действовать от лица России"²⁵. Отмечает наряду с чарующим личным обаянием, большим умом, "непреклонностью в проведении собственных предначертаний" неуместное упрямство, злопамятство, никогда вполне не угасавшее, и двуличность как "коренную черту его нрава"²⁶. Характеризуя Александра I – государя, решительно заключает: "Для России Александр не был великим, хотя его царствование дало многое, но ему не хватало знания ни русского человека, ни русского народа"²⁷, он "не старался понять дух русского народа"²⁸. Об Александре I – человеке: "Что же касается личности Александра Павловича как человека и простого смертного, то вряд ли облик его, так сильно очаровывавший современников, через сто лет беспристрастный исследователь признает столь же обаятельным"²⁹.

В устах лица царской фамилии эти характеристики были особенно общественно значимыми (тем более, что в связи со столетним юбилеем Отечественной войны широкая пресса была буквально наводнена иного плана высказываниями об Александре Благословенном). Пожалуй, в то время лишь один Николай Михайлович из историков в какой-то мере приближался к осуществлению намерения Пушкина написать историю "Александрову пером Курбского"³⁰.

Наблюдения такого рода нетрудно было перенести и на государей, современных читателю. При дворе, вероятно, без натуги поняли смысл достаточно прозрачных ассоциаций Эзопова языка августейшего историка. Два адресата

²³ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. I. № 1.

²⁴ Вел. кн. Николай Михайлович. Александр I. Т. I. С. V.

²⁵ Вел. кн. Николай Михайлович. Донесения австрийского посланника при русском дворце Леб-цельтерна за 1816–1826 годы. СПб., 1913. С. XXIV.

²⁶ Вел. кн. Николай Михайлович. Александр I. Т. I. С. 345–346.

²⁷ Там же. С. 346.

²⁸ Там же. С. 12.

²⁹ Там же. С. VI.

³⁰ Разговоры Пушкина / Собр. С. Гессен, Л. Модзалевский. М., 1929. С. 94. (Дневниковая запись А.Н. Вульфа сентября 1827 г.).

сочинений великого князя – так называемую широкую публику и ученых знатоков истории, с одной стороны, и царскую фамилию с ее изобилием иноземных принцесс – с другой, следует иметь в виду, оценивая исторические труды Николая Михайловича и их восприятие первыми читателями.

И вряд ли жестом политического приспособления можно считать его желание внести материальную "лепту" при установке памятника декабристам (о чем писал министру Временного правительства А.Ф. Керенскому 9 марта 1917 г.)³¹. Уже в текстах к портретам декабристов, включенным в выпуски "Русские портреты", обнаруживается симпатия к их душевным качествам, даже образу поведения.

Потому-то и сосредоточил внимание на изучении реформаторской деятельности М.М. Сперанского. "Большая работа о Сперанском" – последний его исследовательский труд, о котором он писал из тюрьмы Д.Б. Рязанову. Этим Н.М. Романов занимался в заточении, "несмотря на все тяжелые условия и большой недостаток материалов" (как сформулировано в этом письме от 6 января 1919 г.)³². Как важно было бы обнаружить эти материалы! Только ли заготовки к монографии или частично осуществленное и воплощенное в монографию исследование? Важно было бы выяснить и то, имела ли какая-либо взаимосвязь труда Николая Михайловича и той работы по подготовке издания сочинений Сперанского, к которой приступали тогда в Академии наук. Жизнь историка оборвали, когда он полон был творческих замыслов.

Так или иначе определять место Николая Михайловича в развитии исторической науки и эволюцию его исследовательских и научно-организационных интересов (да и общественных взглядов), выяснится лишь после серьезного изучения его письменного наследия. Но нет сомнений в том, что сопоставительное изучение архивных и печатных материалов этого наследия и всего остального, помогающего знакомству с жизнью и творчеством незаурядного ученого и общественного деятеля – привлекательная задача для исследователя.

Л.Н. Пушкарев

НУЖНАЯ, ПОЛЕЗНАЯ КНИГА *

(о монографии М. Абашидзе)

В Тбилиси в издательстве "Мецниереба" в 1992 г. вышла в свет книга М.Д. Абашидзе "Источниковедческие аспекты перевода грузинских исторических источников на русский язык". В ней впервые обобщены теоретические и практические результаты более чем двухвековой истории переводов грузинских нарративных исторических источников на русский язык. Автор дал развернутую характеристику этих переводов, попытался раскрыть основные принципы научных переводов текста грузинских письменных источников. В заключение к книге М.Д. Абашидзе провела сравнительный статистический анализ текстов переводов и оригинала древнейшего из дошедших до нас памятников грузинской оригинальной письменности – "Мученичества Шушаник".

Современные исследователи хорошо осознают значение точных научных переводов иноязычных исторических источников. Эти переводы значительно расширяют географические границы их использования, дают возможность

³¹ Боханов А.Н., Исмаил-Заде Д.И. Российский императорский дом. С. 190.

³² Цит. по: Наше наследие. 1992. № 25. С. 87.

* © Л.Н. Пушкарев

историкам более полно и верно воссоздать историю различных народов. Известно также, что неверный, неточный перевод может стать источником многих ошибок в исследованиях. Поэтому научное значение избранной автором темы бесспорно.

М.Д. Абашидзе раскрыла в своей книге историю переводов грузинских нарративных памятников на русский язык, начиная с 1777 г. и кончая 80-ми годами нашего столетия (работа была сдана в издательство в 1988 г.). Она верно определила начало точных научных переводов, отнесла его к концу XIX в. (переводы Е.С. Такайшвили и М.С. Джанашвили) и завершила свой разбор переводов трудами М.Д. Лордкипанидзе и Г.В. Цулая. М.Д. Абашидзе отказалась рассматривать в своей книге перевод Е.С. Такайшвили давно уже известного произведения "Обращение Грузии", посвященного христианизации Грузии в первой половине IV в. просветительницей св. Нино. Она обосновала свое решение тем, что некоторые исследователи (например, К.С. Кекелидзе) относят его к числу произведений легендарно-апокрифического характера. Автор пишет: «Из переводов, выполненных Е.С. Такайшвили, для подробного анализа были выбраны переводы нарративных источников: "Хроника" Сумбата, вошедшая в летописный свод "НЦ" и "История Грузии" Нико Дадияни, так как эти переводы типичны для творческой манеры Е.С. Такайшвили, и на их примере можно судить об основных принципах, которыми руководствовался ученый при переводе грузинских исторических источников на русский язык» (с. 79). Думаю, что "Обращение Грузии", как это хорошо показала (правда, уже после выхода работы М.Д. Абашидзе) М.С. Чхартушвили, – важный исторический источник, и не случайно он был опубликован Комиссией по источникам истории Грузии в завоевавшей признании серии "Памятники грузинской исторической литературы"¹. "Обращение Грузии" заслуживает серьезного источниковедческого исследования.

За пределами обзора М.Д. Абашидзе остались и позднейшие переводы источников по истории Грузии на русский язык, вышедшие уже в 90-х годах нашего века².

Заслугой автора рецензируемой книги является выделение информативно-художественного типа перевода применительно к нарративным историческим памятникам, ибо многие повествовательные источники являются одновременно и литературно-художественными (летописи, хроники, исторические повести, жития и многие другие).

М.Д. Абашидзе совершенно справедливо указала на значение создания в 1974 г. Комиссии по источникам Грузии при Академии наук Грузии. Эта комиссия придала академический планомерный характер и переводу, и критическому изданию грузинских повествовательных источников. Следовало бы только отчетливее подчеркнуть роль Р.К. Кикнадзе в создании "Правил перевода на русский язык и издания памятников грузинской исторической литературы" (Тбилиси, 1977). Именно он был ответственным составителем этих правил и главным организатором большой и плодотворной публикаторской и научно-исследовательской деятельности в области грузинского источниковедения и археографии, о чем в монографии М.Д. Абашидзе сказано недостаточно. Равным образом, мало внимания уделено единственной в грузинской историографии книге по классификации грузинских источников (*Аласания Г.Г. Классификация грузин-*

¹ Обращение Грузии / Пер. с древнегруз. Е.С. Такайшвили; Ред. обработка, исслед. и коммент. М.С. Чхартушвили. Тбилиси, 1989.

² *Горгиджанидзе Парсадан. История Грузии* / Пер. Р.К. Кикнадзе, В.С. Путуридзе; Исслед. и указ. Р.К. Кикнадзе. Тбилиси, 1990; *Парижская хроника* / Пер., исслед., примеч. и указ. Г.Г. Аласания. Тбилиси, 1991.

ских письменных исторических источников. Тбилиси, 1986), хотя предшествовавшие этой работе классификационные схемы разобраны автором подробно и обстоятельно (схемы Ив. Джавахишвили и К. Кекелидзе). А ведь это важное исследование вышло в 80-е годы – именно их М.Д. Абашидзе верно оценивает как вершину достижений грузинской историографии в анализируемой ею области. Работа Г.Г. Аласани заслуживает гораздо более высокой оценки, чем простое упоминание о ней на с. 56.

В целом же книга М.Д. Абашидзе производит хорошее впечатление. Она будет полезна русским исследователям, поможет им правильнее ориентироваться в качестве переводов и изданий памятников грузинской историографии. Выход в свет книги М.Д. Абашидзе в наши дни – отрадное явление на фоне ужесточившихся национальных конфликтов. Исследование М.Д. Абашидзе служит благородным целям укрепления научных связей между нашими народами.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ С.О. ШМИДТА*

15 апреля 1992 г. исполнилось 70 лет со дня рождения председателя Археографической комиссии академика Российской Академии образования Сигурда Оттовича Шмидта. С.О. Шмидт с 1967 г. является и ответственным редактором Археографических ежегодников. Им подготовлен к печати АЕ и за 1993 г. Книга АЕ за 1992 г., включающая материалы и о самом С.О. Шмидте, выходит под редакцией заместителя председателя Археографической комиссии академика Н.Н. Покровского.

1941

Алкивиад [Тез. докл.] // Третья науч. студ. конф. Моск. гос. ун-та, 18–23 апреля 1941 г. М. С. 37.

1945

Работа секции истории конференции Московского государственного университета, посвященной современным проблемам науки // Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ. М. Вып. 3. С. 53–59. Совм. с В.А. Александровым и Б.С. Поповым.

1949

Правительственная деятельность А.Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI ст.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ист. фак. МГУ. 10 с. Ротапринт;

Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века / Сост. В.И. Лебедев, М.Н. Тихомиров, В.Е. Сыроечковский. 3-е изд., испр. и доп. М. 507 с. Участие в подборе нового материала и составление библиографии. Совм. с В.А. Александровым.

Рец. на кн.: Ягодина Т.М. История СССР. Ч. 1. Программы чтения в помощь самообразованию. М., 1949. // СК. 1949. № 5. С. 87–88.

[Выступ. при обсужд. учебника М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева "История СССР" (Т. 1) на засед. ист. факт. МГУ. 1948. 26 окт. Крат. излож.]; Аврех А.Я. Обсуждение учебника истории // Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук. 1949. № 4. С. 108.

1950

Челобитенный приказ в середине XVI столетия // ИОИФ. М. Т. XII, вып. 5. С. 446–453.

1951

Подгот. публ., вступ. ст.: Продолжение Хронографа редакции 1512 года // ИА. М. Т. VII. С. 254–299.

Рец. на кн.: Садилов П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950 // СК. 1951. № 5. С. 68–73.

1952

Рец. на кн.: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951 // ИЮЛЯ. М. Т. XI, вып. 4. С. 385–391.

Рец. на кн.: Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952 // ВИ. 1952. № 12. С. 146–150.

1953

К 60-летию проф. М.Н. Тихомирова. Список печатных работ М.Н. Тихомирова // Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук. 1953. № 4, вып. 2. С. 71–81.

Рец.: Ценный исторический труд [История Москвы. Т. 1. Период феодализма, XII–XVII вв. М., 1952] // Новый мир. 1953. № 9. С. 242–246.

Рец. на кн.: Исторический архив. М., 1953. Т. VIII. // ВИ. 1953. № 8. С. 161–165.

1954

Малоизвестное письмо К.Ф. Калайдовича: (Из истории воспом. ист. дисциплин) // ТМГИАИ. М. Т. 7. С. 223–226.

Правительственная деятельность А.Ф. Адашева // УЗ МГУ. Каф. истории СССР. М. Вып. 167. С. 25–53.

Рец.: Stökl G. Von der Entstehung des Kiever Staates bis zum Ende der Wirren (862–1613) // Zeitschriftenschau Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. München, 1955. Bd. 3. S. 270–271.

Предпосылки и первые годы "Казанской войны" (1545–1549) // ТМГИАИ. М. Т. 6. С. 187–257.

Рец.: Интересное исследование [Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М., 1953] // Новый мир. 1954. № 8. С. 280–283.

Рец. на кн.: Корольюк В.Д. Ливонская война. М., 1954 // ВИ. 1954. № 10. С. 150–152.

1955

Внешняя политика Русского государства в середине XVI в.: Присоединение Казани и Аст-

* © Составители : Л.И. Шохин, О.Б. Гайсина. Использована книга: Сигурд Оттович Шмидт: Библиогр. указатель / Сост. Л.И. Шохин; Предисл. акад. Д.С. Лихачева; Ред. В.А. Муравьев. М.: МГИАИ, 1987. 92 с.

рахани // Очерки истории СССР: период феодализма (конец XV – начало XVII в.). М. С. 350–369.

1956

Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. // ПИ. М. Вып. 5. С. 265–284.

Рец.: Мерзон А.Ц. // ИСССР. 1957. № 2. С. 165–166.

То же, пер. на яп. яз.: Журн. науч. о-ва ун-та Сенсю. Сер. гуманитар. наук. Токио, 1979. № 23. С. 25–49.

[Выступ. по докладу С.М. Дубровского в Институте истории, 1956 г., май: Крат. излож.] / Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // ВИ. 1956. № 9. С. 198–199.

1957

Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений: (Опыт изучения Описи Царского архива) // ТМГИАИ. М. Т. 8. С. 260–278.

От редакции: [Передовая статья] // ИСССР. 1957. № 1. С. 3–6. Без подписи.

Отв. ред.: ТМГИАИ. М. Т. 10: Сб. студенческих научных работ. 421 с. От редакции // Там же. С. 3.

Рец.: В.К. Исследования студентов // ИА. 1959. № 3. С. 211–213; Томашевич Ю.У., Троицкий С.М. Сборники научных работ студентов // ИСССР. 1959. № 4. С. 156–158. Отз.: Муравьев В.А. Кружки источниковедения истории СССР – 15 лет // ТМГИАИ. М., 1966. Т. 24. С. 267.

Зам. гл. ред.: ИСССР. 1957. № 1–5; 1958. № 1–6; 1959. № 1–6; 1960. № 1–4.

Рец.: Рыбаков Б., Ивницкий Н., Иллерицкий В. Научный журнал по истории нашей Родины // Коммунист. 1959. № 15. С. 118–123; Krause H. "Istoria SSSR" – ein neues Fachorgan zur Geschichte der UdSSR (Jg. 1957/58) // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas. B., 1959. Bd. 3. S. 399–424.

[Выступ. в МГИАИ по докл. А.Ц. Мерзона, 1957 г.: Крат. излож.] / А.Н. О критике исторических источников // ИА. 1957. № 5. С. 285–286; Николаева А.Т. Научное совещание, посвященное критике исторических источников // ВИ. 1957. № 5. С. 242.

1958

Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОРДЛ. М; Л. Т. XIV: [Сб. к 70-летию В.П. Адриановой-Перетц]. С. 256–265.

К истории Царского архива середины XVI в. // ТМГИАИ. М. Т. 11. С. 364–407.

1959

Исторические знания в Древнерусском государстве и в феодально-раздробленной Руси (X–XV вв.): Учеб. пособие. М.: МГИАИ. 29 с. Ротапринт.

Исторические знания времени образования и укрепления Российского централизованного государства (конец XV–XVI в.): Учеб. пособие. М.: МГИАИ. 25 с. Ротапринт.

1960

Ред., подгот. публ.: Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Изд-во вост. лит. 195 с. Введение. С. 5–14 [Подгот. публ. описи Царского архива]. С. 17–44.

Рец.: Winter E. Literatur für altrussischen Geschichte // ZG. 1960. N 8. S. 1942–1943; Корещий В.И. Описи древнерусских архивов // ИА. 1961. № 1. С. 161–165; Кобрин В.Б. // ВИ. 1962. № 4. С. 145–147; Bogdan Damian P.A. // Analele romino sovietice. Seria istorie. 1962. N 1. P. 145–149.

К истории составления описей Царского архива XVI века // АЕ за 1958 г. М. С. 54–65.

Сборы середины XVI века // ИСССР. 1960. № 4. С. 66–92.

Конференция о немецко-русских научных сношениях во второй половине XVIII в. // ИСССР. 1960. № 5. С. 229–231.

1961

Исторические знания в V–XV веках // Историография истории СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: [Учеб. пособие] / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. М. Гл. 1. С. 25–45.

Исторические знания времени образования и укрепления Русского централизованного государства (конец XV–XVI в.) // Там же. М. Гл. 2. С. 45–59.

К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М. С. 366–375. Рез. на фр. яз. С. 375.

Рец.: Голобуцкий В.А. // ВИ. 1963. № 5. С. 119; Donnert E. // ZG. 1963. Jg. 11, N 5. S. 985.

Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: [Сб. к 70-летию А.А. Новосельского]. М. С. 30–34.

Рец.: Шапиро А.Л. // ИСССР. 1962. № 6. С. 160; Компан Д.С. // УЖ. 1963. № 3. С. 144.

Подгот. публ., вступ. ст.: Неизвестные документы XVI в. // ИА. 1961. № 4. С. 149–158.

Отв. ред.: ТМГИАИ. М. Т. 16: Труды НСО. История СССР. Спец. ист. дисциплины. 500 с. От ред. // Там же. С. 5–6.

Рец.: Кутьев В.Ф. Новые работы советских архивистов. // ИА. 1961. № 6. С. 215–217.

Отв. ред.: Государственный исторический архив Московской области: Путеводитель. М. 345 с.

Внутренняя политика царизма в 1725–1762 гг.: [Глава для III тома "Истории СССР с древнейших времен до наших дней"]. М.: [Ин-т истории] 33 с. Ротапринт.

Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР. М. С. 91–136.

Рец.: Кинкулькин А.Т. // ПИШ. 1962. № 6. С. 95–102; Ковальченко И.Д., Найденов М.Е., Сахаров А.М. // ВИ. 1963. № 1. С. 110–111; Сахаров А.М., Шапиро А.Л. Советская литература по проблемам истории русского феодализма в 1962 г. // ИСССР. 1963. № 4. С. 148; Donnert E. // ZG. 1963. N 3. S. 599.

Вопросы преподавания источниковедения // НИИ. 1962. № 4. С. 112–119.

О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации // ИСССР. 1962. № 1. С. 94–104.

То же, пер. на нем. яз.: Über den Gegenstand der sowjetischen Geschichtsschreibung und einige Prinzipien ihrer Periodisierung // Sowjetwissenschaft: Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. В., N 6. S. 669–683.

[Выступление в прениях на пленар. засед. симпоз.] // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г. Киев. С. 568–570.

Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI в. // Тез. докл. и сообщ. на пятой сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы (1962, Минск). Минск. С. 94–96. Ротапринт.

Рец. на кн.: Замин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1961 // ВИ. 1962. № 6. С. 132–139.

Подгот. публ., вступ. ст.: Предания о чудесах при постройке Новгородской ропаты // Историко-археологический сборник: [Сб. к 60-летию А.В. Арциховского]. М. С. 319–325.

Подгот. публ., вступ. ст.: Проект П.И. Шувалова 1754 г. "О разных государственной пользы способах" // ИА. 1962. № 6. С. 100–118.

Отражение "Казанской победы" в памятниках русской общественной мысли и в дипломатической практике Российского государства 2-й половины XVI в. // Аннотированный перечень докладов и сообщений, поступивших на учредительный съезд Историко-археологического общества. Казань. С. 35.

1963

К вопросу о преподавании источниковедения истории КПСС // Вопр. истории КПСС. 1963. № 2. С. 101–104.

О дьячестве в России середины XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: [Сб. к 70-летию М.Н. Тихомирова]. М. С. 181–190.

О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР //

ВИ. 1963. № 8. С. 59–70. Рез. на англ. яз. С. 221.

"Сказание о взятии Астрахани" в летописной традиции XVII–XVIII вв. // ТМГИАИ. М. Т. 17: Вопросы источниковедения истории СССР. С. 393–398.

Подгот. публ., вступ. ст.: К истории монастырской колонизации XVII в.: "Повесть о начале Оранского монастыря" // Вопросы истории религии и атеизма. М. Т. XII. С. 297–309.

Подгот. публ., вступ. ст.: Малоизвестная записка новгородского книжника XVI в. // Лингвистическое источниковедение. М. С. 148–152.

Семидесятилетие академика М.Н. Тихомирова // ИСССР. 1963. № 5. С. 230. Без подписи.

Чл. редкол.: Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сб. ст. М. 384 с. Совм. с И.А. Голубцовым, Е.Н. Кушевой, Л.В. Черепнинным.

[Выступ. в Ин-те истории АН СССР, 13 марта 1963; Крат. излож.] Колычева Е.И. Обсуждение доклада Л.В. Черепнина "Советская историческая наука в борьбе с буржуазной историографией" // ИСССР. 1963. № 4. С. 225.

1964

Исследования по социально-политической истории России XVI века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Ин-т истории АН СССР. 40 с.

Восточная политика России накануне "Казанского взятия" // Международные отношения. Политика. Дипломатия, XVI–XX вв.: [Сб. к 80-летию И.М. Майского]. М. С. 538–558.

Дворцовые перевороты и внутренняя политика царизма в 1752–1762 гг. // История СССР с древнейших времен до наших дней. М. Т. III, ч. III, кн. 1: С середины XVII в. до 90-х годов XVIII в.: [Макет]. С. 533–589. Ротапринт.

Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI в.: (в послевоенные годы) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. Минск. С. 181–192.

Местничество и абсолютизм: (Постановка вопроса) // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): [Сб. к 70-летию Б.Б. Кафенгауза]. М. С. 168–205.

Отз.: Троицкий С.М., Хорошкевич А.Л. Обзор литературы по истории СССР периода феодализма, вышедшей в 1964 г. // ИСССР. 1965. № 3. С. 185; Merquerian B. // Kritika. Cambridge (Mass.), 1965. Vol. 1, N 3. P. 29–30.

[Выступ. в прениях по докладу П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева "О разработке методологических вопросов истории"] // История и социология. М., С. 284–296.

Вопросы аграрной истории России XVI в. в новейшей исторической литературе // Тез. докл. и сообщ. седьмой (Кишиневской) сес. симпоз.

- по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев. С. 75–76. Ротапринт.
- Рец.: Новая книга по истории нашей Родины. [Рец. на кн.] Краткая история СССР. М.; Л., 1963. Ч. I // ВИ. 1964. № 7. С. 133–138. Совм. с К.Н. Тарновским.
- Подгот. публ., вступ. ст.: "Врачебница мудра зело": (По рукописи XVII века) // Источниковедение и история русского языка. М. С. 216–217.
- Подгот. публ. вступ. ст.: "Слово о Дарианцаре" в рукописной книге XVI в. // Исследования по отечественному источниковедению: [Сб. к 75-летию С.Н. Валка]. Л. С. 414–418. (ТЛООИ; Вып. 7).
- Письмо в редакцию: [О недостатках в составлении науч.-справ. аппарата и обслуживании читателей в ЦГАДА] // ИСССР. 1964. №2. С. 243–244. В соавторстве.
- XVIIIe siècle // *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*. P., N 1. P. 95–110.
- Подгот. публ., вступ. ст.: Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М. С. 355–363.
- [Вступ. заметка] // Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV–XV вв.). М. С. 4. Без подписи.
- [О кн.: Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV–XV вв.). М., 1966] // В мире книг. 1966. № 9. С. 13. Без подписи.
- [О докл. "Приказная администрация в Российском государстве периода становления абсолютизма" на конф. сов. и фр. историков, Париж, май 1966] // НИИ. 1966. №6. С. 176.

1965

- К истории соборов XVI в. // ИЗ. М. Т. 76. С. 120–151.
- Отз.: Павленко Н.И. К истории земских соборов XVI века // ВИ. 1968. № 5. С. 82–105.
- О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // ТМГИАИ. М. Т. 22. С. 3–49.
- Les premiers Zemskie Sobory de l'État russe à la lumière des recherches soviétiques les plus récentes // *Cahier du monde russe et soviétique*. P., 1965. Vol. VI. 4. Cahier. P. 497–510.
- Les Premiers Zemski Sobory de l'État russe // *Annali della Fondazione italiana per la storia amministrativa*. Milano. Vol. 2. P. 248–282.
- В.И. Ленин о государственном строе России XVI–XVIII веков: О методике изучения материалов по теме // Тез. докл. и сообщ. на Всесоюз. науч. сес. "В.И. Ленин и историческая наука" (Киев, 15–18 июня 1965). Киев. С. 82–84. [Крат. излож. докл.] Сарбей В.Г. Всесоюзная научная сессия "В.И. Ленин и историческая наука" // ИСССР. 1965. № 6. С. 211–212.

1966

- Живая связь времен: (Б-ка "Комсомольской правды") // Отечество. № 8. С. 20–23.
- Заметки о Синодальном списке Лицевого летописного свода // Культура Древней Руси: [Сб. к 40-летию науч. деятельности Н.Н. Воронина]. М. С. 300–301.
- К истории земской реформы: (Собор 1555/1556 г.) // Города феодальной России: [Сб. памяти Н.В. Устюгова]. М. С. 125–134.
- Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного // СА. 1966. № 1. С. 31–36; № 2. С. 46–51.
- Памяти учителя: (Материалы к науч. биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 г. М. С. 7–30.
- La politique intérieure du tsarisme au milieu du

1967

- Виктор Иванович Шунков: [Статья-некролог] // ВИ. 1967. № 12. С. 210–212. Без подписи.
- Внутренняя политика царизма во второй четверти XVIII в. // История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая сер. М. Т. III. С. 251–273.
- Историзм мышления // Наука убеждать. М. С. 453–493.
- Рец.: Кинкулькин А.Т. // ПИШ. 1968. № 4. С. 101–102.
- Чл. редкол.: Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М. 392 с. Совм. с В.А. Александровым, М.Т. Белявским, Ю.О. Бемом, А.В. Муравьевым.
- Рец.: Королук В.Д. // ИСССР. 1968. № 6. С. 157–160.
- О Московском восстании 1547 г. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: [Сб. памяти И.И. Смирнова]. Л. С. 114–130. (ТЛОИИ; Вып. 9).
- Исучение аграрной истории и развитие общественной мысли в дореволюционной России: (Постановка вопроса) // Тез. докл. и сообщ. десятой сес. симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. М. С. 35–36. Ротапринт.
- О времени составления "Выписи" о втором браке Василия III // Новое о прошлом нашей страны: М. С. 110–122.

1968

- В.И. Ленин о государственном строе России XVI–XVIII вв.: (О методике изучения материалов по теме) // В.И. Ленин и историческая наука. М. С. 330–346.
- Рец.: Лагуткина А.В. // ВИ. 1969. № 12. С. 14; Гусев К.В. // ИСССР. 1970. № 1. С. 150; Котов В.Н. // УЖ. 1970. № 11. С. 142.
- К изучению аграрной истории России XVI века // ВИ. 1968. № 5. С. 17–31. Рез. на англ. яз. С. 221.

К изучению "Истории" князя Курбского: (О поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь: (Сб. к 60-летию Б.А. Рыбакова). М. С. 366–374.

Советские историки и архивы // СА. 1968. № 6. С. 3–14.

К 80-летию профессора С.Н. Валка // ИСССР. 1968. № 2. С. 220–221.

Подгот. к печ., ред.: Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков. М. 447 с. Совм. с М.Т. Белявским. От редакции // Там же. С. 5–9. Совм. с М.Т. Белявским; Комментарии // Там же. С. 414–415, 423–432, 434.

Рец.: Сергеев В. История загадки и разгадки // Учит. газ. 1968. 17 сент.; Serban C. Studii. Rev. de istorie. Buc., 1968. Т. 21, N 6. P. 1261–1262; Адрианова-Перетц В.П. // ВИ. 1969. № 4. С. 172–175; То же, пер. на англ. яз.: Social sciences. 1970. N 2. P. 160–162; То же на фр., нем., и др. яз.

1969

Отв. ред.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М. 511 с.

Современные проблемы источниковедения // Там же. М. С. 7–58.

Рец.: Фурман Д. Путь к исторической правде // Новый мир. 1969. № 11. С. 265–267; Хорос В. // Вопр. философии. 1969. № 11. С. 144–148; Варшавчик М.А., Стрельский В.И. // УИЖ. 1971. № 8. С. 139–141; Donnert E. // Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internationalen Wissenschaft. 1971. N. 4. S. 291–292; Левыкин К.Г. О некоторых проблемах источниковедения // ВИ. 1972. № 1. С. 152–158.

В.И. Шунков – источниковед и археограф: первые десятилетия творческой деятельности // АЕ за 1967 г. М. С. 356–362.

История мышления // Наука убеждать. 2-е изд. М. С. 346–377.

То же: Пер. частей ст. на лит. яз.: Mastymo istorismas // Komjaunimo tiesa. 1975. Sausio 9, 16.

О послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь: Постановка вопроса // ТОДРЛ. Т. XXIV: Литература и общественная мысль Древней Руси: [К 80-летию В.П. Адриановой-Перетц]. Л. С. 163–166.

Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теорет. и метод. пробл. М. С. 7–58.

Таинственный XVI век // Знание–сила. 1969. № 10. С. 44–46.

[Выступ. по проблемам истории развития абсолютизма] // Atti del III Convegno degli storici italiani e sovietici, Mosca, apr. 1968. Roma. P. 132–139.

[Выступ. при обсуждении докл. Б.Ф. Поршнева "Мыслима ли история одной страны?"] // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., С. 318.

К 65-летию А.В. Арциховского // АЕ за 1967 г. М. С. 338. Без подписи.

Подгот. публ., вступ. ст., примеч.: Материалы по методике источниковедения в архиве И.И. Полосина // АЕ за 1967 г. М. С. 316–328.

Подгот. публ., вступ. ст.: Проект П.И. Шувалова о создании в России Высшей военной школы // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX в.: [Сб. к 60-летию Л.Г. Бескровного]. М. С. 390–404.

Отв. ред.: Научная конференция "Состояние и задачи изучения вспомогательных исторических дисциплин". Л. 22 с. Ротапринт.

Отв. ред. [Разделы]: АЕ за 1967 г. М. Разделы IV. "Хроника" и "Памяти Виктора Ивановича Шункова". С. 335–364.

Чл. редкол.: Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М. 374 с.

Чл. редкол.: Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М. 447 с.

[О докл. "Деятельность Археографической комиссии в 1968 г. и планы дальнейшей работы в 1969–1970 гг." на пленар. засед. АК, 20 дек. 1968; Крат. излож.] // СА. 1969. № 2. С. 124; ИСССР. 1969. № 3. С. 239; АЕ за 1968 г. М. С. 440–442.

1970

[Выступ. по проблеме истории развития абсолютизма] // Документы советско-итальянской конференции историков, 8–10 апреля 1968 г. "Абсолютизм в Западной Европе и в России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века". М. С. 243–251.

[Крат. излож.] Шетинина Г.А. Третья встреча советских и итальянских историков // ИСССР. 1968. № 5. С. 247; Комолова Н.П. Москва – Рим – Москва: Диалог между сов. и ит. историками // ННИ. 1968. № 5. С. 183.

К истории архивного строительства в первые годы советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: (Материалы юбил. науч. конф. архивистов Ленинграда, 13–14 июня 1968 г.). Л. С. 19–35.

[Рец. 1971 г.] Неопубликованная работа С.Н. Валка. Подгот. публ. Т.В. Андреева, М.П. Ирошников // ОА. 1992. № 5. С. 67–68. Доклад повторен на заседании АК, 1969 г., 20 окт. // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 330–332; излож. обсуждения докл., авторизован. рез. выступ. акад. Н.М. Дружинина. С. 330–331.

Основные направления работы Археографической комиссии и ее филиалов // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Сев. археограф. сб. Вологда. Вып. 1: Труды Вологод. науч. конф. по историографии и источниковедению, дек. 1968 г. Вологда.

Отз.: ИСССР. 1969. № 4. С. 211.

Вступ. слово на "Тихомировских чтениях 1968 года", посвящ. 75-летию со дня рождения М.Н. Тихомирова // АЕ за 1968 г. М. С. 300–304.

Les problèmes actuels des études des Sources historiques // Sciences sociales. 1970. N 2. P. 75–100. То же, пер. на англ. и исп. яз.

W.I. Lenin über die Staatsform Russlands vom 16. bis 18. Jahrhundert: Zur Methodik des Studiums der Materialien zu diesem Thema // W.I. Lenin und Geschichtswissenschaft. B. S. 197–212. / Vorwort von B. Weissel. S. 8.

Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР: ["В научных советах и комиссиях" – информация о планах работы] // ИСССР. 1970. № 1. С. 226–227.

Отв. ред.: Археографический ежегодник за 1968 год. М.: Отд-ние истории АН СССР. АК. 472 с. Отв. ред. изд. Археографический ежегодник за 1969–1991 гг.

Рец.: Степанский А.Д. По страницам Археографических ежегодников // СА. 1972. № 2. С. 115–119.

Отз.: Обсуждение АЕ за 1968–1972 гг. Сорokin В.В. Заседание кафедры археологии МГИАИ // СА. 1972. № 4. С. 124–125; Он же. Обсуждение проблем архивоведения и археологии 3 марта 1972 г. на расширенном заседании кафедры археологии МГИАИ // ТМГИАИ. М., 1975. Т. 31: Актуальные вопросы теории и методологии документоведения, архивоведения и археологии. Вып. 1. С. 141–149; Дышлевоy П.С., Кузьминская О.Д. В Археографической комиссии АН УССР // СА. 1972. № 6. С. 112–113; Чернуха В.Г. В Ленинградском отделении Археографической комиссии // СА. 1972. № 5. С. 124–126; Павлов-Сильванский В.Б. Обсуждение "Археографических ежегодников" за 1968–1972 гг. // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 363–365; Белокуроv М.Г. Обсуждение "Археографических ежегодников" за 1972–1976 гг. // СА. 1979. № 3. С. 90–91.

Отз.: Долдобанова Н.А. Обсуждение "Археографических ежегодников" за 1971–1976 гг. в Москве // АЕ за 1979 г. М., 1981. С. 343–344; Либерзон И.З. Обсуждение "Археографических ежегодников" за 1971–1976 гг. в Ленинграде // Там же. С. 344–346.

Рец.: Медушевская О.М., Пережогин М.А. Археографический ежегодник – итоги и перспективы // ВИ. 1979. № 2. С. 42–52; Tumelis Juozas. Lituaniaiiniai "Archeografijos metraščio" (1957–1976) puslapiai // Lietuvos istorijos metraštis, 1978. Metai. Vilnius, 1979. P. 102–106. [Об АЕ за 1980 г.]: Самсонов А.М. Новое в археологии // КО. 1982. № 13.

Отв. ред.: Тихомировские чтения 1970 г.: Материалы науч. конф., посвящ. организации археогр. экспедиций в РСФСР. М. 198 с. Ротапринт.

[Вступ. слово] // Там же. С. 5–15. [Выступ. в прениях] // Там же. С. 55–56, 91, 100, 107, 110–112, 136; [Закл. слово] // Там же. С. 184–190.

Отз.: Альтман В.В. Тихомировские чтения [Крат. излож. выступлений] // ВАН. 1970. № 9. С. 140–142; СА. 1970. № 6. С. 116.

Отв. ред.: Материалы науч. студ. конф., май 1970 г. М.: МГИАИ. Вып. I: Источниковедение истории СССР. 87 с. Ротапринт.; Вып. II: Источниковедение историографии. 97 с. Ротапринт.

Отз.: Амосов А.А. В Московском государственном историко-архивном институте: Деятельность науч. студ. кружка источниковедения истории СССР // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 398–399; Крылов В.В. Юбилей студенческого кружка // СА. 1970. № 6. С. 117.

Отз.: Амосов А.А. В Московском государственном историко-архивном институте: Деятельность науч. студ. кружка источниковедения истории СССР // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 398–399; Крылов В.В. Юбилей студенческого кружка // СА. 1970. № 6. С. 117.

Отв. ред.: Материалы науч. студ. конф., май 1970 г. М.: МГИАИ. Вып. I: Источниковедение истории СССР. 87 с. Ротапринт.; Вып. II: Источниковедение историографии. 97 с. Ротапринт.

Отз.: Амосов А.А. В Московском государственном историко-архивном институте: Деятельность науч. студ. кружка источниковедения истории СССР // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 398–399; Крылов В.В. Юбилей студенческого кружка // СА. 1970. № 6. С. 117.

Отв. ред.: Материалы науч. студ. конф., май 1970 г. М.: МГИАИ. Вып. I: Источниковедение истории СССР. 87 с. Ротапринт.; Вып. II: Источниковедение историографии. 97 с. Ротапринт.

Отз.: Амосов А.А. В Московском государственном историко-архивном институте: Деятельность науч. студ. кружка источниковедения истории СССР // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 398–399; Крылов В.В. Юбилей студенческого кружка // СА. 1970. № 6. С. 117.

1971

В.И. Ленин – читатель В.О. Ключевского // Проблемы истории общественного движения и историографии: (Сб. к 70-летию М.В. Нечкиной). М. С. 354–364.

Исторические знания в V–XV вв. // Историография истории СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. 2-е изд., испр. и доп. М. Гл. 1. С. 21–37.

Исторические знания времени образования и укрепления Российского централизованного государства (конец XV–XVI в.) // Там же. Гл. 2. С. 37–48.

Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности В.И. Шункова // Виктор Иванович Шунков. М. С. 8–25. (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 10).

Николай Кирьякович Пиксанов (1878–1969) // АЕ за 1969 г. М. С. 342–345.

Новое в Тучковых: (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России: [Сб. памяти Б.А. Романова]. Л. С. 129–141. (ТЛОИИ; Вып. 12).

О деятельности Археографической комиссии // Материалы семинара-совещания по публикации документальных материалов 18–20 мая 1971 г. М.: Главархив СССР. С. 52–65. Ротапринт.

Церковно-приходские летописи XIX – начала XX вв. как источник по истории общины и сельского быта // Тез. докл. и сообщ. XIII сес. Межресп. симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. М. С. 223–227. Ротапринт.

Рец.: Россия времени Ивана Грозного // [Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969] // ИСССР. 1971. № 1. С. 180–183.

Подг. публ., вступ. статья, примеч.: "Справка" В.Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А.А. Шахматова // АЕ за 1970 г. М. С. 375–377.

Отв. ред.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Подгот. Н.Н. Покровский. М.: Главархив СССР. 192 с.

От редактора // Там же. С. 5–9.

Отв. ред.: Их именами названы улицы Черев-

мушкинского района: Метод. материал в помощь лектору. М. 51 с. Ротапринт. Совм. с Л.В. Ивановой.

Чл. редкол.: Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь. 389 с.

[О докл.: "А.А. Шахматов и собрание архивов по истории революционного движения" на совещ. в Пушкинском Доме, посвящ. памяти А.А. Шахматова, окт. 1970: Крат. излож.] / Гришунин А.Л. Памяти А.А. Шахматова // ИЮЛЯ. М. Т. XXX, вып. 1. С. 97–98; Маркелов Г.В. Совещание в Ин-те рус. лит. АН СССР, посвящ. памяти А.А. Шахматова // АЕ за 1970. М. С. 395.

[Вступ. слово, выступления, закл. слово на науч. конф. "Состояние и задачи изучения вспомогательных исторических дисциплин", Л., июнь 1969: Крат. излож.] // АЕ за 1969 г. М. С. 316–318, 321.

1972

[Выступление о русском средневековом городе] // Россия и Италия: Материалы IV конф. сов. и ит. историков, Рим, 1969; Русский и итальянский средневековый город; Русско-итальянские отношения в 1900–1914 гг. М. С. 292–300.

Archives and Historical Science: (Lecture at the Seminar for Directors of archival institutions from developing countries) // Unesco–Main administration at the council of Ministers of the USSR. P. 22. Ротапринт.

Изображение событий 1547 года, связанных с первым упоминанием Оружейной палаты в миниатюрах "Царственной книги" // Московский Кремль – древнейшая сокровищница памятников истории и искусства: Тез. науч. конф., посвящ. 425-летию Оружейной палаты (22–24 нояб. 1972). М. С. 9–10. Ротапринт.

Рец. на кн.: Рыбаков Б.А. "Слово о полку Игореве" и его современники. М., 1971 // ИСССР. 1972. № 5. С. 192–195.

Пер. на фр. яз.: Sciences sociales. 1974. N 3. P. 190–193.

То же, пер. на англ., нем., исп. яз.

В Археографической комиссии: К VII Междунар. конгр. архивов // ИСССР. 1972. № 4. С. 232–233.

Археографическая комиссия Академии наук СССР: (Материалы к пресс-встрече с сов. и иностр. журналистами на VII Междунар. конгр. архивов в Москве). М. 3 с. Ротапринт. Отз.: СА. 1977. № 5. С. 114.

Чл. редкол.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М. 386 с. Совм. с В.Н. Лазаревым и О.И. Подобедовой.

[Вступ. слово, Л., февр. 1971: Крат. излож.] / Ляхачева О.П. Подготовка Сводного каталога сведения русско-русских рукописей XI–XIV вв. // ИЮЛЯ. 1972. М. Т. XXXI, вып. 1. С. 98; Шеламанова Н.Б. Совещание по составлению Сводного каталога Славяно-русских рукописей XI–XIV вв. // АЕ за 1971 г. М. С. 384–385.

[Вступ. слово и выступления на конф., организованной Ин-том истории искусств и АК, М., апр. 1971: Крат. излож.] / Орлова М.А. Конференция, посвященная методике идентификации почерков в древнерусской книге // АЕ за 1971 г. М. С. 393, 394.

[Выступ. на расширенном заседании ученого совета Ин-та истории СССР, нояб. 1971: Крат. излож.] / Рахматуллин М.А. К дискуссии об абсолютизме в России // ИСССР. 1972. № 4. С. 82–83.

[Выступ. на пленар. заседании АК о системе информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, лит. и искусства, 23 дек. 1971: Крат. излож.] // СА. 1972. № 2. С. 124, 126; АЕ за 1972 г. М. С. 354.

[Выступ. на заседании АН СССР и МГУ памяти Е.А. Косминского, 20 марта 1972: Крат. излож.] Самодурова З.Г. Е.А. Косминский и советская медиевистика // ВАН. 1972. № 7. С. 131.

1973

Становление российского самодержавства: Исследование соц.-полит. истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль. 358 с. Рец.: Гальперин Г.Б. Новое исследование о социально-политическом строе России в период царствования Ивана Грозного // Вестн. Ленингр. ун-та. Экономика, филология, право. Л., 1973. № 23, вып. 4. С. 135–137; Леонтьев А.К. // ВИ. 1974. № 2. С. 142–146; Михайлина П.В., Кравець М.М. // УИЖ. 1974. № 2. С. 139–140; Арциховский А.В. // ИСССР. 1974. № 4. С. 194–195; Donnert E. // Zeitschrift für Slavistik. B., 1974. Bd. 19, H. 6. S. 809–810; Miller D.V. // Slavic Review. Seattle, 1974. Vol. 33, N 2. P. 344; Russocki S. // Czasopismo prano-historyczne. Poznan, 1974. T. 26, z. 2. S. 276; Varga J. // Szazadok. Bp. 1974. 108. eif. 2. sz. 505–506. old.; Морозов А. Увидеть то небо // Знание – сила. 1975. № 10. С. 50–51; Fennel G. // Russia mediaevalis. 1975. 11. P. 202; Vodoff W. // Journal les savants. 1975. N 2. P. 150–152; Wojcik Sb. Wokol epoki Iwana Grosnogo // Kwartalnik Historiyczny. 1975. R. 82, z. 2. S. 385–390; Hoffmann P. // Deutsche Literaturzeitung. B., 1976. Jg. 97, H. 1. S. 51–54; Keenan E. // American Historical Review. Wash., 1976. Vol. 81, N 5. P. 1171; J.V. // Slovansky prehled. Pr., 1977. Roc. 63, N 4/5. S. 321–322.

Деятельность Археографической комиссии АН СССР и актуальные задачи научной работы в области специальных исторических дисциплин // Южноуральский археографический сборник. Уфа. Вып. 1. С. 10–22. Чл. редкол. изд. 406 с.

Материалы делопроизводства государственных учреждений XV–XVII вв. // Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М. С. 93–106. Чл. редкол. изд. Рец.: Пронштейн А.П., Хмелевский К.А. // ИСССР. 1974. № 8. С. 141–142.

[Выступ. по докл. В.Т. Пашуто] // Корпус древнейших источников по истории народов

- СССР: Материалы совещ. археографов-медиевистов РСФСР, 11–12 апр. 1972. М. С. 69–74. Ротапринт.
- Histoire de l'URSS: Premières formes d'État // Études soviétiques. P., 1973. Janv. N 298. P. 133–146.
- Histoire de l'URSS: De la bataille de Koulikovo aux réformes de Pierre le Grand // Études soviétiques. P., 1973. Févr. N 299. P. 130–144.
- Histoire de l'URSS: Des réformes de Pierre Le Grand à la fin du XVIIIe siècle // Études soviétiques. P., 1973. Mars. N 300. P. 136–150.
- Русские книги посольских сношений с Польско-Литовским государством конца XV–XVI вв. как памятник по истории общественно-политической мысли и культуры // VII Międzynarodowy Kongres slawistów w Warszawie, 1973: Streszenia Referatów: Komunikatów. W-wa. P. 1038–1039.
- Ред.: Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М. 423 с. Совм. с А.В. Муравьевым. Отв. ред. сер. изд. тр. М.Н. Тихомирова.
- [От ред.] // Там же. С. 5–10; Комментарии // Там же. С. 384–394, 397–398.
- Рец.: Alef G. // American Historical Review. 1976. Vol. 81, N 1. P. 118–119.
- Чл. редкол.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей хранящихся в СССР. М. Вып. 1. 388 с. Ротапринт.
- Рец.: Ковтун Л.С., Кукушкина М.В. // СА. 1974. № 1. С. 111–113.
- Отз.: Черных В.А. Вопросы описания древних рукописей: Совещ. в Ленинграде, март 1973 // ИСССР. 1973. № 5. С. 223–224.
- Чл. редкол.: Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): [Сб. памяти В.И. Шункова]. М., 447 с.
- [Выступ. на пленар. засед. АК по докл. Ф.И. Долгих об итогах VII Междунар. конгр. архивов, 16 окт. 1972: Крат. излож.] // СА. 1973. № 1. С. 45, 47; АЕ за 1972 г. М. 1974. С. 357, 359.
- [Выступ. на пленар. засед. АК, посвящ. 50-летию образования СССР: Крат. излож.] // СА. 1973. № 2. С. 122; АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 361.
- [Выступ. на совещ. в Пушкинском Доме, посвящ. 85-летию со дня рожд. В.П. Адриановой-Перетц, – докл. «О составе "Истории о великом князе Московском" Курбского», сообщ. о материалах В.П. Адриановой-Перетц в фонде М.Н. Тихомирова, заключ. слово на совещ., май 1973: Крат. излож.] / Каган М.Д. Традиции изучения древнерусской литературы в филологической науке // РЛ. 1973. № 4. С. 238, 240; Антонова М.В. Советские по истории древнерусской литературы // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 330, 331.
- [Сообщ. о принципах подготовки к изданию Описи архива Посольского приказа 1626 г.: Крат. излож.] / Евтюшина Т.И. Заседание Научного совета ЦГАДА // СА. 1973. № 5. С. 121.
- Барвара Павловна Адрианова-Перетц (1888–1972) // АЕ за 1972 г. М. С. 375–379.
- К вопросу о критериях оценки исторических памятников // Атеизм и религия: Проблемы и современность: Материалы науч. конф. "Актуальные проблемы истории религии и атеизма в свете марксистско-ленинской науки", Л., 24–26 апр. 1974. М. Вып. 1. С. 165–180. Ротапринт.
- [Текст выступ.] О борьбе церковной и светской власти в период образования Российского централизованного государства // Там же. Вып. 2. С. 385–387.
- Работа М.Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края: Новые материалы // АЕ за 1973 г. М. С. 167–172.
- Церковноприходские летописи как источник по истории русской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971. Вильнюс. С. 397–404.
- Подгот публ., вступ. ст.: Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники: Сб. ст., 1973. М. С. 347–353.
- Отв. ред.: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест уралосибирских крестьян-старобрядцев в XVIII в. М. 392 с.
- Ред.: Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Науч. описание / Сост. И.П. Староверова. Труды Архива АН СССР. Вып. 25. Совм. с Б.В. Левшиним. М. 184 с.
- Рец.: Лысенко Т.И. // ИСССР. 1976. № 1. С. 199–200.
- Чл. редкол.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М. Сб. 2. 344 с. Совм. с В.Н. Лазаревым и О.И. Подобедовой.
- Чл. редкол.: Проблемы палеографии и кодологии в СССР. М. 422 с.
- Чл. редкол.: Уральский археографический ежегодник за 1972 год. Пермь. 221 с.
- Чл. редкол.: Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России: Сб. тр. М. 375 с.
- [Выступ. на Тихомировских чтениях 1972 г., посвящ. методике описания древних рукописей: Крат. излож.] // АЕ за 1972 г. М. С. 256, 258.
- [Выступ. на пленар. засед. VII Междунар. конгр. архивов, М., авг. 1972: Крат. излож.] / Les archives au service de la science historique // Archivum München. T. XXV. S. 184.
- [Выступления, Л., март 1973: Крат. излож.] / Воробьев М.Н. Советские по вопросам описания древнеславянских рукописей // АЕ за 1973 г. М. С. 324–325, 328.
- [Вступ. слово на Тихомировских чтениях, посвящ. 80-летию со дня рождения М.Н. Тихомирова: Крат. излож.] // АЕ за 1973 г. М. С. 163.
- [Выступ. на совм. засед. ЦГАЛИ и АК, дек. 1973: Крат. излож.] / Красовский Ю.А. О научном и архивном наследии В.Д. Бонч-Бруевича // СА. 1974. № 2. С. 116.
- [Выступ. на засед. памяти А.Н. Насонова, 24 дек.

1973: Крат. излож.] // АЕ за 1973 г. М. С. 318.

[Выступ. на засед. Науч. совета Главархива СССР, посвящ. перспективам публикации ист. источников в 1976–1990 гг., 27 февр. 1974: Крат. излож.] // СА. 1974. № 3. С. 112.

[Вступ. и закл. слова на Тихомировских чтениях 1974 г., посвящ. 250-летию Академии наук СССР: Крат. излож.] // СА. 1974. № 5. С. 109–110.

1975

Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины // Развитие советской исторической науки, 1970–1974. М. С. 329–355.

Вовлекая в творчество: [О работе студ. науч. кружка МГИАИ] // Вестн. высш. шк. 1975. № 4. С. 41–43.

О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России: [Сб. к 70-летию Л.В. Черепнина]. М. С. 305–310.

Опыт работы со студентами по проблеме источниковедения историографии // Вопросы историографии в высшей школе: Всесоюз. конф. преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории ун-тов и пед. ин-тов, Смоленск, 31 янв. – 3 февр. 1973. Смоленск. С. 170–181.

[Выступления в прениях на пленарном заседании секции историографии истории СССР досоветского периода] // Там же. С. 457–458. 469–470.

Отз.: [о докл.] Алексеева Г.Д., Вандалковская М.Г. Всесоюзная конференция по вопросам историографии // ИСССР. 1973. № 4. С. 214.

Les Contradictions sociales de la Russie féodale et les Zemskie Sobory des XVIe–XVIIe siècles // Etudes présentées à la Commission Internationale pour l'histoire des Assemblées d'Etats, LIH // XIIIe Congrès International des Sciences Historiques (1970, Moscou), Varsovie – Moscou. [Ed. de l'Université de Varsovie]. P. 213–228.

Отз.: [о докл.] Черепнин Л.В. История представительных и парламентских учреждений в средние века // Медиевистика на XIII Международном конгрессе исторических наук и на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде: Материалы сес. Отд-ния истории АН СССР, 9–10 дек. 1970 // Средние века. М. Вып. 34.

Sciences historiques auxiliaires // Sciences sociales. М., 1975. N 2. P. 236–249.

То же, на англ. и исп. яз.

[Предисл. к публ. И.А. Балакаевой "Опись государственного архива конца XVI века"] // АЕ за 1974. г. М. С. 346–347.

[Выступ. по теме "Средства информации архивов на службе науке"] // Материалы VII Международного конгресса архивов. М. С. 314–317. Ротапринт.

Нужен новый закон: [Об охране документаль-

ных памятников истории и культуры] // Человек и закон. 1975. № 1. С. 43–44. Совм. с В.А. Черных. Подборка "Предотвратить невозвратимые потери".

Ред.: Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М. 429 с. Отв. ред. сер. изд. тр. М.Н. Тихомирова.

[Выступ. на встрече редакторов архивных журналов, 24 авг. 1972] Материалы VII Междунар. конгр. архивов. М. Ч. 2. С. 536–538. Ротапринт.

[Закл. слово на совм. засед. АК и сектора ИСССР, посвящ. 50-летию со дня смерти В.И. Ленина с докл. Ю.П. Шаропова. "Личная библиотека В.И. Ленина. Опыт источниковедческого анализа маргиналий и дарственных надписей", 31 янв. 1974: Крат. излож.] // АЕ за 1974 г. С. 362.

[Выступ. на VI Междунар. конгр. по экон. истории в секции "Урбанизация и окружающая среда", Копенгаген, авг. 1974: Крат. излож.] // ИСССР. 1975. № 2. С. 208.

[Выступ. о классовой борьбе периода феодализма, о проблеме спроса на VI конф. сов. и англ. историков, М., окт. 1974: Крат. излож.] // НИИ. 1975. № 2. С. 203–204.

[Выступ. на Тихомировских чтениях 1975 г., посвящ. 70-летию революции 1905–1907 гг. и 150-летию восстания декабристов: Крат. излож.] // СА. 1975. № 6. С. 108, 110; АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 244–245, 250–251.

1976

К истории переписки Курбского и Ивана Грозного // Культурное наследие Древней Руси: [Сб. к 70-летию Д.С. Лихачева]. М. С. 147–151.

Лауреат Ленинской премии академик Б.А. Рыбаков // ПИШ. 1976. № 4. С. 29–33.

Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: [Сб. к 75-летию М.В. Нечкиной]. М. С. 264–274.

Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М. С. 304–328.

О критериях оценки исторических памятников // Вопросы научного атеизма. М. Вып. 20: Актуальные вопросы истории атеизма и религии. С. 88–103.

О приписках к лицевым летописям времени Ивана Грозного // Средневековая Русь: [Сб. памяти Н.Н. Воронина]. М. С. 123–124.

Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исслед. М. Вып. 2. С. 5–23.

La commission archeographique // Sciences sociales. 1976. N 4. P. 217–221.

То же, на англ., исп., нем. яз.

Дина Исааковна Тверская (1925–1975) // АЕ за 1975 г. М. С. 370. Совм. с др.

- [Памяти Д.И. Тверской: Вступ. заметка] // Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // ИСССР. 1976. № 1. С. 106. Без подписи.
- Рец. на кн.:* Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. 1975 // ИСССР. 1976. № 1. С. 196–199.
- То же, на англ., фр., исп., нем. яз* Sciences sociales. 1977. N 3. P. 244–246.
- Отв. ред.:* Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии(области): К методике изучения истории сов. ист. краеведения / Сост. С.Б. Филимонов. М. 125 с. Ротапринт.
- От редактора // Там же. С. 3–4.
- Отв. ред.:* Рекомендации Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии. М.: Отд-ние истории АН СССР, АК. 15 с. Ротапринт.
- Чл. редкол.:* Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М. Вып. 2, ч. 1/2. 482 с. Ротапринт.
- [Выступ. памяти С.Н. Валка, Л., 8 февр. 1975: Крат. излож.] // АЕ за 1975 г. М. С. 368.
- [Вступ. слово на засед. АК и редкол. сер. изд. "Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах", 26 февр. 1975: Крат. излож.] // АЕ за 1975 г. М. С. 346.
- [Выступ. на засед. АК памяти Д.И. Тверской, 19 сент. 1975: Крат. излож.] // АЕ за 1975 г. М. С. 354–355, 357–358.
- [О докл. о систематизации ист. источников на конф. "Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины", Геленджик, сент. 1975 // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. 1976. № 2. С. 106; СА. 1976. № 5. С. 117.
- ["Описи посольских дел XVI–XVII вв. как источник по истории восточноевропейской политики Турции и Крыма в XVI в.": Крат. излож. докл. на симпоз. сов. и пол. историков по пробл. "Политические взаимоотношения стран Восточной Европы и Причерноморья в конце XV – начале XVIII в.", Сухуми, окт. 1975] // ИСССР. № 4. С. 231.

1977

- Археографическая деятельность Д.С. Лихачева // АЕ за 1976 г. М. С. 121–128. Совм. с Н.Н. Покровским.
- Восточная политика Российского государства в середине XVI в. в Казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары. С. 25–62. (ТНИИ при Совете Министров Чувашской АССР; Вып. 71).
- [Крат. излож. докл.] // ИСССР. 1977. № 1. С. 237.
- Вступ. слово [на засед. памяти С.Н. Валка] // АЕ за 1976 г. М. С. 150–157.
- Некоторые итоги и перспективы развития ар-

хеографии отечественной истории // Археография и источниковедение: Сев. археогр. сб. Сыктывкар. Вып. 4. С. 4–22. Чл. редкол. изд. 148 с. [Крат. излож. докл.]: Беляева Л.С., Кудрявцев И.И. Науч. конф. по археографии и источниковедению в Вологде: 2-я Сев. регион. // СА. 1976. № 3. С. 123; Колесников П.А. Вторая Сев. науч. конф. // АЕ за 1976 г. М. С. 312.

Geschichtsdenken, Geschichtsforschung und Probleme der Quellenkunde // Probleme der geschichtswissenschaftlichen Erkenntnis. В., S. 127–136.

[Анна] [Сергеевна] Рослова: [Некролог] // СА. 1977. № 6. С. 119. Без подписи.

Ред.: Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. публ. В.И. Гальцов. М. Ч. 1. 416 с.; Ч. 2. 103 с.

От редактора // Там же. Ч. 1. С. 3–5.

Рец.: Корецкий В.И. // ИСССР. 1980. № 1. С. 222–224.

Ред.: О сборе и использовании документальных памятников по истории и культуре родного края: Рекомендации учителю – руководителю поисковой работы / Подгот. И.А. Верба, А.А. Курносков, В.Е. Туманов. М. 34 с. Ротапринт.

От редактора // Там же. С. 1–3.

Чл. редкол.: Великий Октябрь и всемирно-исторический прогресс: Моск. гор. конф. молодых ученых, посвящ. 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 25–27 окт. 1977: Тез. докл. М. 248 с. Ротапринт.

Чл. редкол.: Конференция по истории средневековой письменности и книги: К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. док. Ереван. 123 с. Ротапринт. Некоторые итоги и перспективы развития источниковедения и археографии русского средневековья // Там же. С. 5. [Крат. излож. докл.]: Предмет изучения – памятники письменности: Конф. в Матенадаране им. Месропа Маштоца // Коммунист. Ереван. 2 нояб.; Долдобанова Н.А. Конференция по истории средневековой письменности и книги // АЕ за 1977 г. М. С. 343.

[Закл. слово на засед. АК и Центр. парт. архива, посвящ. памяти С.Н. Валка, 17 февр. 1976: Крат. излож.] // АЕ за 1976 г. М. С. 288.

[Выступ. на Тихомировских чтениях 1976 г., посвящ. вопросам сокр. передачи текста массовых источников: Крат. излож.] // АЕ за 1976 г. М. С. 146, 147; АЕ за 1977 г. М. С. 238–240, 246–247.

[Выступ. на симпоз. по актуальным проблемам источниковедения, Таллинн, нояб. 1976; Крат. излож.] // Источниковедение отечественной истории. 1976. М. С. 240–241.

[О докл. "Проблемы современного источниковедения и задачи археографии" на симпоз. молодых ученых в Высш. комс. шк. при ЦК ВЛКСМ, янв. 1977] Полякова Д.И. Семинар по актуальным проблемам источниковедения истории КПСС // СА. 1977. № 2. С. 122–123; АЕ за 1977 г. М., 1978. С. 373.

- Исследование Н.Н. Зарубина "Библиотека Ивана Грозного и его книги" // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л. С. 37–53.
- К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне: [Сб. к 70-летию Б.А. Рыбакова]. М. С. 265–281.
- Некоторые источниковедческие вопросы изучения истории русской книжности // Книга в России до середины XIX в. Л. С. 47–51.
- О состоянии и задачах советской полевой археологии: К итогам Первой Всесоюз. конф. по полевой археологии // АЕ за 1977 г. М. С. 3–14. Совм. с А.А. Курносковым и В.А. Черных.
- За работата по съставянете на Кратък каталог на наротивните паметници върху историята и културата на балканските народи // CIBAL: Информ. бюл. С., 1978. Т. II, № 1. С. 25–35. Ротапринт.
- То же, на фр. яз.: CIBAL: Bulletin d'information. Sofia, Vol. II, N 1. P. 27–38.
- То же, на англ. яз.: Там же. P. 89–92. [Крат. излож. докл.]: Veber W.R. 16–17 January 1979. Sofia Session of CIBAL Komisision op manuscripts // Полата книгописная. Niymegen, 1979. N 2. P. 88–89.
- Советская археология: Состояние и задачи ее дальнейшего развития: [Тез. докл.] // Материалы межресп. науч. конф. по источниковедению и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР: Источниковедение. Вильнюс. С. 181–183. Ротапринт.
- Рец.: Монография о книжной культуре XVI–XVII веков. [Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977] // Книга: Исследования и материалы. М. Сб. XXXVII. С. 204–208.
- Чл. редкол.: Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории: Сб. ст. М.: Ин-т истории СССР. 145 с. Ротапринт.
- [Вступ. и закл. слова на Тихомировских чтениях 1977 г., посвящ. 60-летию Октябрьской революции: Крат. излож.] // СА. 1977. № 5. С. 86, 88; АЕ за 1977 г. М., 1978. С. 248, 252.
- [Выступ. по докл. В.Л. Янина "Новые берестяные грамоты Великого Новгорода: открытие художественной мастерской конца XII века" на засед. АК, 6 окт. 1977: Крат. излож.] // АЕ за 1977 г. М. С. 366.
- [О докл. Н.А. Ерофеева "К вопросу о предмете и задачах историографии", дек. 1977] / Никифоров Е.А. Теоретические проблемы историографии в Научном совете "История исторической науки" // ИСССР. 1978. № 4. С. 211.
- [Выступ. об актуальных проблемах сов. ист. науки: Встреча в редакции: Изложение] // ВИ. 1978. № 9. С. 171–172.
- [Вступ. слово] // Проблема полевой археологии: Материалы пленарных заседаний Первой Всесоюз. конф. по полевой археологии в декабре 1976 г. С. 4–14. Закл. слово // Там же. С. 131–148. Отв. ред. этой книги. М.: АК, Ин-т истории СССР, ВООПИК. 164 с. Совм. с В.А. Черных.
- Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978) // АЕ за 1978 г. М. С. 359–360.
- Вступ. слово [на Тихомировских чтениях 1978 г.: О подготовке Декрета 1 июня 1918 г. "О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР"] // АЕ за 1978 г. М. С. 122–126. [Крат. излож.] // СА. 1978. № 6. С. 105.
- Некоторые вопросы истории и методики археологии и архивоведения // Актуальные проблемы архивоведения и источниковедения марксизма-ленинизма и истории КПСС: Материалы науч. конф., 23–25 мая 1978. М.: Ин-т марксизма-ленинизма, ЦПА. С. 165–188. Ротапринт.
- Некоторые вопросы развития советской археологии // АЕ за 1978 г. М. С. 132–141. [Крат. излож. докл. на Тихомировских чтениях 1978 г.] // СА. № 6. С. 105.
- О некоторых вопросах деятельности Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры по пропаганде значения документальных памятников // Актуальные проблемы обеспечения сохранности документальных памятников. М. С. 27–27. Ротапринт.
- О романе Валерия Полушко "Лето 7071" // Полушко В. Лето 7071. М. С. 3–8. 2-е изд. Киев, 1989. С. 5–8.
- О сборе и использовании документальных материалов по истории советского общества // Материалы науч.-метод. конф. ВООПИК "Задачи выявления, охраны и использования памятников истории и культуры советского общества". М. С. 19–29. Ротапринт.
- Советская археология и ее современные задачи // Материалы Всесоюз. конф. "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М.: Главархив СССР, ВНИИДАД. С. 90–99. Ротапринт.
- "Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры" и задачи археологии и источниковедения // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тез. докл. III Всесоюз. конф., Новороссийск. М. Вып. 1. С. 155–159. Ротапринт. [Крат. излож. докл.]: Белогуров М.Г. III Всесоюз. конф. по проблемам источниковедения // СА. 1980. № 2. С. 9.
- Некоторые вопросы описания и публикации памятников письменности средневековья // Всесоюз. науч. конф. "Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания

- памятников письменности" (14–16 февр. 1979 г. Л.); [Тез. докл.] Л., С. 50–51. Ротапринт.
- Отв. ред.* этой книги. Л.: АК, БАН СССР. 58 с. Совм. с М.В. Кукушкиной. [Крат. излож. докл.] // ВИ. 1979. № 5. С. 180; СА. 1979. № 6. С. 85–86; АЕ за 1979 г. М., 1981. С. 348.
- Отв. ред.*: Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII вв.: Сокр. пер. с лит. Ю.В. Андриюшайтите. Вильнюс. 186 с.
- Рец.*: Кукушкина М.В. // СА. 1981. № 4. С. 82–84.
- Ред.*: Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода: Сб. ст. М.: Ин-т истории СССР. Ротапринт. Совм. с В.Т. Пашуто // Там же. С. 131–148.
- Ред.*: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М. 384 с. *Отв. ред.* сер. изд. тр. М.Н. Тихомирова.
- Чл. редкол.*: Славяноведение в дореволюционной России: Библиогр. слов. М. 409 с.
- [О докл. "Историографические и источниковедческие аспекты исследования истории общественно-политической мысли". Всесоюз. шк. молодых ученых в Минске, дек. 1978] // ИСССР. 1979. № 4. С. 250.
- [О выступлениях на рабочей встрече Комиссии рукописей СИБАЛ, С., 16–17 янв. 1979 // СИБАЛ: Bulletin d'information. N 1. P. 10–17.
- То же: Принос в изучаване историята на Балканите // Работническо дело. 17 янв.

1980

- Отв. ред.*: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: /Сб. статей к 30-летию студенческого научного кружка источниковедения истории СССР МГИАИ/. М.: МГИАИ. 206 с. Ротапринт.
- Наш кружок // Там же. М. С. 137–157. Ротапринт.
- Рец.*: Тарновский К.Н. // СА. 1981. № 4. С. 86; Окладников А.П., Покровский Н.Н. // ВИ. 1981. № 12. С. 132–135; КП 1982. 19 марта; Шарапов Ю.П. Сборник студенческих и аспирантских работ // ИСССР. 1982. № 2. С. 213–214; Белявский М.Т. Итоги студенческого творчества // Вестн. высш. шк. 1982. № 7. С. 61; См. также: Коровайников Ю.В. К 30-летию студенческого научного кружка МГИАИ // АК за 1980 год. М., 1981. С. 352–353.
- Археология, архивоведение, источниковедение и другие специальные исторические дисциплины // Советская историография наука в 1975–1979 гг. М. С. 269–287.
- Архивы и историческая наука // ТВНИИДАД. Т. XII. Архивное дело. М. С. 109–120.
- О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвуз. темат. сб. Калинин. С. 109–117. Ротапринт.
- Най-новите изследвания на съветските учени в областта на археологията, архивознанието, изворознанието и другите специални дисциплини на отечествената история // Помощни исторически дисциплини. С. Т. 2. С. 99–129; Рез. на рус. яз. С. 126–127; Рез. на нем. яз. С. 128–129.
- [Вступ. заметка к публ. Ж. Блаикова "Неизвестная грамота царя Бориса Годунова к императору Рудольфу II 1599 г."] // СА. 1980. № 5. С. 40.
- [Выступ. на науч. конф. "Историческая наука в странах социализма" // La science historique dans les pays Socialistes: (Questions d'historiographie). P. 167–169. Ротапринт.
- То же // Historical science in socialist countries: (Problems of Historiography). P. 157–159. [Крат. излож.] Материалы конф. "Основные направления изучения истории исторической науки в социалистических странах" // История и историки: Историогр. ежегодник за 1979 г. М. С. 347–348.
- В Международном центре балканистики: [О Международном центре информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья – СИБАЛ – СIBAL] // Обществ. науки. 1980. № 1. С. 157–160.
- Centre international d'information sur les Etudes balcaniques // Sciences sociales. 1980. N 2. P. 241–243.
- То же, на англ., нем., исп. яз.
- Деякі завдання Історичного краєзнавства і вивчення його Історії // Республіканська наукова конференція з Історичного краєзнавства: Тези доповідей. Київ. С. 9–10. Ротапринт.
- Ред.*: О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры: Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев / Подгот. В.Д. Шмитков, А.А. Курносов, В.Е. Туманов. М.: Центр. архив ВЛКСМ, АК. 84 с. Ротапринт.
- От ред. // Там же. С. 3–9.
- Ред.*: Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории сов. ист. краеведения / Сост. и авт. ст. С.Б. Филимонов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АК, ВООПИК. 164 с. Ротапринт. От ред. // Там же. С. 3–4.
- Рец.*: Чирков С.В. // СА. 1981. № 4. С. 81–82.
- Чл. редкол.*: П.А. Кропоткин (1842–1921): Библиогр. указ. печ. тр. / Сост. Е.В. Старостин. М. Ч. 1/2. 250 с. Ротапринт.
- [Закл. слово на совм. засед. Центр. парт. архива Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и АК, посвящ. 110-летию со дня рождения В.И. Ленина, 20 дек. 1979: Крат. излож.] Белогуров М.Г., Солопов А.Н. Публикация документальной ленинианы: Крат. излож. // СА. 1980. № 2. С. 92; АЕ за 1980 г. М., 1981. С. 51–52.
- [О докл.: «Картина Г.Г. Мясоедова "Встреча Ивана Грозного с юродивым"»: Опыт комментариев в художественном музее им.

- Н.А. Ярошенко, Кисловодск, февр. 1980: Крат. излож.] / Локтионова Л. Одна из тысячи страниц // Кавк. здравница. 1980. 26 марта.
- [Выступ. на юбил. засед. студ. науч. кружка, 26 апр. 1980: Крат. излож.]. Наумов Е.Ю. 30-летие кружка источниковедения истории СССР МГИАИ // СА. 1980. № 6. С. 83–85.
- 1981**
- Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова: Тихомировские традиции // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск. С. 5–21. Ротапринт.
- [Крат. излож. докл. на Тихомировских чтениях 1980 г. – конф. "Деятельность М.Н. Тихомирова и актуальные проблемы археографии", Новосибирск, май 1980] // СА. 1980. № 6. С. 82; АЕ за 1980 г. М., 1981. С. 159–160.
- Об описании рукописных книг // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л., 1981. С. 7–19. Ред. кн. 264 с. Совм. с М.В. Кукушкиной. Рец.: Творогов Ф.В. // СА. 1982. № 5. С. 83–85.
- Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения // Общество и природа: Ист. этапы и формы взаимодействия. М. С. 262–275.
- Археографическая комиссия Академии наук СССР // Обществ. науки. 1981. № 3. С. 146–153. Совм. с В.А. Черных.
- О работе над Сводным каталогом рукописных книг, хранящихся в СССР // Първи Международен конгрес по българистика: Резюме. С. С. 127–128.
- Рец.: Из истории сословно-представительных учреждений на Руси [Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978] // Коммунист. 1981. № 11. С. 118–120.
- Рец. на кн.: Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979 // Новый мир. 1981. № 5. С. 269–270.
- Подгот. публ., вступ. ст., примеч.: Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском // АЕ за 1980 г. М. С. 308–314.
- Отв. ред.: О сборе, учете и использовании памятников истории и культуры: Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев, экспедиции "Летопись Великой Отечественной" / Подгот. В.Д. Шмитков, А.А. Курносов, В.Е. Туманов. М.: Центр. музей ВЛКСМ, АК. 93 с. Ротапринт. От ред. // Там же. С. 3–9.
- Отз.: Яковлева Т. Потерянное письмо: В школьных музеях – частица нашей общей истории. Как сберечь ее? // КП. 1987. 24 нояб.
- Чл. редкол.: Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: доокт. период: Сб. ст. М.: Ин-т истории СССР. 202 с. Ротапринт. Совм. с В.Т. Пашуто и С.А. Морозовым.
- Чл. редкол.: Их именами названы улицы Черемушкинского района г. Москвы: Информац. материал в помощь лекторам и пропагандистам. М.: Ин-т истории СССР, ВООПИК, Черемушк. районное отд-ние о-ва "Знание". 82 с. Ротапринт. Совм. с Л.В. Ивановой и Ю.А. Поляковым.
- [Выступления на Тихомировских чтениях 1979 г., посвящ. факс. изданиям документальных памятников: Крат. излож.] // АЕ за 1979 г. М. С. 181, 184.
- [Закл. слово на совмест. засед. АК и сектора источниковедения истории СССР досов. периода Ин-та истории СССР, 20 февр. 1979 г., с докл. В.Б. Павлова-Сильванского "Опыт источниковедческого исследования писцовых и других поместно-вотчинных книг конца XVI – начала XVII в." // АЕ за 1979 г. М. С. 338.
- [Выступ., 26 февр. 1980: Крат. излож.] // Лабунцев Ю.А. Международное совещание "Сводный каталог старопечатных книг кирилловского и глаголического шрифтов XV–XVII вв." // АЕ за 1980 г. М. С. 351.
- 1982**
- Ред.: Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиогр. описание / Сост. Н.Н. Зарубин; Подгот. к печ., примеч. и доп. А.А. Амосова. Л. 159 с. От ред. // Там же. С. 3–14.
- Рец.: А.Г. // Сов. библиография. 1983. № 1. С. 62–63; Копанев А.И. // СА. 1983. № 5. С. 83–85; Моск. правда. 1984. 6 мая; Что читал Иван Грозный // ПИШ. 1984. № 6. С. 13–14; Topolska M.B. Przegląd Historyczny. W-wa. 1984. N 75. S. 328–331; Vaugh D.C. Slavic Review. 1984. Vol. 43, N 1. P. 94–95; Лимонов Ю.А. Книга о библиотеке Ивана Грозного // Книга: Исследования и материалы. М., 1985. Сб. 51. С. 202–206.
- 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР // АЕ за 1981 г. М. С. 230–246.
- [Крат. излож. докл. на Тихомировских чтениях 1981 г.] // СА. 1981. № 6. С. 85–86.
- Из истории редактирования Царственной книги: Известия об опале бояр летом 1546 г. // Россия на путях централизации: [Сб. в честь А.А. Зимина]. М. С. 221–239.
- О работе над Сводным каталогом рукописных книг, хранящихся в СССР // Първи международен конгрес по българистика, 23 мая – 3 юни 1981, С.: Доклади. симпоз. Кирило-Методиевистика и старобългаристика. С. С. 431–437.
- Ответственность перед будущим // Памятники Отечества: Альманах ВООПИК. М. № 1(5). С. 130–136.
- Алексей Павлович Окладников (1908–1982) // АЕ за 1981 г. М. С. 362–363.
- [Вступ. заметка] // Инструкция по составлению описаний рукописей / Ин-т исследования

- истории текстов во Франции; Пер. на рус. яз. Л.И. Киселевой; Под ред. А.Д. Люблинской. С. 1.
- Некоторые задачи исторического краеведения и изучения его источниковой базы // Источниковедение и историография истории Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф., 15–16 апр. 1982. Иркутск. С. 16–17.
- Чл. редкол. изд. 102 с. Ротапринт.
- Рец.:* В память питомцев Московского университета (Белявский М.Т. Их имена увековечены в Москве. М., 1980) // Москва. 1982. № 8. С. 196–197.
- Отв. ред.:* Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи. 186 с.; Ч. 2. Памятники старинной письменности. М.: АК, Ин-т ИСССР, ВООПИК. 130 с. Ротапринт.
- От ред. // Там же Ч. 1. С. 1–10.
- Рец.* (на обз книги): Козлов В.П. // СА. 1983. № 6. С. 69–70.
- Чл. редкол.:* Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья: Сб. ст. М.: Ин-т истории СССР. 100 с. Ротапринт.
- [О выступ. с воспоминаниями. Пушкинский Дом, 7 июня 1982 г. Науч. заседание памяти В.П. Адриановой-Перетц] // РЛ. 1982. № 4. С. 250.
- [Вступ. слово на совм. заседании АК, кафедры источниковедения истории СССР и Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, 22 апр. 1981: Крат. излож.] / Леренман М.М. 15 лет археографической экспедиции Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова // АЕ за 1981 г. М. С. 357.
- [Выступ. по докл. В.Д. Шмиткова о собирании фронтальных писем Центрального архивом ВЛКСМ на засед. АК, 16 мая 1981: Крат. излож.] // АЕ за 1981 г. М. С. 348, 351.
- [Крат. излож. выступ. об А.Ц. Мерзоне] / Наумов В.П., Шумихин С.В. Обсуждение трудов А.Ц. Мерзона по источниковедению // СА. 1982. № 1. С. 94.
- [Выступ. на пленар. засед. АК с докл. В.Л. Янина "30-летие изучения древнерусских берестяных грамот", 17 дек. 1981: Крат. излож.] // АЕ за 1981 г. М. С. 352–353.
- [Выступления на Тихомировских чтениях 1982 г., посвящ. проблеме охраны документальных памятников: К пятилетию Закона СССР "Об охране и использовании памятников истории и культуры": Крат. излож.] // СА. 1982. № 6. С. 84, 86; АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 183, 187.
- [О составлении предварительного списка рукописей по истории и культуре балканских народов": Крат. излож. докл.] // Материалы конф. "Описание и каталогизация рукописей. Проблемы сравнительной кодологии и палеографии", С., 31 авг. – 2 сент. 1982 // СIBAL: Bulletin d'information. 1982. № 6. P. 27.
- [Выступ. о каталогизации нарративных памятников по истории и культуре балканских народов] // Там же. С. 30, 37; [Закл. слово на конф.] // Там же. С. 45–46.
- [Крат. излож. докл.]: Second Session of the СIBAL. Komission on Manuscripts // Полата книгописная. 1983. № 8. P. 64.

1983

В начальный год Московского царства // Знание – сила. № 11. С. 29–32.

К изучению Лицевого летописного свода // Древнерусское искусство: Рук. книга. М. Сб. 3. С. 204–211.

О наследии академика М.Н. Тихомирова // ВИ. 1983. № 12. С. 115–123.

О составлении "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР" // IX Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Докл. сов. делегации. М. С. 270–282. Совм. с Л.П. Жуковской и Н.Б. Шеламановой.

La Société et la nature: questions d'étude des sources historiques // Sciences sociales. 1983. N 4. P. 207–217.

То же, на англ., исп. и нем. яз.

То же, на вьетнам. яз.: Nghier Cuu lich su. 1985. N 6.

М.Н. Тихомиров: К 90-летию со дня рождения // Памятные книжные даты. 1983. М. С. 68–69.

Об археографическом поиске // Школьный музей; Теория и практика / Сост. Ю.М. Калинин: [Метод. пособие]. М. С. 7–11.

Ред. кн. 93 с. Ротапринт. Совм. с В.В. Шляковым.

Источниковедение в кругу других дисциплин и вопросы классификации источников: Постановка вопроса // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всесоюз. конф., Днепропетровск, 31 окт. – 2 нояб. 1983. М. С. 3–13. Ротапринт.

[Крат. излож. докл.] // СА. 1984. № 2. С. 88.

A composite catalog of slavo-russian handwritten books preserved in the USSR // Международный съезд славистов: Рез. докл. и письм. сообщ. М. С. 590–591. Совм. с Л.П. Жуковской и Н.Б. Шеламановой.

Рец. на кн.: Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981 // ИСССР. 1983. № 6. С. 167–168. Совм. с В.В. Морозовым.

Ред.: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Сост. В.И. Савва; Подгот. к печ. В.Ю. Афиани с участием С.А. Морозова. М. Вып. 1/2. АК, Ин-т истории СССР. 422 с. Ротапринт.

От ред. // Там же. С. 3–7.

Рец.: Рогожкин Н.М. // СА. 1984. № 5. С. 74–75; Полата книгописная. 1984. № 9. P. 95; Rasmussen Kn. // Slavic Review. 1985. N 2. P. 319.

Отв. ред.: Латинские рукописи V–VIII веков Государственной Публичной библиотеки им.

- М.Е. Салтыкова-Щедрина: Крат. описание для Сводного каталога рукописей, находящихся в СССР / Сост. Е.В. Бернадская, Т.П. Воронова, С.О. Вялова. Л. Ч. I. 83 с. Ротапринт.
- [Выступ. на засед. памяти В.Д. Лихачевой, 7 апр. 1982: Крат. излож.] // АЕ за 1982 г. М. С. 282–283.
- [Выступ. на засед. памяти А.Д. Люблинской, 26 мая 1982: Крат. излож.] // АЕ за 1982 г. М. С. 284.
- [Выступ. на науч.-практ. конф. «Роль журнала "Советские архивы" в развитии архивного дела в СССР», посвящ. 60-летию журнала, 30 марта 1983]. Юбил. конф. журн. // СА. 1983. № 3. С. 9–10.
- 1984**
- Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые рукописи времени Ивана Грозного. М.: Наука. 277 с. Рец.: Бржостовская Н.В. // СА. 1985. № 3. С. 88–90; Курсков Ю.В. // РЖ: Общественные науки в СССР. История. 1985. № 5. С. 65–67; Гальцов В.И., Новохатский К.Е. // Архіви України. 1985. № 5. С. 71–73; Ковальский Н.П. // ВИ. 1985. № 11. С. 124–126; Полата книгописная. 1985. № 13. P. 103; Kämpfer Fr. // Die Welt der Slaven. München, 1985; Halbjahresschrift für Slavistik. Jg. XXX. 2. N.F. IX. 2. S. 440–442; K.S. // Przegląd Historyczny. W-wa, 1985. T. 76. S. 629–630; Гроссман Ю.М. // ИСССР. 1986. № 1. С. 203–205; Waugh D.K. // Slavic Review. 1986. N 2. P. 315; Юзефович Л. // Новый мир. 1986. № 3. С. 289; Лексин Ю. Этюды о XVI веке // Знание–сила. 1986. № 11. С. 34–35.
- [Гл. 1–8 об отечественной истории до XIX в.] // Schmidt S., Tarnovsky K., Berkhin Y. A short History of the USSR. P. 7–70. 2-е изд. М., 1987. P. 5–71.
- То же, на араб. яз.: [Крат. очерк истории СССР: Учеб. пособие]. М., 1984.
- Выявление, собиране, учет и использование документальных памятников и задачи секции документальных памятников Центрального совета [ВООПИК] // Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда. С. 14–25.
- Отв. ред. Вологда: ВООПИК, АК и ее Северное отделение, Вологда. пед. ин-т. 111 с. Ротапринт.
- [Крат. излож. докл.] // СА. 1983. № 6. 82.
- Ред.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, X–XIII вв. / Редкол.: Л.П. Жуковская (отв. ред.), Н.Б. Тихомиров, Н.Б. Шеламанова. М.: Наука. 405 с. Гл. ред. сер.
- О Сводном каталоге рукописных книг, хранящихся в СССР // Там же. С. 3–6.
- Рец.: Роте Х. // Език и литература. С., 1985. № 4. С. 106–115; Вомперский В.П. // ИЮЛЯ. 1986. № 4. С. 366–367; Амосов А.А. // СА. 1986. № 5. С. 78–81; Князевская О.А. Каталог рукописных сокровищ: [Информация] // Бюл. МАИРСК. 1986. № 4. С. 74–76; Marty B. // Russian Linguistics. 1986. N 10. P. 333–351; Копанев А.И. // ВИ. 1986. № 12. С. 131–133; Мещерский Н.А. // Вопр. языкознания. 1986. № 6. С. 129–132; Мыльников А.С. // ИСССР. 1987. № 1. С. 192–195; Толстой Н.И. Памятники рукописной книжности // ВАН. 1987. N 2. С. 128–131; Hoffmann P. // Zeitschrift für Slavistik. 1987. Bd. 32, H. 1. S. 152–153.
- Деятельность Археографической комиссии АН СССР и задачи развития археографии // ВАН. 1984. № 10. С. 57–67.
- О. И.Е. Забелине и этой книге // Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М. С. 5–8.
- Порта, Крым и политика стран Восточной Европы во второй четверти XVI в. [часть главы в кн.] // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М. С. 178–186.
- С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров: По архивным материалам // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: [К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР С.В. Бахрушина]. М. С. 62–74.
- Рец. на кн.: Старостин Е.В. Развитие международного архивного сотрудничества до второй мировой войны. М., 1984 // СА. 1984. № 5. С. 71–72.
- Отв. ред.: Предварительный список для "Каталога личных архивных фондов отечественных историков" / Сост. В.Ю. Афиани, М.П. Мироненко. М.: Главархив СССР, АК. 148 с. Ротапринт.
- Отв. ред.: Присенко Г.П. Проиноквиение в былое: [О тульском ист. краеведении] // Там же. 144 с.
- Чл. редкол.: Источниковедение и историография архивного дела в СССР: Межвуз. сб. ст. М.: МГИАИ. 78 с. Ротапринт.
- [Докл. на совм. засед. Бюро Отд-ния истории АН СССР и коллегии Главархива СССР об актуальных вопросах дальнейшего совершенствования творческого сотрудничества учреждений АН СССР и учреждений государственной архивной службы, 24 янв. 1984: Крат. излож.] // СА. 1984. № 2. С. 90–92; ВИ. 1984. № 3. С. 109; ИСССР. 1984. № 3. С. 109.
- [Закл. слово на Тихомировских чтениях 1984 г., посвящ. археогр. подготовке студентов ун-тов и пед. ин-тов: Крат. излож.] // СА. 1984. № 5. С. 93; АЕ за 1984 г. М. 1985. С. 233–234.

1985

Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.: Учеб. пособие. М.: МГИАИ. 102 с. Ротапринт. Автор текста пособия с. 3–66. Ред. прил., сост. С.Е. Князьковым.

Рец.: Севастьянова А.А., Козляков В.Н. // СА. 1987. № 1. С. 101–103; Brown P. // Rus-

- sian Review. 1988. Juli. Vol. 47, N 3. P. 328–329.
- Абсолютизм в России и в странах Западной Европы: (Опыт сравн. рассмотрения); Absolutism in Russia and the West European Countries: (A Comparative Study). М.: Нац. ком. историков Советского Союза. 55 с. Совм. С. Е.В. Гутновой, Т.М. Исламовым.
- [Рез. докл.] // Schmidt S.O., Gutnova E.V., Yslamov I.M. Absolutism in Russia and the West European countries: (A comparative Study) // Rapports XVI Congrès International des Sciences Historiques, Stuttgart, du 25 aout au 1 Septembre 1985. Stuttgart. Fasc 2. P. 431–432.
- Отз.: Vogler G. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1986. Vol. 34, N 12. S. 53–54.
- Абсолютизм в странах Западной Европы и в России: Опыт сравн. изучения // НИИ. 1985. № 3. С. 42–58. Рез. на англ. яз. С. 219. Совм. с Е.В. Гутновой и Т.М. Исламовым.
- Изучение и издание наследия М.Н. Тихомирова // АЕ за 1983 г. М. С. 195–197.
- [Крат. излож. докл. на Тихомировских чтениях 1983 г., посвящ. 90-летию со дня рождения М.Н. Тихомирова] // СА. 1984. № 1. С. 93;
- [Крат. излож. закл. слова] // Там же.
- Историческая наука и архивы // Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. "Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества". М.: Главархив СССР, ВНИИДАД. Вып. 2. С. 51–58. Ротапринт.
- "Невозможно вспоминать о прошлом, не думая о настоящем и будущем" // Культурно-историческое наследие Руси и героико-патриотическое воспитание: К 800-летию "Слова о полку Игореве". М. С. 66–89. (Сб. тр. НИИ культуры М-ва культуры РСФСР; № 143).
- О классификации исторических источников // ВИД. Л. Вып. XVI. С. 3–24.
- Описание рукописных книг балканского происхождения в издании "Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР" // СIBAL: Bulletin d'information. Sofia. N 9. P. 57–63. Совм. с Л.П. Жуковской, А.А. Туриловым, Н.Б. Шеламановой.
- [Крат. излож. докл. на Междунар. конф. по изучению памятников средневековой письменности в Ленинграде, март 1985] // ВИ. 1985. № 5. С. 151–152; СА. 1985. № 5. С. 90–91; ВАН. 1985. № 12. С. 63–64.
- Памятные даты начала Московского царства // Проблемы изучения культурного наследия: [Сб. материалов науч. конф. к 75-летию Д.С. Лихачева]. М. С. 167–177.
- Чл. редкол. кн. 398 с.
- Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству // Интеллигенция и революция, XX век. М. С. 163–170.
- [Выступление] // Материалы IV съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М. С. 56–59. Ротапринт.
- Les diaks dans la Russie de la Seconde moitié du XVIe Siècle // Histoire sociale, sensibilités collectives et mentalités. Melanges R. Mandrou. P. P. 551–560.
- Международная конференция по изучению памятников средневековой книжности // ВАН. 1985. № 12. С. 62–68.
- Рец. на кн.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. ст. и коммент. Л.И. Годовиковой. М., 1983. // ИСССР. 1985. № 1. С. 182–186.
- Чл. редкол.: Библиографический указатель изданий Археографической комиссии 1836–1936 гг.: [К 150-летию Археогр. комис.]. Л.: ЛОИИ, АК. 60 с. Ротапринт.
- Чл. редкол.: Историки освободительного движения в России: Библиогр. слов.: Проект Словника / Сост. А.В. Ратнер. М. 144 с. Ротапринт.
- [Выступ., на совм. засед. АК и сектора историко-востоковедения дооктябрьского периода Ин-та истории СССР по докл. Б.А. Рыбакова "Миниатюры Радзивилловской летописи", 24 марта 1983; Крат. излож.] // АЕ за 1983 г. М. С. 331–332.
- [Выступ. на засед. АК по докл. В.П. Козлова о Н.М. Карамзине как археографе, 5 мая 1983; Крат. излож.] // АЕ за 1983 г. М. С. 333.
- [Выступ. на засед. АК "Предварительные наблюдения над памятникам письменности, хранящимися в Пантелеймонове монастыре на Афоне", 7 дек. 1983; Крат. излож.] // АЕ за 1983 г. С. 333, 336.
- [Выступ. на засед. памяти М.В. Щепкиной, 30 марта 1984; Крат. излож.] // АЕ за 1984. М. С. 310–311.
- [Выступ. на засед. АК, 28 июня 1984; Крат. излож.] / Курносов А.А. В Археографической комиссии // СА. 1985. № 1. С. 91, 92; Он же. Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // АЕ за 1984 г. М., 1986. С. 317, 319.
- [""И.Н. Кобленц – историк отечественной культуры": Крат. излож. выступ. на засед. памяти И.Н. Кобленца, 26 нояб. 1984] // Сов. библиография. 1985. № 2. С. 90.
- [""Деятельность Археографической комиссии в Петербурге и ее традиции": Крат. излож. докл. на юбил. засед., Л., 29 янв. 1985] // СА. 1985. № 3. С. 94; Либерзон И.З. 150-летие Петербургской Археографической комиссии // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 333.
- [Сообщ. о координации работы по выявлению и сбору документов участников Великой Отечественной войны на засед. Межвед. совета по работе с документами личного происхождения при Главархиве СССР] // СА. 1985. № 4. С. 92.
- [О выступлениях на Международной научной конференции "Система описания средневековой книжности: Нарративные памятники по истории и культуре балканских народов" и рабочей встрече Комиссии рукописей СИБАЛ, Л., март 1985] // СIBAL: Bulletin d'information. N 9.

[Выступ. на засед. науч. студ. кружка источниковедения истории СССР, МГИАИ, посвящ. его 35-летию, 13 апр. 1985: Крат. излож.] / Козлов В.Ф. В МГИАИ: (Конференция, совещания, семинары) // СА. 1985. № 5. С. 92.

[Закл. слово на Тихомировских чтениях 1985 г., посвящ. 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Крат. излож.] // СА. 1985. № 6. С. 66; АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 192–193.

1986

80-летие академика Д.С. Лихачева // ВИ. 1986. № 11. С. 116–121. Совм. с Б.Б. Пиотровским, Л.А. Дмитриевым, В.Л. Яниным.

Вступительное слово [на засед. Археографической комиссии памяти В.И. Шункова] // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 194–195.

Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Историческая наука: Вопр. методологии. М. Гл. книги, примеч. С. 153–163, 251–253.

"Слово о полку Игореве" и развитие понятия о памятнике культуры // Наука в СССР. 1986. № 6. С. 94–103.

То же, пер. на англ., исп., нем. яз.

"Слово о полку Игореве" и становление и развитие понятия о памятнике культуры // Памятники отечества. 1986. № 1 (13). С. 152–161.

Внутренняя политика России времени М.В. Ломоносова // М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. Архангельск. С. 193–166. Ротапринт.

Рец. на кн.: Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983 // ВИ. 1986. № 5. С. 128–129.

Подгот. публ., вступ. ст.: Вступ. слово Л.В. Черепнина перед защитой им докторской диссертации 1946 г. // АЕ за 1985 г. М. С. 315–324.

М.Н. Тихомиров – член Общества истории древностей российских: [Предисл. к публ. Л.И. Шохина] // АЕ за 1985 г. М. С. 311–315.

Отв. ред.: Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., находящихся в СССР, для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР / Сост. А.А. Турилов. М. 374 с. Ротапринт.

Чл. редкол.: Жития Кирилла и Мефодия. М.; С. 268 с.

[О докл. "Работа Археографической комиссии АН СССР по описанию и изданию актовых источников" на совещании, организованном Ин-том ИСССР и АК, май 1985] / Никитин Н.И. Научно-методическое совещание по проблемам актовой археографии // АЕ за 1985 г. М. С. 337.

["Роль музеев Московского Кремля в изучении отечественной истории и культуры" (докл. 14 ноября 1985 г.). См. также: ВИ. 1986. № 3. С. 150. [Крат. излож.] / Владимирская Н.С. Стенам и башням Московского Кремля

500 лет: Всесоюз. науч. конф. // Сов. искусствование. Вып. 22. С. 475–476.

[О докл. об актуальных задачах советского источниковедения на науч. сес. по теме "Актуальные проблемы истории изучения и издания письменных источников", организованной Комиссией по источникам истории Грузии при Президиуме АН ГССР, Батуми, 14 окт. 1985: Крат. излож.] // СА. 1986. № 3. С. 86.

[О докл. "Бюрократия и делопроизводство Российского государства в конце XV–XVII в." на III коллоквиуме историков СССР и Испании, М., нояб. 1985] // ВИ. 1986. № 1. С. 148.

[Закл. слово на пленар. засед. АК по докладу Е.Ф. Сопина "Архивные учреждения РСФСР к 40-летию Победы", 14 янв. 1986: Крат. излож.] // СА. 1986. № 3. С. 87; АЕ за 1986 г. М., 1987. С. 310.

[Вступ. слово на совмест. засед. АК и сектора источниковедения истории СССР дооктябр. периода. Ин-та ИСССР памяти В.И. Корецкого, 20 февр. 1986: Крат. излож.] // ВИ. 1986. № 4. С. 147; АЕ за 1986 г. М., 1987. С. 310–311.

1987

Внутренняя политика России середины XVIII века // ВИ. 1987. № 3. С. 42–58. Рез. на англ. яз. С. 190.

Из истории архивного строительства в первые годы советской власти // Советская культура: 70 лет развития: [Сб. к 80-летию М.П. Кима]. М. С. 349–353.

Историографические источники и литературные памятники // Исследования по древней и новой литературе: [Сб. в честь Д.С. Лихачева]. Л. С. 357–364.

Исторический музей и источниковедение истории СССР // Проблемы экспозиционной и фондовой работы. М. С. 19–29. (ТГИМ; Вып. 65).

Николай Михайлович Дружинин, 1886–1986 // АЕ за 1986 г. М. С. 325–327. Совм. с Б.Г. Литваком.

О выступлении Л.В. Черепнина на заседании памяти П.М. Строева 1946 г. // Феодализм в России: [Сб. памяти Л.В. Черепнина]. М. С. 46–52.

О некоторых задачах и итогах собрания и научного описания памятников кириллической письменности и книжности // АЕ за 1986 г. М. С. 156–158. Совм. с Б.Г. Литваком и В.А. Черных.

О подготовке историков-архивистов в МГИАИ: Размышления в связи с реформой высшей школы // СА. 1987. № 4. С. 55–63.

Отз.: Точка зрения отдела кадров Главархива СССР // Там же. С. 63–65.

Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII в. // Россия и Испания: Ист. перспектива: [Сб. докл. I коллоквиума историков СССР и Испании, М., окт. 1981]. М. С. 261–286. Ротапринт.

- О докладе // НИИ. 1982. № 4. С. 213.
[Выступ. на "круглом столе" НИИ]. Проблемы преподавания источниковедения новой и новейшей истории // НИИ. 1987. № 2. С. 175–176, 178–182, 185–186.
- "Слово о полку Игореве" в жизни Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф., 13–14 нояб. 1987. [Тарт. ун-т]. С. 88–89. Ротапринт.
- Традиции отечественного краеведения, выявления и использования документальных памятников // Первая Всесоюзная научная конференция по историческому краеведению, Полтава, окт. 1987: Тез. докл. и сооб. Киев. С. 14.
Чл. редкол. изд. 305 с. Ротапринт.
- Отв. ред.:* Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики: Тр. Гос. Ист. музея. / Сост. Л.М. Костюхина. М. 120 с.
- Отв. ред.:* Как сохранить Ваш семейный архив. Как написать (записать) воспоминания: Метод. пособия для участников поисковой работы / Сост. И.А. Альтман, С.В. Житомирская, А.А. Курносов. М.: АК, ВООПИК, Центр. дет. турист. станция. 43 с. Ротапринт. От редактора // Там же. С. 4–8.
Отз.: Яковлева Т. Потерянное письмо // КП. 1987. 24 нояб.; Лексин Ю. Потерявши плачем // Знание–сила. 1988 № 6. С. 82–83.
- Чл. редкол.:* Летопись занятий Археографической комиссии, 1861–1928 гг.: Указ. содержания. Л. 121 с. Ротапринт.
- [Выступ. на IX Междунар. съезде славистов (Киев, сент. 1983): Крат. излож.] // IX Международной съезд славистов: Материалы дискуссии. Фольклористика, ист. проблематика, круглые столы. Киев. С. 61 (по докл. М.М. Громыко), 133–134 (по докл. Н.А. Герасимовой-Персидской), 134–135 (по докл. Т.В. Владышевской), 135 (по докл. К. Станчева), 137–138 (по докл. Н.Н. Покровского), 138–139 (по докл. Ф.Ш. Мирочника), 139–140 (по докл. В.И. Аннушкина), 140 (по докл. Я.Н. Шапова).
- [О выступ. на международном "круглом столе", посвящ. 800-летию "Слова о полку Игореве", М., 25 сент. 1986] // ВИ. 1987. № 1. С. 143.
- [О докл. "Центральный правительственный аппарат Российского государства в XVI–XVII вв." на VII симпозиуме историков СССР и Швеции, М., окт. 1986] // НИИ. 1987. № 3. С. 231.
- [О выступ. на чтениях к 100-летию со дня рождения Е.А. Косминского, нояб. 1986] // НИИ. 1987. № 3. С. 144.
- [Вступ. слово на засед. памяти С.П. Моравского, 20 нояб. 1986: Крат. излож.] // АЕ за 1986 г. М. С. 312; ВИ. 1987. № 2. С. 158; ПИШ. 1987. № 2. С. 79; Сов. педагогика. 1987. № 7. С. 140–141; Средние века. М., 1988. Т. 51. С. 310; Педагогика. 1992. № 7/8. С. 98.
- [О докладе "А.Д. Люблинская как член бюро Археографической комиссии АН СССР", на совм. засед. группы по изучению истории Франции ЛОИИ и бюро АК, посвящ. памяти А.Д. Люблинской, Л., 3 июня 1987] // ВИ. 1987. № 8. С. 154; АЕ за 1987 г. М., 1988. С. 328.
- [Докл. "О развитии научных связей учреждений Отделения истории АН СССР и архивных учреждений в свете решений XXVII съезда КПСС" на совместном заседании бюро Отделения истории АН СССР и коллегии Главархива СССР, 9 дек. 1986: Крат. излож.] / О развитии сотрудничества историков и архивистов в свете решений XXVII съезда КПСС // ВАН. 1987. № 10. С. 20–82; ВИ. 1987. № 2. С. 128; СА. 1987. № 2. С. 108–109.
Отз.: Kennedy-Grimsted Patricia: A handbook for archival research in the USSR. Wach. (D.C.), 1989. P. 107–108.
- [О выступлении на расширенном пленуме Научного совета по историографии и источниковедению, о задачах историографических и источниковедческих исследований, апр. 1987: Крат. излож.] // ВИ. 1987. № 11. С. 99, 100; ИСССР. 1988. № 1. С. 146–148.

1988

- Документальные памятники: Выявление, учет, использование: (Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "история"). М.: Высш. шк. 255 с. Отв. ред. Введение // Там же. С. 3–9.
// Глава 1. Документальные памятники. Задачи археографической работы. Там же. С. 10–44.
Рец.: Новохатьский К.Е. // Архиви України. 1988. № 6. С. 71–72; Кудрявцев И.И., Кузьмин С.И. // СА. 1990. № 1. С. 100–103; Колесников П.А., Притыченко Е.И. // ИСССР. 1990. № 2. С. 204–206.
- "История государства Российского" в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. М. Кн. IV. С. 28–43.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Книга Кн. I, IV Репр. воспроизведение изд. 1842–1847 гг. Подгот. под наблюдением Д.С. Лихачева и С.О. Шмидта.
- Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России: (Памятники ист. мысли). М. С. 587–589.
Отв. ред. книги. 696 с.
Рец.: Алаев Л.Б. Н.П. Павлов-Сильванский и феодализм на Востоке // Народы Азии и Африки. 1988. № 4. С. 188–194; Шапиро А.Л. // ИСССР. 1989. № 2. С. 171–174.
- А.С. Пушкин и "Слово о полку Игореве" // Древности славян и Руси: [Сб. к 80-летию Б.А. Рыбакова]. М.: Наука. С. 169–174.
- К изучению истории советской археографической культуры // Литература и искусство в системе культуры: [Сб. в честь Д.С. Лихачева]. М.: Наука. С. 487–494.
- [Выступление] // Материалы V съезда Всероссийского общества охраны памятников исто-

рии и культуры, Горький. М. С. 77–80. Ротапринт.

Рец. на кн.: Новикова А. Молчаливые собеседники. М., 1987; Савинова Р. Автографы с архивной полки. Ярославль, 1987 // СА. 1988. № 5. С. 103–106.

Каталог славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся Центральном государственном архиве древних актов. М.: Главархив СССР, ЦГАДА. Ч. 1. 122 с.; Ч. 2. 343 с. Ротапринт. Чл. редкол.

[Вступ. слово по докл. Б.Н. Морозова "Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII в." на совм. заседании АК и сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода Ин-та ИСССР, 27 янв. 1987: Крат. излож.] // АЕ за 1987. М. С. 318.

[О выступ. слове на совм. заседании Центр. парт. архива и АК, посвящ. 100-летию со дня рождения С.Н. Валка, 25 дек. 1987] // ВИ. 1988. № 4. С. 138; АЕ за 1988 г. М., 1989. С. 157.

[О выступ. на премьере "Истории государства Российского" в московском издательстве "Книга"] / Возвращение Карамзина // Учит. газ. 1988. 23 апр.

[Вступ. и закл. слова на Всерос. науч.-практ. конф. "Документальные памятники и их использование в патриотическом воспитании молодежи" (Калинин, 23–26 мая 1988)] / Петрова С.И. Наследие и молодежь // Памятники отечества. 1988. № 2 (18). С. 117–118.

1989

Документальные памятники в системе источниковедения // ИСССР. 1989. № 5. С. 111–119.

Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1987). М.: МГИИИ. С. 9–19. Ротапринт.

Зодчий наук: [О В.Н. Татищеве] // Родина. 1989. № 3. С. 53–54.

"История государства Российского" Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток [Сб. к 70-летию С.Л. Тихвинского]. М. С. 187–202.

К 80-летию академика Б.А. Рыбакова // АЕ за 1988 г. М. С. 131–133.

"Краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено" // Памятники отечества. 1989. № 1 (19). С. 12–18.

[Выступление] // Материалы пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (М., 25 нояб. 1988). М. С. 45–49. Ротапринт.

Науч. ред. кн. – 168 с.

Митрополит московский Макарий и государственные преобразования России в середине XVI века // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковная конференция "Богословие и духовность" (М., 11–18 мая

1987). М.: Изд-во Моск. патриархии. С. 289–292. [Излож. докл.]. Там же. С. 34.

О книге "Историко-краеведческие материалы обществ по изучению Москвы и Московского края" // Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы обществ по изучению Москвы и Московского края. М. С. 3–6.

Отв. ред. книги: М.: АК, Сов. фонд культуры. 169 с.

О книге "Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.)" // Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М. С. 3–17.

Отв. ред. книги: М.: АК, Сов. фонд культуры. 178 с.

Рец.: Щерба Н.Н. Краеведение и документальные памятники // Отечество: Краевед. альманах. М., 1992. Вып. 3. С. 280–281; Егоров В.Л. Три книги о краеведении // ОИ. 1993. № 2. С. 216–217 (о двух книгах С.Б. Филимонова 1989 г. и книге 1991 г.).

О П.И. Бартенева и книге о нем // Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенева. М. С. 3–8.

Отв. ред. книги: М.: Моск. рабочий. 172 с. (История Москвы: Портреты и судьбы).

Рец.: Кедровская М.А., Смирнова И.М. // СА. 1989. № 4. С. 101; Архипова Г.А. // ВИ. 1989. № 7. С. 156–157.

[Предисл. к публ.] Воронин Н.Н. Слово в память Михаила Николаевича Тихомирова / Подгот. к печ. И.В. Ковалев // АЕ за 1988 г. М. С. 316–317.

[Предисл. к публ.]: Письмо М.Н. Тихомирова 1955 г. о происхождении славян и Древней Руси / Подгот. к печ. П.А. Плутто // АЕ за 1988 г. С. 314–315.

[Предисл. к публ.]: С.Б. Веселовский о драматической повести "Иван Грозный" А.Н. Толстого / Подгот. к печ. К.А. Аверьянов // АЕ за 1988 г. С. 296–304.

М.Н. Тихомиров и проблемы изучения аграрной истории нашей страны // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: XXII сес. Всерос. симпозиум по изучению проблем аграрной истории: Тезисы (Минск, 11–14 окт. 1989). М. С. 248–249. Ротапринт.

Сельские церковноприходские летописи как историко-краеведческий источник // II Всесоюз. конф. по ист. краеведению, апр. 1989: Тез. докл. и сообщ. Пенза. С. 76–78. Ротапринт.

Чл. редкол. кн. 284 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Книга. Кн. II–III. [Репр. воспроизведение изд. 1842–1844 гг. / Подгот. под наблюдением Д.С. Лихачева и С.О. Шмидта].

Отз.: Hoffmann P. N.M. Karamins "Geschichte des Russischen Reiches" // Zeitschrift für Slavistik. 1991. Bd. 36, N 4. S. 614–615.

Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период) // Межвуз. сб. науч. тр. Вологда. 124 с. *Чл. редкол.*

II Всесоюз. науч.-практ. конф. "Исторические названия – памятники культуры", 17–20 апр.

- 1989: Тез. докл. и сообщ. М. 183 с. Ротапринт. *Чл. редкол.*
- [Докл. "Архивы и историческая наука", вступ. и закл. слова на "Тихомировских чтениях", 14 июня 1988, посвящ. 70-летию ленинского декрета "О реорганизации и централизации архивного дела": Излож.] // АЕ за 1988 г. С. 159–162, 164.
- [Вступ. и закл. слова на пленарном заседании АК по теме "Проблемы устной истории: История и перспективы", 16 янв. 1989]: Крат. излож.: Новохатський К.Е. Засідання з проблем "усної історії" // Архіви України. 1989. № 3. С. 78, 79; АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 314.
- [О выступ. при открытии конф. в МГИАИ, 31 янв. 1989] // УІЖ. 1989. № 6. С. 152; Морозов Б.Н., Муравьев В.А., Простоволосова Л.Н. Первая конференция по генеалогии / ИСССР. 1990. № 2. С. 219.
- [О докл. "Краеведение в развитии отечественной исторической науки", сообщении о сельских церковноприходских летописях и других выступлениях за II Всесоюз. конф. по ист. краеведению, Пенза, апр. 1989] // Жпромская В.В. Возрождение исторического краеведения // ВИ. 1989. № 9. С. 179, 180; УІЖ. 1989 № 8. С. 156; Пенз. правда. 1989. 5,8 апр.
- 1990**
- Les historiens et la sauvegarde de l'heritage culturel de l'humanité: (Pour la discussion à la "Table ronde"). 17th International Congress of Historians. Madrid, 37 p.
- Историки и сохранение культурного наследия человечества: (К постановке вопр. на "круглом столе"): XVII Междунар. конгр. ист. наук. М.: ИНИОН. 37 с. Ротапринт. Совм. с С.Л. Тихвинским.
- В чем В.И. Ленин видел "гордость и славу публичной библиотеки"? // Сов. библиография. 1990. № 3. С. 15–18.
- "Золотое десятилетие" советского краеведения // Отечество: Краевед. альманах. М. Вып. 1. С. 11–27.
- Науч. ред. кн. 224 с.*
- ["Круглый стол", 7 дек. 1988.] Историческая наука 1920–1930-х годов // История и историки. М. С. 84–91.
- "История государства Российского" // Круг чтения. Календарь, 1991. М.: Изд-во полит. лит. С. 10–12.
- История одного отзыва: О литературном сценарии В. Шукшина "Я пришел дать вам волю (Степан Разин)" (М., 1967) // Из прошлого в будущее: Проверка на дорогах: Об историзме кино. М.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т киноискусства Госкино СССР. С. 190–194. [Отзыв декабря 1967 г.]. Послесловие // Там же. С. 194–195.
- К предыстории издания последних книг академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность и литература периода феодализма: [Сб. ст. к 60-летию Н.Н. Покровского]. Новосибирск. С. 368–376.
- Чл. редкол. кн. 398 с.*
- Михаил Тимофеевич Белявский (1913–1989) // АЕ за 1989 г. М. С. 330–332.
- Н.М. Карамзин и его "История государства Российского" // Карамзин Н.М. Об истории государства Российского. М.: Просвещение. С. 324–364.
- Отв. ред. книги. М.: Просвещение. "Библиотека учителя". 383 с. Сост. примеч. // Там же. С. 365–373.*
- Роль московведения в развитии отечественного краеведения // Краеведение Москвы: Науч.-метод. материалы в помощь краеведам. М. С. 7–16.
- Отв. ред. книги. М.: Моск. фонд культуры. 123 с. Совм. с Л.В. Ивановой.*
- Традиции русской филигранологии в современной отечественной археографии // Филигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. науч. тр. Л. С. 6–13.
- Отв. ред. книги АК, БАН. л. 155 с.*
- А.Ф. Адашев и Ливонская война // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зммина, 13–19 мая 1990. М.: Ин-т ИСССР, МГИАИ. С. 303–306. Ротапринт.
- Значение трудов А.М. Разгона об исторических музеях дореволюционной России в развитии нашей историографической культуры // Научное наследие А.М. Разгона и актуальные проблемы музееведения: (Чтения к 70-летию со дня рождения Авраама Моисеевича Разгона): Тез. докл. М. С. 10–15.
- Отв. ред. изд. М.: АН СССР, Ин-т ИСССР, АК, М-во культуры РСФСР, ГИМ. 41 с. Ротапринт.*
- [О заседаниях, 8–9 янв. 1990] // АЕ за 1990 г. М., 1992. С. 300–301.
- Музеи Московского Кремля и изучение истории России XV–XVI веков // Русская художественная культура XV–XVI веков: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф., 14–16 мая 1990. М. С. 6–8. Ротапринт.
- Труды краеведов и развитие источниковедения // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. коиф., 30 мая — 1 июня 1990. Киев. С. 37–38. Ротапринт.
- [О докладе]: Архіви України. 1990. № 4. С. 8; УІЖ. 1990. № 11. С. 158.
- Рец.:* Обзор изданий статистических комитетов (Комарова И.И. Предпроектные исследования в строительстве. М., 1988. Вып. 1; М., 1989. Вып. 2) // АЕ за 1989 г. М. С. 267–268.
- Подгот. публ., вступ. ст.:* Записка М.Н. Тихомирова 1956 г. о составлении "Московского некрополя" // АЕ за 1989 г. М. С. 305–306.
- [Отрывок из отзыва на эссе "Споры о Трубецком" Ю.Д. Полухина (1976)] – Руднева Л. Верность странника: Предисловие // Полухин Ю.Д. Улица Грановского, 2. М. С. 13.
- Отв. ред.:* Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подгот. к печ. В.И. Гальцов. М.

- Ч. 1. 526 с.; Ч. 2. Указатели. 120 с. (Памятники отечественной истории; Вып. 4).
От ред. // Ч. 1. С. 3–4.
Рец.: Князьков С.А. // ОА. 1992. № 1. С. 119–120.
- Отв. ред.:* Собрание и запись воспоминаний ветеранов революции, войны и труда: (Рекомендации руководителю и участникам поисковой работы) / Сост. И.А. Альтман, А.А. Куриосов. М.: Госком. СССР по нар. образованию, АК, ВООПИК, Секция документ. памятников. 15 с. Ротапринт.
- Отв. ред.:* 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР: [Сб. науч. студ. работ]. М.: МГИАИ, 184 с. Ротапринт.
От ред. // Там же. С. 3–4.
- Чл. редкол.:* Методические рекомендации по опосанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3, ч. 1–2. 405 с. Ротапринт.
- Чл. редкол.:* Вся Москва, 1990/91: Информ.-рекл. ежегодник. М.: Моск. рабочий. 700 с.
- [Выступ. при обсуждении кн.: Крат. излож.] Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционные традиции в России, 1783–1883 // История и историки. М. С. 151–152. (На обороте титула – 1991 г.).
- [Вступ. слово на науч. совещ. "Вопросы описания орнаментальных украшений в славяно-русских рукописях XIII–XV вв." ЦГАДА, 23 янв. 1989.] // АЕ за 1989 г. С. 324.
- [Выступ. на засед. Ученого совета МГИАИ, посвящ. 50-летию кафедры впом. ист. дисциплин, 12 сент. 1989: Крат. излож.] // АЕ за 1989 г. С. 328.
- [Закл. слово на засед. АК по докл. В.Ф. Козлова "Материалы фонда Центральных государственных реставрационных мастерских (1918–1933) о русских архитектурных памятниках и их судьбах", 27 нояб. 1989: Крат. излож.] // АЕ за 1989 г. М. С. 320
- [О вступ. слове на "Федоровских чтениях 1989 года", посвящ. изучению славянских и древнерусской рукописной и старопечатной книги, 14 дек. 1989] // АЕ за 1989 г. М. С. 320.
- [О вступ. слове на засед., посвящ. 40-летию науч. студ. кружка источниковедения истории СССР в МГИАИ, 15 апр. 1990] / Гринина И.Г., Илизаров С.С. Юбилей старейшего студенческого научного сообщества: (Кружку источниковедения истории СССР – 40 лет) // Вопр. истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 168; Журавлев С.В. Юбилей кружка источниковедения // СА. 1990. № 5. С. 108; Чирков С.В. 40-летие научного студенческого кружка // ИСССР. 1991. № 2. С. 203.
- [О докл. "Краеведение Москвы как наука и общественное явление" (19 апр. 1990) на Первой конференции краеведов Москвы и "Задачи изучения краеведческого наследия" (26 апр. 1990) на учредительном съезде краеведов России в Челябинске] / Кузьмин Евгений. Подумаешь, краеведение!: (Отчаяние молодого москвича) // Лит. газ. 1990. 4 июля. С. 14.
- [О докл. "Задачи изучения краеведческого наследия" на учредительном съезде краеведов России, Челябинск, 26 апр. 1990] / Трутнев Н.А. Съезд краеведов России // Наука Урала: (Еженедельник). 1990. № 21. С. 7; см. также: Краеведы России в Челябинске // Челябинб. рабочий. 1990. 27 апр. С. 1; Данилов Р. Объединились краеведы России // Известия. 1990. 28 апр. С. 6.
- [О докл. "Значение издания и изучения памятников письменности для развития культуры" и выступ. на закл. заседании Междунар. семинара "Проблемы изучения и издания памятников письменности позднего средневековья" (Свердловск, 16–21 мая 1990)] / Никулина М. Прочитать литературу с начала // Наука Урала: (Еженедельник). 1990. № 23. С. 1, 4–5.
- [О вступ. и закл. слове на Тихомировских чтениях, посвящ. 60-летию МГИАИ, 8 июня 1990] / Морозов Б.Н. Тихомировские чтения 1990 г. // СА. 1990. № 5. С. 107–108; АЕ за 1990 г. М., 1992. С. 179–180.

1991

- Документальные памятники в сфере развития культуры // Мировая культура: Традиции и современность: [Сб. памяти Б.Б. Пиотровского]. М. С. 25–30.
- И краевед, и академик: Михаил Николаевич Тихомиров, 1893–1965 // Краеведы Москвы. М. Вып. 1. С. 216–236.
- Предисловие // Там же. С. 5–12.
- Отв. ред. этой кн.* М. Моск. рабочий. 288 с. (Совм. с Л.В. Ивановой).
Рец.: Краевский Б.В. Знаток первопрестольной // Моск. правда. 1992. 18 февр.; Козлов В.Ф. Летописцы великого города // Моск. журн. 1992. № 3. С. 59; Федосюк Ю.А. // Веч. Москва. 1992. 11 мая; Формозов А.А. // ОА. 1992. № 4. С. 118–119; Рейнтблат А.И. // Лит. обозрение. 1993. № 5. С. 24.
- Историки и сохранение культурного наследия человечества // НИИ. 1991. № 1. С. 44–54. Совм. с С.Л. Тихвинским.
- Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана: Материалы науч.-практ. конф. М. С. 8–23.
- Чл. редкол. кн.:* НИИ культуры, Моск. фонд культуры. 200 с.
- Историческое краеведение и задачи выявления и использования документальных памятников // Историческое краеведение в СССР: Вопросы теории и практики: Сб. науч. статей [Материалы I Всесоюзной конференции по историческому краеведению]. 1989. Киев. С. 26–30. Чл. редкол. книги. "Наукова думка". 275 с.
- О книге "Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.). М. С. 3–6.
- Отв. ред. этой книги С.Б. Филимонова:* М.: АК, Советский фонд культуры. 208 с.

- От редактора // В.О. Ключевский и современность: Тез. докл. на Всесоюз. науч. чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка. Пенза. С. 3–6. [О докл.] // "В.О. Ключевский и культура России" Пензенская правда. 1991. 20 июня.
- Отв. ред. этой книги.* Пенза: ИСССР, АК, Советский фонд культуры. Упр. культуры Пензенск. облсполкома, Пензенск. пед. ин-т. 173 с. Ротапр.
- О Якове Эммануиловиче Голосовкере: [Послесловие к публ.: «Яков Голосовкер. Секрет автора. "Штосс" М.Ю. Лермонтова»] // Р.Л., 1991. № 4. С. 65–71.
- Памятники в системе развития науки и общественного сознания // Музеи мира. М. С. 98–110.
- С.Н. Валк и развитие археографической культуры // Валк С.Н. Избранные труды по археографии: Науч. наследие. СПб. С. 336–345.
- Отв. ред. этой книги:* АН СССР, ОИ, АК, ААН, ЛОИИ. 366 с. Совм. с М.П. Ирошниковым.
- Слово о книге: Предисловие // Реквием: Памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Вологда. Ч. II. С. 3–4.
- 175 лет изданию ["Истории государства Российского" Н.М. Карамзина] // Памятные книжные даты 1991 г. М. С. 8–42.
- Der Geschäftsgang in den russischen Zentralämtern der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. В. Bd. 46. S. 65–86.
- Ред.-консультант:* Якушева Г.В. Отто Юльевич Шмидт – энциклопедист. М.: Сов. энциклопедия. 158 с.
- Рец.:* Панов В.Г. Энциклопедия об энциклопедисте // КО. 1992. №5; Динерштейн Е.А. Персональная энциклопедия // Книжное дело. 1993. № 2. С. 102–103. Илизаров С.С. Триптих о герое-ученом // Вопр. ист. естествознания и техники. 1994. №4. С. 140–143.
- [Выступ. на учред. съезде О-ва архивистов СССР, 14 нояб. 1990: Стеногр. отчет выступ. делегатов] / Вестн. архивиста. № 2. С. 4–10. Ротапринт.
- Краеведение и культура России в первой трети XX столетия // Междунар. конф. историков "Русская культура в первой трети XX века", М., 8–11 апр. 1991: Тез. докл. и сообщ. М. С. 29–34. Ротапринт.
- Рез. выступ.* // Материалы учред. съезда Рос. о-ва историков-архивистов, 12–13 нояб. 1990. М., 1991. С. 52. Ротапринт.
- [О докл. по соврем. пробл. топонимики на II Всесоюз. науч.-практ. конф. "Исторические названия – памятники культуры", М., 3 июня 1991] / Смирнов Ким. Имя на карте: История или политика?: Размышления после ленингр. референдума и Всесоюз. топоним. конф. // Известия. 1991. 20 июня. С. 7.
- Краеведение и документальные памятники. Тверь: Арх. отд. адм. Твер. обл. С. 86.
- Рец.:* Бердинских В. // Вятский край. 1993. 3 июня; Верба И. Самый массовый вид науки // Учит. газ. 1993. 30 нояб. С. 16; Лукичев М.П. // ОА. 1993. № 6. С. 108–109; Размустова Т.О. // ОИ. 1994. № 6.
- Ред.-сост.:* Венок Карамзину. М.: Academia (Рос. фонд культуры, О-ва любителей рос. словесности). 113 с.
- От сост. / Там же.* С. 5–6.
- Н.М. Карамзин – историк // Там же. С. 22–23.
- Он помогает нам сегодня разобраться, что в истории Добро и что Зло: (Беседа Г.Г. Меликянца с С.О. Шмидтом) // Там же. С. 51–55 (Перепеч. из газ. "Известия").
- Рец.:* Митрофанов Н. Звезда Карамзина // Веч. Москва. 1994. 2 июля.
- Составитель книги:* Николай Михайлович Карамзин: Юбилей 1991 года. Сборник научных трудов. М., 184 с. (Совм. с Н.И. Михайловой)
- Пушкин и Карамзин / Там же. С. 73–91.
- Гуманитарная подготовка студентов негуманитарных вузов и специалистов гуманитарного профиля: Материалы Всерос. конф., 2–3 апр. 1992: (Текст выступ. о краеведении на пленарном заседании). М.: РГГУ. С. 33–39.
- И.Е. Забелин и русская культура // И.Е. Забелин: 170 лет со дня рождения: Материалы науч. чтений ГИМ, 29–31 окт. 1990. М. Ч. 1. С. 15–30 (Г. ГИМ; Вып. 81).
- Ираклий Луарсабович Андроников (1908–1990) // АЕ за 1990 г. С. 319–322.
- К изучению литературно-художественного наследия М.Н. Тихомирова // Там же. С. 210–214.
- Краеведам России // Вестн. Союза краеведов России. М., № 1. С. 3–7.
- Ст. перепеч.: Вестн. детско-юношеского туризма в России. 1993. № 5/6. С. 3–5.
- Отв. ред. изд.* 52 с.
- [перепеч.] Целевые программы Союза краеведов России // Вузов. уч. программы по теории и истории культуры: Метод. пособие "В поисках нового образовательно-стандарта". Самара (Самарский гос. пед. ин-т, Самарский гос. ун-т). 1993. С. 256–271.
- Несостоявшаяся публикация. (Послесловие к публ.: Сергей Ольденбург. Краеведение в СССР, статьи 1929 г. / Подгот. к печ. С.В. Журавлевым) // Отечество: Краевед. альманах. М., 1992. Вып. 3. С. 259–261 (Зам. пред. Редаксовета издания).
- Послесловие // Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М. С. 295–309.
- Ред. кн.* Моск. рабочий. 320 с.
- Российское самодержавие и бюрократия в XVI столетии // Власть и политическая структура в средневековой Европе. М. (Ин-т всеобщей истории РАН). Ч. 1. С. 142–150. Ротапринт.

Русские литераторы и российская дипломатия // *Международ. жизнь*. 1992. № 10. С. 110–117.

То же: *Russian Men of Letters and Russian Diplomacy // International Affairs*. 1992. N 111. P. 115–122.

Выступление профессора С.О. Шмидта. [В день открытия выставки "Русские литераторы и российская дипломатия XVIII–1-й трети XIX в.", 5 июня 1992, в выставочном зале Музея А.С. Пушкина в Москве] // *Дипломат. вестн.* № 17/18. С. 60–61.

[Предисл. к ст.: Тверская Д.И. Музей как научно-исследовательское учреждение] // *Музейное дело*. М. Вып. 21. Музей. Культура. Общество. С. 61–62.

Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений // Чтения памяти В.Б. Кобринна "Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма": Тезисы. М.: РГГУ. С. 200–203.

Рец.: Новые продолжающиеся издания любителей старины // *ОА*. 1992. № 1. С. 54–57.

Отв. ред.: Александр Ильич Копанев: Сб. ст. и воспоминаний. СПб. 213 с. Совм. с М.П. Ирошниковым.

Чл. редкол.: Центральный государственный архив древних актов СССР: В 4-х т. Путеводитель. М. Т. 2. 515 с.

[О выступ. на совм. засед. отд. истории феодализма ИИСССР и АК, 29 марта 1990: Крат. излож.] / Баженова Е.К. Заседание памяти Е.Н. Кушевой // *АЕ* за 1990 г. М. С. 310.

[О вступ. слове на совм. засед. АК и Архива АН СССР, 2 окт. 1990, посвящ. 25-летию со дня кончины М.Н. Тихомирова: Крат. излож.] // *АЕ* за 1990 г. М. С. 214.

[О докладе "Общественное сознание noblesse russe в XVI – первой половине XIX в." на международной конференции "Российское дворянство с XVI до начала XIX в.: функции, самосознание, культура", Париж, 1991 4 дек.] / Берелович В. Конференция в Париже по истории русского дворянства // *ОИ*. 1992,

№ 6. С. 215. Статья по теме доклада напечатана: *Cahiers du Monde russe et Soviétique*. 1993. Vol. XXXIV (1–2). P. 11–32.*

С.О. Шмидт является также (или был ранее) членом редколлегий (или редсоветов) периодических или продолжающихся изданий, которые не отмечены в перечне: журналов "Советские архивы" (1984–1989), "Отечественные архивы" (с 1992 г.), "Исторический архив" (с 1992 г.), "Наше наследие", ежегодников "Вспомогательные исторические дисциплины" (с т. XVI), "Памятники культуры. Новые открытия", "Наука сегодня", краеведческого альманаха "Отечество", серийных изданий "Литературные памятники" (с 1978 г.), "Памятники исторической мысли" (в 1972–1983 гг.), "Биографические словари и справочники" (издательство "Советская энциклопедия"), "Куранты" (историко-краеведческий альманах), "Северный археографический сборник", многотомных научных описаний "Сводный каталог и описания старопечатных изданий кириллического и глаголического шрифтов", "Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель", "Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель", "Советская археография: Каталог науч.-метод. лит. и сб. документов" и др.

Статья в энциклопедических словарях**

Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1949–1957. Т. 1–49***.

Адашев А.Ф. // Т. 1. Стб. 391–392; Александр Невский // Т. 2. Стб. 76–78 (совм.); Василий II Темный // Т. 7. Стб. 28; Василий III // Там же; Гейденштейн П. // Т. 10. Стб. 323; Глинские // Т. 11. Стб. 511; Горсей // Т. 12. Стб. 231; Грядь // Там же. Стб. 609; Губа // Т. 13. Стб. 163; Губная реформа // Там же. Стб. 172; Гусев В.Е. // Там же. Стб. 224; Дворецкий // Там же. Стб. 493; Давлет-Гирей // Там же. Стб. 533; Дженкинсон // Т. 14. Стб. 221;

* Некоторые издания, подготовленные к выходу в свет ранее, имеют дату выхода – 1993 и 1994 гг. Среди них: *АЕ* за 1991 год (М., 1994) со статьями С.О. Шмидта "К семидесятилетию со дня рождения К.Н. Гарновского" (С. 160–167), "Евгений Алексеевич Луцкий (1907–1991)" (совм. с О.М. Медушевой и Л.Н. Простоволосовой) (С. 341–342), "Юрий Яковлевич Рыбаков (1935–1991)" (совм. с Б.Г. Литваком) (С. 338–340); книга "Историческое краеведение: По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению 1989 г." (Пенза, 1993). С.О. Шмидт – отв. редактор и автор статей "От редактора" (С. 3–6) и "Сельские церковноприходские летописи как историко-краеведческий материал" (С. 201–224); книга материалов Первой республиканской научной конференции по изучению провинциальной культуры, проведенной в Москве в 1991 г. "Русская провинция: Культура XVIII–XX веков" (М., 1993). С.О. Шмидт – отв. редактор и автор статьи "Изучение культуры российской провинции (XVIII – начало XX вв.) и задачи краеведения" (С. 7–14); статья (доклад на научно-практической конференции в Москве в апреле 1992 г. "Русская усадьба XVII – начала XX вв.: Проблемы изучения и возрождения") "Усадебное и краеведение" в кн. "Русская усадьба: Сб. общества изучения русской усадьбы. Вып. 1 (17). М., Рыбинск, 1994 (с. 68–82). Список трудов С.О. Шмидта за 1993–1994 гг. публикуется в сборнике статей "Мир источниковедения" (Пенза, 1994).

** С.О. Шмидтом написаны также многие статьи в следующих изданиях: *Энциклопедический словарь*. М., 1953–1955. Т. 1–3; *Малая советская энциклопедия*. 3-е изд. М., 1958–1960. Т. 1–10.

*** Статьи подписанные и неподписанные.

Дмитрий Шемяка // Там же. Стб. 357; Думные дворяне // Т. 15. Стб. 280; Думные чины // Там же; Евпраксия Всеволодовна // Там же. Стб. 375–377; Екатерина II // Там же. Стб. 492–494; Ермолай-Еразм // Там же. Стб. 531; Ефросинья Андреевна // Там же. Стб. 568; Зерцалов А.Н. // Т. 17. Стб. 74; Ивангород // Там же. Стб. 270; Иванов П.И. // Там же. Стб. 280–281; Ивановская площадь // Там же. Стб. 292; Игорь [князь Киевский] // Там же. Стб. 319; Избранная рада // Там же. Стб. 362–363; Изяслав Мстиславич // Там же. Стб. 522–533; Изяслав Ярославич // Там же. Стб. 523; Ипатьевский монастырь // Т. 18. Стб. 378; Кабальные книги // Т. 19. Стб. 204; Казанские походы Ивана IV // Там же. Стб. 305–306; Казначей // Там же. Стб. 369; Карпов Ф.И. // Т. 20. Стб. 251; Княжата // Т. 21. Стб. 483; Княжества // Там же; Козельск // Там же. Стб. 542; Константин Всеволодович // Т. 22. Стб. 419; Коноуший // Там же. Стб. 513; Кравчий // Т. 23. Стб. 191; Крузе Э. // Там же. Стб. 511; Ливония // Т. 25. Стб. 102; Лихачев Н.П. Там же. Стб. 293; Лицевой свод // Там же. Стб. 298; Лицевые рукописи // Там же. Стб. 299; Макарий // Т. 26. Стб. 91–92; Михаил Ярославич Хоробрит // Т. 27. Стб. 607; Мономашичи // Т. 28. Стб. 238; Москва – Третий Рим // Там же. Стб. 386–387; Московское великое княжество // Там же. Стб. 431–432; Московское восстание 1547 г. // Там же. Стб. 432; Нагой А.Ф. // Т. 29. Стб. 31; Негласный комитет // Там же. Стб. 350; Новгород–Северский // Т. 30. Стб. 70; Оболенский М.А. // Там же. Стб. 349; Окольный // Там же. Стб. 603; Олег // Там же. Стб. 634; Олег Святославич // Там же; Ольга // Т. 31. Стб. 6; Ольговичи // Там же. Опочка // Там же. Стб. 83; Оружничий // Там же. Стб. 246; Ослябя // Там же. Стб. 289; Отдаточные книги // Там же. С. 377; Перекладная // Там же. Стб. 415; Переписные книги // Там же. Стб. 447; Печатник // Там же. Стб. 635; Печатные пошлины // Там же; Печатный приказ // Там же; Пещец // Т. 33. Стб. 6–7; Писцы // Там же. Стб. 95; Платежные книги // Там же. Стб. 213; Площадные подьячие // Там же. Стб. 295; Повоз // Там же. Стб. 352; Поворотное // Стб. 353; Погост // Там же. Стб. 366; Подъезд // Там же. Стб. 452; Подымщина // Там же. Стб. 458; Подьячие // Там же; Поклон // Там же. Стб. 486; Полонянничные деньги // Там же. Стб. 623; Полонянничный приказ // Там же; Поминки // Т. 34. Стб. 133; Поруб // Там же. Стб. 222; Порядная запись // Там же. С. 228; Послух // Там же. С. 243; Постельная казна // Там же. Стб. 253; Постельничий // Там же; Приказные дьяки // Там же. Стб. 505–506; Приправочные книги // Там же. Стб. 535–536; Противень // Т. 35. Стб. 121; Протограф // Там же. Стб. 142; Путь // Там же. Стб. 327; Пушечный двор // Там же. Стб. 333–334;

Разрядные книги // Там же. Стб. 648; Рез // Т. 36. Стб. 255–256; Роба // Там же. Стб. 568; Родословные книги // Там же. Стб. 607–608; Родословных дел палата // Там же. Стб. 608; Руссов // Т. 37. Стб. 482; Рюрик // Там же. Стб. 534; Рюриковичи // Там же; Сильвестр (XII в.) // Т. 39. Стб. 48–49; Сильвестр (XVI в.) // Там же. Стб. 49; Синеус // Там же. Стб. 94; Совет великокняжеский // Там же. Стб. 472; Сокольничий // Т. 40. Стб. 12; Сокольничий приказ // Там же; Софийские летописи // Там же. Стб. 136–137; Спальник // Там же. Стб. 242; Список // Там же. Стб. 312–313; Старицкое княжество // Там же. Стб. 503–504; Статейные списки // Там же. Стб. 523; Столбцы // Т. 41. Стб. 32; Стольник // Там же. Стб. 39; Стрельные книги // Там же. Стб. 120; Стряпчий // Там же. Стб. 162; Судные приказы // Там же. Стб. 227; Тиун // Т. 42. Стб. 497; Тихомиров М.Н. // Там же. Стб. 499; Трувор // Т. 43. Стб. 322; Тургенев П.Д. // Там же. Стб. 434; Тысяцкий // Там же. Стб. 529; Указные книги // Т. 44. Стб. 62; Хронограф // Т. 46; Стб. 385; Царственная книга // Там же. Стб. 440; Челобитные // Т. 47; Стб. 93; Челобитный приказ // Там же.

Советская историческая энциклопедия. М., 1961–1975. Т. 1–16*.

Адашев А.Ф. // Т. 1. Стб. 202; Адашев Д.Ф. // Там же; Александр Невский // Там же. Стб. 371–372; Басманов А.Д. // Т. 2. Стб. 156; Бельские, кн. // Там же. Стб. 320; Владимир Андреевич Старицкий // Т. 3. Стб. 524; Думные дворяне // Т. 5. Стб. 402; Думные дьяки // Там же. Стб. 402; Думные чины // Там же. Стб. 402–403; Дьяк // Там же. Стб. 424–425; Земские соборы // Там же. Стб. 673–674; Иванов П.И. // Там же. Стб. 738; Игорь // Там же. Стб. 746; Избранная рада // Там же. Стб. 763; Княжата // Т. 7. Стб. 447; Коробейников Т. // Там же. Стб. 969; Курлятев Д.И. // Т. 8. Стб. 315; Летописец начала царства // Там же. Стб. 598; Лихачев Н.П. // Там же. Стб. 742; Местничество // Т. 9. Стб. 382–383; Милостники // Там же. Стб. 446; Печатник // Т. 11. Стб. 124; Печатные пошлины // Там же; Пиксанов Н.К. // Там же. Стб. 142; Писцы // Там же. Стб. 167; Повоз // Там же. Стб. 231; Поворотное // Там же; Погост // Там же. Стб. 232–233; Подъезд // Там же. Стб. 245; Поклон // Там же. Стб. 253; Порталь Р. // Там же. Стб. 417; Порядная запись // Там же. Стб. 460; Постельная казна // Там же. Стб. 470; Постельничий // Там же; Противень // Там же. Стб. 642; Рез // Там же. Стб. 988; Роба // Т. 12. Стб. 96; Рюриковичи // Там же. Стб. 429–430; Сильвестр (XVI в.) // Там же. Стб. 867; Смирнов М.И. // Т. 13. Стб. 81; Сокольничий // Там же. Стб. 322; Спальник // Там же. Стб. 733; Стряпчий // Там же. Стб. 877; Тихомиров М.Н. // Т. 14. Стб. 246–247; Шувалов П.И. // Т. 16. Стб. 362–363.

* Указаны только подписанные статьи.

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970–1978. Т. 1–29*;
Адашев А.Ф. // Т. 1. Стб. 218; Александр Невский // Там же. Стб. 408–409; Земские соборы // Т. 9. Стб. 506–507; Избранная рада // Т. 10. Стб. 52; Местничество // Т. 16. Стб. 107–108; Сильвестр (XVI в.) // Т. 23. Стб. 375.
Те же статьи на англ. яз. в издании: Great Soviet Encyclopedia. N.Y.; L.: Macmillan inc, 1973–1979.

Выступления в газетной периодике. Интервью**

Научное студенческое общество: [На истфаке] // Моск. ун-т. 1941. 13 мая. № 20(637). Совм. с др. профессорами и студентами.
Проект устава Науч.-студ. о-ва истфака МГУ // Там же.
Об этом см.: Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 1975 С. 13; 2-е изд. М., 1985. С. 19.
Секция истории научной конференции МГУ, посвященной современным проблемам науки // Моск. ун-т. 1944. 21 дек. 46.
Основатель Москвы – Юрий Долгорукий // Челяб. рабочий. 1947. 6 сент. Ленингр. правда. 1947. 6 сент. Сов. Молдавия, 1947. 6 сент. и др. газеты, печатавшие материал к 800-летию Москвы. Подпись С. Боянов.
[Выступление о библиотеке Ивана Грозного: Крат. излож.]: Менделеев А., Черников Н. По следам ушедших веков: [Репортаж с пресс-конференции "У нас в гостях историки-архивисты". Круглый стол "Неделя"] // Неделя. 1962. № 36. С. 4.
Живая связь времен: (Отклик на статью В.М. Пескова "Отечество") // КП. 1965. 5 авг.
Крылья истории: [О слете туристов-школьников Моск. обл.] // Моск. комсомолец. 1967. 13 июля.
Исторический памятник и современное зодчество: [Запись беседы] // ИСССР. 1968. № 2. С. 179–180.
Научная конференция: [Интервью в связи с конференцией по историографии и источниковедению Европейского Севера СССР в Вологде] // Красный Север. 1968. 17 дек.
Сквозь толщу лет: [Об организации выявления и спасения старинных памятников письменности] // Правда. 1970. 30 июня. Совм. с Д. Лихачевым и Н.Покровским.
Свод рукописных богатств: [Интервью в связи с совещанием по подготовке Сводного каталога древних рукописей, хранящихся в СССР] // Веч. Ленинград. 1971. 6 февр.
Хранители истории: [Интервью в связи с VII Междунар. конгр. архивов] // КП. 1972. 20 авг.
Уважение к древности: [О собирании и описании

древних рукописей] // Правда. 1973. 14 авг. Совм. с Д. Лихачевым и Н.Покровским.
Находки историков: [О 15 вып. АЕ – АЕ за 1972 г. и др. изданиях АК] // КО. 1974. № 26.
Интервью / Жуков В. Либерея Ивана Грозного: Факт или легенда? // Моск. комсомолец. 1974. 24 марта.
Предвидеть будущее: [Обращение к участникам организованной "Штабом смекалистых" экспедиции "Путешествие во времени" по маршруту "В страну знаний"] // Пионер. правда. 1974. 22 нояб.
О работе Уральской археографической конференции: [Интервью] // Пермь вечерняя. 1974. 29 нояб.
Записки краеведов: [Рец. на кн.: Историко-краеведческие записн. Волгоград, 1975] // КО. 1975. № 4.
Слово гостям Вологды: [О Второй северной региональной науч. конф., посвящ. изучению истории Европейского Севера в период между XXIV и XXV съездами КПСС и перспективам развития исторической науки в региона: Источниковедение и археогр. проблемы] // Красный Север. 1976. 4 февр.
Хранилище судеб людских: Несколько замечаний к статье об архивах [Правда. 1976. 3 февр.] // Правда. 1976. 29 мая. Совм. с Н. Дружининым, Д. Лихачевым, И. Минцем, А. Нарочницким, М. Нечкиной, Л. Черепниным, М. Кимом, И. Ковальченко, С. Тихвинским, Б. Литваком.
Исследователь истории России: [О кн.: Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975 и изданиях др. трудов М.Н. Тихомирова] // КО. 1976. № 25.
[Отрывок из письма о 110-й школе г. Москвы] / Яковлева Т. Живое сердце педагогики // КП. 1976. 21 окт.; Она же. Полпред в стране детства: Простые истины директора школы Ивана Кузьмича Новикова // КП. 1982. 6 окт.
[Интервью об археографических экспедициях] / Андреотти Ю. Фолианты поведали // Правда. 1976. 19 нояб.
Мастер культуры: ["Академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву – главе современной науки о древнерусской и славянских литературах исполняется 70 лет"] // КП. 1976. 28 нояб.
Документальный портрет эпохи: [Интервью о первой Всесоюз. конф. по полевой археографии] // Моск. правда. 1976. 7 дек.
Юным археографам: Пожелания наших старших друзей: (Памятка Республиканского дворца пионеров и школьников). Тбилиси. С. 37. Портрет.
Вечный долг наследников: [Дискус. клуб "ЛГ": "История и каждый из нас"] // ЛГ. 1977. 1 июля
По маршрутам памяти: [К началу работы VIII Всесоюзного слета победителей похода комсомольцев и молодежи по местам револю-

* Указаны только подписанные статьи.

** В этом же разделе – некоторые сведения о "беседах", "круглых столах".

- ционной, трудовой и боевой славы в г. Иваново / Беседу вела Л. Пронина // КП. 1977. 26 авг.
- Археографический ежегодник: [О т. 20 – АЕ за 1976 г.] // КО. 1978. № 3.
- Сколько лет Оружейной палате?: [Рубр. "Неизвестное об известном" об установлении Е.С. Сизовым даты первого упоминания Оружейной палаты и построения ее первого здания – 1508 г.] // Известия. 1978. 6 мая.
- [Из отзыва С.О. Шмидта о пьесе]. Завадский Ю.А. [Статья в буклете] // Театр им. Моссовета. Зорин Л. Царская охота. М., 1978. С. 4; То же. М., 1982.
- Уральским археографам: [Часть приветственного письма организаторам Музея книги Уральского ун-та] // Урал. ун-т. 1980. 31 марта. № 11.
- Сокровищница русской письменности: [О кн.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979] // КО. 1980. № 18.
- Проникновение в былое / Интервью взяла О. Лобанова // Неделя. 1980. № 47. Портрет.
- Живые имена: [О кн.: Белявский М.Т. Их имена увековечены в Москве. М., 1980] // КО. 1981. № 20.
- История исторической науки в СССР: [О кн.: История исторической науки в СССР: сов. период, октябрь 1917–1967: Библиография. М., 1981] // КО. 1981. № 37.
- Свод старинных рукописей: [Интервью] // Сов. Россия. 1981. 29 июля.
- Поведают о книгах рукописных: [О Сводном каталоге рукописных книг, хранящихся в СССР] / Интервью Ю. Андреотти // Советский Союз. 1981. № 6. С. 19.
- То же, на др. яз.
- Предпринято впервые: [О Сводном каталоге рукописных книг, хранящихся в СССР] // Интервью Ю. Андреотти // Памятники отечества. М., 1981/2. № 4. С. 161.
- Как открыть неоткрытые сокровища: [Беседа за "круглым столом" в "ЛГ" о памятниках культуры за рубежом] // ЛГ. 1982. 13 янв.
- [Интервью о Сводном каталоге рукописных книг, хранящихся в СССР] / Францен О. Компас машины времени // Правда. 1982. 11 февр.
- Отз.: Полата книгописная. Nijmegen. 1982. N 6. P. 75–76. Пер. ст. О. Францена. Fransten O. Un catalogue regroupe des manuscrites slavo-russe // Sciences sociales. 1983. N 3. P. 254–256.
- То же, на англ., исп., нем., португ. яз.
- Тайна библиотеки Ивана Грозного: [О кн.: Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982] // КО. 1982. № 26.
- Находки – мнимые, конфуз – очевидный: Письмо в редакцию о профессиональном изъятии статей М. Иванова, посвященных судьбе памятников национальной культуры за рубежом // ЛГ. 1982. 1 дек. С. 5. Совм. с З.В. Удальцовой и В.Л. Яниным.
- [Интервью в связи с научным совещанием в Вологде "Охрана и использование документальных памятников истории и культуры"] /
- Аринин В. История – это память сердца // Красный Север. 1983. 8 июня.
- И на всю жизнь дар ученичества: [Интервью] / Беседу вела Т. Яковлева // КП. 1983. 6 окт.
- То же, пер. на пол. яз.: Yakowlewa T. Dar uczenia i dar uczenia się // Literatura Radziecka. 1984. N 7. S. 129.
- Связь времен: [Ответы на вопросы об археографии, о помощи юных следопытов археографам, о том, как получают знания о прошлом. Рубр. "Открытый урок"] // Пион. правда. 1984. 24 февр.
- Археографический ежегодник: [Об очередных выпусках АЕ] // КО. 1984. № 37.
- Сводный каталог рукописных книг // КО. 1985. № 12.
- Щедрый век историка: (Старейшине советских историков академику Николаю Михайловичу Дружинину исполнилось сто лет) // КП. 1986. 14 янв.
- Говорят участники юбилейных торжеств: [В Ярославле в связи с 800-летием "Слова о полку Игореве"] // Сов. музей. 1986. № 1. С. 56. Портрет.
- Арбат: 16 ракурсов одной улицы: ["Круглый стол" в Центральном доме архитектора 30 января 1986 г.: Крат. излож. выступ.] // Архитектура СССР. 1986. № 4. С. 36–37.
- Особо ценные рукописи: [Интервью кор. ТАСС В. Овчарову к 30-летию Археографической комиссии АН СССР] // Сов. культура. 1986. 10 июня.
- Документы тоже памятники: [Рубр. "Советский фонд культуры – каким ему быть?"] // Сов. Россия. 1986. 6 июля.
- [О докл. "Современное состояние и перспективы развития кружковой работы студентов Моск. ист.-арх. ин-та на Всесоюз. науч.-метод. совещании-семинаре "Методика организации работы студентов гуманитарных вузов в научных кружках" в Калинингр. ун-те] // Калинингр. ун-т: Еженедельник. 1986. 20 окт. № 29/288.
- Оценку ставит студент: [Рубр. "Высшая школа. Время перемен"] // Правда. 1985. 4 дек.
- Археографический ежегодник: [Ответ на письмо: Характеристика издания в целом и АЕ за 1984 г. и за 1985 г.] // КО. 1986. № 50.
- [Ответы на вопросы: Будут ли открыты и издаваться архивные документы, чем интересны личные архивы наших современников] / Интервью И. Солганик // Аргументы и факты. 1987. № 21.
- "Творческий процесс радиоактивен" / Беседу с руководителем студ. науч. кружка МГИИИ вела К. Лаврова // Воскресные встречи: Беседы с интересными людьми. М.; Моск. рабочий, 1987. С. 34–46. Портрет.
- Вокруг Главной библиотеки: Трещина снаружи и трещина внутри: [Дискус. клуб "Позиция": Крат. излож. выступ.] // ЛГ. 1987. № 11.
- "Хочется думать, что не обрывал связь времен":

- [Ответы на "девять вопросов историку"] / Интервью Ю. Лексина // Знание – сила. 1988. № 2. С. 72–78.
- Первый перелом: [Беседа Ю. Лексина с С.О. Шмидтом, В.Ф. Козловым и С.Б. Филимоновым о краеведении первых послереволюционных лет] // Знание – сила. 1988. № 11. С. 67–75.
- Помни об отчете доме: [Беседа с Э. Гусейновым о краеведении] // Известия. 1988. 5 сент.
- Грядут ли перемены? Говорят организаторы архивного дела: [Беседа Е.Никольской с Н.Б. Волковой, М.П. Лукичевым, В.В. Цап-линым и С.О. Шмидтом] // Наше наследие. 1988. № 5. С. 7, 9–10.
- Из дальних экспедиций воротятся: [О деятельности АК] // КО. 1988. № 24. С. 7.
- Сберечь для потомков [Письмо 8 июля 1988 г. о сохранении в гос. хранилищах писем трудящихся в редакции газет, еженедельников и журналов] // Правда. 1988. 7 сент. Совм. с В.О. Седелниковым.
- Отз.: Никулин М. "Народный архив" открывает двери // Смена: Орган Леингр. орг. ВЛКСМ. 1989. 25 мая.
- Не просто цифра: [Коллективное письмо в редакцию в связи с решением изменить номер 110-й школы г. Москвы] // КП. 1988. 28 февр.
- Отз.: Рогожкин С. Шаг навстречу // КП. 1988. 11 марта.
- Избрать, наконец, достойных!: Открытое письмо министру культуры СССР тов. В.Г. Захарову // Сов. культура. 1988. 28 янв. Совм. с Д.С. Лихачевым и др.
- Отз.: Министр отвечает на открытое письмо // Сов. культура. 1988. 25 февр.
- [О выступ. на встрече молодых историков, организованной Всесоюзным советом молодых ученых и специалистов (по созданию проф. организации историков) в международном центре "Олимпиец" (под Москвой), 13 июля 1988] / Время поиска и надежд // КП. 1988. 29 июля.
- Перед дуэлью: "Слово о полку Игореве" – спутник последних месяцев поэта: [190 лет со дня рождения А.С. Пушкина] // Неделя. 1989. № 23. С. 14.
- "Без любви к малой родине, ее памятникам и природе невозможно почитание и родины большой" / Беседу вела Т. Корсакова. [В оглавлении: Краеведение – это и наука, и общественная деятельность – такой вывод делает профессор С.О. Шмидт] // Родина. 1989. № 4. С. 70–71.
- С чего начинается Родина: [Ответы на вопросы А.Мыслякова по программе "Краеведение"] // Пенз. правда. 1989. 7 апр.
- Всесоюзная конференция краеведов: [Интервью] // Молодой комсомолец: Орган Пенз. обкома ВЛКСМ. 1989. 6 апр.
- Восстановить историю: [Интервью] // Педагог Орган Пенз. гос. пед. ин-та. 1989: 17 апр.
- [О Всерос. науч. конф. "Археография и источниковедение истории Европейского Севера", Вологда, 2–5 июня 1988 г.] / Иванова С. Связующая нить // Красный Север. 1989. 6 июня.
- Юбилей без суесть? [О необходимости подготовки к юбилею Н.М. Карамзина в 1991 г.] // Сов. культура. 1989. 25 марта. Совм. с В.Ю. Афиани и В.П. Козловым.
- За древней стеной Китай-города: [Круглый стол: каким быть центру столицы] // Моск. правда. 1989. 17 янв.
- В защиту старого Арбата: (Кол. письмо) // Моск. правда. 1989. 27 сент.
- Записаться в "Ленинку" невозможно из-за позиции руководства первой библиотеки страны // Известия. 1990. 11 февр.
- Сигурд Шмидт, историк: [Интервью А. Михайловского] ("Гость 13-й страницы") // Неделя. 1990. № 18. С. 13. Портрет.
- Un Historien doit etre bon // Etudes Sovietiques. 1991. Avr. (N 517). P. 52–54 (L. Lipilin). Портреты.
- Historians Should Be Kind // Soviet Life. 1991. N 7 (N 418). [L. Lipilin] портрет.
- А Сталин краеведов не любил: [Интервью Т. Блажковой] // КО. 1992. № 4.
- Диалог с Карамзиным: 10 февраля – день памяти Александра Сергеевича Пушкина // ЛГ. 1992. 5 февр.
- "Культура без корней невозможна": [Интервью Г. Бройдо. Подзаголовок "Учитель, исследователь, организатор"] // Веч. Москва. 1992. 12 апр. Портрет.
- "Самое страшное, если провинциальные города станут похожими": [Интервью Ю. Деисовой в рубрике "Гость субботнего номера"] // Волжская коммуна, Самара, 1992. 20 мая. Портрет.
- Через пять–семь лет Россия потеряет все: Письма ученых и музейных работников президенту Б.Н. Ельцину // Независимая газ. 1992. 9 июля. Совм. с Д.С. Лихачевым, Н.Н. Покровским, В.Л. Янинным и др.
- Слово учителю граждан третьего тысячелетия // Первое сентября. История. 1992. № 1. 6 окт. Портрет.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ С.М. КАШТАНОВА*

29 января 1992 г. исполнилось 60 лет видному российскому историку, источнику, дипломатисту и археографу, доктору исторических наук, профессору Сергею Михайловичу Каштанову.

1953

Подгот. публ., вступ. ст.: Отдочные книги Троице-Сергиева монастыря 1649–1650 гг. // Ист. арх. М. Вып. VIII. С. 198–220.

1955

Подгот. публ., введение, историко-правовой обзор, библиография: Жалованные и указные грамоты [XIV–XV вв.] // ПРП. М. Вып. 3. С. 83–150.

Финансы [первой половины XVI в.] // Очерки истории СССР: Период феодализма, конец XV в. – начало XVII в. М.: Изд-во АН СССР. Гл. 1. § 8 д. С. 139–147.

Финансы [второй половины XVI в.] // Там же. Гл. 2. § 10 г. С. 343–349.

1956

Подгот. публ., введение, историко-правовой обзор, библиография: Жалованные и указные грамоты [XVI в.] // ПРП. М. Вып. 4. С. 99–170.

Историко-правовой обзор: Ст. 43 [Судебника 1550 г.] // Там же. С. 287–289.

Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // ЗОР ГБЛ. Вып. 18. С. 3–47.

К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот // ИА. № 3. С. 211–217.

Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии // ВВ. М. Т. 11. С. 308–324.

Рец.: Полезное исследование [Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. 196 с.] // На берегах Великой: Псковский литературный альманах. Псков. Вып. 7. С. 134–139.

1957

Из истории последних уделов // ТМГИАИ. Т. 10. С. 257–302.

1958

Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного госу-

дарства в 1-й трети XVI в. // ТМГИАИ. Т. 11. С. 269–296.

Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [Ч. 1] // АЕ за 1957 г. М. С. 302–376.

Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах // ВВ. М. Т. 14. С. 284–295.

Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в. М. 16 с.

1959

К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // ИСССР. № 6. С. 134–148.

К проблеме происхождения феодального иммунитета // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. № 4. С. 106–121. *Пер. на рум. яз.:* Cu privire la problema originii ... (см. под 1960 г.).

Иммунитетные грамоты 1534 – начала 1538 г. как источник по истории внутренней политики в период регентства Елены Глинской // ПИ. М. Вып. 8. С. 372–420.

О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495) // Там же. С. 445–465.

Подгот. публ., введение, историко-правовой обзор, библиография: Акты феодального землевладения и хозяйства [первой половины XVII в.] // ПРП. М. Вып. 5. С. 47–134.

1960

Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538–1548) // ИЗ. Т. 66. С. 239–268.

Источниковедение [во второй половине XIX в.] // Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР. Т. 2. Гл. 10. § 2. С. 575–595.

Палеография [во второй половине XIX в.] // Там же. Гл. 11. § 1. С. 657–659.

Дипломатика [во второй половине XIX в.] // Там же. Гл. 11. § 2. С. 659–667.

Хронология [во второй половине XIX в.] // Там же. Гл. 11. § 3. С. 668.

Cu privire la problema originii imunității feudale // Probleme de istorie. Buc. N 3. P. 170–200 (Пер. ст.: К проблеме происхождения феодального иммунитета – см. под 1959 г.).

* © Составители Г.А. и О.И. Елисеевы, Л.В. Столярова.

1961

- Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. М. С. 25–29.
- Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям // ЗОР ГБЛ. Вып. 24. С. 221–258. Совм. с А.Н. Робинсоном.
- Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 70. С. 251–275.
- О внутренней политике Ивана Грозного в период "великого княжения" Симеона Бекбулатовича // ТМГИАИ. Т. 16. С. 427–462.
- Кружок источниковедения историн СССР. // Там же. С. 489–497. Совм. с Е.А. Шингаревой.

1962

- Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 2 // АЕ за 1960 г. М. С. 129–200. Подгот. публ., предисл.: Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. М. Т. 27. С. 7–10, 163–298.
- Подгот. публ., предисл.: Сокращенный летописный свод 1495 г. // Там же. С. 10–14, 299–367.
- Некоторые вопросы теории источниковедения // ИА. № 4. С. 173–186. Совм. с А.А. Курновым.

1963

- Частное письмо 1536/37 г. // Лингв. источниковедение. М. С. 140–146.
- К изучению опричнины Ивана Грозного // ИСССР. № 2. С. 96–117.
- Состав иммунитетных грамот первой половины XVI в. // АЕ за 1962 г. М. С. 98–110.
- Еще раз о Городовом приказе XVI в. // ВИ. № 11. С. 211–213.
- Чертеж земельного участка XVI в. // ТМГИАИ. Т. 17. С. 429–436.
- Источниковедение [в начале XX в.] // Очерки истории исторической науки в СССР. М. Изд-во АН СССР. Т. 3. Гл. 11. § 2. С. 565–577.
- Палеография [в начале XX в.] // Там же. Гл. 12. § 1. С. 615–616.
- Дипломатика [в начале XX в.] // Там же. Гл. 12. § 2. С. 617–627.
- Хронология [в начале XX в.] // Там же. Гл. 12. § 3. С. 627–628.
- Дипломатика // Неделя М. 28 июля – 3 авг. № 31 (179). С. 5.
- Рец.: Важное источниковедческое издание [Проблемы источниковедения: Сб. ст. М., 1955–1962. Вып. IV–X.] // ВИ. № 10. С. 134–139.

1964

- О происхождении понятия "крестьяне" и его применении в актовх источниках // Тез. докл. и сообщ. Седьмой (Кишиневской) сес. симпоз. по аграрной истории Восточной

Европы. (октябрь 1964 г.). Кишинев. С. 64–66.

- Грамоты Московского Симонова монастыря как источник для изучения вопроса об отмене тарханов в 1575/76 г. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвящ. 75-летию С.Н. Валка. М.; Л. С. 499–503. (ТЛОИИ; Вып. 7).
- Рец.: Новые источники по истории философской и социально-политической мысли в Польше и Белоруссии [Польские мыслители эпохи Возрождения / Подбор, ред. текстов и примеч. И.С. Нарского. М., 1960. 320 с.; Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избр. произведения XVI – начала XIX в. / Под общ. ред. В.А. Сербенты, В.М. Пузиков, П.Д. Пузикова. Минск, 1962. 524 с.] // Науч. докл. высш. шк. Филос. наук. № 3. С. 158–161. Совм. с Л.В. Воробьевым и А.Л. Литвиным.

1965

- Дипломатика как специальная историческая дисциплина // ВИ. № 1. С. 39–44.
- К историографии крепостного права в России [Ч. 1] // История и историки. Историография истории СССР: Сб. ст. М. С. 270–312.
- Нарушил ли Иван III свою духовную грамоту? (Об одной ошибке в датировке грамоты) // Вопр. архивоведения. № 2. С. 59–63.
- К проблеме достоверности исторических источников // Из истории Татарии: Краевед. сб. Казань. С. 297–318. Совм. с А.Л. Литвиным.
- Комментарии к двадцать пятому и двадцать шестому томам "Истории России с древнейших времен" // Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М. Кн. XIII (Т. 25–26). С. 596–619.
- К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г. // ИЗ. Т. 77. С. 209–235.
- 15-летие студенческого источниковедческого кружка // ИСССР. № 5. С. 214–215.
- Рец.: Книга о русском войске XVI в. [Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 536 с.] // Воен.-ист. журн. № 12. С. 87–90.
- Отв. ред., вступ. ст.: Гостунский Н.Н. Таруса – древний город на Оке. М.: Наука. 278 с.

1966

- Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины: (Соотношение текстов) // ЗОР ГБЛ. Вып. 28. С. 96–142.
- Изучение социальной и внутривполитической истории России периода феодализма во Франции в 1960–1964 гг. // ИСССР. № 3. С. 189–203.
- Комментарии к двадцать девятому тому "Истории России с древнейших времен" // Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М. Кн. XV. (Т. 29). С. 278–298.
- О событиях, описанных в романе // Саганов Ю.

1967

- Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М.: Наука. 392 с. *Рец.*: Дорошенко В.В., Янель З.К. Заметки о новой литературе по истории феодальной России // ИСССР. 1968. № 5. С. 156–158; Флоря Б.Н. // ИСССР. 1969. № 3. С. 179–184; Fennell J. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1968. Bd. 16, H. 2. S. 286–291; Fine J.V.A. // Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History. Cambridge (Mass.). Vol. V, N 2. P. 19–30; Alef G. // The American Historical Review. Wash. (D.C.), 1970. Vol. 75, N 5, P. 1491–192; Dewey H.W. Muscovite Princes and Monasterial Privileges // The Slavonic and East European Review. L.: Cambridge Univ. press, 1971. Vol. 49, N 116. P. 453–457.
- Крестыянство Среднего Поволжья в русской и советской исторической литературе // Вопросы историографии и источниковедения. Казань. Сб. 2. С. 120–180. (Учен. зап. КГПИ; Вып. 50). Совм. с А.Л. Литвиным и Ю.И. Смыковым.
- Советская литература 1965–1966 гг. по истории России до XIX в. // ИСССР. № 5. С. 156–177. Совм. с Ю.Р. Клокманом.
- От гусиного пера до авторучки // Неделя. 6–12 авг. № 33(389). С. 7.

1968

- Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // АЕ за 1966 г. М. С. 197–253. Совм. с В.Д. Назаровым и Б.Н. Флорей.
- Известие о Засечном приказе XVI в. // ВИ. № 7. С. 204.
- Ценное свидетельство о земской реформе середины XVI в. // СА. № 5. С. 49–54.
- Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики "удела" // ИЗ. Т. 82. С. 243–272.
- Автореф. дис. ... д-ра ист. наук:* Очерки русской дипломатики. М. 41 с.

1969

- Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теорет. и метод. проблемы. М. С. 134–170.
- Влияние крестьянской реформы на развитие источниковедческой мысли в России // Вопросы историографии и источниковедения. Казань. Сб. 4. С. 48–61. (Учен. зап. КГПИ; Вып 71).
- Дипломатический состав древнерусского акта // ВИД. Л. Вып. 2. С. 143–159.
- Отв. ред.:* Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука. 583 с. Совм. с В.И. Шунковым.

1970

- Очерки русской дипломатики. М.: Наука. 502 с. *Рец.*: Пронштейн А.П. Дипломатика как научная дисциплина // ИСССР. 1971. № 2. С. 178–180; Хорошкевич А.Л. // ВИД. 1971. № 6. С. 168–170; Иванов Н.[И.] Книга ученого-земляка // Молодой коммунист: Орган Чувашского обкома ВЛКСМ. 1971. 15 апр. С. [4]; Laptěva L.P. // Československý časopis historický. Pr., 1971. R. 19, N 3. S. 465; Donnert E. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. B., 1971. Jg. XIX, H. 7. S. 958–959; Horoszkiewicz A.L. Nowy radziecki zarys dyplomatyki // Studia Źródłoznawcze: Commentationes. W-wa; Poznań, 1972. T. XVII. S. 194–199; Waugh D.C. // Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies. Seattle (Wash.); Worcester (Mass.), 1973. Vol. 32, N 1. P. 158–160; Poppe A. // Russia Medievalis. München, 1973. T. 1. S. 194.
- Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в.: (По актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань. Сб. 4. С. 164–203. (Учен. зап. КГПИ; Вып. 80).
- Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М. С. 148–199.
- 20 лет спустя (Юбилей науч. студ. кружка) // МГИАИ. Материалы науч. студ. конф. Май 1970. М. Вып. 2. С. 76–83.

1971

- The Centralised State and Feudal Immunities in Russia // The Slavonic and East European Review. L.: Cambridge Univ. Press. Vol. 49, N 115. P. 235–254.

1972

- О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвящ. Л.В. Черепнину. М. С. 209–215.

1973

- Актовые материалы [X–XVII вв.] // Источниковедение истории СССР. М.: Высш. шк. Ч. 1. Гл. 7. С. 107–124.
- Богословская преамбула жалованных грамот // ВИД. Л. Вып. 5. С. 81–107.
- Возникновение русского землевладения в Казанском крае: Документы // Из истории Татарии. Казань. Сб. 5. С. 3–35. (Учен. зап. КГПИ; Вып. 116).
- К историографии крепостного права в России [Ч. 2] // История и историки: Историогр. ежегодник, 1972. М. С. 126–141.
- Член редкол.:* Проблемы отечественной истории: Сб. ст. аспирантов и соискателей Ин-та истории СССР. М. 322 с.

- Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // АЕ за 1973 г. М. С. 29–42.
- IV Международный конгресс по дипломатике // Там же. С. 332–340.
- Письмо французских королевских актов XII – первой четверти XIII в.: (О книге Франсуазы Гаспарри) // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М. С. 306–318.
- Древнерусские печати: (Размышления по поводу книги В.Л. Янина) // ИСССР. № 3. С. 176–183.
- VI Международная конференция по экономической истории: (Спрос и потребление: их уровень и структура в XII–XVIII вв.) // Вестн. АН. СССР. М. № 10. С. 84–86. Совм. с Л.А. Котельниковой.
- Рец.: Увлечательно о далеком прошлом [Бадигин К.С. Корсары Ивана Грозного. М., 1973. 400 с.] // Наука и жизнь. № 3. С. 127–128.
- Рец.: Межфондовая опись книг московских приказов (в фондах ЦГАДА) [Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495–1718 гг. / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1972. 327 с.] // СА. № 1. С. 108–109.
- Рец.: *Aktovye pečati Drevnej Rusi X–XV vv.* / By V.L. Janin. M., 1970 [Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.; Наука, 1970. Т. 1: Печати X – начала XIII в. 326 с.; Т. 2: Новгородские печати XIII–XV вв. 367 с.] // *Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies.* Seattle (Wash.); Worcester (Mass.). Vol. 33, N 1. P. 119–123.

1975

- Рост государственных повинностей во второй половине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвящ. 70-летию академика Л.В. Черепнина. М. С. 291–295.
- Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // АЕ за 1974 г. С. 94–116.
- Член редкол. и сост. коллектива; предисл., коммент.: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М.: Наука. 435 с.
- VI "неделя" Международного института экономической истории в Прато // ВИ. № 2. С. 166–171. Совм. с Л.А. Котельниковой.
- The international conference on economic history // Social sciences. N 1. P. 195–198; Conférence internationale d'histoire économique // Sciences sociales. N 1. P. 205–207; Conferencia internacional de historia economica // Ciencias sociales. N 1. Совм. с Л.А. Котельниковой.
- Проблемы медиевистики на VI Международной конференции по экономической истории в Прато // Средние века. М. Вып. 39. С. 262–265. Совм. с Л.А. Котельниковой.

1976

- Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и истори-

ки: Историогр. ежегодник, 1974. М. С. 148–188.

- Институляция русских княжеских актов X–XIV вв.: (Опыт первичной классификации) // ВИД. Вып. 8. С. 69–83.
- Еще раз о "уплях" Ивана Калиты // ВИ. № 7. С. 189–191.

1977

- Внутренняя торговля и спрос крупных землевладельцев на предметы потребления в XIV–XV вв. // ИСССР. № 1. С. 144–160.
- По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря) [Ч. 1] // ЗОР ГБЛ. Вып. 38. С. 30–63.
- Палеография жалованных грамот XVI в. // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл., 25–27 окт. 1977. Ереван. С. 37.
- [Выступ. на симпози. по актуальным проблемам источниковедения, Таллинн, 1972] // Изл.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1976. М. С. 231–232, 248.
- [Выступ. на заседании памяти С.Н. Валка] // Изл.: АЕ за 1976 г. М. С. 286–287.

1978

- Историко-географический комментарий к выписи из писцовых книг Угличского уезда 1536–1537 гг. // Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Вологда. С. 24–33 (Сев. археогр. сб.; Вып. 6).
- Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. М. С. 204–219.
- К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в.: (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) // Историография и источниковедение: Вопр. методики исследования. Казань. С. 132–142 (Учен. зап. КГПИ; Вып. 184).
- La demande des grands propriétaires fonciers en objets de consommation en Russie du XIVe au XVe siècle // Domanda e consumi. Livelli e strutture (nei secoli XIII–XVIII). Atti della "Sesta settimana di studio". Firenze. P. 81–91.
- [Ответы на вопросы А. Вычаньского и Ф. Броделя] // Ibid. P. 128–129.
- [Выступ. по проблеме "Нищенство и благотворительность"] // Ibid. P. 232–233.
- Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) // АЕ за 1977 г. М. С. 378–380.
- Nécrologie: L.V. Tcherepnin (1905–1977) // Le Moyen Age: Revue d'histoire et de Philologie. Bruxelles. T. 84 (4e série T. 33), N 2. P. 393–396. Совм. с В.А. Водовым.

1979

- По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-

Сергиева монастыря) [Ч. 2] // ЗОР ГБЛ. Вып. 40. С. 4–58.

К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // ВИД. Л. Вып. 11. С. 238–251.

Отв. ред., предисл.: Актовое источниковедение: Сб. ст. М.; Наука. 272 с.

Отв. ред.: Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань. 318 с.

1980

Кружку источниковедения – 30 лет // ВИ. № 4. С. 119–120.

Тридцать лет спустя, или Кружок глазами кружковцев // Источниковедение и историография: Спец. ист. дисциплины: Сб. ст. М. С. 172–187.

Историк и источниковед Евгений Степанович Сизов // Там же. С. 188–189.

Александр Александрович Зимин // ВИ. № 4. С. 189 (6/п).

Александр Александрович Зимин – исследователь и педагог // ИСССР. № 6. С. 152–157.

[Выступ. на XV Междунар. конгр. историков, Бухарест, 1980 г.] // Ул.: ВИ. № 12. С. 8, 17; ИСССР. 1981. № 5. С. 118, 121.

Отв. ред.: Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хрон. перечень документов). Казань. 262 с.

1981

По следам троичских копийных книг XVI в. [Ч. 3] // ЗОР ГБЛ. Вып. 42. С. 5–63.

Александр Александрович Зимин (1920–1980) // АЕ за 1980 г. М. С. 357–358.

Ред. пер.: Душкова С. Чешский дипломатарий [Пер. Л.П. Лаптевой] // Там же. С. 69–79.

[Об особенностях образования Русского централизованного государства: Выступ. на Чтениях памяти Л.В. Черепнина, М., 1980 г.] // Ул.: ИСССР. № 6. С. 209.

1982

Die feudale Immunität in Russland // Historiographische Forschungen zur Geschichte Russlands. Halle (Saale). S. 21–73.

Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М. С. 173–189.

Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации: Сб. ст. М. С. 77–89.

Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 г. М. С. 26–51.

По следам троичских копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-

Сергиева монастыря) [Ч. 4] // ЗОР ГБЛ. Вып. 43. С. 4–37.

Творческое наследие С.Б. Бахрушина и его значение для советской исторической науки: (К 100-летию со дня рождения) // ИСССР. № 6. С. 110–123.

XIII неделя экономической истории в Прато // ВИ. № 10. С. 153–157. Совм. с Н.А. Горской, А.А. Сванидзе, Ю.М. Юргинисом.

The 13th Scientific Week on "Forms and Evolution of Labour in Europe; the 13th – 18th Centuries" // Social sciences. Vol. 13, N 2. P. 225–226; La XIIIe "Semaine scientifique" ayant pour thème "Formes et évolution du travail en Europe, XIIIe–XVIIIe siècle" // Sciences sociales. N 2. P. 252; La XIII Semana de Estudio "Formas y evolución del trabajo en Europa, siglos XIII–XVIII" // Ciencias sociales. N 2. P. 254–255; A XIII-a "Semana Científica" subordinada ao tema "Formas e evolução do trabalho na Europa, séculos XIII–XVIII" // Ciências sociais. N 2. P. 241 (6/п).

1983

Из опыта актовой археографии // АЕ за 1982 г. М. С. 52–79.

Русский "удел" XIV–XVI вв. как социально-политическое явление (правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Нормы и действительность. Ранний и развитый феодализм: Чтения, посвящ. памяти академиков С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ., М., 25–27 окт. 1983. М. С. 46–51.

Участие в подгот. публ.: Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л.И. Ивина. Л.: Наука. 352 с. Совм. с А.А. Зиминным.

1984

V Международная конференция по проблемам древнерусской истории // ВИ. № 12. С. 146–149.

Кружку источниковедения 30 лет // Московский ордена "Знак почета" государственный историко-архивный институт, 1930–1980: Сб. документов и материалов. Пермь. С. 270–272.

Член редкол.: Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М. [Ч. 1–2]. 443 с.

1985

Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики. Вильнюс. 133 с. Совм. с А.Л. Хорошкевич.

Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // ИСССР. № 4. С. 118–136.

Современные принципы издания латинских грамот [Ч. 1] // АЕ за 1983 г. М. С. 37–48.

Основные проблемы образования Русского централизованного государства в советской историографии 40–80-х годов // Феодализм в России: Юбил. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ., М., 30 окт.–1 нояб. 1985. М. С. 59–62.

XIII исследовательская "неделя" Международного института Франческо Датини в Прато // Средние века. М. Вып. 48. С. 364–370. Совм. с Н.А. Горской, А.А. Сванидзе, Ю.М. Юргинисом.

The 5th International Conference on Old Russian History // Social Sciences. N 3. P. 240; La Ve Conférence internationale sur l'histoire de la Russie ancienne // Sciences sociales. N 3. P. 262–263; La V Conferencia Internacional de Historia Rusa Antigua // Ciencias sociales. N 3. P. 259; V Conferência Internacional sobre História Russa Antiga // Ciências sociais. N 3 (28). P. 247 (6/n).

1986

Zum Herkunftsproblem des Begriffes *Krest'jane* // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von G. Stökl. Stuttgart. S. 188–219.

Die Gerichts- und Finanzpolitik zu Beginn der Regierung des "Auserwählten Rates" (Izbrannaja Rada) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B. [West]. Bd. 38. S. 185–204.

Отмена тарханов в России в середине XVI в. // ИСССР. № 6. С. 40–60.

Современные принципы издания латинских грамот (Ч. 2) // АЕ за 1984 г. М. С. 75–87.

Современные принципы издания латинских грамот (Ч. 3) // АЕ за 1985 г. М. С. 52–67.

Методика изучения актового материала по проблемам экономической политики Русского государства XVI в. // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС: XXI сес. Всесоюз. симпозиум по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ., Казань. 22–25 окт. 1986 г. М. С. 205–207.

Отв. ред.: Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Ист.-генеал. исслед. М.: Наука. 221 с.

1987

Современные принципы издания латинских грамот (Ч. 4) // АЕ за 1986 г. М. С. 46–58.

1988

Финансы средневековой Руси. М.: Наука. 248 с. Рец.: Абрамович Г.В. // ИСССР. 1989. № 6. С. 177–179; Kollmann N.Sh. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden; Stuttgart, 1990. Bd. 38, H. 2. S. 262–265.

Русская дипломатика. М.: Высш. шк. 231 с. Рец.: Прохштейн А.П. // ИСССР. 1990. № 2. С. 197–202.

La politique financière d'Ivan le Terrible et la grande propriété foncière féodale de 1550 à 1572 // Prodotto lordo e finanza pubblica: secoli XIII–XIX. Prato. P. 133–167. (Atti delle "Settimane di studio" e altri Convegni; 8).

Современные принципы издания латинских грамот (Ч. 5) // АЕ за 1987 г. С. 35–44.

[Выступ. за "круглым столом" в беседе на тему "Современная немарксистская историография и советская историческая наука", М., 1 июля 1987 г.] // ИСССР. № 1. С. 194–195.

[К истории бумаги XV–XVI вв.: Выступ. на совещ. по филигранологии, М., 13–14 мая 1987] // Уп.: АЕ за 1987 г. М. С. 323.

1989

Кто был Карл., "сестричич" Василия III? // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования: Тез. докл. и сообщ. межвуз. науч. конф., М., 31 янв. – 3 февр. 1989. М. С. 22–26.

Села Казанского и Свияжского уездов как объекты внутренней политики во второй половине XVI в. // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению, апр. 1989: Тез. докл. и сообщ. Пенза. С. 209–210.

К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья (Ч. 1) // АЕ за 1988 г. М. С. 25–30.

[Разработка С.Н. Валком истории древнерусского частного акта: Докл. на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения С.Н. Валка, 25 декабря 1987 г.] // Изл.: Там же. С. 157.

Les actes privés et le début du notariat en Russie // Notariado público y documento privado: De los orígenes al siglo XIV: Actas del VII Congreso Internacional de Diplomática, Valencia, 1986. Valencia. Vol. 2. P. 927–928.

Частные акты и начало нотариата в феодальной России // Ibid. P. 929–940.

Système de l'administration locale en Russie // Actes du XIe Colloque des historiens français et soviétiques (18–21 septembre 1989). P. T. 1: L'administration locale et le pouvoir central en France et Russie (XIIIe–XVe siècle). P. 165–176.

Отв. ред.: Дубровина Л.А. История о Казанском царстве: (Казанский летописец): Списки и классификация текстов. Киев: Наук. думка. 192 с.

1990

Еще раз о характере даней в IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто, М., 18–20 апр. 1990: Тез. докл. М. С. 61–62.

К вопросу о понятии "достоверность" в применении к актовым источникам // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений,

- посвящ. памяти А.А. Зиминой, М., 13–18 мая 1990. М. Ч. 1. С. 103–106.
- К вопросу о классификации вспомогательных исторических дисциплин // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. конф., 30 мая – 1 июня. 1990. Киев. С. 75–77.
- К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья (Ч. 2) // АЕ за 1989 г. М. С. 50–54.
- К предыстории идеи "Москва – третий Рим" // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск. С. 262–273.
- Церковная юрисдикция в конце XIV – начале XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. ст. М. С. 151–163.
- Отв. ред.: Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М.: Наука. 335 с.
- Член редкол.: 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР: Сб. ст. М. 183 с.
- 1991**
- К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщ., М., 27 янв. – 1 февр. 1991. М. С. 112–115.
- Денежная система и финансы России XV–XVII вв. в трудах В.О. Ключевского // В.О. Ключевский и современность: (Тез. докл. на Всесоюз. науч. чтениях) посвящ. 150-летию со дня рождения выдающегося историка, Пенза. С. 85–86.
- О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань. С. 24–41.
- Formes et évolution du travail en Russie du XIVe au XVIIe siècle // Forme ed evoluzione del lavoro in Europa, XIII–XVIII secc.: Atti della "Tredicesima Settimana di Studio", 2–7 maggio 1981. Prato. P. 187–210. Совм. с Н.А. Горской.
- [Ответ на вопрос Ш. Верлиндена о роли холопства в России XIV–XVI вв.] // Ibid. P. 800–801.
- [О кабальном найме в России XVII в.: Выступление за "круглым столом"] // Ibid. P. 836–837.
- L'administration locale et la propriété foncière en Russie au XIVe siècle // Revue des études slaves. P. T. 63. Fasc. 1. P. 175–183.
- Les chartes des grands-princes et tzars de la Russie aux monastères du Mont Athos (XVIe siècle) // XVIII Международный конгресс византинистов: Рез. сообщ. М. Ч. 1. С. 498–499.
- 1992**
- Le papier occidental en Russie du XIVe au XVIe siècle: Les voies de sa pénétration et sa typologie // Produzione e commercio della carta e del libro. Secc. XIII–XVIII: Atti della "Ventitreesima Settimana di Studi", 15–20 aprile 1991. Prato. P. 251–267.
- Слово о Владимире Борисовиче Кобрине – ученом, человеке и гражданине // Чтения памяти В.Б. Кобринина "Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма". Тез. докл. и сообщ., М., 26–29 янв. 1992. М. С. 8–11.
- О типе Русского государства в XIV–XVI вв. // Там же. С. 85–92.
- К вопросу о расшифровке имени "Игѣшь" в Уставе великого князя Всеволода-Гавриила Мстиславича // Образование древнерусского государства: Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто, М., 13–15 апр. 1992: Тез. докл. М. С. 23–25.
- К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья (Ч. 3) // АЕ за 1990 г. М. С. 34–40.
- [Вспомогательные исторические дисциплины в МГИАИ: Выступление на Тихомировских чтениях. М., 8 июня 1990] // Там же. С. 185–187.
- 1993**
- Акты новейшего времени // Источниковедение XX столетия: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., М., 28–30 янв. 1993. М. С. 101–103.
- Корпоративный состав русского войска в XVI в. // Российское государство XVII – начала XX в.: Экономика, политика, культура: Тез. докл. конф., посвящ. 380-летию восстановления рос. государственности (1613–1993), 25–28 марта 1993. Екатеринбург. С. 73–75.
- О выражении "Ивановым написанием" в летописном тексте русско-византийского договора 911 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто, М., 12–14 апр. 1993: Тез. докл. М. С. 33–34.
- К истории феодального землевладения в Ростовском уезде в XVI в.: (Две указные грамоты 1537 г. о городской повинности крестьян селца Гусарникова) // История и культура Ростовской земли 1992. Ростов. С. 128–147. Совм. с Л.А. Кириченко.
- Россия: [Социально-экономическое развитие в XVI-первой половине XVII в.] // История Европы. М.: Наука. Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.), ч. 1. Гл. 10. С. 118–138.
- К вопросу о числе сох в уделе вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого // Реф. докл. и сообщ. VI Всерос. науч.-практ. совещ. по изучению и изданию писцовых книг и др. ист.-геогр. источников (Ферапонтово, 27–29 мая 1993). СПб. С. 5–9.
- Царский синодик 50-х годов XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург. – Париж. Вып. 2. С. 44–67.

- К истории денежного счета средневековой Руси // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М. С. 78–81.
- Была ли Ода Штаденская женой в. кн. Святослава Ярославича? // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто, М., 18–20 апр. 1994: Тез. докл. М. С. 16–18.
- Иван Грозный и Ростов // История и культура Ростовской земли 1993. Ростов. С. 67–79.
- К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья (Ч. IV) // АЕ за 1991 г. М. С. 33–41.
- Комментарии к двадцать пятому и двадцать шестому томам "Истории России с древнейших времен" // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., Мысль. Кн. XIII. История России с древнейших времен. Т. 25–26. С. 568–587.

Статьи в энциклопедиях

- БСЭ. 2-е изд. М., 1956–1957.
Тарханные грамоты // Т. 41. С. 634–635; Уморщина // Т. 44. С. 229; Чети // Т. 47. С. 246–247.
- МСЭ. 3-е изд. М., 1958–1960.
Георгий Амартол // Т. 2. Стб. 979; Гирей // Там же. Стб. 1143; Дань // Т. 3. Стб. 298; Дворовые люди // Там же. Стб. 342; Слобода // Т. 8. Стб. 587; Тарханные грамоты // Т. 9. Стб. 119.
- СИЭ. М., 1961–1971.
Акты // Т. 1. Стб. 313–314; Арсеньев Ю.В. // Там же. Стб. 793; Беглые грамоты // Т. 2. Стб. 200; Белевское княжество // Там же. Стб. 223–224; Богоявленский монастырь // Там же. Стб. 511; Бруин // Там же. Стб. 761; Вассиан Рыло // Там же. Стб. 1006; Вассиан Топорков // Там же. Стб. 1006–1007; Веверица // Т. 3. Стб. 20; Вено // Там же. Стб. 341–342; Верейское княжество // Там же. Стб. 359; Верховские княжества // Там же. Стб. 389; Вира // Там же. Стб. 500; Витебское княжество // Там же. Стб. 510–511; Витичевский съезд // Там же. Стб. 511; Владимир Ярославич // Там же. Стб. 526; Воевода // Там же. Стб. 541–542; Вологодско-Пермская летопись // Там же. Стб. 673; Волостель // Там же. Стб. 675; Волость // Там же. Стб. 675–676; Воляняне // Там же. Стб. 679; Воронцов Ф.С. // Там же. Стб. 712–713; Воскресенская летопись // Там же. Стб. 720; Всеволод II Ольгович // Там же. Стб. 778; Всеволод-Гавриил Мстиславич //

- Там же. Стб. 778–779; Всеволод Ярославич // Там же. Стб. 779; Выводная куница // Там же. Стб. 907; Выть // Там же. Стб. 914–915; Вятская земля // Там же. Стб. 974–975; Гавриил Олексич // Т. 4. Стб. 24; Галицко-Волынская летопись // Там же. Стб. 57–58; Гермогеи // Там же. Стб. 397; Гильденштедт // Там же. Стб. 441; Глеб Всеславич // Там же. Стб. 468; Глинские // Там же. Стб. 470–471; Голубинский Е.Е. // Там же. Стб. 506; Гостомысл // Там же. Стб. 609; Грамотии // Там же. Стб. 690; Грамоты [на Руси] // Там же. Стб. 691–692; Густынская летопись // Там же. Стб. 913; Даниил // Там же. Стб. 969; Данные грамоты // Там же. Стб. 1003–1004; Дань [на Руси] // Там же. Стб. 1007; Десятина [на Руси] // Т. 5. Стб. 135–136; Детеныши // Там же. Стб. 140; Дионисий [Зобниковский] // Там же. Стб. 226; Дипломатика // Там же. Стб. 229–232; Дипломы // Там же. Стб. 236–237; Договорные грамоты // Там же. Стб. 270–271; "Духовные и договорные грамоты" // Там же. Стб. 420; Дым [на Руси] // Там же. Стб. 423; Иммуниет [на Руси] // Там же. Стб. 806; Интерполяция // Т. 6. Стб. 161–162; Клаузула // Т. 7. Стб. 415–416; Коялович М.О. // Т. 8. Стб. 17; Крепостное право // Там же. Стб. 68–74; Лаврентий // Там же. Стб. 366; Лаврентьевская летопись // Там же. Стб. 366–367; Лодыгин // Там же. Стб. 758; Новгородская судная грамота // Т. 10. Стб. 267; Ольгерд // Там же. Стб. 539; Отдаточные книги // Там же. Стб. 662; Палеография // Там же. Стб. 741–742 (совм. с В.Л. Романовой и В.Н. Маловым), 745–747; "Панцирные бояре" // Там же. Стб. 797–798; Пищальные деньги // Т. 11. Стб. 199–200; Платежные книги // Там же. Стб. 201; Положняничные деньги // Там же. Стб. 285; Порядные грамоты // Там же. Стб. 460–461; Посоха // Там же. Стб. 467; Посошные люди // Там же. Стб. 468; Рукописные собрания // Т. 12. Стб. 254–256 (совм. с Л.Г. Катушкиной и Н.В. Бржостовской); Сироты // Там же. Стб. 929; Соха // Т. 13. Стб. 363–364; Сошное письмо // Там же. Стб. 478–479.

Детская энциклопедия. 2-е изд. М., 1967.

Науки, которые помогают историку // Т. 8. С. 597–598.

БСЭ. 3-е изд. М., 1970–1976.

- Акты // Т. 1. С. 360–361; Белевское княжество // Т. 3. С. 106; Вассиан Рыло // Т. 4. С. 330; Вассиан Топорков // Там же; Вено // Там же. С. 512; Верейское княжество // Там же. С. 528–529; Верховские княжества // Там же. С. 565; Вира // Т. 5. С. 93; Витебское княжество // Там же. С. 121; Витичевский съезд // Там же. С. 122; Воевода // Там же. С. 203–204; Волостель // Там же. С. 328; Волость // Там же. С. 329; Воляняне // Там же. С. 335; Воронцов Ф.С. // Там же. С. 369; Воскресенская летопись // Там же. С. 378; Всеволод II Ольгович // Там же. С. 442; Всеволод-Гавриил Мстиславич // Там же;

- Всеволод Ярославич // Там же; Вить // Там же. С. 565; Вятская земля // Там же. С. 606; Гаврила Олексич // Там же. С. 622; Гермоген // Т. 6. С. 421; Гильденштедт // Там же. С. 521; Глинские // Там же. С. 593–594; Голубинский Е.Е. // Т. 7. С. 41; Грамотин // Там же. С. 245; Грамоты [на Руси] // Там же. С. 246; Густынская летопись // Там же. С. 467; Даниил // Там же. С. 526; Дань [на Руси] // Там же. С. 548; Детеныши // Т. 8. С. 146; Дионисий [Зобниковский] // Там же. С. 248; Дипломатика // Там же. С. 288–289; Дым [на Руси] // Там же. С. 558–559; Клаузула (II) // Т. 12. С. 286; Коялович М.О. // Т. 13. С. 308; Крепостное право [в России] // Там же. С. 388–389; Лаврентьевская летопись // Т. 14. С. 90; Новгородская судная грамота // Т. 18. С. 59; Ольгерд // Там же. С. 385; Отдаточные книги // Там же. С. 606; Палеография // Т. 19. С. 103 (совм. с В.Л. Романовой и В.Н. Маловым), 104–105; "Панцирные бояре" // Там же. С. 154; Полоняничные деньги // Т. 20. С. 249; Посошные люди // Там же. С. 415; Сироты // Т. 23. С. 461; Соха // Т. 24. С. 214; Сошное письмо // Там же. С. 263.
- Детская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975.
- Науки, которые помогают историку // Т. 8. С. 533–534.
- Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982.
- Рукописное собрание // С. 470–471. Совм. с Л.Г. Катушкиной и Н.В. Бржостовской.
- Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994.
- Акты // Т. 1. А–Д. С. 47–48; Верховские княжества // Там же. С. 376; Глинские // Там же. С. 568; Грамотин // Там же. С. 624; Грамоты // Там же.
- Great Soviet Encyclopedia: A translation of the third edition. N.Y.; L., 1973–1980.
- Belev Principality // Vol. 3. P. 112; Vassian Rylo // Vol. 4. P. 534; Vassian Toporkov // Ibid.; Veno // Ibid. P. 590; Vereia Principality // Ibid. P. 598; Verkhovskie Principalities // Ibid. P. 608; Gavrila Oleksich // Vol. 5. P. 169; Viatka Land // Ibid. P. 412; Vira // Ibid. P. 487; Vitebsk Principality // Ibid. P. 521; Vitichev, assembly of // Ibid. P. 522; Voevoda // Ibid. P. 548; Vologda–Perm' chronicle // Ibid. P. 579; Volost // Ibid. P. 582; Volost official // Ibid.; Volyniane // Ibid. P. 588; Vorontsov F.S. // Ibid. P. 603; Voskresensk chronicle // Ibid. P. 613; Vsevolod-Gavriil Mstislavich // Ibid. P. 628; Vsevolod Iaroslavich // Ibid. P. 629; Vsevolod II Ol'govich // Ibid.; Vyt' // Ibid. P. 645; Germogen // Vol. 6. P. 379; Glinskiis // Ibid. P. 430–431; Daniil // Vol. 7. P. 98; Golubinskii, E.E. // Ibid. P. 262; Gramotin // Ibid. P. 334; Gramoty [in Russia] // Ibid. P. 334–335; Gustynskii chronicle // Ibid. P. 496–497; Tribute [in Russia] // Ibid. P. 694–695; Detenyshi // Vol. 8. P. 162; Dionisii [Zobnikovskii] // Ibid. P. 269; Diplomats // Ibid. P. 280–281; Dym [in Russia] // Ibid. P. 467; Clause // Vol. 12. P. 114; Koialovich M.O. // Vol. 13. P. 358; Laurentian chronicle // Vol. 14. P. 294; Serfdom [in Russia] // Ibid. P. 729–730; Novgorod Sudnaia Gramota // Vol. 18. P. 305; Odatochnye knigi // Ibid. P. 605; Paleography // Vol. 19. P. 167–168 (jointly with V.L. Romanova and V.N. Malov), 169–170; Pansirmye Boiare // Ibid. P. 219–220; Polonianichnye den'gi // Vol. 20. P. 355; Pososhnye liudi // Ibid. P. 461; Siroty // Vol. 23. P. 491; Sokha // Vol. 24. P. 278; Soshnoe pismo // Ibid. P. 330.
- Lexikon des Mittelalters. München, 1987.
- Fälschungen [in Altrußland] // Bd. 4. Lfg. 2. Sp. 252.

III. ПУБЛИКАЦИИ

СПИСОК СТОРОННИКОВ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО

(Новая находка в Шведском государственном архиве)

В последнее время резко возрос интерес к истории Смутного времени (начало XVII в.). Дальнейшее изучение Смуты делает необходимым расширение источниковой базы.

В конце 30-х годов XIX в. историк С.В. Соловьев привез из Швеции коллекцию документов XVI–XVIII вв., которую продал Археографической комиссии. Наиболее интересные материалы в скором времени были опубликованы в изданиях комиссии. Русские люди начала XVII в. не вели дневников, почти не писали воспоминаний. В источниках довольно редкими были характеристики политических деятелей той поры, поэтому исследователи сразу же обратили внимание на небольшой фрагмент документа без начала и конца, который содержал перечень и краткие характеристики дьяков московских приказов – приверженцев царя Василия Шуйского¹. Данные документа широко использовались в работах по истории Смуты².

Недавно в Государственный архив древних актов в Москве поступил микрофильм русских материалов XVI–XVII вв. из Шведского государственного архива в Стокгольме, среди которых имеется документ, озаглавленный "Московского государства ушники, которые Московское государство в разорение и смуту приводили...". Памятник, как и отрывок из коллекции С.В. Соловьева, содержит перечень высших должностных лиц – приверженцев царя Василия Шуйского. Сопоставление обнаруживает, что нижний край шведского документа и верхний срез фрагмента С.В. Соловьева полностью совпадают и можно прочитать разорванный текст. Фрагмент С.В. Соловьева, таким образом, является прямым продолжением шведского документа. Окончание памятника, к сожалению, отыскать пока не удалось³.

Анализируемый документ, судя по каллиграфическому почерку и большой осведомленности автора, написан одним из московских дьяков или подьячих в скором времени после свержения Василия Шуйского. Автор памятника, как видно из его слов, не занимал высоких постов в администрации Шуйского и стремился выслужиться при новом царе Владиславе. Он старательно перечислил всех приспешников бывшего царя, дал их краткие характеристики и упомянул об их тайных делах. Благодаря доносу можно узнать о подлинной роли в событиях 1606–1610 гг. Василия Сукина ("сидел в челобитной избе и людей в тайне сажал в воду..."), Артемия Измайлова ("был у воровских дел"), Ивана Измайлова ("был у Шуйского у чародеев и у кореньщиков. Ближе его не было") и др., прояснить скрытые пружины власти.

© И.О. Тюменцев

¹ АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 310.

² Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901.

³ РГАДА. Ф. 1204. Швед. мкф. (НП). Рул. 133. Ч. 2. № 26; АС.-Пб. ФИРИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 454.

Документ написан скорописью коричневыми чернилами на 4 сставах, пронумерованных автором цифрами 1–4. На сставах 3–4 филиграни фрагменты герба польского орла⁴. Был свернут свитком. На обороте 1-го сстава помета на польском языке рукой канцлера Льва Сапеги темными чернилами: "Список панов московских, которые где бывали в делах и которые где служили..." На обороте 3-го сстава пометы XIX в. чернилами: "АИ Т. 2. № 310", тушью: "Кол. С.В. Соловьева 454". На обороте 4-го сстава – карандашом: "№ 190", печать Археографической комиссии.

Текст документа публикуется в соответствии с правилами, принятыми для передачи текстов XVII в. Пропуски восстановлены в прямых скобках.

И.О. Тюменцев

Московского государства ушники, которые Московское государство в разоренье и в смуту приводили при князе Василье Шуйском и с ним совет[вали], и королю не били челом, и королевича на царство не хотели и казну царскую многую розмали, а тех людей, которые на Московское государство хотели королевича Владислава Жигимонтовича, губили и наносили князю Василью Шуйскому, и по их наносу беду всякую принимали и именья своего, и жалованья и животов отбили, которые были на Москве при князе Василье Шуйском.

Боярин князь [Иван] князь Семенов сын Куракин.

Боярин князь Борис князь Михайлов сын Лыков.

Окольничей князь Данило князь Иванов сын Мезецкой.

Стольник князь Василей князь Семенов сын Куракин.

Шурин князь Василья Шуйского, сидел у кушанья-князь Иван князь Петров сын Буйносов.

Крайчей князь Семен князь Васильев сын Прозоровской.

Думной дворянин Василей Борисов сын Сукин. Сидел в Челобитной избе и людей в тайне сажал в воду по Шуйского вельню и сам замышлял. //

2-й сст. Окольничей Ортемей Васильев сын Измайлов. Был у воровских дел у Шуйского.

Отливношной чашник Тимофей Васильев сын Измайлов.

Спальник Иван Васильев сын Измайлов. Был у Шуйского у чародеев и у кореньщиков.

Ближе ево и не было.

Стольник Василей Андреев сын Измайлов. А братья ево и племянники ближние стряпчие.

Стольник Василей Иванов сын Бутурлин. А такова вора и довотчика нет, и на отца своего родного доводил.

Стольник князь Олексей Львов князь Петров сын Львова. Великой шептун и нанозщик Шуйскому.

Стольник князь Григорей князь Федоров сын Хворостинин. И сам, и мать были у Шуйского великие шептуны.

Стольник князь Юрий Енцин.

Володимерец Родивон Власьев сын Всеволодский. Шептун. Послан от Шуйского в воеводы на Колмогоры денег збирать.

Стольник князь Иван князь Михайлов сын Одоевской. Был у Шуйского шептун.

3-й сст. Ларка Сумин // А был у Шуйского в комнате у крюка*.

Постельничей Иванис Григорьев сын Ододуров. А такова вора и на Москве нет. И по немец у Шуйского напросился, и немец к Москве привел, и, умыслив с Измайловыми и со князем Данилом Мезецким, и Васильем Сукиным и с Васильем // *Бутурлиным, по приказу князя Василья // *Шуйскова и братья его, чтобы опять сидети на Москве князю Василью Шуйскому, а не хотя государя нашего королевича, говорил и вмешал на Москве во многие люди: "Государь де наш князь Василей не пострижен!" И брат ево Григорей тож говорил.

Дворянин с Москвы Иван Матвеев сын Бутурлин з детьми. В тайных гонцах с Москвы в Можаск от князя Василья от Шуйсково ко князю Дмитрею Шуйскому гонял и от князя Дмитрия из Можайска к Москве к Шуйскому гонял.

Думной дворянин, и у царицы за кушаньем сидел и царице брат, Иван Никифоров сын Чемчогов.

Дьяки; Василей Осипов сын Янов. Шуйскому по жене племя. Сидит в Московском разряде;

4-й сст. Василей Григорьев сын Телепнев. – Сидит // в Посольском приказе;

Томило Юдин сын Луговской. Сидит в Ноугородском разряде.

⁴ Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Филиграни XVII в. по рукописным источникам Государственного Исторического музея. М., 1988. № 988 (1594–1607 гг.).

* Строка вписана между строк.

** Место разрыва шведского документа и фрагмента С.В. Соловьева.

А говорили три их Шуйскому: "Побил де еси Сендомирсково с товарищи, Польша де и Литва у тебя вся в руках!"

Дьяк Григорей Елизаров. Сидел в Ноугородской четверти. Сам еретик и еретики ему приказаны. Да у него ж многая Государева казна, и ведает, где казна кому роздана и розсхоронена.

Диак, смолянин сын боярской бывал* Михайло Бегичев. А дичество ему дано за шептанье. Олексей Захарьев сын Шапилов. Сидел в Казанском дворце со князем Дмитрием Шуйским. В походе стояли против Государя со князем Дмитрием же.

Да Семен Еуфимьев. Сидел с ними же и умышлял заодно.

Диаки дворцовые Филип да Афиноген Федоровы дети Голянищева.

Злые шептуны.

Диаки поместные Николай Никитин сын Новокрещенов...**

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ О "ВРЕДНОМ НАПРАВЛЕНИИ" В.И. СЕМЕВСКОГО

Выдающийся и популярнейший русский историк Василий Иванович Семевский (1848–1916), которого М.Н. Покровский называл "общим деканом всех историков", считался, по разумению карательных органов, "неблагонадежным" и "вредным". Это в принципе и в некоторых деталях известно¹. Но только теперь публикуемый ниже документ позволяет нам увидеть всю совокупность доказательств "вредного направления" В.И. Семевского, собранных агентами царского сыска за 20 лет, с 1886 по 1905 г. Особый отдел департамента полиции с присущей ему дотошностью зафиксировал каждое из этих доказательств и суммировал их в специальной "Справке" от марта (без указания числа) 1905 г. "Справка" подшита к сыскному досье № 982 за 1901 г. "О профессоре С.-Пб. университета Василии Иванове Семевском". Текст ее, аккуратно перепечатанный на машинке, не имеет помет и не подписан. Все фамилии в документе при первом их упоминании напечатаны вразрядку.

Н.А. Троицкий

Справка

В 1886 году были получены агентурным путем сведения о вредном направлении профессора С. Петербургского университета *В.И. Семевского*, распространявшего будто бы среди студентов во время чтения лекций противоправительственные идеи, и одновременно с сим указания на причастность Семевского к деятельности "Малороссийского кружка"¹, известного своей политической неблагонадежностью.

Установленным наблюдением было выяснено, что Семевского действительно посещали члены "Малороссийского кружка" и что студенты С. Петербургского университета имели намерение выразить ему в форме адреса свои симпатии к распространяемым им идеям.

Об изложенном было сообщено министру народного просвещения², вслед-

© Н.А. Троицкий

* Так в тексте.

** Окончание документа не найдено или утрачено.

¹ См.: Волков С.И. В.И. Семевский: (К научной биографии) // ИСССР. 1959. № 5; Критский Ю.М. В.И. Семевский и цензура // ИСССР. 1970. № 3; Сватилов С.Г. Увольнение В.И. Семевского и петербургское студенчество // Голос минувшего. 1916. № 12.

ствии чего поднесение адреса не состоялось, и одновременно с сим Семевский как личность сомнительная был отстранен от чтения лекций в университете³.

В 1887 г. Семевский проживал в С. Петербурге совместно со студентом университета Василием *Водовозовым*⁴, который тогда же был привлечен к дознанию по обвинению в хранении и воспроизведении на гектографе революционных изданий, за что по высочайшему повелению, последовавшему 30 января 1888 г., был выслан административным порядком под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на 5 лет.

В 1888 г. было выяснено знакомство Семевского с Виктором Александровым *Гольцевым*⁵, известным по сношениям в Москве с бежавшим из Сибири ссыльным *Бычковым*⁶. В том же году при обыске у кандидата С. Петербургского университета Ивана *Чеботарева*⁷ было обнаружено письмо Анны *Ульяновой*⁸, в котором, между прочим, значилось, что она должна была возвратить какую-то книгу "В.И.". При дознании было установлено, что "В.И." есть Василий Иванов Семевский, дававший Ульяновой какие-то книги для прочтения.

В 1890 г. Семевский был замечен в сношениях с поднадзорным *Ольхиным*⁹ и в получении наравне со многими другими лицами революционного листка под названием "Кора"¹⁰.

Независимо [от] изложенного, в Департаменте имеется ряд сведений по Особому отделу, в которых есть указания, что Семевский почему-то особенно интересуется лиц вредного в политическом отношении направления и, по-видимому, в среде их пользуется некоторым значением.

В декабре 1890 г. Семевский, объясняя, что он занимается изготовлением к печати исторического обзора быта рабочих на частных сибирских приисках с самого возникновения там золотопромышленности¹¹, обратился в Департамент полиции с ходатайством о разрешении ему ознакомиться с содержанием хранящихся в архиве бывшего II-го отделения собственной Его Величества канцелярии донесений жандармских офицеров по интересующему его вопросу. Означенное ходатайство было отклонено.

В январе 1893 г. московский обер-полицеймейстер сообщил, что в С. Петербурге и Москве замечается сильное увлечение народническими стремлениями и что лица, сочувствующие этому направлению, устраивают частые и многолюдные собрания, на которых бывает Семевский.

9 ноября 1894 г. Семевский в одном из публичных заседаний Исторического общества произнес речь, посвященную памяти умершего писателя *Ядринцева*. В этой речи Семевский ставил Ядринцева в пример молодежи как безупречного общественного деятеля, самоотверженно преданного интересам народа и никогда не изменявшего своим убеждениям несмотря ни на какие невзгоды. Затем, подробно остановившись на обстоятельствах ссылки Ядринцева, Семевский указал на заслуги как его, Ядринцева, так равно и Сергея *Шашкова* и супругов *Потаниных*¹², являющихся основателями "Сибирского земляческого кружка"¹³.

В 1895 г. Семевский в числе других литераторов принимал участие в подаче на высочайшее имя петиции о пересмотре узаконений о печати.

В апреле 1895 г. заведующий агентурой в Париже¹⁴ препроводил в Департамент список платных подписчиков "Листков" Фонда Вольной русской прессы в Лондоне¹⁵. В числе таковых значится и Василий Иванов Семевский.

Независимо от сего, в делах Департамента имеются указания на сношения Семевского со следующими известными своей неблагонадежностью лицами: Владимиром *Лесевичем*¹⁶, высланавшимся из С.Петербурга в 1879 г. под надзор полиции в Восточную Сибирь за сношения с революционными деятелями; Еленой *Бекорюковой* и состоящими под негласным надзором полиции Иваном *Гревсом*¹⁷ и Александрой *Глаголевой*¹⁸.

Семевский Василий Иванов значится в списке адресов, составленном *Лазаревым*¹⁹ для рассылки упомянутым в нем лицам "Летучих листков" из Парижа.

В декабре 1895 г. Семевский на заседании Императорского экономического общества для обсуждения вопроса о передаче Комитета грамотности из ведения Министерства народного просвещения прочитал доклад об отмене телесного наказания для крестьян²⁰.

Извлечение из писем Ольги *Скаловой* к Николаю *Муравьеву*²¹ (привлеченному [к делу] о хранении революционных изданий и о тайном сообществе "Союз борьбы за освобождение рабочего класса").

От 8 ноября 1897 г.

Вчера получено письмо от Семевского, в котором он просит меня прийти за книгами, которые он выписал для меня, – это ваши книги.

От 14 ноября 1897 г.

Была у Семевского – вам есть только "Die Geschichte der Socialismus"²², I том. Я не помню, как вы просили – только I том или все. Семевский тоже не помнит. Он выписал все, но если вам (т.е. А.С.²³) другие неизвестны, то он оставит их себе; пока их еще нет. Напишите мне сейчас же об этом.

От 18 ноября 1897 г.

Семевскому написала. Есть уже и брошюра Маркса, но я ее еще не взяла. I том стоит 2 рубля 70 коп. и пересылка 30 коп.

От 25 ноября 1897 г.

Да, получился "La Blanc"²⁴, стоит без пересылки 15 руб. 75 коп., и вот что Семевский мне написал по этому поводу, что есть издание и за 8 рублей, но то без примечаний, но что если А.С. нужно то дешевое, то он выпишет снова. Я ему написала, пусть остается это. Может быть, вы недовольны, но уж стоит тратить деньги на что-нибудь дельное. Не написать ему мне было неловко, он знал, что я была на свидании. Привезу все или пришлю.

Полковник *Пирамидов*²⁵ письмом от 18 ноября 1898 г. за № 207 уведомил, что по имеющимся у него агентурным сведениям в г. Одессе временно проживает литератор *Василий Васильев Водовозов*, который близок к *Миклашевскому*²⁶, Николаю *Соколову*²⁷ и вообще к группе "народоправцев"²⁸. При разговоре с *Миклашевским* по поводу известного *Бурцевского* издания "За 100 лет"²⁹ он, между прочим, заметил, что сборник этот имеется в Петербурге в незначительном количестве экземпляров и добыть его можно только через литератора *Василия Иванова Семевского* (*Василий Водовозов* – пасынок Семевского).

2 февраля 1899 г. на собрании по изданию народной литературы, которое состоялось в квартире профессора Лицея *Венедикта Александрова Мякотина*³⁰, между прочими присутствовал и бывший профессор Петербургского университета доктор русской истории *Василий Иванов Семевский*. На собрании обсуждалась программа систематического чтения для рабочих.

В ноябре 1900 г. Семевский в одном из общих собраний членов Союза взаимопомощи русских писателей с участием приехавших из провинции членов Союза приветствовал писателя *Михайловского*³¹ от имени Союза и в своей короткой, но содержательной речи выяснил, что нужно, собственно, подразумевать под идеями 70-х годов. "Михайловский, – говорил он, – это борьба против носителей³² света, против всего основанного на грубой силе, против мракобесия. Можно путем насилия заставить молчать, сократить объем, ослабить значение огромного общественного явления (т.е. юбилея), но нет лучше³³: по крайней мере, общество узнает, в чем его истинные задачи. Главная заслуга *Михайловского* заключается в том, что в 70-х годах, в разгаре борьбы, он не пожертвовал своей личностью, остался на своем посту и честно до конца

служил посредником между передовой частью русского общества и теми, которым суждена была более активная роль".

Спрошенный в качестве обвиняемого по 250 ст. Улож[ения] о наказ[аниях] Венедикт Мякотин 29 мая 1901 г., между прочим, показал: "На вопрос, знаком ли я с профессором В.И. Семевским, отвечаю утвердительно. Я был его слушателем в Петербургском университете в годы своего студенчества. По окончании университета был у него несколько раз, прося указаний своим научным работам. Позднее я познакомился с ним ближе, бывал у него в доме, и В.И. Семевский также бывал у меня, хотя не часто".

По агентурным сведениям начальника С. Петербургского охранного отделения, Семевский принадлежал к составу частного комитета по устройству чествования в начале 1903 г. 200-летия русской периодической печати.

19 февраля 1903 г. в кухмистерской Николаева кружок литераторов устроил по подписке ужин, на коем собралось до 250 человек. В 10 1/2 часов вечера *Анненский*³⁴ предложил вспомнить день 19 февраля и говорить только об этом дне. Первым оратором выступил В.И. Семевский, который изложил в своей речи русскую историю XIX века и общественного движения в связи с 19 февраля. После него выступил *В.М. Гессен*³⁵, который в своей речи отметил, что бесправие крестьян осталось почти таковым же, как оно было и до освобождения. Между прочим, он выразился так: "Если бы энтузиасты 19 февраля явились бы на какое-нибудь заседание сельскохозяйственного комитета, то они поразились бы тем, как мало изменилось «*ria desideria*»³⁶; то, о чем говорилось в 60-е годы, как о желательном, и теперь только желательно. 19 февраля для крестьян дало очень мало". Н.Ф. Анненский в своей речи нарисовал художественную картину, когда день непогоды и ненастья должен смениться светлым днем 19 февраля будущего.

По сведениям заграничной агентуры, полученным в Департаменте полиции в конце 1904 г., Семевский поддерживает постоянные сношения с бежавшим за границу Виктором *Вейнштоком*³⁷, состоящим членом заграничного комитета партии социалистов-революционеров, от коего получает революционные издания и последними пользуется для своих работ о декабристах. Семевский написал биографический очерк декабриста *Якушкина*³⁸ (для словаря Брокгауза и Ефрона). Кроме того, для другого сборника он написал статью, в которой сгруппировал взгляды декабристов по крестьянскому вопросу³⁹. Всю предстоящую зиму 1905 г. Семевский намерен работать над общей характеристикой общественных идей декабристов⁴⁰.

Семевский способствует Вейнштоку в помещении статей в "Русском богатстве", "Русской мысли" и в других журналах противоправительственного направления.

Сведения о роли Семевского на собрании, устроенном 20 ноября в зале Павловой⁴¹, сообщены С. Петербургскому губернскому жандармскому управлению в предложении от 21 декабря 1904 г. за № 14 848.

В январе сего года Семевский привлечен при С. Петербургском губернском жандармском управлении к дознанию о лицах, организовавших в С.Петербурге уличные беспорядки 9 января⁴², и по освобождении из-под стражи обязан подпискою о неотлучке из С.Петербурга.

" " марта 1905 года

ГАРФ. Ф. 102. 00. 1901. Д. 982. Л. 4-8.

Примечания

- 1 "Малороссийский кружок" – землячество студентов Украины, входившее в нелегальный Союз землячеств студентов Петербургского университета 1886–1887 гг. Возглавляли Союз народовольцы А.И. Ульянов, И.Д. Лукашевич, С.А. Никонов и др.
- 2 Министром народного просвещения в 1882–1897 гг. был И.Д. Делянов (1818–1897) – автор скандально знаменитого циркуляра "о кухаркиных детях".
- 3 Приказ И.Д. Делянова "о прекращении лекций" В.И. Семевского датирован 2 января 1886 г. 8 января студенты Петербургского университета составили и в конце месяца вручили Семевскому адрес с выражением "глубокого и искреннего сочувствия". В числе 309 подписавших этот адрес были П.Н. Милоков, М.И. Туган-Барановский, А.И. Ульянов, П.Я. Шевырев. См.: *Сватиков С.Г. Указ. соч.*
- 4 Водовозов Василий Васильевич (1864–1933) – сын известной четы педагогов и писателей В.И. и Е.Н. Водовозовых, юрист, экономист, публицист. Е.Н. Водовозова после смерти первого мужа (1886) стала женой В.И. Семевского (1888).
- 5 Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – публицист, с 1885 г. один из редакторов журнала "Русская мысль".
- 6 Бычков Александр Иванович (1862–1925) – народоволец.
- 7 Чеботарев Иван Николаевич (1861–?) – товарищ Александра Ульянова по Симбирской гимназии и Петербургскому университету.
- 8 Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (1864–1935).
- 9 Ольхин Александр Александрович (1839–1897) – адвокат, поэт. За связь с революционерами был судим, с 1879 по 1887 г. отбывал ссылку.
- 10 Ошибка в документе. Должно быть: "Кара" – листок о так называемой Карийской трагедии 1889 г. (коллективным самоубийстве узников каторжной тюрьмы на р. Кара в Забайкалье после телесного наказания каторжанки Н.К. Сигида).
- 11 Речь идет о монографии В.И. Семевского "Рабочие на сибирских золотых промыслах" (СПб., 1898. Т. 1–2).
- 12 Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894), супруги Потанины: Григорий Николаевич (1835–1920) и Александра Викторовна (1843–1893), Шашков Серафим (в документе ошибочно: Сергей) Серафимович (1841–1882) – публицисты-демократы, этнографы, исследователи Сибири.
- 13 Петербургский кружок студентов из Сибири, в котором зародилось к концу 50-х годов XIX в. демократическое движение сибирского областничества.
- 14 Рачковский Петр Иванович (1853–1911).
- 15 Фонд Вольной русской прессы – организация русских политических эмигрантов, основанная в Лондоне (1891). Комитет Фонда составляли революционеры-народники: С.М. Кравчинский (Степняк), Ф.В. Волховский, Л.Э. Шишко и др. Фонд издавал с 1893 по 1899 г. "Летучие листки".
- 16 Лесевич Владимир Викторович (1837–1905) – философ, публицист.
- 17 Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – историк, с 1899 г. профессор Петербургского (затем Ленинградского) университета.
- 18 По-видимому, Глаголева Александра Александровна (1882–1963) – педагог, мемуаристка.
- 19 Лазарев Егор Егорович (1855–1937) – народник, политэмигрант, один из основателей Фонда Вольной русской прессы.
- 20 Телесные наказания для крестьян были отменены в России в 1903 г.
- 21 Муравьев Николай Константинович (1870–1936) – адвокат, душеприказчик Л.Н. Толстого, в 1917 г. председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
- 22 "История социализма" (нем.).
- 23 Возможно, друг Н.К. Муравьева Александр Сергеевич Зарудный (1863–1934) – адвокат, в 1917 г. министр юстиции Временного правительства.
- 24 Здесь внизу от руки сделано уточнение: "Вероятно, «Louis Veapс»", т.е. сочинения Луи Блана.
- 25 Пирамидов В.М. – начальник Петербургского охранного отделения.
- 26 Миклашевский (псевд. Неведомский) Михаил Петрович (1866–1943) – публицист, член партии "Народного права".
- 27 Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928) – адвокат. Подвергался репрессиям за участие в деятельности партий "Народная воля" и "Народное право", Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса" и РСДРП.
- 28 Демократическая партия "Народного права", оформившаяся осенью 1893 г. в Саратове, объединяла революционеров-народников и народовольцев (М.А. Натансон, О.В. Аптекман, Н.М. Флеров), публицистов и писателей (В.А. Гольцев, Н.Ф. Анненский и др.).
- 29 *Бурцев В.Л. За 100 лет (1800–1896). Л., 1897. Ч. 1–2.*
- 30 Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк и публицист, один из организаторов и лидеров партии народных социалистов (энесов).

- 31 Михайловский Николай Константинович (1842–1904). В 1900 г. демократическая Россия полулегально отмечала 40-летний юбилей его общественно-литературной деятельности.
- 32 Опечатка. Должно быть: *гасителей*.
- 33 Так в документе: очевидный пропуск слова или строки.
- 34 Анненский Николай Федорович (1843–1912) – публицист, экономист, народник.
- 35 Гессен Владимир Матвеевич (1868–?) – правовед, с 1905 г. член ЦК партии кадетов.
- 36 "Благие пожелания" (*лат.*).
- 37 Вейншток Виктор Александрович (? – после 1912) – народник, мемуарист. Сотрудничал под псевдонимом "В. Александров" в прогрессивных журналах.
- 38 Опубликовано в т. 82 Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза–И.А. Ефрона (с. 635–640).
- 39 См.: *Семевский В.И.* Декабристы и крестьянский вопрос // Великая реформа. М., 1911. Т. 2.
- 40 Имеется в виду капитальный труд В.И. Семевского "Политические и общественные идеи декабристов" (СПб., 1909).
- 41 20 ноября 1904 г. В.И. Семевский принял участие в собрании петербургской интеллигенции по случаю 40-летия судебной реформы в России и подписал вместе с В.Г. Короленко, Е.В. Тарле, М.Ф. Андреевой и др. резолюцию с требованием, "чтобы весь государственный строй России был реорганизован на конституционных началах" (ГАРФ. Ф. 102. 00. 1904. Д. 1250. Л. 69–71).
- 42 В.И. Семевский был арестован 10 января 1905 г. за то, что он входил в состав делегации от общности (А.М. Горький, Н.И. Кареев, К.К. Арсеньев и др.), которая 8 января просила министра внутренних дел П.Д. Святополка-Мирского принять меры против готовившегося "кровавого воскресенья".

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ
"О ФИГУРЕ УМОЛЧАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ"
В.П. ДАНИЛОВА И С.И. ЯКУБОВСКОЙ (1965)*

Публикуя статью В.П. Данилова и С.И. Якубовской, не хочется имитировать беспристрастность. Прежде всего потому, что автор настоящей статьи десятилетиями был связан с этими двумя авторами. И они очень многое для автора значили. Софью Иосифовну благодарно вспоминаю как своего научного руководителя, учителя – еще с начала 50-х годов. С Виктором Петровичем судьба свела в середине 60-х – в парткоме Института истории АН СССР. Понятно, дело не только в чувствах благодарности, симпатии. Главное: внутренняя близость, общность мироощущения. Казалось, разные поколения, а значит, и опыт, разные конкретно-исторические сюжеты исследований. Да, многое отличало. Объединяло же важное: образ и способ мышления, общественного поведения, стремление к свободе мышления и творчества (в том числе научного), общественной жизни. Разумеется, в единстве с освобождением прежде всего собственных ума и души от стереотипов сталинизма и от страха.

Эта преамбула кажется необходимой, поскольку статья "О фигуре умолчания..." являлась активным и ярким проявлением "шестидесятнического" отношения к профессиональным и общественным проблемам. Она несвободна от иллюзий, неоправдавшихся надежд, возбужденных XX и XXII съездами. Но она же и своеобразный бунт профессионалов против сковывающих стереотипов, ограничений, "фигуры умолчания".

Но пока еще авторы не восстают напрямую против утвердившейся доктрины. Они начинают критику с ее углубления и расширения.

Показательна дальнейшая судьба статьи. А.Т. Твардовский принял ее к публикации в "Новом мире". На первом варианте он написал: "Очень важное и нужное высказывание. Я за напечатание. Не уверен: брать в квч слова "фигура

* © А.А. Курносов

умолч[ания]" или так. А.Т.¹. Главлит публикацию притормозил и направил корректуру в Госкомпечати. Последний переадресовал текст для решения в ЦК (см. док. № 2). Но уже не в чистом виде, а с подробной росписью "отклонений от идейных стандартов", "достижений советской исторической науки" и т.п. В итоге мягкое (сравнительно со сталинскими временами) решение: публикация в настоящем виде нецелесообразна. С В.П. Даниловым проведена беседа. (Примечательна справка, не относящаяся прямо к данному тексту, о подготовке книги, посвященной коллективизации вообще, о неправильных взглядах Данилова на коллективизацию и о беседе с авторским коллективом.)

Так в основном представлена в публикуемых документах история статьи "О фигуре умолчания...". Однако бытование изложенных в ней мыслей и наблюдений запретом публикации не закончилось. Многие из них вошли в число принципиально важных положений, изложенных в докладе парткома Института истории АН СССР, были восприняты значительной частью историков-профессионалов как выражение собственного мнения, решительно и гневно отвергнуты приверженцами сталинизма. Последние в июне 1970 г., уже в иной ситуации, после разделения Института истории на два, направили в КПК при ЦК КПСС на имя А.Я. Пельше "доношение", в котором писали: «С некоторых пор в Институте истории... сложилась определенная группа сотрудников (Некрич, Гэфтер, Драбкин, Якубовская, Данилов и др.), отстаивающих сомнительные взгляды по важным вопросам марксистско-ленинской теории. Эти взгляды они настойчиво пропагандировали и пропагандируют устно и в печати, получая широкие возможности для публикации своих работ, в частности, в издательстве "Наука"... Указанная выше группа лиц в течение 1965–1966 гг. вела целеустремленную и настойчивую деятельность, направленную на захват фактического руководства институтом. По нашему глубокому убеждению и как это явствует из документов бывшего парткома Института истории, протоколов партийных собраний и ряда выступлений перечисленных лиц и их соратников, группа преследовала цель превратить Институт истории в некий центр, стимулирующий и ориентирующий определенные научные круги на борьбу за "либерализацию науки", "свободу научного поиска" и т.д., т.е. на отказ от партийности в науке... На общих собраниях представители группы требовали ликвидации Главлита, который был охарактеризован ими как фактор, сдерживающий развитие науки. Эти же люди под предлогом критики культа личности Сталина в своих печатных и устных выступлениях пытались ревизовать историю КПСС, предпринимали попытки реабилитации троцкистов, Бухарина (Дунаевский, Гурвич – дочь Бухарина), чернили политику партии в области коллективизации (В. Данилов), индустриализации, обороны страны, особенно накануне войны 1941–1945 гг. Вся эта система взглядов носила, по сути дела, ревизионистский характер. Парторганизация Института истории оказалась неспособной дать партийную оценку взглядам и деятельности этой группы»².

Авторам документа (которые, кстати сказать, не вписали свои имена в золотую книгу истории исторической науки) нельзя отказать в объективной оценке опасности этой "системы взглядов" для тоталитарной системы, реставрировавшей себя после хрущевской "оттепели".

Оппозиция историков такой реставрации имела определенные последствия. Оказавшийся в эпицентре событий А.М. Некрич так оценил значение борьбы институтского коллектива: "Я считаю также, что деятельность партийного ко-

¹ Фрагменты статьи и сопутствующих документов были представлены на выставке "Россия XX века: судьба исторической науки", организованной в связи с одноименной международной конференцией в апреле 1993 г. в Москве в Музее Революции. На конференции автором настоящей статьи было сделано сообщение об этих материалах.

² ЦХСД. Ф. 5. Оп. 62. Д. 69. Л. 77–78.

митета Института истории в 1964–66 годах объективно способствовала предотвращению широкого наступления неосталинистов в исторической науке и в какой-то мере привела к потере темпа этого наступления в сфере общественных наук вообще"³.

Публикуемая статья сохранилась в трех недатированных редакциях. Две из них, краткая и пространная – машинопись, находятся в личном архиве В.П. Данилова. Краткая, самая ранняя, объемом 18 с., была представлена в "Новый мир". Авторам было предложено ее дополнить. В результате появилась пространная редакция (далее П) – 26 с. машинописи (обе редакции статьи были озаглавлены "О фигуре умолчания и другом"). При подготовке к печати она была существенно сокращена и смягчена. В какой-то степени эти изменения, видимо, объясняются чисто редакционными требованиями (объем, уточнение формулировок и т.п.). Но в большей и важной части они были внесены ради "проходимости" через инстанции.

Третья редакция сохранилась в виде корректуры, посланной из "Нового мира" в Главлит, а оттуда через Госкомпечати 18 февраля 1966 г. в Отдел науки ЦК КПСС. Она озаглавлена: "О фигуре умолчания в исторической науке". На ней множество подчеркиваний, пометок и замечаний. Авторство помет установить не удалось. Однако согласованность их с цитатами в документе Госкомпечати – своеобразной экспертизой идеологической "чистоты" позволяет предположить, что они были сделаны, возможно, в этом учреждении. Именно типографский текст и принят для публикации в качестве основного. Некоторые существенные разночтения со второй редакцией статьи отмечены в примечаниях.

Приведенные тексты характеризуют позицию и образ мыслей авторов и более реалистичную оценку ситуации редакцией "Нового мира". И саму ситуацию, наиболее адекватно отраженную документами "инстанций". Они уже почувствовали, что власть к ним возвращается. Но, наученные опытом и в меру использованных ими возможностей несвободного мышления, согласились с предложением Госкомпечати, тем самым, как это часто бывало, ЦК КПСС не оставил документальных подтверждений своего решающего влияния. Документы ЦК КПСС хранятся в текущем архиве ЦК (ЦХСД. Ф. 5. Оп. 35. Д. 223. Л. 63–70).

А.А. Курносков

1

О фигуре умолчания в исторической науке

I

Новые явления в нашей общественной жизни [П]*, вызванные историческими решениями XXI и XXII съездов КПСС, – факт общепризнанный. Среди них все большее значение приобретает процесс постепенного освобождения нашего сознания от догматического и субъективистского подхода к действительности. Этот процесс дал ощутимые результаты и в хозяйственном строительстве, и в идейно-политической жизни, и в культуре. Не осталась в стороне от этого процесса и советская историческая наука. Последние девять-десять лет в ее

³ Некрич А. Отрешись от страха: Воспоминания историка. Лондон, 1979. С. 381.

* Римскими цифрами в квадратных скобках обозначен номер отредактированного или опущенного фрагмента пространной редакции, цитируемого в примечаниях.

развитии отмечены борьбой против догматизма и начетничества, против упрощенчества, односторонности и схематизма [II]. Творческий поиск исследователя становится более смелым и глубоким, его наблюдения и выводы – более обоснованными [III]. В распоряжение историка поступило огромное число новых источников, особенно по новейшей эпохе развития нашей страны. Огромное значение имеет опубликование ряда важнейших ленинских документов, статей и писем основателя Коммунистической партии и Советского государства. Многие произведения и документы, публикуемые в Полном собрании сочинений, в предшествующие издания ленинских сочинений не включались. Большая их часть была труднодоступна и поэтому малоизвестна. Около тысячи ста работ и писем В.И. Ленина публикуется впервые. Некоторые документы ранее печатались только частично. Теперь они опубликованы полностью. Более полное и творческое освоение ленинского теоретического наследия, его конкретно-исторических оценок и практических указаний открывает новые перспективы в разработке истории Коммунистической партии и Советского государства.

Серьезное научное значение имеет переиздание стенографических отчетов и протоколов партийных съездов и конференций, которое осуществляет сейчас Институт марксизма-ленинизма. Эти документы с наибольшей полнотой и точностью показывают работу высшего органа Коммунистической партии. Заканчивается публикация резолюций и решений съездов Советов СССР, союзных и автономных республик. Открылись важнейшие фонды в государственных и партийных архивах, ранее исследователям вовсе недоступные. После двадцатилетнего перерыва возобновлена систематическая публикация статистических сведений, без которых вообще невозможно суждение о развитии народного хозяйства. С каждым годом у нас все больше появляется серьезных научных исследований, основанных на большом фактическом материале, правдиво освещающих различные проблемы истории Коммунистической партии и Советского государства. Вышел в свет первый том "Истории Коммунистической [партии Советского Союза", содержание ко]торого в целом отвечает требованиям современной науки. Так что можно сказать, что со времени XX съезда КПСС в развитии исторической науки начался новый, весьма плодотворный этап.

Тем не менее приходится признать, что наша историография не выполняет еще в должной мере свои функции в общественной жизни. А.Т. Гвардовский пишет, что "наша художественная литература в ее лучших образцах является, быть может, главной летописью нашей революции"¹. Соглашаясь с этой мыслью, мы позволим заметить, что летопись – это еще не наука, это определенная сумма фактов, пусть уже отобранных и проникновенно рассказанных, но еще нуждающихся в обобщении и объяснении. Историк не может довольствоваться констатацией факта. Он обязан исследовать общественную природу явления, рассмотреть взаимодействие внутренних и внешних сил, в которых тот или иной общественный факт утверждался, определить его место в ряду других исторических фактов и явлений и т.п. Историк должен не только *показать* явление общественной жизни, но и *объяснить* его существо, *выявить* тенденции его развития [IV].

Это не такая уж легкая и простая задача. Тем более что, помимо трудностей, связанных с самим характером научного познания, существуют и другие, внешние причины, тормозящие изучение исторической действительности.

Одна из самых серьезных среди них – это пресловутая фигура умолчания. О ней прежде всего нам и хочется поговорить.

"Фигура умолчания" связана с некоторыми последствиями культа личности.

¹ Новый мир. 1965. № 1. С. 12.

Со страниц истории исчезли тогда многие прославленные герои Октябрьской революции и гражданской войны, видные партийные и советские деятели, ставшие жертвой необоснованных репрессий. Замалчивались не только люди, но и факты, связанные с ними. Все это приводило к искажению исторической правды.

В наши дни уже сделано немало для восстановления исторической правды. История перестает быть безликой. Все больший круг деятелей по праву занимают на страницах исторических работ принадлежавшее им место. И все же нельзя твердо сказать, что "фигура умолчания" уже совсем не является более спутником историка. Мы говорим, разумеется, не о той осторожности, которая вытекает из недостаточной исследованности факта. В таком случае молчание (но не умолчание!) историка естественно. Мы говорим об умолчании, продиктованном стремлениями, чуждыми науке.

Известно, что некоторые видные деятели Октябрьской революции и первых лет советской власти впоследствии заняли антипартийные позиции. Их взгляды и действия были справедливо осуждены партией. Затем их имена были как бы изъяты из истории. Такое положение сохраняется и до сих пор.

Упоминание о деятельности этих лиц до того времени, как они стали на враждебные нам позиции, расценивается подчас как проявление недостаточной партийности историка. Напротив, умолчание о ней считается обязательным выражением морального и политического осуждения их отхода от ленинизма. Но посмотрим внимательнее на некоторые результаты подобного освещения фактов и мы поймем, что такой подход не отвечает ни марксистской точке зрения, ни правильно понятому принципу революционной партийности (а)*.

Прежде всего изъятия и умолчания затрагивают не только тех или иных деятелей партии и государства, волей-неволей их приходится распространять и на учреждения, которые эти люди возглавляли, то есть однобоко освещать, а то и просто замалчивать работу целых коллективов советских людей. Так, в работах по истории Октябрьской революции и гражданской войны – даже таких специальных, как пятитомная "История гражданской войны в СССР", – деятельность Реввоенсовета и Наркомата по военным и морским делам должным образом не освещается, их материалы используются недостаточно на том лишь основании, что во главе этих учреждений стоял Троцкий. Между тем умолчание по поводу ряда фактов, связанных с деятельностью Наркомата военных и морских дел и Реввоенсовета, обедняет историю гражданской войны.

Особенно разрушительны последствия замалчивания исторических персонажей для изучения работы партийных съездов и съездов Советов. Рассказ о работе высшего руководящего органа партии у нас все более и более сводится к сухому изложению резолюций. Борьба мнений, в ходе которой выработывался курс партии, излагается схематично. "Фигура умолчания" исключает того или иного деятеля даже тогда, когда он не только отклонился от партийной линии, а защищает ее. До сих пор, например, замалчивается политический отчет ЦК XIII съезду партии, поскольку с докладом по этому вопросу выступал Зиновьев. Доклад этот, как известно, никогда не осуждался нашей партией, ибо он отражал действительную позицию Центрального Комитета. Анализ его необходим, чтобы понять положение в партии в первый момент после смерти Ленина [V].

Ленину были абсолютно чужды всякие поползновения отменять все прошлые заслуги исторического деятеля на основании того, кем он становился затем. Напротив, борясь с меньшевизмом Плеханова, с его постоянными колебаниями по вопросам тактики и организации, Ленин в самый разгар полемики под-

* Буквами обозначены замечания "эксперта" на полях, приведенные после текста статьи.

черкивал: "Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883–1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников"².

Страстная и непримиримая полемика, которую Ленин вел с ренегатом Каутским на страницах "Государства и революции", не мешает ему вспоминать добрым словом те ранние работы Каутского, которые относились к "лучшим произведениям лучшей в мире социал-демократической литературы".

Именно такой подход к освещению роли и места деятелей, событий, явлений прошлого отвечает принципу партийности, потребностям развития науки, требованиям времени. И поэтому закономерно, что редакционная статья "Правды" "К предстоящему изданию многотомной истории КПСС" (22 июня 1962 года. № 173) так четко сформулировала единственно правильный, единственно научный критерий: освещать "деятельность активных участников революционного движения, видных деятелей партии и Советского государства в соответствии с той ролью, которую они играли, а также с той позицией, которую они в каждый данный момент занимали в принципиальных вопросах политики партии".

Сложная история идейно-политической борьбы в нашей стране диктует необходимость внимательного изучения всех ее перипетий, критической оценки всех выступлений и документов. В статье "Кризис партии", написанной в связи с дискуссией о профсоюзах в начале 1921 г.⁽⁶⁾, Ленин писал: "Надо, чтобы *все* члены партии с полным хладнокровием и величайшей тщательностью приняли *изучать* 1) сущность разногласий и 2) развитие партийной борьбы... Надо *изучать* то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных проверке со всех сторон. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого машут рукой"³.

II

Не в меньшей (а может быть, в большей) мере развитие науки страдает от того, что "фигура умолчания" распространялась и на научные проблемы.

В теории и практике социалистического строительства важнейшее место занимает вопрос о содержании новой экономической политики, ее хронологических рамках и значении. Основы нэпа были разработаны Лениным. Он направил осуществление этой политики на первых порах. Партийные съезды и конференции, пленумы ЦК при жизни Ленина и после его смерти рассматривали нэп как политику, обеспечивающую разрешение всех основных задач перехода от капитализма к социализму. Однако с начала тридцатых годов вопрос о нэпе все больше отодвигался в тень. Прежде всего прекратилось теоретическое осмысление практики применения принципов новой экономической политики на завершающем этапе социалистического строительства. Сам Сталин ограничился лишь тем, что провозгласил в 1936 г. "конец нэпа".

За последние годы произошло известное улучшение и в разработке истории новой экономической политики. Однако сделано здесь еще очень мало. Заключительный этап новой экономической политики, ее соотношение с политикой и практикой индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства все еще не освещены в нашей литературе. До сих пор в исследованиях на конкретные темы и в обобщающих трудах сохраняется удивительное положение: повсюду дается обстоятельная характеристика перехода к нэпу, но нигде нет ни слова о "выходе" из нэпа. Развитие страны с 1927–1929 гг. освещается безотно-

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 222.

³ Там же. Т. 42. С. 234–235.

сительно к новой экономической политике. В дальнейшем изложении о ней исчезает даже упоминание.

Между тем давно назрела необходимость анализа экономической действительности с точки зрения принципов, сформулированных В.И. Лениным при разработке основ нэпа^(b). В наши дни это одна из наиболее актуальных задач общественных наук. Для вдумчивого читателя совершенно очевидна прямая связь решений мартовского Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству с ленинскими указаниями об использовании материальных интересов людей в строительстве нового общества. Нарушение этих принципов породило те трудности в развитии сельского хозяйства, преодоление которых потребовало от нашего народа таких больших усилий:

Вопрос о соотношении нэпа и социализма имеет животрепещущее значение не только для СССР, но и для всех стран, строящих социализм. Поэтому опыт нэпа в нашей стране должен быть изучен во всей полноте: не только в начальной стадии, но и в заключительной^(r).

Другой пример влияния "фигуры умолчания" на освещение исторического процесса мы приводим уже из области политической жизни. С середины тридцатых годов в исследованиях по истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР исчезает конкретный анализ положения, состава и идеологии контрреволюционных сил, прекращается использование документов, исходивших из враждебного лагеря. Полностью свертывается изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий (и не только в послеоктябрьское, но и в дооктябрьское время), антисоветских заговоров, мятежей и движений⁽ⁿ⁾.

И здесь мы имели дело с прямым отступлением от марксистско-ленинских принципов изучения общественных явлений, да и от прямых указаний Ленина. Чтобы не быть голословными, приведем его письмо, специально посвященное собиранию и хранению всех без исключения документов по истории революции и гражданской войны. 15 января 1920 г. он писал М.Н. Покровскому – заместителю наркома народного просвещения:

"Прошу сделать распоряжение, чтобы наши государственные библиотеки... немедленно начали собирать и хранить *все белогвардейские* газеты (русские и заграничные). Мне прошу дать проект предписания, чтобы все *военные* и гражданские власти собирали и сдавали эти газеты в государственные библиотеки".

Важна также приписка в *post scriptum*'е:

"Может быть, уместным найдете в этом же приказе (или лучше отдельно?) приказать и проверить сбор *комплектов* наших газет с 1917 г."⁴.

Уместно напомнить в этой связи и ленинскую брошюру "Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков". В этой брошюре, изданной в первые недели после Октябрьской революции, В.И. Ленин опубликовал проект закона о земле, разработанный эсеровским министром Временного правительства Масловым, свою статью по поводу этого законопроекта ("Новый обман крестьян партией эсеров") из газеты "Рабочий день" (6 ноября/24 октября 1917 г.) и наконец "Декрет о земле" – первый земельный закон Советского правительства. Для Ленина все это "*документы*, прежде всего необходимые для каждого, кто хочет сознательно отнестись к делу"⁵.

Известная ленинская рекомендация перепечатать некоторые рассказы Арк. Аверченко – "озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца", поскольку в них "изображены впечатления и настроения представителя старой, поме-

⁴ Там же. Т. 51. С. 118.

⁵ Там же. Т. 35. С. 83–84.

щичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России. Так, именно так должна казаться революция представителям командующих классов"⁶.

Интерес к этим вопросам у Ленина не случаен. Знать "впечатления и настроения" свергаемых классов, их представления о происходящем было необходимо, чтобы во всей полноте осмыслить такое чрезвычайно сложное, многогранное, драматическое явление, как революция. Книга Аверченко вышла в свет в 1921 г. А летом 1919 г., в разгар гражданской войны, Ленину попадают "немногие, разрозненные номера" эсеро-меньшевистских журналов и сборников, издававшихся на белогвардейском юге. Это послужило поводом для замысла большой статьи, специально посвященной анализу этих изданий. Примечательна первая же фраза этой статьи: «Товарищи привезли с юга несколько меньшевистских, эсеровских и т.п. изданий, позволяющих бросить взгляд на "идейную жизнь" по ту сторону баррикады, в том лагере»⁷.

Изучение враждебных сил, их состава и идеологии, их стратегии и тактики в борьбе против Советского государства необходимо, чтобы показать банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России, историческую неизбежность утверждения диктатуры пролетариата, чтобы во всей полноте познать сложный и трудный путь отсталой крестьянской страны к социализму. В последнее время историки не раз уже говорили об этом, однако реальное положение еще не изменилось^(с).

III

В недавнее время работы по истории советского периода основывались преимущественно на источниках директивного и отчетного характера. В наше время многое уже изменилось, но старые традиции исчезают не сразу. И сейчас еще не редкость исследование, в котором рассматривается исходный момент и результат процесса, но не сам процесс. Это не только снижает научную ценность выводов, но лишает историка возможности воспроизвести дух эпохи, не позволяет сделать работы по истории советского общества живыми, полнокровными.

К тому же роду явлений относятся косность и прямолинейность характеристики исторических деятелей. Как правило, исследователи пренебрегают анализом личных свойств и характера выдающихся советских деятелей как чем-то случайным, маловажным, не заслуживающим внимания. Это, разумеется, заблуждение. «...История носила бы очень мистический характер, если бы "случайности не играли никакой роли, – отмечал Маркс в письме к Кугельману. – Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь с другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих случайностей, среди которых фигурирует также и такой "случай", как характер людей, стоявших вначале во главе движения»⁸.

Ставшее в наше время широко известным "Письмо к съезду" показывает, какое большое значение В.И. Ленин придавал личным свойствам деятелей. В его докладах и выступлениях мы также находим характеристику личных свойств многих партийных деятелей.

Фактическое изгнание случайности есть проявление вульгаризаторского отношения к категориям исторического материализма. В действительности случайность, являясь даже второстепенным звеном, оказывает воздействие на

⁶ Там же. Т. 44. С. 249.

⁷ Там же. Т. 39. С. 139.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

общественное развитие. К тому же в категорию случайностей зачастую заносятся новые, неисследованные закономерности. Механистическое противопоставление необходимости и случайности в свое время едко высмеял Ф. Энгельс^(ж): "Объявляют необходимое единство достойным научного интереса, а случайное – безразличным для науки. Это означает следующее: то, что можно подвести под законы, что, следовательно, *знают*, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь. Но при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо наука должна исследовать как раз то, чего мы *не* знаем"⁹.

Было бы, однако, неверно сводить причины широкого использования "фигуры умолчания" к профессиональным навыкам историков, к живучести традиций. Среди историков еще можно встретить людей, которые ищут различие между правдой события и правдой идей. Им кажется естественной жертвой "маленькой" правды ради вящей убедительности, чистоты и прямолинейности "большой"^(з).

Мы хорошо помним то время, когда концепция "двух правд" господствовала, например, в историографии Великой Отечественной войны. И мы свидетельствуем, что на самом деле эта концепция породила фальшь, неправду в освещении начального этапа войны. Тогда появились утверждения об "организованном", "планомерном" отступлении "с целью изматывания врага". Неудачи и поражения 1941 г. превращались в осуществление некоего заранее разработанного и даже "мудрого плана активной обороны". Это кощунственное утверждение было естественным результатом ложной концепции "двух правд".

В действительности же двух правд нет и быть не может. Есть только одна правда. В истории Великой Отечественной войны эта правда говорит о величии народного подвига, который нельзя понять и оценить пренебрегая огромными трудностями и лишениями, замалчивая неудачи и поражения начального этапа. Тяжелейшие бедствия, выпавшие на долю народа, понесенные им неисчислимые жертвы требуют, чтобы уроки войны были изучены в полном объеме, чтобы *все они* были учтены, чтобы их знал и понимал *каждый* сознательный гражданин.

Концепция "двух правд" именно и составляет сейчас "теорию" фигуры умолчания. Преодоление концепции "двух правд" – условие изгнания этой фигуры и из литературы, и из искусства, и из науки.

Расхождение между словом и фактом нетерпимо. Оно противоречит духу времени, требованиям жизни, линии XX и XXII съездов КПСС. Выше мы уже говорили о следствиях "фигуры умолчания" для исторической науки, для познания и осмысления действительности. Но у исторической науки имеются еще воспитательные функции. Она может и должна выполнить большую и важную работу по воспитанию молодых поколений, всего населения "в духе научного коммунизма, добиваясь, чтобы трудящиеся глубоко понимали ход и перспективы мирового развития, правильно разбирались в событиях внутри страны и на международной арене, сознательно строили жизнь по-коммунистически" (Программа КПСС) [принята XXII съездом КПСС 31 октября 1961 г. – А.К.].

Но как можно справиться с этой задачей, не будучи в полной мере правдивым? "Фигура умолчания" наносит огромный ущерб воспитательной работе, подрывая у людей, особенно у молодежи, доверие к воспитателю, к его идеям и аргументам. Слово преподавателя, исследователя станет пользоваться должным доверием, когда оно перестанет приходить в противоречие с фактами, когда "фигура умолчания" исчезнет из их обихода. Объективное, без упрощений и умолчаний освещение событий прошлого и настоящего позволит молодому

⁹ Там же. Т. 20. С. 533.

человеку овладеть марксистско-ленинскими взглядами на жизнь не в порядке зазубривания аксиом, а в порядке собственного размышления, делает эти взгляды глубоким и прочным убеждением.

В. Данилов,
кандидат исторических наук.
С. Якубовская,
доктор исторических наук.

Текстовые замечания на полях статьи: а) "Кем? ЦК?"; б) "возврат [?] к 1921 г."; в) "связь с нэпом"; г) "?!"; д) "А сейчас кто же мешает об этом писать?"; е) "Кто его мешает изменить?"; ж) "Кто его мешает изменить?"; з) "Статья против Вучетича".

Примечания

- I. "...В советской художественной литературе, возникшие как результат начавшегося в середине 50-х годов процесса демократизации нашего общества..." (П, 1).
- II. "Последние 8–9 лет в ее развитии отмечены печатью борьбы против догматизма и начетничества, против лжи и извращений, против всего того, что у нас именуется наследием культа личности" (П, 1).
- III. "Факты – воздух ученого". Этот хороший афоризм настолько широко употреблялся ранее, что теперь уже вышел "в тираж". Однако здесь напомнить его уместно. Еще не так давно в изучении истории нашей революции и нашего общества "воздух" ученого был настолько "разреженным", что самостоятельный творческий полет исследовательской мысли был сильно затруднен [надписано от руки над зачеркнутым: "практически исключен". Далее как в типографском тексте, с ред. правкой. – А.К.] (П, 1).
- IV. «Пожалуй, наиболее наглядно различие подхода историка и литератора к общественным явлениям можно показать на раскрытии такого глубоко чуждого природе социалистического строя явления, как культ личности. Современная советская литература дала и дает ряд талантливых произведений, где с большой художественной силой и выразительностью отражено тлетворное, опустошающее влияние культа личности на общественную жизнь, на человеческую личность. Знакомясь с этими произведениями, читатель воспринимает культ личности главным образом как факт морально-этического характера. Лишь авторы отдельных произведений – и здесь в первую очередь надо назвать А. Солженицына и С. Залыгина – отражают глубинные процессы, возвышающиеся над чисто эмоциональным восприятием отдельных фактов до уровня больших художественных обобщений, до широкой типизации явлений. Однако и они не могут с достаточной полнотой выявить корни культа личности, показать те условия, которые его породили. Для этого нужен анализ всей совокупности фактов. Только тогда будет объяснена историческая действительность, будут раскрыты закономерности общественного развития.

В чем же дело – скажут нам? Отчего же вы этого не делаете или делаете плохо?

Попытаемся ответить на этот вопрос. Прежде всего мы должны обратить внимание на определенную трудность и сложность этой задачи. Нельзя представлять себе историка как обладающим истиной "в полном объеме" и приоткрывающим ее лишь частично по конъюнктурным или другим соображениям. К сожалению, многое из того, что стало известно в последние годы, историки узнавали впервые вместе со всеми советскими людьми. Различия в скорости реакции на эти новые факты со стороны литератора и историка отчасти носят объективный характер. Нельзя забывать о том, что писатель воспринимает действительность непосредственно и в живых образах, тогда как историку она раскрывается лишь как результат длительного и кропотливого труда по выявлению, собиранию и осмыслению всей системы фактов.

Однако, помимо трудностей объективного порядка, связанных с внутренним характером научного познания, имеются и другие, внешние причины, тормозящие изучение исторической действительности. Эти причины связаны с наслоениями прошлого, которые необходимо устранить, ибо они мешают движению вперед. Прежде всего мы хотели бы поговорить о пресловутой "фигуре умолчания" (П, 3, 4).

- V. «Бесспорным историческим фактом, например, является видная роль Бухарина в борьбе против троцкизма. Длительное время видную роль в руководстве деятельностью профсоюзов играл М.П. Томский. Свести эту роль к ошибкам правооппортунистического характера – значит исказить историю профсоюзов.

В прошлом году отмечался 30-летний юбилей первого съезда писателей. Этому событию были посвящены многочисленные статьи и воспоминания. Но в них нельзя было найти упоминания о том, что с докладами на этом съезде выступали Н.И. Бухарин и К.Б. Радек. В

одном случае вскользь сказано только, что съезд дал им отпор (см.: Лит. газ. 1964). Такое изложение, мягко говоря, неточно и легковесно. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в стенографический отчет съезда. Речь идет не о том, что нужно восхвалять эти доклады, обходить содержащиеся в них спорные или ошибочные положения. Естественно, однако, желать обстоятельного и вдумчивого анализа такого крупного исторического события в истории культурной жизни страны, каким был первый съезд писателей.

В последнее время "фигура умолчания" стала широко применяться и по отношению к самому Сталину. В этом можно видеть своего рода "историческое возмездие", но в результате проигрывает наука. Очевидно, некоторые историки считают умолчание наилучшим методом борьбы с последствиями культа личности. Однако борьба с культом личности методами, им порожденными, не может дать положительных результатов.

Для понимания истории социалистического строительства важное значение имеет освещение внутрипартийной борьбы. Это делается в нашей литературе, но с такими упрощениями и умолчаниями, которые неизбежно порождают недоумения, а подчас и недоверие ко всей трактовке проблемы. Сохраняется еще объяснение возникновения правой оппозиции в 1928–1929 гг. отсылкой к лозунгу "Обогащайтесь!", с которым Н.И. Бухарин выступил в 1925 г. Но теперь вышло в свет новое издание стенографического отчета XV съезда партии (его тираж 25 тыс. экз.), и уже не только специалист-историк, но и широкий читатель узнает, в частности, что накануне XV съезда партии Н.И. Бухарин выступил с обоснованием лозунга о наступлении на кулачество, что на съезде этот лозунг связывали с бухаринской постановкой вопроса... (М.И. Калинин и др.) (Пятнадцатый съезд ВКП(б), декабрь 1927 г.: Стеногр. отчет. М., 1962. Т. II. С. 1229–1231).

Неустойчивость позиций Н.И. Бухарина в свое время была широко известна. Весной 1918 г. он был "левым коммунистом". Его книга "Экономика переходного периода" (1920) служила теоретическим обоснованием политики военного коммунизма. В 1925 г. появляются лозунг "Обогащайтесь!" и тезис о возможности "мирного вставания" кулака в социализм. В конце 1927 г. Бухарин обосновывал необходимость наступления на кулака, а спустя полгода выступил против чрезвычайных мер в борьбе с кулачеством, за повышение заготовительных цен, что в условиях того времени было бы уступкой кулаку. Выявить действительные корни этой неустойчивости – задача сложная, которая не решается с помощью ярлыка "кулацкого агента".

Нам кажется, что в оценке идейной борьбы в рядах партии следовало бы брать за образец анализ идейно-политических позиций людей, групп, течений в трудах Маркса – Энгельса и Ленина. Нет нужды рассказывать о страстности и непримиримости, которые были им свойственны. Но никогда для них факт принадлежности того или иного лица к оппозиции не означал, что все его идеи и взгляды, все его действия и поступки ошибочны и вредны. «Неоднократно мы говорили, и в частности я, – и на этот счет не было разногласий в ЦК, – говорил В.И. Ленин на X съезде, – что наша задача – отсеять в "рабочей оппозиции" здоровое от нездорового... Когда нам говорят о недостаточном проведении демократизма, мы говорим: это абсолютно верно» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 37–38). В письме к Г.И. Мясникову В.И. Ленин подробно разбирает его платформу и, подвергая ее резкой критике, выделяет пункты, с которыми он согласен (см.: Там же. Т. 44. С. 80–81)» (П, 7–11).

2*

ЦК КПСС

06453 3-20-4/2

18 февр. 1966

Контроль

Редакция "Нового мира" представила на контроль в Главлит подготовленную для опубликования во втором номере журнала статью кандидата исторических наук В. Данилова и доктора исторических наук С.И. Якубовской "О фигуре умолчания в исторической науке".

Ознакомление с содержанием этой статьи показывает, что ее авторы правильно отмечают некоторые недостатки в освещении истории советского общества и КПСС в годы культа личности. Вместе с тем они утверждают, что как в прошлом, так и в настоящее время существуют внешние причины, тормозящие изучение исторической действительности. Одна из самых серьезных среди них – это пресловутая "фигура умолчания" (с. 2).

Под "фигурой умолчания" авторы статьи имеют в виду необъективность в оценке деятельности определенных "исторических персонажей", уход от разбора некоторых историко-партийных проблем, "замалчивание" документов партийных съездов, съездов Советов.

* В подготовке текста к изданию принимал участие В.Ю. Афиани.

Как это видно из статьи, ее авторы считают, будто такое положение дел в науке по истории советского общества обусловлено определенной политикой, проводимой в стране, и что "такой подход не отвечает ни марксистской точке зрения, ни правильно понятому принципу революционной партийности" (с. 2).

В качестве примера, когда замалчиваются имена некоторых видных революционеров, в статье названы Троцкий и Зиновьев. Так, в ней утверждается следующее: "известно, что некоторые видные деятели Октябрьской революции и первых лет Советской власти впоследствии заняли антипартийные позиции. Их взгляды и действия были справедливо осуждены партией. Затем их имена были как бы изъяты из истории. Такое положение сохраняется и до сих пор... изъятия и умолчания затрагивают не только тех или иных деятелей партии и государства, волей-неволей их приходится распространять и на учреждения, которые эти люди возглавляли, то есть однобоко освещать, а то и просто замалчивать работу целых коллективов советских людей" (с. 2).

В подтверждение этого В. Данилов и С. Якубовская указывают на недостаточность освещения деятельности Реввоенсовета и Наркомата по военным и морским делам "на том лишь основании, что во главе этих учреждений стоял Троцкий" (с. 2). Все это по утверждению авторов статьи обедняет историю гражданской войны, имеет "разрушительные последствия для изучения работы партийных съездов и съездов Советов", приводит к "сыхому изложению резолюций", к схематичному показу борьбы мнений.

Авторы тенденциозно утверждают, будто "фигура умолчания исключает того или иного деятеля даже тогда, когда он не только не отклонился от партийной линии, а защищал ее", как это было с Зиновьевым, выступавшим с политическим отчетом ЦК КПСС XIII съезду партии. По мнению авторов, анализ этого отчета "необходим, чтобы понять положение партии в первый момент после смерти Ленина" (с. 2).

Такая постановка вопроса, ориентирующая на так называемый всесторонний показ деятельности Троцкого, Зиновьева и других лиц, противоречит политике партии.

Следует отметить также и то, что утверждения В. Данилова и С. Якубовской, будто имена этих "видных деятелей Октябрьской революции и первых лет Советской власти" замалчиваются, не соответствуют действительности, так как позиция Троцкого и Зиновьева (а именно эти лица приведены в качестве примера в статье) отражена в исторической и партийной литературе на всех этапах развития революции. Авторам должно быть известно и то, что еще в 1963 г. Политиздат выпустил стенографический отчет XIII съезда партии, где политический отчет ЦК съезду полностью опубликован с указанием фамилии Зиновьева. В соответствии с указаниями ЦК КПСС в многотомной истории КПСС намечено также более широко и объективно осветить деятельность некоторых членов ЦК и руководителей партии. Об этом было сообщено в редакционной статье "Правды" 22 июня 1962 г. "К предстоящему изданию многотомной истории КПСС", второй том которой уже сдан в печать.

Во второй части статьи В. Данилов и С. Якубовская пытаются привлечь внимание читателей к проблеме "выхода" СССР из нэпа, утверждая, будто "заключительный этап новой экономической политики, ее соотношение с политикой и практикой индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства все еще не освещены в нашей литературе" (с. 3). Такое положение, по их мнению, не случайно, т.к. и на эту проблему до сих пор распространяется "фигура умолчания".

Недопустимость "замалчивания" вопроса о выходе из нэпа авторы обосновывают тем, что в стране и поныне существует животрепещущая проблема соотношения нэпа и социализма, о чем якобы свидетельствуют решения мартовского Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Они пишут: «До сих пор в исследованиях на конкретные темы и в обобщающих трудах сохраняется удивительное положение: повсюду дается обстоятельная характеристика перехода к нэпу, но нигде ни слова о "выходе" из нэпа... Между тем давно назрела необходимость анализа экономической действительности с точки зрения принципов, сформулированных В.И. Лениным при разработке основ нэпа... Вопрос о соотношении нэпа и социализма имеет животрепещущее значение не только для СССР, но и для всех стран, строящих социализм» (с. 3–4).

Таким образом, в этой статье берется под сомнение то обстоятельство, что генеральная линия партии на индустриализацию страны и на этой базе коллективизацию сельского хозяйства явилась не только осуществлением ленинских указаний, но была и "выходом" из нэпа.

"Фигуру умолчания" авторы статьи видят и в области изучения истории буржуазных и мелкобуржуазных партий, их состава, идеологии, их стратегии и тактики в борьбе против Советского государства. Они пишут: "В последнее время историки не раз уже говорили об этом, однако реальное положение еще не изменилось" (?) (с. 4).

В третьем разделе статьи В. Данилов и С. Якубовская пытаются подвести своеобразную политическую базу под "теорию фигуры умолчания" в науке, литературе и искусстве. Они считают, что в идеологической работе партии будто бы длительное время господствует концепция "двух правд", которая и лежит в основе "теории умолчания" (с. 5–6).

Делая различные оговорки о том, что "фигура умолчания" была свойственна недавнему прошлому, В. Данилов и С. Якубовская тут же утверждают, что такое положение во многом сохраняется и сейчас.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1992 г.

31 марта состоялось совместное заседание Российского государственного гуманитарного университета и Археографической комиссии, посвященное 75-летию Союза российских архивных деятелей.

Присутствующие почтили память В.В. Дорошенко минутой молчания. Открывая заседание, С.О. Шмидт подчеркнул значение деятельности созданного весной 1917 г. объединения ученых и сотрудников хранилищ, во главе с таким авторитетным ученым, как академик А.С. Лаппо-Данилевский. Это отметить тем более важно, что в рекомендованной еще недавно учебно-методической литературе односторонне освещалась деятельность Союза российских архивных деятелей. В конце 1960-х годов на основе изучения опубликованных и архивных материалов мною предпринята попытка в ряде докладов и статей отметить заслуги деятелей этого "Союза" в развитии архивного дела и культуры, поддержанная непосредственными участниками событий тех лет С.Н. Валком и Н.М. Дружининым (см. АЕ за 1969 г. С. 330–332). Однако в редакции журнала "Советские архивы" отказались без переработки текста об этом печатать рецензию С.Н. Валка на сборник материалов научной конференции архивистов в Ленинграде 1970 г., и он отозвал ее. Рецензия была напечатана лишь посмертно (ОА. 1992. № 2). А пришедшему к тем же выводам добросовестному дипломнику МГИАИ А.В. Олигову снизили оценку за работу. (Статья его была мною включена в сборник трудов начинающих ученых в 1980 г.¹) Теперь уже в трудах историков архивного дела и историографов эти выводы кажутся самоочевидными. Выясняется, что архивные реформы 1918–1919 гг. были подготовлены в основном именно активными деятелями "Союза", что им мы обязаны и сохранением многих документальных богатств в годы революционных потрясений, что деятельность эта существенно способствовала развитию высшего образования, организации архивов, музеев, библиотек, расцвету краеведения в его "золотое десятилетие". Исследованиями В.Н. Автократова, В.О. Седелникова и других все в большей мере выявляется вклад деятелей "Союза" в развитие архивной мысли. Именно к традициям Союза российских архивных деятелей восходят идеи

современного возрождения действенного творческого содружества архивных учреждений и других хранилищ документальных памятников с академическими учреждениями и вузами.

В выступлении В.Д. Есакова (ИРИ), посвященном связям Академии наук с Союзом российских архивных деятелей, главный акцент был сделан на взаимодействии этих учреждений. Это было реальное объединение всех ученых, связанных с архивами и изучавших прошлое. В первые же дни марта 1918 г. Архив Академии наук стал принимать ряд документов, связанных с архивом царской фамилии. К сожалению, до сих пор мало освещались в литературе традиции Архива Академии наук принимать любые материалы независимо от их политической ориентации. Докладчик напомнил присутствующим о деятельности Общественного дома-музея памяти борцов за свободу и его заслуге в создании архива войны и революции и общественных движений и высказал мысль о воссоздании на современном этапе подобного архива.

В.О. Седелников (ИАИ) отметил в своем выступлении, что в настоящее время долг Архива Академии наук состоит в выяснении жизненных судеб членов Союза российских архивных деятелей, связанных с Архивом Академии наук, о некоторых из них докладчик и рассказал – в частности, о судьбе А.М. Голицына, арестованного в 1923 г., С.А. Князькова, расстрелянного в сентябре 1919 г., и Г.С. Габаева, руководившего одной из военных секций в Петрограде. Последний неоднократно арестовывался и после ареста в марте 1930 г. по "делу академиков" отбыл срок в течение десяти лет. Он умер в 1956 г. со снятой судимостью, но не реабилитирован.

Выступивший в обсуждении Б.В. Левшин (АРАН) поблагодарил Археографическую комиссию и в особенности ее руководителя, отметив его особую роль в деле освещения истории деятельности Союза российских архивных деятелей. По мнению выступающего, к 1917 г. научное развитие отечественной архивистики достигло такого уровня, что переплетение деятельности архивов с Академией наук было естественно, и сделанное участниками Союза заслуживает самой высокой оценки. В частности, деятельность Рукописного отдела Архива Акаде-

¹ Олигов А.В. Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917–1924 гг.) // Источниковедение и историография: Спец. ист. дисциплины: Сб. ст. М., 1980. С. 73–76.

мии наук во главе с В.И. Срезневским сделала его объективно на первых порах центром собирания документальных материалов.

Я.Н. Шапов (ИРИ), принявший участие в обсуждении, отметил, что, к сожалению, не так было много общественных организаций в советское время, которые достигали таких значительных результатов в своей деятельности по сохранению и изучению документального наследия прошлого. Я.Н. Шапов приветствовал присутствующих от лица созданного в декабре 1990 г. Российского общества историков и архивистов, призванного выполнять задачи по сохранению и публикации памятников письменной культуры, не решаемые государственными учреждениями.

И.А. Зелов (ГАРФ) обратил внимание присутствующих в своем выступлении на фонд А.С. Николоаева, в котором среди документов есть список членов Союза российских архивных деятелей октября 1917 г., включающий 143 члена Союза с указанием их должностей и имен, и предложил опубликовать его.

В заключительном слове С.О. Шмидт отметил необходимость публикации с обязательными комментариями и поблагодарил докладчиков за то, что вернули присутствующих к такой важной теме, как история деятельности Союза российских архивных деятелей.

25 июня были проведены традиционные Тихомировские чтения².

Сотрудники Археографической комиссии приняли участие в Седьмой научной конференции по проблемам книговедения "Книга в меняющемся мире". На секционных заседаниях выступили с сообщениями: В.В. Морозов – "Сборник Алексея Макшеева", Н.А. Охотина – "Книгописец и игумен Захей в новгородской литературе конца XV – начала XVI в.", А.Д. Паскаль – "О монастырском книгописании XV–XVI вв. в Молдавии".

На заседаниях Археографической комиссии регулярно обсуждались сообщения о работе ее сотрудников.

О.А. Князевская доложила о ходе подготовки к изданию, палеографическому и кодикологическому исследованию хрянского в РГАДА кодекса, включающего одну из древнейших славянских пергаментных рукописей – "Савину книгу". Эта работа проводится ею совместно с Болгарской академией наук (исполнитель с болгарской стороны – Е. Дограмаджиева).

О.А. Князевская и *Н.А. Охотина* рассказали о научных результатах их командировки в Швецию. Ими проведена работа по атрибуции, датировке и подготовке к изданию отрывков из рукописей древнерусского Пролога XII–XV вв., обнаруженных в переплетах книг, хранящихся в архивах и библиотеках Швеции.

С.О. Шмидт сообщил об итогах Седьмой международной конференции по истории Киев-

ской и Московской Руси, состоявшейся в Берлине.

В.А. Черных сделал сообщение о результатах его занятий в Государственном архиве Нижней Саксонии в г. Ольденбурге (ФРГ). В этом архиве обнаружены многочисленные документы, касающиеся династических связей Ольденбургского герцогского дома с российским императорским домом, в том числе двусторонняя переписка герцогов Ольденбургских с российскими императорами и императрицами от Екатерины II до Николая I, а также с многими российскими государственными и военными деятелями. Им, в частности, скопирована и подготовлена к изданию переписка герцога Петра Фридриха Людвиг Гольштейн-Ольденбургского с А.В.Суворовым.

В связи с прошедшим юбилеем начала издания Полного собрания русских летописей *Е.М. Евдокимова* сделала сообщение о найденном в ЦГАДА (РГАДА) документе П.М. Стрелева, связанном с этим событием. В сообщении было упомянуто, что документ считался утраченным. Этот любопытный источник по истории отечественной археографии представляет собой "Комментарии к I–4-м томам ПСРЛ", созданные "первым русским археографом" (по выражению С.Н. Валка) в 1847–1851 гг. Автором сообщения готовится публикация "Комментариев", представляющих несомненный интерес для изучения развития летописной археографии в середине XIX в.

15 сентября на заседании комиссии *Б.Н. Морозов* рассказал о своей поездке в Великобританию, в ходе которой он работал в отделе рукописей Британской библиотеки. Была обнаружена уникальная переписка русского и английского купцов конца XVII в., возникшая в процессе обучения англичанина русскому языку и ярко рисующая жизнь посада Пскова, взаимоотношения его жителей с иностранными купцами. Благодаря любезности сотрудника Британской библиотеки доктора К. Томаса была сделана копия рукописи, содержащей эту переписку, а также включающей образцы деловых документов и литературные тексты. Весь этот комплекс готовится к печати. Кроме того, Б.Н. Морозов ознакомился с развитием краеведения и генеалогии в Англии и Шотландии, в частности, установлена связь с Британским генеалогическим обществом.

Н.А. Кобяк рассказала о прошедшей 16–18 декабря в Киеве конференции "Украинская археография сегодня: проблемы и перспективы". Инициатором проведения выступили Археографическая комиссия и Институт украинской археографии АН Украины. На обсуждение собравшихся была вынесена концепция государственной программы "Архивная и рукописная Украина", наиболее подробно были рассмотрены две темы: "Проблемы координации археографической деятельности по выявлению и регистра-

² Хронику заседания см. наст. изд.

ции письменных памятников по истории Украины" и "Проблемы создания предварительного списка Украинской рукописной книги XV–XX вв.". В рамках указанной тематики обсуждались также проекты Образца описания (текстовой аниотации) архивного фонда для Национальной архивной информационно-

темы, Правил передачи текста кириллических документов XVI–XVIII вв., Кодикология украинской и восточнославянской рукописной книги и кодикологической модели структуры формализованного описания рукописей.

А.Д. Паскаль

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Помимо "Археографического ежегодника за 1990 г.", в 1992 г. издана также книга "Александр Ильич Копанев. Сборник статей и воспоминаний" (СПб., 1992. 215 с.) (Библиотека РАН, С.-Пб. отделение АК. С.-Пб. филиал ИРИ РАН). Ответственные редакторы М.П. Ирошников и С.О. Шмидт. Книга посвящена памяти выдающегося историка, археографа и историковеда, многолетнего председателя Ленин-

градского (Санкт-Петербургского) отделения Археографической комиссии А.И. Копанева, скончавшегося в 1990 г.* В книгу включены воспоминания коллег, учеников и родственников А.И. Копанева, исследовательские статьи по отечественной истории XVI–XIX вв., посвященные преимущественно истории русского крестьянства, а также список трудов ученого.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1992 г.

Полевые исследования кириллической книжной традиции

Институт рукописной и старопечатной книги (Нижний Новгород) летом 1992 г. провел серию археографических экспедиций (руководитель экспедиции М.М. Белякова) на территории Арзамасского, Ардатовского, Боровского, Павловского и ряда других районов Нижегородской области. Целью экспедиции являлись изучение истории и современного состояния старообрядчества, выявление и постановка на учет древних письменных памятников и старопечатных книг. В итоге работы было приобретено 35 рукописных и старопечатных книг XVII–XX вв. (из них XII в. – 4, XVIII в. – 4). Наибольший интерес среди рукописей представляют Сборник середины XVIII в., Праздники на крюковых нотах XIX в.; среди книг – Миняя обща (М.: Печатный двор, 1625), Псалтирь следованная (М.: Печатный двор, 1672), а также другие издания Московского печатного двора первой половины XVII в.

Были продолжены совместные исследования археографов Нижнего Новгорода и Московского университета (руководители Т.В. Черторицкая, Е.А. Агеева). Проводилась разведывательная экспедиция в Павловском районе, продолжены комплексные исследования в Семеновском, Городецком, Тонкинском и других районах. Было приобретено несколько рукописей: Певческий сборник XIX в., прекрасного письма, богато орнаментированный, сборник полемики XVIII–XIX вв., печатная Псалтирь XVIII в. с рукописными вставками.

Археографическая группа Московского университета продолжила комплексные исследования в районах Пермской области и Удмуртии (руководитель Е.Б. Смилянская, в составе экспедиции работали научные сотрудники Научной библиотеки МГУ Г.А. Космолинская и О.А. Цалина). Основной задачей экспедиции было продолжение комплексных этнокультурных и археографических исследований по действующей с 1984 г. программе-опроснику. Целью участников экспедиции было подробное описание профессиональной общины с. Киршонки, выбранного в результате предварительного поиска 1991 г. Была описана общинная библиотека "собора", проведены беседы по опроснику, записаны образцы литургического пения и пения духовных стихов. Помимо выполнения программы комплексного исследования в с. Киршонки, участникам экспедиции удалось уточнить границы расселения старообрядцев-поморцев Верхоямья и провести обследование ряда южных старообрядческих поселений. В результате работы было приобретено несколько рукописей, в том числе Сборник со Страстями Христовыми и Житием Алексея человека Божия (XIX в.), письма переплетчика А. Вымова о хранении книг (70-е годы XX в.).

Также были продолжены работы в Красновишерском районе Пермской области (руководители И.В. Поздеева, Е.М. Сморгунова). Изучение этого района имеет с 1987 г. особое значение, так как здесь в результате раскола так называемого "беглопоповского" и "ветковского" направлений старообрядчества возникла своя

* Некролог А.И. Копанева напечатан в АЕ за 1990 г. (с. 325–326).

"ваньковская" трехчленная иерархия, представленная членами семьи Кречетовых. Исследования носили комплексный характер и включали изучение современного состояния староверия, современных представлений о конце света, описание современных комплексов икон, изучение компермяцкого языка местного старообрядческого населения, демографические исследования на материале похозяйственных книг 1939–1990 гг. д. Ваньково. Среди наиболее интересных книжных находок – Святыцы, толковый подлинник, написанный иконографом А.Т. Гильчиным в 1746 г.; Азбука певческая XIX в., Скитское покаяние (размер 8,6 × 5,0), написанное в знаменитых Бугровских келиях с. Городца Нижегородской области.

Археографами МГУ были продолжены также работы в Саратовской области (руководитель Е.А. Агеева). В этих местах было отмечено значительное угасание поморской старообрядческой традиции. К числу наиболее интересных находок можно отнести Минею общую (М.: Печатный двор, 1600), Поминания родов Ермилова (1899), Митрофанова или Баранова (1903).

В течение всего года исследователи МГУ работали с московскими и подмосковными старообрядческими общинами. Были получены лице-

вые рукописи: Октоих XIX–XX вв., Обиход XIX–XX вв.

Экспедиция Сыктывкарского университета продолжила полевые исследования, проводимые с 1990 г. в среднем течении р. Печоры (руководитель А.Н. Власов). Работа носила многоаспектный характер: кроме выявления и собирания письменных памятников, участники экспедиции фиксировали современное состояние фольклорной традиции, этнографический материал. Выяснилось что, хотя в недавнем прошлом большая часть населения Печорского района в конфессиональном отношении представляла собой старообрядцев, в настоящее время представление местного населения о старообрядческой идеологии размыто; по линии наставничества четко прослеживается связь с Усть-Цилемской старообрядческой традицией, с низовой Печорой, откуда, в сущности, и были занесены идеи староверия. В результате работы было получено 46 рукописных и печатных книг. Наибольший интерес представляют документы и переписка, принадлежавшие Самуилу Андреевичу Мамонтову, сборник различных выписок XX в., фрагмент Апостола, напечатанного Иваном Федоровым, издания, вышедшие в Тушке, а также издания поздних старообрядческих типографий.

Н.А. Кобяк

70-ЛЕТИЕ С.О. ШМИДТА

15 апреля 1992 г. исполнилось 70 лет председателю Археографической комиссии Сигурду Оттовичу Шмидту. Научная общественность отметила юбилей заслуженного деятеля науки Российской Федерации, академика Российской Академии образования, профессора С.О. Шмидта. В Историко-архивном институте, где он преподает с февраля 1949 г., состоялся юбилейный вечер. Актовый зал ИАИ не мог вместить многочисленных коллег, друзей, учеников С.О. Шмидта, некоторые приехали из других городов (С.-Петербурга, Рязани, Ярославля, Калуги, Тулы, Казани, Чебоксар, Волгограда, Киева, Минска, Симферополя, Щорса и др.). Волею юбиляра было отменено чтение официальных адресов, торжество свелось к живым выступлениям, часто в художественной, стихотворной (как у профессоров С.М. Каштанова, В.М. Магидова) и даже музыкальной форме, что отражено и в хронике вечера¹. Среди выступавших – ректор ИАИ Е.В. Старостин, проректор РГГУ Н.И. Басовская, профессора В.А. Муравьев, А.И. Комиссаренко, А.Д. Степацкий, Б.С. Илизаров, а также А.А. Амосов (БАН), М.П. Ирошников (С.-Пб. ФИРИ), М.А. Усмаинов (Казанский университет), Ф.Д. Поленов (ВООПИК), В.П. Нерознак (Российский международный фонд культуры), А.В. Добровская (ГАРФ), И.П. Сиротинская (РГАЛИ), М.П. Лукичев (РГАДА),

В.Ю. Коровайников (Мосгорархив), В.П. Козлов (Роскомархив), Б.В. Левшин (АРАН), Я.Н. Шапов (Российское общество историков-архивистов), Патриция К. Гримстед (от американских славистов и Американского общества архивистов). Выступили знающая Шмидта с детских лет старейшина музейного дела А.Б. Закс, учившаяся вместе с ним в аспирантуре Л.М. Зак, тверской красвед и архивист М.А. Ильин, бывшие и нынешние студенты – участники научных кружков ИАИ, и прежде всего ветераны кружка историковедения, руководимого Шмидтом более 40 лет.

Заслуги С.О. Шмидта отмечены в приказах, изданных руководством Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, Комитета по делам высшей школы, ИСБ, РГГУ.

Получены приветственные телеграммы и адреса от Министерства культуры Российской Федерации, Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации, Отделения истории РАН, коллективов ИСБ, ИРЛИ (Пушкинского Дома), С.-Петербургского филиала ИРИ, Библиотеки РАН, Архива РАН и его С.-Петербургского филиала, Научно-исследовательского института культуры, ВНИИДАД, Лаборатории консервации и реставрации документов РАН, Института языка, литературы и исто-

¹ О юбилейном вечере см.: *Бондарева Т.И.* Юбилей С.О. Шмидта // ОА. 1992. № 3. С. 107.

² См. хронику 40-летия кружка: АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 309–310.

рии Карельского научного центра РАН, Южноуральского отделения АК, сектора археографии ИИФФ СО РАН, Комиссии по источникам истории Грузии Президиума АН Грузии, а также от преподавателей и студентов РГГУ, факультета музеологии, кафедр вспомогательных исторических дисциплин, отечественной истории досовещетского периода, истории государственных учреждений, истории и организации архивного дела, теории и методики архивоведения, научно-технических и кинофотоархивов РГГУ, кафедры дореволюционной отечественной истории Калининградского университета, историков Петрозаводского, Львовского и Ивановского университетов, кафедр историографии и источниковедения Тверского университета, историков и археографов Вологодского педагогического института, археографов Нижегородского и Сыктывкарского университетов, археографической лаборатории Казанского университета, кафедры отечественной истории Башкирского педагогического института, исторического факультета Пермского педагогического института, сотрудников РГАДА, РГАЛИ, РГАЗ, объединения "Мосгорархив", Костромского областного архива, историков-архивистов Владимирской и Тверской областей, сотрудников Государственного музея-заповедника "Московский Кремль", ГИМ и его Отдела рукописей, Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, Музея А.И. Герцена, Дома Цветаевой, Отдела рукописей РПБ, издательства "Большая Российская Энциклопедия", редакций газеты "Известия", журналов "Родина" и "Отечественные архивы", альманаха "Отечественно", редколлегии серии "Литературные памятники", Центрального совета ВООПИК, общества "Меморнал", Российского общества историков-архивистов, Президиума Российского международного фонда культуры, научно-общественных советов программ этого фонда: "История русской провинции" и "Возрождение русской усадьбы", Московского, Петербургского, Тверского, Владимирского, Костромского, Пензенского фондов культуры, Владимирского, Тверского, Челябинского отделений Союза краеведов России, Центрального дома туристов, Центра детско-юношеского туризма России, Экспериментального центра краеведения и этнографии, студенческих научных кружков источниковедения, отечественной истории, истории древности и средневековья РГГУ, администрации Тверской области и др.

В адрес С.О. Шмидта поступили приветственные телеграммы и письма академиков И.Д. Ковальченко, Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова, С.Л. Тихвинского, В.Л. Янина, а также Н.Д. Аленичкиной (Пермь), Ю. Бардаха (Варшава), В. Береловича (Париж), И.Я. Биска (Иваново), С.Н. Богатырева (Хельсинки), Л.В. Бочковой (Кострома), Я. ван ден Брука (Гронинген, Нидерланды), Н.И. Бураковской (Минск), В. Водова (Париж), А.В. Воробьева (Минск), А.В. Волченко (Днепропетровск), В.И. Гальцова

(Калининград), А. Гейштора (Варшава), Г.М. Головкина (Волгоград), М.И. Гришиной, Д.С. Данина, Л.А. Дербова (Саратов), А. Джуровой (София), В.Д. Дмитриева (Чебоксары), Л.А. и Р.П. Дмитриевых (С.-Петербург), Э. Дониерта (Галле), А. Донского, А.В. Дулова (Иркутск), В.А. Дунаевского, Б.Ф. Егорова (С.-Петербург), Н.А. и И.П. Ермолаевых (Казань), З. и Б. Жаворонковых (Рязань), А.Б. Закс, Н.С. Зелова, Я.Д. Исаевича (Львов), А. Каппелера (Кёльн), Л.С. Кашкина (Пермь), А.И. Клибанова, И.В. Ковалева (Владимир), Н.П. Ковальского (Днепропетровск), Н.А. и В.П. Козловых, В.И. Кострикина, Н.Д. Кочетковой (С.-Петербург), Р. Крамми (США), М.В. Кукушкиной (С.-Петербург), О.В. Ласунского (Воронеж), Г.Н. Моисеевой (С.-Петербург), А.Г. Мосина (Екатеринбург), М.М. Мухамеджанова, В.С. Мясникова, Н. и Е. Наумовых, З. Паха (Будапешт), Ф.В. Першиной (Одесса), Л. и Ю. Петроченковых (Кричев), В.А. Пожидаева (Мурманск), В.В. Полуйко (Луганск), Г.П. Присенко (Тула), А.П. Прохштейна (Ростов-на-Дону), М. Раева (Нью-Йорк), Л.М. Рошала, Э.Н. Савицкого (Минск), Л.Н. Семеновой (С.-Петербург), Дж. Симмонса (Оксфорд), Ю.Я. Синцова, Р.Г. Скрынникова (С.-Петербург), В.В. Судакова (Вологда), Н.Б. Тихомирова, Г. Торке (Берлин), Н.А. Троицкого (Саратов), М. Фрейденберга (Тель-Авив), Ю.Т. Ходжаева, В.Д. Чернышова (Тверь), Е.В. Чистяковой, Э.Х. Чубинидзе (Тбилиси), А.Л. Шапиро (С.-Петербург), И.П. Шаскольского (С.-Петербург), Д.М. и И.Д. Шаховских (Париж), Э.С. Шиховой (Ялта), Е.Ф. Шорохова (Минск) и др.

Поздравления содержат высокую оценку вклада, внесенного С.О. Шмидтом в развитие разных направлений отечественной науки. "Вы создали, — обращается к юбиляру академик Д.С. Лихачев, — научную школу археографии, которой гордится русская наука. Вы крупнейший историк и литературовед. Такие ученые сейчас могики". Польский славист Ю. Бардах пишет: "В эпоху великих перемен Вы заняли место, которое укрепило еще больше мое к Вам уважение и признательность. О годах, которые мы теперь переживаем, будут создаваться сотни и тысячи работ. Среди них будут и работы по истории исторической науки. В них часто будет упоминаться Ваше имя как ученого, который всегда работал во имя исторической правды".

По словам директора ИСБ В.К. Волкова, "значителен научный вклад С.О. Шмидта в развитие отечественного славноведения. Издаваемый под его редакцией Сводный каталог славяно-русских рукописных книг является фундаментальным научно-справочным пособием, известным и нужным палеославистам всего мира. С момента основания Центра по изучению источников по истории Балкан и Средиземноморья (СИБАЛ) С.О. Шмидт является членом его бюро и бессменным председателем Комиссии рукописей".

Высокую оценку получила в поздравлениях работа С.О. Шмидта во главе Археографической комиссии. Председатель Комитета по делам архивов Р.Г. Пихоя пишет, обращаясь к юбиляру: "Важно отметить, что Вы уже несколько десятилетий возглавляете Археографическую комиссию Российской академии наук, которая традиционно являлась связующим звеном между исторической наукой и архивами". Обращалось внимание на то, что С.О. Шмидт является ответственным редактором "Археографического ежегодника", "единственного продолжающегося академического издания, специально посвященного проблемам археографии и смежных историко-филологических дисциплин и пользующегося заслуженным авторитетом в нашей стране и за рубежом". "Ежегодник", который "всегда щедро предоставлял свои страницы работникам архивов, несмотря на переживаемые им сегодня трудности, останется серьезным межотраслевым универсальным изданием".

Особенно часто подчеркивалась выдающаяся роль С.О. Шмидта в деле сохранения традиций и пропаганде отечественной культуры. По словам участников исследовательских программ Российского международного фонда культуры, обращенным к юбиляру, «Вы унаследовали и сохранили лучшие черты российской интеллигенции – нравственное достоинство, огромную эрудицию, неустанное просветительство, служение делу Культуры. Вы щедро отдавали и отдаете все это поколениям молодежи, передавая эстафету Культуры. Вы любите повторять завет Вашего учителя Михаила Николаевича Тихомирова – "чтобы свеча не угасла!" И Вы делаете все, чтобы эту свечу не загасили буйные ветры истории XX в. и пришло время, когда она разгорится еще ярче, неугасимым огнем». Московские краеведы восхищаются умением С.О. Шмидта "привлечь к благодарной патриотической и краеведческой работе детей, подростков, молодежь, учительство, интеллигенцию. Это особенно выразилось в массовом развитии движения по сохранению и возрождению памятников истории и культуры, созданию школьных музеев – очагов духовных традиций". Вспомнив, что в одном из первых номеров журнала "Родина" были опубликованы размышления С.О. Шмидта о краеведении, редакция пишет: «Сегодня слова о малой родине, о драгоценных крупицах прошлого вошли в моду. Но Вы начали говорить их в ту пору, когда на краеведов еще смотрели как на чудаков. Вы избрали неброскую, "тихую" тему – и заставили ее звучать набатом».

Коллеги и ученики С.О. Шмидта единодушно в высокой оценке его педагогической деятельности, проводимой им работы по пропаганде исторического знания. Вспоминали общий лекционный курс отечественной истории, который он читал в ИАИ с 1949 по 1971 г. и его специальные курсы, вошедшие в практику лекции первокурсникам по введению в специальность, ставшее традиционным слово к первокурсникам в первый день их студенческой жизни.

Вспоминали и семинар С.О. Шмидта по источниковедению историографии (с 1961 г.), породивший десятки диссертаций.

Преподаватели кафедры вспомогательных исторических дисциплин РГГУ отмечают, что С.О. Шмидт воспитал сотни преданных своему скромному и великому делу историков-архивистов и "мы почти все учились у Шмидта". "Ваша деятельность на кафедре изначально была тем каналом, через который вливались источниковедческая культура и опыт отечественной и зарубежной науки. Соединяя их со своими исследованиями, с научно-педагогическим трудом, с работой организатора науки, Вы уже давно создали то, что составляет сокровенную мечту каждого ученого – свое направление в исторической науке. Это направление удивительно гармонично соединило источниковедение и биографику, краеведение и историю культуры, архивоведение и историю исторических исследований, вспомогательные исторические дисциплины и социально-политическую историю – целые области исторических знаний стали ближе друг другу благодаря Вам. Интеграция методов и дисциплин и синтез исторического знания, глубина и тонкость анализа, острота и актуальность постановки каждой проблемы – это почерк С.О. Шмидта. Наша наука во всей своей истории не знала аналога существованию более 40 лет такой научной школы, которую создали Вы. Кружок источниковедения стал Академией талантов и тружеников, открытых Вами и выпестованных той атмосферой поиска и дружбы, которую Вы уже в далеком 1950 г. вдохнули в него". Подчеркивают заслуги Шмидта-педагога и слова Н.Д. Алениковой: "Через всю жизнь Ваши ученики несут глубокую любовь и благодарность к Вам, бережно лепившему личность каждого из них".

В приветственной телеграмме Министерства культуры Российской Федерации говорится: «Помню справедливых, но привычных слов восхищения Вашей деятельностью на посту председателя Археографической комиссии, в Центральном совете ВООПИК, в знаменитом кружке в "теремке на Никольской", все же больше хочется отметить Ваши личные человеческие качества, редкую эрудицию, прекрасный ораторский и публицистический дар, который всегда употреблялся во благо культуры и истории, и Вашу удивительную во всем интеллигентность. Верим, что с Вами и Вашими истинными учениками мы в конце концов сумеем возродить и возвысить культуру. Крепкого Вам здоровья, успехов и удачи во всех начинаниях. Храни Вас Господь».

В связи с юбилеем С.О. Шмидта вышли статьи А.Н. Медушевского "Источниковедение в трудах С.О. Шмидта" в сборнике "Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода" (М., 1991) и И.Л. Беленького "С.О. Шмидт – источниковед" (ВИД. Вып. XXV. СПб., 1994). Подготовленное Г. Бройдо интер-

вью с ученым "Культура без корней невозможна" опубликовано в газете "Вечерняя Москва" 17 апреля 1992 г. В настоящем томе публикуется библиография печатных трудов С.О. Шмидта.

Подготовлены к печати тематические сборники трудов С.О. Шмидта "Россия Ивана Грозного", "Путь историка: труды по источниковедению и историографии", "Археография, архивоведение, памятниковедение", «Общественно-историческое сознание "благородного сословия" россиян» и сборник статей учеников С.О. Шмидта в его честь "Мир источниковедения".

Содержание книг:

Россия Ивана Грозного (СПб., "Хронограф"):

От автора; **Часть I. Социально-политическая история. Государственный строй:** Правительственная деятельность А.Ф. Адашева; Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в.; Книга А.А. Зимина "Реформы Ивана Грозного"; Дьячество в России середины XVI в.; Восточная политика России накануне "Казанского взятия"; Издание и изучение советскими учеными источников по истории России XVI в. (в послевоенные годы); К изучению аграрной истории России XVI в.; Русский город XVI в.; Тайный XVI в.; Памятные даты Московского царства; О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI в.; А.Ф. Адашев и Ливонская война; Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени. **Часть II. Культура, Публицистика:** Заметки о языке посланий Ивана Грозного; "Сказание о взятии Астрахани" в летописной традиции XVII – начала XVIII веков; "Слово о Дариане царе" в рукописной книге XVI в.; О времени составления "Выписи о втором браке Василия III"; К изучению "Истории" князя Курбского (О поучении попа Сильвестра); О послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса); Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский); Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому; К истории переписки Курбского и Ивана Грозного; Исследование Н.Н. Зарубина "Библиотека Ивана Грозного и его книги"; Максим Грек в России (О книге Н.В. Синицыной); К изучению Лицевого летописного свода; Посольские книги XVI в. как памятник культуры; Библиография печатных трудов С.О. Шмидта по истории России XV–XVIII веков.; Послесловие А.А. Амосова.

"Путь историка (Избранные труды по источниковедению и историографии)" / ИАИ РГГУ:

От автора; Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе; О разработке методологических вопросов истории; О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки; В.И. Ленин о государственном строе России XVI–XVIII веков (О методике изучения материала по теме); Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова); О сценарии В.М. Шукшина "Я пришел дать вам волю (Степан Разин)";

В.И. Шунков – источниковед и археограф (Первые десятилетия творческой деятельности); Книги Г.К. Вагнера о древнерусской скульптуре; Монография С.М. Каштанова "Очерки русской дипломатии"; Современные проблемы источниковедения; Ленин-читатель Ключевского; Варвара Павловна Адрианова-Перетц; Некоторые вопросы источниковедения историографии; Проблемы взаимодействия общества и природы и сфера источниковедения; Историографический факт и историографический источник в контексте развития науки; Наш кружок (к 30-летию); 25 лет Археографической комиссии; О классификации исторических источников; Исторические источники и литературные памятники; Исторический музей и источниковедение отечественной истории; Проблемы преподавания новой и новейшей истории; Пушкин и "Слово о полку Игореве"; "Хочется думать, что не обрывал связь времен" (ответы на "девять вопросов историку"); "История государства Российского" в культуре дореволюционной России; "История государства Российского" Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры; Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести А.Н. Толстого "Иван Грозный"; Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры; К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов; Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов; "Устная история" в системе источниковедения исторических знаний; Возрождение генеалогии; Сельские церковноприходские летописи как историко-краеведческий материал; И.Е. Забелин и русская культура; Документальные памятники в сфере развития культуры; Роль москвоведения в развитии отечественного краеведения; Иракий Луарсабович Андроников; В.О. Ключевский и культура России; К семидесятилетию со дня рождения К.Н. Тарновского; Изучение культуры российской провинции (XVIII – начало XX века) и задачи краеведения; К изданию сборника памяти великого князя Николая Михайловича; К столетию со дня рождения М.Н. Тихомирова; Арбат в культуре Российского зарубежья; У истоков тверского краеведения; историк России С.Ф. Платонов в советскую пору.

"Археография. Архивоведение. Памятниковедение". Сб. статей (М., ВНИИДАД и АК):

От автора; Советские историки и архивы; "Справка" В.Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А.А. Шахматова; Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории; Источниковедческие вопросы изучения истории древнерусской книжности; К предыстории Декрета 1 июня 1918 г.; О развитии советской археографии; Об описании рукописных книг; Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова. Тихомировские традиции; Ответственность перед будущим (документальные памятники и Общество охраны памятников); Деятельность Археографической комиссии Академии наук и задачи развития археографии; Привлечение интеллигенции к советскому ар-

живному строительству; "Слово о полку Игореве" и становление и развитие понятия о памятнике культуры; Из истории архивного строительства в первые годы советской власти; К изучению истории советской археографической культуры (к юбилею Д.С. Лихачева); С.Н. Валк и развитие археографической культуры; К 80-летию академика Б.А. Рыбакова; Документальные памятники в системе памятниковедения; Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению; Традиции русской филигранологии в современной отечественной археографии; О книге "Краеведение и документальные памятники (1917–1929)"; Предисловие к книге "Реквием... 1941–1945"; Исторический некрополь в системе культуры России; Памятники в системе развития науки и общественного сознания; Усадьбоведение и краеведение; Архивное образование в современном мире; Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина); Архивы–история (Предисловие к сб. "Встречи с прошлым").

«Общественно-историческое самосознание "благородного сословия" россиян». Сб. статей: Изд. "Радикс".

Предисловие; Местничество и абсолютизм (Постановка вопроса); Проект П.И. Шувалова 1754 г. "О разных государственной пользы способах"; Проект П.И. Шувалова о создании в России Высшей военной школы; Внутренняя политика России середины XVIII в.; Зодчий наук (о В.Н. Татищеве); Н.М. Карамзин и его "История государства Российского"; Пушкин и Карамзин; Общественное самосознание *poblesse russe* в XVI – первой трети XIX в.; Русские литераторы и российская дипломатия; В.А. Жуковский – наставник наследника престола; Пушкин и дипломаты; Арбат – "Сен-Жерменское предместье" Москвы; А.И. Мусин-Пушкин и развитие культуры России.

"Мир источниковедения (Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта)" (ИАИ РГГУ, Департамент культуры. Пенз. обл. администрации).

От редколлегии; Академик Д.С. Лихачев. Краткий очерк научной, педагогической деятельности С.О. Шмидта (перепечатка статьи 1987 г.).

I. Источниковедение

А.А. Курносков. О месте источниковедения в системе исторических наук; И.Л. Беленький. К анализу современного источниковедческого сознания; Б.С. Илизаров. О восприятии пространственно-временных структур и их отражения в источнике; А.Д. Зайцев. Исторический журнал как предмет источниковедческого изучения (некоторые наблюдения); Д.Н. Хубова. "Устная история" и источниковедение: "в поисках утраченного времени"; С.А. Морозов. Летописеведение – комплексная специальная историко-филологическая дисциплина; С.В. Алексеев. Мифологический образ Трояна и славяно-ромейские отношения; В.В. Морозов. Соотношение текстов Царственной книги и Синодального тома Лицевого Летописного Свода XVI в., Александро-Невской и Лебедевской летописей;

А.А. Амосов (СПб). Лицевой летописный свод; Историографические заметки; Б.Н. Морозов. Новый список Первого послания А.М. Курбского Ивану Грозному; Ю.Д. Рыков. Запись в синодике Московского кремлевского Благовещенского собора – новый источник по истории опричнины; А.Д. Паскаль. О традиционализме средневековой славяно-молдавской книжности; Дж.Д. Амато (Генуя). Я занялся русской историей. (Заметки итальянского историка); С.Н. Богатырев. Прокламация "Царского совета" по сочинениям Дж. Флетчера; С.Е. Князьков. К определению границ понятия "судебно-следственное" дело (По материалам приказного делопроизводства); В.И. Гальцов (Калининград), Челобитная Яким Сумарокова и Федора Григорьева (Из истории турецкого полена конца XVI – начала XVII века); В.Н. Бочков (Кострома). Камбила Дивонович; М.П. Лукичев. О некоторых особенностях поместно-денежной окладной системы в России XVII в. (По материалам боярских книг); Е.Н. Швейковская. Приходно-расходные книги четвертей и их значение для социально-экономической истории России XVII в.; С.Е. Яковлев. Частнопредпринимательская деятельность П.И. Шувалова и отмена внутренних таможен; В.П. Наумов. Источники о законодательной деятельности Конференции при высочайшем дворе; Н.В. Середа (Тверь). К изучению терминов "гражданство", "мещанство", "купечество". (По документам городских магистратов Тверской губернии); М.Ф. Румянцев. К вопросу о возможностях извлечения ретроспективной информации из формулярных списков служащих государственных учреждений второй половины XVIII в.; Н.И. Бураковская (Минск). Этнография Белоруссии XIX – XX веков.; Б.В. Мартынов. Воспоминания Н.П. Розанова "Второе сословие"; Ю.Я. Рыбаков. Университетский диплом В.И. Ульянова (источниковедческий аспект); Е.В. Бронникова. О приобретении Г.В. Юдиным части библиотеки М.И. Семевского; М.А. Робинсон. Академик А.А. Шахматов и "Заявление 99-ти"; П.Е. Михайлов. Неизвестные страницы Петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 годы); Т.А. Андреева. Общественные настроения деятелей московской императорской сцены в годы первой русской революции (По материалам московской Конторы императорских театров); С.Д. Воронин. К источниковедческой характеристике переписки издательства в России рубежа XIX – XX столетий; О.Г. Простаков. П.Б. Струвс и В.В. Розанов; В.А. Муравьев. А.А. Шахматов, польские ученые и война (1914 г.); Н.Н. Митрофанов. Прямая радиосвязь Россия–Франция: первые планы и результаты (1907–1914 годы); А.В. Елпатьевский. Русская революция глазами испанской журналистики и историка; Г.М. Головкин (Волгоград). Большевицкая печать о первых социалистических преобразованиях в деревне (по материалам Нижнего Поволжья, октябрь 1917–1918 годов); М.Ф. Шумейко (Минск). Манифест временного рабоче-крестьянского Советского правительства Бело-

русии как источник по истории образования БССР; Г.Я. Тарле. Документы по истории американского тракторного отряда в Пермской губернии (1922–1923 годы); Ф.А. Торстейсен. Письмо М.О. Гершензона М.В. Сабашникову декабря 1922 г.; В.Ю. Коровайников. "Анкеты" как источник по истории октябрьского переворота; М.М. Мухамеджанов. История Коминтерна в свете новых документов; С.Д. Мякушев. Источники по истории награждения орденами СССР 1928–1933 годов в фонде ЦИК СССР; Я.В. Леонтьев. К вопросу о пребывании А.А. Мейера, К.А. Половцовой и Г.С. Габаева в Калязине; В.В. Крылов. Уничтоженное предисловие Л.Б. Каменева к изданию книги "Древнерусские летописи"; Н.С. Лебедева. Источники о судьбе советских воинов, плененных в ходе "зимней войны" 1939–1940 годов; А.С. Орешников. Замечания к энциклопедическому тексту; Е.Ю. Наумов. К вопросу о субъектах и объектах современной гуманитарной культуры.

II. Смежные с источниковедением науки

1. Историография

С.С. Илизаров. Историографические традиции в заполнении текстовых лакун; И.В. Курукин. Из истории текстов посмертных биографий Екатерины II; О.В. Рыкова. Об одном из видов генеалогических справочников; Р.Б. Казаков. О замысле и источниках "Путешествия вокруг Москвы" Н.М. Карамзина; В.Ю. Афияи. Жизнь жанра (О юбилейных и мемориальных сборниках статей); А.Н. Медушевский. Русские правоведы; Э.Х. Чубинидзе (Тбилиси). Вопросы классификации исторических источников на страницах журнала "Архивное дело"; И.А. Логота (Бостон). Вопросы источниковедения в советской исторической периодике 1920-х годов; А.Н. Якушкин. К истории составления тезисов о пятидесятилетии "Народной воли"; С.В. Журавлев. Материалы заседаний главной редакции "Истории фабрик и заводов" (1931–1932 годы); М.К. Макаров. Патронесса. Несколько слов о С.И. Якубовской; Н.А. Попов. Вопросы синтеза истории и психологии в 60-е годы XX в.

2. Архивоведение. Археография. Документоведение

Е.В. Старостин. Декрет 7 мессидора II года республики (К "200-летию Великой французской революции"); В.Г. Бухерт. Исследовательская работа К.И. Арсеньева с архивными источниками; Д.В. Карев (Гродно). Виленские журналы и археографическая деятельность в Белоруссии и Литве 30–50-х годов XIX в.; Е.Ю. Филькина. Чернорабочий науки (Н.П. Барсуков); А.Н. Мельник (Рязань). Вопросы архивного дела на XI археологическом съезде по материалам личного фонда С.Д. Яхонтова; Л.И. Шохин. О неудавшемся плане Д.Я. Самоквасова по изданию описания Грамот Коллегии экономии (1906–1911 годы); А.А. Александров. Описи архива М.Н. Сперанского как исторический источник;

В.О. Седельников. Из истории изучения Союза российских архивных деятелей; П.А. Плютто. Биографические источники в личном фонде А.А. Богданова (Малиновского) (1873–1928) (В РЦХИДНИ); А.А. Кац. Айседора Дункан и студия "Гептагор" (из материалов личного фонда музыкального педагога С.Л. Рудневой); С.В. Шумихин. Как начинался архивный спецхран; З.П. Иноземцева. Личные фонды и коллекции – источник сохранения национальной Памяти Отечества (по материалам конференции); В.В. Леонидов. Архив-библиотека Российского фонда культуры; К.Е. Новохатский. (Киев) Первый архивный Закон на Украине (Глазами члена авторского коллектива); В.Д. Банасюкевич. Документы личного происхождения в зарубежном законодательстве; В.А. Коляда. Фондоустройство в современном мире; А.С. Красавин. Документационное обеспечение управления; Н.И. Ходковский. Автоматизированные информационно-поисковые системы и экспертные системы в отечественном архивоведении.

3. Краеведение. Музейное дело

В.Н. Середа. (Тверь) К вопросу о датировке исторических работ Д.И. Карманова, первого тверского краеведа; В.Н. Бобков. (Ижевск) И.М. Покровский – архивист, историк и краевед (к 130-летию со дня рождения); С.Б. Фидимонов. (Симферополь) Краеведение и архивное дело в первые годы Советской власти; Л.И. Сизинцева. (Кострома) Переписка В.И. Смирнова как источник по истории "уездного краеведения" 1920-х годов; В.Ф. Козлов. Музеи-монастыри в Советской России (1917 – нач. 1930-х годов); Г.П. Присенко. (Тула) Тульские музеи, библиотеки и губернский архив в первые годы советской власти 1917–1925; В.И. Теньтюков. К истории разработки постановления Совета Народных Комиссаров о превращении Большого Кремлевского дворца в музей; Е.Г. Авшаров. О чтениях в Обществе Друзей исторического музея (1926–1929); В.В. Кабанов. Рокковой маршрут (из цикла "Москва чаяновская"); Д.Н. Дряхлицин (Петрозаводск). Источники о деятельности Соловецкого общества краеведов; И.В. Ковалев. Материалы по музейному делу и краеведению в фонде Н.Н. Воронина.

III. "НСО" – "Наш Сигурд Оттович"

Список печатных трудов С.О. Шмидта. 1992–1994 годы; Перечень диссертаций, официальным оппонентом которых был С.О. Шмидт; Перечень диссертаций, написанных под научным руководством С.О. Шмидта; Перечень дипломных работ, написанных под научным руководством С.О. Шмидта; Литература о студенческом научном кружке источниковедения; А.Л. Станиславский. Сигурд Оттович Шмидт как педагог; В.И. Буганов. Издание и исследование источников по истории России XVI – XVIII веков в научном творчестве С.О. Шмидта; Л.А. Юзевфич. Образ эпохи. К вопросу об особенностях

современного научного взгляда на историю XVI века в России; С.В. Чирков. Об историко-ведении историографии; В.Е. Туманов. Заметки по поводу одной цитаты из статьи в "Литературной газете"; А.Д. Зайцев. О редакции и не только о ней (Беседа с С.О. Шмидтом); С.М. Каштанов. С.О. Шмидт как зеркало Историко-архивного института; В.Ю. Афиани, А.Д. Зайцев. Из истории творчества кружковцев (Рукописные сборники, посвященные С.О. Шмидту); Б.А. Томан. Из впечатлений студента 50-х годов; В.Д. Есаков. Эпизоды из истории науки; Л.М. Рошаль. Арбат как исторический источник; С.В. Киницкая, Е.П. Маматова, И.М. Покровская. Кружок в нашей судьбе;

Г.С. Лялина. Осталась в кружке на всю жизнь; В.В. Кулешова. "Гамбургский счет" кружка; Е.Б. Рашковский. Три урока (из философского дневника); К.Е. Новохатский (Киев). Три года и вся жизнь; Н.Н. Ершов. Штрихи памяти; Н.В. Полянских (Владимир). Шмидт он везде Шмидт.

IV. Приложения (Перепечатка)

С.О. Шмидт. Алкивиад (тезисы доклада) – первая печатная работа; С.О. Шмидт. Вовлекающая в творчество; Т.И. Бондарева. Юбилей С.О. Шмидта (1992).

С.В. Чирков

КОНФЕРЕНЦИИ КОНЦА 1992–НАЧАЛА 1993 г., ПОСВЯЩЕННЫЕ 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНИЯ (БОЛХОВИТИНОВА)

Научные чтения памяти митрополита Евгения (Болховитинова) в Санкт-Петербурге

15 и 16 декабря 1992 г. в Санкт-Петербурге состоялось очередное заседание научно-теоретического семинара "Из истории отечественной книжной культуры", с 1990 г. проводимого научно-исследовательским отделом истории книги¹ Библиотеки РАН. Тематика заседаний семинара традиционна: как правило, она отображает деятельность того или иного лица, памятного в истории российской культуры. Так, в 1990–1993 гг. заседания были посвящены вел. кн. Николаю Михайловичу, Г.В. Юдину, М.И. Чуванову, Вяч. Иванову и Л.А. Зацдеру.

Обычно заседания семинара собирают исследователей России и внешнего мира, не были исключением и чтения памяти митрополита Евгения, в которых приняло участие более 150 человек, включая докладчиков из Калуги, Киева, Красноярска, Москвы, Нижнего Новгорода, Парижа, Рязани, Санкт-Петербурга, Сергиева Посада, Сыктывкара, Тбилиси, Харькова и Улан-Удэ. К сожалению, время семинара совпало с очередным резким и внезапным повышением цен, вследствие чего отдельные докладчики не смогли прибыть и сообщили свои доклады в письменном виде. При подготовке семинара, ввиду отсутствия каких-либо справочных изданий о научных интересах российских ученых-гуманитариев, был применен своеобразный метод выявления исследователей деятельности митрополита Евгения. Помимо приглашений докладчикам, разыскания которых о жизни и ученых трудах митрополита были известны организаторам семинара, сообщения о

семинаре были разосланы во все города, с которыми были связаны жизнь и архипастырское служение ученого иерарха. Эти обезличенные приглашения принять участие в работе семинара были направлены правящим архиереям, а также университетам и пединститутам, научным библиотекам, архивам, музеям и управлениям культуры местных органов власти. Около четверти докладчиков были среди лиц, откликнувшихся на данные приглашения.

По традиции семинар открыл вступительным словом директор Библиотеки РАН член-корреспондент РАЕН В.П. Леонов "Митрополит Евгений и академическая наука". Рассмотрев его жизнь и труды как своеобразный социокультурный феномен, докладчик остановился на самой личности ученого иерарха как зримом персонифицированном выражении связи эпох (екатерининской и николаевской), времен (отдаленной древности и современности), пространств (столицы и периферии), культур (античной, западно- и восточноевропейской, русской), наук (гуманитарных и естественных), мировоззрений (научного и религиозного) и, наконец, связующего звена в личном и деловом общении ряда светских и духовных ученых, иерархов и государственных деятелей. Зачитав длинный перечень российских и иностранных ученых обществ и университетов, избравших митрополита Евгения своим почетным членом, докладчик попытался дать ответ на риторический вопрос о причинах подобного шпета к ученому иерарху со стороны всех без исключения существовавших в то время в России научных корпораций, придя к выводу о том, что этому способствовали не только разносторонняя

¹ С 24.12.1991 – одноименный сектор в составе ОРПК и картографии БАН.

одаренность митрополита Евгения, но и чисто человеческое обаяние. Особо докладчик остановился на сотрудничестве митрополита Евгения с Императорской Академией наук и Российской академией.

Обстоятельный доклад архимандрита Иннокентия (Просвирнина, ум. 1994) (Изд. отд. Московской Патриархии) "Жизнь и ученые труды митрополита Евгения" был начат историографическим обзором существующей литературы о нем. Положив в основу доклада "Автобиографию" митрополита Евгения, помещенную М.П. Погодиным в предисловии к "Словарю светских писателей", докладчик проследил эволюцию его мировоззрения от юношеского вольтерянизма в период обучения в Московском университете к строго православному взгляду на мир. Углубленный интерес к этому миру и способствовал становлению митрополита Евгения как исследователя, бывшего не только наиболее образованным иерархом своего времени, но и ставшего одним из самых видных европейских ученых, прославившего себя прежде всего именно своими научными трудами, никогда не бывшими помехой в его административной деятельности правящего иерарха. Докладчик отметил, что степень изученности трудов митрополита Евгения не соответствует их значению. Приведя перечень основных сочинений ученого, архимандрит Иннокентий особо отметил неизданные, указав на их местонахождение и необходимость научного переиздания всего корпуса его сочинений.

Украшением первого дня семинара стал доклад профессора университета Париж-Х (Нантерр) А. Давиденковой "Митрополит Евгений Болховитинов и Державин". Сопоставляя биографии двух выдающихся современников, докладчица отметила, что следствием схождения их жизненного пути и служебной карьеры, общих духовных и культурных интересов явилась их встреча летом 1805 г. Свидетельством взаимного духовного обогащения является и переписка Державина с Евгением, и произведения, которые они посвящали друг другу. Письмо Державина "Евгению. Жизнь Званская" (1807), написанное в период, когда оба они были соседями (имение Державина Званку от Хутынского монастыря, где любил проводить свой досуг Евгений и где впоследствии нашел свое последнее упокоение Державин, отделяло не более 60 верст), заставляет вспомнить отношения Горация и Мecenата. "Жизнь Званская" была рассмотрена докладчиком как закономерное продолжение "Анакреонтических песен". Предметом специального рассмотрения А. Давиденковой также явились авторские комментарии Державина к корпусу своих сочинений, адресованные Евгению, и замечания последнего на них. Десятилетняя дружба между Евгением и Державиным проходила в сложной

общественно-культурной обстановке – тем не менее каждый из друзей смог отстоять свою независимость от гражданской и церковной власти. Жизненный путь и Евгения, и Державина принадлежит к самым совершенным их творениям, а их дружеское и творческое общение само по себе относится к вершинам духовной жизни современной им эпохи.

Доклад научного сотрудника БАН М.П. Лепехина "Биобиблиографические труды митрополита Евгения" был посвящен творческой истории едва ли не главного его научного труда, которому он отдал почти 40 лет жизни, – созданию свода сведений о всех деятелях русской литературы на протяжении ее многовековой истории, построенного в форме биобиблиографического словаря. Докладчик, основываясь на найденном им в подсобной библиотеке РО ИРЛИ авторском экземпляре "Словаря русских духовных писателей", показал, что, несмотря на многотрудные архипастырские обязанности, а также на новые ученые пристрастия, работу над дополнением и исправлением этого труда высокопреосвященный Евгений не прекращал до последних месяцев своей жизни². По его кончине эта работа была продолжена его учеником и душеприказчиком епископом Иннокентием (Борисовым), выдающимся духовным писателем. Биобиблиографические труды митрополита Евгения были рассмотрены в связи с деятельностью как его предшественников (А.Б. Селлий, Н.И. Новиков, Н.Н. Бантыш-Каменский), так и его последователей (М.Я. Днев, епископ Филарет (Гумилевский), А.В. Казадаев). Особо освещена деятельность митрополита Евгения как руководителя своеобразного научного коллектива (Д.И. Хвостов, Г.И. Городчанинов, позднее – В.Г. Анастасевич) и участника научных соборств (Румянцевский кружок, Российская Академия). Отмечена насущная необходимость комментированного переиздания обоих словарей писателей, составленных митрополитом Евгением с приложением оригинальных текстов автобиографических материалов, присланных Евгению писателями по его просьбе.

Иконографии митрополита Евгения был посвящен доклад научного сотрудника Музея ИРЛИ Т.А. Комаровой. Она обстоятельно описала историю создания портрета митрополита Евгения, написанного после его кончины по постановлению Российской Академии и многие годы украшавшего внутренние покои главного здания Академии наук (ныне Санкт-Петербургский научный центр РАН), позднее передан в ИРЛИ в Дрелвехранилище им. В.И. Малышева). В дни семинара портрет украсил конференц-зал БАН. Предметом особого рассмотрения явились гравированные портреты с изображением владыки.

Второй день работы семинара был открыт докладом председательствовавшего на засе-

² Его описанию посвящена статья докладчика в сб. "Книга России" (Вып. XVII: Из истории Библиотеки Академии наук. Л., 1989).

дании митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) "Жизненный подвиг и научное наследие митрополита Мануила (Лемешевского)". Указав на значение архиепиеологии как самостоятельной церковно-исторической дисциплины, нмевшей в России XVIII–XIX вв. достаточно прочные традиции как в церковной (митрополит Евгений (Болховитинов), епископ Амвросий (Орнатский), архиепископ Дмитрий (Самбкин), К.Я. Здравомыслов), так и светской (П.М. Строев) научной среде, владыка Иоанн познакомил собравшихся с жизнью и трудами последнего из этой блестящей плеяды – своего духовного отца митрополита Мануила (Лемешевского). Он продолжил труды своих именитых предшественников и успешно справился с этой задачей. Оконченный им в 1965 г. главный труд "Русские архиереи 1895–1965 гг." опубликован в 1979–1990 гг. в Германии и до сих пор является основным справочным пособием по церковной жизни России XX в. Рассказ о жизненном пути владыки Мануила, проведшего более четверти века в заключении, произвел на слушателей сильное впечатление, так как большинство присутствовавших слышало это имя едва ли не впервые (одноименный труд о нем владыки Иоанна вышел в свет год спустя). Поблагодарив от имени участников семинара владыку Иоанна за обстоятельный рассказ о деятеле на нмве библиографии владыке Мануиле – продолжателе евгениевских традиций в историографии русского православия, директор Библиотеки РАН В.П. Леонов сообщил, что до начала своего иерейского служения Виктор Лемешевский окончил библиотечные курсы при БАН и работал библиотекарем Славянского отделения, воссоздание которого ведется в настоящее время³.

Доклады ученых ИРЛИ члена-корреспондента РАН Л.А. Дмитриева (ум. 1993) «Митрополит Евгений и "Слово о полку Игореве"» и заведующей сектором изучения русской литературы XVIII в. Н.Д. Кочетковой "Митрополит Евгений и современные ему писатели" перенесли в прошлую атмосферу научных споров о происхождении "Слова о полку Игореве" (митрополит Евгений был убежденным сторонником подлинности этого выдающегося памятника). Докладчики показали восприятие им литературной борьбы конца XVIII – начала XIX в. и его стремление соблюсти на страницах своего энобиблиографического словаря русских писателей полнейшее беспристрастие, несмотря на вполне определенные симпатии, которые он выражал в частной переписке. Особо была рассмотрена примененная Евгением система сбора писательских автобиографий, большинство которых сохранились в собрании М.П. Погодина, в РО РНБ и ждут своего изучения. Тематически примыкающее к данному блоку докладов сообщение известного мос-

ковского прозаика и исследователя церковной старины П.Г. Паламарчука «Митрополит Евгений Болховитинов и "Беседа любителей русского слова"» содержало не только сведения о взаимоотношениях Евгения и Державина, но и о предпринятом докладчиком путешествии по местам их дружбы, а также о современном, крайне прискорбном состоянии новгородских достопамятностей.

О роли митрополита Евгения в становлении русской археологической науки был прочитан доклад заведующей библиотекой Санкт-Петербургского филиала Института археологии РАН Р.Ш. Левинной на тему "Митрополит Евгений и Н.Н. Мурзакевич"; едва ли не образцовый по архитектонике исследований подобного рода. Потомственный археолог Н.Н. Мурзакевич внес неоценимый вклад в становление российской археологии как самостоятельной научной дисциплины. Младший современник митрополита Евгения Мурзакевич состоял с последним в переписке и оставил воспоминания о неподдельном интересе к его исследованиям со стороны своего сановного собрата по увлечению. Особо в докладе отмечена работа Мурзакевича по изданию текста Псковской судной грамоты, где в полной мере оказалась примененной эдичионная техника митрополита Евгения.

Тема вклада митрополита Евгения в становление отечественной дипломатики на конкретном примере была проанализирована насельником Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандритом Макарием (Веретениковым) в докладе "Указная грамота Новгородского архиепископа Макария, опубликованная митрополитом Евгением". Рассмотрев содержание грамоты от 21 июля 1528 г., архимандрит Макарий подчеркнул важное значение впервые опубликованной митрополитом Евгением грамоты для истории русского канонического права, так как на протяжении двух десятилетий она являлась определяющим правовым документом для псковского духовенства до принятия нового Судебника в 1550 г. и обсуждения спорных вопросов церковной жизни на Стоглавом соборе.

Различные стороны духовного и научного наследия митрополита Евгения были освещены в выступлениях В.И. Дедюлина и В.А. Никитина. Известный историк медицины В.И. Дедюлин в докладе "Митрополит Евгений как популяризатор медицинских знаний" отметил, что среди богатейшего литературного наследия митрополита Евгения значительную роль в деле санитарного просвещения населения России сыграло "Пастьрское увещание о прививании предохранительной коровьей оспы" (1811). Автор углубленно рассмотрел ряд медицинских вопросов и в других своих сочинениях. Что же касается проповедей, то в них он проявил себя подлинным пропагандистом медицинских зна-

³ Упразднено в 1930 г.; возобновлено в 1994 г.

ний⁴. К сожалению, отечественными историками медицины до сих пор не освещалась и не комментировалась эта сторона литературной деятельности известного ученого-энциклопедиста начала XIX в.

В докладе научного сотрудника Издательского отдела Московской Патриархии (ныне главный редактор журнала "Православный путь") известного духовного писателя В.А. Никитина "Гомилетическое наследие митрополита Евгения" была подчеркнута неразрывная связь пастырского служения и искусства церковной проповеди на протяжении 40 лет жизни высокопреосвященного Евгения. Митрополит Евгений был богословом, разрабатывавшим теоретические основы гомилетики. Большинство его проповедей отличалось ясностью мысли, простотой и безыскусностью стиля, высотой слога и благоговейностью чувства – совокупность всех этих черт делает их классическими произведениями проповеднического искусства. Проповеди митрополита Евгения носят отчетливые следы знакомства с французской гомилетической культурой XVIII в., в частности, с трудами Ж.-Б. Боссюэ. Хотя митрополит Евгений и не был прирожденным оратором, он нередко чувствовал душевное побуждение в пазидании и проповеди, был рад случаю и охотно говорил добрые слова напутствия, менее охотно – слова увещания и вразумления. В.А. Никитин особо отметил парадоксальность ситуации с изданием гомилетических сочинений митрополита Евгения: при его жизни наиболее совершенные его проповеди не были изданы, но трижды была издана и разослана по всем храмам Российской империи, по мнению докладчика, "из ряду вон выходящая проповедь, которую можно считать своеобразной данью веку просвещения" – "Пастырское увещание о привинии предохранительной коровей осы". К публикации же своего гомилетического наследия митрополит Евгений приступил лишь после издания всех своих ученых трудов. "Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных" включает 150 различных проповедей. Докладчик особо отметил композиционную стройность и правильность построения проповедей, а также глубокую продуманность их расположения в данном четырехтомнике.

Различным периодам жизненного пути митрополита Евгения был посвящен ряд докладов. Замысел организаторов семинара представить последовательно все перемещения ученого иерарха, но независимой от организаторов причине, осуществлен не был, несмотря на предварительные договоренности. Остается надеяться, что этот замысел будет осуществлен на страницах Евгениевского сборника.

Заведующая сектором Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета Н.Н. Жервз сообщила о петербургском и новгородском периодах в жизни митрополита Евгения – эпохе

эда ли не наиболее значимой в его духовной и научной эволюции. Научный сотрудник Сыктывкарского университета А.Н. Власов в докладе "Митрополит Евгений и зырянские древности" рассказал о нем в бытность его правящим вологодским архиереем как об одном из первых исследователей духовной культуры Русского Севера, и в частности культурного прошлого народа коми. В Коми республиканском историко-краеведческом музее Сыктывкара докладчик обнаружил рукопись Евгения "Известия исторические о зырянском народе и зырянских монастырях", а в библиотеке Киевско-Софийского собора – переписанный его же рукой "Летописец о граде Сольвыгодске". На всем протяжении своего архипастырского служения митрополит Евгений заботился о местных краеведах. Так, он много помог автору "Истории города Сольвыгодска" А.И. Соскину.

Доклад профессора Киевского университета В.Г. Сарбея "Украина в жизни и деятельности митрополита Евгения" был посвящен не только последнему, киевскому, периоду архиерейства Евгения, но и – шире – восприятию им украинской культуры на всем протяжении жизненного пути, начиная с детства, проведенного в русско-украинском пограничье (Воронезский край большей своей частью в XVIII в. входил в Слободско-Украинскую губ. с центром в Харькове). Даже будучи в значительном пространственном отдалении от Украины, Евгений следил за печатными и рукописными новинками малороссийской литературы (в частности, зачитывался "Энеидой" И.П. Котляревского), проявлял живой интерес к украинской науке, приветствуя открытие Харьковского университета. Награждение саном митрополита и перемещение на одну из важнейших кафедр – Киевскую – и свое 15-летие архипастырского попечения над этой славнейшей в истории русского православия епархией митрополит Евгений воспринимал как подарок судьбы. Найденные в киевских монастырях и соборах завалы старинных книг и рукописей, а также материальные памятники церковной старины вдохнули в митрополита Евгения, уже вступившего в преклонные лета, новую жизнь, что привело его к выдающимся открытиям в области археологии и истории восточнославянской письменности.

Тема знакомства митрополита Евгения с иноязычными культурами была рассмотрена в двух сообщениях доцента Санкт-Петербургского духовной академии архимандрита Августина (Никитина) "Митрополит Евгений и Польша" и "Митрополит Евгений и Германия". В первом – показана важность для понимания научной методики Евгения его совместной работы над юго-западными древностями вместе с В.Г. Анастасевичем и Н.П. Румянцевым. Избранный в 1825 г. почетным членом Виленского университета, митрополит Евгений воспринимал Белоруссию и Литву как преддверие к столь при-

⁴ Собрание поучительных слов: В 4-х т. СПб., 1834.

влекавшему его западнорусскому миру. Польша вызывала у него особый интерес: он превосходно владел польским языком и знал польскую историческую литературу; со многими польскими учеными и писателями он поддерживал личные связи. Митрополит Евгений ратовал за включение в программу духовных учебных заведений его епархии польского языка, как это было в XVII в., для более успешного ведения антиуниатской пропаганды. В своем достаточно тесном и непринужденном общении с католическими кругами митрополит Евгений никогда ни в чем не поступался интересами Православной Церкви, вызывая тем самым еще большее уважение. Восприятию митрополитом Евгением инославных богословских систем на примере протестантизма архимандрит Августин посвятил другой доклад "Митрополит Евгений и Германия". Докладчик отметил, что прекрасно владевший немецким языком митрополит Евгений пристально следил за изысканиями германских коллег в области славяно-русских древностей; в свою же очередь, имя митрополита Евгения в научных кругах немецких государств пользовалось широкой известностью; особенно его ценили как церковного историка и выдающегося систематизатора отдельных фактов – качества, столь ценного трудолюбивыми немецкими учеными.

Было представлено еще более десяти докладов, из которых отметим доклады Е.В. Руквиной (Киев) "Личная библиотека митрополита Евгения, подаренная им Киеву", В.Д. Рака "Записная книжка митрополита Евгения" и М.Ш. Фрайнштейна "Материалы митрополита Евгения в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской академии наук". Значительный интерес вызвал доклад Т.Б. Ананьевой (Киев) "Митрополит Евгений в отзывах своих киевских современников", содержащий исчерпывающий свод воспоминаний о владыке, рассыпанных по архивам и страницам епархиальной периодики. Заседания заключали доклады и сообщения, посвященные тем вопросам, которые в свое время занимали и самого митрополита Евгения: А.А. Амосов "Лицевые летописи в освещении митрополита Евгения и его современников", В.Г. Пуцко (Калуга) "Русская иллюминированная книга на рубеже XII и XIII вв.", Ю.А. Дегтев (Рязань) "Традиции митрополита Евгения и рязанское краеведение", В.П. Уманская (Москва) "О библиотеке Стефана Яворского".

Доклады и сообщения, прочитанные на семинаре, предполагается издать в виде отдельного "Евгениевского сборника".

М.П. Лепехин

Болховитиновские чтения в Воронеже и Киеве

25 декабря 1992 г. в Воронеже и 8 января 1993 г. в Киеве вслед за Петербургом прошли научно-практические конференции, посвящен-

ные 225-летию со дня рождения митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова). В общей сложности участвовало до 70 ученых Петербурга, Москвы, Киева, Воронежа и других городов. Организаторами выступили Воронежское историко-родословное краеведческое общество (ВИГО), "Генезис", областное отделение Фонда культуры и общества ВООПИК, Центр памятниковедения министерства культуры Украины и Архитектурно-исторический заповедник "Софийский собор".

Особо следует отметить инициативу воронежцев в организации чествования памяти своего незаслуженно забытого потомками земляка. Давние традиции и прекрасная краеведческая школа Воронежа позволили организаторам чтений во главе с А.М. Аббасовым и В.С. Остапенко собрать разнообразные материалы, отражающие все стороны деятельности митрополита Евгения. Еще в 1912 г., отмечая 75-летие со дня его смерти, члены Воронежской ученой архивной комиссии провели Болховитиновскую выставку, представив на ней труды, семейные фотографии, автографы, личные вещи, полный список работ ученого иерарха. По итогам этой выставки была издана брошюра "Памяти митрополита Евгения Болховитинова 1837–1912 гг." (Воронеж, 1912. 46 с. + 16 ил.). В 1991–1992 гг. воронежцы первыми организовали серию чтений, посвященных Евгению, среди которых особенно интересными были: 25 января 1992 г. – чтения, посвященные генеалогии рода Болховитиновых; 28 марта 1992 г. – Болховитиновские чтения, на которых рассматривалась история Воронежской епархии; 17 мая 1992 г. – чтения, посвященные Словарям светских и церковных писателей Евгения (Болховитинова); 24 сентября 1992 г. – опыт описания городов и сел края, затронутых в его трудах.

Закономерным завершением этой серии чтений была научно-практическая конференция "Евфимий Алексеевич Болховитинов и его творческое наследие" 25 декабря 1992 г. К ней были изданы исторический очерк о с. Коротояк – прародине Болховитинова (Воронеж, 1992) и сборник "Воронежский край XVIII в. в описаниях современников" (Воронеж, 1992), важнейшей частью которого является замечательный труд Евфимия Болховитинова "Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии", составленное и напечатанное в 1800 г. и не переиздававшееся почти два века. Были напечатаны и тезисы научно-практической конференции, куда вошли материалы, подготовленные участниками Болховитиновских чтений в Воронеже и Киеве: "Евфимий Алексеевич Болховитинов и его творческое наследие: Сб. тез. и науч. сообщений на Международных русско-украинских Болховитиновских чтениях, посвященных 225-летию со дня рождения Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767–

1837)" (Воронеж, 1992). Сотрудниками научной библиотеки ВГУ во главе с зав. отделом редких книг Н.М. Федосовой была подготовлена прекрасная выставка трудов митрополита Евгения и литературы о нем, а также выпущен специальный информационный листок "Труды Е. Болховитинова в фондах НБ ВГУ".

Воронежские ученые и краеведы, выступавшие на этой конференции, сумели раскрыть разные стороны многогранной личности Болховитинова. Была показана его роль как историка, археолога, просветителя, писателя, филолога, церковного деятеля и родоначальника воронежского краеведения (А.М. Аббасов. Историко-краеведческие труды Е.А. Болховитинова). Тесной связи Болховитинова с городом, где он родился, вырос и прожил около 30 лет, были посвящены выступления Э.С. Лыковой "Просветительская деятельность Е.А. Болховитинова в Воронеже (1789–1800)" и В.Н. Демченко "Село Коротояк – родовое гнездо Болховитиновых".

Характеризуя взгляды Болховитинова, В.С. Остапенко обратил особое внимание на широту, глубину и разнообразие идей ученого, охватывающих как философско-религиозную проблематику, так и мировоззренческие проблемы культуры и естествознания.

Чрезвычайно интересными были сообщения краеведа и давнего исследователя жизни и творчества митрополита Евгения А.В. Кожемякина: первое – о родословной ученого, которая еще в XIX в. интересовала многих исследователей, своими корнями она уходит в духовное сословие. Во втором – Кожемякин показал вклад и роль Болховитинова в истории русской музыкальной культуры как первого музыковеда и историка музыки. Это сообщение дополнил некоторыми интересными деталями композитор и музыковед Ю.В. Воронцов. В "Словарях" Евгения он отметил наличие данных о композиторах XVIII в. – Н. Львове, И. Праче, И. Хандошкине, а также составленную Евгением биографию Д.С. Бортнянского с полным списком его произведений, светских и церковных.

Книге, занимавшей особое место в жизни и деятельности Болховитинова, истории создания личной библиотеки ученого и обзору его книг, находящихся в фондах НБ ВГУ, был посвящен доклад И.В. Подкопаевой и Н.М. Федосевой "Болховитинов и книга".

Воронежский краевед В.Л. Елецких собрал и представил на конференции интереснейший материал о жизни и трудах родственника и идейного последователя Евгения Д.И. Самбикина (в монашестве архимандрита Димитрия) 1839–1908 гг., работы которого можно считать продолжением и дополнением первого обзорного сочинения о Воронежской губернии, созданного Болховитиновым. А.С. Пушкину и Е.А. Болховитинову было посвящено очень эмоциональное выступление краеведа В.В. Чирикова. Обращаясь к "Описанию Воронежской губернии" Болховитинова, Ф.Н. Мильков (ВГУ)

определил значение этого труда как комплексного географического исследования, стоящего в одном ряду с другими погубернскими описаниями того времени.

На секции где заслушаны и обсуждены доклады, посвященные филологическим вопросам исследования творчества Болховитинова: В.И. Собинниковой "Значение деятельности Болховитинова для истории русского языка", В.Ф. Аскоческой "Митрополит Евгений – переводчик и ученый", М.Я. Запругаевой "Использование славянизмов в работах Е. Болховитинова", Г.Ф. Ковалевой "Е. Болховитинов – отец российской антропоники", Н.И. Кривовой "Экспрессивные речевые средства в письмах Е.А. Болховитинова", А.Д. Черенковой "К использованию трудов Е.А. Болховитинова в преподавании исторической грамматики русского языка".

Г.К. Маркина (Новгородский государственный музей-заповедник) выступила с сообщением "Новгородский период в биографии Болховитинова" и Н.Н. Жервэ (НБ СПбГУ) – "Петербургский период жизни и деятельности Болховитинова".

За лучшие работы года воронежские краеведы учредили диплом им. Евфимия Болховитинова и в 1922 г. этого диплома были удостоены: проф. Ф.Н. Мильков, проф. В.И. Собинников, краевед В.Л. Елецких. В воронежских газетах, журналах и сборниках было опубликовано более десяти статей, очерков и заметок, посвященных Болховитиновским чтениям и личности ученого иерарха. Среди них – статья А. Акиншина и О. Ласунского "Друг просвещения" (Воронежский курьер. 1992. 24 дек.) и А. Аббасова "Писатель пушкинской поры" (Независимый курьер. 1992. 24 дек.). Дополнением к изданным воронежцами материалам стал сборник статей "Митрополит Евгений: жизнь и творчество" (Воронеж, 1993).

Болховитиновские чтения в Киеве 8 января 1993 г. открыл "Словом о юбиларе" академик Украины П.П. Толочко. Он сделал доклад о вкладе Болховитинова в развитие и формирование археологической науки. Именно киевский период жизни и деятельности Болховитинова в этом аспекте представляет для нас наибольший интерес. Раскопки и исследования фундаментов Десятинной церкви, Золотых ворот, церкви св. Ирины положили начало глубокому изучению киевских древностей, но осуществить полное археологическое исследование Киева и окрестностей митрополиту Евгению не удалось.

О роли и значении Украины в жизни и деятельности Болховитинова, о его привязанности и особой любви к украинской земле говорилось в докладах В.Г. Сарбея "Украина в жизни и деятельности Е.А. Болховитинова" и С.З. Зарембы "Деятельность Е.А. Болховитинова по изучению, сохранению и популяризации памятников истории и культуры на Украине". Некрополю Софийского собора, где находится и могила митрополита Евгения, было

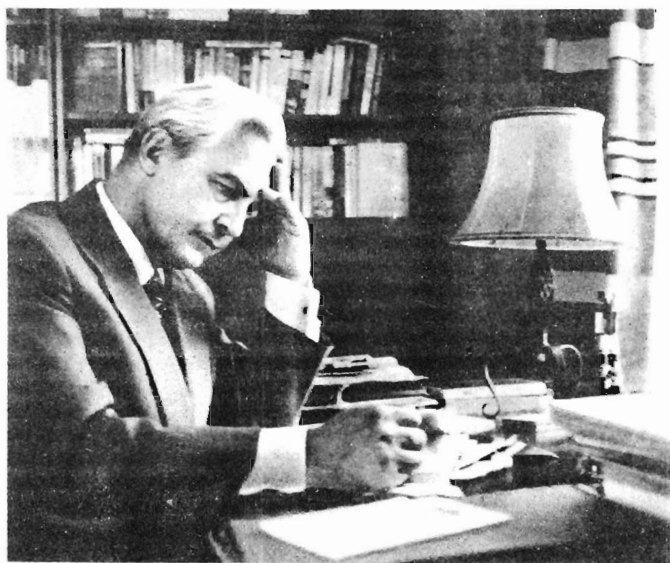
посвящено сообщение И.Ф. Тоцкой. О богословских трудах Болховитинова рассказал А.В. Денисенко.

Именно Киев обладает богатейшим архивом митрополита Евгения и значительной частью его библиотеки, но приходится повсеместно, где служил Евгений, выискивать скупые строчки, а иногда и целые страницы записей ученого, сделанных на книгах его библиотеки. Е.В. Руквицына (ОР НБУ) представила результаты своих поисков такого рода книг: "Маргинальные записи митрополита Евгения на книгах из личной библиотеки". Заметный след, оставленный в творческой биографии Н.А. Максимовича Е.А. Болховитиновым, показал в своем сообщении П.Г. Марков. Будучи основоположником ряда исторических наук на Украине, в том числе историографии, М.А. Максимович не прошел мимо наследия Болховитинова, отмечая, что он "был крупным

ученым, который оставил много фактических материалов не только по церковной истории, но и по истории русской литературы". Создание Евгением "Словарей" светских и духовных писателей и еще ряд работ ученого позволили И.И. Колесник (Днепропетровск) определить роль Болховитинова в формировании российской историографии. Работе над "Словарями" и связям Болховитинова с МОИДР был посвящен доклад О.В. Тодийчук. В киевских чтениях приняли участие также воронежские исследователи А.М. Аббасов и В.А. Остапенко. Началу изучения митрополитом Евгением древностей новгородской земли был посвящен доклад Н.Н. Жервэ (НБ СПбГУ). Участники чтений присутствовали на панихиде у могилы митрополита Евгения в Софийском соборе. Итогом чтений стал "Киевский Болховитиновский сборник" (Киев, 1993).

Н.Н. Жервэ

**АЛЕКСАНДР
МИХАЙЛОВИЧ
САМСОНОВ**
(1908–1992)

5 апреля 1992 г. скончался академик Александр Михайлович Самсонов – ветеран Великой Отечественной войны и ее выдающийся историк¹. Россия во второй мировой войне – главное в его исследованиях и публицистике, в многолетней организационной и просветительской деятельности. Труды в этой сфере научных знаний принесли А.М. Самсонову широкую известность в нашей стране и за границей. Именно этому были в основном посвящены и статьи в Археографических ежегодниках за 1983 и 1988 гг., напечатанные в связи со славными юбилейными датами в жизни ученого².

Подошел А.М. Самсонов к такой проблематике, обладая уже опытом изучения далекого прошлого, опытом преподавания и журналистики, а – главное – опытом личного участия в военных действиях и фиксации происходящего на фронте в документации, исторической по своему характеру и назначению. Путь военного историка от составления книги – летописи по истории корпуса, офицером которого одолел дороги войны (с намеренно выбранным подзаголовком "Материалы к истории"), до обобщающего типа исследований и публицистических сочинений самой масштабной проблематики, и о второй мировой войне в целом и о важнейших ее событиях: на фронте и в тылу, в нашей стране и за ее рубежами, с особым вниманием к общественному сознанию эпохи. При этом, даже в годы

господства тоталитарного режима, А.М. Самсонов в большей мере, чем другие советские авторы, старался и сумел удержаться в пределах источниковедчески обоснованного изложения, опирающегося прежде всего не на навязываемую концепцию, а на факты, имеющиеся в доступном ему поле исторического зрения. И с самого начала – а с обретением влиятельного положения в мире науки и издательского дела в еще большей степени – прилагал много усилий к созданию достоверной источниковой базы изучения событий войны: организовывал написание и издание воспоминаний военачальников, добивался рассекречивания архивной документации, ознакомления с напечатанным за границей. В последнее десятилетие своей жизни академик много и доверительно писал и о своих личных впечатлениях военных лет. Убеденный в том, что память о Великой Отечественной войне – это прежде всего народная память, он настойчиво и неутомимо старался привлечь и рядовых ее ветеранов к созданию источниковой базы изучения периода военной годины.

А.М. Самсонов был членом Археографической комиссии и ее верным другом. Не только высокопоставленным добротом, но и деятельным участником ее начинаний. Издания особенно дорогой ученому серии "Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах", организатором которой он являлся, об-

¹ См. некролог: ННИ. 1992. № 5. С. 252–254.

² Курносов А.А. Академик А.М. Самсонов – археограф и источниковед истории второй мировой войны (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 189–191; Курносов А.А., Стрижков Ю.К. Пять лет трудов историка (К 80-летию академика А.М. Самсонова) // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 134–137.

суждались по его предложению на совместном заседании редколлегии и Археографической комиссии в 1975 г. Там отмечалось истинно-коведческое новаторство книг серии, признаваемым достижением археографии истории новейшего времени³. Тематика работы комиссии оказалась близкой интересам ученого и в плане поисков, сохранения и описания документальных материалов военных лет и в плане его многообразной деятельности руководителя издательства "Наука", главного редактора "Исторических записок", серийных изданий "Памятники исторической мысли" (председатель редколлегии), "Литературные памятники" (заместитель председателя редколлегии), украшением которой стали подготовленные под его редакцией книги А. Твардовского "Василий Теркин" (1986), "А.В. Суворов. Письма" (1986 г.). А.М. Самсонов выступил со вступительным словом на заседании, посвященном 90-летию основателя комис-

сии академика М.Н. Тихомирова (Тихомировские чтения 1983 года), не раз соглашался стать рецензентом томов Археографического ежегодника, защищал Комиссию, когда пытались (по указке Отдела науки ЦК КПСС или пришедших оттуда в Академию наук руководителей Института истории) прелятствовать осуществлению перспективных направлений ее работы, ущемить ее интересы. И мы с сердечной признательностью вспоминаем все сделанное Александром Михайловичем для Археографической комиссии и ее сотрудников.

Имя академика А.М. Самсонова накрепко вписано в книгу достойных деяний науки и культуры, а имевшие возможность личного общения с ним не забудут этого неизменно красивого, высокого, статного человека с благородной сединой, его доброжелательной и деловой житейской мудрости.

С.О. Шмидт

³ См. об этом в хроникальном сообщении Ю.В. Андрияшайтите и Л.Н. Распопчиной о совместном заседании 26 февраля 1975 г. Археографической комиссии и редколлегии серийного издания (АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 346–350).

**ВЛАДИМИР
БОРИСОВИЧ
ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ**
(1929–1992)

17 июля 1992 г. скоропостижно скончался старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук В.Б. Павлов-Сильванский.

Он родился в Ленинграде 18 мая 1929 г. в семье военнослужащего, погибшего в 1937 г. Его детство и юность были довольно трудными. Лишь в 1953 г. он смог поступить на исторический факультет Московского университета. Здесь состоялась встреча В.Б. с его учителем, академиком М.Н. Тихомировым, который, оценив редкое трудолюбие и талант молодого ученого, взял его к себе на работу в только что основанную им Археографическую комиссию АН СССР, где Владимир Борисович сразу же принял активное участие в археографических экспедициях, организованных М.Н. Тихомировым в 1958–1962 гг., в Приморский край и Бурятскую АССР¹, вел феодальный раздел в "Археографическом ежегоднике". В Археографической комиссии В.Б. проработал большую часть своей жизни вплоть до 1980 г., когда он перешел на работу в сектор источниковедения Института истории СССР. Уже при работе в семинаре М.Н. Тихомирова в университете определился его интерес к источниковедческим исследованиям документальных источников XVI–XVII вв. Из этих источников В.Б. Павлов-Сильванский довольно рано избрал для исследования такой тип источника, как писцовые книги. На протяжении всего своего творчества автор оставался верен этой теме – ей были посвящены работы о писцовых книгах Вяземского уез-

да, которые начали публиковаться в "Археографическом ежегоднике" с начала 60-х годов, его кандидатская диссертация "Опыт источниковедческого исследования писцовых и других поместно-вотчинных книг XVI – начала XVII в." и вышедшая незадолго до его смерти в 1991 г. книга "Писцовые книги России XVI в."

Из фонда источников этого ряда исследователь избрал для изучения писцовые книги XVI в., которые в отличие от более поздних текстов сохранились, как правило, не в оригиналах, а в копиях, снимавшихся для нужд составителей писцовых книг XVII в., когда тексты оригинала подвергались произвольным сокращениям, соединялись с текстами других писцовых описаний, которые могли бы дополнить для писцов XVII в. дефекты, появившиеся к тому времени в текстах оригиналов. Если добавить к этому, что и сами эти копии сохранились подчас в дефектном виде, а объем текстов измерялся порой десятками печатных листов, то будет ясно, какую огромную по объему, трудоемкую работу с использованием самого широкого круга приемов источниковедческого анализа потребовалось проделать В.Б. Павлову-Сильванскому только для того, чтобы установить дату составления того или иного писцового описания и определить, какая часть изучаемой рукописи к этому описанию относится. Уже первые результаты изучения писцовых книг Вяземского уезда оказались сенсационными, раскрылся целый ряд глубоких дефектов того издания источника, которым

¹ См. хронику деятельности АК за эти годы в "Археографических ежегодниках", а также: Павлов-Сильванский В.Б., Рогов А.И. Русские и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР за 1960 г. // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 206–214.

пользовались исследователи. Еще большего объема работы и еще более тонких приемов исследования потребовало решение такой довольно рано поставленной перед собой исследовательской задачи, как реконструкция по имеющимся материалам подлинного текста писцовых книг XVI в. Пробный опыт решения такой задачи, предпринятый на примере писцового описания Звенигородского уезда 50-х годов XVI в., потребовал от него многих лет напряженного труда. Избранный путь исследования не сулил лавров – самые скромные результаты достигались ценой огромного труда тем более при тех высоких требованиях, которые В.Б. Павлов-Сильванский применял к самому себе. Несколько десятилетий прошло, прежде чем незадолго до смерти ученого увидела свет его монография, открывшая принципиально новые перспективы источниковедческого изучения одного из самых важных источников по русской истории XVI в., давшая ученым принципиально новую методику их исследования. Избрав для научного исследования один из самых сложных по характеру и значительных по объему источников, относясь с высокой требовательностью к самому себе, В.Б. Павлов-Сильванский написал не так много научных работ (около 30), но все их отличают продуманность замысла и тщательность выполнения. Высокий научный уровень был харак-

терен для всех видов его научной деятельности: для источниковедческих исследований, публикации найденных им важных документов из архива Московского Новодевичьего монастыря, для описаний рукописей, привезенных им в молодости из археографических экспедиций в Бурятии.

Владимир Борисович в разные периоды своей жизни долго и тяжело болел, но болезнь не могла сломить этого скромного и стеснительного в обращении с людьми, но внутренне твердого и мужественного человека.

Смерть застала В.Б. Павлова-Сильванского в расцвете его таланта, в разгаре его научной деятельности, не дала завершить задуманную им обобщающую работу, где были бы критически изучены тексты всех писцовых книг XVI в. Однако один из своих наиболее важных замыслов ученому удалось осуществить: им была подготовлена реконструкция писцового описания Звенигородского уезда 50-х годов XVI в. По мысли ученого, оно должно было явиться образцом для ряда исследований, которые дали бы в руки ученых качественно новый материал для изучения многих сторон русской истории XVI в. Издание этой реконструкции было бы достаточным знаком уважения памяти ученого.

Б.Н. Флоря

**ВЛАДИМИР
НИКОЛАЕВИЧ
АВТОКРАТОВ**
(1922–1992).

2 декабря 1992 г. на 71-м году жизни скончался видный российский ученый, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, член Археографической комиссии РАН Владимир Николаевич Автократов.

В.Н. Автократов родился 17 августа 1922 г. в Москве в семье служащих. В 1942 г. он был мобилизован и направлен в Калининское военное училище технических войск. С 1944 г. и до победы над фашистской Германией участвовал в сражениях войск 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и 10 медалями.

В 1951 г. В.Н. Автократов окончил Московский государственный историко-архивный институт, после чего вся его жизнь – служение архивному делу, сначала научным сотрудником ЦГВИА, в 1961–1964 гг. ученым археографом Главархива СССР, в 1964 г. Владимир Николаевич возвращается в ЦГВИА – заместителем директора. В 1966 г. он переходит во ВНИИДАД, где работает ученым секретарем, затем заместителем директора по научной части и главным научным сотрудником института.

Свою научную деятельность В.Н. Автократов начал с разработки методики реконструкции архивных фондов, не потерявшей своего практического значения и в настоящее время. Его кандидатская диссертация и ряд статей были посвящены восстановлению несохранившегося

фонда Приказа военных дел и изучению организации и функции этого учреждения¹.

Значительное место в научном наследии В.Н. Автократова занимают источниковедение и архивоведческие работы. Не утратило своей актуальности его исследование о замене в начале XVIII в. столбцовой формы делопроизводства на тетрадную (Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 7). Его усилиями был опубликован солидный комплекс документов. Достаточно назвать такие публикации, как "Правосудие митрополичье" (М., 1953. Вып. 3. Памятники русского права), "Документы по истории Первого сербского восстания" (ИА. 1980. № 1), "История первой буржуазно-демократической революции, 1905–1907" (ИА. 1955. № 6), "Второй период революции, 1905–1907. Сб. документов" (М., 1957. Кн. 1, ч. 1).

Однако в историю отечественной науки В.Н. Автократов войдет прежде всего как ученый-архивист, внесший большой вклад в развитие отечественного архивоведения. Его перу принадлежит более 90 работ, посвященных истории, теории и практике архивного дела, охватывающих практически все проблемы архивоведения: определение объекта и предмета архивоведения, развитие его методологии, формирование понятийной базы и терминосистемы этой научной дисциплины, разработку типологии фондов и архивных коллекций и др. В работах "Общая теория архивоведения" (ВИ. 1973. № 8) и "Понятие архивный фонд в советском архивоведении 1920-х годов" (АЕ за 1984 г. М., 1986) им изложена концепция архивоведческой теории,

¹ Автократов В.Н. Военный приказ // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. ст. М., 1959; Он же. Первые комиссариатские органы русской регулярной армии (1700–1711 гг.) // ИЗ. М., 1961. Кн. 68; Он же. О некоторых путях восстановления состава и содержания утраченных архивных фондов: (На примере фонда Военного приказа) // ИА. 1961. № 6.

основанной на фондовых категориях. Особое внимание уделено теоретическому и практическому развитию понятий "происхождение" и "архивный фонд". Развивая историко-учрежденческий подход, он убедительно показал ключевое значение данных понятий в формировании теории архивоведения, и прежде всего в вопросах фондирования и внутрифондовой систематизации документов.

В исследованиях В.Н. Автократова отражена и проблема связей архивоведения с такими научными дисциплинами, как источниковедение, история государственных учреждений, эвристика, информатика и др. (Архивоведение в кругу других областей знания // СА. 1973. № 2). Объектом исследований Владимира Николаевича была важная для отечественного архивоведения проблема влияния понятий информационных наук на архивоведение и наличия архивоведческого содержания в отдельных информационных дисциплинах (К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение // ТВНИИДАД. М., 1973. Т. 3). Особое место в архивоведческих трудах В.Н. Автократова занимают вопросы, имеющие практическое значение для архивного дела: экспертиза ценности документов, комплектование архивов современной документацией и использование архивных документов, которые были исследованы им с позиций источниковедения и информатики².

Итогом исследований стала защита в 1982 г. докторской диссертации "Теоретические проблемы советского архивоведения (1960—1970)", где изложена разработанная Владимиром Николаевичем теория отечественного архивоведения. Благодаря исследованиям В.Н. Автократова архивоведение как научная историческая дисциплина получило свое теоретическое обоснование. Необходимость издания докторской диссертации в виде монографии особенно остро ощущается в настоящее время, в период проведения архивной реформы в Российской Федерации. Многие положения и выводы В.Н. Автократова могли бы послужить для теоретической проработки проводимой реформы.

Теория архивоведения разрабатывалась В.Н. Автократовым в тесной связи с историей архивного дела (Из истории советского архивоведения конца 1920-х годов: (Теория археогра-

фии Н.Ф. Бельчикова) // СА. 1982. № 2; Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877—1956) // СА. 1990. № 1, 2).

Много сил было отдано Владимиром Николаевичем в 1970-х годах исследованию документоведческих проблем. Им был внесен большой вклад в разработку ЕГСД и целого ряда стандартов на управленческую документацию.

Видное место в работе В.Н. Автократова занимала научно-редакционная деятельность, а также научное руководство и организация научных исследований. С 1952 по 1964 г. он работал в редакциях журналов "Исторический архив" (отв. секретарь) и "Вопросы архивоведения" (зам. главного редактора), долгие годы был членом редакционной коллегии журнала "Советские архивы". Под его научным руководством и редактированием вышли в свет многие научно-методические разработки ВНИИДАД и ряд томов научных трудов института.

Внимательно и с большой заботой В.Н. Автократов относился к подготовке молодых научных кадров. Под его научным руководством были успешно защищены семь кандидатских диссертаций по актуальным проблемам архивоведения и документоведения. Несколько лет Владимир Николаевич возглавлял государственную экзаменационную комиссию МГИИ, был членом Ученого совета этого института и научных советов ряда центральных государственных архивов.

Даже беглый обзор трудов В.Н. Автократова свидетельствует о том большом вкладе, который он внес в отечественное архивоведение и смежные научные дисциплины. Можно с полным правом утверждать, что без его работ немислимо дальнейшее развитие архивоведения.

Для тех, кто лично знал Владимира Николаевича, он останется в памяти как человек большой душевной щедрости, глубокой культуры, с высоким чувством ответственности за свою работу и развитие любимого архивного дела.

*В.Д. Банасюкевич
О.Ф. Козлов
В.Ф. Янковая*

² Автократов В.Н. Источниковедческий и информационный подходы в теории экспертизы документов: Вопр. анализа архивовед. критериев ценности // Материалы научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М., 1974; Автократов В.Н., Елпатьевский А.В. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами: Источниковед. аспект // Источниковедение отечественной истории, 1975. М., 1976; Автократов В.Н. Вопросы анализа понятийного аппарата в области использования архивных документов // СА. 1980. № 6.

**ВАСИЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ДОРОШЕНКО
(1921–1992)**

24 марта 1992 г. скончался доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Латвии, член-корреспондент Латвийской Академии наук, дважды лауреат Государственной премии Латвийской ССР, заслуженный деятель науки Латвийской ССР Василий Васильевич Дорошенко¹.

В.В. Дорошенко родился 25 января 1921 г. в станице Крымской Краснодарского края, где прошли его детские годы и где он окончил среднюю школу. В 1937–1941 гг. учился на историческом факультете Московского института истории, философии и литературы им. Чернышевского (МИФЛИ), специализируясь по истории западноевропейского средневековья. В августе 1941 г. был призван в армию, после короткой военной подготовки в полковой школе получил звание старшего сержанта, в каком-то провоевал всю войну, пройдя боевой путь от Можайска до Кёнигсберга в составе 2-го Гвардейского артиллерийского истребительно-противотанкового полка. Вернувшись по демобилизации в Москву, прошел курс аспирантуры (с осени 1945 по 1948 г.) на кафедре истории средних веков Московского университета, где защитил кандидатскую диссертацию на тему "Упадок свободного крестьянства в феодальной Саксонии, XV–XVIII вв." под руководством профессора А.И. Неусыхина.

В январе 1950 г. по приглашению профессора Я.Я. Зутиса В.В. Дорошенко переводится на работу в Латвийский университет и Институт

истории АН Латвийской ССР. С того времени вся творческая жизнь В.В. Дорошенко была посвящена исследованию проблем социально-экономической истории Балтийского региона, преимущественно Латвии, и работе со студентами. Особенно привлекали ученого переломные периоды, в частности XVI в., когда происходило утверждение мызно-барщинного хозяйства, оказавшее решающее воздействие прежде всего на положение массы крестьянства. Монография "Очерки аграрной Латвии в XVI в." (Рига, 1960, защищенная в 1963 г. как докторская диссертация), основанная на самой тщательной проработке большого комплекса опубликованных и архивных источников, хорошо была встречена специалистами, положительные рецензии на нее тогда были опубликованы в журналах СССР, Польши, ГДР и ФРГ: Картина социальной и экономической жизни латвийской деревни и мызы в этой книге нарисована автором с предельно возможной полнотой.

Одной из проблем, к которой В.В. Дорошенко проявлял особый интерес, являлась проблема проникновения товарно-денежных отношений в хозяйство помещиков и крестьян. Эта проблема была поставлена в названных выше "Очерках", углубить ее решение позволило автору обращение к хозяйственным книгам крупного феодального феодала – Рижской иезуитской коллегии (монография "Мыза и рынок: Хозяйство иезуитской коллегии на рубеже XVI и XVII вв."

¹ См. некрологи: *Latvijas Zinātņu Akadimijas Vēstis* (Изв. Латв. АН). 1992. № 4; *Latvijas Vēstures institūta Žurnāls* (Журнал Ин-та истории Латвии). 1992. № 2. Список трудов В.В. Дорошенко опубликован в АЕ за 1991 г.

Рига, 1973). Высокая степень "товаризации" владельческого дохода, массовый и повседневный характер актов купли-продажи вполне уживались здесь с крепостным правом и барщиной, наличествовало "сосуществование" натурального хозяйства и товарно-денежных "зон" в экономике развитого феодализма – таков был если не абсолютно новый, то прочно доказанный вывод В.В. Дорошенко.

Затем главной темой исследователя на десятилетия становится история торговли. Он был единственным специалистом по торговле Латвии XIII–XVIII вв. Его монография "Торговля и купечество Риги в XVII в." (Рига, 1985) наряду с данными о структуре экспорта-импорта в широком ареале рижской торговли – от Смоленска до портов на Атлантическом побережье, в Голландии, Англии, Франции, Испании – содержит обильный материал о торговых домах рижских и иностранных купцов, о транспортных издержках и пошлинах, купеческой прибыли и т.д. Перу В.В. Дорошенко принадлежат ряд глав по аграрной истории и все страницы о торговле в коллективных трудах института "Феодальная Рига" (1978), "История Латвийской ССР" (1988), энциклопедических изданиях.

В начале марта 1992 г. В.В. Дорошенко писал: «В настоящее время заканчиваю свой труд (думаю, главный в моей биографии) – "Рига в системе балтийской торговли XVIII в."». Завершить этот труд автору, к великому сожалению, не пришлось.

Для творческого метода В.В. Дорошенко характерно обращение к массовым материалам, позволяющим выявить "длинные серии" цифр, показывающих нечто среднее, типичное. Он

был решительным противником иллюстративного метода и особенно высоко ценил "низкую", "первичную" документацию. Человек огромной трудоспособности, он много работал в архивах Риги, Тарту, Таллина, Москвы, Варшавы, Стокгольма, опубликовал свыше 200 исследовательских работ, участвовал с рефератами в трех международных конгрессах по экономической истории – в Ленинграде (1970 г.), Копенгагене (1974 г.) и Эдинбурге (1978 г.), – на межреспубликанских симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы (12 докладов), выступал с рефератами по проблемам экономической истории Латвии, с последующей публикацией их за рубежом, в Варшаве, Туруне, Ростокке, Прато (Италия), Штральзунде, Тампере (Финляндия), Фалуне (Швеция).

Человек высокой культуры и истинного профессионализма, читавший в подлиннике труды историков на многих европейских языках, В.В. Дорошенко был авторитетен и уважаем в среде ученых, историков, аспирантов и студентов, всякий серьезный исследователь воспринимал как большую честь положительный отзыв В.В. Дорошенко о своей работе.

Враг шаблона и конъюнктурщины, отличный стилист, человек строго логического мышления, точный в своих выводах, В.В. Дорошенко оставил нам труды, научная значимость которых сохранится на многие десятилетия не только для истории Латвии, но и для истории Европы. До последних дней своей жизни он был полон творческих замыслов. Реализацию их оборвала неожиданная смерть.

М.И. Козин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	–	Архив Академии наук СССР
ААЭ	–	"Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук"
АД	–	"Архивное дело"
АЕ	–	"Археографический ежегодник"
АИ	–	"Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией"
АК	–	Археографическая комиссия РАН
АРАН	–	Архив Российской академии наук
АС.-Пб. ФИРИ	–	Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН
АЮЗР	–	"Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, изданные Археографической комиссией"
БАН	–	Библиотека Российской академии наук
БАН СССР	–	Библиотека АН СССР
ВА	–	"Вопросы архивоведения"
ВАН	–	"Вестник АН СССР"
ВВ	–	Византийский временник
ВИ	–	"Вопросы истории"
ВИД	–	"Вспомогательные исторические дисциплины"
ВНИИДАД	–	Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВООПИК	–	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАРФ	–	Государственный архив Российской Федерации
ГАФ	–	Государственный архивный фонд
ГИАУ	–	Государственный исторический архив Украины
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ГУАК	–	Губернская ученая архивная комиссия
ГПБ	–	Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ДАИ	–	"Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией"
ДРВ	–	"Древняя российская вивлиофика"
ДЭ	–	"Детская энциклопедия"
ЖМНП	–	"Журнал Министерства народного просвещения"
ИА	–	"Исторический архив" (журнал)
ИАИ	–	Историко-архивный институт РГГУ
ИЗ	–	"Исторические записки"
ИКП	–	Институт красной профессуры
ИМЛ	–	Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИМЭЛС	–	Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС
ИНИОН	–	Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИОИФ	–	"Известия Отделения истории и философии АН СССР"
ИОЛЯ	–	"Известия Отделения литературы и языка АН СССР"
ИРИ	–	Институт российской истории РАН
ИСССР	–	"История СССР"
КГПИ	–	Казанский государственный педагогический институт
КО	–	"Книжное обозрение"
КП	–	"Комсомольская правда"
ЛН	–	"Литературное наследство"
ЛОИИ	–	Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
МАМЮ	–	Московский архив Министерства юстиции
МАИРСК	–	Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур
МГАМИД	–	Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	–	Московский государственный историко-архивный институт

МГУ	–	Московский государственный университет
МСЭ	–	"Малая советская энциклопедия"
НА РБ	–	Национальный архив Республики Беларусь
НА РМ	–	Национальный архив Республики Молдова
НИИ	–	"Новая и новейшая история"
ОА	–	"Отечественные архивы"
ОИ	–	"Отечественная история"
ОИДР	–	Общество истории и древностей российских
ОЛДП	–	Общество любителей древней письменности
ОПИ ГИМ	–	Отдел письменных источников ГИМ
ОР БАН	–	Отдел рукописной и редкой книги БАН
ОР ГИМ	–	Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОР РГБ	–	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	–	Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки
ОРЯС	–	Отделение русского языка и словесности Академии наук
ПИ	–	"Проблемы источниковедения"
ПИШ	–	"Преподавание истории в школе"
ПДП	–	"Памятники древней письменности"
ПРП	–	Памятники русского права
ПС XI–XIV	–	"Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР"
ПСРЛ	–	"Полное собрание русских летописей"
РА	–	"Русский архив"
РАН	–	Российская академия наук
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	–	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ	–	Российский государственный архив экономики
РГБ	–	Российская государственная библиотека
РГГУ	–	Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
РГПИБ	–	Российская государственная публичная историческая библиотека
РЖ	–	"Реферативный журнал"
РИО	–	Русское историческое общество
РЛ	–	"Русская литература"
РНБ	–	Российская национальная библиотека
Роскомархив	–	Комитет по делам архивов при Правительстве Российской Федерации
РЦХИДНИ	–	Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СА	–	"Советские архивы"
СГГД	–	"Собрание государственных грамот и договоров"
СИБАЛ	–	Международный центр информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья
СИЭ	–	"Советская историческая энциклопедия"
СК	–	"Советская книга"
СКР	–	Союз краеведов России
С.-Пб. ФА РАН	–	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
С.-Пб. ФИРИ РАН	–	Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ТВНИИДАД	–	"Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела"
ТГИМ	–	"Труды Государственного Исторического музея"
ТМГИАИ	–	"Труды Московского государственного историко-архивного института"
ТЛОИИ	–	"Труды Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР"
ТОДРЛ	–	"Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР"
УЖ	–	"Український історичний журнал"
ЦАКА	–	Центральный архив Красной Армии
ЦАУ РСФСР	–	Центральное архивное управление РСФСР
ЦАУ СССР	–	Центральное архивное управление СССР
ЦГАДА	–	Центральный государственный архив древних актов

ЦГАЛИ	-	Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР	-	Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГАОР г. Ленинграда	-	Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Ленинграда
ЦГИА	-	Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИА г. Москвы	-	Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦДТС	-	Центральная детская экскурсионно-туристическая станция Министерства просвещения
ЦМММ	-	Центральный муниципальный архив г. Москвы
ЦМАР	-	Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева
ЦНБ АНУ	-	Центральная научная библиотека Академии наук Украины
ЦХСД	-	Центр хранения современной документации
ЧОИДР	-	"Чтения в Обществе истории и древностей российских"
СІВАІ	-	Centre international d'information sur les sources de l'histoire balcanique et mediterraneenne (см. СІБАІЛ)
GSE	-	"Great Soviet Encyclopedia"
ZG	-	"Zeitschrift für Geschichtswissenschaft"

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Б.Г. Литвак.</i> Археография и историческое исследование.....	3
<i>С.В. Чирков.</i> Из истории факсимильного издания письменных памятников в России (XIX – начало XX в.).....	11
<i>Г.И. Королев.</i> Факсимильные публикации исторических памятников за рубежом.....	23
<i>С.О. Шмидт.</i> Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков.....	39
* * *	
<i>М.Г. Гальченко.</i> О древнейшей рукописи из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.....	77
<i>Н.А. Охотина.</i> О времени основания Валаамского монастыря. (Перспективы изучения источников).....	85
<i>Х.М. Олмстед.</i> (США). К изучению библеистики Максима Грека. Перевод четвертой книги Маккавеев на церковнославянский язык.....	91
<i>А.А. Турилов.</i> Малоизвестные системы восточнославянской книжной тайнописи.....	101
<i>Е.Б. Емченко.</i> Издания Стоглава и задачи научной публикации памятника.....	109
<i>С.Н. Богатырев.</i> Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть первая (1550-е годы).....	119
<i>М.П. Лукичев, Б.Н. Морозов.</i> К истории организации официального летописания XVII в.	134
<i>Ю.В. Андриюшайтите.</i> Новые материалы о книге И.П. Лаптева 1824 г.....	145
<i>Е.В. Чихачева.</i> К вопросу об авторах «Очерка истории кружка "чайковцев"».....	156
<i>Б.Д. Гальперина</i> (С.-Петербург). Документальные публикации по истории трех российских революций. (Опыт публикатора).....	162
<i>Л.И. Шохин.</i> Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России. (Опыт характеристики по архивным документам).....	183
<i>О.В. Пека</i> (Рига). Кадровая политика органов управления архивным делом и место архивов в политической системе советского общества.....	191
<i>Ян ван ден Брук</i> (Нидерланды). Архивы и региональная история. (О роли нидерландского архивного дела в изучении региональной и местной истории).....	200
<i>А.Г. Мосин</i> (Екатеринбург). К 25-летию археографического открытия Вятки.....	204
<i>С.В. Чирков.</i> М.Н. Тихомиров и Полное собрание русских летописей.....	207
<i>И.Л. Беленький.</i> Путь научного поиска. (К юбилею О.М. Медушевской).....	212
<i>Тихомировские чтения 1992 г.</i>	
<i>А.Д. Паскаль.</i> Хроника заседания.....	221

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Ф.А. Петров, А.Д. Яновский.</i> Наполеон. Его семья. Его сподвижники. (Автографы из собрания ГИМ).....	224
---	-----

<i>А.А. Кац.</i> Личные фонды советских государственных и общественных деятелей в ЦМММ....	236
<i>Л.И. Демина.</i> "Автобиографические заметки" Е.Ф. Шмурло о его научной деятельности в Италии (1903–1924 гг.).....	248
<i>С.И. Михальченко</i> (Брянск). Неопубликованная "История Белоруссии" М.В. Довнар-Запольского	254
<i>Б.М. Орлов</i> (Израиль). Русские о Земле Израйля.....	259
<i>А.Д. Паскаль.</i> Новый справочник по старообрядческим изданиям конца XVIII – начала XIX в.....	262
<i>С.О. Шмидт.</i> К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича.....	267
<i>Л.Н. Пушкарев.</i> Нужная, полезная книга (о монографии М. Абапидзе).....	278
Список печатных трудов С.О. Шмидта.....	281
Список печатных трудов С.М. Каштанова.....	308

III. Публикации

Список сторонников царя Василия Шуйского. (Новая находка в Шведском государственном архиве) (подгот. И.О. Тюменцев, Волгоград).....	317
Департамент полиции о "вредном направлении" В.И. Семейского (подгот. Н.А. Троицкий, Саратов).....	319
Неопубликованная статья "О фигуре умолчания в исторической науке" В.П. Данилова и С.И. Якубовской (1965) (подгот. А.А. Курносов)	324

IV. Хроника

<i>А.Д. Паскаль.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1992 г.....	337
Новые издания Археографической комиссии.....	339
<i>Н.А. Кобяк.</i> Археографические экспедиции 1992 г.....	339
<i>С.В. Чирков.</i> 70-летие С.О. Шмидта.....	340
<i>М.Т. Лепехин</i> (С.-Петербург), <i>Н.Н. Жервэ</i> (С.-Петербург). Конференции конца 1992–начала 1993 г., посвященные 225-летию со дня рождения митрополита Евгения (Болховитинова).....	346
<i>С.О. Шмидт.</i> Александр Михайлович Самсонов (1908–1992).....	353
<i>Б.Н. Флоря.</i> Владимир Борисович Павлов-Сильванский (1929–1992).....	355
<i>В.Д. Банасюкевич., О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая.</i> Владимир Николаевич Автократов (1922–1992).....	357
<i>М.И. Козин</i> (Рига). Василий Васильевич Дорошенко (1921–1992).....	359
Список сокращений.....	361

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 1992 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории РАН*

Зав. редакцией "Наука-История" *Н.Л. Петрова*
Редактор издательства *Л.М. Кузнецова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректор *Ф.Г. Сурова*

**Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике**

ИБ № 1301

ЛР № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 08.11.94

Формат 70×100 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 29,9. Усл.кр.-отг. 29,9. Уч.-изд.л. 35,4

Тираж 770 экз. Тип. зак. 3 2 17.

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

**Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, В-34,9-я линия, 12**

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

вышла из печати книга:

14 декабря 1825 года и его истолкователи: (Герцен и Огарев против барона Корфа). 32 л.

Публикация продолжает воспроизведение исторической серии Вольной русской типографии. В ее основе лежат книги «14 декабря 1825 года и император Николай. Издано редакцией "Полярной Звезды" по поводу книги барона Корфа» (Лондон, 1858) и "Восшествие на престол императора Николая I-го" (СПб., 1857). Кроме этих двух книг, каждая из которых является величайшей библиографической редкостью, издание включает "Записки" Николая I, его пометы на полях рукописей и книги Корфа, ответы Корфа на критику Герцена и Огарева и другие материалы. Таким образом, читатель получит ценный документальный комплекс, воссоздающий момент русской истории – междуцарствие и восстание 14 декабря 1825 года.

Для историков филологов, преподавателей.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга-почтой"

117393 *Москва*, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 *Санкт-Петербург*, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга-почтой":

690088 *Владивосток*, Океанский пр-т, 140 ("Книга-почтой"); 620151 *Екатеринбург*, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); 664003 *Иркутск*, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); 660049 *Красноярск*, пр-т Мира, 84; 103009 *Москва*, ул. Тверская, 19-а; 117312 *Москва*, ул. Вавилова, 55/7; 117383 *Москва*, Мичуринский проспект, 12; 630076 *Новосибирск*, Красный пр-т, 51; 630090 *Новосибирск*, Морской пр-т, 22 ("Книга-почтой"); 142284 *Противно* Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 *Пушино* Московской обл., МР "В", 1 ("Книга-почтой"); 443002 *Самара*, пр-т Ленина, 2 ("Книга-почтой"); 191104 *Санкт-Петербург*, Литейный пр-т, 57; 199164 *Санкт-Петербург*, Таможенный пер., 2; 194064 *Санкт-Петербург*, Тихорецкий пр-т, 4; 634050 *Томск*, наб. реки Ушайки, 18; 450059 *Уфа*, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); 450025 *Уфа*, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане:

420043 *Казань*, ул. Достоевского, 53

7.000

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

1992